

УДК 908(571.66)
ББК 63.3(2Камч)
В74

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 10. — Петропав-
В74 ловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2016. —
688 с., ил.

Рубрика «Камчатская историческая библиотека» включает роман «Камчадалка» — первое художественное произведение о полуострове, написанное в первой трети XIX в., а также материалы, характеризующие жизнь и творчество общественного деятеля 1910-х гг. А. А. Пурина. Авторские статьи рубрики «Восполняя белые пятна» расширяют представления об общественно-политической обстановке на Камчатке в начале 1920-х гг., о камчатских персоналиях, включая биографические сведения о представителях различных слоёв камчатского населения, рассказывают об истории г. Петропавловска-Камчатского. Рубрика «Автопортрет времени» содержит отчётные материалы о состоянии Камчатки в 1870-х гг. и протоколы первого Камчатского областного съезда, состоявшегося летом 1917 г. В рубрике «От первого лица» старожилы полуострова рассказывают о некоторых аспектах морского транспортного и геологического освоения полуострова и некоторых особенностях жизни здесь в начале 1950-х и в 1970-х гг.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2016
© С. В. Гаврилов,
составление, 2016
© Авторы, 2016

ISBN 978-5-87750-326-7

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
---------------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>И. Т. Калашников.</i> Камчадалка	6
<i>А. А. Пурин.</i> В дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае (1917—1918 гг.)	196
<i>А. А. Пурин.</i> О землетрясениях на Камчатке и их регистрация	262

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>А. Ф. Пасечник.</i> Организация и деятельность народной охраны на Камчатке в период с января 1920 по октябрь 1921 г.	272
<i>С. В. Гаврилов.</i> Петропавловск. Год 1933-й	287
<i>В. П. Пустовит.</i> Камчатские персоналии (1917—1991) ...	369

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

Записка о полуострове Камчатке... <i>П. Н. Козика</i>	497
Записка о Камчатке... <i>П. Г. Сулковского</i>	525
Первый Камчатский областной съезд 20 июля — 9 августа 1917 г. Протоколы	542

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>В. И. Макаров.</i> Путь к морю	597
<i>Р. А. Ремизов.</i> Камчатская геология в 1969—1983 гг.	659
От редактора	681
Содержание ежегодника «Вопросы истории Камчатки» за 2005—2016 гг.	684

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета Камчатского государственного технического университета. Область научных интересов — история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор четырнадцати книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Член Союза писателей России, Камчатского морского собрания, лауреат премий: историко-краеведческой им. С. П. Крашенинникова, историко-литературной им. Е. В. Гропянова, Камчатской краевой государственной.

Макаров Виктор Иванович — ветеран морского транспортного флота, судоводитель, инженер-судомеханик, ветеран труда. Флотскую службу начал весной 1950 г. матросом на судах Камчатско-Чукотского государственного морского пароходства, куда прибыл по распределению после окончания Рижской мореходной школы. Автор ряда научных трудов и документальной повести «Гибель “Декабриста”», посвящённой капитану С. П. Беляеву, в честь которого названа одна из улиц г. Петропавловска-Камчатского. Живёт в г. Москве.

Пасечник Александр Фёдорович — кандидат исторических наук, преподаватель Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, подполковник внутренней службы в отставке. Область научных интересов — история правоохранительных органов Дальнего Востока. Автор ряда научных публикаций.

Пустовит Валентин Петрович — историк, писатель. Область научных интересов — история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор нескольких книг, многочисленных научных и научно-популярных публикаций. Председатель редколлегии двух изданий Книги Памяти камчатцев, погибших во Второй мировой войне (1995 и 2008). Член Союза писателей России, камчатского Крашенинниковского краеведческого общества, лауреат Камчатской краевой государственной премии.

Ремизов Рэм Александрович (1933—2006), бывший начальник Камчатского территориального геологического управления «Камчатгеология», на полуострове работал с 1969 по 1983 г. После выхода на пенсию жил в Калининградской области.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Впервые в этой рубрике мы представляем не монографию, воспоминания или путевые заметки, как обычно, а роман, приключенческое повествование, согласно узкому классическому определению, «сосредоточенное на судьбах влюблённых, стремящихся к единению». В нём есть всё — любовь, интриги, предательство, благородство, потерянные в раннем возрасте и обрётённые спустя годы дети, то есть сюжетные линии, развиваемые в пользуемых сейчас столь большим спросом латиноамериканских сериалах. Для нас же он ценен тем, что представляет первое в России художественное произведение, посвящённое Камчатке. Автором этого романа с характерным названием «Камчадалка», ставшего одной из первых попыток изображения российской провинциальной жизни, является И. Т. Калашников. Этот знаток Сибири и Дальнего Востока провёл детство и молодые годы в Иркутске — тогдашней сибирской столице.

Первое издание «Камчадалки» вышло в Санкт-Петербурге в 1833 г. и было отпечатано в типографии штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, второе — тоже в Санкт-Петербурге в 1842 г. в типографии А. Иогансона. Роман получил хорошие отзывы столпов нашей словесности. А. С. Пушкин писал автору: «Я хочу лучше повторить Вам мнение Крылова, великого знатока и беспристрастного ценителя истинного таланта. Прочитав “Дочь Жолобова” (первый роман И. Т. Калашникова, 1831. — Ред.), он мне сказал: ни одного из русских романов я не читывал с большим удовольствием. “Камчадалка”, верно, не ниже Вашего первого произведения. Сколько я мог заметить, часть публики, которая судит о книгах не по объявлениям газет, а по собственному впечатлению, полюбила Вас и с полным радушием приняла обе Ваши пьесы...»

А вот что сказал о втором издании «Камчадалки» Н. А. Некрасов: «...принадлежит к числу тех книг, которые можно прочесть два и три раза с одинаким удовольствием. Обычай и нравы камчадалов, картины сибирской природы, которые г. Калашников умеет так мастерски иллюминировать и оживлять, невольно увлекают ваше любопытство и представляют вам предмет совершенно новый и в высшей степени интересный. Некоторые характеры

этого романа обрисованы весьма удачно, и нить самих происшествий занимательна, потому что драма разыгрывается между свежим и малоизвестным нам народом».

Известно, что оба наших классика были заинтересованы камчатской темой как под воздействием эпохального труда С. П. Крашенинникова, так и «Камчадалки», и задумывали собственные произведения на эту тему, следствием чего в определенной степени является малоизвестный роман Некрасова «Три стороны света».

Героиня повести М. Горького «В людях» хромая девушка Людмила представляла «Камчадалку» как пример «правильных» любовных отношений: «Я ещё маленькая, меня нельзя трогать и щипать, и всё... ты бы вот прочитал роман “Камчадалка”, часть вторая, да и говорил бы! ...Через несколько минут она предложила мне, оглядываясь: “Слушай, — давай спрячемся куда-нибудь и станем читать «Камчадалку» — хочешь? ...И вот она сидит, боком к окну, вытянув больную ногу по скамье, опутив здоровую на пол, сидит и, закрыв лицо растрёпанной книжкой, взволнованно произносит множество непонятных и скучных слов. Но я — волнуясь. Сидя на полу, я вижу, как серьёзные глаза двумя голубыми огоньками двигаются по страницам книжки, иногда их увлажняет слеза, голос девочки дрожит, торопливо произнося незнакомые слова в непонятных соединениях. Однако я хватаю эти слова и, стараясь уложить их в стихи, перевёртываю всячески, — это уж окончательно мешает мне понять, о чём рассказывает книга... Когда стало темно, Людмила, опустив побелевшую руку с книгой, спросила: “Хорошо ведь? Вот видишь...”»

Ниже нами воспроизведён текст второго издания (1842) по оригиналам, хранящимся в библиотеке Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН (первая и вторая части) и Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова (третья и четвёртая части).

И. Т. КАЛАШНИКОВ

КАМЧАДАЛКА

Иван Тимофеевич Калашников (22 октября 1797 г., г. Иркутск — 8 сентября 1863 г., г. Санкт-Петербург), русский писатель, поэт. Окончил губернскую гимназию в Иркутске. С 1813 г. — подканцелярист Иркутской казённой экспедиции. В 1819 г. по поручению генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского занимался составлением «исторического и ста-

тистического описания поселений Иркутской губернии». В 1822 г. переведён в Тобольск, в 1823 г. — в Санкт-Петербург, где назначен столоначальником в Министерстве внутренних дел. В 1827 г. — начальник отделения в Департаменте уделов, в 1830 г. — правитель канцелярии Медицинского департамента. В 1859 г. в чине тайного советника, соответствующего армейскому генерал-лейтенанту, вышел в отставку. Первая публикация — краеведческие очерки об Иркутске и Иркутской губернии — появилась в 1817 г. С 1828 г. печатал стихи в журнале «Сын Отечества». Его перу принадлежат также повести «Изгнанники» (1834), «Жизнь крестьянки» (1835), романы «Дочь купца Жолобова» (1831, 1842), «Автомат» (1841), воспоминания «Записки иркутского жителя» (1905).

ОТ СОЧИНТЕЛЯ

...Описываемое мною в настоящем романе происшествие, имеющее сценою своею Камчатку, я отнёс к концу прошедшего столетия, когда управление Камчатки было ещё устроено на общем учреждении о губерниях и когда большая часть камчадалов ещё сохраняла вполне свою веру и обычаи. После же того положение их весьма изменилось, и в худом и в хорошем отношениях, как-то: первое: они претерпели ужасную повальную болезнь, истребившую в начале минувшего царствования большую часть народонаселения Камчатки, так что в острожках, имевших душ сто и более, осталось после оной не более пятнадцати, а инде (там, в другом месте) и менее; второе: приняли все христианскую веру, а с нею вместе и многие русские обычаи и третье: получили удобнеее и сообразнейшее как с нравами их, так и вообще с местным положением Камчатки управление и в быту своём во многом улучшились, особенно со времени пребывания в Камчатке Петра Ивановича Рикорда, оставившего по себе память начальника умного, безкорыстного и проникнутого живым рвением ко благу вверенной ему страны.

I. НОВЫЙ МЕТАФИЗИК

Камчатка! Вот слово, которое и в самой Сибири, то есть, по мнению многих, в царстве вечной зимы, составляет предмет страха и удивления! Какова же должна быть сия страна? Но ничего не бывало! И Камчатка, как никакая другая страна в мире, имеет свои невыгоды, правда; но и свои выгоды, свои бури и своё ведро, свои снега и свои цветы. Преимущественно внутренния земли пользуются климатом весьма умеренным и даже, можно сказать

без увеличения, благорастворённым; берега, хотя менее плодородны, но также нельзя назвать, особливо восточный, совершенно неудобными к народонаселению; только одна южная часть, называемая Лопаткою, отличается суровостию климата и бесплодностью почвы. Это есть обширная, с юга на север более ста вёрст простирающаяся бесплодная пустыня, в самой южной оконечности необитаемая и покрытая тундрою, далее же к северу загромождённая сопками, придающими ей вид, особенно со стороны моря, самый дикий и печальный.

Посреди сего необъятного кладбища природы, в окрестностях реки Озерной по юго-западному берегу моря в первых числах ноября тянулось несколько санок, по-камчадалски: шежхедов, запряжённых собаками. В каждом шежхеде было по целому цугу, или, по-тамошнему, по нарте собак, то есть по пяти, из коих четыре были заложены попарно, а пятая — впереди. Шежхед есть самая лёгкая санки, состоящая почти из одних полозков и четырёх довольно высоких копыльев с укрепленною на них ремнями тонкою решёткою, на которой помещается седок.

Двум седокам на одном шежхеде ехать нельзя, а потому и в описываемом нами караване путешественники сидели каждый на особом. В одном из них сидел старик с большою седой бородою, но ещё свежим лицом, в чертах которого была заметна особенная доброта и кроткая важность, спутница лет и опытности. Подле него двигалась длинная, нескладная фигура, которой ноги едва умещались на полозках (на шежхедах сидят обыкновенно, спустив ноги на правую сторону), руки преважно были сложены на груди, а маленькая, со вздёрнутым носом, одноглазая головка значительно обозревала вокруг себя, показывая вид глубокого внимания и размышления. Впереди сих путешественников ехала девушка, по-видимому, лет шестнадцати, собою прекрасная, смотревшая с величайшею беззаботливостию на окружавшие её предметы и то приближавшаяся к каравану, то вдруг пускавшая собак рысью и далеко уезжавшая от своих сопутников. Все трое были одеты по-камчадалски, с тою только разницею, что старик и девушка имели на себе платье наряднейшее, нежели их товарищ; различия же между мужским и женским платьем не было никакого. На двух первых были олени парки, то есть похожие на рубашку с узкими рукавами и с кулем назади для покрытия головы вместо шапки, вывороченныя вверх шерстью шубы, у которых ворот и подол были обшиты щеголеватым, по-камчадалской моде, подзором и опушены бобром. На длинном же товарище их была наде-

та подобная парке, только меньшей длины, с широкими рукавами, куклянка, сшитая частью из звериных, а частью из птичьих кож, с таким же кулем, как у парки, и, сверх того, с длинным хвостом. На ногах у старика и девушки были торбасы, то есть сапоги с красными из тюленьей кожи головами и с замшевыми голенищами, также украшенными преузорочными подзорами, а на спутнике их камасы, или сапоги, из оленьей кожи вверх шерстью. Само собою разумеется, что такой же наряд имели на себе человека четыре камчадал, сидевших в остальных шежхедах.

Караван тянулся по горе. День был довольно тёплый в отношении ко времени, но сумрачный. Серая облака висели грядями по небу, далеко-далеко простираясь на юго-запад по безпредельному горизонту и наконец сливаясь с водами океана, посреди котораго на самом краю небосклона возвышался выходящий из бездн уединённый Алайд, вечно курящийся как неугасимый жертвенник Бога Вселенныя (Алайд — огнедышущая сопка, стоящая посреди моря в разстоянии вёрст пятидесяти от берега). На северо-востоке, среди синевшихся хребтов, также курились многия горы, меж которых владычествовала сопка Опальная, не уступающая высотой Tenerifскому пику. Вообще же горы были покрыты снегом, по которому при подошве их разстилался в падах густой туман как вечный траур сей печальной страны. Вокруг на великое пространство не было видно ни одного деревца, на котором взор, утомлённый скучным единообразием, мог бы отдохнуть, как при встрече со своим знакомцем; не было ни одного существа живаго, как в области смерти. Кругом всё молчало! И только глухой, протяжный, подобный самому отдалённому, но великому грому, вечный стон сулоев нарушал безмолвие пустыни, да ещё доносились изредка по ветру дикой рёв сивучей и пронзительные крики чаек, кружившихся вдалеке над морем. (Сулои — валы, ходящие во время прилива и отлива. Между первым Курильским островом и Лопаткою сулои бывают так велики, что в самую тихую погоду имеют от двадцати до тридцати сажений высоты.)

— Смотри-ка, Камак! — сказал один из камчадалов своему товарищу. — Ведь эти чайки уж верно завидели кита дохлаго... Да куда ты смотришь? Вон направо-то, к Алайду.

— Вижу, вижу теперь! — отвечал Камак. — Да что толку! — прибавил он с неприятным огорчением. — Ведь нам, брат, и косточкой поживиться не удастся!

— А может статься, и никто не поживится кроме гамулов (духов)! Ведь они, брат, не по-нашему ловить-то умеют!

— Неужто?

— Знать, ты не говаривал со стариками? Как же! Ведь гамулы только и дела делают в Опальной сопке, что китов варят да едят, а ловят их по ночам.

— Вишь ты! А что, в Алаиде есть они?

— В Алаиде-то? Этого не знаю: ведь эта гора не на своём месте.

— Что ты говоришь?

— Да точно так! Вишь, она прежде стояла на том месте, где теперь озеро, из котораго течет Игдыг (река Озерная, вытекающая из Курильского озера).

— Врёшь?

— Да так! Вишь, она была всех тут выше, так прочия горы и стали на неё все сердиться да бранить её... Ну, слышь, житья ей не было! Вот она терпела, терпела, наплевала на них, да и ушла на море...

— Экое чудо, парень!

— Да уж чудо не чудо, а так точно! Видишь ли: вон одна гора, как будто чем сдавлена, как будто кто ступил?

— Вон эта-то, что направо?

— Да, да!

— Вижу. Так что же?

— А то, что, когда Алаид стал подыматься с места, так опёрся на эту гору, да и сломил с нея верхушку...

— Вишь ты! А кабы, брат, он и все горы-то посломал бы, то-то бы хорошо! Закатывай бы на собаках, да и только, а уж упасть не бойся!

— А по мне, так лучше, кабы все оне в море перебрались, да нет, брат, и из них не всякая в воду-то идёт...

— Неужто?

— Да точно! Вон гора Шевелич, знаешь, что недалеко от Нижнекамчатска, стояла прежде на том месте, где теперь Кронотское озеро. Тут, слышь, ей житья не стало от еврашек: принуждена была перейти на нынешнее место, а в море не пошла!

— Не пошла? Вишь ты! А ведь бают старики, что все эти горы понаделал Кутха (бог камчадальской)...

— Вестимо, что он, тюлень проклятый! Вон, смотри-ка в эту сторону-то!

— В эту?

— Да! Видишь, белеется-то? Ведь это его баты (в девяти верстах от реки Озерной есть беловатый утёс, который имеет вид челноков, поставленных перпендикулярно).

— Э!

- Да так! Он ведь в здешних местах жил.
- А откуда же он прикочевал сюда?
- Откуда! Ведь он прежде жил на небе.
- Что ты врёшь?
- Право! Вишь, их было три брата: один жил на небе, другой на море, а третий в аду...
- Что же они там делали?
- Ничего! Жили, как тойоны (тойон — начальник).
- Вишь ты!
- А после Кутха с сестрой своей Хутлыжичею с неба-то сошли...
- Знать, надоело?
- Кто их знает! Да и землю-то с собой стащили. Сперва Кутха жил недалеко от речки Улкал-Вай... ну знаешь, что течёт... если ехать по берегу от устья реки Камчатки в Корякскую землю, по-русски — на север?
- Как не знать! Ведь на этой речке моего отца медведь драл, и с тех пор ещё все дразнили его «дранкою»...
- Так долго ли, коротко ли тут жил Кутха, никто не знает, только под конец разсорился со своей женой, схватил её за волосы, да и давай таскать...
- Дело!
- Так её, слышь, отстряпал, что на том месте, где он бил её, сделалась ложбина и потекла речка...
- Вишь, брат, он сердитый!
- Да, знать, что так! Вскоре после этой драки он и переселился в здешния места да и промышлял рыбу, разъезжая по морю вон в этих батах...
- А что? И рыбы много ловил?
- Говорят, что-де видимо-невидимо!
- Эка, брат!
- А потом вдруг наскучило, что ли, бросил баты, да и пошёл на лыжах куда глаза глядят. Вот тогда-то горы-то и понаделались!
- Неужто? Да как же это?
- А, вишь, говорят, что он уж де больно крепко шлёпал ногами, так что всю землю исперепортил; она-де гнулась под ним, как тонкой лёд, да так и осталась: вот и стали горы!.. Чтoб ноги-то у него отсохли!
- Уж подлинно: чтoб отсохли! Экой сивуча! Да что он, мухомора, что ли, объелся (мухомор — гриб, употребляемый вместо вина, сухой и настоящий на воде)?
- Кто его знает! Вишь, окаянный, расходился! На добро, так нет его, а спакостить, так его дело! Чтoб ему...

— Слышите ли, отец Пётр, — сказал длинный путешественник своему пожилому товарищу, — как камчадалы чествуют своего Кутху за то, что наделал горы?

— Да! — отвечал старик. — Они повторяют это при каждом спуске и подъёме с горы, потому что хуже и глупее своего Кутхи никого не почитают. Что делать? Сколько я ни старался в течение целых сорока лет проповедывать здесь имя Христово, всё почти понапрасну: знать, не угодно ещё это Его святой воле! Кажется, ещё весьма долго не узнают эти бедные слепцы своего Создателя!

— Да ведь, если сказать правду, — подхватил дьячок, — так и мы ещё не совсем знаем: откуда и как всё это произошло.

— Тут и знать нечего, — возразил протопоп. — Это свыше нашего понятия! Довольно для нас, что сказано: «Рече — и быша, повеле — и создашася».

— Так, отец святой! Конечно, Писание говорит, но если пораздумать порядком... Ах, я этою материею занимался весьма много! С тех пор, как я вступил в класс философии, это была моя любимая мысль. Я изучал древних со всем прилежанием, и, не хващаючи сказать, свет их не втуне сиял для моего умственного ока...

— Жаль, брат, — прервал протопоп, стараясь скрыть своё неудовольствие под видом шутки, — что ты смотрел одним оком. Лучше было бы, когда бы ты мог глядеть, как говорится, во все глаза...

— Смейтесь, святой отец, — продолжал дьячок, — но я вам доложу чистосердечно, что, открывая какую-нибудь важную истину, я, бывало, прихожу в восторг и скачу по бурсе, словно помешанный...

— Я и не сомневаюсь в этом, — говорил протопоп в том же тоне.

— Все важнейшия мнения и толки, — продолжал дьячок, — были мною выучены, соображены и взвешены на весах разума. О! Какая истина заключается в учении философов! Например, по сказанию знаменитого Трога Помпея, иные из восточных мудрецов приписывали происхождение мира огню, а другие — воде. Анаксимен же утверждал, что всё произошло из воздуха. Напротив, Демокрит доказывал, что Вселенная составилась из атомов, то есть маленьких кусочков, сцепившихся между собою посредством крючков, а Гераклит учил, что земля есть густой огонь, а вода есть земля, растопленная в огне. Наконец...

— Ужели есть конец этому вздору?! — невольно воскликнул протопоп.

— Вы властны называть это, как хотите, но я уверяю вас, что среди всех этих, по-видимому, разнообразных мнений, я нашёл

одно неложное и готов утверждать его пред лицом всей Вселенной...

— Господи помилуй! Что это за пустой человек! — тихо говорил протопоп, вздыхая.

— Готов утверждать его! — повторил дьячок с величайшим жаром, делая самые глупые жесты. — Оно состоит в следующем: поелику каждое действие или произведение должно иметь свою довольную причину, *principium rationis sufficientis*; а мир есть произведение: *ergo*...

Но он не успел окончить своего силлогизма. Во время его разглагольствования караван начинал спускаться с горы. Протопоп и прочие спутники его, исключая философа, притянули ближе к шежхедам передовых собак, дабы они задерживали нарту; философ же, со всею пламенностью учёнаго мужа вознесясь духом горе, не чувствовал, что тело его спускается под гору, и не принял предосторожности. Между тем девушка, ехавшая впереди каравана, желая подшутить над оратором, бросила кусок юколы (юкола — сушёная рыба). Нарта мудреца кинулась опрометью за куском, так что он не успел воткнуть оштола (оштол — заострённая палка, которую втыкают в снег, когда хотят остановить собак) и при первом сильном толчке быстро вылетел из саней, которые, опрокинувшись, покрыли его и тащили с собою. Напрасно кричал он охриплым голосом: «Ээ! Ээ!» (крик, останавливающий собак) — собаки не останавливались и продолжали бежать. Наконец голос его умолкал, а последния слова его, слышимыя издали, были: «*Valete omnes!*» (прощайте все!).

II. ИСТИННЫЙ ПАСТЫРЬ

Подобно многим великим поборникам истины, от Эмпедокла до изобретателя пршенных крыльев (крестьянин, изобретший крылья для летания по воздуху в начале царствования Петра Великаго и наказанный за неудачу), описанный в предыдущей главе знаменитый муж также пострадал бы, вероятно, за пламенную любовь свою к ней, если бы по, счастью его, девушка, увидев неприятныя последствия своей шутки, не успела броситься к нему навстречу и удержать собак в то самое мгновение, когда оне были уже за несколько шагов от пропасти; ибо гора, подходя одною стороною к морю, окончивалась утёсом, котораго огромныя гранитныя глыбы, оторванныя, вероятно, землетрясением, лежали грядами на узком берегу, служа убежищем для стаи сивучей, отдохавших

на них стадами. Вскоре подъехали туда и остальные путешественники. Камчадалы подняли санки, вытащили оттуда обезпамятевшего от страха дьячка и принялись его обметать.

— Ну, брат Степаныч! — сказал подошедший к нему протопоп. — Быть бы тебе сегодня во чреве сивуча... Экая бездна их под горою! Хорошо, что подоспела Маша!

Дьячок, собираясь с духом, не мог выговорить ни слова. Губы его дрожали, и на лице были ещё яркие черты малодушного испуга, которому обыкновенно предаются люди, ставящие себя в спокойном положении несравненно выше прочих смертных.

— Вот то-то же, Степаныч! — продолжал протопоп, смотря на него с видом невольного презрения и жалости. — Теперь ты дрожишь, как лист, а давеча так выше облаков занёсся! Видишь ли, как Бог-то скоро наказывает вашего брата-вольнодумца? Ты не успел ещё разболтаться, а уж щелчок тебе и готов! Ступайте все вперёд, а мы со Степанычем спустимся пешком.

В сие время девушка, не дожидаясь приказа, была уже на своём шежхеде и продолжала спускаться, а вслед за нею потянулись и камчадалы, закричав собакам: «Ха, ха!» (крик понудительной), «Ках, ках!» (крик при повороте направо).

— Не понимаю, — говорил протопоп, продолжая своё наставление, — как можно быть так слепу! Шутка ли, сколько тебе уж досталось за твоё глупое высокоумие! Должен был ты приехать назад сюда, этакую даль! Ну, если бы жив был твой покойный родитель, отец Степан, что бы было? Ведь сказать страшно! Ты бы уморил его этим! Пять лет целых потерял ты втуне: давным бы давно тебе следовало быть священником! Да и теперь, хоть и кончится срок твоего искуса, что я напишу о тебе пресвященному? Срам, да и только! Я думал: слава Богу, он исправился; а ты! Экое чудо, Господи! Нет, брат, не таков был твой отец! Я с ним двадцать лет прожил в Паратунке (острожек недалеко от Петропавловска. Там прежде была церковь); человек был честный, благомыслящий, подлинно христианская душа! И кабы я не дал ему слова: песчись о тебе, давно бы я, брат, пустил тебя на волю Божью; коли сам о себе не радеешь, так не на кого пенять! Правильно сказано: «Язык наш — враг наш». И Писание говорит: «Скверных же тщеславий отменяйся: наипаче бо преспеют в нечестие...»

В продолжение сего монолога камчадалы, съехав с горы, закричали все в голос: «Духстехтич! Духстехтич!» — и пустили собак, обгоняя друг друга, к складенному из камней столбу. Подъехав к оному, каждый из камчадалов бросил к подножию его по горстке

порсы (сушёная, толчёная рыба) и с криком «Хуг, хуг!» (налево!) пустился обратно.

— Вон, посмотри, — говорил протопоп, указывая на жертвоприносителей, — что делают камчадалы! Они приносят жертву богу, не Кутхе, но богу неведомому, по их Духстехтичу. Скажи же ты мне: чем твои греки и римляне, которыми ты бредишь, чем эти всемирные учителя были умнее глупых камчадалов? Не то же ли самое толкуют и камчадалы, что проповедывали столь прославляемые афиняне? Тот же Юпитер, тот же Нептун, тот же Плутон, тот же неведомый бог...

— Но ведь я, святой отец, — сказал почтительно дьячок, начавший оправляться, — говорил только о мнении философов...

— Глупый ты, глупый! Да что значат эти философы? Слепцы, которые друг друга толкают с дороги, вдали, которые стараются объяснить то, чего сами не понимают! Если, например, рассмотреть хорошенько хотя то, что ты рассказывал, так что выйдет? Чепуха! Один утверждает, что всё вышло из воды, другой — из огня. Кому прикажешь верить? И чем это достовернее того, что земля стащена с неба Кутхою? Так-то, брат, заблуждается человек, когда, забыв Бога, пойдёт своею дорогою! В Писании сказано коротко, но так сказано, что никто в свете уже не скажет лучше: «Вся тем быта, и без него ничто же бысть, еже бысть».

При сем тексте от глубокой полноты чувств слёзы показались на глазах старца. Помолчав несколько, он продолжал:

— Оставь, брат Степаныч, пожалуйста, оставь своё дурачество: в мудровании толку нет! Разум кричит и увлекает нас в погибель. Без веры человек бродит во тьме, кто бы он ни был: греческий ли мудрец или камчатской шаман. Один только есть свет — свет веры, иже во тьме светится и тьма его не объят.

Много подобного говорил протопоп в наставление своего неверующаго. Речь его была исполнена силы и помазания, которое есть плод недолговременнаго учения, но единственно христианской любви и живой уверенности в истинах религии. Священник сей был тот знаменитый Верецагин, который умел стяжать уважение у самых англичан, известных своею скупостию на похвалы для иностранцев, и о котором с величайшим уважением отзывался сопутник славнаго Кука, капитан Кинг, начальствовавший над кораблями «Резолюция» и «Дисковери» по смерти капитана Клерка. Не столько образованный, сколько одаренный здравым умом, притом одушевлённый всегда одинаковым, самым пламенным усердием к своему делу, он в течение многолетняго пребывания

своего в Камчатке первый насадил там семена христианства и, приобретя всеобщую любовь камчадал, оставил по себе память ревностнейшего пастыря и добродетельнейшего человека. Имея постоянное пребывание сперва в Паратунке, а потом в Петропавловске, он почти ежегодно объезжал всю свою обширную паству и нередко проводил целые месяцы, странствуя с величайшим самоотвержением по пустынным Курильским островам и переплывая море на утлых байдарах. Таковы были в первые времена и таковы бы должны быть всегда проповедники Иисуса!

Сопутник Верецагина, дьячок по прозванию Шайдуров, был, как и выше можно видеть из слов протопопа, сын паратунского священника, учился в Иркутской семинарии и выслан оттуда обратно за глупое вольномыслие с тем, чтобы прожить несколько лет в Камчатке под надзором протопопа в чаянии исправления. Впрочем, надобно сказать правду, Шайдуров на самом деле не был настоящим, обдуманым вольнодумцем, ибо не имел никакого постоянного мнения. Начитавшись разных философских толков, он сам сбился совершенно с толку и не мог ни на чём остановиться. Понятия в голове его — как и обыкновенно случается с вольнодумцами — перепутались, и в этой сумятице, вовсе погасившей свет ума, данного ему от природы, он стал, в полном смысле сего слова, учёный дурак. Чрезвычайное высокомерие, следствие высокого о себе мнения, и удивительное легкомыслие, признак глупости и источник нерешительности и переменчивости чувств, были его отличительными чертами. Это были, можно сказать, два полюса, около которых обращались все его действия и которые то отвергали, то притягивали к себе и самыя истины религии; так что Шайдуров был по временам и христианин, и безбожник, и человек честный, и решительный бездельник. И потому-то, когда протопоп окончил выше сказанное наставление, Шайдуров, на сей раз смиренный страхом смерти, почти согласился с ним и отвечал со всею искренностью:

— Ах, отец Пётр! Я сам чувствую, колико я согрешаю, но что мне делать? Я сам не волен в себе, я сам смотрю на себя, как на лице постороннее, дивлюсь поступкам своим и не имею сил управлять ими!

— Так всякой человек то же сказать может, — говорил протопоп. — Всякой чувствует внутреннюю борьбу добра со злом, но в том-то и дело, брат, что надо превозмогать себя.

— Стану, стану стараться, святой отец, и даю вам честное слово исправиться.

— Ах, Степаныч! Кабы ты в самом деле взялся за ум, весьма бы, брат, ты порадовал меня!

— Одно останавливает меня, отец Пётр! — сказал дьячок с некоторою запинкою.

— Что такое?

— Не вижу никакой цели, для чего бы мне хлопотать о себе. Что я? Не то же ли, что и этот столб? (Дьячок указал на жертвенник.) Он и я, стоим одни-одинехоньки посреди пустыни! Некому разделить со мною ни радости, ни печали! На других посмотришь... Deus immortalis! Все цветут, аки крин сельный, а я?

— Да кто же тебе, брат, мешает не быть одиноким? Ведь отец Григории Большерецкой совсем был готов отдать за тебя свою дочь, да сам же ты спятился, только сраму наделал! А отца Прокопья Нижнекамчатского кто одурачил? Чай, известно тебе!

— Ах, отче! Если бы вы знали мои чувства, так не судили бы меня столь строго. С того самого дня, как я начал учить Марью Алексеевну...

— Я уж тебе несколько раз говорил: не поминай мне об этом! Я тебе правду скажу: покамест не увижу, что ты во всем исправился, до тех пор лучше отдам внучку за последнего камчадала, нежели за тебя. Да и можно ли верить твоим чувствам после того, как ты оклеймил все приходы? Нет, брат, не затевай этого! Разве хочешь и меня так же осрамить, как их?

— Возможно ли это, отче? — возразил дьячок с величайшим жаром. — Вот уже седьмой месяц, как чувства мои остаются одинаково пламенны и постоянны. Притом любовь моя-де есть обыкновенная, общая, amor consuetus. Нет! Она подобна чистейшему огню, похищенному Прометею; она есть та невинная, ангельская страсть, какую проповедывал бессмертный Платон, и образ Марьи Алексеевны носится предо мною непрестанно во сне и в яве, как непостижимый дух Сократа, сей дух, о котором до сего времени не решила философия и который, если сообразить точнейшим образом...

— Опять запорол дичь! — говорил про себя протопоп. — Нет, его не исправить! Справедливо сказано: горбатого может исправить только одна могила!

Между тем, пока вошедший, как говорится, в пассиву Шайдуров высказывает свою платоническую любовь, мы поспешим объяснить, кто такова была Марья Алексеевна, имевшая счастье понравиться сему выпренному мудрецу. Это была та самая девушка, которая, как, вероятно, читатель уже догадался, сопутствовала протопопу. Она была его внучка, дочь одного чиновника, оставшаяся

от отца и матери сиротою и воспитывавшаяся в доме начальника Камчатки под смотрением его супруги, женщины весьма умной и образованной. Маша, как обыкновенно называл её дед, была девушка также одарённая от природы отличными способностями души и прекрасными наклонностями сердца. Возрастая в недрах природы, вдали от так называемого света, и потому не знавшая его пороков, но познакомившаяся с одними добродетелями в беседах со своею покровительницею, Мария была невинна и простодушна, как младенец, соединяла в себе просвещённые понятия европейки с полудикими искусствами камчадалов. Она ездила ловко на собаках, мастерски плавала в байдарках и прочее. Самая физиономия ея была смесь русского с камчадалским, ибо по отцовской линии она происходила от камчадалов, а по материнской — от русских. Дед ея, протопоп, кроме дочери, покойной матери сей девушки, не имел никого из детей, и потому внучка составляла всё его утешение и отраду в старости. Внучка, со своей стороны, также любила его со всею горячностью детского сердца. Сия горячая любовь и заставила её следовать за дедушкою в сем путешествии, ибо она никак не могла положиться ни на чей присмотр и ни за что не согласилась отпустить его одного, несмотря на убеждения ни самого деда, ни своей покровительницы, жены начальника, от которой она незадолго перед поперешла в дом протопопа. Начальница, любя её искренно и горячо, как родную дочь, не перестала об ней заботиться и по переходе ея и к дедушке и уговорила сего последнего пригласить дьячка дать ей несколько уроков в истории. Начало лекций было месяцев за пять до путешествия, в котором до приезда на Лопатку прошло не менее двух, ибо протопоп, чувствуя уже приближение дряхлой старости, решился в последний раз посетить всю свою паству и был на Парамушире и других Алеутских островах. Сим объясняется начало дьячковой речи, в которой он доказывал по всем правилам логики и риторики, что он уже седьмой месяц любит Марию самую платоническою любовью, как Петрарка, и что по всем возможным родам силлогизмов, рогатых и комолых, непременно следует выдать её за него.

— Да уж что ты, не ври, Степаныч! — отвечал протопоп, садясь в шежхед. — А я слова своего изменить не могу: ты исправься, а я подумую.

«Исправься! — думал дьячок, — то есть сиди у моря да жди погоды! Нет, моё правило не таково: *res dum calet urgenda est* (куй железо пока горячо). Мы знаем, как это уладить. Дай только

добраться до Петропавловска, а тогда *veni, vidi, vici* (пришёл, увидел, победил)! Страсть моя — действовать решительно!»

Размышления дьячка продолжались бы, вероятно, до самого ночлега, ибо протопоп, не любивший терять слов без надобности, ехал молча. Внучка его чувствовала от философа нашего почти отвращение и всегда старалась избегать его беседы, а что касается до камчадалов, то сам мудрец редко снисходил до того, чтобы осчастливливать их своим поучением, исключая самой великой крайности, то есть когда ему решительно некому было кроме их возвещать своих возвышенных идей. Таким образом сей мыслитель первой величины погрузился, так сказать, до ушей во глубину самого себя, как вдруг был выведен из задумчивости одним, по-видимому маловажным, происшествием, но имевшим великое влияние на его судьбу, как увидим в следующей главе.

III. БУРЯ

— Эй, аангичь (аангичь — дьячок, называемый сим именем по находимому камчадалами сходству с уткою аангичем, которая поёт поутру и по вечеру), — вскричал товарищ Камака Лемшинга. — Смотри не озноби рук!

— Ах, в самом деде, батюшки! — воскликнул испугавшийся дьячок, взглянув на руки. — Куда это я девал свои рукавицы?

— Эх, Степаныч, Степаныч! — говорил протопоп, покачивая головою. — Уж нельзя лучше, как к тебе, приложить этой поговорки: под лесом видишь, а под носом не видишь! Гораздо бы лучше было, кабы ты около себя-то побольше наблюдал, а не за облака лез! Ведь, знать, ты обронил рукавицы давеча, как упал. Как же ты поедешь теперь? Недолго и без рук приехать! Эх, брат, брат!

— Что же мне делать теперь, отец Пётр? Ах, руки так и пощипывает.

— Да что делать? Надо вернуться да поискать на том месте, где ты тащился под шежхедом.

— Так вот я сейчас...

— Куда тебе найти! Ты и куклянку-то там потеряешь! Вишь ты — Господь с тобой! — какой рохля! Эй, Лемшинга! Ступай, брат, поскорее, а мы пообождем здесь!

— Съездить-то я съезжу — отвечал Лемшинга, — только вот что...

— Что такое?

— Не было бы худо! Смотри-ка, бачка (батюшка), как разыгрались манаты! (Манаты — род тюленей, но огромной величины, бывают иногда

длиной до четырёх сажений, а весом до двухсот пудов. Все вообще морские звери игрою своею предвещают бурю.) Экие дьяволы! Так друг через друга и перепрыгивают! Не ударила бы буря!

— Ну, перестань пустяки собирать. Не трать понапрасну времени, поезжай. Если и в самом деле будет буря, то, может быть, успеем ещё прежде нея добраться к месту, а если и не успеем, так остановимся вон у этого пригорка. Бог милостив!

— Не спорю, бачка! Поеду. Дай только поправить побегник (ремень, к которому привязываются собаки вместо дышла)... Ну, други! Ха, ха!

Собаки помчались по снегу, и камчадал, постукивая ошолом по полозьям то с правой, то с левой стороны, смотря по тому, в которую сторону нужно было направить собак, изредка прибавлял к тому и словесное приказание: «Как, как! Хуг, хуг!»

Прошло с час времени. Погода в самом деле начала изменяться. Облака побежали весьма быстро с юга на север, выдвигаясь одно из-за другого и распушиваясь хлопьями. Море опустело: уже резвившиеся на нём чуды скрылись во глубинах его; самые птицы, борясь с ветром, бушевавшим уже в верхних слоях атмосферы, спешили стадами под защиту утёсов, и только седые валы, грозные сыны страха и разрушения, воздымаемые отдалённою бурюю, с безумною яростию устремились на вечный свой бой с прибрежными скалами. Наконец снег, полетевший с вершин ближних гор, возвестил пришествие урагана, понесшагося со страшным свистом и воем, мешавшимися с шумом волн. Во мгновение ока всё слилось вместе: и небо, и земля, и море. Снежные вихри крутились по равнине и готовы были увлечь с собою несчастных странников или погребсти их под сугробами снега.

— Вот, бачка! — сказал Камак протопопу. — Лемшинга правду говорил: не ударила бы буря! Так и есть!

— Теперь уж делать нечего! — отвечал протопоп. — Не отставайте друг от друга! Экая пурга, Господи Боже мой! Все глаза заслепила! Зги не видно! Машенька! Ты рядом поезжай со мною! Ведь, кажется, Камак, в этой стороне пригорок, у котораго мы хотели остановиться?

— Да, бачка!

Чтобы не сбиться с дороги и не захватить в какой-нибудь овраг или пропасть, путешественники остановились под защитою пригорка. Они поставили нарты одну подле другой и потом, вынув руки из рукавов и просто завернувшись в шубы, чтобы было просторнее, все легли в снег друг подле друга, ибо хотя и делают

иногда путешественники в случае бури шалаши, но здесь этого сделать было нельзя по недостатку леса. Едва успели они расположиться на сей подлинно зимней квартире, как совершенно занесло их снегом, и поверх онаго не было ни малейшей приметы, ни собак, ни людей. Между тем наступила ночь. Картину ея трудно вообразить, не только описать живо и подробно. Все ужасы негостеприимной страны сей были собраны для устрашения наших путешественников. При мутной, но непроницаемой темноте ночи, при диком вое ветра, разсыпавшаго облака снега, при кипении и рёве океана, потрясавшаго основание скал, посреди обширной и дикой пустыни они были заживо погребены в снежных могилах, где могли остаться и навсегда, ибо нередко проезжие, обмокнув в них, замерзают. Представив всё сие, какой житель благословенных стран не содрогнётся от ужаса? Но такова чудесная природа человеческая! Привыкшие к явлениям подобным, наши путешественники вовсе не находили положение своё ни слишком неудобным, ни опасным. Имея маленькое в снегу отверстие, протаявшее от теплоты дыхания, они лежали весьма спокойно и только по временам поворачивались с боку на бок, но с величайшею осторожностью, чтобы не рассыпать снежного свода, над ними образовавшагося.

— Встань-ка, Камак! — сказал наконец протопоп, толкая лежавшаго подле него камчадала, который спал сном самым крепким и сладким, ибо и вообще камчадалы спят в снегу весьма спокойно.

— Аа! Что? — отвечал камчадал, просыпаясь и позёвая.

— Встань да посмотри: кажется, буря утихла, не едет ли Лемшинга, да покорми собак!

— Да, бачка! — говорил поднявшийся из-под снега Камак. — Ветер затих, и местами проглядывают звёзды: вон Кранхл, вон Ижич (Медведица и Плеяды)! А вот выглянул и месяц! А это что? Он, точно он! Ах, бачка, какое счастье! Я след Пилучея увидел. Вишь, так весь снег и испестрил полозьями!

— Что это он такое видит? — спросила протопопа его внучка, также вставая из-под сугроба.

— Да это те струйки, — отвечал ей дед, — которые остаются на снегу после вихрей. Камчадалы думают, что это следы шежхедов, в которых бог грома и ветров Пилучей разъезжает на куропатках. Увидеть эти следы почитается у них за знак величайшаго счастья.

Говоря сие, протопоп в сопровождении внучки взошёл на холм, который ветром почти совершенно был обнажён от снега. Вид, представившийся его глазам, был пустынный и дикой, но великолепный.

Полная бледная луна, пробежавшая по облакам, то выказывалась из-за них, то опять скрывалась, бросая по местам тени на белевшие степь и горы и на синее море. В промежутки просвета серебряный луч ея как бы спадал с неба, подобно бесконечному столбу, и мгновенно распростирался по безпредельной зыби волн, разсыпаясь в то же время блестящими перлами в огромных фонтанах, выбрасываемых в отдалённости китами. Воздух был холодный, но самый чистый и ясный, так что казалось, как бы всё неизмеримое пространство, окидываемое взором, было совершенно пусто. Предметы удивительно делились и приближались. Долго смотрел старик на небо, на землю и на море. Вдруг океан покрылся светящеюся материею, и хладный огонь, поднимаясь и низвергаясь с валами, уподоблял море великой горящей степи, взволновавшейся от ударов землетрясения.

— Ах какой чудный и прекрасный вид! — сказала девушка. — Я никогда подобнаго не видала.

— Да, душа моя! Чудны дела Божия! — отвечал дед ея, возведя глаза с умилением на небо. — Небеса поведают славу Его, творение же руку Его возвещает твердь!

— А от чего же, дедушка, этот свет?

— Бог весть, моя милая! Спрашивал я у одного англичанина, ты ещё была маленькая, как они приезжали в Петропавловск, так он мне рассказывал, что будто это всё светлые червячки, а другой из их же говорил, будто это та же сила, что производит молнию...

— Но посмотрите, дедушка! Что это такое? Вон там, видите? По правую-то сторону китов... Вон, далеко, как будто огонёк загорелся... Кажется, это уж не от моря?

— Да! Это, в самом деле, что-то странно!

— И, кажется, палят, дедушка?

Выстрелы время от времени становились чаще и явственнее.

— Да! — отвечал старик. — Это точно пальба! Боже мой! Верно, какой-нибудь корабль погибает!

— Посмотрите, дедушка, как увеличивается огонёк! О Господи! Уж не пожар ли на корабле?

— Да! Да! Это, верно, пожар! Слушай, как зачастили выстрелы! Эй, Камак! Кажется, где-то в этих местах жил курилец Арукчи, который бежал с японцами?

— Да, бачка! Вон недалеко отсюда, на речке Аачган.

— Так поищите-ка там, не найдётся ли какой байдары, да проворнее! Ах, Боже мой, как огонь увеличился! Смотри-ка, Машенька, у тебя глазки-то получше моих, кажется, огонь бегаёт по снастям и загораются паруса?

— Да, дедушка, весь корабль обнимается огнём. Господи! Что будет с бедными пассажирами! Так бы я бросилась к ним на помощь!

— Что делать? — воскликнул дьячок, пожимая плечами. — *Ignis absumit omnia* (огонь всё истребляет)!

— Ах, любезный дедушка! — сказала девушка, горя нетерпением и не обращая внимания на глупое восклицание дьячка. — Камчадалов мы не дождёмся: они не любят торопиться, когда дело идёт о спасении других. Позвольте мне, я поскорее побегу сама.

— И я с вами! — провозгласил дьячок, желавший выказать при сем случае свою приверженность и проворство.

— Побудь лучше со мной, — сказал протопоп. — Ты только их удержишь. И то вот заставил нас ночевать на дороге со своими рукавицами. Ведь мы, верно, успели бы доехать той порой до Конпакова становища. Впрочем, всё к лучшему, может быть, Господь поможет нам кого-нибудь спасти теперь, а кабы уехали отсюда, так и не увидели бы этого несчастья.

Дьячок не сказал ни слова, но лицо его подёрнулось заревом, подобным тому, каким были покрыты облака, носившиеся над пожаром. Корабль ближе и ближе несло течением прилива к берегу. Уже были слышны вопли, раздиравшие сердце, то погибавших в пламени, то бросавшихся в море несчастных пассажиров. Положение их было неизъяснимо ужасно: две стихии, равно губительные, наперерыв пожирали их со всею лютостию. Помощи не было, и нельзя было ожидать её, ибо пред ними стояла земля столь же недружелюбная, как и море. Ещё несколько минут слышались на корабле крики и смятение; ещё отчаянные пассажиры несколько времени мелькали позади пламени, стремившагося из люков, и вдруг раздался общий пронзительный вопль, невыразимый никакими словами человеческими. Потом всё остановилось и смолкло. Ещё мгновение — и пламя, совершенно одолевшее свою жертву, как бы в бешеном торжестве ринулось вверх страшным волканом и в стремлении своём увлекло всё, ему встретившееся. Обломки корабля и человеческие трупы мелькали в огненном столпе взрыва. Оглушающий грохот раздался по водной равнине и повторился в прибрежных утёсах. Это был ненавистный сигнал смерти, после которого наступила убийственная тишина, и уже не было видно ни корабля, ни людей, и только чёрная туча дыма, медленно поднимавшаяся к облакам, означала место пожара.

— Ах, Боже мой! — вскричала девушка, возвратившаяся в свое время с байдарою, — верно, все погибли!

— Нет, мачка (матушка)! — сказал один из камчадалов, — кажись, что-то чернеется в валах... Вон, вон... Как будто человек взмахивает руками...

— Нет, быть не может!

— Право, мачка! Смотри-ка, смотри! Опять унырнул! Вишь, валы-то больно велики! А вот и опять показался... Чу! Кричит...

— Ах, в самом деле, это человек! О Боже мой! Он погибнет!

— Что ж вы стоите, ребята! — сказал протопоп. — Уже ли не подадите ему никакой помощи?

— Нет, бачка! — отвечали камчадалы все в один голос. — Мы ни за что не пойдём! Коли тонет, так пусть тонет, а мы на свою душу греха не примем, не потащим его из воды!

— О глупые и бессмысленные! — воскликнул протопоп. — Вы считаете то за грех, что есть величайшая добродетель! Но вас не убедить, а время дорого! Подайте весло, я поеду сам.

— Нет, любезный дедушка! Я не пушу вас! — вскричала его внучка. — Позвольте лучше мне ехать. Вы знаете: я не боюсь валов и умею ездить по морю...

— Знаю, но теперь время прилива. Смотри, как сулои увеличиваются с минуты на минуту.

— Но разве я буду спокойнее, если вы поедете?

— Обо мне беспокоиться нечего, я ездил по морю поболее твоего. К тому же я стар и отжил свой век, а тебе ещё жить надобно. Подай мне весло!

— Хорошо, сейчас, дедушка!

Между тем она мгновенно вскочила в байдару и отпехнулась от берега.

— Что ты это делаешь? — вскричал протопоп вне себя от страха. — Воротись! Ты погибнешь!

— Благословите меня, дедушка, и молитесь за меня!

Старик не говорил ни слова и, вперив на свою внучку неподвижные взоры, трепетал при всякой волне, стремившейся на неё, как бы каждая из них заливала его сердце. Байдара, в которой ехала девушка, была не что иное, как маленький челнок, покамчадалски тахту, выдолбленный из тополя, с прибитыми по краям досками. Валы бросали его как щепку, и он то скрывался в пропастях, беспрестанно разверзавшихся под ним, то взлетал стрелою на стремнины возстававших пред ним хребтов. Малейшая неосторожность и ошибка пловательницы могли бы погубить её, но она, сохраняя величайшее присутствие духа, смело пересекала веслом волны и мужественно стремилась к своей цели. Наконец она была

уже недалеко от погибающего. Внимание старика увеличилось, ибо это была минута самая опасная: утопающий мог в отчаянии схватиться неосторожно за край байдары и опрокинуть её своею тяжестью. Между тем героиня наша увидела, что навстречу к ней плыли два человека, из коих один держался за доску, а другой, плывя без всякой помощи, почти выбивался уже из сил и поминутно погружался в воду. «Ваше благородие! — вскричал первый из них, — давно говорю вам: держитесь за мою доску, вы потонете!» Офицер, по-видимому, долго не хотевший воспользоваться сим удивительным самопожертвованием, наконец, начиная в самом деле тонуть, в безпамятстве ухватился за доску, а матрос, за неё державшийся, в то же время опустил её, сказавши: «Держитесь крепче, да если потону я, так не забудьте моей жены и детей в Петропавловске». После сего он усиленно начал бороться с волнами, но намочшее ли платье его, и от сего сделавшееся слишком тяжёлым, тянуло его книзу, или уже члены его окостенели от холода, только усилия его были напрасны: он скрылся в волнах прежде, нежели избавительница могла подать ему помощь. Равным образом и спасённый им офицер находился в самом крайнем положении. Волны непрестанно заливали его, и если бы прошло еще несколько минут, в течение которых он остался бы в сем положении, то отважный подвиг самоотвержения нашей камчадалки был бы напрасен. Но и спасение его требовало от избавительницы величайшего проворства и ловкости, ибо, с одной стороны, волны непрестанно относили челнок от утопающего, а с другой — и приближение к нему, как мы заметили уже, могло быть сопряжено с решительною гибелью обоих. Несмотря, однако ж, на сие, воспитанная на берегах моря и с детства знакомая со всеми его причудами, она безстрашно подъехала к погибавшему, подала ему весло и, вскричав: «Лови за байдару и садись проворнее», — сама ловко откачнулась на противную сторону, дабы сохранить равновесие. В это мгновение челнок ринулся по скату волны и совершенно скрылся из глаз наблюдавшего за ним старика.

— Боже Всемогущий! Она погибла! — вскричал он, схлопнув руками.

— Нет, бачка! Вон выплывает! — возразил Камак. — Смотрика: сидят двое.

— Точно двое, бачка! — подхватил Лемшинга. — Экая проворная!

— Только что за охота, — говорил тихонько Камак своему товарищу, — принимать ей на себя грех?

— Да разве ты не слыхал, что давеча говорил поп? Вишь, поихнему это хорошо!

— Хорошо топить себя, чтобы спасти другаго! Хо, хо, хо! Только глуп народ, эти русские!

Между тем девушка достигла берега и была уже в объятиях деда, плакавшего от радости и умиления.

IV. КАМЧАДАЛЬСКАЯ СВАДЬБА

Недалеко от устья речки Опалы, служащей на северо-западе границею Лопатки, стоял некогда камчатской острожек Куууюхчен, заключавший в себе более десяти юрт.

В один день, вскоре после описанного нами в предыдущей главе происшествия, жители сего острожка весело спешили толпами в юрту своего тойона, где приготовлялся пир по случаю свадьбы дочери его брата Тенявы.

Юрта тойона отличалась пред прочими своею величиною, но совершенно сходствовала с другими своим устройством. Она была не что иное, как выкопанная в земле, аршина на два глубиною, четвероугольная обширная яма, покрытая остроконечною земляною крышею, с отверстием вверху, ономеч, служившим вместо трубы, окна и дверей. Подле стен, увешанных взамен шпалер чирелами, то есть сплетёнными из травы рогожами, находились нары, служившие вместо скамей и кроватей. Посреди юрты был построен очаг, а в одном углу оной была складена посуда, и над нею стоял на полке деревянный столбик с обделанною наподобие человеческой головы верхушкою. Это был идол Ажушак, отгонявший, по мнению камчадалов, от юрты лесных духов и за сию услугу обмананный варёною саранюю.

В юрте находились и камчадалы, и русские. Первых весьма легко было отличить по их азиатской физиономии, по узким глазам, сплюснутому носу и пребольшому рту. Общество русских составляли: приехавший сюда с неделю назад протопоп Верецагин, дьячок и ещё два лица, нам неизвестныя. Один из них был человек лет сорока, средняго роста, с рябым лицом, с плутовскою миною и с прелукавыми небольшими глазами. Он не был купец, однако ж, по-видимому, пользовался правом торговли, что показывала стоявшая пред ним фляга с водкою, для продажи которой, как сам он рассказывал сидевшему подле него дьячку, он и приехал в Куууюхчен, заслышав в дороге о предстоящей свадьбе.

Недалеко от него сидел жених, молодой парень, дюжий собою, но с подбитыми глазами и растрёпанными волосами. Он тяжело дышал, и по кровавому поту, капавшему с его лица, видно было, что

он только незадолго пред тем совершил какой-то тягостный подвиг. Невеста, взрослая и здоровая девка, сидела в другом углу юрты, опутанная мережами и ремнями и окружённая мегерами, также показывавшими признаки большой усталости, однако ж сидевшими с весёлым лицом и насмешливо поглядывавшими на жениха.

— Ну что ж, брат Гатальча! — сказал отец невесты Тенява, — принимайся: лови, да и дело и с концем! Уж не докуда же тебе жить у меня, итак уж скоро год исполнится, как ты пришёл из Конпакова!

— Дай отдохнуть, бачка! Вишь, как больно дерутся, старья! Всё лицо исковеркали!

— Ну, после свадьбы заживёт! Ступай, или не то, брат, убирайся домой, коли невмочь пришло!

— Сейчас, бачка, сейчас!

Жених собрался наконец с силами и бросился опрометью к невесте, стараясь разорвать напутанные на ней мережи. Но старухи, её окружавшие, все с величайшим криком и бешенством кинулись на него и, оттаскивая от невесты, вцепились, кто во что успел, иная в волосы, иная в лицо. Это было сущее скопище демонов, вскинувшихся на злополучного грешника. Остервенение, с каким они терзали и увечили несчастного жениха, наводило даже ужас на окружающих. Казалось, что они разорвут его на части или, по крайней мере, своротят на сторону его бедную башку. Долго продолжалась сия комическая война, но наконец жених успел разогнать утомившихся старух и разорвать мережи.

— Ай да Гатальча! Ай да молодец! — вскричали в один голос все камчадалы.

— Ну, хорошо, хорошо! — говорил Тенява победителю. — Поди же, друг, готовь поскорее обед. Ведь словно на твоё счастье Митг (морской бог, воображаемый в виде огромной рыбы) выбросил нам кита. Так давно хочется отведать свежинки!

— Неужели молодой у камчадалов должен всегда стряпать? — спросил дьячок сидевшаго подле него продавца водки, по званию фельдшера, а по прозванию Шангина.

— Да, всегда! — отвечал фельдшер. — Впрочем, что же за диво, когда у камчадалов и все мужики готовят еду!

— И, кажется, жених должен всегда работать у тестя?

— Да, по несколько лет иной работает, да ещё и ни с чем уйдёт!

— Отчего же?

— Да оттого! Кабы всякой жених-то был такой же молодец, хоть, примерно сказать, как вот этот или как ты, Клим Степаньч!

При сем слове мина самодовольствия явилась на лице дьячка, и он тщательно поправил воротник у долгополага своего сюртука, надегаго по случаю пира.

— Ну, полно льстить! — сказал он с притворною скромностию.

— Что мне льстить! — говорил с усмешкою фельдшер. — А то ведь иной рохля по нескольку раз принимается иногда ловить, да напоследок так, без всякаго успеха, и домой уедет, только побои в барыше получить. Да ещё что! Случалось, что иной и умрёт, как этакия ведьмы вышвырнут добраго молодца из балагана (летняя юрта, которая строится на высоких столбах).

— Станный обычай! Чудный обычай! — повторял дьячок. — Однако ж что касается до работы, то и древние то же делали, например, Иаков. Не знаю, был ли подобный обычай у других народов, но помнится, что Тацит, говоря о нравах древних германцев, начинает так...

— А не лучше ли так начать? — перебил фельдшер, принимаясь за кусок китоваго жира, на который камчадалы уже устремились с величайшим аппетитом.

В продолжение стола, если можно назвать так обед, происходивший на помосте посреди юрты, камчадалы не забывали после каждого куска пить настойку мухомора и постепенно приходили в некоторой род бешенаго восторга. Судорожное сотрясение членов было первым действием мухомора, потом веселыя или мрачныя представления наполнили воображение пивших, и, смотря по тому, иные из них сидели в каком-то страшном отчаянии, бросая вокруг себя мутные и дикие взоры и произнося по временам при внезапном трепетании всего тела невнятные, безпокойные крики. Напротив, другие пели весёлыя, безпутныя песни и плясали, не помня сами себя. Сохранившие более прочих разсудка наблюдали и более правильности в пляске, которая также переходила из одного рода в другой по мере увеличения весёлости. Наконец полупьяный Тенява, в избытке радости по случаю свадьбы выменявший за несколько самых лучших соболей несколько небольших чарок водки у вышеупомянутаго продавца, пошёл плясать с одною из женщин самый грациозный камчадальской танец, в котором, делая один пред другим страстныя телодвижения и ужимки, с нежнейшим выражением повторяли: «Тенява — Бахией, бахия!» а дама его — «Хаца, хаца, хацина!» Все камчадалы были в восхищении от сей пляски, обнаруживая сие невольными телодвижениями и частыми порывами на аван-сцену, и все они, сытые и упоенные донельзя, плавали в наслаждении полном и неописанном.

В сие время продавец водки, видя, что камчадалы слишком заняты были своими играми и почти позабыли о нём, вдруг начал укупоривать стоявшую подле него флягу и делать вид, что хочет идти из юрты. Теньява первый приметил сие и, бросив пляску, схватил флягу обеими руками и усиленно убеждал купца ещё продать ему несколько чарок.

— Ну, ещё хоть одну чарочку, друг! Пожалуйста, дай!

— Нет, нет, нельзя! Меня просил тойон Ганала непременно к нему заехать, а от него ещё надобно проехать к тойону Акету, а оттуда...

— Ну, вот тебе, друг, ещё два соболя. Дай одну чарочку.

— Экой неотвязной! Нечего делать! Так и быть: пей!

— Ещё одну!

— Нет, нет, ни за что в свете! Теперь у меня водки не наберётся и с осьмину, а если не останется, то Ганала, брат, будет сердиться на меня. Прощай, прощай!

— Пожалуйста, друг! Вот тебе четыре соболя.

Таким образом, чем больше продавец старался притворно дорожиться водкою, тем более камчадал надавывал ему соболей. Между тем продавец присоединял ещё к притворству и другой обман. Фляга, в которой была водка, разделялась на две половины: в одной из них была налита водка цельная, а в другой — разведённая водою. Покамест камчадал мог ещё различать вкус, продавец наливал ему из первого отделения, а потом уже цедил из последнего.

— Ах, брат Тарей! — сказал протопоп сидевшему подле него тойону, довольно пожилому, хотя и крепкому ещё старику, — как это ты терпишь, что брата при твоих глазах обирают?

— Как терпишь! — повторял с приметною досадою тойон. — Что ж мне делать? И вижу, бачка, да молчу! Шангин — любимец начальника, он делит всё пополам с ним, так смею ли я осердить его?

— Да что тут не сметь?

— Как это говорите вы, отец Пётр, — возразил также сидевший с ним старик небольшого роста с плешивою головою, быстрыми, исполненными огня глазами и вообще с умною физиономиею. Это был некто Зуда, переводивший для известного волынского сочинения Махивавеля и по падении его сосланный в Камчатку. — Как это вы говорите: что не сметь? Разве вы не знаете Антона Григорьевича? Да тронь-ка Тарей Шангина, так он задерёт его досмерти!

— К несчастью, это почти правда! — сказал протопоп, вздохнув.

— Разумеется, что правда! Злой начальник, — продолжал Зуда, — здесь всё сделать может, да и суда не скоро найдёшь. Уж подлинно сказать: здесь до Бога высоко, до Царя далеко.

— До Бога, — возразил протопоп, — мы всегда недалеко! Помощь Его всегда готова!

— Так, отец Пётр! Да от Царя-то далеко, а потому-то начальники здесь весьма скоро и забываются. Власть вдали от престола удивительно как соблазнительна! Чай, помните вы, как покойный охотской начальник Кох говаривал: «На небе Бог, а на земле Кох»?

— Как не знать! Я лично был знаком с Кохом. Впрочем, он был человек весьма добрый.

— Вот видите, он был и добрый человек, а как заехал в Охотск, так уж выше себя никого не ставил! А, кажется, велика ли была птица? Всего коллежский асессор!

— А разве не бывало здесь, — возразил протопоп, — и истинно добрых начальников, например, хоть покойник Нилов?

— Безспорно, отец Пётр, бывали. Но всё худых как-то больше навёртывалось. Сначала, правда, всякой старается показаться хорошим, а тут и начнёт кутить не в свою голову. Чем дальше, тем хуже, покамест не дойдёт до наместника да не спехнут раба божьяго с места.

— Что же делать, Абрам Васильевич? Наша обязанность всё-таки повиноваться. «Повинитесь, — сказано, — убо всякому начальству Господа ради: аще Царю, яко преобладающе, аще ли Князем, аки от него посланным, в отмщение убо злодеям, в похвалу же благотворцем».

— Вот-то и есть, отец Пётр! Царь, конечно, посылает всякаго начальника с этим благим намерением, да они-то, к несчастью, делают наоборот и как заедут в этакую глушь, как, например, здешняя благословенная земляца, так уж и несут себя выше Ивана Великаго. Уж никто не смей и подумать поступить против их воли! Слышали вы, что случилось месяца с два назад с заседателем Хапиловым?

— Что такое?

— А то, что Хапилов подал по одному делу мнение, несогласное с волей Антона Григорьевича, так тот и приказал посадить его в бочку да спустить на воду.

— От него всё станется! — говорил протопоп, пожимая плечами.

— Теперь разсудите: если с чиновниками так поступают, то где же бедный человек, какой-нибудь камчадал, найдёт защиту?

— А знаешь, Абрам Васильевич, пословицу: «Страшен суд, да милостив Бог»? Я на него надеюсь!

— Это хорошо, отец Пётр. Но я, кстати, напомню вам другую пословицу: «На Бога надейся, а сам не плошай». Почему бы вам не поговорить с Антоном Григорьевичем?

— Было говорено не раз, Абрам Васильевич, и стороною, и прямо: всё попусту! Тут как в притче сеятеля, слова падают в терние, и *взыде терние, и подави э, и плода не даде!*

— А когда так, — говорил Зуда, понизив голос, — я бы на вашем месте описал бы всё начальству. Кому же поверят, если не вам?

— Абрам Васильевич! — сказал протопоп также тихим голосом. — Я давно знаком с тобою, так могу сказать тебе откровенно. Я уже обо всём этом писал к преосвященному, и хотя наперёд знаю, что мне тут приведётся много вытерпеть, меня могут очернить, оклеветать, взвести на меня то, что мне и на ум не впадало, но я сказал себе: да будет во всём воля Господня! Я не наёмник, а пастырь своего стада, и Господь видит, что я *готов положить душу свою за овцы.*

— Прекрасное чувство! — воскликнул Зуда с жаром. — Благодарное, истинно христианское чувство! Ах, отец Пётр! Я вас уважал всегда, но теперь буду уважать ещё во сто крат более! Вы истинный благодетель Камчатки!

— Но я уверен, Абрам Васильевич, — отвечал протопоп, — что если мне и не удастся открыть истину, то всё-таки рано или поздно она откроется. Зло таиться вечно не может. Дойдёт весть до государыни, тогда и наш праздник наступит!

— Но тогда нам вряд ли уже увидеть это время! — заметил Зуда. — Впрочем, я о себе и не думаю. Грустно только на других смотреть. Вот скоро тридцать пять лет исполнится, как я живу в Куууюхчене, и мне весьма заметно, как народ год от году всё беднеет да беднеет.

— Да, правду сказать, — подхватил тойон, — уж и невмочь приходит! Ведь легко ли? Каждый год собирают с нас для начальника по десяти соболей с души сверх царского ясака. Да ещё, если понесёт куда-нибудь его нелёгкая, так всех собак для него собьют да переморят, так что у инаго камчадала ни одной собаки не останется после его проезда, а без собак нашему брату, бачка, как жить? Ни выйти, ни выступить некуда! Сиди, склавши руки, да умирай с голоду! Вконец разоряют, бачка, да и только!

— Ах, брат Тарей! На начальников жаловаться вы мастера, а не видите, что ваша гибель от невоздержности да от пьянства. Это,

брат, губит ваших родовичей больше, чем всякие поборы! Там вы отдадите в год десять соболей, а тут потеряете за раз двадцать. Смотри-ка на брата! Ах, Господи, как грянулся! Ведь Шангин хоть до смерти рад запоить!

— Что ж делать, бачка? Я те сказал, что не смею.

— Боже мой! — говорил протопоп с жаром неудовольствия, обращаясь к Зуде, — как бывают люди безчестны! Даже поверить трудно! Эй, Шангин!

Фельдшер хотя во всё время разговора протопопа с Зудой и тойоном откидывал ухо, дабы узнать содержание онаго, но когда протопоп позвал его, притворился, будто не слышит.

— Шангин! — повторил протопоп.

— Что вам угодно, ваше высокоблагословение? Извините, в шуму-то ничего не слышно.

— Скажи, пожалуйста, как не стыдно тебе пользоваться глупостию и простотою другаго? Ведь ты называешься христианином, а Христос брата обманывать не велел!

— Да кого же я обманывал?

— Послушай, Шангин! Не спорь со мною. Отдай, по крайней мере, половину из того, что ты выманил, да и убирайся с Богом: с тебя и того будет довольно!

— Да помилуйте! Да что это, Господи Боже мой! Уж я своё добро отдавать стану! Вот тебе раз! Ведь я не украл у него: он сам меня тащил да просил...

— Ну, если ты ещё будешь со мной спорить, так я раскрою весь твой обман.

— Да, пожалуй, раскрывайте, что знаете! Меня ещё и сам начальник обманщиком-то не называл! Ещё я своими трудами живу! Да...

— Горячиться, любезный, не для чего! Лучше скажи-ка мне: отчего у твоей фляги два крана?

— А вам какая надобность? Да что такое, Господи! Вот-те ещё!

— Хорошо! Когда ты не хочешь сказать этого сам, так я расскажу всё. Послушайте вы, камчадалы! Вот вас как обманывают...

Протопоп объяснял обман фельдшера. Камчадалы, выслушав его, как они ни кротки и ни миролюбивы, на сей раз против всякаго ожидания пришли в ужасную ярость и, разбив вдребезги флягу, принялись было и за самого хозяина, так что обман его обошёлся бы ему весьма дорого, если бы сам же протопоп не уговорил их. Однако ж, несмотря на сие заступление, фельдшер, выхо-

дя из юрты, кинул на своего защитника самый ужасный взор и ворчал, стиснув зубы: «Добро ты, седая борода! Ты путём поплатишься со мною за свою штуку!»

V. МИЧМАН

Шум, происшедший при изгнании продавца водки, привлёк в юрту ещё двух человек, до того времени прогуливавшихся по берегу моря. Один из них был юноша довольно высокого роста, статный и прекрасный собою, но приметно изнурённый болезнью; а другой — молодая миловидная девушка, по-видимому, не русская и не камчадалка, ибо к правильным, прелестным чертам лица и большим чёрным, огненным глазам присоединялись смугловатый цвет и чёрные волосы. Узнавши о неважности происшедшей ссоры, они опять принялись, по-видимому, за прерванный разговор и, казалось, вовсе ничего не видели из окружавшего их.

— Неужели вы не отыскивали своих родителей, когда и выросли? — спросила девушка с глубочайшим участием.

— Я не имел ни малейшей возможности этого сделать. В воображении моём совершенно изгладился их образ, и самоё похищение моё весьма слабо обрисовывается в моём уме. Видится, точно как в сновидении, какой-то праздник, такое множество народу, огромный сад — и всё это так сливается с мечтою, что я почти сам не знаю, сон ли это действительно или сущность. Одна Марина могла сказать мне об этом, но она была сослана в Сибирь, и сколько ни старался я даже и в нынешний проезд мой узнать, где она находится, никак не мог.

— О как тяжело это слышать! — сказала девушка, глубоко вздохнув. — Не знать, кто твой отец и мать! Ах, Боже мой! Может быть, и они также вас ищут и сокрушаются об вас!

— Что делать, когда так угодно судьбе?

— А за что же была сослана Марина? Верно, открылся злодейской ея поступок с вами?

— Нет, не за это. Но Провидение в самом деле употребило меня орудием для наказания ея. Сбившись однажды с настоящего пути, человек обыкновенно переходит от одного преступления к другому, то же случилось и с нею. Она свела дружбу с шайкою воров и исправляла должность их шпиона, высматривая в лавках и домах, которые из них богаче и как лучше их обокрасть. С этою целию мы посещали с нею одного богатого помещика. Это был, надобно вам сказать, заслуженный моряк, человек умный и добрый.

Он любил вообще детей и всякой раз, когда я приходил к нему с Мариною, ласково разговаривал со мною, полюбил меня и даже наконец просил Марину отдать ему меня, обещая сделать меня счастливым. Марина под разными предлогами уклонялась от выполнения этой просьбы и, как помню, жестоко била меня, когда я осмелился было просить её об этом сам...

— Какая злая женщина! Боже мой! Я никогда не могла вообразить, чтобы люди могли быть так злы!

— А между тем свет исполнен подобными людьми, только что скрывающимися под благовидною наружностью!

— О! Если так, то дай Бог, чтобы я никогда не видала этого света.

— Однако ж, Мария, свет не должно представлять вертепом разбойников. Между множеством злых есть весьма много и людей добродетельных. Я это испытал на себе, когда освободился из рук моей похитительницы...

— Но как же вы освободилось от нея?

— В одно время, возвратившись с Мариною от того помещика, о котором я говорил вам, я подслушал разговор ея с разбойниками, которые советовались с нею, когда и как лучше ограбить этого добраго старика. У меня закипело сердце, потому что (припишите это Провидению или чему хотите), несмотря на окружавшие меня порочные примеры, я сохранил непорочность сердца и чувствовал величайшее отвращение и от Марины, и от ея злых сообщников. Я решился во что бы то ни стало уведомить помещика о злодейском умысле против него. И, уловив случай, исполнил моё намерение. Разбойники были переловлены, с ними попала в часть и Марина. Я пересказал помещику мои подозрения, что я не сын Марины, и он старался узнать от нея о моих родителях. Но, признавшись в моём похищении, она по какой-то непонятной ненависти к ним не хотела сказать об них ни слова, несмотря ни на убеждения, ни на угрозы. Тайна эта погибла вместе с нею.

— Ах, Боже мой! Как это ужасно! — воскликнула Мария.

— По крайней мере, — продолжал ея собеседник, — это признание хотя не удовлетворило вполне нашим желаниям, но послужило к подтверждению моих слов, и помещик с тех пор ещё более начал заботиться обо мне и наконец даже усыновил меня. И не только по названию, но и по удивительной, самой родительской нежной любви ко мне он действительно был для меня самый чадолубивый отец. Года проходили. Я вступил по ходатайству его в морскую службу и получил наконец чин мичмана. Любимый начальниками и товарищами, я считал себя совершенно сча-

стливым и думал только о том, как бы быть вполне достойным попечений, оказанных мне моим благодетелем. Но в сие время я вдруг получаю печальную весть, что он, проиграв одну совершенно правую со стороны его тяжбу, лишился всего имения и сделался почти нищим. Я не мог слышать о сем равнодушно и в ту же минуту решился пожертвовать для него всем тем, что только было в моей власти, словом, пожертвовать собою. Я оставил службу и нанялся у купеческой компании с тем, чтобы большую часть моего жалованья отдавали на содержание моего отца. Он умолял меня со слезами отказаться от сего, но дело было уже кончено, и намерение моё твёрдо. Притом надобно сказать, какая-то непреодолимая судьба влекла меня в эту страну, и может быть (почему знать?), я найду здесь то счастье, котораго нет на земле ничего выше и которое в другом месте я искал бы напрасно...

При сем слове в больших голубых глазах юноши, устремлённых на его собеседницу, блеснул тот яркой, пламенный взор, которым душа, исполненная любовью, невольно высказывает иногда страстно любимому ея существу всю полноту и силу своих чувствований.

— Ах! Я уж просила вас несколько раз, — говорила девушка с самым непритворным равнодушием, — пожалуйста, не смотрите на меня так. Мне, право, становится как будто чего-то стыдно, когда вы так пристально посмотрите на меня.

«О милая! О невинная Мария! — думал юноша. — Можно ли видеть тебя и не смотреть на тебя?» Однако ж, не смея произнести сих слов, он помолчал несколько времени и продолжал рассказ.

— Трудно поверить, — говорил он, — от какой маловажной причины погиб наш корабль!

— От какой же это?

— Прикащик компании пожалел заплатить печнику, клавшему на гальоте печь, одного рубля, и злодей, сказав: «Хорошо! Я сделаю вам такую печь, которую более разу не истопят», — сдержал своё слово. Вы уже знаете остальное. Ах, Мария! Вы дважды спасли мою жизнь: от моря и от болезни и, верно, не захотите отнять ее у меня сами?..

— Ах! Что это говорите вы! Боже! Сохрани меня. Как это можно?

— Есть, Мария, разные средства отнимать жизнь. Например, если вы скажете: «Я не люблю тебя»...

— Нет, я этого не скажу, потому что я люблю вас...

Пусть тот, кто ещё помнит свой первый разговор любви, дополнит в своём воображении начатый выше и представит себе то

сладостнейшее чувство, которым исполнилось сердце счастливого юноши, услышавшего толь невинное и толь неожиданное признание в любви к нему. Он ничего не видел и не слышал более, и вся Вселенная заключилась для него в сих трёх волшебных словах: «Я люблю вас!»

Между тем глаза ревности, от которых не утаивается и самое сокровенное чувство любви, смотрели на него и на его подругу весьма зорко. Дьячок, с которым мы уже познакомились в предыдущих главах, не забыв поцеловаться несколько раз с чаркою купца, хотя и был занят разговором с одною старою камчадалкою, толкуя ей с величайшим жаром, что такое называется существом абсолютным, однако ж, посматривал скося и на наших любовников, обуреваемая таким образом двумя равносильными страстями.

— Вот видишь ты, — говорил он, — абсолют есть... Экой каторжный! Не успел появиться, а уж и умел подладиться... Абсолют есть...

— Понимаю, понимаю, бачка! — отвечала камчадалка, перебив его речь, — обсолить да есть. Вестимо, что солёное лучше, да только соль-то здесь шибко дорога: шестьдесят рублей пуд!

— Не то ты говоришь, старуха! — возразил дьячок с неудовольствием. — Я тебе толкую о Боге, который у нас, учёных, называется: абсолют.

— Вишь ты, какое мудрёное прозвище дали! А у нас так называют Бога просто: Кутха, да и полно!

— Кутха! Это оттого... Экой варнак! Глазами-то словно съест хочет! Это оттого, что вы ещё не озарены божественным светом философии, которая уже давно отвергла старинное название: Бог и именует начало и причину всех вещей *primus motor*, существом абсолютным... Чёрт тебя вытащил из моря-то! Хоть бы тебя в омут какой-нибудь обрушило! Существом абсолютным, тётка! Слышишь ты или нет?

В это время камчадалка, не обращая внимания на его слова, смотрела с величайшим любопытством и удивлением, как один из камчадалов выбрасывал в оночь с помощью двух палок, по-камчадалски андронов, потухшие головни, что у камчадалов вообще почитается необходимым искусством для их щёголей и фанфаронов, как у нас французская кадрили и т. п.

— Да что ты не слушаешь, тётка? — продолжал дьячок. — Куда ты глаза-то вытаращила? Ведь я тебе толкую о важнейшей истине, а ты...

В это мгновение одна из выбрасываемых головней задела о крышу и, отскочив от нея, ударила в лоб дьячка с такою силою, что он

упал с размаху навзничь. Пьяные камчадалы вместо того, чтобы помогать ему, подняли хохот. Один мичман бросился было к нему, но дьячок, опомнившись, оттолкнул его от себя, вскричав с запальчивостью: «Не прикасайся ко мне! Я знаю, кто ты таков!» Мичман с удивлением взглянул на разсерженного дьячка, не понимая причины его гнева, и, быв совсем не в том расположении, чтобы сердиться на кого бы то ни было, оставил его без ответа.

VI. ПОКАЯНИЕ

Между тем как длился описанный в предыдущей главе разговор, плясавшие камчадалы, у коих искуснейшим плясуном почитается тот, кто всех перепляшет, оспоривая друг у друга пальму первенства, выбились наконец совершенно из сил, приутихли и, разсевшись на нарах, начинали дремать. Казалось, тихой, если не ангел, по крайней мере, гамул покрыл их своею куклянкою, и юрта стала отдыхать от шума, продолжавшагося несколько часов сряду. Но вдруг эта давно ожидаемая тишина была прервана происшествием, имевшим комическое начало и самый трагический конец.

Отец невесты за неимением водки после купца, ещё хвативший на радостях добрую порцию мухомора, совсем обезпамятел. Он лежал долгое время в совершенном забытии посреди юрты и потом, бледный как смерть, с мутными, испуганными глазами, вдруг вскочил на ноги и закричал изо всей силы:

— Ай! Ай! Земля проваливается подо мною! Пламень пышет из пропасти! Ад хочет меня проглотить живаго! Куда мне деваться? Куда бежать? Вон они! Вон!.. Вон! Кутха идёт наравне с облаками и перешагивает через горы! Вон Пилучей несётся на чёрной туче и хочет ударить меня громовою стрелою! Чу! Как закрутились под ним вихри и завывла буря! А вон и Митг, как огромный остров, несётся по морю и грозит мне широкою пастью! А вон, вон и Гаец (бог ада) уставил на меня из пропасти большие глаза, как огненные сопки, и протянул ко мне две руки, как две листьяни! А сколько духов закопошилось и в воде, и в воздухе, и в пламени! Хоть перебери пальцы всех камчадалов, хоть все волосы выдери у них из голов — всё будет мало: им нет счёту (камчадалы считают по пальцам, и когда переберут пальцы на руках и ногах, тогда хватаются за волосы, это значит число несметное)! И все на меня сверкают огненными глазами! И все грозят мне окровавленными чекушами (военное оружие, состоящее из развилины с четырьмя рогами, насаженное на длинную палку)? О, боги и духи! Помилуйте

меня многогрешного! (Камчадал упал на колена.) Помилуйте и пощадите! Я каюсь в грехах моих: пил я, грешный, горячая воды, мылся ими и всходил на горелыя сопки; ссорился с женой за кислую рыбу; отскабливал, окаянный, ножом снег с камасов; точил, многогрешный, топоры и ножи в дороге, и даже — как осмелюсь и сказать это? — обдирал собак прежде наступления великаго праздника грехов очищения (праздник сей, по-камчадалски чужлиновець, бывает в ноябре; почему месяц сей называется тем же именем. Вообще камчадалы разделяют год на десять месяцев, но по изменениям Луны, но по роду своих занятий, соответствующих известному времени года, и по другим отношениям. Например: декабрь называют кукамлинлинач, то есть *от больших морозов ломаются топорища*!) Пощадите меня и спасите!

Произнося сие, камчадал упал ниц и, казалось, не смел поднять головы. Однородцы его, слушая его признание, произведённое действием мухомора, тихомолком надрывались от смеха, как бы узнав о таких поступках, в которых добровольно не всякой покается. Между тем, смотря на них, было ещё труднее, нежели им, удержаться, чтобы не захохотать, и Зуда, по характеру своему наклонный к насмешке, не мог остаться без замечания.

— Смотри пожалуй, — говорил он с улыбкою, — какой злодей! Шутка ли, сколько проказ наделал; чистил подошвы да обдирал собак! Вряд ли, брат, простит тебе это твой Кутха и не отшлёпает порядком лыжами!

— Ах, Боже мой! — говорил протопоп, — эти люди заслуживают более сожаления, нежели насмешки.

— А мне так кажется, — возразил с важностию дьячок, тут же бывший, — что ни того, ни другого.

— О! Когда вы говорите это, — подхватил Зуда, — то уж без сомнения так. Но поведай же нам высокую мысль твою, *vir excellens* (муж знаменитый).

— На вашу шутку, — отвечал дьячок, любивший также иногда отпускать плоския остроги, и особенно после поцелуев с чаркою, — и я буду отвечать тоже шуткою. Ты речёшь, что я муж знаменитый!

— Перестань, Степаныч, кощунствовать, — сказал протопоп. — Ты знаешь: я не люблю этого. Если хочешь что сказать, говори, а дело с бездельем не путай.

— Извините, не стану, отец Пётр! Я хотел сказать, что в существе нет в мире ни добродетели, ни порока, всё зависит от закона.

— А я тебе на это скажу просто, — говорил протопоп, — что ты врёшь. Зло и добро в мире существуют искони, и закон только

указует то и другое. Потому что и сказано: *«Греха не знах, то-чюю законом»*. Следовательно: если закон свят, то и указания его истинны; если же...

— Всё так, конечно, но...

— Полно ты со своим но...

— Ах, пожалуйста, — перебил Зуда, — не мешайте ему. Оканчивайте вашу премудрую речь, оканчивайте, господин почтеннейший, *Domine clementissime, honoratissime...*

— Называйте меня, как хотите, — отвечал дьячок, который, быв и без того в разстроенном состоянии духа от прежнего происшествия, хотя и желал, как видели мы выше, отделаться от Зуды шуткою, но не мог выдержать вторичного нападения, — называйте меня, как хотите, но я вам скажу решительно: что для вас темнота и мрак, то для меня яснее солнца, что я читал, того уж вам прочесть не удастся!

— Не спорю с вами, *Vir lectissime!* Я знаю, что вы всех умнее на свете...

— И без всякаго сомнения.

При сем слове Зуда захохотал от всей души, а дьячок, выйдя из себя и покраснев как рак, с гневом повторял ему: «Да, да, умнее! Смейся, сколько хочешь, а я...»

— Полно хвастать, Степаньч! — сказал протопоп. — Кто сам себя возвышает, того Бог унизит. Знаешь, сказано: *«Смиряйся, да вознесётся, а возносящийся смирен будет...»*

— Да помилуйте, отец Пётр, преобидно слушать этикия насмешки!

— Эх, братец! Перестань! Он шутит, а ты из кожи лезешь! Смотри лучше, чем окончится эта комедия.

Дьячок замолчал, но, поглядывая исподлобья на Зуду, кажется, ещё в первый раз от роду употребил с пользою познание своё древних писателей, припоминая из них разные бранные выражения.

В продолжение сих цитат камчадал, разбираемый мухомором, опять вскочил с бешенством на ноги и, вскричав: «Мухомор мне велел убить стараго попа и перерезать всех русских», — выдернул из-за пояса нож и кинулся на протопопа. Это было сделано так неожиданно и так быстро, что все, бывшие в юрте, можно сказать, едва только успели ахнуть, и камчадал, схватив протопопа за грудь, занёс на него нож. «Умри, поп!» — вскричал он.

В это мгновение мичман, неустрашимый, ловкой и сильный, оправившись от перваго впечатления, быстро схватил убийцу за руку и отбросил его с невероятною силою на средину юрты. Протопоп, сколь ни был в душе готов умереть каждую минуту, но не

мог, однако ж, не почувствовать трепету по слабости человеческой природы. Поражённый изумлением, он не успел ещё сказать ничего мичману, как сей последний кинулся на помощь Марии, которая от ужаса упала в обморок, продолжавшийся несколько минут. Протопоп не столько словами, как самым дружеским пожатием руки выразил благодарность своему избавителю и потом вместе с Зудю также начал хлопотать около больной. Наконец, раскрыв глаза и как бы не доверяя своему зрению, она спросила едва слышным голосом: «Дедушка! Это вы ли?»

— Слава Господу Богу! Я, моя милая! Вот мой защитник! (Протопоп указал на мичмана.) Он успел удержать нож, а то уж более тебе не видать бы меня.

Яркой румянец двойкой радости покрыв мгновенно бледные щёки Марии.

— Ах, любезный дедушка!

Она не могла ничего сказать более и, целуя руку деда, заливалась слезами. Старик сам едва удерживался от слёз, но перемог себя.

— О чём же ты плачешь, моя милая? — спросил он Марию.

— Сама не знаю о чём, но сердце так и бьётся во мне, как будто выпрыгнуть хочет.

— Успокойся, душа моя! И поблагодари лучше, во-первых, Господа Бога, а во-вторых...

— О, Боже мой! Ты видишь, что я чувствую...

— А во-вторых, Виктора Ивановича...

— Ах, перестаньте, ради Бога! — прервал мичман. — Можно ли поминать о такой малости? Если бы и тысячу раз ещё я спас вашу жизнь, и тогда всё ещё был бы у вас в долгу!...

— Благородный человек! — говорил протопоп, крепко обняв мичмана. — Недаром сердце моё полюбило тебя с первого взгляда. Чем больше узнаю тебя, тем больше любить тебя начинаю...

— Точно, дедушка! — подхватила Мария. — Вы не ошибаетесь в нём, я сама люблю его более себя.

— Что ты говоришь это, дитя моё милое?

— Она говорит то, что чувствует! — произнёс с жаром мичман. — И если безродный, оставленный всеми, кроме Бога, сирота и бедняк может, не обижая вас, изъяснить свои чувства, то и я скажу вам: я люблю её!

— И ты тоже любишь меня! — вскричала с восхищением Мария.

— Перестаньте, перестаньте, дети мои! — сказал протопоп со слезами на глазах. — Теперь не место и не время говорить об

этом. Мой совет: молиться больше Богу, так всё устроится по вашему желанию.

Мария кинулась на шею к своему деду и, обнимая его, твердила: — Любезный дедушка! Милый дедушка!

Мичман от избытка сердечной радости не говорил ни слова и только тоже порывался в объятия старика. Вообще вся группа представляла эмблему счастья, самого чистого, самого светлого.

«Боже Всемогущий! — думал Зуда, смотря на сию картину, — сколь мало нужно человеку, чтобы быть истинно счастливым, и как много желает он, чтобы достигнуть этого!

Совершенно противныя мысли занимали дьячка. Он почти обезумел от всего случившагося пред ним. Сперва, вытаращив глаза и разинув рот, он сидел в смешном изумлении, а потом, вскочив на ноги и вылезая проворно из юрты, произнёс со значительною миною: «Справедливо сказал ты, мудрейший из людей, велемудрый Спиноза, что Вселенная управляется случаем! Так и есть! Чем, например, эта гадина лучше меня: умнее ли, учёнее ли, ловчее ли, а вот подите — счастье, да и только!»

VII. САМОУБИЙСТВО

Безумствующий камчадал ещё несколько минут пролежал в безпамятстве.

— Возьмите его! — сказал протопоп, — и отнесите поскорее на нары: вишь, он совсем без чувств.

Но едва протопоп сие выговорил, как камчадал, вскочив опять на ноги, завопил ужасным голосом: «Брат! Помни клятву и поминай меня: вон стоит мухомор и велит мне себя зарезать». С сим словом он занёс на себя нож. Все бросились, чтобы удержать его, но он успел уже перерезать себе горло и, обливаясь кровью, покатился по юрте. Протопоп, Зуда, мичман и особенно Мария были поражены сим происшествием, но камчадалы, вообще мало дорожащие жизнью и склонные к самоубийству, смотрели на эту сцену весьма равнодушно, а жена самоубийцы и две ея прислужницы, не показав ни малейшаго испуга, тотчас приняли известные им средства для его спасения. Они обмыли рану, опутали больного ремнями, и потом прислужницы стали подле него с андронами, дабы отгонять ими смерть, а жена между тем, поместившись позади его, шептала над ним разные наговоры, также для отогнания смерти. Однако ж ни палки, ни наговоры не испугали старой хрычёвки, и, откуда ни взявшись, она утащила по обыкновению свою

жертву в известное одной ей место. Кончина сего несчастного также произвела больше впечатления на наших путешественников, нежели на его родовичей и родственников, которые, увидев, что он уже умер, преравнодушно навязали верёвку ему на шею, вытащили его из юрты и бросили около нея как вещь, уже отжившую свой век и ни на что более не пригодную.

— Вот самое диогеновское погребение! — сказал Зуда, обращаясь к протопопу. — Кажется, хуже нельзя пожелать и величайшему тирану, какого мог бы только вообразить хотя бы сам Махиапель.

— Ах, Абрам Васильевич! — говорил протопоп, — как ты можешь шутить над этим? А у меня так сердце обливается кровью, когда смотрю на это несчастное заблуждение.

— Вот! Заблуждение! Напротив, ничего не может быть лучшего. Так ли, брат Тарей?

— И конечно так, бачка! — подхватил тойон. — Кого съедят собаки, тот сам будет на том свете ездить на добрых собаках.

— Полно, братец! — возразил протопоп, — как тебе не стыдно верить этакому вздору? Пора вам отстать от него! Ты сам видишь, до чего вы доходите! И сколько я раз твердил об этом: быть худу! Незнание истинной веры ведёт вас от порока к пороку, от зла ко злу. Помяните моё слово: настанет то время, когда гибель постигнет весь род ваш за неверие ваше. Опустеют ваши острожки и травкою зарастут юрты...

— За что же, бачка, стращаешь нас?

— Нет, я не стращаю вас, но говорю истину: это должно непременно последовать в наказание за ваше невоздержание, за непомерное пьянство и сладострастие. Но ещё вы имеете время отвратить это зло. Признайте исповедуемого мною Бога, и вы избегнете гибели...

— И рады бы, бачка, да боимся. Вишь, у вас после смерти будут людей мучить, а у нас нет!

— Но кто же уверил вас в этом?

— Как кто? Сам Гаеч, сын Кутхи, всё это говорил ещё отцам нашим! Вишь, когда он умер, то и захотел, чтобы всё, что видел на тамошнем свете, рассказать своим родовичам. Вот пришёл с того света, да и рассказал всё.

— Что же всё? — спросил Зуда.

— Всего припомнить нельзя, а вот примерно сказать о свете, что ему конца нет; о душах, что они когда-нибудь оживут вместе с телом и также станут работать, только с той разницей, что тогда

будет уже во всем изобилие — и в зверях, и в рыбе, и в толкуше (самое любимое камчадалское кушанье, смесь ягод с икрой), и в соли, слышь, во всём, во всём.

— Стало быть, и звери, и рыба тоже так будут?

— Вестимо! Слышь, до последней мухи всё оживёт.

— Ах, Господи! — говорил протопоп, вздыхая. — Как трудно человека, единожды заблудшаго, обратить опять на путь истины!

— Но заметьте, отец Пётр, — сказал Зуда, — что важнейшия истины человечества не чужды и для самых грубых народов. Очистите от камчадалской религии все вздорныя и пустыя мнения, и что же останется? Бытие Бога, бессмертие души, будущая жизнь!

— Так, это правда! Но что в этом пользы, когда всё это заглушено разными нелепостями? Без веры Христовой все эти истины так же мало светят, как звёзды в ненастную ночь.

— Эх, бачка! — подхватил тойон. — Наши деды и прадеды прожили без вашей веры, так и мы прожить можем!

— Так, проживете. Но ваша жизнь главная не здесь, а по смерти.

— Так что же? Ведь я те сказал, что и мы оживём по смерти.

— А послушай-ка, господин Тарей! — спросил вдруг Зуда. — Когда вы все оживёте по смерти, то будете ли отвечать за прежние грехи? Например, если кто не сдержит клятвы...

— По-нашему, всякой за свои грехи здесь оттерпится — клятвы ли не сдержит или что другое сделает.

— А ты думаешь ли сдержать ту клятву, которую дал брату? — спросил протопоп, с намерением надоумленный Зудюю.

— Какую клятву, бачка? — отвечал тойон, не смутясь нимало. — Он всё пустяки врал: вишь, мухомор-то в нём шибко расходился.

— Дай Бог, чтоб так и было! — сказал протопоп. — Но если вы затеяли что недоброе, то сами будете после раскаиваться. Знаешь, русской народ силён.

— Знаю, знаю, бачка! Но ведь и ты меня знаешь не первой год. Стану ли я затевать что не по своим силам? Разве я с ума сойду! Одно только, что мы всем острожком положили: не давать ничего сверх царскаго ясака.

— Ну, это дело другое. За это вас никто повинить не может. А если вы затеяли что-то, я скажу тебе наперед: *приемшии нож ножем погибнет*, то есть кто возьмётся за нож, тот и погибнет от ножа.

— Я, бачка, сказал правду.

— Ну, я верю тебе. Поверь же и ты словам моим, что если хотите быть счастливыми в сем веке и будущем, то одно средство: сделаться христианином.

Протопоп объяснил при сем всю святость христианской веры и все безконечные блага, от нея проистекающия; но все его слова падали на самую каменистую почву, и тойон весьма равнодушно отвечал:

— Хорошо, хорошо, бачка, дай подумать, авось!

— Это я от тебя слышу не в первой раз, но делать нечего! Буди во всем воля Господня! Знать: *не убо пришёл час твой!*

— А, кажется, уже давно пришёл час, — подхватил Зуда, — чтобы всем нам ложиться спать?

— Ах, Абрам Васильевич! Ты до старости всё ребёнок... Но, в самом деле, пора ложиться. Эй, Лемшинга! Камак! Завтра чуть свет приготавлийте собак: наш больной, слава Богу, поправился, так время уж и отправляться в дорогу.

Все наконец заснули. В юрте стало тихо, как в могиле. Не спалось лишь одной Марии. Избыток радостных ощущений не давал ей сомкнуть глаз.

Душа ея была полна того чистаго, небеснаго восторга, который доступен только в первых минутах любви для непорочнаго сердца и который есть, может быть, хотя слабый и неясный, но верный очерк блаженства, обещаемаго вам вечностию. Носясь воображением в прекрасной, прелестной дали будущаго, Мария перелетала с мечты на мечту, и одна другой казалась ей сладостнее и милее. Напрасно наконец хотела она забыться сном: голова ея пылала, и сердце билось, как в сильной горячке. По тщетном и долгом усилии она встала и вышла потихоньку из юрты. Ночь была ясная. Огромный усталый шар Луны величественно спускался в бездны моря, и ряды дремлющих волн, как бы не желая расстаться с его ласковым светом, тихо катились на запад, волна за волною, и наконец исчезли в озарённом им пространстве. Хоры звёзд столь же тихо и мирно текли по небу. Марии казалось, что всё дышало спокойствием, миром и любовью, всё так ласково приветствовало её: и луна, и звёзды, и волны, всё так ясно и внятно, казалось, говорило ей: «Счастливая Мария! Он твой! Он тебя любит!» Подобных минут, когда восторженному юному сердцу кажется весь мир так прекрасен, так исполнен блаженства, описать невозможно. Их можно только привести на память тому, кто некогда ими наслаждался. Прислонившись к камню на берегу моря, Мария долго оставалась в сем положении. Мысли ея разбегались за волнами, и она наконец ничего не думала. Оставалось одно неясное, но сладостное ощущение любви, которое наполнило ея сердце.

— О чём вы так задумались? — спросил Марию тихо подошедший к ней мичман, который не мог также заснуть, волнуемый происшествиями дня.

— Ах, это вы! — вскрикнула Мария, как бы вдруг проснувшись ото сна. — Я думала о многом, о многом, думала о себе, о вас...

— И обо мне? Что же вы думали обо мне?

— Я думала, как буду я счастлива...

— Со мною? О, Мария! Так ты будешь счастлива! Ты будешь счастлива, милая Мария!

В это мгновение закатывавшаяся Луна, верный друг и благотворное божество любовников, подёрнулась лёгким туманом, как бы не желая смотреть на обманчивое блаженство двух милых существ, которых мечты и упования не могли сбыться в будущем. И когда она опять показалась из-за облака, то как будто для того только, чтобы осветить на ближнем пригорке две человеческия фигуры, которыя в знак какого-то взаимнаго условия схлопнули рука в руку и разошлись поспешно в разныя стороны. Появление их произвело в душах наших любовников весьма странный и быстрый переворот. Оба они были обданы каким-то удивительным страхом, точно так, как бы увидели беседу злых духов, стоваривавшихся об их погибели. Но что же значил сей страх? Было ли это предчувствие сердца, сие неисповедимое свойство его предугадывать несчастья, ещё таящиеся в недрах времени, или обыкновенное опасение, всегда сопровождающее людей, стоящих на верху счастья? Как бы то ни было, Виктор и Мария долго не могли успокоиться, но мало-помалу действие сего паническаго страха начало утихать, волны опасения улеглись в душе, и опять блаженство любви наполнило добрыя, невинныя и пылкия сердца двух счастливых. Тогда они начали сами шутить над собою и, весело разговаривая и смеясь, не заметили, как Луна, совершившая свой круг, спустилась на лоно плескавшихся около нея волн, звёзды удалились одна за другою в безмятежную обитель неба и царь Вселенныя возстал во всём великолелии своём из-за вершин отдалённых хребтов.

VIII. ЦЫГАНКА

Кто не знает Авачинской губы, сей первой гавани в целом свете, образованной самою природою и могущею вместить соединённые флоты всей Вселенной? Эта гавань сливается ещё с тремя меньшими: Раковой, Тарьинской и Петропавловской, получившей

сие название от кораблей «Петра» и «Павла», посещавших её во время экспедиции знаменитого Беринга. Гавань Петропавловская лежит в северной части Авачинской губы, отделяясь от нея с запада гористым полуостровом, а с востока — клинообразною узкою косою, по-сибирски кошкою. Частию на сей кошке и частию на северном берегу гавани расположен острожек Петропавловск, имевший в описываемое нами время домов не более двенадцати, несколько балаганов и деревянную церковь. Лучшими зданиями считались дома начальника и протопопа, приезжавших сюда на время. Прочие были в истинном значении сего слова хижины, тут инде разбросанныя.

Таким образом, вид сего беднаго селения, закинутаго на край земли и отделённаго пустынями и морями от образованнаго мира, наводил на сердце мыслящаго обитателя невольную скуку и грусть. Окрестности его столь же мрачны и печальны, хотя и величественны. С одной стороны море, с другой ужасныя горы — Стрелочная, Авачинская и другия, или покрытыя вечным снегом, или вечно дымящияся. Это грозные шатры, затопленные всемогущею рукою природы и, может быть, разгорающияся на день суда!

Но нужно ли объяснять, что взгляд наш на природу совершенно зависит от состояния нашей души? Так, например, счастливому мичману и нашей камчадалке, прогуливавшимся в один ясный декабрьский день по тропинке, протоптанной на косогоре, ведущем на кошку, казалось, что нигде в свете нельзя найти картины прелестнейшей и живописнейшей. В сие время лучи полдневнаго солнца скользили по лесистым вершинам сопок и отражались в миллионах алмазных звёзд, разсыпанных по белому пологу снега, раскинутому на горах и долинах вокруг огромнаго зеркала, образовавшагося из чистой и гладкой поверхности замерзшаго залива.

Холод был самый умеренный (климат петропавловский несколько сходен с петербургским. Мороз редко простирается там выше двадцати двух градусов по Реомюру) и более приятный, нежели ощутительный. Воздух чистый и проливавший с дыханием самую усладительную свежесть. Прибавьте к этому неизъяснимый восторг первой любви, очаровательную сладость надежд на будущее блаженство, близость милаго, обожаемаго предмета — и вы поверите, что наши любовники не могли ни желать, ни вообразить лучшаго места.

Разговор их в продолжение прогулки перебежал с предмета на предмет, хотя и кружился около одного центра, и этот центр был — любовь. Они то терялись в будущем, то возвращались в прошедшее.

Наконец, вспоминая с чувством, вместе и ужасным и сладким, подробности избавления, мичман сказал Марии:

— Тотчас по приезде нашем сюда я старался узнать о жене великодушного матроса, и мне сказывали, что она живёт вон в этой хижине, подле первого балагана на кошке. Не хочешь ли, Мария, зайти вместе со мной теперь к этой женщине?

— О! Я сама давно желаю видеть её, чтобы помочь ей, чем только в состоянии. Впрочем, мало и самой жизни моей, чтобы заплатить достойно за подвиг ея мужа: он подарил мне тебя.

— Скажи лучше, он сохранил мне жизнь, чтобы я узнал всю ея цену, узнавши тебя, мою милую, мою великодушную избавительницу!

В сем сладком состоянии духа мичман и Мария отворили дверь в хижину. Тут жила бедность со всеми своими ужасами — голодом, холодом и нечистотою. Двое ребятишек укрывались от стужи на печи, быв почти нагие. В углу, подле стола, у окошка, заткнутаго льдиною, стояла женщина высокого роста, сухощавая, с большими чёрными глазами, со смуглым мрачным лицом и вообще с цыганскою физиономиею. Она держала в руках струганину (мёрзлая рыба, которую стругают ножом и едят сырую) и с великою бранью бросала куски голодным ребятам, хватавшим их с жадностию собак.

— Чтоб вам околеть, негодные! — говорила она, стиснувши зубы. — И то всё сожрали, а ещё просите! Где ж мне взять? Отец-то ваш поехал, да мне ничего не оставил, а теперь стал чёрту баран! Добывай сама, как умеешь! Перестаньте, окаянные, не то пырну ножом, так уймётесь, дьяволы!

— Не стыдно ли так бранить своих детей, тётка? — сказал мичман, вошедший во время ея монолога в хижину.

Цыганка обернулась к дверям и с приметным изумлением сверкнула глазами на мичмана, который также показал вид величайшего удивления и даже испуга.

— Что я вижу? — вскричал он. — Это ты, Марина?

— Какая, батюшка, я Марина? — отвечала цыганка, мгновенно приняв на себя вид самого искренняго смирения и стараясь говорить самым простодушным языком. — Извольте спросить барышню: она знает меня. Я мещанка Караулова, Аграфена.

— Да, это правда — сказала Мария.

— Чего же испугалась ты? — спросил мичман.

— Да виш вы, ваше благородие, изволили вдруг зайти, а моё-то дело сиротское: недавно лишилась мужа, дети мал-мала меньше.

— Я знал твоего мужа. Он мне спас жизнь, и я пришёл оказать тебе помощь. Вот возьми это на первый раз, а потом, когда выйдут эти деньги, опять приходи ко мне.

— Благодарствую, батюшка, ваше благородие! — воскликнула женщина, упав в ноги мичману и рыдая с великим искусством. — Благодарствую, мой кормилец! Господь, Царь Небесный наградит тебя, что ты меня, горькую сироту, не забыл! И тебя не забудет Господь ни в сем веке, ни в будущем!

— Ах, полно плакать, Караулиха! — сказала Мария, у которой также показались на глазах слёзы.

— Как же не плакать и не рыдать мне, ангелочек ты мой, когда нашлись этакие добрые люди, каких здесь и слыхом не слыхано! Вот я здесь десятой годочек выживаю, известно вам, а кто призирал меня, горемышную, кроме вашего дедушки, дай Господи ему доброе здоровье? А то нет и кусочка, не жди ниоткуда, а ведь, бывало, мой-то заедет в море, так по целому году и глаз не увидишь!

— Где же он женился на тебе? — спросил мичман, желая узнать ее происхождение.

— В Иркутске, мой родимый, в Иркутске. Вишь, батюшка мой был тамошний казак Почекунин. Мой-то жил тогда ещё исправно. Присватался, батюшка позарился, да и отдал меня за него, а он и спейся! Пил, пил, да под конец и нанялся в компанию. Что делать? Принуждена была ехать сюда век коротать!

— А желала ли бы ты воротиться в Иркутск?

— Нешто, мой кормилец, как бы не желать!

— Ну, так я постараюсь об этом...

— Ах ты, родимый мой! — вскричала цыганка, опять кинувшись в ноги. — Дай тебе Господи! Награди тебя Господи!

— Ну, хорошо, хорошо! Прощай.

По выходе из хижины мичмана и Марии цыганка опять приняла на себя мрачный вид, села подле стола и, подперши рукою голову, погрузилась в глубокую думу, прерывая изредка молчание отрывистыми восклицаниями:

— Так, это он! Вот судьба! Для него мой пьяница отдал жизнь, для этого бестии, котораго отец, который сам был причиною моей ссылки! Так нет же, злая судьба! Я пойду наперекор тебе, не дам смеяться тебе надо мною! Яд и нож! Вы ещё остались у меня! Вы ещё при мне, мои верные товарищи с того ненавистнаго дня, как люди заставили меня таскаться по свету!

Цыганка, разгорячаясь более и более, пришла наконец в совершенное бешенство.

— Меня обезчестили, — вопияла она с величайшею яростию, — меня обманули, наругались надо мною, меня гнали из места в место, терзали, мучили, кровь мою пили. И ты, злодей, и твой проклятый выродок были всему причиною! Теперь ваша очередь наступила, теперь пришло время мне потешиться над вами, теперь вы попали в мои руки! Гибните же, окаянные!

Дети цыганки, приведённые в испуг ея бешенством, вскочив с печи, полезли к ней.

— Матушка, матушка! Что ты сердишься? На кого ты сердишься!

— А, дьяволы! Вы хотите меня умиловать? Нет вам пощады!

Она махнула наотмочь ножом, и два сына ея, облитые кровью, упали к ея ногам. С тем вместе выпал и нож из ея рук. Она села на скамью, как будто пришла в себя и, устремив страшные взоры на лежавшие пред нею трупы детей, захохотала отчаянным смехом:

— Ха, ха, ха! Вот ещё штука! Так я зарезала своих детей! Это ты, господин дьявол, подшутил надо мною! Тебе всё хочется моей души? Возьми, брат, её: она твоя, но у меня ещё есть на земле отрада! Однако ж прибрать трупы. Мне не впервые хоронить их, и для меня всё равно теперь кого ни похоронить! Лежите, дети! Теперь вы будете и сыты, и теплы, и одеты, чего же вам более? Хорошо, что у вас такая добрая мать!

Она подняла половицу и, выкопав яму, положила в них оба трупа, завернув их в рогожу.

— Не прочитать ли молитву? Ведь говорили: эта глупая барыня, у которой я жила с детства, окрестила меня... Ха-ха-ха! Всё пустое!

*Спите, трупы! Под землёю
Сон спокоен и глубок!
Ни с напастью, ни с бедою
Не знаком ваш уголок.
Мать сыра земля защита
Вам от снега, от дождя;
Ею ваша грудь закрыта
От стрелы и от ножа.
И не встретят ваши очи
Взгляд кровавый палачей,
И под мраком бурной ночи
Не подкрадетя злодей!
Спите, трупы! Под землёю
Сон спокоен и глубок.
Ни с напастью, ни с бедою
Не знаком ваш уголок!*

Пропев сию песню диким нечеловеческим голосом, цыганка опустила по-прежнему половицу и, потерши рукою лоб, сказала весьма спокойно:

— Ну! Дело кончено! Утонули, да и только! Пусть ищет, кто хочет!

Между тем мичман и Мария хотя возвращались тою же тропинкою, но уже не с прежним удовольствием смотрели на окружавшую их великолепную картину. Странное и близкое сходство Аграфены с Мариною возобновило в душе мичмана уснувшую тоску о потерянных им родителях. Мария, смотря на его задумчивость, также приуныла. Долго они шли, не прерывая молчания.

Наконец мичман спросил Марию:

— Я думаю, жизнь этой женщины совершенно известна здесь?

— Известно только то, — отвечала Мария, — что она приезжая и что точно дочь какого-то мещанина, по крайней мере, так сказывал и покойной муж ея. Говорят также, что она с мужем своим жила весьма дурно, что она женщина весьма хитрая, что почти никогда не ходит в церковь и слывет колдуньею. Мне в детстве так много наговорили о ней, что и теперь ещё при встрече с нею как будто рождается у меня в душе какое-то тёмное предчувствие...

— Можно ли, Мария, верить мечтам детства? Ты, слава Богу, не испытала бедности и не знаешь ея пагубных следствий: она портит иногда самое доброе сердце. Я уверен, что если постараться — что я непременно и сделаю — если постараться улучшить состояние Карауловой, то о ней заговорят совсем другое. Та глубокая чувствительность, с которою она приняла самое маленькое одолжение, показывает, что сердце ея способно чувствовать добро, и это-то совершенно уверило меня, что сходство ея с Мариною есть только игра случая.

— Пусть так будет, Виктор, но всё же я прошу тебя: будь с нею осторожнее. Моя покровительница, помню я, говорила мне однажды, что точно иногда сердце предчувствует будущее несчастье.

— Это правда! — сказал с улыбкою мичман, стараясь принять на себя весёлый вид. — Я сам в эту минуту имею самое верное предчувствие...

— Какое же?

— Что мы опоздаем к обеду и что имянинник наш, Антон Григорьевич, будет на нас сердиться...

— Ну, это предчувствие ещё не так страшно. Однако ж, в самом деле, поспешим, потому что Ольга Павловна, верно, уже дожидается нас.

— Ах, Мария! Как мне нравится эта прекрасная дама!

— Но когда ты, Виктор, более познакомишься с нею, то ещё более будешь любить её. Это сущий ангел!

— И потому ещё должен я любить её, — сказал мичман, сжимая руку Марии, — что она воспитала для меня другого ангела.

— Нет, Виктор! Я только тогда могла бы называться сим именем, когда бы походила на нея во всём. Ты бы посмотрел, с каким участием она слушала дедушку, когда он просил у ней согласия на нашу свадьбу! С каким вниманием спрашивала она о тебе и с какою нежностью обняла меня и сказала: «Машенька! Я не препятствую тебе. Дай Бог, чтобы сердце твоё тебя не обмануло! Признаюсь: твой жених и мне понравился с первого взгляда. Будьте счастливы, он тобой, а ты им!»

— Это прекрасное желание уже исполняется, — говорил мичман. — Ах, Мария! Есть ли на свете человек счастливее меня?

— Есть, и это я! — сказала Мария, взглянув на своего любовника со всею пламенностью страсти.

Говоря сие, они подошли к дому начальника и взошли на крыльцо.

IX. НАЧАЛЬНИК

День именин Антона Григорьевича был самым памятным днём для обитателей Камчатки, ибо именно к этому дню должны они были заготовить порядочный запас всякой всячины для подарков дорогому имениннику. Подарки обыкновенно доставлялись ему из богатейших острожков самими тойонами, а из отдалённых мест — или исправниками, или присылались с нарочными. Смешно было смотреть на почтенного Антона Григорьевича, когда он, быв в душе величайшим грабителем, смиренно-мудренно сидел за Четьи-Минею накануне своих именин и стыдливо поглядывал, как приходившие купцы и тойоны заваливали мягкою рухлядью казёнку, нарочно для сего устроенную подле его кабинета. «Благодарствую, друг мой! — говорил он каждому приносителю. — Это вовсе лишнее. Кабы я не боялся тебя обидеть, то ни за что бы не принял». По выходе же приносителя он тщательно осматривал приношение, и если находил оное недостаточным, то с великою злобою говорил: «А, мошенник! Ты ещё, видно, не учён! Пожалел лыка, так отдашь и ремень!» Все эти приношения были, однако ж, только экстраординарные. Независимо от них были ещё систематические, единожды навсегда определённые, о которых мы слышали уж из уст Тарей. С этими-то поборами приезжали сами исправники, которых Антон Григорьевич умел удивительно держать в руках.

Это был охотник со сворою собак, которых он пускал на добычу и которым позволял пользоваться и самим, накидывая в сие время верёвку им на шею, дабы при малейшем со стороны их неповиновении иметь возможность не только прибрать их к рукам, но и задавить в случае нужды. Находясь как с ними, так и с другими доверенными своими людьми наедине, Антон Григорьевич, хотя совершенно снимал с себя личину святоши, как в сем случае ни к чему не служившую, но зато надевал другую личину какой-то законности в самых мошеннических делах и резким начальническим тоном требовал исполнения самых беззаконных приказаний как справедливого и необходимого или как должной дани благодарности со стороны их за дозволение устраивать своё состояние. Боже сохрани, если кто оказывался в сем случае неблагодарным, то есть не сбирал всего определённого и осмеливался приезжать не только с пустыми, хотя не совсем с полными руками. Такой смертный грех случился накануне настоящих именин с исправником большерецким, которому Тарей отказал в оброке наотрез, представив нужды и бедность своего острожка.

Большерецкой исправник, коллежский регистратор Сумкин, был маленькой, хромой мужичок, самой низкой и подлой души, почти веровавший в Антона Григорьевича и всегда готовый перенести от него всякую брань и обиду. Объяснив с видом величавшаго подобострастия и робости отказ Тарей, он едва не упал в обморок, увидев вспыхнувший на лице своего повелителя огонь гнева ярости.

— Неблагодарные мошенники! — завопил Антон Григорьевич, кинув в Сумкина Четьи-Минеи. — Я за вас умираю на деле, чтобы вы были спокойны да счастливы, а вы? Что вы делаете со мной? Хотите меня по миру пустить!

— Простите великодушно, ваше высокоблагородие! Всё будет исправлено!

— Подлец ты, мошенник! Всё будет исправлено! Ты этого не хотел для меня сделать? Я тебя заставляю думать о твоей обязанности.

— Ваше высокоблагородие! Я бы со всем усердием, да ведь острожек Тарей действительно самый бедный...

— Да, бедный, потому что тут дело шло о моей выгоде, а не о твоей. Я слышать этого не хочу!

— Что же мне делать, ваше высокоблагородие?

— Что делать? А вот что. — Антон Григорьевич обернул Сумкина к дверям и вытолкнул его в шею.

— Добро же ты, шельма Тарей! — ворчал Сумкин, выходя из дома начальника. — Я теперь из тебя сок вытоплю. Я посмотрю, как ты не отдашь мне всего, да ещё и с сотенными процентами!

— Что так обезпокоились, Антроп Спиридонович? — спросил Сумкина попавшийся к нему навстречу фельдшер.

— Ах, это вы, Алексей Пантелеевич! — вскричал Сумкин, бросая обнимать Шангина. — Извините, любезнейший, в потьмах-то и не вижу! Давным-давно не видал! Как поживаете?

— Слава Богу! А откуда изволите путь-дорогу держать?

— От начальника, любезнейший! Признаться, сегодня провинился, немного так побранил, да и подзатыльник ещё скроить изволил. Да брань на вороту не виснет, и от отца всё стерпеть можно, а ведь он у нас не начальник, а отец!

— Правда ваша, Антроп Спиридонович, правда, что отец! А за что он вас побить изволил?

— Да за мошенника Тарейю.

Сумкин рассказал, в чём дело.

— Это мне известно, Антроп Спиридонович! — говорил Шангин. — Тут вы ни сном, ни духом не виноваты.

— То-то и есть, Алексей Пантелеевич! Если начальник будет говорить с вами об этом, так, пожалуйста, замолвите золотое словечко, а покамест возьмите это серебряное колечко. — Так пришлось складно сказать.

При сей подъяческой рифме Сумкин всунул в руку Шангина кошелёк с серебряными деньгами.

— Напрасно беспокоитесь, Антроп Спиридонович! Я и без этого исполнил бы ваше приказание...

Между тем по изгнании Сумкина начальник мгновенно принял на себя спокойный вид, ибо настоящий гнев его был притворный, как тактическая проделка, которую он употреблял с людьми подлаго характера. Он поднял Минею, исправил в ней смятые листы и, заметив закладкою житие Козмы Безсребренника, с усмешкою положил книгу на стол. «Моя жизнь, — говорил он сам с собою, — если сказать правду, не слишком походит на житие этого святого. Но не всякому же быть безсребренником! Впрочем, и меня можно назвать так же: серебра-то и у меня не много, только соболи да лисицы, а ведь это не серебро! Ха, ха, ха! Только как ни посмотрю я на свои дела, — продолжал он, несколько помолчавши, — то сам себе удивляюсь. Здешние первые русские выходцы говаривали: в Камчатке-де семь лет можно прожить счастливо, а я — каково

же? — одиннадцатый год обираю здесь праваго и виноватаго, и живу, как мне хочется! Вот что значит подобрать людей! Я уверен, что, например, этот подлец Сумкин теперь рад с живаго Тарей содрать кожу и пронести мне в подарок, лишь бы я не сердился на него... Да, власти у меня много, богатства ещё более, чего же ещё надобно? Ах, эта проклятая девчонка не выходит у меня из ума! Но что я могу сделать? Она имеет жениха, я — жену!»

Сказав сие, он опять замолчал и стал ходить по комнате большими шагами. «Да! Это ужасно, но это должно быть! А мучение совести? А мука за гробом?» Он медленно повёл глазами по стене комнаты и остановился на висящем на ней портрете иезуитскаго патера. «Что ты мне скажешь теперь, наставник моего детства? Как ты разрешишь эту задачу? Ты, который старался напечатлеть на моём детском уме что ни добрые дела не могут спасти нас, ни погубить худыя? Отвечай мне теперь. Твой ответ мне в эту минуту всего нужнее! Ты молчишь? Так пусть же тягость моего злодеяния обрушится над собою! Пусть же от тебя потребуют ответа в моём преступлении, если ты обманул меня... Я решился, и дело кончено!»

В эту минуту послышался шорох за дверью. Начальник схватил опять Четьи-Минею и принял на себя вид глубокого внимания.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие! — сказал вошедший в комнату фельдшер.

— А, это ты, Алексей? Куда это чёрт тебя занёс? Ведь, шутка ли, два месяца целых слонялся?

— Слава Богу, ваше высокоблагородие, что ещё и жив остался...

— Что с тобой сделалось?

— Да что, ваше высокоблагородие! Наш почтенный отец-протоиерей изволит разъезжать, да только бунтует народ.

— Как так?

— А вот извольте видеть! Продавал в Кууюхчене вашу водку...

— Где же товары?

— А вот здесь, ваше высокоблагородие! Четыре сорочка. Извольте посмотреть: масть к масти!

— Хорошо, положи! Ну, так что же?

— И протопоп тут же был, да Зуда...

— А, это старый мошенник!

— Да молодой офицер, да внучка протопопа...

При сем слове краска показалась на лице начальника, и он с нетерпением прервал фельдшера:

— Тфу, к чёрту! Что ты всё это мне рассказываешь?

— Имейте терпение, ваше высокоблагородие, я не задержу вас. Вот я продаю водку и вижу: дело не ладно: протопоп с Зудюю так и честят вашу милость, индо меня мороз по коже подрал...

Фельдшер пересказал разговор протопопа с Зудюю, переиначив его по-своему. Выслушав его, начальник вскричал в бешенстве:

— Они осмелились поносить меня?

— Я не солгу, ваше высокоблагородие!

— Дорого же будет им стоить эта брань! Продолжай!

— Вот они говорили, говорили, да и начали уговаривать тойона на бунт, чтобы он не покупал от меня водки, чтобы отказался от платежа оброка...

— Клянусь Богом! — вскричал начальник, ударив кулаком по столу. — Они раскаются в этих поступках!

— Но это ещё только цветки, ваше высокоблагородие, ягодки ещё впереди. Услышав их возмутительные речи, Тенява, брат тойона, закричал было что если они не уймутся, то он-де донесёт на них начальству. Как они все вдруг бросятся на него, схватили его за горло, да и давай давить. Я было пристал — где ты! Как пить дали, уходили, да и я едва ноги унёс, да вот и прохворал в Больше-речке без малаго две недели.

— Так и офицер участвовал в убийстве? — спросил начальник с дикою радостью.

— Все, все, ваше высокоблагородие!

Начальник замолчал. Он сложил руки на грудь и начал ходить по комнате, погружившись в самую глубокую думу. «Не понимаю, — думал он, — какой злой рок покровительствует всем моим намерениям? Сколько доносов, сколько клеветы и правды было писано на меня, и всё сошло с рук, как нельзя лучше! Самыя чёрныя дела мои обратились в мою пользу и самыя справедливыя жалобы мне удалось опровергнуть! Теперь я замышляю самое страшное дело, и что же? Кто это помогает мне? Какой злой дух разделяет со мной мои желанья? Я наперёд знаю, что этот бездельник, взводя убийство на протопопа и мичмана, говорит ложь и что он, или проникнув своим лукавым умом в расположение моей души, или из собственной мелочной выгоды, готов погубить невинно мать и отца роднаго. Но тем не менее он вдруг доставляет мне прекрасный предлог к совершению моего намерения, когда я всего менее ожидал этого? Что ж это значит? Я могу теперь взять тотчас под арест этого офицера, сделать его чернее сажи, хотя бы совесть его была светлее солнца, и, наконец, совершенно погубить его! Ужели злой дух доставляет мне этот случай, дабы увлечь меня в погибель?

Но так и быть: демон или судьба помогают мне, я воспользуюсь этой помощью!»

— Послушай, Алексей! Ты затеваешь дело нешуточное, имеешь ли ты свидетелей?

— Имею, ваше высокоблагородие!

— Кто ж они таковы?

— Во-первых, дьячок Шайдуров.

— Ручаешься ли ты, что этот урод поддержит твои слова?

— Так думаю, по крайней мере, потому, что он зол на протопопа и офицера. Ведь вы изволите знать, что он хотел жениться на протопопской внучке. Он тоже расскажет вам, как они поносили и позорили ваше имя...

— Хорошо! Я дам им знать себя! Я их разобью.

— Вдребезги, ваше высокоблагородие! — воскликнул вошедший в сие время с кипюю бумаг секретарь начальника Пётр Фёдорович Погремушкин, не менее своего владыки склонный ко взяткам и к грабительству, но разыгрывавший роль человека строгого и правдолюбиваго и поощрявший Антона Григорьевича ко всякому злу под видом искоренения злоупотреблений. — Вдребезги! — повторил он. — Коли истреблять зло, так надобно его вырывать с корнем!

— Правда твоя, Пётр Фёдорович! Но что это у тебя под мышкою?

— Почта.

— Давай скорее!

Начальник схватил с нетерпением пакеты и, отобрав предписания губернаторския, проворно распечатывал их и бегло прочитывал. В это время фельдшер на цыпочках вышел из комнаты, а Пётр Фёдорович, также любивший выдавать себя за человека просвещеннаго, занялся разборкою журналов, которых было получено вдруг несколько книжек, с ноября по апрель, ибо почта пришла за целые полгода (и ныне почта в Камчатку приходит только два раза в год). Пётр Фёдорович, прочитывая заглавия и раскладывая журналы по кучкам, делал свои замечания:

— «Что-нибудь»! Ба! Только два нумера! Вот, извольте платить деньги по пустякам и ждать целые полгода, чтобы наконец узнать, что господин издатель вздумал повеселиться на счёт добродушных подписчиков. Что станешь делать с мошенниками? «Вечерняя заря»... Вот это журнал хоть куда! И издаётся исправно, и есть очень хорошие статейки! «О познании Бога, самого себя и своих должностей»... Прекрасно! Антон Григорьевич, вот статейка!

— Хорошо, хорошо, Пётр Фёдорович! Разбери поскорее да отошли к жене. Это по ее части.

— «Покоящийся трудолюбец», «Растущий виноград», «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»... А вот и книжечка вашего племянника: «Зерцало древней учёности»...

— Сколько экземпляров?

— Кажется, экземпляров пятьдесят будет...

— Так разошлите, Пётр Фёдорович, поскорее при письмах к исправникам, чтобы роздали камчадалам и поскорее прислали деньги. Эта книга для них будет очень полезна.

— Ваша правда, — отвечал секретарь без малейшей усмешки.

После сего начальник опять стал пересматривать бумаги и вдруг вскричал:

— Ещё донос!

— Донос? — подхватил Пётр Фёдорович, оттолкнув в сторону книги и журналы. — Вот что значит быть великодушным! Я давно говорил вам: с бездельниками церемониться нечего! Вдребезги, да и полно! Кто ж это осмелился вас чернить?

— Приятель мой, отец протоиерей... Это за то, что я воспитал его внучку! Вот неблагодарные!

— Что же написал он?

— Слушай! «Злоупотребления превзошли здесь всю меру; нет правосудия в судах; торговля в руках начальника, жители разорены, и вопль их...» — А, поп! Так и ты вздумал клеветать за меня!

— Дерзость, непомерная дерзость! — воскликнул Пётр Фёдорович. — Ложь и клевета невообразимы!

— Ну, пусть же он лжёт: он теперь в моих руках! Сейчас только Алексей рассказал мне ужасное дело.

Объяснив донос фельдшера, начальник прибавил в заключение:

— Пётр Фёдорович! Потрудитесь приготовить к завтраму предписание на имя большеерецкого исправника, чтобы он произвёл об этом следствие самым строжайшим и, разумеется, самым беспристрастнейшим образом. Я думаю и вас также прикомандировать к этому. Ваше беспристрастие мне совершенно известно...

— Благодарю, ваше высокоблагородие, за доброе мнение. При таком начальнике, как вы, не быть беспристрастным...

— И также, пожалуйста, приготовьте хороший ответ губернатору. Ещё я желал бы иметь сведение о состоянии вообще здешняго духовенства. Кажется, не худо бы поставить на вид...

— Да уж, когда бить, — сказал с жаром Пётр Фёдорович, — так надобно добивать: полумеры никуда не годятся! Я это вам давно твержу.

— Что делать, Пётр Фёдорович? Великодушие меня губит!

— Да, и добродетель неуместная вредна!

— Ну, так и быть, что сделано, то сделано! Потерянного не воротишь! По крайней мере, теперь постараемся поправить ошибку. Займитесь же, пожалуйста, бумагами.

Надобно сказать правду, что Пётр Фёдорович был человек весьма неглупый, искусный в писании бумаг и величайший мастер делать из чёрного белое. Поутру чем свет он уже был в кабинете начальника.

— Вот вашему высокоблагородию подарок в день именин. Извините: чем богат, тем и рад!

— Спасибо, Пётр Фёдорович! Этот подарок мне всего нужнее. Ну, читай же, что написал.

Секретарь начал с ответа губернатору.

— С самого вступления моего в управление Камчаткою я прилагал неусыпных попечения, обозрев все части, вникнуть в состояние оных и привести их в лучшее положение, сколько позволяли зависящая от меня средства. С ужасом увидел я повсеместный беспорядок, злоупотребления, разстройство, разврат и всеобщее растление в нравах...

— Прекрасно! Продолжайте!

— Решившись с самым пламенным усердием к пользе службы действовать к искоренению сего зла, я встретил величайшия и неожиданныя препятствия. Чиновники, духовные и граждане, быв большею частию из числа сосланных и, следовательно, нося в себе семена всякаго зла, составили между собою комплот (заговор с преступными целями), дабы противиться принимаемым мною мерам, и сговорились всячески чернить меня пред лицом высшаго начальства...

— Превосходно, неподобно! Сущяя истина!

Секретарь наконец дочитал бумагу, в которой по опровержении протопопскаго доноса на самого его взводилась самая нелепая клевета: что он не старается вовсе о распространении христианской веры между инородцами, что, напротив, присутствием своим при их суеверных обрядах, как-то: на свадьбах, похоронах — сам поощряет их к продолжению идолопоклонства и разврата, что слабое правление его духовенством подало повод ко многим злоупотреблениям и порокам, что он восстанавливает и возмущает народ против

начальства, что он замешан по делу об убийстве камчадала Тенявы, о чём-де производится уже следствие, и прочем, и прочем. Словом сказать, не было преступления, котораго мастерская рука правдолюбиваго секретаря не взвела бы на этого добродетельнейшаго христианина, каков был протопоп Верещагин, и все эти клеветы, быв изложены складно и дельно в форме официальной бумаги, приняли вид величайшей вероятности.

Начальник был в восхищении и, подписав бумагу, разцеловал Петра Фёдоровича.

— Вот, это-то, — говорил он с чувством величайшаго удовольствия, — значит поднести красненькое яичко! Удружил, Пётр Фёдорович, удружил! Ну, покажите же мне прочия бумаги.

— Вот предписание исправнику... Предписание на моё имя... Предписание на имя нижнекамчатскаго уезднаго суда, дабы он для суждения дела о бунте прибыл сюда. Ведь я чаю, вы по болезни вашей ноги не можете скоро туда отправиться, а это дело такого рода, что требует ближайшаго надзора.

— Это правда! Ты вздумал очень дельно!

— Предписание исправникам насчёт поведения духовных...

— А, хорошо! Спасибо, что не забыл! Эта бумага весьма нужна!

— Предписание городничим, чтобы они старались всеми мерами узнавать, не затевается ли где комплота против начальства, и потом старались немедленно схватывать бумаги и самих таковых злоумышленников брать под стражу!

— Прекрасно! Это давно надлежало сделать! Этого требует спокойствие целой здешней страны.

— Наконец, предписание о взятии под стражу мичмана и протопопа...

— Нет, это ещё рано! С протопопом, по его званию, надобно поступать осторожнее, а к мичману во вчерашней связке я нашёл письмо из Иркутска. Прежде я хочу узнать, от кого оно, дабы судить о его связях. Этого требует благоразумие!

— Ваша правда, Антон Григорьевич! В делах человеческих не довольно быть только невинным, но необходимо нужна, сверх того, крайняя осторожность.

— Так я и думаю. Если откроется, что связи его в Иркутске значительны, то, до окончания следствия, было бы несправедливо стеснять его, а там от рук правосудия он скрыться не может.

Сим окончился разговор.

Секретарь вышел, а начальник, отворив немного дверь в зал, где собрались уже для поздравления съехавшиеся чиновники,

купцы, тойоны и почётнейшие жители острожка, позвал к себе Сумкина и, отдавая ему предписание, сказал строгим голосом:

— Вот, Сумкин, тебе предписание о производстве следствия, по донесению Алексея. Я уверен, что донесение его совершенно справедливо, и я наперёд тебе скажу, что если осмелишься ты представить это дело в другом, ложном виде, то не усидишь на месте ни одного часа. Понимаешь ли меня?

— Понимаю, ваше высокоблагородие!

— Я от тебя требую совершенного безпристрастия, безкорыстия и истины. Помни же это, да покамест не приедешь на место, то, Боже тебя храни, сказать кому бы то ни было об этом поручении! Ни жене, ни детям! Слышишь ли?

— Слушаю, ваше высокоблагородие!

По выходе Сумкина начальник, начиная приготовляться к обедне, думал между тем: «Кажется, всё мною обдуманно хорошо! Сумкину я выразил свои мысли довольно ясно, он не осмелится написать другаго. К тому же этот плут, играющий роль правдухи, мой почтенный секретарь Погремушкин, пособит это дело представить по моему желанию, зная мои отношения с протопопом... И так его брань, и донос, и наговоры отольются ему со сторицею! А что касается до мичмана, то он из рук моих не уйдёт, хотя я и не возьму его теперь под стражу. Средств много от него отделаться, и свадьбы своей не видать ему как своих ушей!»

— Словом, покуда всё идёт как нельзя лучше, но конец венчает дело! — сказал он вслух.

— Точно так, ваше высокоблагородие! — подхватил вошедший в сию минуту дьячок. — *Finis bonus coronat opus!*

— Что ты скажешь, Степаныч?

— Во-первых, честь имею поздравить вас с ангелом и пожелать вам лета Мафусаиловы, а во-вторых, доложить, что отец протоиерей уже располагаетя начать обедню, дожидая ваше высокоблагородие ровно два часа битых...

— Хорошо, хорошо! Извини меня пред отцем протоиереем и скажи, что сейчас иду.

После сего, выйдя в приёмную комнату, начальник раскланялся с ожидавшею его давным-давно подобострастною толпою и вместе с нею отправился туда, где душа кающагося грешника может обрести Небо, а нераскаяннаго — вечное наказание. Однако ж Антон Григорьевич, надев опять на себя роль смиренно-мудрённаго христианина, столь хорошо разыгрывал её, что безпрестанно утирал слёзы и проплакал от умиления почти всю обедню.

Х. ОБЕД

По окончании обедни начальник, не показав ни малейшего вида неудовольствия, пригласил протопопа к себе на обед, за которым посадил его по правую сторону. По левую сидела его супруга, далее Мария и мичман, в конце же стола заседали дьячок и фельдшер, приглашённые к обеду по известной пословице: *на безрыбье и рак рыба*. Сверх сих лиц были ещё несколько чиновников с жёнами, но мы не имеем надобности именовать их, заметив только одно обстоятельство, что земские отличалась особенною свободою и самоуверенностию в превосходстве пред своими собратиями. Обед шёл весьма тихо и чинно. Любимый разговор Антона Григорьевича, когда он находился в собрании, был о суете мира, о трудном пути креста, о самоотвержении и презрении всех благ житейских и прочем. Сверх того, за столом у него всегда была читана Библия, и на сей раз сие чтение было поручено дьячку, который самым выразительным и несколько гнусноватым голосом с необходимым для него прибавлением глупейших жестов провозгласил:

— Книга Иисуса сына Сирахова. «Чадо! Живота ницаго не лиши и не отвращай очей от просящаго; души алчущия не оскорби, и не разгневай мужа в нищете его...»

— Вот истинная мудрость! — говорил Антон Григорьевич, обращаясь к протопопу. — Вот чему мы должны бы следовать!

Протопоп наклонил голову в знак согласия, но не сказал ни слова, а дьячок продолжал:

«Не уповай на имение твое, и не рцы: довольно мы суть... Не рцы: кто мя преможет, Господь бо мстят отмстит ти...»

При сем слове начальник принял мрачную мину и, прервав чтение, сказал дьячку:

— Ну-ка, Степаныч, прочитай что-нибудь из книги Иова. Я особенно люблю эту книгу, — говорил он, обращаясь к протопопу. — Тут есть столько сходнаго с моим положением!

Дьячок развернул сию книгу и продолжал чтение с величайшею монотониею. Гости все молчали, и обед походил более на похоронный, нежели на именинный. Сам именинник показывал вид глубочайшаго внимания к чтению, и только знающему состояние его души можно было бы приметить те беглые, но поедающие взгляды, которые он бросал на Марию. В один из сих моментов дьячок, исключительно метивший на мичмана, с большею против обыкновеннаго энергиею возгласил:

«Завет положиж очима моима, да не помышлю на девицу...»

Самое мгновенное содрогание пробежало по лицу сластолюбиваго лицемера, и хотя никто не мог приметить сего, кроме собственной его совести, но он, тревожась ложным опасением виновнаго, счёл необходимым придать этому движению другую причину.

— Ах, Боже мой! — говорил он. — Я и забыл отдать вам, Виктор Иванович! К вам есть письмо. Вот оно! Прочитайте, пожалуйста, теперь, и если нет никакого секрета, то расскажите нам, кто и что к вам пишет. Нам здесь всякая бездельная новость драгоценна.

— Это от правителя канцелярии наместника, — сказал мичман, взглянув на подпись письма. — Он старинный друг моего благодетеля, который меня воспитал.

Лёгкое смущение показалось на лице начальника, и каждый из чиновников сделал приметную гримасу, невольно выразившую сию мысль: «Э! Э! Так вот какия связи!» Мичман, дочитывая про себя письмо, вдруг изменился в лице и, задыхаясь от слёз, едва мог произнести:

— Я лишился его!

— Что такое? Кого ты лишился? — вскричала Мария.

— Он умер! Он, который был моим вторым отцем!.. Его уже нет! Ах, Боже мой!

— Что же делать, Виктор Иванович? — говорил начальник, взяв письмо с видом величайшаго соболезнования, но в самом деле единственно из любопытства, дабы лучше судить об отношении мичмана к правителю канцелярии. — Что делать? Такова участь всех смертных!

— Это правда, что такова! — подхватил протопоп, истинно тронутый положением мичмана. — Всем время, и время всякой вещи под небесем. Время рождати и время умирати; время садити и время исторгати сажденное...

— Одного опасуюсь я, — сказал по некотором промежутке начальник протопопу вполголоса, но так, чтобы слышно было и мичману, — опасуюсь, чтобы это неприятное известие не помешало вашей свадьбе. Но, впрочем, что же такое? Ведь не отец родной!

— Но он был мне, — подхватил мичман, — дороже роднаго отца! Отец стал бы заботиться обо мне частью по своей обязанности, а он единственно по доброте сердца презрел меня, сироту, воспитал...

— А где же были родители ваши? — спросила жена начальника.

— Я лишился их ещё в младенчестве, — отвечал мичман, не хотевший объяснять при сем подробности своей истории, — и этот человек заступил мне их место!

— Коли так, — сказал начальник с видом наставителя, — то, конечно, вы сделаете доброе дело, почтив его память. Ваше счастье впереди и от вас не уйдёт, но на вашем месте, по крайней мере, повременить с полгода...

— Боже мой! С полгода! Потеря его для меня невознаградима, и сколько я ни люблю Марию, но чтобы залечить эту рану, надобно много времени!..

Эта решимость мичмана могла бы, может быть, опечалить всякую невесту, но не Марию, которой ангельская душа в сию минуту была занята единственно горестию своего любовника, без всякого внимания к собственному положению. Она, смотря на него, также не могла удержаться от слёз и горько плакала.

— Как они любят друг друга! — сказал начальник протопопу, почувствовав злое удовольствие и адскую надежду при словах мичмана и потому дав волю своему языку из понятнаго одним злодеям удовольствия: насмеяться над несчастными. — Как они любят друг друга! И какое вы прекрасное дело сделали, что сговорили их! Они достойны один другаго, и я всегда смотрю на них с восхищением!

— Да, они точно стоят один другаго! — подхватила начальница. — И как грустно смотреть на слёзы существ, столь счастливых за минуту! Надобно же было случиться этому несчастию!

Между тем, вслушиваясь и всматриваясь во всё происходившее, дьячок млея от удовольствия, ибо луч благой надежды также блеснул в высокой душе его. Может быть, думал он, отсроченная свадьба и вовсе не состоится, и я ещё успею переработать это дело, склонить на свою сторону и слепую любовь, и ветреную фортуна!

— Не унывай! — прибавил он вполголоса, не могши скрыть сильного преобладания сей мысли. — Не унывай, душа велико-мощная! Мате perge! Смело шествуй!

— Куда это, Клим Степаныч, — спросил с усмешкою фельдшер, — куда это вы изволите отправлять вашу душу?

— Какую душу? Никуда не отправляю! — отвечал опомнившийся и покрасневшийся дьячок. — Я так думал кое-что про себя...

— Что же ты думал, Клим Степаныч?

— А вот что, Алексей Пантелеевич! Хотя я тогда впопыхах, как мы были на Лопатке, и дал тебе слово, помнишь, на берегу моря, но теперь я вижу: дело принимает другой вид и мне просиявает новый луч животворной надежды...

— То есть ты хочешь теперь на попятный двор?

— Нет, не то! — отвечал дьячок. — Я хочу только отложить это дело и прежде попробовать поговорить с Марьей Алексеевной:

авось либо! Мне кажется, — присовокупил он с усмешкою самоуверенности, родившейся особенно в продолжение обеда от частаго прикосновения к рюмке с эрофеичем, — мне кажется, и мы не хуже других! Как ты думаешь, Алексей Пантелеевич?

— Попробуй, Клим Степаныч, — говорил фельдшер с плутовскою улыбкою, быв наперёд уверен в его неудаче. — Попробуй! Попытка не шутка, спрос не беда! Бояться медведя, так и в лес не ходить!

— То-то и есть, Алексей Пантелеевич!

— Ну, а если, — спросил фельдшер, — Марья Алексеевна всё-таки не полюбит вас. Так тогда что?

— Тогда я уже прибегну к твоей помощи и в награду за неё готов буду всё подтвердить, что ни вздумается тебе сказать. Только и ты сдержи своё слово. Когда засадят в тюрьму этого бестию мичмана и протопопа, то чтоб внучка его непременно была выдана за меня! Так ли?

— Разумеется, что так, и вот тебе доказательство!

Он поднял рюмку, чокнулся ею об рюмку дьячка и выпил сразу.

— Ах, брат Алексей! — сказал начальник — ты всё эрофеич-то потягиваешь! Ведь я и забыл послать тебе твою порцию!

Сказав сие, он налил порядочный бокал наливки и послал к фельдшеру, который, вскочив на ноги и подняв бокал кверху, провозгласил изо всей мочи:

— Здравие и долгоденствие вашему высокоблагородию! Ура!

Все земские чиновники и секретарь начальника, любивший хвастаться своим басом, подхватили «ура» фельдшера, и сим заключился обед.

ХІ. УРОК В ИСТОРИИ

Роковое известие, полученное мичманом в день именин начальника, отдалило его свадьбу на целый год. Это было причиною, что жизнь Марии, исключая истории сердца, опять потекла по-прежнему. Опять начала она по совету своего деда заниматься учением, и великой наставник ея, дьячок Клим Степанович, снова вступил в права свои. Дня, в который было назначено начать продолжение уроков, он ожидал с таким же нетерпением, как скряга платежа по векселю, наследник смерти своего богатого родственника или судья просителя с обещанною взяткою. Наконец день сей настал. Дьячок, вычистив тщательно, вопреки своему обыкновению, свой серой, длиннополой сюртук и примазав кваском пучок, пошёл подобно Аристотелю в известной сказке «Пристыжен-

ный мудрец», ещё срамиться... «Пошёл в любви своей Темире он открыться».

В несколько уроков, данных до поездки на Лопатку и острова, дьячок прочитал только вступление в историю, распложая оное глупыми и надутыми фразами, в которых и заключалась вся его мудрость и учёность. Таким образом, в настоящий урок ему надлежало начать самую историю. Положив пред собою огромную книгу в чёрном кожаном переплёте и пригладив рукою волосы, он наконец отверз своя красноречивыя уста:

— Эта книга, сударыня, есть история церковная, гражданская и учёная, повествующая о начале, возвышении и упадке монархий и царств; о царствованиях, деяниях и летах жизни царей и императоров; деяниях епископов и пап римских, отцев и учителей церковных...

— Напрасно вы трудитесь, прочитывая это, — прервала Мария. — Ведь вы мне уже говорили, что принесёте всеобщую историю...

— Точно так-с! — сказал несколько смутившийся дьячок, который, прочитывая заглавие книги, выигрывал только время, дабы собраться с силами для начатия своего объяснения. — Точно так-с! Но прежде, нежели я приступлю к преподаванию сей книги, я должен, если вы не оскорбитесь моим откровенным объяснением...

— Помилуйте! Кто ж может оскорбляться откровенностью, и особенно в таком деле! — отвечала Мария, не подозревая настоящего намерения со стороны своего наставника и относя его к настоящему занятию.

Эти слова, принятые дьячком в выгодном для него смысле, придали ему особенную бодрость, и он, собрав весь запас затверженных фраз, решился наконец высказать свою любовь без малейшей остановки.

— Итак, — сказал он вне себя от восторга, — если вам откровенность моя не может быть противна, то я осмеливаюсь, с позволения вашего сказать, что...

Но в эту минуту взошёл протопоп, и дьячок, остановленный на самом важном пункте, совершенно растерялся и остался в положении поражённого параличом, ничего не видя и не слыша.

— Продолжай, Степаныч! — сказал протопоп. — Я тоже послушаю. Ну, что осмеливался ты с позволения сказать?

— Бог сотворил мир, — продолжал разстроенный наставник, заикаясь и кашляя.

— Что ты, Господь с тобою! — сказал протопоп. — Уж с позволения сказать: Бог сотворил мир! Какое тут дозволение?

При сем ученица не могла удержаться от смеха и, дабы не обидеть учителя, захватив платком рот, вышла проворно в другую комнату, а вслед за ней и новый пристыженный мудрец, схватив шапку, выбежал опрометью из класса и почти по инстинкту прибежал прямо в квартиру фельдшера.

— Что, любезнейший Клим Степаныч, так разстроен? Знать, не пало удачи? — спросил сей последний.

— Ох, изверги, разбойники! Осрамили, убили, зарезали!

— Да что же они сделали с тобою?

— Ох, дай отдохнуть!

— Разругали, что ли?

— Хуже! Лучше бы разругали!

— Ужели побили!

— Хуже!

— Так что же такое? Я не могу догадаться!

— Над лекциею насмеялись! — произнёс дьячок с самым отчаянным воплем.

— А, вот что! Это, в самом деле, обидно и преобидно! Ну, так теперь останавливаться уж незачем? Присылай же вчерашнюю бумагу, мы поставим на своём. Давай руку!

— Вот тебе моя и рука, и голова. Зарезывай их всех без пощады, губи, режь, жги, делай с ними, что только можешь! Я столько огорчён, обижен, озлоблен, что не имею слов, чтоб выразить мои чувства, и могу сказать с Цицероном: *Id verbis exequi non possuih!*

— Хорошо, хорошо, Клим Степаныч! Успокойся! Мы исправим это дело как нельзя лучше, и скорее потечёт кверху Паратунка, чем кто-нибудь, кроме тебя, женится на внучке протопопа!

— О! Если ты устроишь это, то я, клянусь тебе, напишу в честь твою такой панегирик, какого не читали ни древние, ни новейшие и какого не удалось написать и самому Плинию. Он передаст имя твоё позднейшим потомкам, и слава о тебе...

— Покорно благодарю, Клим Степаныч! Слишком много трудиться предпринимаете...

— Но я должен сказать тебе одно условие, о котором я и прежде тебе говорил: и этого мошенника Зуду непременно должно включить в общую категорию. Он осмелился насмеяться не только лично надо мною, но и над этим священным языком, на котором говорил Цицерон, Вергилий, Гораций и проповедывал великий Сенека!

— Ладно, ладно, Клим Степаныч! Спуску никому не дадим! Будет всем сестрам по серьгам, а покамест разопьём-ка в знак нашей

вековечной дружбы вот этот штофик всероссийскаго, так дело пойдёт ещё лучше, да и на сердце будет повеселее!

— И то дело, Алексей Пантелеевич! — говорил дьячок, принимаясь за стакан. — Я не прочь от этого! И правду сказать, что прежде времени отчаиваться? Мудрец смотрит на конец — древняя пословица! Ах, я люблю древних! Вот были истинные мудрецы! Например: Диоген... Как ты думаешь?... Даже деревянную чашку считал роскошью и пил горстью, и притом одну воду! Вот верх мудрости!

— Ну, воду-то можно пить и горстью, — заметил фельдшер, — а вот как, например, водку, так, право, лучше из стаканчика. Опарожнивайте-ка поскорее, Клим Степаныч, да и я хлебну за ваше здоровье!

Таким образом, дьячок, подобно весьма многим нравоучителям, прославляя мудрость, пившую горстью одну воду, запивал проповедь свою полными стаканами вина, и едва мог дотянуться зикзаками до своей квартиры, между тем как самому ему казалось, что ноги его не дотыкаются до земли и что он летит весьма быстро по воздуху. Состояние его духа было самое забавное. Безмысленная весёлость и глупое равнодушие ко всему житейскому и к самой жизни наполняли совершенно его душу. «А чёрт их возьми совсем! — говорил он, повалившись на постелю. — Есть о чём думать! И Зуда, и протопоп, и черти, и дьяволы — провалитесь они, окаянные! Удастся, так ладно, а и не удастся, так всё равно! Мы не думаем ни о чём! Пусть этот мошенник фельдшер работает, а я и думать не хочу и не думаю, и думать не стану! *Inter querqum et betulam...*»

Дьячок запел во всё горло на латинском языке известную русскую песню «Между дубом и берёзой река протекала».

— Помогай Бог! — сказал вошедший в сие время в квартиру дьячка человек высокого роста с седою как лушь головою, но ещё бодрый телом и свежий лицом, составлявшим суцую вывеску житейской мудрости. — Помогай Бог! Славно, Клим Степаныч! Нечего сказать: мастерище! Да ещё и на латинском диалекте...

— А! Это вы, Аркадий Петрович! — воскликнул дьячок пьяным голосом. — Это вы? Здравия желаем! Садитесь, гостем будете, а я так пьян сегодня, не осудите!

— Что осуждать, Клим Степаныч! Этот грех и с нами водится! Пойте-ка, я послушаю...

— Не осудите, пожалуйста, не осудите, Аркадий Петрович!

— Да уж не осужу, мой Клим Степаныч, пой!

— Ну же, осуди же!

— Пой, пой!

Дьячок запел.

— Что ж это значит, Клим Степаныч?

— Это значит то, что бил жену один час, а плакал неделю.

— Э! Э! Вот какво жениться! Не женитесь, Клим Степаныч! Суцая беда! Досыта наплачешься!

— Чёрт с ними! Я думал, да и раздумал, да я передумал...

— А ведь болтали, Клим Степаныч, что вы кое-где присватывались, да чуть ли не к внучке отца Петра...

— Анафема! Трижды анафема и он, и она, и этот мичманишко, и этот Зудишко, и все они... Будь они прокляты от меня!

— А за что же, Клим Степаныч, на Зуду-то ты прогневался? Уж, верно, он не перебивал у тебя!

— Кто? Зуда? Этот мошенник, Зуда? Нет. Завтра! Не будь я дьячок Клим Степанов Шайдуров, если я не женюсь на этой девчонке! Она моя, моя! Это верно так же, как и то, что я пьян сегодня!

— Кто же и сумневался в этом, Клим Степаныч? Если уж за тебя не отдать, так за кого же?

— Да уж отдавай он не отдавай, а я сделаю по-своему. Я женюсь на его внучке! Коли пошло наперекор, так я же упрям! Я то сделаю, что они все на коленях будут просить меня: женись, батюшка Клим Степанович, да ещё, может быть, я-то тогда заупрямлюсь!

— С вашим умом, Клим Степаныч, всё можно сделать. Говорят же, что вода-де камень долбит, а чтоб умный человек не мог достигнуть чего желает — верить не хочу этому!

— Да уж, что придумано мной, так пусть другой выдумает!

— Да кто же может это выдумать? Нет, Клим Степаныч, скажу вам без обиняков: много видал я людей на свете, а умнее, брат, тебя не видывал.

— То-то же! А этот старый плут, Зуда, осмелился смеяться, когда я сказал ему об этом! Да уж я отсолю им всем! Я им покажу, какво задевать не по силам! Я их всех упеку под суд!

— Да если правду сказать, так давно бы пора это сделать, особенно с мошенником Зудою. Он давно, говорят, поносит вас, где только можно.

— Разбойник! Я дам ему! Я ему дам! Вот бумажка! Стоит только пустить в ход — и дело с концом! Тут всё написано: как они бунтовали народ, как учили не слушаться начальника, как... Ну, слышь, всё, да и полно!... Всё, всё!

— Да уж если вы сами, Клим Степаныч потрудились над нею, так, верно, есть что почитать!

— Конечно, сам! Где ж этому дураку-фельдшеру... Ведь он дурак, хоть начальник его и любит! Вчера ещё вздумал учить меня: ты-де напиши так-то и так-то... Нет, брат, не тебе меня учить! Цицерон, Демосфен — вот мои учителя! Я взял перо, да и давай катать: «Его высокоблагородию начальнику Камчатки Антону Григорьевичу Броникову дьячка Клима Степанова Шайдурова покорнейшее донесение...»

Дьячок, делая самые глупые и хвастливые замечания, останавливался почти на каждом слове, однако ж дочитал от начала до конца своё донесение, в котором он, якобы по долгу присяги и совести, взводил на протопопа, мичмана и Зуду те же самые небылицы, какие были выдуманы бездельником фельдшером, и в заключение спросил: «Каково?»

— Прекрасно, Клим Степаныч, прекрасно! Лучше никто в свете не напишет! А что же вы медлите, не подадите этой бумажки? Пустить её, да и всё!

— Да, вишь, я имею великодушное сердце. Думал: авось опомнятся, да нет! Видно, судьба! Пусть же купаются! Завтра же пуцу в ход... Завтра, завтра! Полно вам смеяться надо мною, полно!

Долго ещё болтал дьячок и, наконец закрыв глаза, крепко заснул и захрапел, а незнакомец, пересмотрев разбросанные на столе бумаги, нашёл в числе их донесение дьячка, написанное вчерне, и, выходя от него, говорил: «Вот какие умыслы! Так справедлива пословица, что молва в народе ходит не по-пустому и в каждой лжи есть несколько правды. Вчера я думал, что Акета болтает пустяки, и пошёл только к этому глупцу для опыта, а теперь вижу и в самом деле, что это правда. Надобно как-нибудь дать знать Зуде об этих кознях! Ах, бедный ты товарищ моей ссылки! Видно, люди ещё не сыты нашею бедою, видно, ничто не утолит злобы их: ни похищение всех надежд нашей молодости, ни ваша горькая старость!»

ХII. КАМЧАДАЛЬСКОЕ УТОЩЕНИЕ

Выведенный нами на сцену в предыдущей главе незнакомец был несчастный Ивашкин, так же, как и протопоп Верещагин, обративший на себя внимание англичан и французов своею судьбою и благородством души. Воспитываясь в одном заведении с Зудой, он был другом его с самого детства, несмотря на разность характеров. Оба они равно любили правду и добродетель и ненавидели порок и ложь, но Зуда не умел удерживать порывов своего сердца,

шёл везде грудью и высказывал своё мнение напрямки, а, напротив, Ивашкин, сохранявший во всяком случае более равнодушия, не любил лезть добровольно в опасность без пользы себе и другим, старался избегать её, когда можно было сие сделать, и для достижения своих целей, особенно на пользу других, не гнушался никакими средствами, если только можно было согласить их с правилами чести и справедливости.

Таким образом, выведав у пьяного дьячка сведение об опасности, угрожавшей Зуде, Ивашкин решился во что бы то ни стало передать ему о сем известие, советуя предупредить беду удалением на острова или в другое какое-нибудь укромное место, доколе лучшая звезда не взойдёт над Камчаткою. «Ибо, — прибавил он, — хотя я и наперёд знаю, что по твоим правилам бегство от суда есть величайший грех и преступление, но вспомни, во-первых, что с нами, лишёнными уже гражданских прав, могут и за малейшую вину поступить самым жестоким образом, а во-вторых, что судьи твои будут люди, не знающие ни совести, ни Бога и на правосудие которых столь же мало можно надеяться, как на вешний лёд. Если начальник дотронулся бы до тебя и одним пальцем только, то и тогда ты непременно провалился бы в пропасть, а теперь он обеими руками старается спехнуть туда, хоть и не прямо тебя, но таких людей, с которыми необходимо приведётся и тебе погибнуть за компанию. Пожалей, мой старый друг, если не себя, так меня. Конечно, жить в подлунном мире нам осталось уже недолго, но всё осиротеть как-то не хочется, а после тебя я совсем осиротею! Притом, друг мой, подумай, что, скрывшись от злодеев, ты нимало не нарушишь обязанностей вернопопданного, ибо тебя осудит не государыня, которая без вины и трости сокрушённой не преломит, но нарушители ея законов, обманщики и притеснители, которых меч ея, рано или поздно, но постигнет непременно, и, кажется, это время уже недалеко. Есть слухи, что нынешний иркутский губернатор Кличка — человек умный, правосудный и весьма заботливый о благе губернии. Он наверно не допустит и нашу бедную Камчатку терпеть долго зло, а постарается залечить поскорее ея раны. Итак, послушайся меня: укройся до времени от бури, а там Бог, государыня и начальство защитят тебя! Не упрямясь и не увеличивай моего горя. Прощай!»

«Но с кем же переслать мне это письмо? — спросил сам себя Ивашкин, окончив его. — Если оно попадётся в руки начальника, то меня живаго съедят! Ах, постой! Разве мне угостить хорошенько Акету и вместо подарка взять с него слово отвезти это письмо!»

Точно так! Это дело я вздумал! Ему хоть приведётся сделать вёрст сто с лишним, но не надо только жалеть дару и постараться так угостить его, чтобы он нехотя дал слово... Ах, кабы мне удалось это сделать! Боже мой! Помоги мне тем или другим способом, но только бы спасти моего бедного Зуду!»

Разсуждая таким образом, Ивашкин приблизился к юрте, где квартировал Акета. Акета был тойон острожка, находившагося на реке Камбалиной и вовсе истребившагося во время заразы. Из слов Ивашкина мы видели, что Акете для заезду в Куууюхчен надлежало свернуть с прямого пути на большое расстояние и потому-то требовалось особенное старание, чтобы убедить его, дать на сие своё слово, а слово дикаго камчадала, в беседе с приятелем вымолвленное, значит и донныне гораздо более, нежели все контракты, заключаемые между нашею просвещенною братиею по всем обрядам законнаго порядка.

Ивашкин, пригласив к себе Акету, истопил баню жарчайшим образом и, по камчадальскому обычаю, засадил дорогогаго гостя на самый полук. Там были приготовлены для него страшная чаша цербы (похлебка из солёной рыбы), ужаснейшая порция кислой, вонючей рыбы (самаго любимейшаго камчадальскаго кушанья) и целая кадка толкуши. Сперва жар в бане был ещё не очень велик, и Акета приметно этим обиделся, ибо сильный, нестерпимый жар для камчадала есть первое угощение.

— Друг! — сказал он Ивашкину. — Ты поскупился, знать, на дрова. Уж лучше бы не звал, коли жаль!

— Не торопись, любезный! Покушай на здоровье, а мы вот по-немногу будем поддавывать... Ну, каково теперь?

— Теперь нешто!

— А вот мы ещё поддадим разиков пять, так авось и поразогрешься!

После сего хозяин начал сдавать на каменку и угощать гостя самым прилежным образом, а гость по правилам камчадальской учтивости всеми силами старался показать вид, что жар ещё не слишком велик и приготовленнаго кушанья ещё не совсем достаточно. Верх камчадальскаго угощения есть доведение наконец несытаго и недовольнаго гостя до признания, что он не в силах более ни есть, ни сносить жара. Тогда угощение превращается уже в пытку, и хозяин, несмотря на моление гостя, продолжает его угощать дотоле, пока не выпросит у него всех тех вещей, какия только он желает у него оттягать. К этому-то и стремился Ивашкин, доводя жар бани до высочайшей степени температуры,

так что и сам не был уже в состоянии сносить его, и продолжал сдавать, выйдя в передбанник. Гость наконец взмолился:

— Друг! Спасибо, довольно! Не могу больше! Сыт по горло, а жар уж глаза жжёт!

— Э! Полно, любезный! Что это за жар! Так ли ещё угощают русские! Вот ещё корытцо кислой рыбки скушай, а мы между тем ещё поддадим разика два-три.

— Сделай милость, друг, перестань! Не могу больше! Проси, чего хочешь, всё отдам, только выпусти вон!

— Так и быть, выпущу. Отвези письмо в Кууюхчен, да притом чтобы здесь ни один человек не знал об нём.

— Нет, друг, далеко, проси что другое, всё дам, а этого не могу.

— Не можешь? Скушай же ещё корытцо, а я ещё парку прибавлю... Ну, каково теперь?

— Пожалуйста, друг, перестань! Выпусти! Всех собак хороших отдам, отдам парку бобровую, да в придачу десять соболей, да пяток лисиц...

— Ничего не надобно, любезный! Я прошу одного. Опрастывай корытцо-то, а я ещё разок лену (подолью) на каменку...

— Ой, друг, перестань! Выпусти, на всё согласен!

— Так отвезёшь письмо?

— Отвезу, други, отвезу!

— И здесь никому не скажешь?

— Никому, никому, ни одной собаке! Пусть меня съедят медведи или злой дух удушит, когда поеду мимо его дерева, или...

— Ладно, не клянись, я и слову твоему верю. А выедешь ли завтра поутру чем свет?

— Выеду, когда хочешь, только выпусти! Ой, тошнёхонько!

— Ну, так и быть, вылезай!

Таким образом кончилось угощение, и гость еле живой вылез наконец из бани и полумёртвый пал на снег.

— Ну, друг! — сказал он, несколько опомнившись, — славно угостил, нечего сказать! Скажу тебе, друг, правду: и нашему брату камчадалу вряд ли удастся так уподчивать. Чудо как угостил!

— Ну, я рад, Акета, что ты доволен. Ведь мы с тобой старые знакомые, так и стыдно было бы, когда бы ты не доволен остался...

Назавтра Ивашкин ещё прежде разсвета явился к Акете и, отдавая ему письмо, сказал:

— На же тебе письмо, да поезжай с Богом, а на прощеньи выпей-ка вот этот стаканчик водки, да вот ещё на дорогу небольшая фляжка. Больше нет, не осуди!

— Спасибо, спасибо, друг! Доволен тобою так, что не только за сто, за тысячу вёрст посылай — поеду, да и по дороге всем буду хватать: вот-де как угощают русские!

— Ладно, рассказывай; только о письме-то надо молчать...

— Уж скажу ли я, коли дал слово, умру скорее!

— Хорошо, хорошо! Ну, пора, отправляйся!

— Я бы сейчас, только не знаю, что долго не идут мои родовичи.

— А вот и они, — сказал Ивашкин, — легки на помине! Что вы замешкались, ребята? Натё-ка, выпейте тоже на дорогу по стаканчику, да и ступайте проворнее.

— Спасибо, бачка! Сейчас поедем, мы готовы.

Родовичи Акеты были известные уже нам два камчадала — Лемшинга и Камак, провожавшие протопота Верещагина и возвращавшиеся назад на реку Камбалину.

Распрощавшись с Ивашкиным, камчадалы сели каждой в особой шежхед и на самом разсвете гусем отправились по пустыне, покрытой глубоким снегом, на котором взвивалась едва заметная тропинка.

Ивашкин по чувству опасения и осторожности проводил их далеко за острожек и смотрел вслед за ними, пока караван не завернулся за лес и не исчезли вдали раздававшиеся по дебри дикие возгласы: «Хуг, хуг! Ках, ках!»

Проехавши целый день, камчадалы были к вечеру уже вёрст за сто от Петропавловска. Они ехали не по проторенной дороге, но только по известной одним им, как старинным хозяевам дома, которым в родном пепелище сведома с детства каждая вещь и каждый уголок. Въехав в средину хребтов, проходящих вдоль по Камчатке с юга на север, они встретили там ужаснейший сорокаградусный мороз, от которого воздух, стоя неподвижно и сгустившись как туман, захватывал дыхание. На камчадалах от теплоты, выходящей из рта и походившей на густой дым, всё обледенело: и брови, и усы, и борода, и куклянка. Мороз проникал до костей и с величайшею злобою, так сказать, выжимал душу из тела, но камчадалы, не раз уже боровшиеся с его яростию, ехали довольно спокойно и только изредка вскакивали с шежхедов и бежали бегом. Между тем в дебрях была совершенная тишина. Ни дыхание ветра не колыхало обиневавшие ветви дерев, ни зверь не пробегал по лесу и птица не пролетала по воздуху. Даже вороны, эти воспитанницы зимы и севера, едва взмахнувши крылами, падали мёртвыми, поражёнными стужею. Одни камчадалы были живые существа, противившиеся ея нападениям, но наконец и они решились

остановиться и раскласть огонь. Севши около костра, они вынули свой скудный обед — по куску юколы и раскупорили флягу, которая в сие время была милее для них всех благ во Вселенной. Но что же? К величайшему огорчению их, вино не текло из отверстия, и должно было иметь самое великодушное терпение, дабы дожждаться, покамест оно растает. В вознаграждение за сие камчадалы выпили на сей раз против обыкновенного тройную порцию, и особенно Акета дотеле лобызался с флягою, доколе не истощилась в ней последняя капля привязанности. Наконец, кончив обед и накормив с тем вместе и собак, путешественники пустились на реку, пробирающуюся между страшных утёсов, или, по-сибирски, щёк, нависших над водою и верхи которых были покрыты громадами куржевины (инея), могущей при малейшем сотрясении воздуха обрушиться и завалить навсегда несчастных проезжих. По сей причине между сих щёк благоразумные путешественники проезжают обыкновенно с величайшим молчанием и осторожностью. Но не таковы были на сей раз наши камчадалы, восторженные красноречием фляги. Двое из них завели между собою спор:

— Ведь, кажись, с этого утёса, — спросил Камак, — бросился тот парень?

— Какой?

— Ну, тот, что, говорят, сватался-де у тойона Кушуги на дочери, да Кушуга просил у него в подарок собачей парки, а он, сколько ни работал, никак-де собачей парки достать не мог, а достал только бобровую да лисью. И вот-де Кушуга ему отказал, а он с горя пошёл да и бросился...

— Да, вспомнил! Только нет, не с этого, а вон с того, что на повороте-то направо.

— А мне так сказывали, что с этого?

— Ты говори: «Я не знаю!»

— Да, видимо, что не знаешь!

— А ты, что ли, знаешь?

— Да знать, что так!

— Ах ты сивуча, тебе знать!

— Смотри, Лемшинга, не лайся. Я те оштолом ошоломлю, так и всё позабудешь...

— Попробуй-ка, так у самого в глазах завертится. Я те ни кто другой!

— Да и я тоже! Вишь, на олуха натакался!

— Молчи же, докуда я те в самом деле не обломал рёбры!

— Свои-то побереги!

В продолжение этой ссоры Акета, ехавший за несколько сажен впереди, был совсем в ином расположении духа. Воображение его, разгорячённое водкою, живо представило ему прошедшее. Он раздумался о разных огорчениях, встречавшихся в его жизни: как некогда убежала у него из-под самых рук попавшаяся в слепцы (ловушку) лисица, как унесло однажды приливом моря байдару с берега, как медведь, подкравшись в одно время к балагану, поел всю дотла сушившуюся там рыбу и прочее. Все несчастья его были для нас чрезвычайно смешны и забавны, но у всякаго своё горе. Наконец, в самом деле, вспало ему на ум горе немалое: потеря жены, незадолго пред тем умершей и горячо им любимой, и в горьком раздумье он затянул унылую песню (настоящая камчатская песня, переведённая с камчадальскаго языка):

*Как не гадано-то, не думено,
Что пришла беда со всего света:
Потерял-то я жену-душечку!
Как со той беды, со кручинушки,
Пойду в тёмный лес, добрый молодец,
Стану драть и есть кору с дерева.
И ещё проснусь я ранёшенько,
До восхода-то красна солнышка,
Погоню ли я, добрый молодец,
Аангичь — утку на сине море,
И в слезах взгляну на все стороны:
Не найдётся ли моя милая,
Моя милая жена, душечка...*

Певши эту песню, камчадал в самом деле плакал горько, к чему пьяные бывают, как известно, особенно способны. Но вскоре потом воображение его представило другия картины, и он запел во всё горло: «Тинсаинку фрвантах...»

По несчастью, в то же время увеличился крик ссорившихся, вовсе забывших о заповедном безмолвии страшнаго места, по которому они проезжали. Вдруг ужасный шум начался над их головами. Они взглянули кверху и с невообразимым ужасом увидели, что страшная лавина отделялась понемногу от утёса и медленно наклонялась на них. Пагубный хмель их прошёл мгновенно, и волосы встали от страха на голове. Оставалось одно мгновение на что-нибудь решиться, оно пролетело в изумлении — и быстрая струя мелкаго снега полилась на несчастных в предвестие смерти. «Гибнем! — вскричали они в один голос, подняв по инстинкту руки свои кверху, как бы желая удержать страшную громаду, на них обрушавшуюся. — Гибнем!» Но голоса их никто, ни даже сами

они, не могли уже услышать, ибо в сие мгновение куржевина рухнула и погребла их под своею массою.

Спустя после сего несчастья два или три дня наехал на упавшую лавину новый караван, которому иначе нельзя было проехать, как прежде разгрести снег. В сем караване заметна была, по-видимому, главная особа — человек небольшого роста, величаво выступавший самыми твёрдыми стопами и грозно распоряжавшийся работою с величайшим криком и бранью:

— Ах вы изверги! Едва шевелитесь! Проворнее!

— Да помилуйте, Пётр Фёдорович, — сказал один из работающих, — ведь изволите видеть: и то стараемся, да руки окостенели!

— Ты ещё говорить начал! Твоё дело копать, а не разглагольствовать. Вы испотачены (избалованы, развращены), изверги! Подай-ка сюда лопату! Вот как надо, видишь? Ба! Это что такое? Оштол? Так и есть! Смотри, что тут кто-нибудь задавлен! Копайте-ка на этом месте проворнее!

Казаки и камчадалы, составлявшие свиту Петра Фёдоровича, то есть почтенного секретаря Погремушкина, пробиравшагося в Кууухчен на следствие, начали разгрести снег самым усердным образом, и первый открытый ими мертвец был Акета. Погремушкин, сколько правдолюбивый, столько же и человеколюбивый, принял было немедленно меры к спасению его жизни и велел оттирать его снегом. Но когда стали раздевать замёрзшего и нашли у него под куклянкою на груди письмо и когда Погремушкин узнал онаго содержание, то самое справедливое негодование овладело его душею, и он вскричал в бешенстве:

— Ах, он вор! Ах, он мошенник! Бросьте его, бестию! Пусть он околевает! Он изменник! Все в заговоре! Все в комплоте против начальства! И этот старый лис Ивашкин тут же поднялся! Добро, вы все мошенники! Всех вас вдребезги, да и делу конец!

Свита Погремушкина, не понимая ни одного слова из сего грозного монолога, стояла вокруг своего повелителя, вытаращив глаза и опустив руки. Наконец, он вскрикнул на них: «Что вы, шельмы, выпучили на меня глаза? Что вы не работаете? Что вы стоите?» Оторопевшая свита опять принялась разгрести снег, а начальник ея, выбрав между тем расторопнейшего казака, тотчас отправил его с отысканным письмом к начальнику, примолвив: «Послушай, Горбунов! Хотя это письмо и не запечатано, но если кроме начальника прочтает его кто другой, то ты головой своей за это отвечать будешь!» Казак дал твёрдое уверение, что исполнит приказание в точности, и немедленно отправился, а вскоре после сего

и весь караван, очистив себе путь, пустился далее, имея посреди шажка Погремушкина, который, рассуждая на досуге о найденном им письме, благословлял небо, пославшее ему столь прекрасный случай выслужиться пред начальником и разрушить составленный против него комplot.

ХІІІ. ВЕЛИКОДУШІЕ

Спустя два дня по отъезде Акеты, рано поутру, закинув на плечо винтовку и подвязав лыжи, Ивашкин отправился из Петропавловска на звериный промысел, сперва бывший для него необходимым средством для пропитания, а потом уже обратившийся в страсть. Особенно любил он преследовать лисиц, которых забавная хитрость доставляла ему величайшее удовольствие. Но кстати заметим, что до прибытия русских в Камчатку и самыя лисицы сохраняли патриархальную простоту нравов и нередко стаями выходили из лесу, дабы дружески разделять трапезу с собаками. Так что негостеприимный камчадал должен был отгонять их от корма палкою и мог ловить их руками. Но во время Ивашкина нравы лисиц уже совершенно развратились, и он, сколь ни был искусен и опытен в ловле их, однако ж две зимы сряду ходил за одною сиводушкою, которая самым искусным образом вытаскивала приманку из ловушек и уходила от них цела и невредима. Наконец Ивашкин в настоящем своём путешествии подкараулил её на сем злодейском умысле и, прицельясь из винтовки, уже приговорил было её к смерти, как вдруг раздался по лесу крик: «Ках, ках! Хуг, хуг!» Преступница встрепенулась и снова пропала из глаз мстителя. Ивашкин, положив с досадою ружьё на плечо, пошёл на гул, ворча сквозь зубы: «Что там за чёрт закудахтал? Словно нарочно, чтобы спугнуть эту проклятую!»

— Ба, это ты, Горбунов! — сказал он, выйдя из лесу. — Откуда это тебя несёт нелёгкая? Типун бы тебе на язык! Только лисицу испугал у меня. Я лишь приложился да хотел спустить курок, как ты гаркнешь, а лисица и была такова!

— Что ж делать, братина? Извини! Недаром говорится: кабы знал, где упадёшь, так подостлал бы соломы, а то ведь сквозь лес-то не видно...

— Ну, уж что сделано, то сделано, теперь не воротись! А скажи-ка мне лучше, ты-то отчего воротился?

— Послали, так и воротился: наше дело подначальное.

— Да ведь вы, чай, не успели и доехать ещё до места?

— Какое тебе «до места»? И полдороги еще не проехали!

— Что же так?

— Да, вишь, чёрт сбросил с утёса куржевину. Слышь, целый день-деньской разгребали, да когда и я поехал, то ещё наши ребята возились над нею.

— А никого не нашли в снегу? — спросил Ивашкин с заботливостью.

— Как же! Я только хотел сказать, что нашли того камчадала... Как бишь его зовут? Ну, слышь, того, которого, рассказывают, ты перед отъездом порядком отжарил на полке?

— Боже мой! Ужели Акету?

— Да, да, Акету...

— Что же вы с ним сделали?

— Да Пётр Фёдорович, слышь, велел его оттирать снегом. Вот мы стали раздевать его, глядь: у него за пазухой письмо. Пётр Фёдорович, когда прочитал его, так, слышь, осерчал, словно чёрт, да и велел камчадала опять бросить, как собаку, на прежнее место, а меня послал с этим письмом к начальнику.

Слушая сие, Ивашкин переменялся в лице, но, как давно знакомый с бедами, скоро оправился, так что простодушный казак не мог заметить сей перемены.

— А что же это за письмо? — спросил Ивашкин, желая скрыть обладающее им чувство. — Нельзя ли показать?

— Нет, братина, нельзя. Крепко-накрепко заказано!

— Ну, нельзя, так не кажи! Бог с тобой!

Вскоре после сего разговора Ивашкин распрощался с казаком, снова углубился в лес и, выйдя потом на знакомую падь, быстро понесся на лыжах, выбирая самый краткий обратный путь. Наконец, проходя по покатости одной горы, откуда были видны вдали хижины Петропавловска, он, устремя на него неподвижный взор, вдруг остановился.

«Боже мой! Куда я иду? — говорил он, прерывая изредка вырвавшиеся слова продолжительными думами. — Что там будет со мною? Какую чашу приготовила ещё для меня судьба? Что мне делать, на что решиться? А почему же не так? Почему же, в самом деле, не спасать мне себя, когда я могу это сделать? Почему не бежать мне от беды, когда я могу уйти туда, где никакая человеческая злоба не найдёт меня? Точно так! Я могу и, следовательно, должен это сделать! Эти горы, эти леса и дебри сорок лет уже знакомы мне, и они дадут мне уголок, чтобы провести малый остаток моей жизни, а руки мои благодаря моей нищете давно научи-

лись прокармливать меня без помощи мне подобных... Так пойду же, прощусь навсегда с этим ненавистным родом, называемым людьми, и поищу убежища посреди бедных животных, которых они, как бы в насмешку, величают кровожадными. Прощайте, люди!»

Он поспешно поворотил в гору и быстро начал входить наверх, но потом вдруг опять остановился. «А ты, друг моей юности! Ты как останешься? Что с тобою будет? Тебе кто поможет, когда изверги будут терзать тебя? Ах, горе!.. Нет, сколько ни думаю, не могу оставить его! Так и быть: мы страдали вместе, вместе и умрём, если не будем в силах перенести мучений и если не удастся... А как знать? Может быть, в самом деле, ещё я найду случай спасти его! Пойдём, отважим жизнь! Что я говорю? Она уже протекла, а оставшаяся капля стоит ли уже того, чтобы беречь её для себя? Прольём её для других, если будет нужно, и счёт мой с людьми будет кончен!»

Исполненный сего благородного самоотвержения, Ивашкин спустился с горы и поспешно пошёл к Петропавловску. Тогда был час седьмой вечера. Солнце давно уже село за горизонт, и самая заря погасала на вершинах гор. Пользуясь темнотою, Ивашкин осторожно подошёл к своей квартире, но не вошёл в неё, услышав многие знакомые ему голоса казаков, по-видимому, производивших самый тщательный обыск по всем углам и закоулкам дома.

«Странное дело! — думал он. — С каким безпокойством ищут люди бедного старичишку, чтобы ещё потешиться над его страданием! Напрасныя хлопоты! Я сам приду в ваши руки, коль скоро сочту это нужным, а теперь воспользуемся пока последними минутами свободы, если она есть у несчастных!» Лёгкий вздох, невольно вырвавшийся из груди его при сем слове, был замечен находившимися подле дома в засаде караульным.

— Здесь! — закричал сей последний. Толпа казаков бросилась из избы, но Ивашкин успел скрыться от их преследований и наконец ускользнул в ворота стоявшего по пути протопопского дома.

В сие время протопоп, не подозревая сбравшейся над головою его грозы, весело сидел за чаем с Мариєю и ея женихом.

— А! Добро пожаловать, Аркадий Петрович! — сказал он вошедшему в комнату Ивашкину. — Давно я не видал тебя! Каково поживаешь? Что подельваешь? Садись-ка да побеседуй с нами! Машенька! Налей-ка чашечку... Садись, Аркадий Петрович, не спесивься! Да что ты, Господь с тобой! Озираешься, словно боишься чего? Уж здоров ли ты?

— Здоров, здоров, отец Пётр! — говорил Ивашкин наскоро и самым тихим голосом, затворяя между тем дверь на крючок.

— Да что ты делаешь? Бог с тобой, дверь-то для чего запираешь?

— Отец Пётр! — сказал Ивашкин значительным тоном. — Я знаю, что дети ваши мне не изменят, тем более что беда угрожает равно всем нам...

— Боже мой, что за беда? — торопливо спросила испугавшаяся Мария.

— За мною гонятся, отец Пётр!

— Кто и за что?

— Отец Пётр! Вы знаете эту руку? — спросил Ивашкин, вынув из-за пазухи донесение дьячка.

— Это рука Степаныча! — отвечал протопоп, взглянув на рукопись.

— Прочитайте, и вы всё узнаете!

— Что за клевета! Что за злоба! — сказал протопоп, прочитав донесение и отдавая его мичману. — На, прочитай и ты, Виктор Иванович! Тут нас всех очернили! Но я не вижу, — примолвил протопоп, обратившись к Ивашкину, — чтобы ты был примешан тут?

Ивашкин рассказал всё описанное выше, начиная с разговора с дьячком. Протопоп, выслушав его, сказал с величайшею горестию:

— Ах, Аркадий Петрович! Скажу тебе, брат, от сердца. Господь видит мою душу! Жалею я Виктора Ивановича, жалею Зуду, жалею тебя, но вы все тут правы, и Господь, защитник правых, защитит вас. Я твёрдо уверен в том! О себе же не говорю ничего: *благо мы, яко смирил мя еси!* Но истинно, скажу тебе, истинно сожалею об этом погибшем Шайдурове. Он сгубил навсегда свою душу.

— Ещё хорошо было бы, если бы он губил только одну свою душу, — возразил Ивашкин, — а то ведь он и нас губит вместе с собою. Теперь и нам надобно подумать, как спастись от гибели. Не напишете ли вы к преосвященному? На днях отправляется в Иркутск купец Саламатов. Он бы, верно, взялся отвезти от вас грамотку...

— Но как он может это сделать. — сказал протопоп, — когда всякаго отезжающего строго обыскивают?

— Да уж коли Саламатов только возьмётся, так сделает! Это такой человек, отец Пётр, что на одной минуте десять раз проведёт нас, грешных... Чу! Стучат!

Сильные удары в дверь раздались в комнате. В сие время Мария, то вслушивавшаяся в продолжавшийся пред нею разговор, то с нетерпением разглядывавшая бумагу, которую мичман старался от нея

скрывать, уже готова была по своеволию, свойственному в подобных случаях всем женщинам, её вырвать, как раздавшийся стук вдруг остановил уже протянутую руку.

— Дедушка! — вскричала она в испуге, — спасайтесь, ради Бога, спасайтесь!

— Не бойтесь, это за мною! — сказал Ивашкин с величайшим хладнокровием. — Тише! Иду! — примолвил он, вставая со стула.

— Проворнее пошевеливайся! — раздался за дверью грубый голос.

— Сейчас!

— Нет, я не пущу вас! — вскричала Мария, ухватясь за его полу. — Скажите мне прежде, что они хотят с вами сделать?

— Ничего, Мария Алексеевна! Ни более, ни менее, как на первый раз засадят в тюрьму...

— В тюрьму? Боже мой! Я не пущу вас! Виктор! Помогите мне удержать этого несчастного!

Пылкой мичман, волнуемый не менее Марии самым живым участием, также бросился, чтобы удержать Ивашкина.

— Что вы это делаете, дети мои милые? — сказал протопоп. — Я столько же, как вы, тронут положением Аркадия Петровича, но этим нельзя помочь. На всё есть свой порядок. Власть, какова бы она ни была, всё власть, и противиться ей грешно...

— Но они заморят его в тюрьме, дедушка! — вскричала Мария.

— Ну, Господь милостив! — отвечал протопоп с притворным равнодушием. — Он не даст в обиду невинного, и ты знаешь, *что без Его воли и волос не спадёт с головы нашей...*

— О Боже мой! — воскликнула Мария с чувствованием самой живой горести. — Так и быть: подите! Но я сей же час побегу к своей благодетельнице, паду ей в ноги и буду просить её со слезами, чтобы она заступилась за вас...

— Благодарю тебя, ангел небесный! — сказал Ивашкин, напрасно стараясь скрыть потекшие из глаз его слёзы. — Ты оживила в груди моей давно обмершее сердце — сердце, которое давно уже не билось так сладко, как теперь, потому что давно уже не встречало существа, которое приняло бы такое участие в его страданиях! О как я давно не плакал! Эти пустыни ещё не видали слёз моих, а теперь я плачу, как ребёнок! Но, пора! Прощайте!

— Остановись, старик! — вскричал глубоко растроганный мичман, схватившись за саблю. — Остановись! Дай прежде поговорить мне с этими негодяями! Клянусь Богом, я искрошу их прежде всех в куски, чем они дотронутся до одного твоего волоса!

— Мне кажется, дети мои, — сказал Ивашкин, залившись слезами, — простите меня, что я так называю вас! Мне кажется, вы хотите уморить меня вашим участием... Нет, это уж слишком для старика! Жизнь моя уже таких хлопот не стоит, она не долга! Оставьте меня моей судьбе, Виктор Иванович, и не подавайте злодеям на себя нож. Малейшее насилие со стороны вашей будет для них радостью. Притом ещё не всё потеряно: есть Бог, есть государыня, есть закон. Рано или поздно, но правда восторжествует. Пустите меня!

Слова сии, произнесённые с видом возвышенной торжественности, всегда сопровождающей великодушную решительность, остановили и изумили пылкого юношу. Равным образом чувствование удивления было написано и на лицах протопоп и Марии. Все они молча оставались в одном и том же положении, пока крики безумной радости, изъясняемой сыщиками, удаляясь малопомалу, не слились с шумом бушевавшего ветра.

— Дедушка, любезный дедушка! — воскликнула Мария, выйдя наконец из состояния изумления. — Ради Бога, скажите мне, неужели и с вами, и с Виктором осмелятся сделать то же?

— Нельзя ручаться, моя милая, за людей, которые, не страшась ни Бога, ни государыни, действуют только по своим видам. Мы теперь оклеветаны, и Бог весть чем окончится это дело...

— И неужели и вас, и Виктора также могут посадить в тюрьму?

— Всё может статься, дитя моё. Но Господь может отворотить всякую бурю.

— О Господи! — воскликнула Мария, схлопнув руками, — спаси нас и защити!

— Не надо отчаиваться, Мария! — сказал твёрдым голосом мичман, ходивший между тем с глубокою думою на лице большими шагами по комнате. — Неужели, — прибавил он, более разсуждая сам с собою, нежели продолжая разговор, — неужели изверги, мошенники и клеветники могут оставаться без наказания в благоустроенном государстве? Нет, этого быть не может! Я обнаружу и раскрою все их козни, я опишу все их мошенничества и злоупотребления! Если до сих пор все доносы на них оставались без внимания, то я надеюсь, что моё донесение будет, по крайней мере, уважено. При наместнике служит мой друг, с которым мы вместе выросли, которому совершенно известны мои чувствования, мои правила...

— Конечно, Виктор Иванович, — прервал протопоп, — вы не худо сделаете, если будете просить его за вас заступиться, одного

донесения недостаточно. Много их было послано отсюда, да все получили один конец. Сюда же и пришлют, а тут уж бедный доносчик и места не найдёт, куда головы преклонить. Все от него, словно от чумы, бегают, так, что квартиры не даст никто...

— Ах! Если бы всё это знала государыня! — воскликнул мичман.

— Уж, конечно, как бы она всё это знала, наша матушка, то не то бы и было!

— Она узнает об этом! — говорил мичман с жаром, — непременно узнает!

— И я не осуждаю намерения твоего, Виктор Иванович, ибо грех противиться власти, но нет греха уведомлять отца или мать о страданиях, причиняемых детям их наёмниками!

— Но не лучше ли прежде, — сказала Мария, — идти мне и просить мою благодетельницу, чтобы она защитила вас? Она, верно, тронется моею горестию и слезами...

— Дитя моё! — отвечал протопоп, — ты судишь о других по себе. Ольга Павловна, конечно, не откажется принять в нас искренняго участия, но если начальник сам хочет устроить нам гибель по клевете фельдшера, то тут уж ничья защита не действительна, и только можно будет ожидать одного, что он строже станет обыскивать Саламатова, опасаясь со стороны нашей доноса.

— Так, по крайней мере, позвольте мне, дедушка, пойти и просить за Аркадия Петровича, чтобы хотя сколько-нибудь облегчили его участь.

— Это дело другое! Поди, моя милая, и да поможет тебе Господь в твоих добрых намерениях.

После сего протопоп, оставшись один, взял бумагу и перо и, сев подле стола, готов уже был писать, но потом вдруг остановился и, подперши голову рукою, погрузился в задумчивость, продолжавшуюся несколько минут.

— Нет, — сказал он, — теперь дело иное! Тогда я, описывая происходящее здесь зло, исполнял обязанность христианина, защищал других, а теперь...

— Здравия и долгоденствия вашему высокоблагословию! — сказал вошедший в сию минуту дьячок. — Благословите, отче!

— Бог тебя благословит, сын заблудший!

— Отчего же заблудший, отец Пётр? — отвечал дьячок, стараясь придать разговору вид шутки. — Я шёл, кажется, к вам по прямому пути. Сказали мне, что у вас в доме что-то беспокойно, так я пошёл поповедать.

— Спасибо за усердие, Степаныч. Но, чай, ты можешь понять, что я сказал не в том смысле. Признаюсь тебе, Степаныч, сколько я ни вижу и ни слышу, а проку в тебе немного. Мне только говорить тебе не хочется, ты сам знаешь дела свои!

— Какие же дела, отец Пётр? — спросил несколько смутившийся дьячок. — Я никаких не знаю, напротив, я пришёл ещё просить вас...

— О чём изволишь?

— Да ведь неизвестно вам, святой отец, что скоро наступит срок моему здесь пребыванию, а ведь почта ещё будет отправляться не скоро. Так нельзя ли докончить изливание на меня ваших благодеяний и соблаговолить послать на счёт мой преосвященному донесение с отправляющимся на днях в Иркутск купцом Саламатовым?

— А что прикажешь написать мне?

— Да то, — сказал дьячок, приглаживая косичку и облизываясь, как кот, — что милосердной и сердобольной душе вашей благоугодно будет. Я уверен, что ваше высокоблагословение, по правилам вашей благочестивой и христианской нравственности, не погубите до конца.

— Ах, Степаныч! Хотя я, брат, и человек грешный, но могу дать ответ и на Страшном суде, что с намерением зла никому не сделал, а это ты потому так говоришь, что тебя совесть мучит.

— Помилуйте, отец Пётр! — говорил дьячок, заикаясь от стыда, — что за совесть? Кажется...

— Ну, полно, брат, — «кажется»! Эх, Степаныч, Степаныч! Мало тебя, брат, сёк отец, а взял бы тебя, да...

— Вы уж, отец Пётр, изволите обижать меня! — возразил вдруг оперившийся дьячок, быв рад случаю, чтобы дать другой оборот разговору. — Кажется, я из ребят давно вышел...

— Знаю, брат, что давно, а всё ещё не худо было бы, говоря твоим любимым языком, как бы хорошенько тебя да *дубинорум по спинорум...*»

— Помилуйте, отец Пётр! Вы изволили запомнить, что я уже студент богословия...

— Нет, не забыл, любезный! Да помню и то, что ты, кажется, уж черезчур переучился.

— Ну, это слишком! Помилуйте, отец Пётр! Браните меня, как хотите, но что касается до моего учения, то я прошу вас не говорить о нём: я этого не стерплю, не снесу, не поупущу!

— Да что же ты сделаешь со мной? Прибьёшь, что ли?

— Нет, отец Пётр! Но человек обладает средством, которое может остановить его неприятеля скорее, нежели всякая сила. Когда неистовый Катилина дерзнул придти в римской сенат, то бессмертный Цицерон одним могущественным словом поразил его: *Quousque tandem abutere, Catilina...* (Доколе ты, Катилина...)

— Но послушай, брат Степаныч! Я не Катилина, а протопоп, а ты не Цицерон, а дьячок мой, так и скажу тебе запросто: коли не хочешь слушать моих речей, то убирайся с Богом домой и делай, что хочешь...

— Пойду, отец Пётр, пойду и, выходя из вашего дома, отрясу прах с сапогов моих...

— Ну, поступай, как умеешь: в здешнем краю всё позволено! Дьячок, выходя из комнаты, хлопнул дверью. Протопоп, смотря вслед ему, покачал головою и более с сожалением, нежели с гневом, сказал:

— Безпутный человек! Сам не знает, что делает! Но что и мне делать, в самом деле, в разсуждении его? Чернить его перед преосвященным? Это значит погубить его! Хвалить? Значит, погубить ту паству, в которой, к несчастью, он сделается пастырем! Ах как гибнут люди от своей гордости и высокомыслия, презирая простой и углаженной путь веры и теснясь на скользкой и запутанной дороге слепой мудрости! И этот человек, если бы пошёл по указанию Евангелия, был бы, по крайней мере, добрый и полезный, если не отличный сын Церкви; а теперь — жалость! Но пусть же, если суждено гибнуть ему, так, по крайней мере, гибнет не от моей руки.

Сказав сие, протопоп взял опять перо и написал донесение, в котором старался всячески смягчить поступки дьячка, доказывая, что он имеет сердце от природы доброе, что в уме его нет решительно убеждения против истин веры и что, наконец, он давно раскаялся в своём легкомыслии и дал слово во всём непременно исправиться. Завертывая сию бумагу в конверт, протопоп произнёс с величайшим самоотвержением: «Да будет же ему это платою за то зло, которое он мне причинять решился, и если от сего ещё более увеличится приготовляемое мне несчастье, то надобно помнить, что есть место, где всякой получит мзду по делам своим!»

XIV. КОВАРСТВО

Мария, придя к начальнице, нашла её весьма больною и принуждена была отложить просьбу свою до другого времени, но состояние больной, которой здоровье было чрезвычайно разстроено претерпенными

ею в жизни различными огорчениями, нисколько не облегчалось, а между тем положение Ивашкина раздирало чувствительное сердце доброй девушки. И потому, посетив одним утром начальницу, нетерпеливая Мария решила сама просить её мужа.

В сие время Антон Григорьевич, как новый Людвик XI, по крайней мере такой же злодей, хотя и в миниатюрном виде, беседовал со своим Оливе, то есть цирюльником Шангиным, о политических делах своего воеводства.

— Не мог ускользнуть, мошенник! — сказал он с дьявольскою улыбкою. — Но скажи мне, Алексей, как ты узнал, что у него донос запечён в хлебы?

— Да уж узнал, сударь! Усердие чего ни сделает!

— По правде сказать, Алексей, ты сущий чёрт! Но Расскажи скорее...

— Да тут дело простое, сударь! Ведь вам известно, что Саламатов остановился в доме у Караулихи...

— Ну...

— Так прочее должно быть для вас уже ясно.

— Стало быть, Караулиха тебе предана?

— Да это, ваше высокоблагородие, такая баба, что за несколько грошей продаст самого Христа, не хуже Иуды!

— Ты уверен в этом?

— Да, кажется, не дам маху. На своём веку таки видывал людей, нечего сказать!

Начальник замолчал и по некотором размышлении спросил значительным голосом:

— Ведь говорили, что у неё дети умерли?

— Да, умерли, но тут ещё Бог весть...

— Что такое?

— Да говорят, ваше высокоблагородие, двояко: чуть ли она не сама угомонила их!

— И будто это сомнение имеет какое-нибудь основание?

— Да, кажется! Она, вот изволите видеть, говорит, что её дети будто бы утонули в день ваших именин, а недавно мне старуха Пахомовна сказывала, что в этот день они и из избы не выходили. Пахомовна, изволите видеть, с нею соседка.

— Хорошо, если так!

Начальник, заткнув руки за пояс шлафрока (мужской халат) и закусив губы, с видом самой страшной думы начал ходить по комнате и вдруг потом, устремив дикой взор на фельдшера, от которого почти невольно затрепетал сей последний, сказал ему почти шёпотом:

— Алексей! Эту женщину нам надобно прибрать к рукам. Обыщи немедленно ее избу, и если откроются следы убийства, то предложи ей на выбор: быть наказанной жестоким образом, или...

Но он не мог договорить речи и опять начал ходить по комнате. Страшные внутренния волнения изображались на его лице, бледном и ужасном. Губы его были сини и глаза навывкате. Кажется, он сражался с самим собою, и в продолжение сей борьбы опять взоры его встретились с роковым изображением, висевшим на стене. Он вздрогнул и страшно прошептал про себя: «Иуда! Я помню твой оболыстительный взор, твои сладкия речи! Хорошо! Я теперь исполню твои наставления...»

— Антон Григорьевич! — возгласил испугавшийся суеверный фельдшер. — Антон Григорьевич! С кем это вы изволите говорить?

— Ах, Алексей! — отвечал опомнившийся начальник, — я почти забыл, что ты здесь. У меня давнишняя привычка говорить с самим собою... Запри-ка двери да садись ко мне ближе. Я хочу поговорить с тобою о важном деле.

Фельдшер сначала было отговаривался от сей учтивости, но начальник сказал ему строго:

— Садись! Теперь не время заниматься вздором. Слушай!

— Слушаю, ваше высокоблагородие!

— Так ты непременно должен сделать самой строгой розыск о детях этой женщины, но не пуская в огласку того, что, быть может, откроешь. Предложи ей: если она не хочет кнута, то исполнила бы, что ей будет приказано. Понимаешь ли?

— Понимаю, ваше высокоблагородие! — отвечал фельдшер, хотя ещё не мог вовсе ничего понять из всего им слышанного. — Но что же вы изволите ей приказать?

— Ты, Алексей, — сказал начальник, стараясь вдруг принять на себя шутливый вид и улыбаясь самую принуждённую улыбкою, — кажется, в самом деле забрал к себе в голову, что у меня не весть что есть на уме, а между тем я хочу приказать тебе сущие пустяки. Скажи, пожалуйста, этой Караулихе, чтобы она попросила мичмана... Ведь он, ты говорил, покровительствует ей?

— Точно так, ваше высокоблагородие!

— Так, чтоб она попросила, — продолжал начальник, — похлопотать за неё у жены. Вишь, мне хочется, чтобы около нея была благонадёжная женщина, а ведь, я думаю, — прибавил он, со смехом, изображавшим вдруг все адския чувствования: злобную насмешку, отчаяние, дикую радость, — я думаю, лучше Караулихи

найти трудно? По крайней мере, так должно полагать по давнишней твоей рекомендации...

— Это правда, ваше высокоблагородие! — отвечал фельдшер, начиная вполовину догадываться о намерении начальника. — Но я не знаю, — примолвил он с видом величайшей простоты, — к чему бы могла быть годна эта женщина? Можно найти гораздо лучше...

— Глупец! — вскричал начальник, вскочив со стула. — Исполни то, что тебе приказывают.

— Слушаю, ваше высокоблагородие!

— Более ни слова! Вы все привыкли противоречить мне, между тем как никто из вас не думает ни о чём! Вы живёте в счастье, в довольстве, в изобилии. Вы всем пользуетесь, а я? Посмотрите на меня: я мученик за вас! С меня потребуют ответа в ваших мерзостях. Я начальник ваш, всякая ваша шалость, всякое злоупотребление на меня падёт. Доносы за доносами, и ябедничеству конца не вижу! Я просиживаю ночи, отписываюсь, но злодеи уже начинают меня перемогать. Я слышал уже, что в Иркутске назначен сюда ревизор, и кто бы, ты думал, этот ревизор? Старый любовник моей жены, которого любила она без памяти, за которого уже была просватана и у которого я, так сказать, вырвал её из рук, обольстив старого дурака, ея отца? Теперь ты видишь, чего и кого должен я опасаться более всего. Но, клянусь адом, я забочусь только о вашей безопасности! Ну, понял ли ты меня, глупец?

— Кажется...

Никакое перо, никакая кисть не изобразила бы тех ужасных теней, какими было подёрнуто лицо вероломного убийцы, который желал, чтобы его поняли и чтобы между тем не сказать ничего слишком яснаго. Услышав ответ фельдшера, он захохотал так, как бы смех его был только эхом адского хохота.

— Ха, ха, ха! Ему кажется! — говорил он, передразнивая фельдшера. — Ему только кажется, когда я кладу ему в рот, что моей жене нужна хорошая женщина, которая бы при ней прислуживала и могла бы подавать ей лекарства... Понимаешь ли ты? Подавать лекарства! А кто может это сделать лучше, как не Караулиха, которая в случае нужды и сама может составить их не хуже всякаго аптекаря?

— Это правда, ваше высокоблагородие!

— Ну, так вот видишь ты, Алексей, — сказал Антон Григорьевич, вдруг изменив так голос, как будто речь пошла уже о деле самом обыкновенном, — мне бы хотелось так уладить, чтобы, когда жена

поедет весною на воды, то бы и Караулиха с нею туда же поехала... Ну, да ты ещё с ними... Да ещё...

Сказав сие, начальник вдруг остановился и, закусив палец, посмотрел значительно, обратясь к окошку, и вдруг вскричал в каком-то диком восторге:

— Славная мысль! Счастливая мысль! Справедливо сказано: десять раз примерь, а один отрежь! Не много, так и дашь маха!

— А смею и спросить? Что ещё вздумали вы, ваше высокоблагородие?

— Ну, это, может быть, ты узнаешь после, а теперь ступай, исполни, что я тебе приказывал, да помни, что я забочусь не о себе, а о вас и что от точного исполнения моих приказаний зависит ваша честь и благосостояние, и особенно твоё: ты, чай, ещё не забыл, что во время оно твоя спина была подвержена маленьким неприятностям, что благодаря только моей заботливости твой список стал опять чист, как совесть девушки? А?

— Как забыть, ваше высокоблагородие!

— То-то же, помни! Да, я думаю, также известно тебе, что моя жена не может тебя терпеть...

— Есть тот грех, ваше высокоблагородие!

— Ну, к этому мне остаётся прибавить ещё одно, что она всегда возит с собою бумажник хороших билетов, который она бережёт на один самый невероятный случай, который в награду за хорошую службу достанется... Ты, я думаю, догадываешься уж кому?

— Разумею, ваше высокоблагородие! Много доволен вашею милостию! Будем стараться!

— Ну, хорошо, поди же да вели позвать ко мне твоего приятеля мичмана, который так отрекомендовал тебя начальству. А это глупое донесение протопопа сейчас же велю отправить назад к Саламатову. Нам и самим ничего нельзя было лучше его придумать! Ну, кажется, я сказал всё! Прощай!

Едва фельдшер отворил дверь из кабинета, как Мария, давно ожидавшая его выхода, немедленно взошла туда.

— А, Машенька! — сказал начальник с видом сластолюбиваго удовольствия, заблиставшаго в его глазах. — Что ты скажешь?

— Я пришла вас просить...

— О чём бы это? О чём? Я для тебя всё готов сделать...

— Хорошо, если вы так милостивы.

— В чём же сомневаться тут, моя милая? Садись-ка вот сюда на канаве, подле меня, да и расскажи, чего ты хочешь, а мы послушаем... Дай только прежде затворить двери, я не люблю, чтобы мешали

мне, когда я с кем-нибудь занимаюсь... Ну, садись же! Тфу, какая церемонная! — промолвил начальник, сядя Марию силою. — Ведь, кажется, ты при моих глазах выросла?

— Извольте, сяду, если это угодно вам, но сделайте милость — выслушайте мою просьбу!

— Говори, моя кралечка, говори! — отвечал начальник, придвигиваясь к ней и смотря на неё самыми преступными глазами.

— Просьба моя... — сказала Мария, вставая с канаве.

— Да что же ты опять встала? — прервал сластолюбец, схватив её за руку.

— Ах, позвольте мне встать! — говорила Мария, вырывая руку и покрывшись румянцем. — Я, право, не могу говорить...

— Ребёнок! Ты словно боишься меня, чтобы я тебя не укусил...

— Нет, но позвольте...

— А не пуцу! — говорил дерзкой мошенник, ещё более приближаясь к Марии с самою низкою улыбкою.

— Боже мой! Пустите меня...

— Ну, поцелуй же меня, так пуцу!

— Господи! Что это значит? Вы, которого я привыкла почитать...

— Отцем? — прервал сластолюбец. — Ну, на всё есть время! Теперь ты выросла, стала хороша, пригожа, так, что я люблю тебя без памяти...

— Это вы говорите мне? — вскричала Мария, с ужасом вскакивая с канаве.

— Я! Я! — повторил грешник, выйдя из себя и схватив Марию в свои объятия. — Обними же меня, или...

— Что же вы делаете? Боже мой! Пустите меня, или я закричу!

— Так кричи же, если хочешь уморить жену!

— О Господи! — воскликнула Мария, закрывая лице руками, между тем как безсовестный злодей силился отнять их и запечатлеть на ея губах святотатственный поцелуй.

В сие мгновение послышался в ближней комнате шум шагов.

— Идёт твой жених! — вскричал шёпотом начальник, с видом величайшаго ужаса, опустив Марию из рук. — Заклинаю тебя Богом, спаси меня! Он меня убьёт, если застанет меня здесь взаперти с тобою!

Мария, освободившись из его рук и не слыша от сильного волнения слов его, бросилась к дверям и хотела отпирать их, но он схватил её.

— Не ходи, заклинаю тебя всем, что есть святаго, не ходи!

— Пустите меня!

— Нельзя, клянусь Всемогущим, нельзя! Тебе ещё неизвестно, что значат ревность! Он убьёт меня, непременно убьёт!

— Я не понимаю вас!

— Я знаю, что не понимаешь, но я не имею времени теперь тебе объяснить причины моей просьбы. Спрячься хоть в эту кладовую, спрячься, умоляю тебя, если не хочешь принять крови моей за свою душу!

В сии минуты кто-то взялся за дверный замок. Начальник произнёс только: «Погиб!» — и с видом ужаса и мольбы сделал Марии знак руками идти в казёнку, о которой уже мы говорили выше. Мария, не понимая сама, что делает, но, повинувшись единственно влечению своего чувствительного, доброго сердца, вошла туда, а начальник запер за нею дверь замком и, мгновенно сбросив с себя притворный страх и тряхнув головою с мошенническою миною, сказал про себя: «А, проклятая упрямица! Попалась в западню. Теперь будем ловить другого тетерева!» После сего также с непостижимым искусством, приняв на себя ещё новую физиономию, смиренную и печальную, он отворил дверь мичману.

— Пожалуйста, Виктор Иванович! — говорил хамелеон сему последнему. — Я призвал вас, — продолжал он, садясь на канапе и показывая также место мичману, — чтобы разделить с вами моё горе...

— Благодарю вас за доверенность, — сухо отвечал мичман. — Едва ли я буду способен доставить вам утешение.

— А напротив, — возразил начальник, не переменяя роли, — вы одни только и можете это сделать.

— Если так, то я очень рад служить вам, но в чём, смею спросить, заключается ваше несчастье?

— Выслушайте меня! Недавно приехал сюда один молодой человек...

При сем слове мичман взглянул на начальника с видом изумления и увеличил внимание.

— Этот человек, — продолжал начальник, — с самого первого взгляда понравился мне так, что я полюбил его как родного сына... Да, Виктор Иванович! Как родного сына, ибо он возобновил в моей памяти ту невозвратную потерю, какою угодно было Провидению меня наказать и которой я вспомнить не могу без слёз...

Говоря сие, начальник действительно показал вид величайшей горести и горько заплакал. Слезами его мичман был приведён в совершенное недоумение, не могли разгадать, было ли это одно притворство или истинное чувство, и по доверенности своей,

свойственной всем добрым людям, склонялся более к последнему заключению. Между тем комедия продолжалась.

— Ах, Виктор Иванович! — говорил начальник, утирая слёзы, — вы не знаете моей горести, но теперь рассказывать об этом не время. В эту минуту у меня есть на сердце ближайшая скорбь... Так я уже сказал вам, что я полюбил этого молодого человека, о котором начал говорить, как родного сына... Он и стоит того, он умён, благороден, прямодушен...

— Но кто же это таков? — спросил нетерпеливо мичман. — Мне кажется, я никого не вижу в Петропавловске приезжаго...

— Дослушайте меня, и вы все узнаете. Я принял его в своём доме, старался оказать ему всякую учтивость, всякое одолжение. Скажите же теперь, чем следовало бы ему заплатить мне, если не за одолжение, по крайней мере, за гостеприимство?

— Без сомнения, благодарностию, — отвечал несколько смутившийся мичман, начиная догадываться, о ком шло дело.

— Так судите же сами себя! — сказал начальник, приняв торжественный вид и подавая мичману его бумагу.

— Следовательно, вы знаете уже всё! — с твёрдостью отвечал мичман, встав на ноги. — Я не запираюсь от вас: точно это писал я, но вы виноваты сами! Голос народа и собственная моя опасность меня вынудила.

— Голос народа, говорите вы! — воскликнул начальник. — Ха, ха, ха! Голос народа! То есть толпа ябедников, которые смотрят на всякаго начальника, как на своего врага, которые стараются чернить все его поступки и которые не были бы довольны ни даже ангелом, если бы он сошёл управлять Камчаткою!

— Но разве не правда, что вы приняли донос на меня и послали уже производить следствие?

— Правда! — отвечал начальник с важностию. — Но разве я мог уничтожить его? Я знаю, что он есть не что иное, как клевета, но, тем не менее, я должен был проверить его, даже хотя и для того только, чтобы строже наказать ябедника.

— Но позвольте же вас спросить, кто вам дал право перехватывать бумаги?

— Молодой человек! Ты судишь обо мне по тем ложным толкам, какими стараются занять всякаго приезжаго сюда мои враги, мои личные враги и враги всякаго порядка и устройства, но не по ним должно судить меня. Узнай же, что за зло, какое причиняют мне люди, я всегда готов платить им добром. Я давно хотел тебя предупредить: тебя обманывают.

— Кто и как?

— Одна моя искренняя привязанность к тебе — да, не удивляйтесь этому! — одна моя, может быть, безразсудная привязанность к тебе, Виктор Иванович, заставляет меня сказать тебе такие вещи, о которых другому говорить я никогда бы не решился.

— Сделайте милость, пощадите моё нетерпение!

— Вы хотите соединить вашу судьбу с внучкой протопопа, но узнали ли вы прежде её хорошенько? И когда было узнать её вам?

— Я люблю её, люблю пламенно, и этого для меня довольно! — отвечал мичман с жаром и с приметным неудовольствием.

— Это доказательство, конечно, самое лучшее для юнаго сердца, — сказал начальник с ироническою улыбкою. — Но уверены ли вы в том, что и она так же вас любит?

— Если ангелы могут обманывать...

— Ангелы! — прервал начальник, горько улыбнувшись. — Не ищите их на земле, они исполнены одними духами злобы!

— Что же вы хотите сказать мне?

— То, что заставляет сказать тебе, молодой, доверчивый человек, твоя честь, твое счастье, благо целой твоей жизни и, наконец, тот высокой закон, который повелевает делать добро врагам...

— Боже мой! Что всё это значит?

— Узнай же истину, для тебя неприятную, но благословляй Бога, что ты узнаёшь её ещё благовременно...

Последующия слова были произнесены шёпотом.

— Как! — вскричал мичман, — что за клевета на существо, которое не сделало вам ни малейшаго зла?

В продолжение сего разговора Мария хотя несколько раз готова была прервать речь начальника, но, страшась сделать убийцею своего Виктора, не знала сама, на что ей решиться. Колеблясь в сем недоумении, она затрепетала, услышав слова, произнесённые им. Холодный пот выступил на лице ея. Присев на стоящий в кладовой сундук, она ослабела от горести и отчаяния и с величайшим внутренним страданием произнесла едва слышным голосом: «Царь Небесный! Он меня губит!» Этот лёгкой шёпот, не замеченный мичманом, не скрылся однако ж от внимательнаго злодея, и опасаясь, дабы Мария каким-нибудь смелым поступком не разрушила вдруг его козни, он поспешил окончить разговор.

— Вы не верите? Так знайте же, что эта девушка величайшая лицемерка, что она, питая какую-то странную страсть (признаюсь, мне стыдно и говорить об этом)... страсть ко мне...

— К вам? Вы издеваетесь надо мной, как над ребёнком...

— Выслушай и поступай, как хочешь! Страсть ко мне, повторяю вам, — и я должен был призывать на помощь всё благоразумие, чтобы укрощать её порывы, искусно прикрываемые видом притворной невинности и простосердечия...

— Не говорите более! Клянусь Богом, вы будете раскаиваться...

— Выслушай, несчастный! Сегодня она принесла ко мне этот донос, который успела украсть у Караулихи, и, услышавши, что ты идёшь, скралась вот сюда... Смотри сам, если можешь!

Говоря сие, он отпер дверь в кладовую.

— Не верь ему! — воскликнула Мария, падая без чувств в дверях. — Не верь ему, Виктор!

— Изменница! — вскричал мичман вне себя от бешенства, выхватив саблю.

— Что ты делаешь? — сказал начальник, схватив его за руку.

— Пустите меня!

— Она спасла тебе жизнь, а ты...

— Жизнь! Но что мне в жизни теперь, — воскликнул мичман с величайшим отчаянием, — когда одним разом она отняла у меня всё?

— Но, несмотря на то, вы обязаны ей, и сверх того я не позволю вам...

— Хорошо! Я оставляю ей жизнь: она достойна этой муки.

— Виктор! Виктор! — произнесла Мария умирающим голосом, но мичман, не слушая её, бросил саблю и вышел поспешно из комнаты.

Слова снова замерли на устах несчастной страдальицы, и глубокой обморок объял её чувства. Начальник, призвав людей, велел подать ей помощь, и когда её вынесли от него, и когда он запер за всеми дверь, то служители слышали, что в комнате его раздавался дикой, дьявольской хохот.

XV. ПРОЩАНИЕ

Наступил март. Дни становились длиннее, небо не застилалось более туманами, и солнце весело катилось по чистой лазури. В полдень начинал таять снег, и по скользкому насту во времени ясных и холодных утренников камчадалы и русские промышленники расходились из Петропавловска на промысел. Казалось, весна была уже близка, но негостеприимная камчатская природа всегда долго спорит с этою прекрасною, прелестною гостью из стран южных. До самого июня продолжается одна и та

же мартовская погода, и уже в начале только сего месяца начинают распускаться деревья.

Но есть места в Камчатке, где и посреди повсеместной зимы изумлённый взор встречает как бы острова, ещё не покорённые ею владычеству. Сии странные места находятся близ горячих вод, коими Камчатка, сия вулканическая страна, можно сказать, изобилует. Земля около сих вод, разогреваемая внутренним огнём, сохраняя теплоту среди глубочайшей зимы, не терпит на себе печального снежного покрова, и самая атмосфера сих мест, наполняемая тёплыми парами, во время сильнейших морозов сохраняет качество если не лета, то, по крайней мере, умеренной осени. Особенно замечательно сие необыкновенное явление на водах, протекающих не в дальнем разстоянии от Большой реки, близ речки Шемеча. В марте месяце, когда окрестныя долины и горы, покрытыя глубоким снегом, представляют ещё картину суровой зимы, на берегу сих вод, составляющих большой ручей, впадающий в Восточный океан, зеленеется трава и даже разцветают цветы. Это как будто род какой-то временной квартиры, на которой останавливается в Камчатке добрая весна до окончания своей борьбы с угрюмою тамошнею природою.

Близ сих вод некогда стоял небольшой, но опрятной домик, выстроенный для житья начальницы, всякую весну приезжавшей сюда пользоваться водами, и особенно в марте месяце, когда прелестная картина зелени услаждает взор, утомлённый продолжительною зимою. Таким образом, она посетила сии воды в сем месяце по получении небольшого облегчения от болезни, упомянутой нами в предыдущей главе.

Муж ея, прощаясь с нею, оказал при сем случае знаки необыкновенной к ней привязанности, даже на глазах его, говорят, видны были следы слёз. Предоставляем психологам объяснить загадку: что значили сии слёзы? Следствие ли величайшаго притворства или чудное действие пробуждавшейся на мгновение совести, не могшей, однако ж, победить закоренелой власти страстей? Может быть, слёзы сии текли по тому же неизъяснимому побуждению, по которому, например, Грозный Иоанн Васильевич разсылал по монастырям синодики о поминовении убиенных им людей. Многия явления души человеческой останутся навсегда тайною для самой её!

Не принимаясь за тщетный труд объяснить сие неизъяснимое явление, мы опишем только исторически разговор начальника с его женою, бывший дня за два до ея отъезда. По обыкновению

своему он сидел за письменным столом, когда она вошла к нему в кабинет. На столе его лежала огромная Библия, а на конторке, единственной в тогдашнее время во всей Камчатке мебели красного дерева, завезённой Лаперузом, стояло распятие. Всё в этом кабинете дышало благочестием, кроме вероломной души хозяина. При входе жены, женщины ещё средних лет, и хотя изнурённой болезнью, но сохранившей благородство и привлекательность в чертах лица и в приёмах, начальник положил перо и старался весело улыбнуться. Кстати заметим, что ни в чём более из телодвижений не обнаруживается душа, как в улыбке: есть улыбки истинно ангельския, улыбки, в которых вполне высказываются души чистыя и светлыя, но есть и улыбки дьявольския, судорожное движение души, исполненной злобы и коварства, но старающейся принять на себя вид доброты и чистосердечия. Такова была улыбка и Антона Григорьевича, который по странному владычеству добродетели над пороком всегда сохранял к жене своей невольное уважение.

— Ну что, моя милая, — спросил он её, стараясь придать своему голосу самый ласковый тон, — как ты сладила с этими чудаками, Машею и ея женихом?

— Тут, друг мой, — отвечала начальница с видом печальным, — есть для меня непонятная тайна. Ни тот, ни другой не открывают мне причины их раздора. Маша, сколько я ни старалась её уговаривать во всем мне открыться, только рыдает и просит меня: «Ради Бога, не спрашивайте меня, оставьте меня моей судьбе!»

— Странное дело! — заметил начальник, качая головою и моргая глазами. — Ну, а что жених ея?

— И он также не рассказывает мне ничего. Между тем ужасная горесть видна на лицах обоих, и я даже боюсь, особенно за Машу, чтобы она не слегла...

— Эх, матушка! Не бойся, не сляжет! Это только минутный какой-нибудь каприз, и всего вернее, что когда ты возьмёшь их с собою, то и споре конец!

— Ах, если бы это в самом деле было так! Но я даже не знаю, удастся ли мне уговорить Виктора Ивановича ехать со мною? Мучение, какое приметно, всегда он чувствует при встрече с Машенькою...

— Ничего! Надобно только постараться, а то так не уговорить! Он же так, кажется, уважает тебя.

— Это правда! И признаюсь тебе, друг мой, и моё сердце, сама не знаю почему, так лежит к этому молодому человеку...

— Ха, ха, ха! — засмеялся начальник, стараясь обратить слова жены в неблагопристойную шутку. — Дело самое естественное, что женщине нравится молодой...

— Друг мой! — сказала начальница с видов кроткого негодования, — теперь не время шутить так. Мы теперь подобны путешественникам, которые, встретясь случайно на перекрёстке, идут в разные стороны и, может быть, уже вечно не сойдутся...

— С чего такие печальные мысли, матушка?

— С чего бы оне ни взялись в голове моей, но посвятим остальные минуты делу, а не шутке. Ты перебил мою речь. Я хотела сказать, что в этом молодом человеке я как будто вижу моего Павла...

— Эх, матушка! Ты всё не отстаёшь от мечты...

— Пусть будет эта самая вздорная мечта, но я нарочно пришла просить тебя: если не будет меня на свете, то будь покровителем этого юноши!

— Я всегда готов ему покровительствовать, но...

— Ах, друг мой! Я знаю всё, я знаю более, нежели ты думаешь! Страшная беда готовится для этого бедного молодого человека, но ради Бога, друг мой!

— Чего ты хочешь от меня?

— Я хочу, чтоб ты не губил его. К несчастью нашему, Камчатка уже наполнена людьми, которые ненавидят нас, как своих утеснителей. Для чего ты ещё хочешь умножить число своих жертв и врагов?

— Странная женщина! — вскричал начальник, пламенея от гнева, но стараясь удержать его стремление, — ты говоришь Бог знает что! Я ищю правосудия, справедливости, казни виновных, а она говорит об утеснении, о жертвах! Боже мой! Справедливо сказано: *и враги человеку домашния его!*

— Нет, друг мой! — сказала жена его с величайшею кротостию, залившись слезами. — Я не враг твой! Я тебе говорю правду, которой, разставшись со мною, ты более не услышишь. Вспомни, что и наш сын, быть может, так же, как и этот юноша, где-нибудь теперь живёт один, без друга и без покровителя, может быть, и он так же нуждается в помощи, без которой погибнет... Ах, я тебя просила за многих — ты не слушал меня, но теперь я со слезами умоляю тебя! Это, быть может, уже последняя моя просьба!

— Ты так говоришь, — сказал начальник, показывая вид, что он весьма тронут, — что не только меня, но и камень могла бы разжалобить. Признаюсь тебе, я не люблю послаблять строгости

правосудия, но так и быть. Для тебя только, для тебя одной я при-
му все меры, чтобы спасти этого шалуна. Ты употребила слишком
сильное средство, напомнив мне о сыне... Ох!

Этот вздох вырвался из груди лицемера, может быть, и без малей-
шаго притворства, ибо природа и в самых ожесточённых сердцах
вступает иногда в права свои. Но это бывает только мгновенная,
так сказать, возмущения постоянной струи порока, которая после
того опять приходит скоро в прежнее течение. Так случилось и здесь.
Вздох, произнесённый начальником, хотя был, вероятно, и самый
непритворный, но между тем послужил прекрасным переходом
к величайшему притворству. Сохраняя печальную мину, началь-
ник сказал:

— Да, душенька! Мы, кажется, уже потеряли его навсегда!

— Нет, я всё-таки ещё надеюсь на Бога.

— Да, моя милая! Надейся: это всего лучше! Но, кажется, здесь
нам уже не увидеть его! Сторона отдалённая, малолюдная, какой
случай может завести его сюда?

— Ах, не говори об этом! Мне ужасно и подумать, что глаза мои
не увидят его более!

— Конечно, и мне тоже страшно это помыслить, но как ни гово-
ри, а это так! Поэтому-то я хотел тебе давно сказать...

— Что такое?

— Да вот что! Ты возишь везде с собой назначенные для него
билеты. Боюсь я, не ровен случай, так, пожалуй, мошенники оберут,
да и следа не найдёшь!

— Но ведь ты знаешь, что я дала обещание покойному своему
отцу сохранить эту сумму для его внука...

— Странно мне, матушка, что ты до сих пор не уверилась во
мне: уже ли я истрачу их?

— Нет, я не думаю этого, но он приказал мне беречь их как
зеницу ока, и я дала слово.

— Но подумай сама: храни Боже, если что случится без меня,
ведь мы все под Богом ходим, так значит ли это, что ты выпол-
нишь слово отца?

— Ты говоришь правду, но дай же мне обещание, что ты будешь
хранить столь же тщательно, как я, покуда...

— Вот тебе порука! — начальник указал на распятие.

— Хорошо, друг мой, возьми их: вот они! И когда ты будешь
отдавать их моему милему Павлу, то скажи ему, что я всегда носи-
ла их на груди своей как самое священное сокровище, потому что
с ними было соединено его имя. Скажи ему, что мать его ждала

свидания с ним как единственного блага и что если жалела о жизни, закрывая глаза навек, то потому только, что ждала и не дождалась его...

Она не могла более говорить и горько зарыдала.

— Успокойся, друг мой, успокойся! — говорил муж ей, казалось, с непритворным участием. — Оставим этот разговор, поговорим лучше о другом... Ну, как ты, кого решилась взять с собою для прислуги?

— Ту женщину, которую рекомендовал мне Виктор Иванович...

— Не советывал бы я тебе, — говорил начальник, у которого опять порочные мысли взяли своё направление, — не советывал бы. Эта женщина так мне не нравится! У ней такая наружность...

— Да, наружность ея, признаюсь, и мне не нравится, но я решилась победить это ложное отвращение. Я думаю только о том, что она, если не взять её, должна помереть с голоду...

— Это-то правда! Конечно, ты делаешь дело христианское: помогать другому всего лучше на свете, но...

— Нет, уж я решилась...

— Ну, я не препятствую тебе. Следуй влечению твоего доброго сердца: оно тебя не обманет! Да я советывал бы тебе ещё взять Алексея. Он почти необходим для тебя по твоему состоянию...

Начальница согласилась на это предложение и наконец вышла из комнаты, а муж ея, положивши билеты в конторку, с плутовскою усмешкою сказал про себя: «Ну, Алёшка, работай, как умеешь! Билетцы теперь у меня, а ты напрасно будешь грызть на них зубы!»

XVI. НАЧАЛЬНИЦА

Предсказание Антона Григорьевича не сбылось: сколько ни старалась начальница по приезде на воды примирить наших любовников, доброе желание ея не имело успеха. Мичман показывал к Марии, по крайней мере по наружности, величайшую холодность и даже презрение. Мария чувствовала страдание, не изъяснимое никакими словами, редко осушала глаза и между тем не оправдывалась ни одним словом. Положение их было для начальницы самое таинственное, самое мучительное для ея доброго сердца. Она даже была готова иногда сердиться на них, не подозревая, что только одно искреннее сожаление и глубокое уважение к ней налагало на них молчание. Бывали случаи, что Мария, убеждаемая ею то с ласкою, то с гневом, решалась было наконец, раскрыть пагубную тайну, но потом, представив себе, что она своим

признанием может убить и без того слабое здоровье своей благодетельницы, вдруг одумывалась и снова определяла себя на страдание. В таком положении прошло около двух недель со времени приезда их на воды.

Между тем по самой необходимости мичман и Мария были почти безпрестанно вместе, сходясь у начальницы. В один вечер все они трое, сидя подле окна, безмолвно смотрели за странную, почти волшебную картину, раскинутую пред их глазами. На ближайшем плане ландшафта извивалась чудная речка со своими цветущими берегами, далее разстилался безжизненный полог снега, потом возставали дикие скалы, разделённые пропастями и, наконец, взор утопал в безпредельности моря, глухо стонавшего в отдалённости. И вся эта картина была подёрнута меланхолическим светом сумерок, сквозь которого начинали проглядывать звёзды.

— Вот изображение нашей жизни! — сказала наконец начальница, тяжело вздохнувши. — Эти цветущие берега есть малой удел радости, достающийся нам в жизни, а потом пойдут препятствия, затруднения, опасности, бедствия, а всё оканчивается вечностью, в которой светит нам одна звезда веры и надежды.

— Вы прекрасно объяснили, — сказал Виктор, — аллегорический смысл этого ландшафта, но жизнь не всегда бывает ему подобна. Бывают несчастные, которые не встречаются в жизни и этой краткой дорожки, усталой зеленью.

— Нет! — возразила начальница, — чтобы человек никогда не встречал пути приятного и цветущаго, это почти невозможно, если только сам он не собьётся с него, по следам ложного опасения, подозрения и особенно по следам страстей и порока.

— Боже мой! — сказал мичман, бросив мгновенный взгляд на Марию, — как страсти рано одолевают сердце, и как порок искусно прикрывается иногда видом невинности!

При сих словах судорожный трепет пробежал по членам Марии.

— Виктор Иванович! — произнесла решительным тоном начальница, приметившая беспокойство Марии. — Я не знаю, к чему клонятся ваши слова, но если догадка моя справедлива, то я скажу вам решительно: вы заблуждаетесь. Я сама воспитала этого ангела, — она взяла руку сидевшей подле нея Марии, — и ручаюсь за него моею жизнью!

Слёзы полились ручьями из глаз Марии. Она бросилась в объятия начальницы и, рыдая, твердила:

— Вы не ошиблись во мне, я точно невинна!

Трудно описать, что чувствовал в эту минуту мичман. Страшная буря подозрений кипела в его душе, но она не могла потушить неугасаемого пламени первой любви, который потухает иногда только с жизнью. Сей волшебный пламень, притаивающийся до времени, готов всегда вспыхнуть с новою силою при первом благоприятном ветре. Таким образом, мичман, тронутый слезами Марии, едва не увлёкся слепым движением своего сердца и чуть не бросился в её объятия, забывая на мгновение всё прошедшее. Но прошла минута восторга — и снова суровый разсудок обдал его своим хладом. Представьте себе вулкан, у которого на поверхности видны льдистые лавины, а внутри клокочут раскалённые реки: вот верное изображение нашего страдальца в сию минуту!

— Виктор Иванович! — повторила начальница, сжимая Марию в своих объятиях. — Удивляюсь, что вы ещё можете сомневаться в невинности этого чистаго существа!

— Ах! Сударыня! — воскликнул мичман, выведенный словами начальницы из состояния забвения, в которое наконец погрузилась его душа, оглушённая бурною толпою разнородных мыслей и чувствований. — Я пожертвовал бы всею жизнью моею, если бы можно было...

— Да, если сердце ваше, — перебила с жаром начальница, — столь же благородно, как ваша наружность, то, судя по самому себе, вы не можете допускать и в другом, особенно в этом ребёнке, столько лицемерия и притворства!

— О! Если бы это было в самом деле так, — сказал мичман, глубоко вздохнувши, — но...

— Так оправдайся же, друг мой! — воскликнула начальница, взяв за руку плачущую Марию. — Оправдайся! Раскрой мне твоё сердце! Ты знаешь, как я люблю тебя и как мне мучительно видеть твоё страдание. Расскажи мне всё, и если кто не поверит словам твоим, тот никогда не был достоин руки твоей! Ах, для чего ты ещё упрямисься? Ты видишь: теперь или никогда! Скажи, моя милая! Ты не можешь вообразить, как твоё молчание раздирает мне сердце... Ну, прошу тебя в последний раз! Ты видишь, как с каждою минутою я приближаюсь к концу, неужели ты хочешь ускорить его?

— Я? Я хочу ускорить вашу смерть?

— О Царь Небесный!

— Ну, скажи, моя милая, от твоих слов зависит твоё собственное счастье!

— Нет, не могу! — вскричала Мария, ослабев и упав на стул. — Не могу! За все блага в мире не могу сказать ничего в моё оправдание, кроме того, что я невинна!

Начальница не сказала ей более ни слова, отошла к окну и, сев подле него, устремила взоры на пустынные виды, перед нею лежавшие, и погрузилась в глубокую задумчивость. Долго продолжалось ничем не нарушаемое молчание, ибо душа каждого была погружена в самого себя. Наконец отворилась дверь, и женщина высокого роста, дикаго вида, словом, известная Караулиха, выставясь до половины в комнату, сказала шёпотом:

— Марья Алексеевна! Не угодно ли вам идти приготовить чай?

Мария, казалось, не слыхала сих слов. Цыганка замолчала, окинула внимательными глазами группу и, видя, что никто не замечает её прихода, ужасно посмотрела на сидевших. Этого адского взора, в котором изображалась радость тигра, подкрадывающегося к спящей жертве, никакая кисть, ни перо представить не может. Он был мгновенен, как молния, и опять приняв на себя смиренно-лукавый вид, цыганка повторила зов. Мария вздрогнула, как бы пробуждённая от сна, вышла вслед за нею из комнаты и, возвратившись с чашкою в руке, подошла к начальнице. Сия последняя всё ещё сидела, погруженная в думу.

— Ольга Павловна! — сказала Мария, задыхаясь от слёз, — и вы прогневались на меня?

— Нет, моя милая! — отвечала начальница, обратившись к ней с видом самым кротким, но исполненным горести и взявши из рук её чашку. — Я не сержусь, а только жалею обоих вас. Счастье ваше за вами гоняется, так вы бежите от него сами, потому что ещё не знаете его цены. А если бы вы испытали то, что испытала я в моей жизни! Боже мой!

— У всякаго довольно своей горести! — сказал мичман, глубоко вздохнувши.

— Так! Но надобно различать существенную от случайной. Что может быть сладостнее в жизни, как не исполнение желаний первой любви? Вы могли бы вполне наслаждаться этим благом и не хотите...

— А вы? Но простите мне этот смелый вопрос, который готов был сорваться с моего языка.

— Человек, — сказала начальница с видом торжественности, — стоя на краю могилы, не должен бояться ложного стыда! Дети мои! Вы, может быть, одни будете свидетелями моего последнего вздоха, и вам я должна раскрыть моё сердце. Один грех, который

я понесу с собою во гроб, есть... (Пусть называют её люди, как хотят!) Есть любовь к тому, кого я любила впервые... Ах! Много лет пролетело после того, но сердечная рана неизлечима! Я была тогда, Машенька, в твои лета, когда в первый раз увидела его... Я не произнесу его имя, для вас оно один звук. Солнце так ярко горело тогда на небесах, день был так прекрасен! Это было в мае месяце, как теперь помню, в праздник Троицы. С тех пор я посвящала ему каждую минуту, каждое мгновение, только об нём мечтала, им жила и дышала. Прошло три года, но наша любовь возростала с каждым днём. Наконец, казалось, уже близко было время, когда должны были исполниться наши сладостнейшие надежды, и вдруг в это-то самое время буря разлучила нас навеки. Отец мой — да простит Господь его слабость! — прежде старался оклеветать его в моих глазах, но когда не успел в хитрости, то употребил насилие: увёз меня из города и принудил обручиться с другим... О Боже мой! Как теперь, помню это страшное мгновение, когда, возвратившись в Иркутск, я приехала с отцом в дом губернатора и, сев за ужин, должна была снять с руки обручальное кольцо, которое, переходя из рук в руки, дошло наконец до него... Я не забуду никогда того взгляда, исполненного любви и укоризны, какой он бросил на меня в это мгновение, с трепетом оттолкнув от себя пагубное кольцо, и этот взгляд, как молния, убил навсегда счастье моей жизни! Однако ж я должна была покориться необходимости и, сказав: «Видно, так угодно Богу!», — несла свой жребий с терпением. Наконец у меня родился сын. Новое чувство пробудилось в душе, и оно, заменив утраченную любовь, опять наполнило убийственную пустоту моего сердца. Я любила моего сына более, гораздо более, нежели себя. Я готова была каждую минуту отдать за него свою жизнь, если бы это нужно было для его спасения. Самый слабый признак болезни, малейшее стенание его раздирали мне душу и повергали в отчаяние. Словом сказать, я жила на свете не для себя, а для него. И что же? Знать, ещё угодно было Творцу испытать моё терпение!

— Сын ваш умер? — прервал её мичман.

— Лучше, если бы он умер! Нет, он пропал!

— Как пропал? — спросил мичман с величайшим беспокойством.

— Да, пропал! — отвечала начальница, утирая слёзы и поставив на окно выпитую чашку.

— Но расскажите, ради Бога! — говорил мичман, трепеща всеми членами, — как это случилось?

— Мы тогда жили в Петербурге... Этому исполнилось в июле прошедшего года ровно двадцать лет, и сын мой был тогда по пятому году. В один праздничный день... Но что со мною? Боже мой! Свет темнеет у меня в глазах!

— Ах, говорите, заклинаю вас Богом, говорите! — вскричал мичман, совершенно в помешательстве ума подбежав к ней на помощь. — Ещё хотя одно слово!

— Мне душно! — шептала умирающая едва слышным голосом. — Кровь застывает в жилах... Простите!

— Владыко! Спаси её! — воскликнула Мария, упав на колена перед образом.

— Помогите! Помогите! — кричал мичман, поддерживая умирающую и не зная сам, что делать. — Помогите! Она умирает! Она... О! Это, должно быть, мать моя! Помогите!

— Яд! Яд! — вскричала в бешенстве вбежавшая в комнату Караулиха. — Вот яд, который я нашла у неё под подушкой (она показала на Марию). Он должен быть в чашке. Так и есть! Смотрите!

— О Творец! — воскликнула Мария, грянувшись на пол.

— Червь, недостойный жизни! — возопил в изступлении мичман, бросившись к Марии. — Я растопчу тебя!

— Берите его! — вскричал вбежавший в комнату с толпою казаков фельдшер, остановив мичмана. — Берите его! Я сейчас получил предписание взять тебя под стражу, по делу Тенявы. Тебе, видно, мало, что ты ещё одного убил...

— Прочь, разбойник! — вскрикнул громовым голосом мичман, отбросив от себя фельдшера и занеся саблю себе на грудь. — Никто не мешай умереть мне подле тела моей матери!

— Врёшь! Она не мать твоё! — вскричала стоявшая подле неё цыганка, выхватив у него с невероятною силою саблю. — Я твоё мать!

— Ты?

— Я!

— Но кто же ты, несчастная?

— Узнай меня: я — Марина!

— Ты — Марина! — вскричал мичман с величайшим изумлением.

— Да, безумный! Я — Марина, мать твоё...

— Злодейка! Разве ты не сама призналась, что я не сын твоё? Скажи мне, если не хочешь, чтобы я задушил тебя своими руками: не она ли мать твоё? (он показал на тело начальницы).

— Задуши, если хочешь быть матереубийцею! Знай, неблагодарный, что хотя ты погубил меня, но я для того только, чтобы

тебя оставить в счастии, пожертвовала самым драгоценным именем для людей: именем матери...

— Ну да нам слушать ваши розсказни некогда! После потолкуете о своём родстве! — вскричал с неудовольствием фельдшер. — Ребята, что стоите? Берите его!

Мичман стоял, как поражённый громом, ничего не мысля, ничего не понимая, и почти не чувствовал, как казаки связали ему руки и вывели из комнаты.

— Ну-ка, ступай и ты, голубушка! — сказал фельдшер, подойдя к Марии. — Полно прикидываться-то! Ребята! возьмите её тоже да караульте, чтобы не смазала лыжи!

После сего фельдшер, оставшись один с цыганкою, сказал ей:

— Ну, заварили мы с тобой кашу, как-то приведётся расхлёбывать! На что тебе, старая дура, вздумалось уверять его, что он твой сын?

— Потому что он сын мой и есть! — отвечала со злобою цыганка.

— Полно, ведьма! Поверю я тебе!

— Ты поверишь, мошенник, когда я тебя хвачу этим ножом! — вскричала цыганка, схватив нож и кинувшись на фельдшера, который с ужасом выбежал из комнаты.

Цыганка осталась одна. Жертва ея мщения лежала пред нею с открытыми, неподвижными, как бы из вечности смотревшими глазами, едва освещёнными мерцающим светом севернаго сияния. Цыганка подошла к трупу, дико посмотрела ему в глаза, закрыла их и, приложив левую руку к сердцу умершей, а правую разводя по воздуху и уподобляясь в сию минуту более адскому духу, блуждающему во мраке, нежели существу телесному, прошептала ужасным голосом:

*Чу! Оно уже не бьётся!
Кровь хладеет и не льётся!
Свет потух в ея глазах!
О! Хвала вам, духи злые!
В этих огненных столбах
Ваши лики неземные,
С дикой радостью в очах!
Вижу я: простёрли руки
Вы кровавья ко мне...
Что же? Страшны ль ваши муки?
Я ль боюсь гореть в огне?
Ха, ха, ха! Я в жизни знала
Муки адских пострадавшей:
Я презренье испытала
От себя и от людей!*

*Но вас, духи, заклинаю
Страшной клятвою геенны:
Я всё в жизни презираю,
Только мой обет священный
Довершить мне помогите!
Сокрушите, истребите
Род проклятой до конца!
Жажду мести — утолите
Кровью сына и отца!
И тогда томить не стану
Вас безумною мольбой,
Но безтрепетно предстану
К вам с заветною душой!*

XVII. СЛЕДСТВИЕ

Предписание о взятии под стражу мичмана было дано начальником по случаю окончания следствия правдолюбивым секретарём его Погремушкиным.

Погремушкин начал свои подвиги в Кууюхчене тем, что велел схватить, перевязать и посадить под стражу тойона и всё его семейство, а сам со всею свитою расположился в его юрте. Сей первый подвиг был возложен на исправника Сумкина, который по особенной злости своей на тойона за известный подзатыльник, полученный им от отца начальника, постарался исполнить поручение Погремушкина с величайшею точностию: стянул Тарею без малейшей жалости и бросил в холодную юрту. Два дня после сего почтенный секретарь изволил провести в отдыхе после дальней дороги. Наконец началось следствие. Первый допрос был сделан тойону. Несмотря на двудневной холод и голод, Тарей шёл твёрдо и отвечал смело, высказав подробности смерти Тенявы.

— Правду ли ты говоришь, старик? — спросил Погремушкин голосом не столько суровым, сколько значительным, с важностию прибодрившись и протянув ноги по нарам.

— Правду, бачка! Изволь спросить других.

— И протопоп тебя не подучивал на бунт?

— Нет, нет, бачка, не солгу этого.

— И с Зудою не стоваривались они действовать против начальства?

— Ничего не слышал, бачка, хоть сейчас умереть.

— А если мы приведем тебя к присяге?

— Что хошь, бачка, приказывай: всё рад исполнить. Я говорю правду.

— Хорошо. Подайте ружьё... Вот, клянись над ним, что ты не лжёшь.

— Я сказал, что не лгу, бачка!

— Клянись!

— Изволь, бачка, изволь! — говорил камчадал, приставив голову к ружейному дулу. — Если я солгал, хотя в едином слове, то пусть это ружьё раздробит мне голову в мелкие иверешки, пусть не свижусь я более ни с женою, ни...

— Довольно, старик! — прервал со злобою Погремушкин. — Я вижу, что то время прошло, как клятва на вас действовала, видно, теперь надобно средства другия...

— С позволения вашего, Пётр Фёдорович! — провозгласил с подъяческими ужимками Сумкин. — Если соблаговолите мне поручить окончить допрос...

— Кто ж вам мешает? Тут вы столько же обязаны заботиться, сколько и я.

— Так по-нашему вот как: плетей!

— Изволь, бачка, сечь, сколько тебе угодно, — говорил камчадал, не показав ни малейшего признака смущения, — но я всё-таки сказать инаго не могу. Камчадал, бачка, лгать не любит.

— Ладно! Мы посмотрим! Раздевайте его!

Вытерпливая ужаснейшие удары, от которых юрта обагрелась ручьями крови, камчадал, закусив губы, не сказал ни слова. Наконец безуспешное истязание было кончено.

— Так выбросьте же его, мошенника, из юрты! — сказал с досадою Сумкин. — Пусть околевает, когда не хочет сказать правды!

— Вы напрасно прибегли к этой мере, — говорил правдолюбивый Погремушкин, принимая на себя неодобрительную мину. — Знаете, гораздо лучше бы обойтись...

— Помилуйте, Пётр Фёдорович! С этими извергами как можно обходиться иначе? Ведь вы изволили видеть: секи его, а он всё своё порет! Сущие разбойники!

— Так, это правда, но я не люблю нарушения законов и скажу вам не шутя: я не желал бы, чтобы при моих глазах...

— Это всё можно сделать! Поручите только мне, так, надеюсь, будете довольны. Я с их, мерзавцев, сдеру не одну шкуру. Вот ещё жаль, что шельма Зуда долго не едет, а то с него бы начать, со старшаго бестии...

— Ваша правда! Этого плута всего бы прежде допросить должно. Но мы ещё успеем всё это обработать, если вы будете помогать мне с тем усердием к службе, каким вы всегда отличались. Ваша

отличная ревность к должности была давно известна. Мой долг будет довести начальству...

— Сделайте милость, Пётр Фёдорович: не оставьте вашим заступлением. Доброе мнение начальства для меня всего драгоценнее. Ведь, вы изволите знать, только из одной чести и бьюсь. Жалованье малое...

— Это правда, Антроп Спиридонович! И все мы из чего служим, как...

— Ах, батюшка Пётр Фёдорович! Извините: совсем запамятовал. По приезде вашем сюда нарочно я собрал для вашей милости по собольку с человека, да по чернобурке с юрты, да...

— Вот это напрасно, Антроп Спиридонович! Вы знаете: я не люблю взяток.

— Да помилуйте, что же это за взятки? Я единственно из моего усердия к вам, а добродотного дателя, вам известно...

— Ну, так и быть! Я оставлю всё это покамест у себя, а потом постараюсь вам заплатить.

— Очень хорошо, Пётр Фёдорович! Пусть хоть и так останется, ещё успеем разсчитаться, если Господь продлит веку, время не уйдёт!

Между тем как беседовали таким образом сии честные чиновники, из коих один, хитрый мошенник, хотел, как говорится, загреть жар чужими руками, а другой, наглый подлец, готов был решительно на все беззакония, лишь бы угодить начальству, — в сие время вокруг несчастного тойона, окровавленного и брошенного близ юрты, собралась большая толпа жителей острожка. Камчадалы, как и все почти дикие, предпочитая смерть истязаниям телесным, смотрели на своего начальника не столько с горестию, как с негодованием, качали головами и перешёптывались.

— Чего вы ждёте? — вскричал внезапно появившийся между ними молодой камчадал, высокого роста, плечистый и по самому виду обещающий необыкновенную силу и проворство. — Чего вы ждёте? И всем вам тоже будет! Коли тойона избили, то чего ждать другим?

— А что, ребята? — говорили камчадалы друг другу. — Ведь Гатальча-то говорит правду!

— Эта правда, — подхватил Гатальча с яростию, — лежит у вас пред глазами. Если не хотите, чтобы и всех вас так же измучили, то все за мной! Смерть разбойникам!

— В самом деле, ребята, — вскричал кто-то из толпы, — пойдём, пережем их, да шабаш!

— Пойдём, пойдём, ребята! — закричали все в голос. — Принимайтесь за чекуши!

— Господа следователи! — вскричал проворно спустившийся к ним в юрту Зуда, бывший до сего времени в отлучке из Кууях-чена, — спасайтесь: вас хотят всех перерезать!

— Как, кто? — воскликнул Погремушкин, побледневший как полотно, но старавшийся сохранить неустрашимость духа, которою он любил хвастаться. — Кто это и как?

— Народ взбунтовался.

— Народ взбунтовался! — повторил с величайшею, самую презренною робостию Сумкин, у котораго зубы громко застучали друг о друга. — Народ взбунтовался, говоришь ты?

— Да, да, народ! Спасайтесь, покуда есть время, а то... Но теперь всё кончено! Все мы погибли!

В это время шумная свирепая толпа камчадалов под предводительством Гатальчи прибежала к юрте следователей, с которыми вместе находились и приехавшие с ними пять человек казаков.

Покрыв отверзтие юрты досками, камчадалы кричали с остервенением: «Попробуйте теперь выйти оттуда, дьяволы, вы узнаете, каково обижать камчадала!»

— Что нам делать теперь, Абрам Васильевич? — говорил Сумкин, едва выговаривая от страха слова. — Будьте отец родной: научите!

— Знаете ли, что я советывал бы вам? — отвечал Зуда, смотря с чувством величайшаго презрения на сего робкаго подлеца и не могши удержаться от насмешки.

— А что такое? Научите, ради Бога!

— Хорошо бы вы сделали, Антроп Спиридонович, если бы приказали так же отодрать себя, как вы изсекли беднаго Тарею, и потом велели бы вынести себя на показ. Я уверен, что это средство...

— Боже мой! Вы смеётесь над нами, Абрам Васильевич, — говорил Погремушкин самым дружественным голосом, между тем как во всякое другое время он был бы готов отвечать на подобную обиду со всею дерзостию провинциального временщика. — Можно ли так поступать христианину, когда бы вы, может быть, могли бы одним словом утишить мятеж?

— Помилуйте! — отвечал Зуда, продолжая тон насмешки. — Вы, будучи столько лет при начальнике, несравненно более моего имели случай приобрести уважение камчадалов вашими добрыми делами. Одно ваше имя, кажется, должно бы быть достаточно к тому, чтобы заставить молчать?

— Это так, но, признаюсь, я не столько счастлив...

— Да тут не нужно счастье. Государыня поручила участь камчадалов вашему начальнику, а вы его правая рука. Так вы,

конечно, старались вместе с ним исполнить волю монархини: защищать невинных, наказывать виновных, творить суд по правде, охранять вашу страну от грабительства взяточников, мошенников, кровопийцев...

По мере того как Зуда, начинавший говорить с жаром, разгорячался, Погремушкин приходил в трепет. Глаза его, устремлённые на Зуду, остановились. Бледное, посинелое лицо изображало более образ мертвеца, возставшего из гроба на глас Страшного суда, нежели живаго человека. И в самом деле, в словах Зуды, произносимых в то время, когда неизбежная смерть висела у него над головою в точном значении сего слова, он слышал, казалось ему, начавшийся над ним грозный и неотвратимый суд за гробом. Но слова Зуды были прерваны диким криком Гатальчи, который, не имея терпения ждать выхода своих жертв, сбросил доски и закричал свирепым голосом: «Ну-ка, вылезайте, проклятые! Нам долго ждать, пока вы там сами переколеете! Вылезайте, говорю вам, а не то мы и тут вас всех перестреляем, как уток!»

— Погибли! — вскричал Погремушкин, упав на пол, между тем как товарищ его давно уже сидел, забившись под нары, полумёртвый от страха.

— Таковы-то всегда подлые люди! — говорил Зуда, глядя с презрением и жалостию на обоих трусов. — В счастье они готовы на всё, а при малейшей опасности они совершенно теряют разсудок... А вы что, ребята, — продолжал он, обратившись к казакам, — уже ли и вы сробели?

— Сробеть не сробели, Абрам Васильевич, — отвечали казаки в один голос, — двух смертей не будет, а одной не миновать, да ведь делать тут нечего. И рад бы в рай, да грехи не пускают!

— Нет, ребята. Для русского нигде ворота не заперты. Смелость города берёт. Не драться — умереть, и драться — умереть, так лучше попробуем счастья. Авось!

— Ты дело вздумал, Абрам Васильевич! — сказал один из казаков. — И точно! Ударим-ка на басурманов, авось!

— Ну, благослови Господи! — сказали казаки в один голос. — Чему быть, тому не миновать. Ура!

Казаки, схватив ружья, бросились к отверстию, но первый из них, храбрый, отважившийся показаться из юрты, полетел вниз с разрубленною головою, сопровождаемый ужасным хохотом камчадалов, отдавшимися в сердце осаждённых, и вслед за ним влетело в юрту несколько стрел, отравленных ядом. Все оне просвистали попусту, кроме одной, но эта одна похитила жертву, стоившую

многих: она ранила Зуду. Старец, несмотря на верную смерть, сохранил однако ж всю твёрдость духа, никогда его не оставлявшую, и, опустившись на нары, ещё ободрял казаков: «Друзья! Не унывайте! Ваше спасение заключается в одной вашей храбрости».

Но поощрение его было тщетно. Страшный, зловеющий голос Гатальча опять раздался над юртою:

— Ребята! Тащите-ка более хвороста. Зажжём его да набросаем в юрту, а потом закроем её, пусть они издохнут в ней, как черви!

— В самом деле, ребята, — повторило множество голосов, — притащим хвороста да сморим всех их там, чертей. Что с ними долго-то биться?!

Скоро целыя груды горящаго хлама посыпалась в юрту. Ужасный удушающий дым быстро распространялся по ней, похищая из виду осаждённых не только все предметы, но и самих их друг у друга. Наконец начало захватывать у них дыхание, и жизнь, так сказать, собралась в груди, чтобы вылететь оттуда с последним вздохом. Начался страшный спор между бытием и смертию, решение котораго уже, может быть, зависело от одной минуты.

— Ну, товарищи! Прощайте! — сказали казаки друг другу. — Теперь конец наш настал!

Но в сие роковое мгновение вдруг раздались выстрелы: раз, два, три. Камчадалы схлынули с юрты, и проворная рука разбросала лежавшие на ней доски. Дым повалил из неё столбом.

— Живы ли там? — раздался сверху голос.

— Ни живы, ни мертвы, — отвечал один из казаков, пробираясь ощупью к отверстию.

— Выходите проворнее: камчадалов мы всех прогнали.

— Ба, это ты, Паршин! Да какими, брат, судьбами ты подоспел к нам на выручку? Ведь нас, окаянные, совсем было прокоптили, словно юколу.

— Да, брат, кабы не прилетел к нам на верховой посланный от Зуды, то, верно, попали бы вы на закуску к курносой.

— А вы разве недалеко где были?

— Да я вот с командою послан из Большерецка на Лопатку да остановился было на дневку на речке Кылхту, отсюда верстах в пятнадцать...

В продолжение сего разговора вышли и прочие четыре казака, протирая глаза и едва переводя дух.

— Да где же ваши начальники? — спросил Паршин.

— Кто их знает: живы ли они? Вот дай перевести дух, так пойдём и их отыскивать.

Первый из отысканных был Погремушкин. Не вставая с пола, он сел и, посмотрев мутными, мрачными глазами вокруг себя, прошептал: «Ещё ли я жив?» Между тем казаки отыскиали и Сумкина.

— Ваше благородие! — сказал один из них. — Извольте встать: опасность прошла.

— Режь меня, коли хочешь, не встану! — прошептал Сумкин, дрожа от страха.

— Извольте встать, ваше благородие! Ведь мы казаки, а не камчадалы, они все уж разбежались.

— Разбежались? — вскричал Сумкин, вскочив на ноги. — Разбежались? А Зуда?

— А он вот здесь.

— Так ты здесь ещё, мошенник! Возьмите его, свяжите! Разбойник! Он вздумал смеяться над чиновниками!

— А я должен доложить вашему благородию, — сказал Паршин, — что если бы не Абрам Васильевич, то вам бы смерть неминуемая...

— Это почему?

Паршин повторил сказанное казаку.

— Пустяки! Это только один отвод! Исполняйте, что приказывают. Возьмите его, свяжите крепче, да приготовьте...

— Помилуйте, ваше благородие! — сказал Паршин с твёрдостью. — Что его вязать? Он уже умирает...

— Всё равно! — кричал Сумкин. — Всё равно! Вяжите его!

— Нет, воля ваша, не можем!

Таким образом, не слушая безумных и злостных приказаний, казаки стояли вокруг умирающего Зуды без всякого действия, смотря на него с видом величайшего участия.

— Друзья мои! — сказал Зуда, как бы проснувшись от глубокого сна и почувствовав какую-то необыкновенную лёгкость, которая бывает всегда верным предвестником исхода жизни, так же блестящей на мгновение пред своим концом, как блестящий иногда потухающий светильник. — Друзья мои! Не откажитесь исполнить просьбу человека умирающего: вынесите меня отсюда.

— Извольте, батюшка Абрам Васильевич, — говорил Паршин, как старший из казаков. — С охотою исполним ваше желание. Ведь мы не бусурмане какие, чтобы видели вас в таком положении да ещё бы не пожалели и не послушались.

Казаки вынесли его из юрты и положили близ оной на разостланные оленьи кожи. Погремушкин и Сумкин также вышли из юрты, и на лице первого была написана самая чёрная дума. Они стали поодаль. Зуда лежал на холме, с которого было видно море

с закатывавшимся в бездны его дневным светилом. Умиравший сделал последнее усилие, приподнял несколько голову и уныло, подобно отходящему с родины путешественнику, посмотрев на море и на солнце, произнёс тихим прощальным голосом:

— О, ты, неугасающее, вечно юное светило! Погрузясь в эти синия бездны, ты опять взойдёшь завтра с прежнею красотою и величием, но я уже не увижу более твоего восхода! И погрузившись навсегда в бездну вечности, сохраняю моё эфемерное бытие... О сколько раз ты заставало меня посреди этих печальных пустынь в слезах и горести! И для чего суждено было мне видеть, как, оживляемое твоими лучами, всё творение дышало радостью, величием, между тем как я один скорбел без утешения и без надежды? Для того ли, чтобы, означив бытие своё на земле одним страданием, я потом исчез навсегда?

Сильное волнение души изобразилось на лице страдальца. Проведя жизнь в тщетных взысканиях разума, он напрасно искал в нём утешения при дверях гроба, ибо тут немеет всякая человеческая мудрость и вещает одна Вера. Приметно утомлённый мучительными сомнениями, несчастный опять склонил голову на постель и закрыл глаза.

— Тихе, тихе! — говорили тихомолком казаки друг другу, сняв шапки и набожно крестясь. — Не помешайте, он отходит!

Но умирающий ещё взглянул и, сделав едва приметный жест рукою, сказал казакам чуть-чуть слышным голосом:

— Друзья мои! Если будете в Петропавловске... скажите Ивашкину, что об нём одном я пожалел при конце моей жизни... Ибо свет сей для меня давно был чужд! Прощайте!

Он опять закрыл глаза и уже не открывал более.

— Ну, слава Богу, кажется, комедия кончилась! — сказал глупый и безчувственный Сумкин, обращаясь с подлою улыбкою к Погремушкину.

— Да, кончилась! — отвечал холодно сей последний, мрачно нахмутив брови. — Но как-то приведётся нам самим её разыгрывать!

Между тем казаки начали уже рыть могилу. Опустив в неё умершаго, они прочитали над ним короткую молитву, и общая всем мать тихо приняла странника на своё лоно. Скудный деревянный крестик, наскоро связанный ремнём, несколько времени стоял над сею уединённою могилою, а потом ветер уронил его, холмик могильный изгладилсся, и не осталось ни малейшаго следа, что был человек, кроме одних пустых звуков предания.

2320

КАМЧАДАЛКА

СОЧИНЕНИЕ

И. Калашникова.

ЧАСТЬ I.

Второе издание.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

Титульный лист книги И. Т. Калашникова «Камчадалка»
с экслибрисом М. А. Сергеева

37

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

с тем, чтобы по напечатании, представлено было в Целеуверный Комитет законопечное число экземпляров. С. Петербургъ, декабря 11 дня 1841 года.

Ценсоръ П. Барсаковъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ГОБАКОВА.

— 72 —

но, открылся злодѣйской ея поступокъ съ вами?

— Нѣтъ, не за это; но Провидѣніе въ самомъ дѣлѣ употребило меня орудіемъ для наказанія ея. Сбавшись однажды съ восточнаго пути, человекъ обыкновенно переходитъ отъ одного преступленія къ другому; то же случилось и съ нею. Она свела дружбу съ шайкою воровъ, и исправляла должность ихъ шпіона, высматривая въ лавкахъ и домахъ: которые изъ лыхъ богаче, а какъ лучше ихъ обокрасть. Съ этою цѣлію мы посѣщали съ нею одного богатата помещика: это было, надобно вамъ сказать, заслуженный ворякъ, человекъ умный и добрый. Онъ любилъ вообще дѣтей, и всякой разъ, когда я приходилъ къ нему съ Маріею, ласково разговаривалъ со мною, полюбилъ меня, и даже, наконецъ, просилъ Марію отдать ему меня, обѣщая сдѣлать меня счастливымъ. Маріа, подъ разными предлогами, уклонялась отъ выполненія этой просьбы, и, какъ поныю, жестоко была меня, когда я осмѣлился-было просить ее объ этомъ самъ...

— Какая злая женщина! Боже мой! Я никогда не могла вообразить, чтобы люди могли быть такъ злы!

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Благосклонный пріемъ публикою перваго моего романа: Дочь Купца Жоловова, и особенно лестные отзывы о немъ лучшими нашими и даже иностранными литераторами, дали мнѣ смѣлость издать еще романъ, въ томъ же родѣ и духѣ написанный. Романъ сей не по происхожденію, но по лиричности своей, есть нечто, которое образуетъ продолженіе перваго: здѣсь и тамъ дѣйствіе происходитъ въ Сибири, и такимъ образомъ оба сии ро-

— 73 —

«А между тѣмъ свѣтъ исполненъ подобными людьми, только что скрывающимися подъ благовидною наружностію!»

— О! если такъ, то дай Богъ, чтобы я никогда не видала этого свѣта.

«Однакожь, Марія, свѣтъ не должно предстать вертепомъ разбойниковъ: между множествами злыхъ есть весьма много и людей добродѣтельныхъ. Я это испытала на себѣ, когда освободилась изъ рукъ моей похитительницы...»

— Но какъ же вы освободились отъ нея?

«Въ одно время возвратившись съ Маріею отъ того помещика, о которомъ я говорила вамъ, я подслушала разговоръ ея съ разбойникомъ, которые совѣтовались съ нею: когда и какъ лучше ограбить этого добраго старика. У меня закипѣло сердце, потому что (принимайте это Провидѣнію, или чему хотате), не смотря на окружавшіе меня порочные примѣры, я сохранила непорочность сердца, и чувствовала величайшее отвращеніе и отъ Маріи и отъ ея злыхъ сообщниковъ. Такимъ образомъ я рѣшилась, во что бы-то ни стало, уведомить помещика о злодѣйскомъ умыслѣ противъ него и, узнавши случай, исполнила мое намѣреніе. Разбойники были переколены; съ ними пала часть 1.

7.

Страницы первой части книги И. Т. Калашникова (из собрания библиотеки Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН)

XVIII. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Камчадалы, испуганные прибытием казацкой команды, забрав жён и детей своих, убежали в горы.

Сотник Паршин, получив от Погремушкина приказание идти за ними в посёлок, произвёл прежде самый тщательный обыск во всех юртах в надежде, не отыщет ли кого, кто мог бы дать ему сведений, в каких местах надлежало искать беглецов. Обыск был удачен: найдена в одной юрте спрятавшаяся за чирелы больная и дряхлая старуха. Вытащив её оттуда, казаки, не столько с действительными, сколько с притворными угрозами, начали её расспрашивать, но камчадалка, прикинувшись немой, не говорила ни слова.

— Ну, видно, нечего делать с тобою, старая корга, — сказал притворно разсердившийся Паршин, — как раскласть побольше огня, да... Говори же! Что, в самом деле? Долго ли будем с тобою биться? Ну-ка, ребята, принимайтесь: взвалите её на очаг! Видно, у ней язык-то примёрз, так отогреть надобно!

— Скажу, скажу, бачка! — завопила старуха, по-видимому струсившая, когда казаки схватили её, делая вид, что хотят тащить на огонь.

— Давно бы так! Ну, сказывай же проворнее! Не говорили ли иногда ваши старики, *что грезятся им во сне мёртвые, и не ездили ли в гости в дальние острожки* (в старину оба сии случая были верными предвестьями бунта).

— Нет, бачка, этого не слыхала, хоть сейчас издохнуть!

— А верно, знаешь, в которую сторону сговорились бежать бунтовщики?

— Про это мельком слышала.

— Куда же они побежали?

— А вот, бачка: подите вы все вверх по Нынгучу, и дойдёте вы до двух гор, одна из них называется Омгазин, по-вашему, бачка, это значит *лес валить*, потому что, как говорят старики, на этом-де месте...

— Ну, да полно околесицу-то молоть, что нам за нужда до ваших побасенок? Сказывай дело!

— Хорошо, бачка, хорошо! — отвечала камчадалка, вытаскивая неприметным образом с пояса у себя нож. — Так вот и подите вы к этим горам. Одна из них, я сказывала уж вам, Омгазин, а другая Саану, по вашему: *кормовая*, потому что-де, говорят старики, на этой горе...

— Опять за то же! — вскричал Паршин. — Да что, в самом деле? Знать, ты морочить нас хочешь? Ребята! Тащите её на огонь!

— Врёте! Камчадалка умеет умереть от своей руки! — вскричала старуха и в то же мгновение черкнула себя ножом по горлу и упала без дыхания.

— Экое чёртово племя! — сказал Паршин, качая головою. — Им резать себя, словно выпить рюмку вина. Нечего делать, ребята, пойдёте на авось. Может быть, и сами отыщете след! Да где у нас Пронька Трунилов, Безшабашная Голова?

— И то, где-то не видно его! — говорили казаки. — Смотри, что, ребята, он пошёл следить за камчадалами!

— Да и ведомо, что так! — подхватил спустившийся в юрту молодой и бравый казак.

— Где ты это слонялся? — спросил его Паршин.

— Да где слоняться-то? Следил за этими чертями...

— Ну так и есть! — перебили казаки. — Мы угадали... Ай да Безшабашная Голова! Один за сотнею погнался!

— Так мне какая надобность, что их сотня! Хоть бы их две было: смелым Бог владеет! Я-то думал, что-де неравно вздумает начальник посылать за ними погоню, так было бы ведомо куда идти...

— Да, спасибо, брат Пронча, — говорил Паршин. — Ты это хорошо вздумал... А что, они не заметили тебя?

— Нет. Не мог скрыться, увидели, каторжные, да и погнались, было. Однако я не сробел, одного из них срезал из винтовки, а прочие спрятались.

— Жаль, что они увидели тебя. Теперь они скроются в такие трупщобы, что их и сам чёрт не найдёт! А в которую же сторону они пошли?

— Да сперва они шли вверх по Нынгучу, а потом, не доходя до первого поворота, свернули налево в гору, а тут уж я и бросил их.

— Так, видно, старуха, — сказал Паршин, — говорила правду. Ну, с Богом! Терять время нечего: пойдёте к Омгазину. Я догадываюсь, где теперь должны быть бунтовщики.

Казаки отправились в погоню в числе пятнадцати человек, между тем как беглых, одних мужчин, было около пятидесяти; но так завоёвана вся Сибирь: везде горсть русских сражалась с тысячами и побеждала. Сверх сего, самый путь, по которому надлежало проходить нашим храбрецам, был чрезвычайно трудный и опасный. Быстрая речка во многих местах от пробивавшихся по берегам её ключей не была покрыта льдом, и потому, проходя между утёсами, должно было кое-как лепиться с величайшею опасностью на скользких и узких закраинах.

— Ну, чёртово же только это местечко! — сказал Паршин. — Смотри, Ванюха, не оборвись. Что рот-то разинул на утёсы? Обрушишься, так утацит как раз под лёд, и молитвы сотворить не успеешь! Вишь, речка словно котёл кипит.

— Небось, Лука Фаддеич, не обрушусь! — отвечал казак.

— Только скользко же, парень, пробираться! — заметил другой. — Того и смотри, что сотворишь кувыр-коллегию.

— Да, — говорил третий, — за утёс зубами не ухватишься: не репа!

— Экая, Господи, махина выросла! — продолжал третий. — Так в небо и упирается!

— Да и на той-то вон стороне, брат, не поддаётся этому! — заметил четвёртый.

— Словно в какой в трубе идём! — присовокупил пятый. — Уж подлинно небо с овчинку кажется! И звёзд-то почти не видать: первой, другой, обчёлся!

— Да, нечего сказать, брат! — говорил шестой. — Не для людей эта дорога построена; только чертям по ней и ходить!

— Ну, теперь недалеко, ребята! — сказал Паршин. — Вон уж и конец, а там и поворот налево.

— Слава те, Христе! Выбрались! — провозгласили все казаки в один голос.

В сем месте утёсы разошлись в разные стороны, превратившись в обыкновенные горы и соединившись с другими хребтами. Казаки, пройдя около двух вёрст равниною, поросшею кустарником, едва, впрочем, выставлявшимся из-под снега, наконец достигли до хребта, через который надлежало им перебираться. Пред ними лежала высокая и крутая гора, обнажённая от леса и покрытая скользким настом, блиставшим, как хрусталь, при лучах месяца.

— Ну, ребята, как-то мы взмоstimся на эту лежанку! — сказал Паршин, по обычаю русских сохраняя весёлость духа и шутливость в величайших трудностях и опасностях. — И не топлена, да жжётся!

— А вот как, Лука Фаддеич! — подхватил Безшабашная Голова, проворно бросившись к горе, и начав подниматься на неё.

— Проворен больно! — говорили старослуживые. — Не взойди вниз головой!

В самом деле, удалый казак сколько ни употреблял усилий, но взойдя не более трёх сажен, оборвался и скатился с горы. Общий смех казаков раздался с его падением.

— Что, брат, — говорили казаки, — знать, удал да безталанен?

— Погодите ещё, не смейтесь! Дайте только подвязать щипы под лапки (род лыж), так взойду и не на такую гору.

— Молоденек, брат ты, Пронча! — сказал один из опытных казаков. — Если бы слушал, кто тебя побольше служивал и бывал, как говорится, и под конём и на коне, так не летал бы, брат, по-тюленьи, вниз головой!

— Вот ещё! Учить вздумал!

— Учить не учу, а дело всегда скажу. Видишь ли, вон на горе как будто поднимается вихорь и заметает снег?

— Вижу. Так что за беда?

— Вот вишь, ты ещё и не знаешь этого. Попробуй-ка взойти теперь на гору: так тебя и унесёт с неё в тартарары, так что и костей не соберёшь!

— Отчего так?

— Да оттого, что хоть теперь здесь и тихо, а там, поди-ка, такой хиус, что и на ногах не устоишь.

— Э, чем пугать вздумал! Снесёт, так туда и дорога! Была не была! Два века не проживёшь! А коли дал Царю присягу служить верой и правдой, не жалея крови, так уж тут думать нечего! Благослови-ка, Лука Фаддеич!

— С Богом, с Богом, брат Прокопий! — провозгласил Паршин, смотревший с восторгом на удальство Трунилова и выжидавший только времени, чтобы поджечь соребнование и в прочих своих подчинённых.

— Экая озорь! — говорили казаки, смотря с удивлением на поднимавашагося быстро Безшабашнаго. — Смотри, как чешет!

— Да, чешет! — подхватил один из них, — вон поехал назад... Ну, не бывать живому!

— Ну, совсем обрушился! — вскрикнули казаки с чувством жалости. — За камень-то ухватись! Ах ты Господи! За кустарник-то, за кустарник-то! Лови! Вот так! Ай да молодец!

— Смотри-ка, как пошёл опять отваливать! — сказал Паршин.

— Вот уж недалеко и до вершины! — подхватил один из казаков, по некотором молчании.

— Смотри, что доберётся! — прибавил другой. — Теперь уж много, что сажень с десяток осталось.

— Ну, взошёл! — провозгласили казаки в один голос. — Ай да отчаянный!

— Ребята! — воскликнул Паршин, — стыдно же нам, старым служивым, оставаться здесь, чтоб этот молокосос после над нами смеялся. Ну, ребята, подвязывай щипы, да все за мной!

Казаки начали подниматься на гору и по мере того, как они всходили выше и выше, ветер, почти нечувствительный в долине, становился постепенно сильнее и на вершине горы превратился почти в бурю, которой стремительные порывы могли сбить с ног и утащить оплошного в страшную падь, отделявшую сию гору от противоположнаго утёса, ещё и над нею возвышавшагося.

— Я сказал, — говорил казак, дававший совет Трунилову, — что на вершине буря. Теперь видите, что моя правда!

— Ребята! — возгласил Паршин. — Ползком, если не хотите прогуляться в падь. Ветер как раз с ног срежет, а гора, смотрите, словно коча (судно), опрокинутая вверх дном: притулиться некуда!

— Тише! — прошептал лежавший на горе Трунилов.

— Что такое? — спросил поднявшийся на гору Паршин.

— А вон смотри-ка, на утёс... Видишь, вон в этом уступе как будто огонёк просвечивает между камней? Ведь, знать, тут кто-нибудь есть?

— Да кому быть, кроме этих чертей камчадалов? Слышишь, собаки завывли?

— Да, это точно вой не ветра! А смотрите-ка, кажись, человек показался на уступе?

— Человек, точно человек! — сказали в один голос несколько казаков. — Ах он дьявол! Смотри, что он нас увидел, ведь у них глаза-то нечеловечьи, к тому же солнышко-то наше не в добрый час вздумало на нас светить, так нас им как на зеркале видно!

— Увидел и ести! — подхватили другие. — Кажись, машет рукой? Эх их высыпало из норы! Что это? Смотри: принимаются за стрелы!

— Пусть их потешатся! — сказал хладнокровно Паршин. — Я уверен, что ни одна стрела не попадёт в нас.

Множество стрел взвилось в воздухе, но все оне, отнесённые ветром, действительно упали далеко в сторону от своей цели, а многия и вовсе не долетели до горы.

— Теперь, ребята, — провозгласил Паршин, — наша очередь! Ну-ка посмотрим, что вернее: пуля или стрела?

Грохот ружей раздался по горам. По смятению, оказавшемуся в толпе камчадалов, можно было приметить, что выстрелы не были совершенно потеряны. Казалось, они что-то схватили и скрылись, иные в пещеру, иные за огромные кекуры (каменные столбы), черневшиеся на утёсе.

— Теперь их оттуда не выживешь! — сказал Паршин. — Делать другого нечего, как вот что: я возьму с собой тебя, Пронча, да ещё

вас, ребята (он указал на самых удалых осьмерых казаков). Спустимся в падь, обойдём по ней утёс и поднимемся на него с другой стороны. Там, знать, отложистее, что камчадалы могли взобраться. Поднявшись же на вершину, нам уж не трудно будет спуститься к ним на уступ. Спадём на них, как снег на голову! Поняли вы меня, ребята?

— Как не понять? Ты, Лука Фаддеич, худо не выдумаешь! — говорили казаки в один голос с приметным удовольствием, особенно Безшабашный.

— А вы, — продолжал Паршин, обращаясь к остальным казакам, — оставайтесь здесь, и если кто выглянет из них, так того и бац из ружья.

Сделав сие распоряжение, Паршин с отобранными удалцами начал спускаться ползком на другую сторону горы, по которой в некотором разстоянии от вершины показывался мелкой топольник, мало-помалу увеличивавшийся и превратившийся во глубине пади в густой лес (топольник и листвяк есть единственный лес, из котораго строят в Камчатке дома и суда, но последний растёт только во внутренности сей земли, по реке Камчатке. Сосны, которыми прочая часть Сибири так изобилует, здесь нет совсем). Но добраться до спуска, покрытаго лесом, по скользкому и крутому скату нельзя было иначе, особенно по причине бури, как ползком, почти вниз головой. Само собою разумеется, что такое путешествие требовало величайших усилий и чрезвычайной осторожности. Некоторые из казаков совсем выбились из сил, и один из них, несмотря на явную опасность, решился встать на ноги.

— Нет, не могу! — вскричал он. — Устал хуже собаки!

— Что ты это делаешь, сумасшедший? — сказал Паршин с чувством страха и негодования.

— Не могу, Лука Фаддеич, как хочешь, из мочи выбился!

Но едва казак успел сие выговорить, как сильный порыв ветра потащил его по скату, потом сбил с ног, и бедняк, разбитый и окровавленный, стремительно покотившись вниз, напрасно старался схватиться руками за гладкой и скользкой наст и вскоре исчез из глаз изумлённых и утращённых товарищей.

— Ну, бедняга! — сказали с сожалением казаки, — верно, уж жив не будет!

— Сам виноват! — подхватил Паршин. — Я говорил, что нельзя вставать... Чу! Выстрел!

— Это, знать, ружьё само выпалило! — заметили казаки.

— А слышите ли, — сказал Паршин, — как опять завывли собаки? Смотри, что камчадалы опять высыплют!

В самом деле, камчадалы опять вышли из пещеры и, увидев спускавшихся в падь своих неприятелей, проворно прикатили общими силами к краю утёса преогромный камень и, дождавшись их спуска, с величайшим криком свалили его вниз. Ужасный гром и треск дерев, сокрушённых сброшенной массою, раздался в пади. За ним следовали удар, другой, третий, четвёртый, между которыми разсыпались выстрелы из ружей, и пустыня, может быть, от создания мира стоявшая в невозмущаемом безмолвии и оглашённая сими звуками, казалось, изъясляла свою скорбь в диких и протяжных воплях свирепствовавшей бури.

Несмотря на непрерывное падение камней, казаки шли бодро и смело и при падении каждого камня ещё острились насчёт своих неприятелей. Но чтобы совершать обход, им надлежало употребить немало времени, в продолжение которого камчадалы, не сомневаясь в намерении казаков, положили по общему совету: Гатальче, как смелому и удалому воину, с отборными товарищами идти на отбой приступа, а менее отважным оставаться в становище и в случае разбития Гатальчи решиться на последнюю меру: *достать под себя постелю*, лишь бы только не достаться живыми в руки супостатов. Гатальча и товарищи его, отправляясь на смертную битву, весело простились со своими жёнами и детьми и, закинув за плечи сайдаки (луки), пошли бодро с песнею безнадежной отваги:

*Не ползи змейёй из тёмных дубравы,
Не застанешь нас врасплох, казак лукавый!
Мы с тобой теперь впоследине сразимся.
Лучше сгинем, а живые не дадимся!
Нужды нет, что злобный Канна тебе служит:
Камчадал в беде не плачет и не тужит!
Он умеет, презирая участь злую,
Подостлать себе постелю кровяную!*

Внимая сему отчаянному пению, оставшиеся в становище камчадалы смотрели на удаляющихся с каким-то диким безмолвием: ни у кого ни слеза не выступила из глаз, ни вопль, ни вздох не вылетал из груди. Таково чудное человеколюбие природы. Она положила известный предел, до которого бедствия ещё чувствительны человеку, подалее онаго ни ум не в состоянии живо представить себе огромность беды, ни сердце чувствовать её приближение. Тогда несчастье, превысившее положенную меру, изменяет своё свойство

и принимает характер спокойствия. Здесь-то начинается отчаянная радость, верх человеческого злополучия!

Впрочем, камчадалам нетрудно было защититься от нападения казаков, ибо подъём, предлежавший сим последним, хотя и был возможен, но сопряжён с величайшими затруднениями. Им надлежало кой-как пробираться по скользкому насту между выставившихся из крутаго и безлеснаго ската огромных камней, уподоблявшихся по чрезвычайной высоте своей почти скалам.

Камчадалы, спустившись с вершины горы до половины ея и остановившись на одной из таковых скал, ожидали казаков, готовые к сопротивлению.

Первый шёл Паршин. Едва он, сопровождаемый своею командою, поднялся на несколько сажень, как страшной величины камень полетел с горы и непременно бы раздробил и Паршина, и шедшаго по следам его Безшабашнаго, если б, по счастью их, ударившись о край скалы, над ними висевшей, не перелетел чрез их голову.

— Ребята! — вскричал Паршин, — проворнее на скалу, да хватим оттуда из винтовок. Верно, черти разбегутся при первом выстреле.

Проворно взобравшись на скалу, казаки увидели над собою камчадалов, опять готовящихся свалить также огромный камень. «Стреляй!» — вскричал Паршин. Пули со свистом понеслись с камня на камень и сшибли сверху двух камчадалов, стремглав полетевших вниз. Товарищи их сробели и бросились на гору, один Гатальча, удалый и отчаянный, остался на месте и, употребив гигантския усилия, сбросил до половины нависнувший вниз осколок утёса. Низвергнутая громада, запрыгав с камня на камень, наконец грянулась на вершину скалы, на которой стояли Паршин и Безшабашный, едва успевшие отскочить при сем падении, и потом пронеслась в трущобу, наполняя пустыню треском дерев и грохотом падения. После сего неутомимый и разъярённый Гатальча ещё хотел в третий раз употребить то же губительное средство, но казаки, быстро поднявшись к тому месту, где стоял он на небольшой каменной площадке, не дали ему исполнить сего намерения. Начался смертный бой. Гатальча, схватив копьё, направил его против Паршина, занесшаго руку на площадку, дабы на неё взобраться, но неустрашимый и проворный потомок железнаго племени, схватив копьё и крепко держась за него, вскочил таким образом с невольною помощию самаго неприятеля на площадку и нанёс ему ужасный удар саблею. Гатальча успел однако ж от него несколько уклониться и, получив рану только вскользь по руке, схватил казака за грудь и вонзил ему в бок смертоносную чекушу

с ужасным криком: «Пропадай, враг!» Но в то же мгновение и сам вкусил смерть: Безшабашный, с быстротою сокола вскочив за Паршиным, ударил камчадала прикладом по голове, и отважный дикарь, последняя отрасль славного Шантала, превозносимаго в камчадальских сагах, кончил свои отчаянные подвиги. Оуманенный ударом, он качнулся в сторону, не выпустив, однако ж, из рук своей жертвы, как бы по невольному, судорожному движению, и с повторенным ударом покатился вместе с нею в пропасть, означая свой путь кровавою полосою. Смерть сих воинов произвела совершенно различные чувствования в сражающихся. Камчадалы вовсе потеряли дух, а русские, по чудной доблести нашего народа, с увеличившеюся опасностью при потере начальника ещё более ободрились, совершенно позабыли сами себя и дружно кинулись на гору, презирая летящие на них сверху камни и стрелы и не сделав ни одного выстрела. Это твёрдое, безмолвное презрение смерти, эта стихийная, нечеловеческая храбрость, совершенно обезумили камчадалов. Поражённые более нравственно, нежели физически, они не были в состоянии долее сопротивляться, несмотря на превосходство своего числа и положения, и с отчаянным воплем бросились на вершину горы, дабы потом сбежать на уступ, в своё становище. Казаки также вбежали на гору вслед за ними и схватили с плеч ружья. То же самое сделали и товарищи их, оставшиеся на противоположной горе и увидевши их появление, но те и другие, приложившись к ружьям, внезапно остановились в сем положении, поражённые ужасом и изумлением. Пред ними открылась страшная, раздирающая сердце картина. Каждый из камчадалов, схватив свою жену, или сына, или дочь и занеся над ними нож, ожидал только первого знака от стоявшего между ними с бубном шамана, чтобы поразить их прямо в сердце. Шаман, находившийся в каком-то безумном, диком изступлении, наконец сверкнул кровавыми глазами, ударил в бубен — и ножи разом мелькнули, озарённые красным пламенем зари. Ужасный, удушающий, но мгновенный вопль раздался в воздухе, кровь хлынула ручьями с утёса!

Казаки, сколько ни были неустрашимы в битвах, но при сем ужасном зрелище невольно затрепетали. Безшабашный, первый выйдя из состояния изумления, бросился было, чтобы остановить сие варварское торжество, но не успел. Жертвы покатались по утёсу, а потом и сами убийцы с криком неизъяснимаго, дикаго, но отчаянно-радостнаго изступления, взмахнув кверху руками, как бы в знак предания себя воле Высшаго Духа, бросились все разом

с утёса, и только один шаман, полубольной и полубезумный, не боясь и не понимая человеческого мщения, остался от всего племени, как обломок от разбитого бурей корабля, и как привидение чернел на утёсе при первых лучах восходившего солнца. Казаки не сочли нужным вести его с собою и, удалясь с места побоища, долго слышали его бубен и безумные крики, коими он провожал, казалось, души своих родовичей в безвестное владычество Гаеча. Наконец бубен умолк, и в пустыне, на минуту возмущённой буйными существами, злостно и безумно отнимающими друг у друга и без того кратковременное бытие, опять воцарилось вечное и невозмущаемое безмолвие.

По возвращении казаков в опустевший Куууюхчен Погремушкин пришёл в большое затруднение, не зная, как и что написать о следствии. Но сметливый товарищ его, неподобный Сумкин, тотчас вывел его из затруднения.

— Помилуйте, Пётр Фёдорович! Да чем тут затрудняться? Господи, твоя воля! Да разве перо-то не в наших руках? Разве нельзя заставить его, чтобы оно заговорило за всех камчадалов, как нам надобно, да потом заставило у каждого допроса сайдаки со стрелами (иноверцы вместо своей подписи ставят знак — лук со стрелой, положенною на тетиву)? Вот вам и следствие!

Погремушкин мрачно посмотрел на Сумкина и, махнув рукой, сказал холодно: «Ну, делай, как хочешь!»

Таким образом, по следствию, протопоп и мичман оказались совершенно виновными в смерти Теньявы и в подучении камчадалов, а Зуда — и в деятельном участии в бунте, остановленном при самом начале, без особенных последствий, благоразумными и кроткими мерами господ следователей. Антон Григорьевич, донося о сем губернатору, испрашивал им *в поощрение к дальнейшему усердию по службе и в пример другим за деятельность, неутомимость и безкорыстие* приличное награждение, особенно настоял о выдаче им годового оклада, *в уважение их бедного состояния и малаго жалованья, коим-де они не в состоянии пропитываться, имея на своём попечении большия семейства.* К несчастью его, подобныя казённые фразы, коими так много злоупотребляют слабые и безчестные люди, не могли обмануть тогдашняго иркутскаго губернатора, о котором мы уже упоминали выше. Прочитав означенное донесение, Кличка отметил на нём: *оставить до окончания ревизии в Камчатке.*

Но не столько сия ревизия, стеснённая более или менее формами, как безпристрастный суд предания раскрыл страшныя деяния, нами описанныя. Давно сказано, что глас народа есть глас Божий.

Сколько бы осторожное лицемерие ни укрывалось от преследования закона, но оно не в силах утаиться от преследований общего толка. Сей всезрящий и всеведущий судья проникает в глубочайшие изгибы сердца, обнаруживает сокровеннейшия пружины деяний и выясняет темнейшия типы. На грозном суде его нет ни лицепрятия, ни пощады, — и вы, надеющиеся избегнуть наказания, установленного законом, трепещите: есть общее мнение, есть презрение и проклятие народа!

ХІХ. ОБЪЯСНЕНИЕ ЗЛОДЕЕВ

Начальник, получив письмо от фельдшера о смерти своей жены в первый день Пасхи поутру, во время собрания у него поклонников, вышел к ним из кабинета с самым ужасным лицом. Оно было подёрнуто какою-то синею тенью, изображавшею более раскаяние убийцы, нежели притворную скорбь, какую лицемер старался показать. Во всяком другом случае он не поскупился бы на обильныя слезы, дабы лучше представить вид печалющагося, но тут не мог сего сделать: адское мучение совести и невольное опасение преступника, терзавшее его душу, были слишком сильны для того, чтобы вполне выдержать принятую им роль. Но между тем сие страшное состояние души грешника также привело присутствовавших к выгодному для него заключению: оно было принято за действие величавшей безслёзной горести. Обозрев безмысленное и покорное стадо и не встретив ни одного смелого и пронизательного взора, начальник ободрился и как бы задыхаясь от скорби, сказал предстоявшим:

— Да! Тяжко потерять жену во всяком случае, а особенно теперь мне в такой отдалённости, где она заменяла мне всё!

Слышавшие сии трогательныя слова, желая показать, что они сердечно разделяют с ним его печаль, сделали каждый по самой плаксивой гримасе и тяжело вздохнули.

С неделю после сего Антон Григорьевич не выходил никуда из дому и большую часть суток просиживал за Библией. Никто не сомневался в его благочестивых чувствах и размышлениях, кроме одного Всеведающаго.

Между тем приехал с горячих вод верный агент его фельдшер, и благочестивый отшельник имел следующий разговор с сим мошенником, который, гордясь оказанною им своему повелителю кровавою услугою и считая его уже не столько начальником, как товарищем в злодействе, сделался гораздо смелее прежняго в обращении с ним.

— Вот видите, ваше высокоблагородие, — говорил он, смотря на подписываемое Антоном Григорьевичем известное представление о награде следователей, — других вы представляете к наградам, а, кажется, и меня пора бы...

— И тебя? — перебил начальник, взглянув на него с насмешливою улыбкою.

— Да что же вы изволите смеяться? Конечно, чем же я хуже других?

— А к чему прикажешь тебя представить?

— Как к чему? Ведь, кажется, давно уже я стою на офицерской линии...

— Вот чего тебе захотелось! Стало быть, ты позабыл, что во время оно...

— Да помилуйте! Кто Богу не грешен, царю не виноват! Ведь, если сказать правду, так ваш честнейший секретарь и господин заседатель давным-давно то же бы вытерпели, кабы не имели офицерских чинов, да открылись бы все их плутни...

— Послушай, Алексей. Ты, во-первых, говоришь слишком дерзко для начальника, а во-вторых, и не по-христиански: знаешь, велено не только близких, но и...

— Знаю, знаю, ваше высокоблагородие! Я люблю их обоих; да разве бы им вред бы какой причинился, если бы вы изволили и меня тут же приписать: ведь дело-то я сделал, а барыша-то немного!

— Немного, а билеты?

— Да, сударь, билеты! Не тут-то было!

— Что же это значит?

— Да то, ваше высокоблагородие, что мне их и во сне не видать. Признайтесь, ваше высокоблагородие, уж, верно, вы изволили пошутить надо мною?

— Я вижу, Алексей, — отвечал начальник, вспыхнувший от злобы, но стараясь сохранить вид спокойствия, — ты, кажется, сегодня в хорошем расположении духа?

— Напротив, в самом худом, ваше высокоблагородие, и был и буду, если не изволите удовлетворить моей просьбы.

— То есть представить тебя в офицеры?

— Да-с!

— Хорошо, ты будешь представлен; но довольно об этом. Что твои больше?

— Ничего, сударь! Мичман лежит в общей арестантской, а внучку протопопа я велел перенести в дом казака Горбунова.

— А хорошо ли караулят их? Смотри: пока они больны, так на твоём отчёте. Ну, как они теперь?

— Оба в страшной горячке, ваше высокоблагородие, совсем без памяти.

— А что, протопоп не приходил к своей внучке?

— Приходил вчера. Да какими судьбами, ваше высокоблагородие, он разгуливает у вас на воле, как правый?

— Нельзя, братец, особа духовная. Тут надобно действовать осторожно. Я ожидаю уведомления из Иркутска. Увидим, куда ветер потянет. Ну что же этот калуер (монах, старец), когда увидел внучку?

— Смех и горе, ваше высокоблагородие! Признаюсь, не хотел было пускать его. Хотел сказать, что нельзя, испугаешь, ну, да так и быть, думал, пусть полюбуется!

— Что ж он, плакал, что ли?

— Нет! Хоть бы те слезинку выронил! Этакой чугуни! Только положил близ кровати три поклона в землю, прочитал над больною молитву и, взглянув на небо, перекрестил её и сказал: «Бог да сохранит и защитит тебя, дитя моё, и да простит твоих гонителей!»

— Ха, ха, ха! — засмеялся неистовым смехом начальник. — Пусть охраняет её кто хочет, но она теперь в моих руках! А что мичман?

— Этот безпрестанно бредит: всё матушка, да матушка! Знаете ли, что я советовал бы вам? Не подать ли ему того же снадобья, которое...

— Ты, Алексей, — прервал начальник с негодованием, — сегодня слишком смел!

— Да что церемониться, ваше высокоблагородие? Ведь для вас же очищаю дорогу...

При сем слове вся тяжесть сообщничества с подчинённым и неизбежно сопряжённая с нею унижительная зависимость от него как бы ударили в сердце злодея-начальника. «Бестия! — думал он, вскочив с места и начав быстрыми шагами ходить по комнате, — он зазнался и может быть мне опасен. Но я найду ещё способ накинуть на него узду и заковать его мерзкой язык».

— Уж не на меня ли изволили прогневаться? — спросил несколько струсивший фельдшер по прежней привычке своей бояться Антона Григорьевича и давно изучивший все приёмы сего последняго.

— На тебя? — отвечал Антон Григорьевич, силившись принять ласковый вид. — С какой стати? Нет, Алексей, я столько доволен

твоим усердием, что грешно бы было на тебя сердиться. Я надеюсь, что ты и вперёд не откажешься мне послужить столь же ревностно.

— Будьте уверены, ваше высокоблагородие!

— Я никогда и не сомневался в этом... Но скажи мне, пожалуйста, точно ли Караулиха называла себя матерью мичмана?

— Ведь я докладывал вашему высокоблагородию, что это было при моих глазах.

— Странное дело! Мне хочется хорошенько узнать об этом. Пойдѣшь от меня, так скажи ей, чтобы она сегодня же побывала у меня.

По уходе фельдшера начальник по обыкновению своему начал мерными шагами ходить по кабинету с поникшею головою и с руками, заткнутыми за пояс. Спустя с полчаса вошла цыганка и, приняв на себя самый смиренный вид, стала у дверей, так что свеча, тускло горевшая на столе, весьма слабо освещала её тёмное лицо. Начальник, остановившись в некотором отдалении от нея, устремил на неё самый внимательный взор и, казалось, приводил что-то на память. Наконец сказал ей значущим голосом:

— Караулиха! Ты должна рассказать мне происшествия твоей жизни. Признаюсь, я смотрел на тебя прежде без особенного внимания, но теперь нахожу в чертах твоих что-то знакомое.

— Помилуйте, батюшка ваше высокоблагородие, где нам, людям бедным, быть знакомыми с вашею милостию!

— Притворство твоё не у места, — прервал начальник строгим тоном. — Я имею тысячу способов узнать правду, но прежде хочу спросить у тебя самой: точно ли ты русская?

— Да чем же мне быть иной?

— Не жила ли ты когда-нибудь в Бухаресте?

— Где жывать, батюшка! Я этого и имени-то не слыхивала.

— Я тебе ещё подтверждаю, старуха: говори правду, чтобы после не каяться.

— Правду, сущую правду говорю вашей милости.

«Странное дело! — думал начальник, начав опять ходить по комнате. — В чертах этой женщины есть весьма много сходного с тою цыганкою, с которою я познакомился в Бухаресте и с которой я, признаться, поступил не совсем честно... Но, впрочем, кто ж не шалил в молодости? И что вспоминать старья дрязги? Довольно и новых! Недаром сказано: *довлеет дневи злоба его!*»

— Где же твоя родина, старуха? — спросил начальник, вдруг обратившись к цыганке.

— В Иркутске, отец родной!

— В Иркутске? — повторил начальник с грозным видом. — И ты смеешь так нагло врать?

— Не вру, батюшка! Поверь Богу: говорю правду!

— Но если ты не лжёшь, то каким чудом мичман мог быть твоим сыном? Ты сама так называла его.

— Отец родной! — вскричала цыганка, упав в ноги начальнику. — Прости меня, многогрешную! Я вижу теперь, что должна тебе во всем покаяться: я ссыльная.

— Ты ссыльная! — повторил начальник с некоторым ужасом, — и, стало быть, догадка моя справедлива?

— Нет, батюшка, вот те все святые, нет! Я родилась в Петербурге. Батюшка и матушка умерли, когда я была ещё ребёнком. Я осталась на своей воле, а своя воля молодому человеку, батюшка, — кто этого не знает? — сущая пагуба! К тому же попала на худыя руки, а поучить уму-разуму было некому. Вот я и пошла по мытарствам. Ох, тяжело, как вспомню, сколько грехов на душу пало!

— Ну, хорошо! — прервал начальник суровым голосом. — Ты можешь и не вспоминать о старых грехах и рассказывать проворнее.

— Так к слову пришлось, отец родной! Ну, вот видите, на двадцатом году у меня родился сынишко. Думала было пехнуть его в воспитательный (дом), да жаль стало. Нет уж, мол, что ни будь, а не покину своё детище. Вот и таскала его с собой лет до девяти, батюшка, да называла чужим, и самому-то ему не сказывала, что он мой сын, а всё толковала: ты-де покраден у других. Напоследок — ведь горе-то, батюшка, не за горами, а за плечами — за чем пойдёшь, то и найдёшь — напоследок, отец родной, попала я под уголовную, и — знаешь: материнское сердце! — задумала: лучше-де вовсе откажусь от сынишки, чем губить его вместе с собою, и показала, что он-де не сын мой, а к тому же навернулся добрый человек, который захотел призреть его. Вот, батюшка, все мои похождения. Я сказала всё без утайки. Хоть верь, хоть не верь!

Начальник, обладавший умом хитрым и проницательным, не мог с безразсудною доверчивостию положиться совершенно на слова рассказчицы, особенно при известности ея характера и поступков. Но по лукавому правилу сердца, одержимаго страстию верить тому, чего желаешь, он старался заглушить голос совести и разсудка, ибо, зная предсмертный разговор своей жены с мичманом, он не столько желал, сколько страшился найти в нем своего сына.

— Но если я спрошу самого мичмана, — сказал он, сохраняя более наружные вид недоверчивости, — и если откроется что-нибудь тут преступное...

— Изволь, батюшка, спрашивать, сколько вам угодно, но вы изволили видеть из моих слов, что он и сам хорошенько не знает, что я его мать.

— Это правда! Но скажи мне: тебе не жаль, что он попался в беду?

— Как не жалеть, батюшка! — воскликнула цыганка с притворными слезами, упав в ноги начальнику. — Защити его, родимый! Ведь что ещё он — молодо-зелено! Будь его отец родной, сжался надо мною, горемышною!

Начальник, несмотря на все злоухищрения сердца не переставший сомневаться в повествовании цыганки, с ужасом посмотрел на её притворную жалость, но, не имея силы вдруг отказаться от исполнения своих преступных замыслов и готовый пожертвовать для удовлетворения страсти всем священным, он сказал ей с неподражаемым равнодушием:

— Встань, Караулиха! Я постараюсь об нём, сколько могу.

— Заставьте за себя вечно Бога молить! — говорила цыганка, вставая и всхлипывая от слёз.

— Хорошо, что ты принимаешь такое участие в сыне, — сказал начальник по некотором молчании с насмешливою улыбкою, — но говорят, что ты не ко всем детям своим была так жалостлива.

— Кто это смеет говорить? — спросила цыганка, вдруг изменив свой голос.

— Твой приятель, фельдшер!

— Он?

— Да, он. Но это ещё не всё. Он сказывал про тебя вещи самые ужасныя, и если бы я доверял этому мошеннику...

— Что же он говорил тебе? — прервала цыганка, начиная приходить в бешенство.

— Он сказал мне, что ты, а не внучка протопопова отравила мою жену и что ты только сделала на неё отвод. Если это правда, то...

— Так что же ты сделаешь со мною?

— То, что велит строгость законов с подобными злодеями.

— А ты, — возопила цыганка, дав наконец полную волю потоку яростной злобы, таившейся в её груди, — а ты разве не такой же злодей, как и я? Разве не по твоему приказанию...

— Ты, вижу я, сумасшедшая! — вскричал начальник, также вне себя от злобы. — Я велю тебя посадить на цепь и заморить, как собаку.

— Лицемер и убийца! — кричала цыганка, предавшись совершенно изступлению. — Ты призвал меня, видно, для того, чтобы

надо мной наругаться? Но я не такова! Я не боюсь твоей гнусной власти!

— Не раскайся! От меня зависит открыть убийство твоих детей!

— Глупец! Ты поручал уже твоему сообщнику запугать меня этим и думаешь, что я в самом деле поэтому исполнила твою подлую волю... Ошибаешься, злодей! Я готова на всё! Я пойду и объявлю своё злодеяние, но и тебя, убийца, заставлю мучиться вместе со мною!

— Постой, фурия! — вскричал начальник, утращённый как преступник сею страшною запальчивостью цыганки и совершенно растерявшийся в сей неожиданный момент. Он схватил её за ворот и ввёрнул обратно в свою комнату. — Постой! Я вижу: ты сумасшедшая и в бешенстве своём готова наслушать всю Камчатку.

— Пусти! Ты хочешь меня застращать!

— Безумная! Кто тебе это сказал! Я хотел только открыть козни против тебя мошенника-фельдшера, но я никогда не позволю клеветать на невинных. Я знаю, что он плут...

— Такой же, как ты!

— Караулиха! Мне давно сказывали, что ты выходишь по временам из себя, вот почему я не могу на тебя сердиться. Но признаюсь тебе: я хотел бы отделаться как-нибудь от этого мерзавца. Я даже слышал, что он обманул и тебя. Обещал много и не дал ничего...

— Да, меня обманули, — отвечала цыганка, начинавшая успокоиваться, — но не знаю, который из вас: ты на него, а он на тебя сваливает эту вину.

— Подлец! Неблагодарный! Клянусь Богом, я дорого бы заплатил тому, кто бы меня от него избавил!

— Тут не нужно платить слишком дорого! — подхватила цыганка со злобною усмешкою, всегда готовая на погибель другого и находя адское удовольствие в смертных грехах своего обольстителя. — Это дело всего стоит двадцать копеек! Так и быть, не пожалею! Отдам последние!

— Нет, Караулиха! — подхватил начальник таким голосом, как бы он не понимал намерения цыганки и как бы она говорила о каком-нибудь добром деле. — Я не хочу, чтобы бедный человек для меня тратился, вот тебе десять рублей! *Бог велел нам помогать ближнему.*

— Бог! Помогать ближнему! Ха, ха, ха!

— Что же тебе смешно?

Цыганка продолжала хохотать. Начальник долго крепился, но наконец и сам расхохотался над своим лицемерием. В этом смехе отзывались адские тоны.

— Мы с тобой, Караулиха, — сказал наконец начальник, — кажется, век свой оба уже отжили и дурачимся, как ребята, смеёмся, сами не зная чему.

— Теперь смеёмся, а придёт время, будем плакать! — отвечала цыганка двусмысленным тоном.

— Это правда! — говорил начальник, не поняв в точности значения слов ея и между тем приняв на себя обычную ролю святоши. — Всему есть время под солнцем! Жизнь бежит, как вода, потому-то и надобно делать добро наскоро. Знаешь ли, что придумал я? Фельдшер хотя, правда, и великий негодяй, но до некоторого времени он мне нужен. Между тем мне хочется и тебя-то обезопасить со стороны его на тот случай, если бы он вздумал тебя оклеветать, когда придет сюда ревизор. Я думаю вот как: подпиши-ка ты эту бумагу. Я нарочно её для тебя приготовил. Это показание от твоего лица, что он подговаривал тебя отравить мою жену, чтобы потом её обокрасть. Я до времени подержу эту бумагу у себя и пущу её в ход, когда понадобится. Ну, что же ты не отвечаешь ничего?

Цыганка в свою очередь пришла в изумление, удивляясь бездне коварства, хитрости и злодейства в лице своего старинного знакомца, и, измерив его глазами, покачала головой и молча написала бумагу.

— Ну, спасибо, Караулиха! Поди же, да смотри хорошенько за внучкой протопопа. Я отдаю тебе её на попечение. Ты умеешь обходиться с больными. Она необходима для объяснения дела и Боже сохрани, если умрёт!

Цыганка, продолжая сохранять молчание, вышла из комнаты и, идучи по улице, говорила сама с собой: «Хорошо, мошенник! Губи, как умеешь, твоих сообщников. Я подпишу тысячу бумаг на них и на себя, лишь бы оне не помешали мне погубить самого тебя».

Между тем начальник сел за стол и положил пред собой ея показание, глядя на него с усмешкою. «Теперь господин фельдшер и эта старая чертовка в моих руках! Перваго я могу так состращать этою бумагою, в случае нужды, что он и рта разинуть не посмеет предо мною, и последняя уже не может пугать меня своим признанием, хотя бы тысяча ревизоров приехала! Но, чёрт возьми, если эта проклятая ведьма только запирается, а если она в самом деле была некогда тою молодою, прекрасною девушкою,

которая казалась мне так хороша, так мила и даже так добродетельна, что я влюбился в неё без памяти, а не иначе мог склонить её на свою сторону, как только тем, что дал с клятвою обещание на ней жениться! Да, если это в самом деле она, то, смотря на неё, едва ли кто отважится похвалиться постоянством своей добродетели? Э! Все эти люди добродетельные хороши только до первого случая!»

XX. РАСКАЯНИЕ

В один из последних дней июня, весьма рано поутру, шёл по берегу Петропавловской гавани, пробираясь к Авачинской губе, человек довольно высокого роста и преважной осанки. По-видимому, он вышел полюбоваться природою, ибо шёл шаг за шагом, и самое неумеренное, даже глупое восхищение изображалось на его лице. Поводя во все стороны вздёрнутым кверху носом, он, казалось, хотел вытянуть весь аромат из воздуха и съесть окружающую его картину. Она в самом деле была и прелестна, и величественна, ибо с наступлением июня прошла мартовская погода, и житель Камчатки благословил наконец благодатное явление лета. Берёзовые рощи, можно сказать мгновенно распустившиеся, толпились на пути незнакомца, наполняя воздух своею благотворной свежестью. Холмы и долины, по которым проходил он, были одеты молодою зеленью и убраны цветами, между коими преимущественно красовалась оранжевая сарана, сколько прелестная, столько же и полезная в быту камчатского обитателя (корни сараны сушат на солнце и кладут в кашу, пироги и толкушку).

Незнакомец взошёл на один из холмов и, обозрев окрестности, обратился неподвижно к зрелищу восхождения солнца. Волны света выбегали из бездн светозарного Востока, обливавшего пламенем небо и море. С каждым проливом света и леса, и горы как бы поочередно выходили из небытия и являлись взору друг за другом в постепенной отдалённости. Наконец золотой луч загорелся на вершине Авачинского шатра, и миллионы птичек, почувствовав явление в мир царя жизни, приветствовали его своим пением. Восторженный до безумия сим величественным зрелищем, равно поражающим глупца и мудраго, незнакомец наконец воскликнул с жаром: «*O natura divina!* (О божественная природа!) Люблю тебя, поклоняюсь тебе, уважаю и чту! В тебе всё так чинно, стройно, благоприлично, не как в делах человеческих... Ах, Владыко! Хоть на себя я взгляну... Что я? До сих пор я ещё не порешил себя! Сам не знаю, что мне выбрать?»

Говоря сие, незнакомец спустился с холма и пошёл обратно, продолжая разсуждать вслух с самым собою. «Словно злой дух какой подбрасывает мне полена! Хотел жениться — не могу, сударь, никак решиться, да и полно! Сегодня нравится одна, завтра другая! Начинаю свататься — не отдают, вне себя от отчаяния; начали соглашаться — тогда сам я отказываюсь. Знаю, что бесятся на меня, но мне-то что же делать? Теперь наступила ещё горшая беда: выбор звания! По милости фельдшера я теперь имею честь засесть в суде, но что же мне делать? Решительно поперейти в статскую или оставаться в духовном звании? И здесь ещё новая задача: быть ли священником или обречь себя на вечное одиночество и сделаться монахом? О, какая мудрость потребна, чтобы разрешить этот гордиев узел! Там широкая и просторная дорога к повышению, зато скудное содержание, тут бы и порядочный доход, да нет никакой пищи для честолюбия: засел в одно место, так и сиди до скончания века. В монашеском звании, правда, сии выгоды сливаются, так можно ли при моём чувствительном сердце отказаться от утех семейственного счастья? Как согласить все эти противоречия? Quo nie veriam? Quod iter incipiam ingredi? Quam vivendi viam ingrediar insistem? (Куда мне обратиться? Какую дорогу избрать? Какой род жизни выбрать?) Блаженны неразсуждающие! Между тем как они идут без запинки по пути жизни и слепо добиваются почестей и богатств, человек с гением, как, например, я, человек, любящий глубоко проникать в сущность вещей, останавливается при начале поприща и не знает, куда ему пуститься...»

— Сюда, сюда! — прокричал сбоку голос. — Тут прямо-то болото. Если упадёшь, так увязнешь по уши!

— Ах, в самом деле! — вскрикнул дьячок и, взглянув в сторону, увидел выходящего из леса фельдшера.

— Куда так раненько собрался, Клим Степаныч? — спросил сей последний. — Уж не пашни ли завелись какие? И смотри как поднарядился: красный кафтан и голубые штаны! Молодец! Дура же только эта внучка протопопова!

Дьячок с удовольствием посмотрел на одежду, в которую он облачился по случаю намерения своего оставить духовное звание. Он прибодрился фертом (франт, щёголь, развязный самодовольный человек) и выфранчивая самым смешным образом, заплетал и косил ногами.

— Славно, славно, Клим Степаныч! — продолжал фельдшер, идучи с ним рядом. — Вот уж теперь ты, можно сказать, что

жених во всей форме, особенно ещё как офицерской чинишико схватишь, так...

— То-то, брат, меня ещё и раздумье берёт: не знаю ещё, идти или не идти в статскую?

— Помилуй, любезный, что же тебе думать, когда уж ты и прошение подал?

— Так что же? Разве нельзя взять назад? Это, брат, я уж не раз дельвал! Сперва подашь, а тут и раздумаешься.

— Полно, полно, не срами себя! Что, тебе хочется опять надеть свой долгополый балахон? Посмотри-ка ты теперь на себя в зеркало: молодец! Хоть кому, так жених!

— Хо, хо, хо! — засмеялся дьячок во всё горло. — Жених-то жених, да невесты-то нет!

— Как нет? А внучка протопопа?

— Да, внучка пойдёт! Нет, я отчаялся.

— А я тебе скажу, что не надо отчаиваться. Начальник сам мне сказывал, что на этих днях поедет к протопопу и будет настаивать, чтобы он непременно за тебя выдал.

— Будто правда?

— Как Бог свят!

— Да, конечно, это было бы хорошо. Но, знаешь ли, если вникнуть путём, то едва ли мне ещё и есть большая выгода.

— Помилуй, Клим Степаныч, да ведь прежде ты только это спал и видел...

— Прежде так, но теперь...

— А теперь, видно, как дело начало приходить к концу, так и раздумье взяло.

— Да разсуди же ты сам: во-первых...

— Мне тут судить нечего, а я просто скажу начальнику, что ты раздумал.

— Нет, погоди говорить. Я подумаю.

— Ну, думай же, а теперь прощай!

Фельдшер свернул в сторону, а дьячок, подходя к дому, занимаемому уездным судом, на время приехавшим из Нижнекамчатска, опять начал разсуждать сам с собою: «Вот тебе на! Ещё новая задача! Раскусывай её, как умеешь! О вы, древние решители самых трудных задач для человечества! О Платон! О Сократ! О Сенека! Да осенит меня бессмертный гений ваш своим лучезарным крылом, и да...»

— Кутейник! — вскричал вывернувшийся из-за угла мальчишка.

Сие магическое слово разом пресекло течение дьячковой речи. Он вне себя от гнева погнался за шалуном с палкою, а мальчишка,

быв из числа подьячих, побежал прямо в суд. Дьячок за нам, и таким образом оба они скрылись во святилище правосудия, где обидчик и получил от обидимаго воздаяние по заслугам.

В сие время члены суда, судья и два заседателя были уже в присутствии. Судья, барон Бутер, был добрый и честный немец, любивший искренно правду и не бравший взятку ни под какими титлами, словом, человек, какого только можно желать для служения во храме Фемиды; но (как говорит наш знаменитый Крылов: *Одно в царе лишь было худо: царь этот был осиновый чурбан!*) одно было худо в нашем судье, что он не умел ни читать, ни писать по-русски и только выучился, и то с превеликим трудом, кое-как подписывать своё имя. Правда, господин барон старался всячески скрывать своё невежество и особенно выезжал на презрении к русскому языку, но за всем тем всякой раз, как приводилось ему подписывать бумаги, чувствовал большое неудобство от этого пустяка, ибо не раз случалось, что секретарь возвращал их к нему обратно с несносным докладом: «Вы изволили подписать-с вверх ногами». Что тут оставалось делать барону, как не прибираться на наш бедный язык разныя немецкия брани?

Из числа заседателей один был малороссиянин, по уму и по прозванию Дураченко. Он составлял совершенную противоположность с бароном. Барон знал всё, кроме русской грамоты, а Дураченко, кроме грамоты, не знал решительно ничего, притом всякое знание он считал глупостию, от роду не читывал ни одной книги, и это невежество ставил ещё себе в превеликую честь.

Другой заседатель был Хапилов, о котором было уже упомянуто выше. Он был тоже не учён, но человек со здравым умом и со знанием своего дела, каковы большею частию природные сибирские служаки. Хапилов, родясь в Камчатке, тёр, как говорится, лямку лет тридцать, чтобы добиться высокога звания заседателя, ибо десять раз открывалась вакансия и десять раз садили на неё приезжих, по известному выражению: *«Несть пророк во отечествии своём»*. Товарищи же его, как легко догадаться и по их происхождению, были оба приезжие и посажены на места как люди отличные, по представлению Антона Григорьевича.

Секретарь сего ареопага, по прозванию Прижимов, был самый знаменитый крючок по всей Камчатке, плут, взяточник и пьяница. Судья Бутер не раз грозился выгнать его из должности, но, надобно сказать правду, собственное благоразумие запрещало ему сие делать, ибо Прижимов заменял ему не только руку, но и голову. Пользуясь сим, секретарь презирал и угрозами судьи, и самую

его особою и ходил в присутствие постоянно полупьяным. По открытии заседания Дураченко спросил вчерашний журнал, который и был подан ему секретарём. Перелистывая тетрадь с миною неудовольствия, Дураченко спросил секретаря: «Кто это писал?»

— Вновь определяющийся дьячок Шайдуров-с.

— Позовите его.

Шайдуров вошёл в присутствие и, сделав легкий поклон а la mode, старался подойти к столу присутствия со всем искусством, в полной надежде, что он своею ловкостью обратит на себя внимание начальства, но вдруг все его лестные мечты разлетелись как дым, когда Дураченко грозно спросил его:

— Ты это вараксал (написал как попало, кое-как)?

— Я, сударь!

— А что это у тебя, бр-ратец, за каракули?

— Это, сударь, запятыя.

— Чтоб я никогда не видал их! Ты только, брратец, переводишь чернила. Пыши, как я, а не то и тебя под арест велю посадят.

— Да помилуйте, сударь, за что же?

— Так ты, брратец, ещё вздумал со мною спорыт! Сторож! Возьмы его, сными с него сапоги да не пускай отсюда целую неделю!

Дьячок, поражённый как громом сим приказанием, не сказал ни слова, и только крупная слёзы градом покатились из его глаз, когда сторож начал снимать с него сапоги. Сие оскорбление тем ещё было для него чувствительнее, что приказные подняли при сем случае ужасный хохот, так что Дураченко, выглянув из присутствия, закричал на них: «Перестаньте, черти! Я со всеми вами сделаю то же». Хохот стих, но зато посыпались на бедного дьячка самые язвительныя насмешки.

— Что, брат! — говорил один из старых повытчиков, — видно, писать-то не в колокола звонить?

— Да, — подхватил другой, — видно, это не кутья: за один раз не схлебнёшь!

— Вишь, — прибавил третий, — выехал со своими крюками! Нет, брат, здесь их не любят! По-нашему так вот как: захотелось табаку нюхнуть, так тут и точка!

Особенно надоедал нашему бедняку проклятый мальчишка, который после полученных им от него побоев, сделавшись совершенным его врагом, дразнил его без малейшаго отдыха и пощады: «Кутейник! Знать, ноги-то спотели, что сапоги снял? Смотри: мышшь бежит, не отгрызла бы пальцы!» и прочее. Разумеется, что все эти выходки были глупы как нельзя более, но они ужасно

терзали злополучного и неповинного дьячка. Наконец бедствие его достигло высочайшей степени: мимо окон суда прошёл протопп, прямо к воротам судебного дома. Дьячок совершенно обезумел от стыда, вскочив со стула, распахнул шкаф, стоявший подле печи, и спрятался около нея за шкафною дверью, так что только одне его босыя ноги выказывались из-за них. Протопп вошёл в комнату, вежливо поклонился подьячим и, не видя сторожа, на сей раз куда-то усланного, спросил у одного из них, можно ли доложить об нём присутствию. Подьячий равнодушно поглядел на него и опять начал писать, не удостоив его даже словом. Протопп спросил другаго и получил тот же ответ. Эта чудная психологическая черта, которая вовсе неизвестна в высших присутственных местах, в нижних инстанциях кое-где сохраняется ещё и донныне. Протопп, видя, что приказные, не отвечая ему, только изредка вспрыскивают от смеха, и не понимая сего причины, решился ожидать сторожа и сел на лавку, стоящую против самага шкафа. Приказные, приметив, что он увидел дьячковы ноги, опять подняли общий смех, а мальчишка, тихонько вскочив со скамьи и подкравшись к шкафу, вдруг отпахнул дверь так, что дьячок едва успел только произнести «Ах!» и со смертною бледностию на лице стоял, потупив голову, как пойманный на шалости школьник, не смея поднять глаз на протоппа.

— Ну, выходи, красный гусь! — говорил мальчишка, издеваясь над его робостию. — Не докуда тебе тут стоять: ноги отерпнут (одеревенеют)!

— Что это, Степаныч! — сказал протопп с истинным участием. — В каком, брат, положении тебя вижу? Вот, брат, как случается с людьми, которые берутся не за своё дело! Кабы ты пошёл по духовному званию, да пошёл с умом, так ты век-то свой провёл бы спокойно и, по крайности, такого срама, право, бы не терпел! А то захотел Бог знает чего, ударился в доносы да в кляузы, и что из этого выйдет путнаго, Бог весть!

Дьячок не отвечал ни слова, но зарыдал и начал громко всхлипывать. Протопп по отличной доброте своей души глубоко был тронут его положением, и забыв все обиды его, начал уговаривать с самым отеческим расположением:

— Ну, полно, Степаныч! Господь милостив! Ещё такой беды нет, чтобы так плакать! Сними-ка ты этот красный поддеггай да останься в прежнем, так авось дела-то поправятся. Ты тогда, как приходил просить меня, чтобы я написал о тебе с Саламатовым к преосвященному, хоть немножко меня и оскорбил, однако я всё-таки о тебе

писал хорошее и вот с нынешней почтой получил ответ. На-ка, читай!

Дьячок, всё ещё не смея взглянуть на протопопа, взял бумагу трепещущею рукою и едва дочитал до половины, как, выронив её из рук, вскричал самым отчаянным голосом:

— О! Это сверх сил моих! Если бы меня распилили, расчленили, я перенёс бы это мучение легче, нежели ваши благодеяния. Они мне жгут и прожигают насквозь сердце!

— Полно, Степаныч! — прервал протопоп. — К чему эти пустяки собирать?

— Нет, отец святой, это не пустяки. Я вас оклеветал правого, а вы виноватого меня оправдали. Ох, тяжело! Не могу это снести! Прощайте, святой отец! Поминайте меня в ваших молитвах.

Сказав сие, дьячок схватил лежавшую на полу верёвку, опрометью бросился в дверь и шиб с ног сторожа, попавшагося ему навстречу. Сторож, вскочив на ноги, бросился за ним, думая, что он бежал от ареста. Равным образом и многие из подьячих также кинулись из суда, не столько для поимки дьячка, сколько для того, чтобы воспользоваться случаем для отлучки от должности и чтобы завернуть по дороге в своё любимое местопребывание. Сам протопоп также вышел за ворота и, глядя вслед за бегущими, покачал головой и глубоко вздохнув, сказал с горестию: «Бедный парень! Совсем погиб от своего высокоумия!»

Между тем дьячок, отмеривая преогромные шаги, далеко опередил преследовавших его и наконец скрылся от них в лесу. Он бежал сторяча всю Петропавловскую гавань, выбежал на берег Авачи и там, выбрав толстое дерево, приделал к нему подмости и, став на них, привязал верёвку за сук с готовою петлёю и потом вложил в неё голову. Оставалось только столкнуть подмости и повиснуть. В сем положении протекло несколько минут, но подмости всё ещё были целы, ибо нерешительность не покинула своей жертвы и на краю гроба.

Дьячка взяло раздумье: не лучше ли утопиться? Около четверти часа он высчитывал удобства той и другой смерти и наконец, отвергнув смерть сухопутную, решился избрать водяную. С сею мыслию он вынул из верёвки голову и, проворно соскочив с подмостков, бросился прямо к воде. Но между тем продолжительность разсуждений чувствительно охладила в нём охоту к смерти, так что, взойдя только по колено в воду, он впал в новое недоумение: «Не лучше ли мне в самом деле, — говорил он сам с собою, — умереть, как умирали древние: сесть в воду и пустить себе кровь

изо всех жил? Точно! Так умер великий Сенека, так умру и я!» С сим словом он сел в воду и, припоминая себе монолог Катона, дабы умереть по всем правилам древней философии, хватился перочинного ножичка, с помощью которого хотел последовать за Сенекою, но, переискав во всех карманах, нигде его не нашёл.

— О верх несчастья! — вскричал он, выходя из воды. — Нечего делать! Видно, в наказание за мои преступления, всемогущая судьба не позволяет мне умереть так, как умер ты, великий светильник древности, и, видно, я должен кончить жизнь не как философ, но как умирают и самые невежественные люди, от этой грубой, варварской верви!

Дьячок опять хотел было закинуть на себя петлю, как вдруг кто-то схватил его за руку с криком: «Здесь, здесь!» Это был сторож, уж довольно дряхлый старик. Дьячок разом выдернул у него руку и, оттолкнув его от себя прочь, опять кинулся в лес. Вслед за ним опять погнались и сторож, и сопутствовавшие ему подьячие, но все они были уже в порядочном кураже, и дьячок снова скрылся от них в чаще леса. Долго шум и трескотня, раздававшиеся в нём, извещали следователей о могучем беге отчаянного дьячка, который, скажем кстати, был одарён от природы чрезвычайною телесною силою. Но вскоре затих и шум, и преследователи, отказавшись от успеха в поимке, принуждены были возвратиться назад и прошли по кратчайшему тракту — прямо в питейный дом.

XXI. СУДЬЯ В ХЛОПОТАХ

Тревога, произведённая бегством дьячка, смутила присутствующих, и все они бросились к окнам. Проводив глазами беглеца, судья Бутер и заседатель Дураченко призвали в присутствие оставшихся в суде приказных и произвели строгий распрос о причине и подробностях сего происшествия. Наконец правдолюбивый, но близорукий судья, быв подстрекнут Дураченко, разгневался, сам не зная за что, на протопопа и, позвав его в присутствие, сказал ему с приметною запальчивостию:

— Каспадин протопоп! Я призвал вас, чтобы объявить волю нашальник: отобрать от вас некоторый сведения...

— Я готов исполнить волю начальника, — отвечал протопоп с величайшею скромностию, — но я сам получил из Иркутска уведомление, что дело Тенявы по случаю доноса, поданного Саламатовым, оставлено до приезда сюда ревизора и что...

— Постоите, каспадин протопоп! Вы не дал мне досказать, что я начал. Суд призывал вас для этот дел, но теперь вы сделал новый приказ, и сейчас же извольте написывать к нам ответ...

— Господин судья! Я тут не сделал никакой проказы, а только хотел обратить погибающего на путь правый.

— Тут сказывать проповедь не время: для этого был церковь. Притом вы показывал ему какой-то бумаг...

— Да, я показывал ему бумагу ко мне от преосвященнаго, который по ходатайству моему его простил и предписывал возвратиться ему в Иркутск для принятия священства...

— Да что, Богдан Богданович! — сказал Дураченко с тою неизъяснимою злобою, которой обыкновенно предаются подлые и низкия души при виде человека, нелюбимаго начальством. — Что терять попусту слова? Прикажите секретарю, чтобы он записывал, что отец протоиерей будет говорить, да представим начальству — вот и всё!

— Вы говорил резон. Каспадин протопоп! Извольте сесть и сказывать, а вы, каспадин секретарь, должны писать.

Протопоп по удивительной скромности своей нисколько не противоречил сему обидному приказанию и рассказал, как происходило дело. Наконец допрос был кончен. Протопоп уже готов был его подписать, как вдруг заседатель Хапилов, неприметно заглядывавший в сию бумагу во время письма, вдруг остановил протопоба: «Постоите и прежде прочитайте: тут написано совсем не то, что вы говорили!»

— Как не то? — возразил секретарь, стараясь выдернуть бумагу из рук Хапилова. — Нет-с, извините-с: точно то-с!

— Не понимаю, как достаёт у тебя дерзости, — вскричал Хапилов, — это утверждать? Разве вы думаете, что я не умею читать? Богдан Богданович! Вы изволили слышать, что говорил отец протоиерей, теперь послушайте, что написал господин секретарь.

Хапилов прочитал ответ, в котором протопоп явно обвинял себя в произведении в суде шума, беспорядка и безчинства, в подучении дьячка к оставлению службы и к побегу, в грубых ответах пред судьёю и прочем. Выслушав сие любивший правду судья совершенно взбесился и обратился к секретарю с величайшим гневом:

— Каспадин секретарь! Как вы смел это сделать на моих глаз?

— Да что же я сделал такое? — отвечал равнодушно секретарь, заткнув за ухо перо и не вставая с места.

— Как что? И вы смеете говорить с нашальник, не вставай со стуль? Я вас фелю сею же минуту посадить под арест и кушать один хлеб и вод.

— И будто нельзя уж будет и каплю вина пропустить в горло? — говорил секретарь с насмешкою.

— Mein Gott! Что мой видель? — вскричал судья, совершенно выйдя из себя. — Он смеет ещё надо мной издеваться! Сторож! Посаживай его под арест.

— Пожалуйте, ваше благородие! — сказал подошедший к секретарю сторож.

— Пошёл прочь! Не пойду я!

— Как твой не пойдёт! — воскликнул судья даже в некотором безпамятстве. — Я фелю тащить тебя за волос!

— Попробуй-ка!

Судья кинулся было сам тащить его, но секретарь, оттолкнув его от себя, сказал ему весьма хладнокровно:

— Да что, Богдан Богданович, так ты расхотелся! Ведь теперь не прежняя пора тебе надо мною ломаться. Стоит только захотеть мне, так ты *и пошёл вверх ног!*

— Что это значил?

— А вот что значил! Господа! — провозгласил секретарь, обратясь к заседателям, из коих Хапилов смотрел на сие происшествие с приметным прискорбием, а Дураченко, напротив, едва удерживался от смеха. — Господа! Извольте-с выслушать. Вчера господин судья подписал прошение об отставке на имя заместника и вот что в нём пишет...

— Что я слышу? Какое прошений? — прервал судья с величайшим испугом.

— Тебе должно быть известно, когда подписывал. Господа! Судейская ли это рука? Заседатели сделали утвердительный ответ. — Так вот извольте-с выслушать: «Во всё продолжение моей сорокалетней службы я постоянно обманывал начальство. Не зная не только законов, но и русской грамоты, я перешёл многия должности и наконец добился звания судьи, употребляя всякую неправду, пронырства и подлости. Наконец начинает меня мучить совесть: не могу долее жить обманом, потому что смерть уже стоит за плечами. А потому, принося моё душевное покаяние, что я человек незнающий, глупый и к должности своей вовсе неспособный...»

— *Almachtiger Gott!* (Всемогущий Боже!), — воскликнул судья, повалившись от ужаса на пол.

— Что ты это сделал, негодяй! — вскричал Хапилов, бросившись поднимать судью.

— Разве я сделал это? — отвечал насмешливо секретарь. — Ведь вы видели, что он сам подписал!

— Пасвольте мне, пасвольте! — воскликнул судья, проворно вскочив на ноги и бросаясь на колена перед секретарём. — Mein lieber Freund! — произнёс он самым жалобным голосом. — Пошалай мою жену и моих дети! Оттай мне этот проклятый бумаг!

— Нет, завтра! Теперь ты, немец, в моих руках, а отдай тебе бумагу, так опять распетушишься. Опять примешься меня бранить, что я пошутил над отцем протопопом...

— Оттай, рати Бога, оттай! Я не станет никогда бранить тебя. Что хочешь телай, сочиняй бумаг, какия только умеешь, я всё буду утверждать, пей, сколько твоей душ угодно, я не скажу ни один слов!

— Ладно, за этим дело не станет, — отвечал секретарь, вытаскивая из стола сулейку. — Ваше здоровье, господин судья!

Дураченко расхохотался, а Хапилов, вне себя от неудовольствия, вскричав: «Боже мой! Какой срам!», — бросился к секретарю, вырвал у него прошение и отдал судье.

— Возьмите эту кабалу, которую вы подписали на себя, и ради Бога, встаньте, не срамите своего почтенного звания!

— Благодетель! Отец! — воскликнул судья, бросившись обнимать Хапилова. — Мой в век не забудет ваших блаходеяний... А ты, негодяй! — вскричал он, обратившись к секретарю со вспыхнувшим лицом, — я тебе покажу, как сочинять фальшивый бумаг...

— Простите великодушно! — воскликнул секретарь, с притворным страхом бросившись в свою очередь судье в ноги.

— Мой никогда не простит! — отвечал судья, тряся в руке над головою секретаря сочинённое им прошение. — Эту бумаг...

Но в сию минуту секретарь, проворно вскочив на ноги, вырвал снова из рук у него прошение и, мгновенно переменив тон, сказал:

— Прощайте, господин судья! Я сейчас иду к начальнику.

— Стой, стой! — воскликнул судья, схватив секретаря за фалду, но сей последний вырвался и ушёл из суда. Вслед за ним убежал и Дураченко, уже давно взявшийся за шляпу и только выжидавший конца, дабы бежать с донесением.

— О Mein Gott! — говорил судья, упавая на стул. — Что я стану теперь телать? Вся мой служба самаран! Мой пошёл теперь навек без репутасион...

Вся эта сцена происходила пред глазами протопопа, который смотрел на неё с истинным прискорбием, как верный сын отечества, и наконец сказал, обратясь к Хапилову:

— Ах, Боже мой! Я никогда не думал, Евгений Петрович, чтобы в судах, столь в священных местах, могли происходить такие беспорядки!

— Что делать, отец Пётр? У меня у самого разрывается сердце на части, но не в моей власти помочь этому злу.

— Всё, Евгений Петрович, зависит от выбора чиновников, ибо сказано: *«Премудрость и мысль блага во вратах премудрых: смысленнии не уклоняются от закона Господня»*.

— Ваша правда, отец Пётр! Наши установления все прекрасны. Монархиня начертала их с великою мудростью, но исполнители всякой закон искажают.

— Это прискорбно слышать, не только видеть!

— А между тем я обречён целую жизнь быть этому свидетелем! Каково мне?

— Привычка, Евгений Петрович, может сделать ко всему хладнокровнее, но каково нашему брату подсудимому?

— Конечно, подсудимому тягостно, отец Пётр, но уверяю вас: ещё тягостнее смотреть на страдания других и не иметь возможности помочь. Подавай сколько хочешь мнений, не только их не уважают, но ещё гонят за них.

— Да, я слышал про вашу историю. Ах, Боже мой! Можно ли так насмеяться над правосудием? Вместо того чтобы искать истины, за неё ещё наказывают! После этого что такое наш суд?

— Так-то употребляют во зло, — отвечал Хапилов с сильным негодованием, — самое священнейшее установление! В общем мнении уездный суд есть место низшее, маловажное, но на деле он есть важнейшее из учреждений! Здесь полагается основание делу, сюда приходит народ, который часто не имеет и понятия о существовании высших мест, и тут получает он прямое или превратное мнение о самом правительстве. Боже мой! Пристрастный или глупый судья есть истинный враг государя и отечества, ибо никто более, кроме его, не может поколебать самое спокойствие народа!

— Вы прекрасно судите, Евгений Петрович!

— Может быть, я и ошибаюсь, но я много толковал с людьми, знающими о сем предмете, даже много читал книг, завезённых сюда покойным Зудою. И самая беседа его была всегда для меня истинным наслаждением. Сколько он сообщил мне самых здравых и совершенно новых для меня идей!

Сей разговор ещё долго длился, но наконец вбежавший в присутствие сторож объявил Хапилову, что за ним присылал начальник со строгим повелением: сейчас же к нему явиться.

XXII. ВИДЕНИЕ

— Так точно! — говорил с бешенством Антон Григорьевич разговаривавшему с ним фельдшеру. — Я всегда знал этого Хапилова как ослушника, как бунтовщика, как негодяя! Удивительная дерзость! В суде, в присутствии, при зеркале вырвать из рук бумагу! Прикажи сейчас позвать его.

Фельдшер передал сие приказание стоявшим в его прихожей казакам, и по возвращении его начальник спросил с нетерпением:

— Ну, чем же всё кончилось?

— А тем, ваше высокоблагородие, что секретарь успел-таки опять выхватить прошение из рук немца.

— Успел? Молодец! Вот служака! Вот настоящий чиновник, какими должны бы быть все! Деятелен, проворен, безкорыстен!

— Особенно, если бы не испивал ещё, — прибавил с усмешкою фельдшер.

— Это пустяки, сущие пустяки! Знаешь пословицу: *пьян да умён...* Однако ж рассказывай скорее. Ну, что ж наконец?

— Да окончилось тем, ваше высокоблагородие, что, вырвавши прошение, секретарь прибежал со всех ног ко мне вместе с Дураченком. И этот предан вашему высокоблагородию как нельзя более.

— Я это знаю! Дураченко чиновник, право, хороший, скромный, с поведением, прилежный. Чего же более? Говорят, что-де туповат, но признаюсь тебе, я терпеть не могу этих сибирских умников. Чёрт ли в них? Хапилов живой пример! Кроме непослушания, непокорности, противоречия другой нет пользы!

— Истинная правда, ваше высокоблагородие!

— Но почему же они не бежали прямо ко мне? Мои двери для хороших чиновников всегда открыты!

— Не посмели, ваше высокоблагородие, беспокоить вас в обеденное время. К тому же секретарь был в небольшом куражике, так оно, изволите знать, как-то неловко к начальнику лезть, а со мною-то ему церемониться нечего. Вот он прибежал, да и поразказал все похождения, да и бумагу-то отдал, чтобы вручить вашему высокоблагородию. Вот-с она!

— Удивительный ты человек! — вскричал начальник, вырвав из рук фельдшера прошение. — Вместо того чтобы давно подать, он толкует околесную. Ну, слава Богу! Я так много думал, как бы забрать совершенно в свои руки этого безграмотного, но упрямого немца, ночи не спал и наконец придумал это превосходное сред-

ство. Разсуди же: каково бы было мне перенести, если бы мой план вдруг разрушился?

— Да, вы изволили уже, ваше высокоблагородие, говорить мне об этом, когда ещё отдавали эту бумагу, чтобы я передал её секретарю. Только я не понимаю, что вы изволите слишком беспокоиться с этим немцом. Приказали ему, да и всё тут.

— Ты судишь, как фельдшер, но я должен действовать, как начальник. Разве ты не видишь, что я окружён мошенниками, доносчиками, ябедниками, которые готовы обнести и оклеветать меня каждую минуту? Я вижу, что этот глупый барон действует несправедливо, подучаемый Хапиловым, но могу ли я приказывать ему открыто: так реши? Боже сохрани! Барон имеет кой-какие связи в Иркутске, и на меня написали бы невесть что, но теперь...

Начальник, прикусив губы, махнул значительно головой.

— Справедливо, ваше высокоблагородие! Теперь он с руками и с ногами попал к вам в услужение.

— Скажи же ему, что если хочет остаться на месте, то прекратил бы с протопопом всякое знакомство и не мешался при отобрании от него ответов. Если же, паче чаяния, протопоп вздумает опять отпираться от своих слов, то барон должен приказать составить журнал, что ответы написаны совершенно сходно со словами подсудимаго, и немедленно донести мне формально об его дерзости. Всё ли ты понял?

— Всё, ваше высокоблагородие!

— Ну, поди же, и что скажет он, тотчас меня извести. Я бы мог всё это сказать ему сам, но, признаюсь, мне скучно слушать его тарабарский язык.

Фельдшер вышел, а начальник, по обыкновению придвинув к себе Четьи-Минею и готовясь читать, разсуждал: «Да, это гораздо лучше! Пусть этот бездельник ведёт переговоры, чем мешаться мне самому. Он и отвечать будет, если это откроется. Славное правило: загребать жар чужими руками, и кто его выдумал, был самый мудрый из земнородных! Жаль только, что не всегда оно удаётся! Хотелось было мне погрести жарку руками дьячка, да нет! А было бы весьма хорошо для меня! Он бы женился, а я... Мы бы знали уже, как это дело уладить! Тогда все концы бы в воду. На меня не могло бы быть ни малейшего подозрения, и я был бы совершенно спокоен... Но что делать? С дураком не справиться. Справедливо говорится: с дураком Бог неволен!»

В сие время по предварительному докладу вошёл в кабинет Хапилов. Начальник, вспыхнув, как адское зарево, взглянул на

него такими глазами, в которых изображались вдруг все неистовые страсти: гнев, злоба и бешенство.

— Что вы, сударь, делаете со мною? — возопил он, ударя кулаком по столу.

— Я не знаю за собой никакой вины, — отвечал Хапилов с величайшим уважением.

— Ты не знаешь никакой вины, а между тем связываешься с подсудимым, действуешь с ними за одно, потворствуешь, нарушаешь все установления, все законы...

— Мне кажется, вы получили обо мне совсем неправильные сведения.

— Мне нечего получать, у меня нет наушников! Я сам знаю, где что делается. Я не сплю, я бодрствую день и ночь для блага вверенной мне страны. Я сам умею различать чиновника честного, справедливого, усердного от негодяя, взяточника и ленивца.

— Но все эти названия по сущей справедливости я не могу принять на свой счёт.

— Да, ты не можешь, но я скажу тебе, что ты точно таков и есть. Кто тебе дал право учить протопопа и вырывать бумаги из рук секретаря? Как ты смел это делать в суде, в месте, столь важном и священном?

— Я сделал то, что требовала моя совесть, честь и присяга...

— Честь и присяга! — возопил начальник, выйдя из себя. — Повиновение воле начальства: вот твоя честь и присяга! Тебе, видно, ещё мало, что ты разгуливал по морю! Я не то ещё сделаю. Я дом твой раскатаю по брёвнам! Ты не найдёшь для себя места во всей Камчатке!

— Воля ваша, вы начальник, но я вам скажу решительно: я присягал в верности государыне и не нарушу её ни за какие блага, ни страдания в мире! Делайте со мной, что хотите!

— Бунтовщик, крамольник! — закричал начальник, дрожа, как в лихорадке, от чрезвычайного действия гнева. — Я заставлю тебя повиноваться!

— Когда же я не повиновался? И если высказывал свои мнения по делам, то в таком случае только пользовался правом, данным мне силою закона.

— Вы вечно прикрываетесь законом, а на уме у вас только заговоры и комплоты против начальства, только противоречия, умничанье и неповиновение.

— Вы заблуждаетесь.

— Как? Ты смеешь ещё грубить мне? Подите вон, сударь, вон! Я вижу, что говорить с тобой — значит терять слова. Нет, тут надо принять другие меры!

— Но прежде, кажется, надобно бы выслушать обвиняемого.

— Ни слова более! Вон, вон! Казаки! Выведите его от меня!

Привыкший с детства к глубокому повиновению, Хапилов, не смея более ничего говорить в своё оправдание, отдал начальнику самый почтительный поклон и ушёл из кабинета. Сердце его, огорчённое обидою и несправедливостию, раздиралось на части, и глубокая скорбь изображалась на бледном его лице.

В сие время находился в комнате пред кабинетом притаившийся Сумкин. Несколько подслушанных слов, шум в кабинете и встревоженное лицо Хапилова дали ему верное понятие о происходившем. Как будто бы с некоторым участием, а более для удовлетворения низкому и злему удовольствию, он подошёл на цыпочках к Хапилову и с ужимками сказал ему чуть-чуть слышным голосом:

— Напрасно вы это делаете! Знаете: воля начальства...

Хапилов не дослушал его и не удостоил даже взглядом. Сумкин посмотрел вслед его со злобою змеи и, сделав жест рукою, сказал про себя: «Вот народец! Взял бы этаких всех собрал, да, гм... Жаль, что не моя воля, а то бы...»

— Ба, Сумкин! Ты пришёл весьма кстати, — сказал начальник, отворив дверь из кабинета. — Поди сюда!

— Я пришёл доложить вашему высокоблагородию. Не известно вам, что...

— Прежде выслушай меня, а потом уже говори своё! — перебил начальник, ещё не совершенно успокоившийся после сцены с Хапиловым.

— Виноват, ваше высокоблагородие! Что приказать изволите?

— Ты слышал разговор мой с этим негодяем?

— Как я осмелюсь...

— Ну, полно притворствоваться. Я знаю тебя: твои уши далеко слышат.

— Но только тогда, ваше высокоблагородие, когда есть на это воля начальства.

— Хорошо! Я желаю, чтобы ты слышал этот разговор, и, следовательно, ты уже знаешь, с какою дерзостию, с какою обидою к моему лицу отвечал этот крамольник.

— Волосы дыбом стали у меня, ваше высокоблагородие, не поверите? Как можно быть столь дерзким, столь непокорным!

— Ты видишь: тут слова уже не действуют. Я начальник и, следовательно, должен предупреждать всякое безпокойство. А чего ждать, если так будут презирать власть? Вот что заставляет меня приступить к мерам строгим. Я тебя знал, Сумкин, всегда человеком усердным, кроме только одного случая... Помнишь, в декабре?

— Что делать, ваше высокоблагородие! Тогда проштрафился немного. Вперед таков не буду! *Не помяните грехов...*

— Я и не поминаю их: ты уже их со сторицею вознаградил при следствии, потому-то я и хотел бы поручить тебе...

— Всё рад исполнить, ваше высокоблагородие!

— Тебе, без сомнения, известно, что дело о Теняве приостановлено. Ябедники перемогли меня, но я ещё слажу с ними! Я не могу выразить тебе, как я рад назначению ревизора, ибо по приезде его, я уверен, правда восторжествует во всём блеске. Между тем нельзя же, однако ж, послаблять ослушникам и бунтовщикам. Так я хочу поручить тебе (тут начальник остановился и приметно обдумывал преднамереваемый приказ)... Вот что, братец! Я сказал уже тебе, что дело Тенявы отложено, поэтому уездный суд должен скоро отправиться обратно в Нижнекамчатск... (при сем слове начальник снова замолчал). Ну, словом, вот что: когда поедет Хапилов, то разве не могут напасть на него разбойники? Нельзя же мне иметь повсюду глаза: я не Бог! Мало ли что может делаться в этакой обширной стране! Могут убивать, грабить... Конечно, жаль человека честного, доброго, но ослушников, непокорных, эту заразу общества, право, весьма полезное истреблять, как говорится, мечом и огнём... Ты понял меня?

— Кажется, понял, ваше высокоблагородие! То есть вы изволите...

— Терпеть я не могу этих «то есть» и ничего не изволю, кроме одного нашего спокойствия и благоденствия Камчатки. Если ты не растерял последнего ума в Кууюхчене, то, кажется, можешь понять, что Хапилов и ревизор...

— Нечего сказать, ваше высокоблагородие! Велика ваша забота о нас, грешных, и Бог убил бы нас громом, кабы мы ни старались исполнять ваших отеческих повелений...

— Ну, хорошо, исполняй их с усердием, каким ты всегда отличался к пользе службы. Оно не будет забыто. Но что же ты хотел мне сказать, когда пришёл?

— Да вот что, ваше высокоблагородие! Я пришёл было вам доложить о здоровье Петра Фёдоровича. Ведь вам известно, что я с ним квартирую вместе: уж рассмотрелся таких ужасов, что Господи упаси!

— Что же такое?

— Страшно и пересказывать, ваше высокоблагородие! Притом не худо бы его положить в особую какую-нибудь каморочку, а то...

— Да говори, братец! Что такое?

— Такие казусы рассказывает, ваше высокоблагородие, и все с вашим именем!

— И ты давно не придёшь сказать мне об нём? О вы негодные! Все вы на один покрой! Поди к нему, глупец, беги бегом, зажми ему рот и не пускай к нему ни одной души. Я сейчас приду сам.

Погремушкин, котораго душа сильно была потрясена пропове-
дию Зуды во время камчадальскаго бунта, с тех пор всё задумы-
вался более и более и наконец, услышав подробности страшной
истории, случившейся на водах, и верную весть о назначении реви-
зора, совершенно помешался и приходил время от времени в ужас-
ное бешенство. В припадках сумасшествия, воображая присут-
ствие начальника, изступлённый укорял его самыми страшными
словами в разных злодеяниях, в которыя он был вовлечён им;
бросался на него с величайшею яростию и бился сам до крови,
так что наконец должно было связать ему руки и ноги. Между
тем ничего не пил, не ел и высох, как скелет, у котораго остались
только страшные, мутные, почти совершенно выкатившиеся глаза
и ужасный, нестерпимый скрежет зубов.

В сем положении застал его начальник. Едва показался сей
последний, как страшное бешенство овладело помешанным. Он за-
трясся всем телом и с пеною во рту заскрежетал зубами.

— Злодей! — закричал он таким голосом, от котораго стали
дыбом волосы у начальника. — Злодей! Зачем ты пришёл? Губи-
тель! Зачем ты пришёл? Изверг! Зачем ты пришёл? Я тебя растопчу,
растерзаю, раздеру адское сердце твоё...

— Пётр Фёдорович — сказал начальник, подойдя к его постеле,
— ты не узнал меня...

— Я? Тебя не узнал, злодей? Тебя не узнал, убийца? Я не узнал
тебя? Нет, кровопийца! Я знаю тебя, знаю слишком хорошо! Ты
погубил мою душу и тело, ты ввёл меня в свои богомерзкия дела,
ты научил меня лгать, притворствовать, лицемерить, ты очернил
мою совесть, ты предал меня адскому огню... Видишь ли эти бил-
лионы духов? Видишь ли, как они жаждут моей души? О злодей!
Ты отдал меня в их руки! Ты научил меня презирать веру и зако-
ны, ты дал мне адской пример смеяться над всем священным, ты
научил меня злодействовать... Я к тебе вступил невинным юно-
шею, а теперь что я? Грешник, лицемер, святоша, убийца! О горе

мне!.. Видишь ли, сколько страшных теней собралось вокруг моей постели! Вот купец Пивоваров, которого мы обвинили, разорили и заморили в тюрьме! Вот...

Начальник задрожал при сем перечислении и, схватив подушку, бросил её на изступлённого и сел на неё, кидая вокруг страшные взоры, выражавшие и решительность злодея, и опасение душегубца. Больной страшно забился, но не мог сбросить гнетущей его тяжести. Несколько минут продолжались судорожные припадки, наконец умирающий в последний раз вскинул ногами и протянулся. Более признаков жизни не было. Любопытно бы взглянуть в сию минуту вовнутрь души жестокого убийцы. Что там происходило? Говорят, в ней была адская тьма с неопределёнными, безобразными видениями теней. Душегубец сам был в сие время почти в изступлении и с ужасом увидел въяве грозную тень отравленной им супруги, которая, бросив на него взор, поражающий, как молния, казалось, глухо прошептала: «Несчастный! Вспомни о душе!» Он не мог перенести сего видения и с трепетом выбежал из комнаты.

Воздух и великолепные виды природы освежили его воображение. Была уже ночь — ночь тёплая, ясная, свежая. Чистое тёмно-голубое небо было усеяно звёздами. Море спокойно и безмолвно дремало в своих берегах. Горы и леса, рисовавшиеся на западе по отливу потухавшей зари, также погружались в тишину и сон. Всё в природе было так мирно, так тихо, так величественно и прекрасно — и посреди этого превосходного создания шло существо, которое было сотворено для его украшения и которое сделалось его безобразием и гибелью!

По приходе домой начальник застал у себя фельдшера, возвратившегося от судьи.

— Ну, что твой Бутер? — спросил он фельдшера довольно спокойным голосом.

— Да что, ваше высокоблагородие, так перетрусился, что даже смешно и жалко смотреть! Только и твердит: «Мой всё сделает для нашальник, лишь бы его не погубить».

— Ну, хорошо! Я и ждал этого. Вот как делается на свете: всегда вместе бывает и радость, и горе. Ты принёс мне добрые вести, а я скажу тебе худыя: наш Пётр Фёдорович скончался.

— Что вы говорите? Ну, дай Бог ему царство небесное! Впрочем, если молвить правду-матку, то как не скажешь: *жила бабушка не мешала, а умерла — не жаль*. Погремушкин, ваше высокоблагородие, был себе на уме!

— Да, он был человек весьма умный и честный.

— Ну, что касается до честности, так это ещё под сомнением.

— Полно шутить, Алексей, — сказал начальник, как бы не при-
мечая продолжающегося дерзкого тона со стороны фельдшера, —
теперь не то время. Вообрази, какие странные вещи совершаются
со мною! Сидя у постели Погремушкина, я дожидался его конца.
Между тем смерклось, в комнате стало довольно темно. Я задумался
и вдруг слышу шорох. Я взглянул, и представь моё изумление...
Но Боже мой, опять она!

— Кто, кто, ваше высокоблагородие? — вскричал суеверный
и трепещущий фельдшер.

— Разве не видишь ты? — сказал шёпотом начальник, уставив
в угол уstraшенные взоры и схватив фельдшера за плечи. — Это
она! Жена моя!

— Я ничего не вижу, ваше высокоблагородие, — говорил фельд-
шер, побелев как полотно и дрожа как лист.

— Слышишь? Опять те же слова: «Убийца. Вспомни о душе!»

— Вот вам Христос, ваше высокоблагородие, хоть мне сейчас
провалиться сквозь землю, ничего не вижу.

— Она опять скрылась! — сказал тихо начальник по некото-
ром молчании, начиная свободнее переводить дух.

— Ваше высокоблагородие, осмеливаюсь вам доложить: не
прикажете ли отслужить панихиду?

Начальник не говорил ни слова, погруженный в глубокое раз-
мышление. Но когда фельдшер повторил своё предложение, он,
вслушавшись в речь его, захохотал.

— Панихиду? Ха, ха, ха! Разве ты в самом деле думаешь, что
мертвецы могут восставать из гробов и приходиться беспокоить
живых своим явлением? Вздор, братец! Это только призрак, обман,
мечта разстроенного воображения, и ваша робость весьма стоит
того, чтобы над нею смеяться в весёлый час. Ха, ха, ха!

— Воля ваша, ваше высокоблагородие, — сказал фельдшер
с большею робостию и запинкою, — я рад бы смеяться вместе
с вами, да не могу: мне всё думается...

— Что тебе думается? — спросил начальник таким голосом,
который означал, что вопрос сделан без всякого участия души,
которая, судя по выражению глаз, неподвижно устремлённых на
одну точку, была уже сильно занята совсем другим предметом.

— Мне думается, — продолжал между тем фельдшер, — что
чуть ли это в самом деле не тень Ольги Павловны. Так ваша
обязанность, ваше высокоблагородие, как вы говорите, отслужить

по ней панихиду. Ведь я, хотя и грешный человек, да исполнял только вашу волю. Вы приказали мне научить Караулиху, чтобы она отравила её, вы велели взвалить эту вину на внучку протопопа. На всё это была ваша воля...

— Что ты говоришь, мошенник? — вскричал начальник, выйдя из задумчивости. — На что была моя воля?

— Да ведь вы, ваше высокоблагородие, изволили...

— Молчать! Клянусь адом, если ты скажешь ещё хотя одно слово, то я прикажу тебя сковать и заморить в тюрьме как убийцу... Но эта ненавистная тень опять!

Начальник не мог докончить речи. Зубы застучали у него друг о друга, и задрожали руки и ноги. Между тем как фельдшер, у которого воображение было разстроено не менее, как и у его наставника в злодеяниях, вскричал с ужасом: «Вижу, вижу!» — и повалился на пол.

— Глупая и странная мечта! — сказал начальник, не переставая владеть собою. — Встань, Алексей! Я слишком погорячился, теперь нам надобно действовать...

— Действуйте, как хотите, — отвечал фельдшер, бледный и трепещущий, вставая с пола, — но я более не слуга вам!

— Что же хочешь ты сделать, сумасшедший?

— Я должен умереть.

— Ты? Умереть?

— Да, умереть, потому что теперь только вижу, что я сделал то, что стоит смерти.

— Безумный, ты губишь себя напрасно!

— Всё равно!

— Остановись! — вскричал начальник, схватив его в изступлении за грудь и как бы страшась, что ещё душа упадёт на его совесть. — Остановись!.. Казаки! Подите сюда! Возьмите его и не выпускайте никуда из дома: он помешался!

— Пустите меня! — кричал фельдшер, вырываясь у них из рук. — О силы небесныя! Сойдите ко мне на помощь!

— Отведите его, — повторил начальник, — и не выпускайте никуда из дома. Вы будете отвечать за его жизнь.

Казаки, несмотря на все усилия помешавшагося, схватили его и увели, а начальник, запершись в кабинете, долго сидел в ужасной думе и наконец, вскочив на ноги, произнёс с некоторым изступлением:

— Чёрт заberi! Что делается вокруг меня! Всё падает и рушится, и я один остаюсь посреди обломков своего здания! Но что ни будет, то и будь: обратной дороги для меня уже нет! Мне одна доро-

га, страшная дорога... в ад! Но покамест ещё живу я, меня ничто ни поколеблет! Буду действовать до последнего вздоха! В вечности мне уже ждать нечего, по крайней мере, здесь проживёшь счастливо, сколько можно. Что робеть? Одною сумасшедшаго я сбыл с рук, теперь надобно подумать о другом. Если эта скотина, воображая, что он скоро умрёт, также вздумает каяться и рассказывать мои тайны. Плохая шутка! Нечего делать, надобно пустить в ход бумагу Караулихи, это будет мне лучшею опорой... Итак, теперь только одна эта ведьма осталась из всей моей свиты... Всё к лучшему: от одной отделаться недолго, только прежде удалось бы докончить с помощью ея мои планы с этою девчонкою... О мучение! Опять эта несносная тень! Опять те же слова!

XXIII. ПОКАЯНИЕ

Мичман и Ивашкин были заключены в одной тюрьме. Это была обширная, грязная и тёмная изба с одним окошком, загороженным железною решеткою. Мичман был прикреплён к стене толстою цепью, Ивашкин сидел на свободе. Но не по степени взводимых на них преступлений было расположено их заключение: злой соперник мичмана, не надеясь погубить его по суду, после получения повеления оставить дело об убийстве Тенявы до приезда ревизора решился уморить его в тюрьме и, всячески стараясь увеличить его страдания, томил голодом и жаждою. Ни молодость, ни крепость сил не спасли бы его от смерти, если бы добрый Ивашкин не был на сей раз его ангелом-хранителем и не облегчал его и душевных, и телесных скорбей. Пользуясь любовью и уважением многих из караульных казаков, Ивашкин делил с ним свой скудный обед и голосом опытного, мудраго старца утверждал ослабевавшаго юношу в необходимости крестной жизни, в уповании на неукоснительную помощь Божию и в предании себя на Его святую волю.

— Эх, Виктор Иванович! — говорил он мичману, — для того мы и созданы на сей свет, чтобы здешним страданием искупить будущее блаженство! Кому хорошо здесь, тому будет худо там: ибо в счастья люди большею частию развращаются и забывают Бога. Посмотрите на меня. Меня люди не только погубили, но и положили на моё лице клеймо безчестия, которое навсегда разлучило меня с самым драгоценнейшим для человека на земле — с родиною. А за что? Бог судит моим гонителям! Но никогда мой язык не произнёс им страшнаго слова: проклятие; никогда я не

допускал богохульного ропота на свой жребий и всегда благословлял и благословляю дондесь святую десницу, меня карающую (Ивашкин был сослан невинным. Смотри путешествие Крузенштерна)! И какое право имеет один человек роптать, когда миллионы страждут? Если бы можно было прислушаться к гулу, раздающемуся на земле, и обхватить одним взором весь род человеческий... О! Что бы мы услышали и увидели!.. Всеобщий вопль и стенания оглушили бы нас, и страшное зрелище слез и крови поразило, раздробило бы на части наше сердце!

— И всё это благо, и всё добро? — сказал мичман с усмешкою ужаснейшего отчаяния.

— Так, всё это благо и всё добро, ибо жизнь наша не здесь, а там!

— Где ж это *там*?

— Этого не дано знать человеку, потому что не нужно: здесь нам дана вера и надежда.

— Надежда! Ха, ха, ха! Мечта, которою обольщают себя бедняки!

— Но если и обманывает нас иногда надежда земная, то небесная никогда!.. Виктор Иванович! — воскликнул Ивашкин в каком-то священном восторге, схватив мичмана за руку. — Мужайтесь духом: здесь нет счастья, но там... там оно есть. Это говорит мне моё сердце!

— Но моё сердце мне не говорит ничего; оно умерло для всякого счастья, для всякой надежды.

— Не гневите Бога, Виктор Иванович, не предавайтесь отчаянию!

— Да! Я послушался бы вас, если бы вы могли измерять бездну моего несчастья. Вы оклеветаны, согнаны с блестящей дороги, которая вас вела к чести и знатности, изгнаны, обезчещены, заточены, — конечно, это страшное злополучие, но вы не испытали измены, ужасной измены сердца, которое бы вы почитали святылицем, недоступным никакому пороку, измены того человека, которого бы любили более самого себя, которого бы вы считали небесным духом и который бы стал... О Боже!.. Я видел прекрасное существо, которое, может быть, готово было наименовать меня своим сыном, и эта злополучная... О! Для чего ты, Небо, сохраняешь ещё моё пагубное бытие? Возьми его! Возьмите у меня жизнь!

Несчастный упал ниц на скамью и зарыдал горько.

— Виктор Иванович, — сказал Ивашкин с важным видом, — вы богохульствуете!

— Что это значит?

— Вы проклинаете жизнь и, следовательно, оскорбляете Творца, вам её давшего! Вы не видите Его путей и дерзаете мыслить, что

они не правы! Малодушный! Я испытал не менее твоего. И я любил некогда, и я получал клятвы в верности, скажу ещё более: я имел друга, горячо любимого мною друга, для которого не жалел ни самой жизни моей — и что же? Этот-то друг и погубил меня, и неверная отдала ему свою руку...

— А вы?

— А я благословляю Провидение и несу безропотно ношу скорбей, чтобы успокоиться в могиле!

Мичман взглянул на своего собеседника с чувством невольного уважения. «Великий человек! — подумал он, — и ты в рубище и уничижении!»

Разговор прекратился на несколько времени. Оба разговаривавшие, сильно взволнованные мыслями, погрузились в думу, но потом мичман, приметно успокоившийся, сказал:

— Конечно, Аркадий Петрович, когда несчастье прошло, тогда можно уже покоряться судьбе, но бедствие настоящее...

— А разве вы находите настоящее положение моё счастливым? Разве я не в ссылке, не в тюрьме, не в нищете, не обезчещен, не опозорен? И разве я, — произнёс Ивашкин дрожащим голосом, залившись слезами, — разве я не лишился последнего человека, любившего меня на сей земле?

— И за всем тем?..

— И за всем тем благодарю Создателя моего и не ропщу на свой жребий. Здешняя жизнь — мгновение, а тамошняя — вечность!

— Боже Всемогущий! — воскликнул мичман. — Отчего я не имею этой удивительной преданности Твоей воле?

— Молись Ему, Виктор Иванович, молись. Это бездна благодати и милосердия, это отец, который и в те ужасные минуты, когда всё бежит от несчастного, простирает к нему отрадную руку и проливает утешение в его растерзанное сердце. Молись ему, юноша, молись, и я стану также молиться за тебя!

Ивашкин со слезами на глазах произнёс самую пламенную молитву, вылетевшую из глубины его сердца. Мичман был поражён этим зрелищем. Душа его умилилась, и в первый раз по приключении с ним несчастья слёзы полились из его глаз.

— Благодарю тебя, добродетельный человек, — сказал он, сжимая руку Ивашкина, — благодарю. Ты облегчил мою горесть и пролил какой-то целебный бальзам в моё сердце, мне стало теперь легче.

— Благодарите того, Виктор Иванович, от которого вечно истекает благодать и щедрота. Не переставайте прибегать к Нему в час скорби и отчаяния, и вы всегда получите скорую помощь...

— Да! Когда уже не осталось ничего на земле...

— Но для чего вам так думать? Я, конечно, жизнь свою уже прожил, но ваша едва начинается...

— И скоро кончится!

— Но она не должна кончиться. Вы обязаны сберечь её, если не для себя, так для отечества.

— Это не в моей власти, и притом, что такое отечество?

— Священная страна, приют в дни детства и успокоение в старости!

— Пусть будет так, но эта цепь слишком хорошо связала меня и для себя, и для отечества!

— Виктор Иванович! Вы видите: мне предана наша стража. Эти добрые люди сами не могут смотреть равнодушно на ваши страдания. Скажите слово — и вы свободны!

— Как? Вы предлагаете мне бежать? Мне бежать! Куда и зачем?

— Затем...

— Замолчи, старый грешник! — вскричала вбежавшая в тюрьму цыганка. Мичман вздрогнул и отворотился к стене, но Ивашкин сохранил свое непоколебимое спокойствие. — Я всё подслушала, — продолжала она. — Лукавая лисица! Ты не обманешь меня!

— Тебя?

— Я все знаю твои умыслы, и прежде чем ты сманишь моего безпутного сына...

— Боже Великий! — воскликнул мичман голосом величайшей горести.

— А я так скажу тебе, — прервал равнодушно Ивашкин, — что размозжу тебе голову прежде, чем ты назовёшь его в другой раз своим сыном!

— Как?

— Да говори скорее, зачем ты пришла, и не заражай...

— Аркадий Петрович! — произнёс мичман умоляющим голосом, — оставьте её. Может быть, она в самом деле мать моя.

— Может быть! — повторила цыганка укоризненным голосом. — Может быть! Так знай же, безумец, что тот, кому ты писал вчера, спрашивая, отец ли он твой, послал меня сказать тебе, что одни изверги ищут своих родителей только в тех, кто богат и в чести, и презирают тех, которые в нищете и унижении...

— Итак, всё совершилось! — произнёс с отчаянием мичман, схлопнув кулак и поникнув головою на грудь. — Я погиб!

— Неблагодарный, отступник, изверг! — завопила цыганка. — Я дала тебе жизнь, воспитала, пожертвовала для тебя всем, самую

любовию матери, а ты? Ты подискался подо мною, обезчестил меня, погубил и теперь ещё не хочешь признать меня своею матерью! Да будет же проклят час, в который ты родился на свет! Да будет...

— Пощади! — возопил мичман, повалившись на скамью.

— Если ты точно мать его, — сказал строго Ивашкин, — то ты должна сжалиться над ним!

— Нет, нет для него жалости: она умерла давно в моём сердце! Проклинаю его стократно, проклинаю...

— Милосердый Боже! — тихо простонал мичман.

— Так замолчи же, злодейка! — вскричал Ивашкин, схватив цыганку за грудь, бросив ее на пол и зажав ей рот. — Я вижу, что ты не мать его, а фурия!

— Пощадите её, пощадите! — говорил мичман едва слышным голосом.

В это мгновение цыганка, обладавшая неженскою силою, рванулась с необыкновенным усилием, сбросила с себя Ивашкина и с криком «Караул! Разбой! Душат!» кинулась в двери, но едва она успела занести ногу через порог, как грозное страшилище схватило её за горло. Это был полунагой, полуживой, с бледным изсохшим лицом и выставившимися глазами мертвец. Трудно было узнать в нём фельдшера.

— Стой! — завопил он охриплым, болезненным, но пронзительным голосом. — Стой! В эту минуту ты мне всего нужнее.

С напряжением всех сил он вдёрнул её в тюрьму и, не дав опомниться ей от изумления, повергнул её на пол и, став коленом на грудь, произнёс со страшным воплем: «Кайся! Кайся в твоих злодействах!»

Мичман не мог объяснить себе, что такое совершалось пред его глазами: сон или существенное явление, и то глядел на сие, то снова закрывал глаза, как бы желая поверить своё сомнение. Ивашкин также смотрел с изумлением; равным образом и казаки, как караулившие тюрьму, так и прибежавшие вслед за фельдшером, быв поражены сим зрелищем, стояли в безмолвии.

— Кайся! — кричал мертвец. — Виктор Иванович! Мы с этою злодейкою, а не невеста твоя виновны в смерти начальницы. Мы умертвили её и оклеветали невинную...

— Боже мой! Что я слышу? — говорил шёпотом мичман, всё ещё не доверяя сам себе.

— Мы сговорились с начальником на это злодеяние, мы, а не невеста твоя украли донос твой, мы всему злу причиною, мы погубили вас, мы злодеи, убийцы!

Больной не мог более говорить, ослабел и, упав на пол, покатился в ужасных конвульсиях.

— Скажите мне, ради Бога, скажите мне, Аркадий Петрович, — говорил мичман умоляющим голосом, — что это такое? Мечта, сон, видение моей разстроенной души?

— Нет, Виктор Иванович, это не сон, но здесь рука Промысла: вы видите, злодей невольно кается в погублении вас.

— Итак, я обманут, жестоко обманут!

— Мы тебя обманули! — вопиял валявшийся на полу в смертных страданиях фельдшер. — Я твой губитель! Я тебя обнёс, оклеветал неповинного в убийстве, а сам... сделался настоящим убийцею! Ах! Зарежь меня, приколи, растерзай меня скорее... Нет более сил терпеть этих адских мучений!

— Мерзавец! — вскричала с величайшею злобою и изступлением цыганка, отдохнувшая между тем от боли, причинённой фельдшером и кинувшаяся на него с ножом, схваченным ею со стола. — Мерзавец! Я тебя избавлю от этих мучений.

— Держите её! — вскричал Ивашкин и, бросившись к ней, успел схватить её за руку.

Казачки кинулись на помощь и мгновенно обезоружили убийцу.

— Ребята! — сказал Безшабашный, бывший в карауле. — Скрутим на ей руки, чтобы не барахталась, да повёдем к начальнику.

— Вы успеете ещё увести её! — сказал Ивашкин. — Но теперь лучше позовите сюда скорее отца протоиерея. Вы видите, фельдшер издыхает и может умереть без покаяния, грех останется на вас!

Казачки, потолковавши несколько между собою, послали одного из среды себя за протопопом. Между тем больной не преставал кататься по полу, и, когда Ивашкин предложил ему лечь на скамью, разостлавши на неё свой армяк, он с ужасным скрежетом зубов отвечал ему:

— Оставь меня, оставь! Мало мне этого, злодею!

— Видите, Виктор Иванович, — говорил Ивашкин, — как Бог и милосерд, и справедлив! Кто внушил этому несчастному придти к вам с раскаянием, если не тот, кто владеет нашими помышлениями? Я давеча говорил вам: надо ему молиться, и он не замедлит поспешить на помощь! Но отчего же я ещё не вижу следов радости на вашем лице, когда величайшая тягость спала с вашего сердца, и невеста ваша невинна?

— Но я виновен пред нею! Простит ли она меня? Притом эта женщина! О! Если она на самом деле мать моя!

— Нет, она не мать твоя! — прохрипел умирающий фельдшер. — Я знаю её давно... Я был беглый солдат и вместе с нею участвовал некогда в воровствах. Она...

— Околей, дьявол! — завопила цыганка, порываясь из рук казаков, — околей! О кабы я могла вырвать с корнем твой проклятый язык!

— Зажмите ей рот! — вскричал Ивашкин. — Зажмите, вот так, чтобы она не могла слова пикнуть!

Но между тем с больным увеличались припадки, и он не был в состоянии сказать ни одного слова на бесчисленные вопросы мичмана.

— Экая причина, ребята! — говорили казаки. — Смотри, что он умрёт без покаяния! Что это отец протопоп замешкался? Беги-ка ты за ним, Егорка! А вот, слава Богу, идёт!

— Не опоздал ли я? — спросил с нетерпением протопоп.

— Да чуть ли не опоздали, отец Пётр! — сказал Ивашкин. — Впрочем, он уж во всё́м раскаялся. Вот что он при всех нас говорил...

Ивашкин пересказал в кратких словах признание фельдшера, а протопоп с видом величайшаго умиления произнёс:

— Благодарю тебя, Господи Боже Всемилосердый, что ты не попустил погубить невинную сироту! Я твёрдо уверен был, Аркадий Петрович, что Господь рано или поздно откроет ея невинность... Но дайте же мне поскорее заняться этим несчастным... Друзья мои! — сказал он, обратившись к казакам. — Положите его на лавку... Ах, Господи! Как он мучится! Как ужасно сводит его члены и как пена бьёт изо рта! Зажгите-ка эту свечку и поставьте перед образом... Алексей Пантелеич! Я пришёл, любезный, к тебе... Перекрестись, если можешь, и если слышишь меня, то дай знать мне хотя движением руки... Алексей Пантелеевич!

Больной почувствовал призывающий его голос, ещё раз раскрыл глаза и, взглянув на протопопа с видом величайшаго раскаяния, произнёс умирающим голосом: «Отец Пётр! Простите меня!»

Последния слова произнесены были шёпотом. Затем последовало страшное молчание. Ещё раскрылись глаза, потухшие и оставившиеся, и потом закрылись навсегда.

— Он скончался! — сказал протопоп с чувством живейшаго участия. — Господь да простит его согрешения!

После сего, совершив над умершим установленныя молитвы, протопоп сказал казакам, чтобы отнесли его на квартиру, и потом подошёл к мичману, который при приближении его затрепетал, как преступник, не смея поднять на него глаз.

— Что с вами случилось, Виктор Иванович? — спросил протопоп. — Отчего вы так дрожите? Вы всё ещё больны?

— Нет, здоров, но... я оскорбил вас, оскорбил Марию... Ах, я знаю, что достоин всего вашего гнева!

— Полноте, Виктор Иванович! На что я буду сердиться, когда вы несколько не виноваты? Вас нарочно старались разстроить с Машей! Всё дело в том, что Антон Григорьевич, забыв и совесть, и страх Божий, решился или погубить вас обоих, или жениться на ней...

— Что я слышу?

— И сегодня ещё поутру приходил он ко мне с предложением, что если я хочу спасти Машу от гибели, то отдал бы её за него...

— Злодей!

— Но я сказал ему решительно, что я надеюсь на единую помощь Божию, по слову писания: *не надейтесь ни на князи, ни на сыны человеческия*, что если святой воле Его не угодно будет примирить вас между собою...

— О, мой отец! О, мой друг! — воскликнул мичман. — Если Мария отвергнет раскаивающегося преступника, то я готов умереть у ног ея!

— И, несмотря на то, — сказал хладнокровно Ивашкин, — умрёт в этой тюрьме, не выдав её!

— Так! Я не могу иметь и этого последняго утешения!

— Нет, можете, если вам приятнее обнять вашу невесту, нежели нянчиться с этою подругою (Ивашкин указал на цепь).

— Неужели мне должно бежать, как преступнику! Нет, что бы ни стало со мною, я этого сделать не могу!

— Отец Пётр, — сказал возвратившийся в сие время по отнесении фельдшера Безшабашный, — мы теперь шли мимо дома Горбунова и смотрим, что-то там не ладно совершается: кажись голос, начальника и Марьи Алексеевны.

— Боже милостивый! — воскликнул протопоп, упав без чувств на пол.

— Проклятая цепь! — вскричал мичман с величайшим изступлением. — Теперь ты меня не удержишь!

Он рванул цепь и выдернул её из стены.

— Что вы делаете? — говорил Безшабашный. — Вы хотите бежать, но мы не смеем вас отпустить.

— Пустите меня или...

— Нас стращать нечего: мы не трусова десятка! Изволь-ка убираться на своё место!

— Разбойники! Я разможду вам всем головы!

— Ребята! — сказал Безшабашный. — Берите его, да свяжем по рукам и по ногам.

— Остановитесь! — вскричал Ивашкин. — Остановитесь! Вы слышали, что он ни в чём не виновен, что его терзают напрасно, что злодей для того только губит его, чтобы отнять у него невесту, и, может быть, в эту минуту совершает ужаснейшее из преступлений... Если вы христиане, вы не должны исполнять волю душегубца... Пустите его!

— Мы дали присягу!

— Вы дали присягу служить верою и правдою государыне, но здесь вы видите явное нарушение всех законов и божеских, и государевых. Вы сами будете отвечать, когда допустите погубить невинность!

— В самом деле, ребята, — сказал Безшабашный, — ведь теперь в доме Горбунова не добро творится! Так и быть: пусть же судит нас Бог и государыня, но не дадим злодею смеяться над сиротою. Пустим его и все пойдём с ним вместе!

— Пойдём, ребята! — вскричали казаки в один голос. — Пойдём! За добро не станут судить нас!

XXIV. ПРИМИРЕНИЕ

Начальник, получив решительный отказ в руке Марии, вышел от протопопа с величайшею яростию, хотя при прощании и утаил её в сердце. «Теперь, — думал он, идучи дорогою, — жребий мой брошен: пусть этот старый хрыч лопнет с досады, а я цели своей достигну! Ни Бог, ни ад не остановят меня в моём намерении, я не жду более милости и презираю всякия муки!»

Мы не будем доканчивать сих страшных размышлений злодея, уже перешедшаго все пределы возможности раскаяния, и скажем только то, что он принял решительное намерение посетить в тот же день Марию.

Положение сей несчастной со стороны содержания не было слишком худо, ибо губитель ея для собственных адских целей старался о ея выздоровлении. Горница, где жила она, была довольно просторна и опрятна, как в порядочном крестьянском доме. Пища доставлялась ей не только здоровая, но и приятная. Самая свобода ея не была совсем стеснена: ей позволялось гулять в огороде, который хотя для приезжаго не представил бы инаго зрелища, кроме скупости тамошней природы, но для жительницы Камчатки был, по крайней мере, не неприятен (в Камчатке родится

картофель, капуста, не вьющаяся, однако ж, в кочни, репа и редька. Хлеб сеют весьма мало и только во внутренних местах по реке Камчатке). Всё это, конечно, не могло возратить Марии ея прежняго здоровья и красоты, однако ж при ея молодости, крепком сложении и особенно при твёрдом уповании на Бога поддержало ея жизнь. Она страдала, но не предавалась отчаянию, и горесть ея, растворённая чувствованием невинности и живую надежду на высшую помощь и лучшую жизнь, если не здесь, так за гробом, придавала ея чертам нечто возвышенное, неземное, ибо счастье сближает нас с землею, а злополучие приближает к Небу. И тот, кто никогда не был несчастлив, заслуживает истинное сожаление!

Мария, пробудившись на самом разсвете, села под окно. Всё покоилось и в природе, и в смутном жилище людей, только чуть-чуть подувал лёгкий утренний ветерок, и море едва плескалось в берега. Небо было чисто. Воздух прозрачен и прохладен. Вдали поднималась заря. Прекрасное, радостное явление утра имело целебное действие на душу Марии, как и всегда бывает с несчастными. Им кажется, что, при всеобщем празднике, воскресении природы, невозможно, чтобы одни они были забыты и определены на мучения. Светлый, прелестный луч надежды блеснул ярко в душе нашей страдальцы, и ей так живо, так ясно представилось могущество Творца, что в умиленном восторге души она залилась слезами и бросилась на колена, обратив молящий взор на лучезарный восток, откуда, казалось ей, вместе со светом лились утешение и отрада.

Действие молитвы всегда благотельно: Мария целое утро чувствовала себя весьма легко, тем более что при ней не было на сей раз ея ненавистнаго аргуса — Марины, которая в сие время отлучалась от нея, имев продолжительную конференцию с начальником. Злодей и сластолюбец расспрашивал её со всею подробностью о душевном расположении Марии, и цыганка, находя замеченное уже нами выше дьявольское удовольствие подстрекать своего губителя на новыя злодеяния и притом мучить свою невинную соперницу, обманула его. По словам ея, Мария уже начинала охотно слушать рассказы об удовольствиях брачной жизни и о выгоде быть женою человека богатаго и чиновнаго. Гнусная страсть вспыхнула в грешнике. Не откладывая далее своих намерений, злодей пошёл к протопопу. Последствия их свидания уже известны. Цыганка, возвратившись к Марии, начала с адским смехом над нею издеваться.

— Я рада, что ты сегодня не так печальна, как прежде, и не так сердито на меня смотришь. За то и я тебе скажу радостную весть.

Мария, хотя избегала всякого разговора с Мариною, ибо злодейка всегда растворяла его ядом, но обольщённая мечтательными надеждами сердца, бедная, думала, что в настоящих словах Марины уже заключается их исполнение, и с нетерпением спросила её:

— Не узнал ли он, что я невинна?

— Это он, — отвечала цыганка с усмешкою, будто бы не понимая, про кого говорит Мария, — это он давно уже знает!

— О, если это правда, то благодарю тебя, Боже мой! Одного этого я и желала. Теперь что ни будет со мною, я всё снесу терпеливо!

— И я скажу тебе ещё более: он сегодня к тебе придёт...

— Он придёт ко мне? Виктор?

— Какой Виктор! Не про него речь: он сидит в тюрьме и скоро исчахнет в цепях.

Смертная бледность выступила на лице Марии. Цыганка продолжала:

— Речь о начальнике. Ведь я тебе твержу давно, что он от тебя без памяти.

— Перестань! — воскликнула Мария, всплеснув руками. — Если ты веришь чему-нибудь святому, то заклинаю тебя этим — не мучь меня!

— Что за мука быть женою начальника?

— Боже мой, Боже мой!

— Ну, а если не нравится быть его женою, то можешь сделать его любовницею. Правда, когда пройдёт молодость и спадёт красота, то он, без сомнения, тебя бросит, но что ж такое? Не ты первая, не ты и последняя! Я сама была некогда не хуже тебя...

Мария ничего не отвечала, и только самые болезненные вопли вырывались из её души. Язык злобы наконец истощился. Мария отдохнула. Наступил вечер. Вдруг опять цыганка вбежала к ней с видом фурии и с адскою радостью на глазах сказала:

— Вот, видишь, я правду говорила тебе давеча: он придёт. Вон идёт он! Радуйся!

Но против ожиданий её, Мария не оробела. Отчаяние придало её душе невероятныя силы. Спрятав украдкою от цыганки нож в рукаве своего платья, она села подле стола и ожидала своего злодея с величайшим, по-видимому, спокойствием. Он взошёл в горницу и прежде обратился к цыганке.

— Я забыл тебе сказать, — говорил он, — что твой сынок прислал мне письмо, в котором описывает своё происхождение и набивается мне в сыновья. Поди и скажи ему...

Продолжение сего приказа мы знаем.

Цыганка, бросив взор нечеловеческой радости на Марию, вышла из горницы и, остановившись на некоторое время у дверей, прислушивалась с диким удовольствием начавшемуся между Мариєю и начальником разговору и потом, отходя прочь, сказала с неимоверною злобою:

— Празднуй, злодей! Праздник твой недолог! Теперь пойду потешусь над твоим выродком, а там наступит и твоя очередь!

В продолжение сего между начальником и Мариєю началась следующая сцена:

— Марья Алексеевна! — сказал начальник строгим голосом. — Вы, чай, знаете, за что вы содержитесь?

— За что бы я ни содержалась, — отвечала Мария с твёрдостью, — но я знаю одно то, что я невинна!

— Хорошо! О невинности твоей поговорим после, но теперь я должен сказать тебе, что если ты имеешь хоть какое-нибудь сердце, то должна чувствовать цену моих благодеяний и быть в разсуждении меня, по крайней мере, благодарною...

— Вам благодарною? — с живостию прервала Мария.

— Да, благодарною! — повторил начальник. — На тебя подан мне ужасный донос, что ты отравила мою жену. Я давно мог бы произвести следствие и осудить тебя, а ты видишь, я что делаю? С собственною своею опасностью я хочу спасти тебя, я медлю, забочусь о твоём содержании, о здоровье, о спокойствии...

— Но было бы гораздо с вашей стороны великодушнее, когда бы вы приказали убить меня одним разом, чем по капле пить мою кровь.

— Так! Неблагодарная! Я знал наперёд, что инаго ожидать от тебя нечего! Хорошо! Я более тебя не стану щадить: предам тебя суду. Пусть же полюбуется твой старый дед, когда тебя выведут на место казни, и когда...

— Но чего вы хотите от меня?

— Ты знаешь, чего я хочу. Я люблю тебя. Если хочешь избавиться от казни, будь моей женою!

— Никогда!

— А казнь?

— На всё готова!

— А думаешь ли ты, что твой дед перенесёт твоё безчестие?

— Я знаю, что он не перенесёт этого, и смерть его падёт на твою душу!

— Э! Так ты такова! Но нет, голубушка, ты не отделаешься от меня, ты моя!

— Отойди, злодей! — вскричала Мария, принимаясь за нож.

— Вздор! Ты должна быть моею!

Мария, отскочив на несколько шагов от губителя, выдернула из рукава нож и, занеся его себе на грудь, сказала ему с величайшею твёрдостью:

— Если ты сделаешь ещё один шаг ко мне, меня не будет!

— Ты решаешься на самоубийство?

— Решаюсь!

— И не боишься вечной муки?

— Ты будешь отвечать за меня!

— Но подумай, что если ты сделаешься моею женою, то будешь пользоваться честью, богатством, довольством. Все моё будет принадлежать тебе, я раскрою пред тобою все мои сокровища, и каждое твоё слово...

— Замолчи, обольститель! Я ненавижу тебя и презираю твои богатства!

— Испытание кончилось! — сказал начальник, вдруг приняв на себя радостный и довольный вид, сев на скамью. — Милая дочь моя! Ты выросла под моим кровом, и ты могла подумать, что я в самом деле стану губить тебя, разлучая с избранным тобою женихом! Нет, ты ещё не знаешь меня, не знаешь, сколько я забочусь о твоём счастье. Всё, что ни случилось с тобою, было сделано по желанию самого твоего жениха. Он хотел испытать твою к нему любовь, твоё постоянство, твою добродетель, и ты прекрасно выдержала это испытание!

— Напрасно ты думаешь обмануть меня этою ложью. Я знаю тебя уже хорошо!

— Но если ты не веришь мне, то согласишься моему жениху, который...

— Который по твоему приказанию сидит в тюрьме и в цепях!

— Нет!.. который свободен, а теперь же будет у ног твоих.

Начальник отворил дверь в сени и сказал громко:

— Виктор Иванович! Идите, спешите в объятия вашей...

Когда он говорил сие, Мария стояла в недоумении. Злодей, приметив сие, не докончил речи, быстро обернулся к ней, выхватил у ней из рук нож, отбросил его в сторону и, схватив Марию в объятия, вскричал с неистовою радостью:

— Теперь ты моя!

Мария издала ужасный вопль.

— Боже! Защити меня! — вскричала она отчаянным голосом, употребляя слабые и тщетные усилия.

— Нет! — сказал злодей с бешеным смехом. — Теперь никакая сила не вырвет тебя из моих рук! Ты моя!

— Злодей! — вскричал вбежавший в горницу в ярости и бешенстве мичман. — Полно ругаться над невинностью!

Он мощно ухватил начальника за волосы, бросил его на пол и занёс над главою его саблю.

— Виктор, Виктор! — вскричала Мария забывшая в сию минуту ужасного смущения все злодеяния начальника, все оскорбления, перенесённые ею от своего жениха, все неприязненные с ним отношения и увлекшаяся одною к нему любовью. — Виктор! Что ты делаешь? Ты губишь себя!

— Ты не знаешь, Мария, — отвечал мичман, оставаясь в том же положении, — всю злобу и гнусность этого душегубца! Он поселил вражду между нами, он оклеветал и очернил тебя предо мною, он хотел погубить тебя: сам велел убить свою жену и своё злодеяние свалил на тебя, дабы принудить тебя следовать его гнусным желаниям, он...

— Всё это известно мне, Виктор, но я всё прощаю ему и умоляю тебя: и ты прости его!

— Мне простить его? Никогда! Нет, конец его настал! Умирай, злодей!

— Остановись! Остановись! — вскричала Мария, бросаясь к мичману и удержав его руку.

— Для чего ты его удерживаешь? — сказал начальник с обыкновенным равнодушием. — Пусть он убьёт своего отца!

— Нет, изверг, ты сам отказался от этого имени и теперь меня не обманешь им!

— Перестаньте, перестаньте, Виктор Иванович! — сказал поспешно вошедший в сию минуту Ивашкин. — Что вы затеяли? Господь с вами! Ужели хотите сделаться убийцею? Боже сохрани вас! Он злодей, но что же и вы будете перед законом, когда убьёте его? И тогда навек вы прощайтесь со своим счастьем!

— Этот изверг уже похитил его у меня. Я оскорбил ангела. — мичман показал на Марию, — и всё кончено!

— Неужели ты думаешь, Виктор, что я могу на тебя сердиться? Я и теперь люблю тебя, как и всегда!

— Как? Ты и теперь всё ещё любишь меня?

— Я никогда и не переставала тебя любить! Я видела, что ты в заблуждении, и об одном просила Бога, чтобы ты узнал мою невинность. Потом же, если бы ты и забыл меня, я всё бы простила, и если бы умерла, то умерла бы, о тебе молясь!

— О, небесное существо! — воскликнул мичман, бросив саблю и упав к ногам Марии. Слёзы потекли ручьём у него из глаз. —

Ангел-хранитель мой! Как ты любишь меня, и как я, легковёрный, не достоин твоей любви!

Между тем освободившийся из рук мичмана злодей проворно вскочил на ноги и бросился к двери, но Ивашкин остановил его.

— Пустите меня! — кричал первый. — Что? Вы хотите меня убить? Вы бунтовщики, крамольники...

— Нет, Антон Григорьевич, мы не бунтовщики и не крамольники, но всё-таки не можем вас отпустить.

— Вы бунтуете против власти, нарушаете законы...

— Это решит высшее начальство, кто из нас: мы или вы более нарушаем законы. Но теперь мы не имеем времени с вами состязаться. Вы должны остаться здесь, пока не придут вас отсюда выручить. Ребята, — сказал Ивашкин, обратившись к казакам, — посадите Антона Григорьевича в этот чулан.

— Как вы смеете, разбойники? Я ваш начальник!

— Знаем, — говорил Безшабашный, — что матушка царица послала вас сюда начальствовать, да вы-то, вишь, задумали другое, а повадился кувшин по воду ходить, так тут ему и голову положить.

— Упрямиться нечего, Антон Григорьевич! — сказал с твёрдостью Ивашкин. — Вы видите: здесь все против вас. Извольте войти в чулан доброй волей, из уважения единственно к вашему званию мы не хотим употребить силы.

— Хорошо, я пойду, но... это будет вам всем дорого стоить!

Ивашкин молча запер за ним дверь, завернул замком и, положив ключ в карман, сказал тихо любовникам, утопавшим между тем в слезах радости и восторга:

— Довольно, довольно! Пора идти! Время дорого! Пользуйтесь им, пока зверь взаперти! Едва приведя в чувство отца протоиерея...

— Разве он болен? — спросила испугавшаяся Мария.

— Был, но я помог ему. Всё это вы узнаете после. Я уговорил его обвенчать вас нынешнею же ночью, и он уже в церкви. Спешите за мною!

— Но что с нами будет потом? — спросил мичман.

— Впереди Бог! Спешите!

XXV. ВЕНЧАНИЕ

Была тёмная ночь. Небо задёрнулось тучами, от времени до времени освещавшимися молнией. Слышался и гром, но отдалённый, глухой, как большею частью бывает в Камчатке. В лесах бушевал ветер. Волны шумели на море. Пользуясь мраком и шумом, молча

пробиралась к церкви торопливая толпа, из которой при одном повороте, по-видимому тайком от прочих, отделился человек и ускользнул в ворота. Дойдя до дверей церкви, толпа разделилась надвое: большая часть пошла скорыми шагами к лесу, остальные вошли в церковь. В ней было и пусто, и мрачно, и безмолвно, только скрипели ставни, потрясаемые ветром, только одна свеча горела перед аналоем, у которого стоял старец, погруженный в глубокую думу. Прекрасный юноша и прелестная девушка бросились в его объятия. Старик прижал их к своей груди, и все трое, не произнеся ни одного слова, вдруг залились слезами. Есть чувствования, для которых язык человеческий и медлителен, и излишен!

Прошли первые минуты свидания. Сердца несколько успокоились. Старец возвёл глаза к небу, благословил детей и начал совершать обряд, при котором не было ни богато убранных и весёлых поезжан (участников свадебного поезда, в основном, со стороны жениха), ни шумной толпы любопытных зрителей. Два только свидетеля присутствовали при венчании: дряхлый восьмидесятилетний трапезник, взглядывавший как житель другого света из тёмного угла, где стоял его прилавок, и печальный Ивашкин, склонившийся на свой посох и, казалось, обдумывавший будущий жребий новобрачных. Обряд кончился. Протопоп ещё раз со слезами на глазах горячо обнял Виктора и Марию, не перестававших также заливаться слезами радости и горя, но потом, как бы исполняя высшаго вдохновения, отёр слёзы и произнёс с важностью пророка:

— Малодушные! О чём мы плачем? Тот, кому повинуются моря, пред кем трепещут горы и небо свивается, яко риза, разве не может защитить нас от нападения червя, буде восхощет? Идите, дети, куда вам назначит Господь! Спасайтесь от губителя!.. Виктор Иванович! Я тебе вручаю сокровище, которого дороже я ничего не имел и не имею на сей земле. Ты заступишь теперь для нея место отца и матери, береги её, друг мой, она достойна тебя!

— Ея спокойствие есть моё спокойствие, — сказал с жаром супруг Марии, — ея жизнь есть жизнь моя! Никто не может посягнуть на ея безопасность прежде, пока не погрязнет в моей крови: вот обет мой пред алтарем того, кто видит самую глубину моего сердца!

— Да поможет тебе Господь во всех путях твоих! — сказал протопоп с глубочайшим чувством. — А ты, дочь моя, следуй за твоим мужем...

— О, любезный дедушка! — вскричала Мария, задыхаясь от слёз. — Я люблю Виктора, но не имею сил и с вами расстаться!

— Друг мой! Этого требует Провидение, и мы должны покориться его воле! Вам нельзя оставаться здесь ни одной минуты, злодей непременно разлучит вас и погубит обоих. Аркадий Петрович будет вашим хранителем. Ему Камчатка знакома вдоль и поперёк, и, с Божиею помощью, я надеюсь, он успеет скрыть вас в безопасном месте, до времени...

— Думаю, что успею в этом! — сказал Ивашкин, выпешший из задумчивости при произнесении его имени. — Дорогою я рассказывал Виктору Ивановичу, куда я надеюсь их провести, но и то также сказал я, что впереди Бог!

— Да, от него всё зависит! И кто другой, как не он, внушил вам ваше благое намерение?

— Дай Бог только, чтобы оно исполнилось!

— Нет, Аркадий Петрович, — сказал с живостию мичман, — я не могу вас взять в свои проводники: предоставьте нас нашей судьбе!

— Отчего вдруг такая перемена в ваших мыслях?

— Если мы попадёмся в руки преследователей, мы будем отвечать за свой побег, но вы по какой вине будете мучиться?

— Обо мне не беспокойтесь, я давно перестал бояться человеческой власти. Что со мной сделают? Будут терзать этот бедный труп? Пускай! Было время, когда я любил жизнь, а теперь мне всё равно! Скажу вам более и скажу истинную правду: теперь смотреть мне на страдания других гораздо мучительнее, нежели на своё собственное. Если бы было иначе, кто меня притащил бы в Петропавловск, когда я мог бежать туда, куда ворон костей не занасивал? Но я вспомнил Зуду и воротился. Богу не угодно было, чтобы я помог моему старому другу, зато он послал мне другой случай. Я полюбил вас обоих всем сердцем и готов для вас на всё. Пойдёмте! Пора!

— Подумайте!

— Всё обдуманно! Без меня вы не ступите шагу в этой пустыне, а мне она известна, как моя ладонь. Пойдёмте!

— Но если вы делаете благородное дело, спасая нас, то разве с нашей стороны должно пользоваться им к вашему вреду?

— Эх, Виктор Иванович! В этом разочтёмся после!

— В самом деле, — сказал протопоп, — не теряйте, дети, напрасно времени, положитесь на Бога и идите! Благословляю вас от всей души моей! Полно плакать, Машенька, слезами не поможешь! Мужайтесь и крепитесь! Ну, прощайте, прощайте! Бог да благословит вас!

Протопоп взял свечу и, уговаривая Марию, заливавшуюся горькими слезами, подошёл с новобрачными к дверям. Но едва он коснулся к замку, как страшный удар в неё с наружной стороны раздался в пустоте церкви. Все бывшие в ней вздрогнули.

— Кто там ломится? — спросил протопоп.

— Отворяй! — вскричал голос из-за дверей.

— Кому надобность в ночное время быть в церкви?

— Отворяй. Мы скажем, что за надобность!

— Отпирай же, старый хрен, — воскликнул начальник, — не то дверь велю вышибить!

— Зверь на свободе! — сказал тихонько Ивашкин. — Без сомнения, это мошенник Горбунов освободил его. Мне казалось, будто кто-то ускочил в ворота. Так и есть!

— Да, верно он, — подтвердил протопоп, — он и трус, да и предан злодею. Но куда девались прочие казаки?

— Ушли куда глаза глядят, чтобы скрыться до приезда ревизора.

— В последний раз говорю, — снова раздался голос начальника, — отворяй, или дверь сейчас же вылетит вон!

— Вышибай, если имеешь на это право!

— Имею! Здесь скрываются преступники, бунтовщики, разбойники. Выдай мне их, и я уйду в ту же минуту!

— Здесь нет ни бунтовщиков, ни разбойников.

— Послушай, старик. Если ты не выдашь их добровольно и принудишь меня употребить силу, то и сам будешь сидеть в тюрьме вместе с ними!

— Дедушка, милый дедушка! — вскричала Мария. — Выпустите меня. Пусть злодей растерзает меня, но я не допущу, чтобы вы страдали вместе с нами!

— Нет, Мария! — прервал мичман. — Ты должна остаться. Я всему причиною. До меня вы были счастливы, я разрушил ваше счастье, я и должен страдать за сие. Пустите меня!

— Нет, дети мои милые, не пущу вас обоих: вы оба равно любезны мне, и я скорее умру у этого порога, нежели позволю злодею над вами ругаться!

— Что, калуер! — снова раздался за дверью зверской голос начальника. — Ещё ли будешь говорить, что у тебя никого нет в церкви!

— Есть, но это дети мои, а не разбойники, которых ты ищешь!

— Давно ли мичман стал твоим сыном?

— С той минуты, как он стал мужем моей внучки!

— Бунтовщик! Крамольник! — завопил с ужасною яростию начальник, услышав сей ответ. — Нет пощады ни тебе, ни твоим

сообщникам! Ломайте дверь, стреляйте в окна, режьте, губите, жгите изменников!

Железная дверь тяжело застонала под ужасными ударами тирана, заглушая усилившиеся удары грома. Церковь дрожала, и всё здание, казалось, готово было разрушиться.

— Стреляйте! Стреляйте! — раздавались бешеные крики начальника.

— Гасите свечу, — вскричал Ивашкин, — и спрячемся за печь!

— Боже мой, Боже мой! Что с нами будет! — воскликнула Мария.

— Что бы ни было, — говорил мичман, выдернув саблю, — но я дорого продам им нашу свободу.

— Теперь единая надежда нам — Бог! — сказал протопоп.

Едва осаждённые успели спрятаться, как несколько ставней с шумом растворились, ружейные дулы пробили слюду и утавились сквозь железные решетки. Потом послышался шорох взводимых курков, раздалось страшное: «Пали!», и мгновенное пламя, вылетевшее с ужасным треском, осветило тьму церкви, и пули засвистали по ней в разных направлениях. Пальба не утихала. Церковь совершенно наполнилась пороховым дымом, сквозь которого беспрестанно вспыхивало в окнах пламя выстрелов и загоралась молния. Треск усилившейся грозы, учащённые удары тарана, грохот ружей, свист и щёлканье пуль, крик осаждающих и бешеный побудительный рёв разъярённого злодея, сливаясь вместе, изображали нападение не людей, но духов злобы, воздвигших все силы неба и земли на разрушение святого места.

В это время протопоп, не теряя надежды на Бога, читал молитву. Мария дрожала от страха не столько за себя, как за драгоценных сердцу её деда и супруга. Виктор с неустрашимостью молодого воина ожидал мгновения, в которое должно будет начать смертный бой с злодеями. Один Ивашкин, презирая давно жизнь, стоял с величайшим хладнокровием и выискивал в уме средства избавиться от беды не для себя, но для своих несчастливых товарищей. Наконец, как будто что-то вспомнив, с приметною радостью он проворно кинулся из-за печи.

— Куда ты, Бог с тобой! — сказал со страхом протопоп, схватив его за полу. — Ведь тут и шага не ступишь, как тебя злодеи застреляют!

— Пустите, отец Пётр! Здесь ничего не выстоим, надо действовать!

— Если нужно действовать, — прервал мичман, — то скажите, что делать, — я на всё готов!

— Не торопитесь, дойдёт очередь и до вас, а покамест теперь моя.

— Но вас убьют!

— Всё равно!

Говоря сие, Ивашкин выдернул полу из рук протопопа и оставил своих товарищей в страшном ожидании об его участи. От ужаса едва переводя дыхание, они прислушивались робко к его шагам и при каждом выстреле, освещавшем церковь, слышали, казалось, что-то тяжёлое, грянувшее на пол, и говорили с трепетом друг другу: «Это упал он! Уж наверное он!»

Между тем неустрашимый, но всегда осторожный Ивашкин, пробираясь около стены большею частью ползком, добрался до прилавка, за коим притулился старый трапезник, брат памятного в летописях Камчатки удальца Харчина, вместе с сим последним участвовавший в главном камчадалском бунте (1731 года) и потом решившийся загладить свои преступления и временное отступничество повсежизненным служением при церкви.

— Кирилыч! — сказал Ивашкин. — Сидя со сложенными руками, не искупим беды. Пойдём!

— Оставь меня, родимый! Мне инаго делать нечего, кроме как ждать смерти! Погибнет церковь, погибну и я вместе с нею, таков обет мой!

— Я тебе не помешаю сдержать твой обет, но скажи мне только: не известен ли тебе тот ход, который, говорят, прорыли казаки во время камчадалских бунтов, чтобы доставать в острожек воду, и из которого выход потом был проведён сюда, чтобы держать его в секрете?

— Как не известен, батюшка! Ведь я, окаянный, и провёл им бунтовщиков. Вон, в алтаре близ северных дверей, как поднимешь вторую половицу... Только вряд ли не засыпался он землю! Времени, батюшка, прошло много, много! Вот уж как и я при церкви лет более сорока будет! Ах ты Господи!.. Эк! Они, окаянные в двери-то ломаются: словно черти в святое место!

Ивашкин, не дослушивая последних слов трапезника, проворно начал пробираться с тою же осторожностью к своим товарищам.

— Отец Пётр! Я хочу провести ваших детей потаённым ходом.

— Но как вы найдёте его? И я слышал, что есть ход, но где его отыскать, не знаю.

— Я всё уже распросил у Кирилыча!

— Да, ему это известно должно быть лучше моего. Он гораздо прежде меня при здешней церкви. Если найдёте этот ход, то велика милость Божия! Подите же, дети мои милые! Подите скорее! Мешкать нечего! Другой помощи ждать неоткуда!

Между тем как Мария снова начала колебаться, не имея сил ни оставить деда, ни разлучиться с мужем, вдруг раздалась столь

страшные удары в дверь, что петли, по-видимому, не могли уже долее удерживаться на местах.

— Машенька! — вскричал протопоп. — Теперь долго думать нечего: спасайтесь! Ещё несколько минут — и мы все погибли!

— Пожар! Пожар! — закричал в то же время трепещущим голосом старый трапезник, бросаясь из-за прилавка. — Пожар! Отец Пётр! Не прикажете ли ударить в набат? Пожар!

— Слышишь, Машенька? Беги, пока есть время! Теперь я обязан забыть, что я дед ваш, и должен поступать, как служитель церкви. Прощайте! Бей в набат!

Между тем огонь, затлевшийся от выстрелов на холсте, коим были обтянуты стены, разгорался мало-помалу и, наконец вспыхнув, быстро бежал к потолку и страшно осветил дымную церковь. Выстрелы при огне сделались почти неизбежны. Несчастные, не имея более темноты своею защитою, решились на последнее средство: пробежать бегом к назначенному трапезником месту. Они бросились. Дикой вопль их гонителя раздался в окно: «Вон они! Вон! Пали, бей злодеев!» Несколько ружей разом грохнули, пули засвистали, но только одна легко ранила мичмана. Вбежавши в алтарь, несчастные подняли половицу и, взяв несколько зажжённых свеч, пустились в неизвестный путь.

В сие время протопоп, не думая более ни о них, ни о себе, собрал поспешно священные вещи и, выйдя с ними из алтаря, с крестом в руке, отворил церковные двери и с важностию пастыря сказал ломившимся казакам:

— Если вы христиане, то не разрушать должны дом Божий, а спасать: он горит!

— В самом деле, церковь горит! — закричали вбежавшие в неё казаки. — Ребята! Воды, воды! Тушить!

— Пусть горит! — закричал вбежавший также туда начальник. — Прежде ищите беглецов, а потушить успеете. Говори, поп, куда ты их спрятал?

— Антон Григорьевич! — отвечал протопоп, держа пред ним крест. — Вспомните о том, кто был распят на кресте! Этот храм искуплён святою кровию, а вы готовите ему гибель! Забудьте на минуту ваши земные страсти и подумайте о небесном!

Начальник невольно остановился, как бы поражённый изумлением, а протопоп, обратясь потом к казакам, продолжал:

— Дети мои, что стоите? Что медлите? Храм Божий обнимается пламенем! Какого ждете ещё наказания? Кому должно более повиноваться: человеку или Богу? *«Ащи хотите и послушаете*

мене, — глаголет Господь, — благая земли снесите, аще же не хотите, ниже послушаете Меня, меч вы пояст!»

— Поп! — вскричал опомнившийся начальник, дрожа от ярости. — Долго ли ты будешь бунтовать моих подчинённых?

— До тех пор, пока ты не перестанешь оскорблять Бога и государыню!

— Вот до чего дошла дерзость! Нет, нет! Или я более не начальник, или я не допущу надо мною ругаться! Возьмите его, берите его!

Но все эти приказания были произнесены напрасно, ибо казаки, частью утрашённые словами протопопа, частью по собственному религиозному расположению, присоединились к толпе народа, ввалившегося в церковь для спасения церковной утвари, ибо потушить пожар по причине пропущения благоприятного времени было уже невозможно. В общей суматохе, в дыму, при крике народа и вое набата никто не примечал начальника и никто не слышал его криков. В бешенстве и досаде он побежал уже из церкви, как вдруг кто-то почти насильно остановил его, вскричавши:

— Ваше высокоблагородие! Нашёл!

— Нашёл? Где они, злодеи? Веди их ко мне!

— Нашёл, но ещё не самих, а только лазею, куда они скрылись. Если угодно, извольте идти скорее за мною!

Начальник и достойный его служитель быстро пронеслись, как два злые духа, уже по опустевшей и по обнявшейся пламенем церкви, и первый, обуреваемый неистовою страстию, с адскою яростию на лице, схватив горящий отломок иконостаса, кинулся, как зверь, за своею добычею в раскрытую дверь подземелья. Прислужник его также хотел последовать за ним, но едва занёс ногу, как разгоревшийся иконостас рухнул и придавил изменника своею пламенною массою. Это был Горбунов!

XXVI. ПОБЕГ

В продолжение вышеписанного Виктор, Мария и Ивашкин, чувствуя сырость и духоту подземного хода, употребляли величайшие усилия, чтобы скорее пройти его. Но, к невыразимому огорчению, должны были останавливаться почти на каждом шагу, ибо во многих местах, где земля, слабо удерживаемая гнилыми подпорками, обсыпалась, нельзя было проходить, иначе как сильно наклонившись, а в других местах должно было даже ползти на коленях, и притом с чрезвычайною осторожностью, чтобы не расшевелить страшной громады, угрожавшей сверху падением и смер-

тию. В одном из сих трудных переходов Ивашкин, поскользнувшись на сырой и почти мокрой земле, выронил из рук свечу и оставил себя и своих товарищей в страшной темноте. Тогда положение их сделалось столь ужасным, что у самого Ивашкина невольно встали на голове волосы. Возвратиться назад было нельзя, впереди ничего не было видно. Могли опять встретиться столь же трудные переходы, которые без света совершить было почти невозможно, мог быть выход и вовсе засыпан. Какого спасения можно было надеяться в таком случае? Бежать — некуда, кричать — голос замер бы под землею! Казалось, вместе со свечою погасла надежда, и грозная смерть — быть заживо погребённым в могиле предстала воображению несчастных со всеми своими ужасами. Гробовой холод сильнее повеял со стен, и запах тления проникал кости. Ивашкин издавна думал о смерти, но за всем тем картина мучительной, продолжительной смерти, когда жизнь не отлетает вдруг, как блеск молнии, но вытекает как горящий свинец, пожигая тело каплей за каплею, — картина такой смерти, живо изобразившейся в душе старца, смутила его, особенно за юных товарищей, которым неисповедимая судьба ускорила тёмный и печальный путь тления в то самое время, когда жизнь, полная любви и наслаждений, должна бы встретить их на дороге радости и счастья. Старец скорбел ужасно, неизъяснимо, но насильно утешил кипение мыслей в своей груди и удержал вопль, готовый из неё вырваться, ибо боялся испугать своим отчаянием, впервые закравшимся в его сердце, своих злополучных спутников.

Перемогши себя, он спросил мичмана со всем возможным равнодушием:

— Что нам делать теперь, Виктор Иванович?

— Пойдём ощупью, — отвечал трепещущим голосом мичман, также почувствовавший весь ужас своего положения и также старавшийся скрыть свои чувства от Марии.

— Но что это такое, Аркадий Петрович? — спросила вдруг Мария. — Вдали как будто светлое пятно?

— Да, да, и я вижу это! — сказал мичман.

— Не смею слишком рано радоваться, — отвечал Ивашкин, — но пойдёмте скорее.

— Чем далее мы идём, — говорила Мария, — тем пятно становится явственнее.

— И мне тоже кажется, — подтвердил мичман.

— Теперь и я его вижу! — воскликнул Ивашкин, пройдя ещё несколько шагов. — Слава Господу Богу, теперь мы спасены!

— Но что значит это пятно? — спросил мичман. — Как вы думаете?

— Это свет на конце выхода!

— Но теперь ночь!

— Верно, церковь обнялась пламенем и осветила окрестности.

Догадка Ивашкина оправдалась. Пятно, видимое вдали нашими странниками, точно было отверстие выхода, освещённое заревом пожара. Но, достигнув его, несчастные почувствовали новый ужас: выход был заслонён огромным камнем, коего величайшие усилия их не могли отодвинуть ни на вершок с места, и между тем как они истощали свои силы над этим безуспешным трудом, вдруг послышался им в глуши подземелья глухой топот ног. Они вздрогнули и, оглянувшись с трепетом, увидели в отдалённости огненную точку, быстро к ним приближавшуюся. Новые, последние усилия были употреблены для сдвинутия адского камня, но хладная громада как злодейское сердце была неподвижна.

— Царь Небесный! — воскликнула Мария, упав на руки Виктору. — Теперь мы погибли невозвратно!

— Что это, ребята? — сказал голос сверху отверстия. — Словно под землёю кто вопит?

— Кто бы вы ни были, — вскричала Мария в некотором изступлении, не обращая внимания на знаки Виктора и Ивашкина, — кто бы вы ни были, спасите нас!

— Точно под землею, ребята! — повторил прежний голос. — Да кто там говорит? Живой, так скажи: откуда ты кричишь?

— Слава Богу! — вскричал Ивашкин. — Это голос Безшабашного! Мы здесь, брат Прокопий, спустись, пожалуйста, проворнее, оттащите камень!

Между тем огонь, видневший во мраке хода, увеличился, и фигура бегущаго человека с пламенником в руке означилась явственно.

— Это он! Это он гонится за нами! — повторяла отчаянная Мария.

— Мужайся, Мария! — отвечал мичман, не менее ея отчаянный. — Мы избегли многого, избегнем и этой опасности с Божиею помощью!

— Скорее, брат Прокопий, — говорил Ивашкин, — пожалуйста, скорее! За нами гонятся. Ещё минута — и мы пропали!

— Да где ты говоришь, Аркадий Петрович?

— Здесь! Здесь! Внизу оврага. Видишь ли ту срубленную листовень?

— Ну!

— Она навалена на камень, а камнем загорожен подземный ход, прокопанный сюда из церкви. Понял ли?

— Понял теперь. Смотри, пожалуй, мы и слыхом не слыхали, что есть такая диковина...

— Пожалуйста, поскорее.

— Духом, духом, Аркадий Петрович! Ну, ребята, сбрасывайте дерево, отворачивайте камень!

Едва только заключённые успели выйти из подземелья и едва придвинут был обратно камень, как злодей, стремившийся за ними в погоню, прибежал ко входу и уставил в небольшое отверстие, оставшееся между камнем и входом, ужасное, злостное лицо, освещённое кровавым светом горящаго отломка.

— Изверги! Разбойники! — завопил он, придя ещё тем в большую ярость, что увидел в объятиях мичмана ослабевшую его супругу. — Бунтовщики! Отодвиньте камень! И если хотите прощения, хватайте этих преступников! Они убежали от наказания, нарушили законы, наругались над властью...

— Аркадий Петрович, — спросил равнодушно Безшабашный, — не прикажете ли пришибить его тут? Не докудова ему издеваться над православными!

— Нельзя, Прокопий. Он начальник!

— Да помилуйте, что он за начальник, когда на этакия художества пустился?

— Всё равно! Мы не судьи его! За свои дела он даст ответ государыне, а если мы накажем его, будем сами виновны пред нею. Оставим его своей злобе и безсилию: для него довольно покамест и этой муки! Пойдёмте!

Сказав сие, Ивашкин начал подниматься из оврага на гору, крутую и безлесную, но поросшую травой. Виктор шёл, неся на своих руках Марию. Вслед за ними потянулись и казаки, не обращая внимания на яростные вопли начальника, который, произнося на отходящих ужаснейшия проклятия, скрежетал зубами и, виднеясь во тьме кровавым лицом, уподоблялся разъярившемуся злему духу, порывающемуся на гибель человека, но удерживаемому в известных пределах высшею силою. Чем более выходили из оврага и всходили на гору наши странники, тем делалось светлее зарево пожара и слышнее становился голос колокола.

Наконец, достигнув до вершины горы, они увидели пожар во всём грозном его величии. Церковь пылала кругом, и около ея напрасно мелькали тени людей, ибо помощь их была уже бессильна. Скоро обнялась огнём и колокольня и, обложенная вокруг тучами, пламенела, как светильник возгоревшагося гнева Божия. Она пылала, но голос колокола всё ещё не умолкал: это был уже

не набат, но песнь умирающего, последний голос души, отлетающей с родины. Все из числа группы, стоявшей на горе, зная обет старика, слушали сей звон с мучительной тоскою и с трепетом ожидали падения колокольни, которой основание, как прежде подверженное огню, скоро должно было рушиться. Сия убийственная минута приспела: колокольня видимо пошатнулась, и звон сделался беспорядочным. Казалось, руки, производившие его, поражённые страхом смерти, затрепетали. Колокольня начала склоняться более и более, звон делался чаще и чаще, наконец колокол умолк и колокольня рухнула. Все сняли шапки и перекрестились.

— Ну, бедный старик! — сказали казаки в один голос. — Отзвонил! Дай Бог царство небесное! Говорили, что, связавшись в молодости с бунтовщиками, он-де сам зажигал эту церковь, но, верно, Господь сжалятся над ним и простит его душу!

— О, если, — вскрикнула Мария, — и дед мой погиб!

— Нет, он жив, — сказал подошедший к толпе в сию минуту казак. — Я нарочно смотрел из лесу на пожар. Из церкви всё почти вытаскали и все вышли, кроме одного бедного трапезника, а ему сколько ни кричали — не сошёл, звонит себе, да и только...

— Ну, Виктор Иванович, — прервал Ивашкин, — пора отправляться далее. Соберитесь с силами, Марья Алексеевна! Если Господь сможет отойти дальше, то там отдохнёте.

— Я готова! — сказала Мария, став бодро на ноги, хотя приметно было, что она делала это с крайним напряжением, превозмогая слабость тела силою духа.

Снова отделившись от казаков, уговорившихся перейти к пустыням Тигиля, трое странников — Виктор, Мария и Ивашкин — пошли к востоку, пробираясь через леса и горы. Вся ночь прошла в побеге. Утро застало их в сильном изнеможении, особенно Марию. Склонясь на колена к Виктору, она едва слышным голосом прошептала:

— Друг мой! Я чувствую, что не могу далее идти. Оставь меня здесь — и спасайся!

— Мария! Тебя оставить? Тебя оставить, милая Мария? — воскликнул Виктор, задыхаясь от слёз.

— Что ж делать, милый друг мой! Мне не суждено здесь наслаждаться счастьем. Оставь меня и беги от гонителей. По крайней мере, я не буду чувствовать пред моим концом этой ужасной мысли, что я была причиною твоей гибели!

— А я разве могу умереть спокойно, оставя тебя в этой пустыне на произвол смерти? Нет, Мария! Я сто крат умру сам прежде,

нежели смерть коснётся твоего чела! И я уже клялся в этом пред алтарём того, кого обмануть смертный не может!

— О, милый мой! О, безценный Виктор! Ты напрасно давал эту клятву: она губит тебя, но меня спасти не может. Я слышу, как уже смертная слабость разливается по моим членам и как жизнь погасает...

— Боже Всемогущий! — воскликнул отчаянный Виктор. — Она умирает!

В эту самую минуту раздались вдалеке за лесом ружейные выстрелы и смятенные крики, по-видимому обороняющихся.

— Виктор Иванович! — вскричал прибежавший из леса Ивашкин, ходивший за хворостом. — Поспешим на помощь: разбойники напали на проезжих.

— Нельзя мне, Мария моя умирает!

— Поди, друг мой! — прошептала Мария, приходя в чувство. — Неравно злодеи убьют их, на тебе останется грех, что ты не помог им!

— Но ты как останешься, Мария?

— Мне легче!

Выстрелы зачастили, крик усилился: «Разбой! Грабят! Бьют!»

— Беги, беги, Виктор! Помоги несчастным! — вскричала Мария.

Виктор, не медля более, выхватил из ножен саблю и кинулся вместе с Ивашкиным. Выбежав из леса, они увидели, что бились шестеро сидевших на лошадях и что четверо из них, по-видимому разбойники, прикрытые личинами, нападали на двоих, которые хоть и храбро оборонялись, но, обагрённые кровию, приметно начинали ослабевать, между тем как злодеи, видевшие их изнеможение, увеличивали ярость натиска. Появление помощников внезапно переменяло судьбу битвы. Мичман одним разом свалил одного из разбойников с лошади, в то же время как Ивашкин ошеломил другого дубиною по голове. Остальные два ударили по лошадям и кинулись бежать, Виктор и Ивашкин, схватив ружья убитых разбойников и вскочив на лошадей их, кинулись вслед за бегущими. Один из сих последних, проворный и ловкий, скоро скрылся из виду, пролетев стрелою по чаще леса, а другой, маленький, тощий мужичишко, по-видимому ослепнувший от страха как заяц, набежал на ветви посохшаго дерева и, наклонившись под них, попал пучком своей огромной косы на сук и, соскользнув с бежавшаго коня, повис, как новый Авессалом, между небом и землёю. Увидев сие, мичман в порыве запальчивости приложился к ружью и хотел было отправить мошенника к его товарищам, но Ивашкин остановил его.

— Стойте, Виктор Иванович, посмотрим, что это за человек. Сдаётся мне что-то знакомое!

— Батюшки! Простите, взмилуйтесь надо мною окаянным! — вопил повисший на суку разбойник.

— Так и есть! Это Сумкин! Что это, Антроп Спиридонович! Уж разбойничать, брат, пустился?

— Лукавый попутал меня, грешника!

— А я так думаю, что ты, брат, всякаго лукаваго сам спутаешь!

— Простите, помилуйте, отцы родные! Ей Богу, ни в чём не виноват: начальник-злодей велел мне убить Хапилова!

— А ты и послушался!

— Что мне делать? Отцы родные! Разсудите сами: моё дело подначальное, могу ли я послушаться?

— Вот, Виктор Иванович, здешния понятия о повиновении! Велят осудить, убить, ограбить — на всё готовы!

— Как же быть иначе, батюшка Аркадий Петрович? Могу ли я противу начальника рот разевать? Да ведь он меня отдаст под суд, так я с голоду пропаду, да и кости-то мои изгниют прежде, чем окончится дело.

— Всё так, но лучше пусть бы изгнили твои кости под судом, чем ходить на разбой. Ты обязан слушаться начальника, но помнить и то, что есть государыня, которая вознаградила бы твоё невинное страдание.

— Ох, отец ты мой родной! Где же нам разсуждать так? Кабы мы были учёные, а то ведь мы люди тёмные, неведущие! Прости ты меня, батюшка Аркадий Петрович! Сжался ты надо мною! Сними ты меня, родимый! Нет моченьки более!

— Сжалился бы я над тобою, но скажи мне прежде: для чего ты не хотел сжалиться над бедным Зудюю и думал еще терзать его, когда несчастный старик, спасший вам жизнь, был уже при смерти?

— Не поминай ты этого, батюшка! Заблуждение, родимый, заблуждение! Кто не падал в жизни своей, и апостол говорит: *«Вижу ин закон...»*

— Антон Григорьевич, — прервал строго Ивашкин, — вас всех научил говорить текстами, и я тебе скажу также текстом: *«Нет милости не творящему милости!»* Оставайся здесь, покамест твой наставник придёт освободить тебя!

При отходе Ивашкина Сумкин закричал столь ужасным голосом, что добрый старик решил было его снять, но опять, вспомнив скотскую жестокость сего мошенника над его другом, сжал

сердце и поспешил от него скорыми шагами. Голос, теряясь в глуши леса, умолкал, умолкал и замолк.

Между тем Виктор был уже с Мариною, которая, хотя по удивительному великодушию своему и убедила его оставить её и спешить на помощь, не могла не почувствовать болезненного опасения при его уходе и ощутила самую живую радость при его возвращении. Залившись слезами, она прижала Виктора к своей груди, и, казалось, жизнь, сжалившись над прекрасным творением, возвратилась к нему с прежнею полнотою. Действие ли радости, свежесть ли утра и несколько минут отдохновения, только Мария почувствовала себя гораздо лучше. В сие время возвратился и Ивашкин вместе с Хапиловым, перевязывавшим во время преследования разбойников свои раны. Хапилов выразил свою благодарность мичману самым живым образом и, будучи добр и чувствителен, просил Виктора уговорить Ивашкина позволить ему спасти своего злодея Сумкина.

Несмотря на убеждения мичмана, Ивашкин противился сему, говоря в опровержение:

— Помилуйте! Что щадить злодея, который сам отроду никого не щадил и всегда хвастался своею жестокостию? Ведь не мы его повесили: он сам набежал на виселицу!

Но когда и Мария присоединила свои просьбы, то Ивашкин, любя её, как ангела, не противился более.

— Ну, делайте, Евгений Петрович, что хотите, только подольше не отпускайте его, мошенника, дабы мы могли далее уехать!

— Слава Богу! — сказал мичман, — что теперь нам можно уже не уйти, а уехать!

— Вот как, — присовокупила Мария с чувством, исполненным глубокой веры, — Бог скоро награждает наши добрые дела! Если бы ты, Виктор, не поспешил на помощь к Евгению Петровичу, то теперь должны бы мы были идти пешком почти с неизбежною опасностью попасться в руки нашего врага.

Распрощавшись наконец с Хапиловым, наделившим Виктора и Ивашкина порохом, пулями и пищею, наши странники отправились далее. Мария села вместе с Виктором.

XXVII. ПОГИБЕЛЬ

— Расскажите мне, Аркадий Петрович, подробнее, — сказал Виктор, едучи лесом, упиравшимся в небо, — куда вы намерены нас провести? Тогда хоть вы мне и рассказывали, но, признаюсь, быв в сильном волнении духа, я худо понял.

— Вот, видите: если ехать, — отвечал Ивашкин, — известными дорогами, нас тотчас догонят, а потому мне и хочется проехать этими горами к морю. Там, насупротив Топоркова острова, в страшной глуши и в горах живёт мой старинный знакомый камчадал Тонач. Он давно сказывал мне, что недалеко от его жилья, на берегу моря, есть пещера, в которой один может защищаться против целой толпы и которую кроме его никто не знает. Я сам хотел уйти туда, чтобы скрыться от злобы людей. О! Этот мир так суетен и так печален в глазах моих!

Виктор, не спрашивая более, совершенно предоставил свою судьбу своему опытному путеводителю. Много лесов и гор переехали они. Ивашкин, знавший совершенно сии места, умел выбирать для проезда дорогу если не совсем удобную, то по крайней мере, не самую трудную. Объехав большой круг, к вечеру въехали странники на вершину высокой горы, проходившей по берегу моря, откуда к востоку раскрылся океан во всём своем безпредельном величии, а к западу раскинулись шатры высочайших сопок.

Ивашкин, окинув глазами сию великолепную картину, внимательно посмотрел на шатер Авачинской, из которого густой чёрный дым, выходя неизмеримым столбом и упираясь в небо, явственно означался на лазоревом фоне заката.

— Что-то, — сказал Ивашкин, покачав головой, — этот дым больно чёрен и высок, это не предвещает добраго!

— Правда твоя, бачка! — сказал подошедший к нему камчадал, по обыкновению своему не сделав никакого предварительного приветствия.

— Ба! Это ты, Тонач! Как ты сюда попал? А мы к тебе ехали.

— Хорошо, хорошо, бачка! Я рад гостям, особенно старым приятелям.

— А, верно, сам в гости собрался?

— Нет, бачка! Я поехал промыслять тюленей да вздумал взойти прежде посмотреть на горелую сопку: какова? Нынче, бачка, что-то гамулы сильно развозились, вон оногдась (недавно, на днях) так всколыхалось море, что мой товарищ Брюнча и теперь ловит тюленей за хвост на дне у Изменного камня...

— Ну что же, — спросил Ивашкин, — как тебе кажется?

— Худо, бачка! Надобно пообождать здесь несколько, а то, храни Бог, волнами захлещет. Пойти вытащить байдару на берег да привязать покрепче.

— А это кто плывёт? Ещё три байдары.

— А это, кажись, Чакач со своими детьми! Вишь, бачка, и они тоже вытаскивают байдары на берег. Да, теперь на воде страшно! Только и здесь, бачка, нельзя оставаться.

— Отчего так?

— А слышишь, как земля звенит под копытами лошадей? Тут, верно, пустое место, и буде зашевелятся гамулы, то как раз обрушится!

— Тонач заметил дельно! — сказал Ивашкин, обратившись к мичману. — Камчадалы по духу знают, где опасность. Поедемте далее, Виктор Иванович!

— От чего же эта пустота? — спросил Виктор.

— Вы видите, что окружные горы почти все имеют вид огнедышущих. Мудрено ли, что горн их простирался и под этою горою. Таких мест, где примечается в земле пустота, в здешней стране весьма много.

Съехав с пустаго места, странники сошли с лошадей и опять обратили взоры на горелую сопку, из коей дым валил всё гуще и гуще, разстилаясь чёрною полоскою по движению ветра и закрывая багровое солнце, как бы подёрнутое гневом на Вселенную. По мере как вечерел день, начинало показываться в густоте дыма столба красное пламя, прорывавшееся змееобразными чертами. Но в то самое время, как Виктор и Ивашкин смотрели с тайным трепетом на сие грозное предвестие ужаснейшаго из явлений природы, Мария нечаянно встретила глазами предмет, ещё более поразивший ужасом её сердце. В конце долины из глубины леса выезжала толпа всадников, кои, казалось, приметя на горе наших беглецов, кинулись к ним во весь скак.

— Виктор! Кто это? — сказала Мария с ужасом на лице.

— Не знаю, моя милая! — отвечал мичман, также ужаснувшийся. — Но если это и погоня, то ещё мы постоим за себя. Теперь у нас есть по надёжному товарищу (он потряс ружьём)!

— Да, это точно погоня! — подтвердил Ивашкин, молча всматривавшийся до того в приближавшуюся толпу. — Я узнаю и начальника. Вон, видите, порывается наперёд всех. Видно, что адское нетерпение пожигает его душу!

— Но кто ж освободил его?

— Разве думаете вы, что один только Горбунов готов был искупить себе прощение ценою измены? Он изменил товарищам, мог изменить и другой!

— Но не понимаю, как они могли напасть на наш след?

— Весьма просто! Догадываетесь ли, кто трясется позади всех?

— Кажется, это мерзавец Сумкин!

— Так теперь вы видите, что я недаром хотел его оставить на виселице. Если бы он висел на ней, то не показал бы дороги злодею!

— Но как он мог это сделать?

— Ему стоило только указать первое место, где вас увидел, а тут уж камчадалы хоть кого выследят!

— Что ж нам делать теперь?

— Надеяться на Провидение! — отвечал старец со спокойною важною.

— Великий Боже! — воскликнула Мария, с ужасом наблюдавшая над преследователями. — Злодеи уже поднимаются на гору!

— Спасёт или нет нас Провидение, — сказал мичман в некотором изступлении, — но злодей, нас преследующий, падёт первый!

Положение сих несчастных было самое беспомощное. Побег на суше был невозможен, ибо дальнейший путь по горе пересекался ужасными рытвинами, а падь была покрыта тундрою. Тут и там можно было пробираться только самою тихою и осторожною ездою. Пуститься в море значило броситься на верную смерть, потому что признаки близкаго землетрясения, слишком хорошо затверженные камчадалами, были не подвержены сомнению. Но между тем как злополучные странники колебались в выборе средств, толпа, преследующая их, поднялась на гору и скакала вдоль по вершине во всю прыть, предводительствуемая бешеным злодеем. Мичман взвёл курок и, несмотря на убеждения Марии и увещания Ивашкина, стоял с поднятым ружьём, ожидая приближения начальника. Увидев сие грозное положение своего противника, злодей осадил вдруг лошадь саженьх в двадцати от своих жертв и также приложившись к ружью, вскричал с адскою яростию:

— Сдайся, или смерть!

— Смерть! — вскричал ужасным голосом мичман, прицелясь в изверга.

Оба они сделали одинаковое движение, и оставалось одно мгновение, чтобы свершиться величайшему из преступлений. Мария была почти без чувств, Ивашкин смотрел с ужасом, видя тщету своих слов, толпа, окружавшая злодея, также стояла в изумлении и бездействии, невольно сопровождающем единоборство. Наконец замки щелкнули, и что ж? По странной игре случая или по воле высшего существа, взирающего всегда отеческим оком на наши заблуждения, как бы то ни было, ружья обоих соперников дали вспышку. Казалось, и бездушное вещество устрасилось ужаснаго дела, для котораго оно было избрано, но сердцу человеческому

в час ярости нет ничего страшного! Курки опять были взведены, опять насыпан порох на полку, опять ружья пришли в убийственное направление, но уже сама природа возстала против нарушения ея законов: ужасный, невообразимый удар пролетел под землю. Гора дрогнула в основании, всё дышавшее на ней встрепетало. И во всеобщем коловороте Вселенная человека ожидает не более как та же смерть, которую он вкушает иногда на мягком и спокойном ложе, но, несмотря на то, общее смятение, общий трепет природы, когда мнится, гнев Божий грядёт на преступную обитель человека и дух ярости его сокрушает грешную землю, в сии минуты человек содрогается, трепещет, замирает несравненно сильнее, нежели пред самую кончину в обыкновенное течение мира. Тогда как бы спадает мгновенно с глаз его завеса греха, сокрывавшаго от него истинное его отношение к Творцу, и величие Всемогущаго, равно и ничтожество пред ним виновной твари открывается во всей поразительной ясности. Вероятно, сие самое действие имел страшный глагол природы и на сражавшихся. Оба они опустили ружья и, казалось, забыли свою злобу. Однако ж едва устанилась земля, как опять ненависть вспыхнула и в сердцах, опять ружья были направлены, и вторичный сильнейший удар потряхнул гору с непостижимою силою, мгновенно низвергнул ея вершину в пустое недра, и глубокая пропасть разделила отца с сыном, готовых навести взаимно по смертельному удару. Густое облако пыли задёрнуло обе стороны пропасти и скрыло друг от друга противников. Между тем удары увеличились, и когда ветер пронёс пыль, пред глазами бывших на горе открылось зрелище вместе страшное и великолепное. Возмущённый в ложе своём океан с неизъяснимым рёвом и шумом то взбегал кипящими горами на сушу, то опять убегал на великое расстояние от берега и обнажал подводныя скалы, искони сокрытыя от пытливаго взора.

— Какое страшное зрелище! — говорил Ивашкин, глядя с ужасом на возмущение океана. — Смотрите: вон Три Брата (скалы, высунувшиеся из воды) едва теперь показываются из воды, а ведь они в обыкновенное время сажен на пятьдесят выше моря.

При новом ударе набежавший на землю океан опять схлынул и скрылся от взоров, снова обнажив подводные утёсы. Потом ещё раз то же повторилось явление. Казалось, взбунтовавшаяся бездна хочет ниспровергнуть свои границы и залить навсегда возвышавшуюся над ней сушу.

Во всё продолжение этого страшного явления гора, на которой спасались от потопления и гонимые, и гонители, колыхалась как

волна, наводя неизъяснимый ужас на сердце. Вся окрестность была также в грозном движении: горы и леса волновались как море с глухим необъятным гулом, как падение многих рек. Нет слов, нет кисти, чтобы живо представить эту картину. Вся природа: и океан, и земля были в содрогании, в трепете, в ужасе. Это было, может быть, хотя и слабое, но верное подобие того страшного дня, когда погаснет солнце, померкнет луна, спадут звёзды с неба и силы небесныя поколеблются.

Но скорее могла успокоиться вся необъятная природа, нежели утихнуть ненависть и буйная страсть в сердце злодея. Видя, что землетрясение кончилось, губитель опять начал преследование.

— Казаки! — закричал он. — Долой с лошадей, обходи пропасть, лови мошенников!

— Попробуйте, злодеи! — кричал отчаянный мичман. — Каждый, кто отважится ступить на гору, заплатит за это жизнью!

— Послушайте, Виктор Иванович! — сказал Ивашкин. — Вы видели, что сам Бог предохраняет вас от преступления. Не искушайте более его благости!

— Разве вы хотите опять отдаться в руки злодея? Для чего же было и бежать нам?

— Нет, я не хочу отдаться ему, но теперь есть средство спастись и без пролития крови. Вы видите, что злодеям нельзя иначе напасть на нас, как только с этой стороны, между тем как мы тотчас можем достигнуть моря.

— И что ж тогда?

— Возьмём байдары и отдадимся на произвол Бога. Вы уже знаете, что Марья Алексеевна умеет ездить в байдарах, да и мне не учиться этому.

— Ах, Виктор! — вскричала Мария. — Не думай более, решайся: время дорого!

— Я на всё готов и думаю не о себе, а только о твоём спасении...

— Если так, то пойдём скорее! Пусть же поглотит нас море, по крайней мере, мы умрём вместе!

— Шевелитесь проворнее, изверги! — раздался вдали дикой рёв начальника. — Я вас всех перемерю в тюрьме, если упустите бунтовщиков!

Но как ни ярился злодей и как ни спешили его подчинённые, наши странники успели между тем достигнуть моря, ибо преследователи не могли прямо сойти на берег по причине почти перпендикулярного отвала горы на большое расстояние и должны были прежде спуститься на противоположную сторону и потом

уже подняться на вершину, где спасались гонимые. В сие время, достигнув берега, Виктор и Ивашкин проворно отвязали байдары, о которых нужно было Ивашкину сказать добрым камчадалам, притом давнишним его знакомым, только несколько слов, обещая впоследствии щедрое вознаграждение и представля опасность своего положения. Наконец байдары были спущены на море, бегущие сели — Виктор с Мариюю, Ивашкин один. Ветер дул с берега, волны стремились в море, и лёгкие челноки помчались как стрела по пенившимся их хребтам. Тогда прибежал на берег начальник.

— Разбойники! Злодеи! — закричал он в величайшем бешенстве на камчадалов, — как вы смели подать помощь бунтовщикам? Всех вас перевешаю!

Вслед за ним сбежались и казаки.

— Спихивайте байдары, — вопил начальник, — садитесь проворнее, гонитесь за мошенниками. Ловите, стреляйте, если не останутся, бейте их, топите, губите разбойников!

Между тем ветер, разыгрываясь более и более, подул с ужасною силою. Валы заходили горами, и убегающие челноки скрылись во глубине.

«Ха, ха, ха!» — раздался в сие мгновение дикой хохот на обвалившейся горе. Изумлённая толпа взглянула наверх. Там, на высунувшемся из обвалу камне, стояла цыганка, освещенная, как фурия, красным пламенем гаснувшей зари, с развевавшимися по ветру волосами.

— Ха, ха, ха! — кричала она с адскою радостью, указывая на исчезнувшие челноки. — Поздравляю, злодей: ты погубил своего сына!

— Что ты вопишь, злодейка? — вскричал начальник, вполонину разслушав крик цыганки, мешавшийся с шумом ветра.

— Поздравляю тебя, злодей, с радостью: ты убил жену, а теперь погубил сына!

— Замолчи, фурия, или я пришибу твой проклятый язык!

— Бей, но знай: это точно сын твой! Вот тебе доказательство (она бросила узелок)! Тут его рубашка, в которой я его украла у вас, тут его крест, который ты надел на него, снявши с себя, тут его ладанка, в которой вложена записка собственной твоей руки о его рождении...

Начальник схватил узелок, с нетерпением разорвал ладанку и с ужасом прочитал свою записку.

— Злодейка! Для чего ты не сказала мне это прежде?

— Изверг! Ты погубил мою молодость, ты убил мою жизнь. Я дала клятву отомстить тебе и сдержала её! Теперь веселись, если

можешь, сыноубийца! Вон твой сын! Вон погибает в волнах! Вон челнок опрокинулся, и твой сын, борясь со смертью, проклинает тебя, мучитель!

— Фурия! Замолчи! — возопил обезумевший преступник, ударив её из ружья.

Пуля просвистала мимо, и цыганка с новою злостию начала мучить его своею адскою речью, но он уже не мог слушать её. Бурные, тяжкия мысли потоком хлынули на его душу.

— Друзья мои! — кричал он, не помня сам себя. — Спасите меня от сыноубийства! Бегите, воротите его, возвратите мне сына!

В это время бежавшие челноки опять показались на поверхности валов, чуть-чуть чернеясь в отдалённости.

— Он ещё жив! — завопил терзающийся грешник. — Он ещё жив! Летите, воротите его! Горе мне, если я погублю его!

Несколько казаков проворно сели в оставшиеся байдары и бросились в море, отважно презирая жизнь и только думая о том, как бы исполнить волю своего начальника, сколько он ни был не достоин сего имени. Но чем они больше старались догнать бегущих, тем более сии последние употребляли усилий от них удалиться. Буря и ночь наконец поглотили их, и гибель несчастных совершилась: посланные воротились с этой вестию.

— Так он погиб! — вскричал начальник, разодрав на себе одежду. — Сын мой погиб от руки моей!... И вон, вон в облаках... Видите ли? Это тень жены моей!.. О как взор её пробивает мою душу и рвёт сердце! Слышите ли, как хохочет ад надо мною (в это время был слышен хохот цыганки)? Видите ли, как духи злобы стремятся на меня... О, скорее! Разорвите на части моё тело... Разступись земля и сокрой меня от мучений!

(Закалывается и упадает.)

...Лето сменилось зимою, зима летом. Опять наступила зима, и снова возвратилось лето. Боже мой! Как удивителен, непостижим этот вечный, несомратимый ход природы, стирающий, как пыль, на пути своём жалкия поколения людей. В течение века измират всё, жившее при начале его. И если иногда остаются на лице всей земли два-три человека, перешагнувшие за грань другого столетия, то что жизнь их? Неутолимая скорбь изгнанника, блуждающего в чуждой пустыне, безконечный ропот страдальца, горящего на развалинах роднаго пепелища! Настоящее поколение для них чуждо: одинокая душа летит в прошедшее, тщетно силится вызвать оттуда погибшие лики и, утомлённая, жаждет успокоения

в могиле. Да, столетие для целого поколения людей — есть предел непроходимый, и — ужасная картина! — всё младое, всё прекрасное, всё милое, всё дышавшее геройством и славою, всё блиставшее знанием и мудростью, всё гордившееся блеском величия и могущества — все, от царя до последнего раба его, встретившие первый день столетия, лежат в последний распостёртые в гробах, преданные смерти и тлению! Такова судьба целых поколений, а чтобы измениться одному человеку — много ли надобно? И между тем природа течёт безмолвно и несократимо, совершая свои роковыя круговращения!

Таким образом, в два года, протекшие со времени происшествий, нами описанных, с лицами, действующими в нашей повести, случилось весьма многое. Самая смерть не забыла собрать своей дани.

Три новые креста чернелись близ одинокаго дерева, осенявшаго славную могилу Клерка. Над одним из сих памятников, рано поутру в ясный летний день стоял человек довольно высокаго роста, кроткой и важной физиономии, погруженный в глубокую думу.

— Бедная Ольга! — сказал он наконец, тяжело вздохнувши, — когда я смотрел на тебя во дни юности, в то время, когда ты, исполненная жизни, была и мила и прекрасна, мог ли я тогда думать, могла ли вкрасться в ум мой эта страшная мысль, что пройдёт несколько лет, и я буду поспирать твой прах, заброшенный в дикую пустыню? Вот что сделали с нами люди!

Незнакомец слова умолк. Казалось, думы его становились мрачнее и мрачнее, ибо черты лица его, постепенно изменяясь, приняли выражение величайшей скорби. По некоторым от времени до времени вырывавшимся словам можно было заключить, что сердце его было исполнено страшнаго ожесточения против людей, но, несмотря на сие, это был человек, самый расположенный ко благу других, свойство, давно подмеченное в так называемых мизантропах. Ревизуя Камчатку (нужно ли объяснять, что это был ожидаемый ревизор?), он не старался отличиться пред начальством преувеличением своих изысканий в открытии злоупотреблений, но, напротив, стараясь смягчить преступления виновных, поставил начальство на настоящую точку зрения, с которой надлежало их рассматривать как следствия невежества и превратных понятий. Дело Тенявы было главное, на которое ревизор обратил своё внимание. Признание Сумкина, показания казаков, слышавших покаяние фельдшера, отзывы приказных, бывших свидетелями раскаяния дьячка, наконец, удостоверение Хапилова — были достаточным основанием к оправданию мичмана и протопопа. Следствие было представлено в Иркутск, а до

разсмотрения онаго и до приезда новаго начальника ревизор должен был управлять Камчаткою. Время управления его было общим праздником сей страны. Наконец настал день его отъезда, и, посещая часто драгоценную для него могилу, он пришёл пролить все послѣднія слёзы и сказать незабвенному праху вечное прости. Размышления его были прерваны приближением Хапилова.

— Василий Михайлович! — сказал сей послѣдній, придя нарочно для того, чтобы помешать мрачной меланхолии ревизора, любившаго часто предаваться мечтанию и тоске, разрушавшей видимо его слабое здоровье. — Василий Михайлович! Начинается ветер с земли, и капитан спешит отправляться...

— Это вы, Евгений Петрович! — отвечал ревизор, как бы проснувшись от усыпления. — А я замечтался здесь. Прошедшее так столпилось в душе и все минувшія огорчения так живо представились уму над этою могилою!

— Что делать? Горесть есть общий жребий людей!

— Меня терзает не моя участь. О прошедшем бедствии уже сетовать нечего, но та мысль, что люди, долженствующие быть агнцами, обратились в тигров! Вот перед нашими глазами чья могила? Адскій дух, получившій власть над подобными себе, мог ли бы управлять с большею лютостию?

— Но злые необходимы в мире. Если бы не было их, мы не знали цены добродетельным. Если бы не было Антона Григорьевича, Камчатка не могла бы чувствовать в полной мере выгод добраго управления, какими пользовалась она во время пребывания вашего...

— Я исполнял свой долг, и об этом ни слова! Но не лучше ли было бы, если бы все начальники думали только о выполнении своих обязанностей, о благе страны, вверенной им от престола?

— Василий Михайлович! Вам известно: я много терпел от Антона Григорьевича и безукоризненно могу говорить об нём всё. Но я должен сказать, что и во время его управления много было сделано полезнаго: города получили лучшее наружное устройство, исправлены дороги, и там, где вовсе не возможно было проезжать, проложены пути весьма удобные, в присутственных местах водворена чистота, порядок, устройство...

— Я не осуждаю этого. Это прекрасно и необходимо. Но главнейшее дело всякаго начальника — благо народа, облегчение его нужд, призрение сирот, защита невинному и наказание виновному, вообще — кротость, снисходительность, человеколюбие, правосудие...

— Но чтобы всё это выполнить и не падать — надобно много иметь силы в душе!

— Антон Григорьевич имел её довольно, но, к несчастью, он обратил её не на добро. Человек злой и глупый ещё не опасен. Он легко падает сам в яму, приготовляемую для других, но умный и злой!.. О как трудно избирать людей для управления вдали от правительственного взора!

— Но теперь жребий Камчатки, слава Богу, переменился: нынешний начальник, как кажется, человек умный и добродетельный...

— Да, правительство, бдительно заботящееся о благе здешней страны, нарочно избрало его, дабы залечить прежние раны. Он давно известен своею справедливостию, умом и усердием...

— Жаль, что глаза мои не увидят уже благоденствия моей родины!

— Не жалейте! Наше отечество — вся Россия, и благоденствие самой отдалённой от Камчатки области должно вас столько же занимать, как и родины! В Иркутске вам принадлежит лучшее поприще, и с вашим умом и честностию, я надеюсь, вы проложите себе прекрасную дорогу... Однако ж мы заговорились. Ветер крепчает, и в самом деле нам пора отправляться... Что же наши спутники? Ивашкин не едет?

— Нет! Он уж свыкся с Камчаткою и не хочет её оставить. В первые минуты по объявлении ему прощения он порывался было мыслями на родину, но потом сказал сам себе: «Что я мыслю, безумный? Для чего мне возвращаться туда? Чтобы видеть могилы моих друзей и родных? Печальное утешение! Нет, время уже прошло, и теперь, где лягут мои кости, всё равно!» После этого он твёрдо решился остаться здесь и отвергнул все убеждения Виктора Ивановича и Марьи Алексеевны.

— А правда ли, что они берут с собою безумного дьячка?

— Они это делают из сожаления к нему. Когда он был не в своём уме, и тогда был человек совершенно пропащий, а теперь, помешавшись, должен здесь погибнуть с голода...

— Вот следствие пустаго мудрования! Толкуя о вещах, не постижимых для разума, человек может попасть только на две дороги: или сойти с ума, как Шайдуров, или подвергнуть сомнению и попортить всё священное... О какое было бы счастье, если бы наше отечество, принимая просвещение от запада, могло отделять для себя одно только полезное и не допускать на русскую землю этого проклятого вольнодумства!

— По моему мнению, вольнодумство есть то же, что злодеяние...

— И одно из величайших! Грабитель, разбойник, убийца наносит вред частный, причиняет зло одному или только нескольким

лицам, а вольнодумец, подкапывая основание веры и престола, погубляет целое царство. И между тем...

— Часто наслаждается и славою, и честью, всеми выгодами жизни, как, например, какой-нибудь Вольтер?

— А разбойник бежит в леса и, влача жизнь в нищете, в бедствии, в страхе, погибает наконец на эшафоте, или гибнет без места, подобно цыганке!

В сие время показались вдали Виктор и Мария, шедшие также на кладбище. На лицах их была написана печаль, но не скорбь, ибо жребий их переменился, а к утрате, понесённой ими, сердца их уже начали привыкать. Мичман остановился при могилах отца и матери. Мария подошла к третьей: тут лежал ея дед.

— Мария! — сказал мичман, смотря на лившиеся из глаз ея слёзы. — Ты оплакиваешь того, кто провёл жизнь добродетельно, умер как христианин на руках твоих и кого в вечности ожидает блаженство праведных, а я?.. Вообрази, как должно раздираться моё сердце, когда я смотрю на эту могилу! О Боже мой! Это был мой отец, несчастный отец... убийца моей матери!

— Виктор! Божие милосердие неизмеримо: ты знаешь, что разбойник, умерший на кресте...

Виктор не отвечал ни слова. Он не плакал, но сердце его было стеснено ужасно.

— Успокойся, Виктор. Если наш отец был более виновен перед кем, то пред нашею матерью, а этот ангел, верно, простил его и, может быть, у престола Всевышняго молит сам о спасении его души...

— О, друг мой! — воскликнул мичман, прижав Марию к своей груди. — Как ты умеешь облегчать моё сердце!.. Да, мать моя была ангел на земле, и она точно простила ему... Прости, прости ему, — повторял Виктор, залившись слезами и став на колена над могилою начальницы, — прости ему, небесный дух моей матери!

Раздался пушечный выстрел: это был сигнал с корабля, готовящегося к выходу из гавани. Мичман отёр слёзы и, подняв руки к небу, сказал с глубочайшим чувством:

— Там увидимся!

В сие время ревизор и Хапилов, скрывшиеся за деревьями, дабы не мешать изливаюнию чувствования Виктора и Марии, услышав выстрел, также вышли из лесу и вместе с ними пошли к гавани. На берегу стоял Ивашкин, с глубокою печалию смотря на приготавлиющийся корабль. Мичман и Мария кинулись в его объятия и залились слезами. Старик сам плакал, как ребёнок, но был непреклонен к их убеждениям.

— Аркадий Петрович! — говорил мичман. — Мы вам всем обязаны. Вы освободили нас из темницы, дали средство спастись от гонения и были нашим ангелом-хранителем во всё время нашего странствования. Без вашей опытной помощи, без вашего знакомства с дикими обитателями Анадыра, занесённые бурей на его бесплодный и дикой берег, как бы мы могли спастись от неизбежной гибели? Словом, наша жизнь, наше счастье — всё ваше, и чем же мы вознаградим вас за это? Убедитесь нашими слезами! Вы заступите нам место наших родителей, мы употребим все усилия, все средства, всё достояние, чтобы успокоить вашу старость, чтобы усладить последние дни вашей жизни...

— Согласитесь, — присовокупила Мария, почти рыдая, — пожалуйста, согласитесь, Аркадий Петрович! У вас здесь нет никого. Мы заменим вам родных, друзей, мы будем вашими детьми, самыми нежными детьми...

— Полноте, перестаньте, дети мои! — говорил старик, задыхаясь от слёз. — Ехать с вами мне уже нельзя. Эта пора прошла давно, и темница моя сроднилась со мною. Так не отягчайте моей разлуки с вами, вы видите, я сам плачу, как дитя!

Ещё раздался сигнал с корабля. Ивашкин вырвался из объятий Виктора и Марии и пошёл скорыми шагами по берегу с намерением взобраться на прибрежный холм с восточной стороны. Между тем корабль, распустив паруса, выступил из Петропавловской гавани и, пересекая волны, быстро понёсся по протяжению губы Авачинской. Виктор и Мария, стоя на палубе, не сводили глаз с рокового холма, где стоял старец, подпершийся на посох и освещённый утренним солнцем. Несколько раз они махали платком, старик отвечал наклонением головы. Но холм всё более и более тонул в отдалённости, фигура стоявшего на нём человека, теряясь постепенно, едва уже сохраняла своё очертание, потом слилась в одну чёрную точку, наконец, совершенно смешалась с синевой воздуха и исчезла навсегда! Не так ли исчезает и память людей в глубине времени?

Завершают рубрику «Камчатская историческая библиотека» публикации автора, который её некогда открывал в первом выпуске «Вопросов...» (с. 104—149), — известного камчатского общественного деятеля и учёного второй половины 1910-х — начала 1920-х гг. А. А. Пурина. Первая часть воспроизводимых ниже его воспоминаний была опубликована в выходившем в Праге основанном русскими эмигрантами журнале «Вольная Сибирь» № 2 за 1927 г., вторая — в № 6—7 этого же издания за 1929 г.

А. А. ПУРИН

В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ В ОХОТСКО-КАМЧАТСКОМ И ЧУКОТСКО-АНАДЫРСКОМ КРАЕ (1917—1918 гг.)

Пурин Александр Антонович родился в 1885 г. в г. Валк (Лифляндия) в бедной крестьянской семье. Трудиться начал в десятилетнем возрасте после смерти родителей. Окончил Санкт-Петербургский электротехнический институт, назначен метеорологом в Петропавловск, куда прибыл в июне 1910 г. В 1915—1918 гг. заведовал Петропавловской сейсмической станцией. Проявил склонность к научной работе, занимался изучением извержений вулканов и землетрясений, печатался в местной газете «Камчатский листок», редактировал газету «Камчатский вестник». Видный камчатский администратор и общественный деятель, стоял у истоков местного самоуправления. В 1917 г., после падения монархии, избран членом Камчатского областного комитета, затем стал его председателем. Летом 1919 г. назначен заведующим гидрометеорологической частью Владивостокской морской обсерватории. В 1922 г. — член Особого совещания по культурно-экономической помощи населению Камчатки при Временном приамурском правительстве, затем руководитель канцелярии последнего начальника Камчатской области досоветского периода генерала П. М. Иванова-Мумжиева. 2 ноября 1922 г. покинул Петропавловск в преддверии занятия его красными партизанами. В эмиграции жил в Китае (Циндао, Шанхай), являлся активным деятелем сибирского областничества, представителем совета уполномоченных организаций Автономной Сибири в Циндао, был членом Бюро по делам российских эмигрантов. Автор ряда научных работ, инициатор издания юбилейного сборника в память 200-летия со дня основания Петропавловска. Арестован в Китае в июне 1952 г., доставлен в СССР, находился под следствием в Хабаровском управлении МГБ по обвинению в антисоветской деятельности. 10 августа 1952 г. умер в тюремной больнице. Похоронен на городском кладбище в Хабаровске.

Реабилитирован в 1999 г. по инициативе В. П. Пустовита, тогда директора Центра документации новейшей истории Камчатской области. Более подробные сведения о А. А. Пурине приведены в девятом выпуске «Вопросов...» на с. 474—477.

Часть 1

Этапы тех событий, кои переживал наш Крайний Северо-Восток в дни великой российской революции, заслуживает некоторого освещения, тем более что в этом направлении не сделано пока никаких попыток.

В настоящем очерке я имею в виду дать усиленную характеристику этим событиям, живым участником и свидетелем которых я являлся, подкрепляя изложенное уцелевшими при бегстве от большевиков документами. Моя цель: быть кратким, беспристрастным и искренним во всём том, что не изгладилось пока из памяти и что прошло незаметно для других.

Однако прежде чем говорить по существу вопроса, я полагаю не бесполезным предпослать несколько слов о прошлой жизни Камчатки, которая в историческом и духовном своём развитии делится на несколько периодов.

Первый период с 1695 по 1773 г. — период кровавый. С одной стороны завоеватели-казаки и вольные люди — купцы, с другой — наивные дети природы — инородцы ведут постоянную и неравную борьбу. Преследуя материальные выгоды, завоеватели выжимают последние соки у инородцев — вот почему и до настоящего времени с именем «русский» связывается здесь представление об ужасном страдании и горе.

Второй период обнимает время с 1773 по 1855 г. Это период то культурного развития, то рабского унижения, в зависимости от лиц, стоявших во главе управления краем. Если правителем был человек просвещённый, строились школы, больницы, церкви, насаждалось земледелие, скотоводство, отношение к инородцам как к людям добрым и наивным было гуманное, жизнь входила в нормальное русло, восстания прекращались. Но что насаживал один, то другой без угрызения совести уничтожал и разрушал. Несмотря, однако, на это инородцы к России привязывались и доказали свою преданность в 1854 г., когда горсть русских моряков и камчадалов под командой адмирала Завойко отразили нападение на порт Петропавловск соединённой англо-французской эскадры. В этот момент, момент наибольшего культурного развития Камчатки, центр управления переносится в Николаевск-на-Амуре, и интересы правительства сосредотачиваются на Приамурском и Уссурийском крае, а Камчатка, на которую было затрачено много энергии, труда и материальных средств, погружается в полувековой сон, обращая свои взоры то к Америке, то к Японии, то к России.

С 1910 г. жизнь Камчатки вновь начинает биться усиленным темпом. Она выделяется в самостоятельную единицу — Камчатскую область, с территорией, превышающей Германию и Францию, взятых вместе. Единственной её сухопутной границей, отделяющей её от Якутской области, служит Становой хребет, с востока же, севера и юга она граничит с Ледовитым океаном, Беринговым морем, Тихим океаном и Охотским морем. В административном отношении область была разделена на шесть уездов: Охотский, Гижигинский, Петропавловский, Анадырский, Чукотский и Командорский. Во главе уездов стояли уездные начальники, объединявшие в своём лице власть административную, полицейскую и общественную. В Охотске, Гижиге и Петропавловске действовали поселковые управления, сельское население управлялось на основании особой инструкции, утверждённой приамурским генерал-губернатором 25 мая 1914 г. Все правительственные, общественные и культурно-просветительные учреждения содержались за счёт казны.

При незначительной части русских и иностранцев область населена инородцами монгольской расы и тюркского племени: алеутами, айвуанцами-коряками, тунгусами, юкагирами, якутами, поээками, камчадалами и потомками бывших завоевателей Камчатки — казаками.

В 1916 г. в области насчитывалось до двухсот населённых пунктов, в коих проживало свыше тридцати шести тысяч человек. Помимо этого населения в область наезжает ежегодно на рыбные промыслы до двадцати тысяч японских и пяти тысяч русских рабочих. Значительная часть последних нередко остаётся в крае зимовать и хищничать в богатых ценным зверем заповедниках и золотоносных районах, представляя чрезвычайно вредный для края элемент.

Инородцы делятся на оседлых и кочевых. Первые живут небольшими поселениями, вторые ведут бродячий образ жизни и с табунами своих оленей перекочёвывают с места на место. Большинство населения давно исповедует православную веру, однако в крае имеется немало и таких инородцев, которые не знают ни православной веры, ни русской речи, говорят на разных непонятных друг для друга наречиях и только смутно сознают свою принадлежность к России. Являясь первыми засельщиками Крайнего Северо-Востока, некоторые племена, например чукчи, не считают себя покорёнными, но добровольно признавшими над собою власть «белого царя», которому они ежегодно отправляли подарок в виде ясака.

Свыше двухсот лет тому назад русские вольные люди в своём поступательном движении овладели Камчаткой, обложили инородцев данью, заняли все удобные для сельского хозяйства, рыболовства и звероловства места и стали с тех пор над ними господствовать. Здесь, на далёкой окраине, каждый эксплуатировал и теперь эксплуатирует инородцев. На беспросветное существование, обнищание и вымирание инородцев никто не обращал внимания. В недавнем прошлом голод доводил их нередко до того, что, например, в 1890 г. якуты питались сосновой корой и мясом палого скота. В 1906—1907 гг. ламуты и юкагиры убивали свои семьи и питались их мясом. Население Чукотского полуострова в годы голода питалось мясом околевших собак, ремнями, кожей, кусками одежды и даже экскрементами людей. (В 1926 г. в Чукотско-Анадырском крае был сильный голод, вновь повлекший за собою людоедство.)

Тунгусы и теперь питаются мясом белки и лисицы, и нет ничего удивительного, когда изголодавшееся население Нижнеколымска встречает хищническую шхуну с крестным ходом, ибо она везёт муку, порох, свинец, чай, ситец — весь несложный, но жизненно необходимый ассортимент товаров, которые вымениваются на ценную пушнину. У кого пушнины нет, тот отдаёт в заклад отбросам Америки жён и дочерей, коих выбрасывают на ближайшей стоянке, как ненужный инвентарь.

Не имея своих посевных полей, своих заводов и фабрик, своей фабрично-заводской промышленности, не имея ничего, кроме неисчерпаемых даров природы, Камчатская область, в частности Анадырский, Чукотский и Колымский край, получают всё необходимое из Америки и Японии из третьих, а иногда и из десятых рук. И Владивосток лишь в некоторых случаях является посредником, взимающим за это комиссионную плату. Все областные доходы до сих пор поступали во Владивостокское казначейство и шли на нужды соседних областей, на долю Камчатской области перепали крохи, далеко не достаточные для удовлетворения её минимальных потребностей, с чем постоянно боролись власти.

Основой экономического благополучия населения являются охота, рыболовство и оленеводство. Разработка богатейших золотonosных районов находится в зачаточном состоянии и производится исключительно хищниками. Продукты охоты почти полностью продаются, давая населению средства на приобретение всего потребного для жизни. Рыбная ловля имеет меньшее промышленное значение, так как продукты рыболовства идут на собственное

пропитание населения и главным образом на прокорм ездовых собак. Ещё меньшее значение имеет оленеводство. Оленеводы Крайнего Северо-Востока совершенно не знают промышленной эксплуатации своих табунов, и на сторону сбывается лишь незначительное количество оленьих шкур в виде меховой одежды и обуви. Нельзя не упомянуть ещё о скотоводстве и огородничестве. Значение этих отраслей сельского хозяйства хотя и второстепенно, однако эти занятия, несомненно, имеют будущность. Сейчас на Камчатке нельзя себе представить жителя деревни, не занимающегося охотой и рыбной ловлей, и, наоборот, большинство сельских жителей не имеют ни одной скотины и ни одной сажени огорода. Доходность среднего обывателя определяется в несколько тысяч рублей в год, но встречаются охотники, зарабатывающие в сезон (за три месяца) до десяти тысяч рублей.

До революции, когда жизнь на Камчатке была несравненно лучше, чем теперь, оказывалось трудным привлечь достаточный и удовлетворительный контингент служащих, несмотря на высокие оклады и привилегию службы. Создавшиеся в последние годы условия вызвали отлив интеллигентных работников, в результате чего многие учреждения совершенно закрылись. Даже в Петропавловском уезде на протяжении многих сотен вёрст нет ни одного ветеринара. Между тем, казалось бы, что для населения, имеющего свыше двухсот тысяч оленей, ветеринарная помощь была бы очень нужна. Казалось бы, что и работа агронома была бы полезна, хотя бы в долине реки Камчатки, посылавшей когда-то продукты земледельческой культуры на выставки. В Гижигинском уезде нет ни одной действующей школы, нет даже фельдшерского пункта. Ещё хуже обстоит дело в Чукотском и Анадырском уездах. Телеграфные линии и радиостанции частью развалились, частью разрушены, единственная на область Петропавловская лечебница прозябает, продовольственные склады разграблены. Пользуясь всеобщей разрухой, иностранцы беспрепятственно разрабатывают золотые прииски и создают торговые фактории, осторожно, но верно осуществляя политику мирного завоевания Крайнего Северо-Востока.

Я не ошибусь, если скажу, что инородцы сейчас больше тянутся к Америке, чем к России. Первая доставляет им хотя бы продукты, вторая кроме горького прошлого и ещё более горького настоящего инородцам ничего не дала. Те же инородцы, которые бывают на Аляске и видят жизнь своих сородичей, во многом отличную от своей, нередко переезжают на новую родину. Чукчи

забывают первые шаги русской культуры, и многие из них свободно говорят по-английски. Нужны немедленные меры, чтобы остановить эту тягу инородцев на Аляску...

1917 г.

Первые известия о революции были получены в Петропавловске через Охотск 1 марта, днём. Вести эти носили крайне неопределённый характер, почему я (автор в то время являлся военным цензором) вынужден был телеграммы задержать и сообщить их содержание в Главную военно-цензурную комиссию. В ту же ночь штаб военного округа предписал мне пропускать всё беспрепятственно. Во все последующие дни и ночи радиотелеграф был буквально завален распоряжениями и информацией из Петрограда, адресованными не существовавшим в крае учреждениям и органам местного самоуправления. Все эти распоряжения доставлялись губернатору, которого вновь образовавшаяся в центре власть старалась обходить. На следующий же день исполняющий должность губернатора А. Г. Чаплинский опубликовал все информации и манифест об отречении от престола государя императора.

4 марта в Петропавловском соборе был отслужен молебен, после которого губернатор обратился к присутствующим с речью, призывая объединиться вокруг Временного правительства и помочь ему материальными средствами, столь необходимыми для продолжения героической борьбы с Западом. Население горячо откликнулось на этот призыв. Несли деньги, золото, серебро, пушнину, золотые изделия, несли ордена, медные и золотые кресты, кольца, браслеты. Каждый отдавал, что мог, для спасения Родины.

В первые дни подъём был необычайный. Всем хотелось верить в лучшее будущее, однако все чувствовали себя как-то неловко, особенно после известия об аресте царской семьи. Казалось, что в свободном государстве, при наличии бескровной революции, не должны иметь место никакие насилия.

В Камчатской области не было ни политических партий, ни политических заключённых. Нескольким лицам, мирно проживавшим здесь на правах ссыльнопоселенцев, была объявлена правительственная амнистия, и освобождено из тюрьмы двое лиц, отбывавших наказание по приговору суда за незначительные проступки.

Управление областью по-прежнему оставалось в руках губернатора, по почину которого было созвано общее собрание граждан для выбора комитета общественной безопасности. На первом же

собрании по адресу областной администрации раздалось несколько голосов, что им здесь не место. Выпады эти не оказали ожидаемого воздействия на слушателей, так как население сжилося с властью, знало её положительные и отрицательные стороны и никогда ничего дурного от неё не видело. Впоследствии оказалось, что выступавшие лица вскрыли опечатанные склады спиртных напитков и под влиянием последних сочли себя за политически пострадавших. Один из вновь выплывших политических деятелей, по уверению помощника начальника уезда, года три тому назад сидел в Вологодской тюрьме за кражу хомутов; вскоре с Камчатки он выехал и впоследствии занимал в Хабаровске видный пост советского комиссара.

8 марта был избран комитет общественной безопасности. В состав его вошли: член окружного суда К. А. Емельянов, начальник почтово-телеграфной конторы Н. А. Королевич, местные жители В. И. Артюхин, Н. Н. Селиванов, Удалов, агент Добровольного флота Н. Д. Голубецкий, чиновник окружного суда Ганцев, доверенный фирмы «Чурин и К°» Дьяконов, бухгалтер Дубовицкий, областной агроном И. Д. Добровольский, инспектор училищ П. Я. Суслык, заведующий сейсмической и радиотелеграфной станциями А. А. Пурин и бывший член Второй Государственной Думы социал-демократической фракции И. Ф. Голованов. По сформировании комитета таковой принял звание областного, о чём было донесено правительству и сообщено по области.

Комитет занялся исключительно хозяйственными вопросами края. Весь административный аппарат оставался в руках прежней власти, и никаких разногласий между нами не возникало. Многим из нас казалось, что до созыва Учредительного собрания никакой ломки быть не должно. Наша задача должна была состоять в подготовке для законодательного учреждения законопроектов о местном самоуправлении, но в этом мы ошиблись. Ближайшие события свалили на наши плечи всю тяжесть управления областью.

Несмотря на то, что комитет был избран почти единогласно, всем населением города, из числа лучших её людей, по адресу его с первых же дней стали раздаваться нарекания, так как он не мог потворствовать противозаконным требованиям отдельных лиц, у которых в прошлые годы была конфискована хищнически упромышленная в заповедных местах пушнина и орудия лова. Лица эти по приговору суда отбыли уже наказание и требовали теперь компенсации в виде возвращения оружия, зачисленных в доход казны денег и т. п. На предложение коми-

тета обратиться в суд отвечали отказом и угрозой рассчитаться. Это не обещало ничего хорошего.

Ввиду вызывающего поведения отдельных лиц начальником гарнизона ротмистром Иеропес ещё 6 марта было выпущено объявление с призывом к порядку и спокойствию. В объявлении говорилось, что правопорядок будет поддерживаться силой оружия. Лояльность команды и коренных жителей области давало, видимую опору власти.

С упразднением института жандармской полиции Камчатская жандармская команда подлежала расформированию, поэтому было возбуждено ходатайство о переименовании её в местную команду, каковое ходатайство правительством было удовлетворено. Порядок службы и личный состав команды остался прежний. Многие из членов её в качестве добровольцев вскоре отправились на театр военных действий, многие погибли в июньских боях на Западном фронте. В конце марта правительство предложило заменить губернатора выборным комиссаром и ввести повсюду демократические органы местного самоуправления. А. Г. Чаплинский вышел в отставку. Взамен его был избран областным комиссаром К. А. Емельянов, помощником его И. Д. Добровольский, председателем комитета А. А. Пурин.

Известия о государственном перевороте почти одновременно сделались и достоянием области. Иностранческое население отнеслось к ним безразлично, но приезжий элемент и переселенцы истолковывали события по-своему и по-своему же стали «углублять революцию».

Так, в селении Палана были собраны и публично растоптаны все царские портреты. В Наяхане иеромонах Алексей объявил себя пожизненным защитником, ходатаем и представителем иностранцев пред правительством, на каковой пост он будто бы был избран пятью тысячами коряков. Этот же самый иеромонах долгое время безобразничал в Гижигинском уезде, не подчиняясь ни духовной, ни светской власти, и причинял всем массу хлопот. Оседлое население постоянно на него жаловалось. То он выгонял из церкви не угодивших ему лиц, то отказывался хоронить бывшего сельского старосту, труп которого в продолжение двух недель оставался без погребения, пока шла переписка. Подобного рода поступками и неподчинением архиепископу он довёл до того, что областной комиссар и комитет вынуждены были отдать приказ об аресте и высылке иеромонаха Алексея во Владивосток в распоряжение духовной власти, что, к великой радости населения, и было сделано.

На посту Ново-Мариинском с момента переворота был взят под контроль, а затем и арестован уездный начальник г. Царегородцев. В конце июня в сопровождении толпы хищников человек в семьдесят он был доставлен в Петропавловск как государственный преступник, где потребовали публичного над ним суда. По рассмотрении прокурором многих томов обвинительного материала, оказалось, что вся вина г. Царегородцева заключалась в том, что в дореволюционные годы он запрещал хищникам и спекулянтам спаивать и обирать инородцев и хищничать в пределах стовёрстной полосы. По освобождении из-под опеки разбойничьей шайки последняя начала угрожать самосудом комитету и Царегородцеву. Не встречая поддержки со стороны воинской части и граждан города, толпа выехала искать правосудия во Владивосток. За время своего пребывания во власти самочинного анадырского «Народного совета» г. Царегородцев подвергался бесконечным оскорблениям, унижениям и обыскам вплоть до раздевания. Анадырские хищники во главе с Кашириновым весь март и апрель заваливали «доблестного Родзянку» телеграммами самого нелепого содержания, не считаясь с областной властью, с которой первое время даже не желали сноситься. Эта самая группа в декабре 1916 г. посылала верноподданнические телеграммы государю императору и министрам с жалобами на Царегородцева, обвиняя последнего в политической неблагонадёжности и в неуважении к портрету наследника, вблизи которого была подвешена шкурка белого песка. Эти жалобы вызвали расследование, которое так и не было закончено.

Охотский уездный начальник был отстранён в конце марта, и власть автоматически перешла в руки уездного комитета и комиссара Панова, избранного из числа горнорабочих. Последний, хотя и был малограмотен, но всё же долгое время поддерживал порядок и авторитет власти. В начале июня в Охотск прибыло много новых лиц, которые посеяли вражду между горожанами и инородцами. Первые лишили вторых земельных прав и продовольствия и совершенно не желали считаться с нуждами и чаяниями инородческого населения. Инородцы в свою очередь стали настойчиво требовать отвода речных рыболовных участков и допущения их представителей в Охотский уездный комитет. Нас беспрерывно запрашивали: «Какие меры приняты правительством и областной властью для защиты интересов тысячных инородцев, и почему приезжий элемент пользуется большими преимуществами, чем исконные хозяева края?» Антагонизм с каждым днём усиливался и привёл в конце концов к образованию инородческой управы

на новом устье в пяти верстах от Охотска. Таким образом, в одном городе образовались две власти, не признавшие друг друга.

Для урегулирования взаимоотношений и разрешения назревших вопросов в середине июня в Охотск выехал областной комиссар Емельянов. Однако приезд его только ухудшил положение. Он не учёл момента и настроений. Недурной оратор, юрист по образованию, он имел неосторожность выступать на митингах с демагогическими речами, результатом чего явилось образование нового учреждения, именованного «Охотским горным коллективом», и захват оборудованных золотоносных приисков Кольцова и Фогельмана вблизи Охотска. Владельцы приисков присылали ряд телеграфных жалоб на областного комиссара, разлагающе действовавшего на рабочих. Но что могла сделать общественная власть за две тысячи вёрст? Были посланы телеграммы господину Емельянову с требованием вернуться в Петропавловск, было разъяснено, что никаких национализаций и отчуждений быть не может, предлагалось захватчиков привлечь к ответственности. Прииска как будто вернули, над владельцами их учредили контроль, но вскоре они были вновь захвачены коллективом, и уже безвозвратно. Областной комитет отнёсся к действиям областного комиссара слишком строго и потребовал от Временного правительства замены его другим лицом.

События в крае стали быстро развиваться, и не было средств удержать их стремительного натиска. Примерно в это же время в Петропавловске взбунтовалась Камчатская казачья команда, потребовавшая упразднения казачества и увольнения казаков от службы. Казаки заявляли, что они не прочь нести службу государству, если они нужны как военная сила, но отбывать таковую при данных условиях они более не в силах. Заместитель областного комиссара вынужден был отдать приказ о роспуске казаков.

Нельзя не отметить, что с нуждами камчатских казаков до сих пор никто не считался. Их нередко призывали со школьной скамьи, отрывали от семей, где иногда имелся только один мужчина, что приводило к полному разорению и обеднению казачьих семейств. Военной службе они не обучались и несли обязанности полицейских, вахтёров и вестовых. К присяге их не приводили. Служба их не обеспечивала. Получая от казны крайне неаккуратно по восьми рублей в месяц, казаки должны были иметь свою одежду, обмундирование, пищу и содержать на это и свои семьи, что при дороговизне камчатской жизни заставляло их влачить полуголодное существование. Камчатские казаки всегда являлись

посмешищем и ни в ком не встречали сочувствия. Об их существовании давно забыло Министерство внутренних дел, к которому они были причислены. Бесправное отношение начальствующих давно приводило казаков в отчаяние. Служба их продолжалась до полного *изношения*. Отпускали их домой стариками, не способными к труду, без всяких средств, и нередко доканчивали они свои дни в самодельной землянке, питаясь подаянными односельчан.

Временное правительство отнеслось безразлично к донесениям областного комиссара о казаках, хотя последние и просили перечислить их в милицию со всеми правами и привилегиями, ей присвоенными. В Петрограде в это время не думали о тревожном положении на Крайнем Северо-Востоке. Там издавали порою несуразнейшие акты. Как на курьёз законодательного творчества укажу на следующий пример. В один из майских дней по телеграфу был получен закон «О введении в Командорском уезде управления тайонами». Составители закона или не знали, что такое «тайон», или же не имели никакого понятия о Командорском уезде, состоящем из островов Беринга и Медный. Закон этот ни в каком случае не мог быть приложен к жизни, так как всё население островов поголовно грамотно, давно живёт оседло и даже в дореволюционные годы имело сельское управление. Тайонами в 1917 г. управлялись лишь редкие кочевые племена Крайнего Севера. Подобное же распоряжение было получено в июле. Центральное правительство признало необходимым временно закрыть все границы и распространило это на Камчатскую область. Для осуществления подобного мероприятия потребовалось бы несколько сот охранных кораблей и сотни тысяч войск. Ни того, ни другого на Камчатке не было. Переписка по этому вопросу длилась с неделю, и наконец распоряжение было отменено. Всё это указывает, что у центра не было ни знаний, ни административного опыта в деле управления окраинами.

В середине апреля в г. Петропавловске был созван уездный съезд для разрешения вопросов рыболовства и охоты. Основанием для этого послужило ультимативное требование населения долины реки Камчатки закрыть рыбоконсервные заводы Демби и Бирича в Усть-Камчатске, благодаря которым население долины из года в год терпит голодовки, так как рыба весьма интенсивно вылавливается в устье реки. Одиннадцать сельских обществ неоднократно ходатайствовали пред областной и краевой властью о закрытии заводов и посылали даже делегатов к приамурскому генерал-губернатору, но вместо обещанного удовлетворения ходатайств

оказалось, что Министерство земледелия соглашалось продлить контракты с арендаторами, не считаясь совершенно с интересами жителей. Население ответило на это обещанием снести заводы и отстаивать свои интересы силой оружия. Областной комитет предостерег население от необдуманного шага и сумел рядом тактических мероприятий внести успокоение в уезде. Хотя вопрос этот правительством и не был окончательно разрешён, однако население вполне соглашалось с доводами областного комитета. Мы искренно хотели помочь населению уезда и избавить его от хищнической эксплуатации и голодовок и работали в этом направлении не покладая рук, и население, быть может, впервые, почувствовало, что интересы его близки тем, кто волей или неволей был призван к власти в эти первые дни Февральской революции...

С открытием навигации на Камчатке появилось много новых лиц, среди коих был случайно и член партии эсеров К. П. Лавров. Вскоре «углубление революции» здесь пошло более быстрым темпом. Лица, не имевшие до сих пор понятия о политических партиях и никогда не читавшие даже газет, стали говорить, что только социалисты могут дать народу настоящую свободу. Вновь прибывшие лица много говорили, ещё больше обещали и потворствовали толпе, которую областной комитет, быть может плохо, но всё же сдерживал от противозаконных поступков. Проехав по долине реки Камчатки и побывав на Командорских островах, Лавров повсюду бичевал сохранившиеся старорежимные порядки и очаровал население. Вскоре он сделался одним из наиболее популярных в крае людей.

Условия нашей работы в это время были особенно тяжелы. Мы работали в напряжённой атмосфере, переносили незаслуженные оскорбления и угрозы. На одном из общих собраний мы просили произвести перевыборы областного комитета, но предложение было отвергнуто. Различными группировками составу областного комитета было выражено полное доверие и вынесено постановление о созыве областного съезда, каковому мы и должны были передать полноту общественной власти в крае.

С 20 июля по 8 августа в г. Петропавловске происходили заседания первого камчатского областного съезда, на котором присутствовало сорок шесть представителей от населения всей области. В работах съезда принимали участие представители различных ведомств и специально командированные краевым комиссаром Русановым, Министерством земледелия и государственных имуществ и другими учреждениями лица. Перед открытием съезда по просьбе большинства съехавшихся делегатов был отслушен

молебн, затем были оглашены многочисленные приветственные телеграммы и выступало много лиц с приветствиями. Все подчёркивали, что съезд должен быть беспартийным, что вполне отвечало настроениям делегатов. Председателем съезда был избран К. П. Лавров, товарищами председателя А. А. Пурин и Ф. М. Коршунов, секретарями И. Ф. Голованов и В. П. Леонтьев. Съезд разбился на ряд комиссий, и работы его лучше всего свидетельствуют о том, что он хотел сделать, чтобы пробудить нашу далёкую, забытую Богом и людьми окраину от многовековой спячки...

Во время работ областного съезда до сведения последнего дошло, что в Приамурском крае распространяются тревожащие общественное мнение ложные слухи о положении общественных дел на Камчатке. Эти слухи упорно распространяли выехавшие во Владивосток анархисты из группы Каширина и отправленные туда по мобилизации военнообязанные. Надо заметить, что до июня 1917 г. в Камчатской области мобилизации не было. Это давало возможность всем, желающим избавиться от военной службы тем или иным способом, пробираться на Камчатку и скрываться здесь от призыва. В дни свобод из разных мест вынырнули военнообязанные, преимущественно хищники и мелкие торговцы, и внезапно объявленная правительством мобилизация застала их врасплох.

Некоторые успели вновь удрать в тайгу, но большинство было призвано и отправлено во Владивосток в распоряжение воинского начальника. Было бесконечно много попыток освободиться от военной службы, и комитет по отсрочкам осаждался призванными. На почве отказа в отсрочке возникало немало недоразумений, но при наличии дисциплинированной местной команды никаких эксцессов не произошло. Были нарекания на команду, были угрозы и требования отправить «бывших жандармов» на фронт защищать революцию, но правительство категорически в этом отказало, и призванные успокоились.

8 августа в зал заседания съезда явился Каширинов-Каширин, только что прибывший из Владивостока, и просил вне очереди выслушать его заявления и документы, привезённые им из Владивостока от совета рабочих и солдатских депутатов. Съезд ходатайство Каширина удовлетворил, и председателем был оглашён нижеприводимый документ.

«Выписка из протокола № 65 заседания исполнительного комитета Владивостокского совета рабочих и солдатских депутатов 24 июля 1917 г. Председатель Михайлов. Секретарь Илговская.

Слушали: 1. Доклад тов. Илговской о положении дела на Камчатке.

Всё остаётся так, как было до переворота. Свободы до сих пор ещё фактически нет. Во главе стоят бывшие чиновники губернатора, которые, скрываясь от посылки в войска, отбывают свой военный долг в числе чинов жандармской команды, которая и держит в руках всю камчатскую жизнь, не давая реформировать её на новых началах свободы. До сих пор идут там полным темпом злоупотребления по службе. Делегат Камчатки просит, чтобы семь чиновников, которые теперь правят на Камчатке, были смены и заменены комиссарами. Обращались к приамурскому краевому комиссару Русанову о назначении комиссаров, но ответил отказом, потому комитет безопасности Петропавловска просит ввиду своей полной беспомощности совет рабочих и солдатских депутатов г. Владивостока принять меры и ввести новый строй. Кроме того, просит прислать людей, которые бы объяснили все события русской жизни после переворота 1-го марта.

Постановили:

1. Составить комиссию из представителей членов исполнительного комитета, судебной власти и административной, двоих от совета рабочих и солдатских депутатов, одного от совета крестьянских депутатов, одного от областного комитета, одного от областного комиссара, одного от судебной власти.

2. Отозвать через Русанова следующих лиц: Клочкова (бывшего чиновника особых поручений при губернаторе), Ковальчука (тоже), Морозова (служащего по полиции), Леха (начальника уезда), Барыкина (чиновника областного правления), Кадышевского (прокурора окружного суда), Дьяконова (доверенного фирмы Чурина), Пименова (уездного комиссара).

3. Отозвать через командующего войсками Камчатскую и Сахалинскую пешие жандармские команды, заменив их местными казаками.

4. Передать в военную комиссию вопрос об отзывании призванных камчадалов (камчадалы призваны не были. Призыву подверглись лишь приезжие с материка. — *Авт.*), находящихся в Шкотове. Этот вопрос необходимо выяснить к 30 июля, так как комиссия, вероятно, выедет 31 июля.

От исполнительного комитета избраны в комиссию тов. Новицкий, причём военной комиссии поручить избрать одного от военного крыла.

Подлинный подписали: председатель *Михайлов*, секретарь *Илговская*.

По существу оглашённого документа открылись прения. Все были возмущены вмешательством посторонней организации в дела Камчатской области, и члены съезда высказывались за то, что в случае появления самозванной комиссии арестовать её и выслать во Владивосток. После подробного обсуждения вопроса и выслушанных заявлений гр. Каширинова и разъяснений представителя краевого комиссара Русанова — А. А. Борисоглебского, областного комиссара Емельянова и председателя областного комитета Пурина съезд единогласно пришёл к заключению, что население области ни через съезд, или областной комитет, или другие какие-либо общественные организации области никому не давало полномочий делегата области в совет солдатских и рабочих депутатов во Владивостоке или в какие-либо другие революционные или общественные организации Приамурского края. Что лицо, давшее сведения о Камчатской области от имени населения её в исполнительном комитете совета рабочих и солдатских депутатов во Владивостоке, полномочий делегата области не имело и могло выступать в данной организации как частное лицо.

В то же время из предъявленного съезду документа видно, что в исполнительном комитете совета рабочих и солдатских депутатов в г. Владивостоке давал сведения «делегат Камчатки». В этом съезд усматривает самозванство и узурпацию прав населения. Далее съезд усматривает, что лицо, дававшее сведения о положении общественности и свободы в Камчатской области исполнительному комитету совета рабочих и солдатских депутатов во Владивостоке, ввело означенное учреждение своим тенденциозным освещением и сообщением ложных фактов в заблуждение.

По существу вышеуказанного постановления съезд не может не высказать следующее:

а) съезд полагает, что каждая область имеет неотъемлемое право внутреннего самоопределения, и признать за населением Камчатской области, что только ему принадлежит право устройства своей общественной жизни внутри своей области, сообразно его бытовым и хозяйственным интересам;

б) съезд полагает, что только органы общественной власти Камчатской области, созданные самим населением, могут внутри её вести общественные дела и что этого права по отношению к Камчатской области лишены органы общественного управления других областей. Органы общественного управления Камчатской области не стоят в подчинённом отношении к органам общественного управления других областей. Органы общественного управления

Камчатской области могут быть контролируемы и учитываемы или центральными государственными учреждениями, или центральными краевыми учреждениями;

в) съезд утверждает, что население Камчатской области в полном объёме пользуется гражданскими свободами и достаточно ясно представляет смысл и значение происшедшего государственного переворота и на пути свободного устройства своей общественной жизни и защиты своих жизненных интересов не встречает препятствий ни со стороны контрреволюционных сил, ни со стороны каких-либо других сил, которые мешали бы его свободному проявлению инициативы. Съезд констатирует, что в Камчатской области организованного или в форме отдельных выступлений контрреволюционного движения не было и нет, что же касается единоличных случаев контрреволюционных поступков отдельных лиц, то по отношению к ним и со стороны областного комитета, и со стороны съезда были приняты самые решительные меры, вплоть до выселения виновных лиц из области.

Съезд подтверждает своё решение, что руководство в делах общественной самодеятельности населения Камчатской области, впредь до введения земских учреждений, принадлежит всецело Камчатскому областному комитету, организованному из представителей всех волостей области, а на местах — волостным комитетам. Государственный надзор за закономерностью действий области осуществляется чрез областного комиссара и его помощника, избранных на съезде и утверждённых Временным правительством;

г) съезд указывает, что показателем гражданской и общественной зрелости населения Камчатки является самый факт съезда представителей всего оседлого населения Камчатской области и его решения, касающиеся всех сторон общественной и хозяйственной жизни всей Камчатки;

д) съезд выражает своё негодование тем из граждан Камчатской области, которые своим односторонним и тенденциозным освещением общественности на Камчатке ввели в заблуждение исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов во Владивостоке и тем дали основание означенному исполнительному комитету вмешаться во внутренний ход общественной жизни нашей области и тем самым умалить гражданское достоинство населения Камчатской области.

Далее съезд, выслушав подробные прения о личности гр. Каширинова и разъяснения представителей краевой и областной власти, принимает единогласно следующую резолюцию:

«Съезд, выслушав подробные прения делегатов съезда и заявления представителя краевого комиссара Русанова о действиях гр. Каширинова и находя, что он своим освещением положения Камчатской области ввёл в заблуждение исполнительный комитет депутатов г. Владивостока, что прежняя Каширинова деятельность как яркого выразителя идей Союза русского народа кроет в себе много преступного, и главное, что настоящая деятельность Каширинова проникнута всецело поступками анархического и контрреволюционного порядка, о чём свидетельствует целый ряд заявлений граждан, живущих с ним в одном крае, — нашёл необходимым подвергнуть гр. Каширинова чрез прокурора Петропавловского окружного суда личному аресту впредь до выяснения этого дела следственной комиссией».

Это решение съезда было сообщено совету рабочих и солдатских депутатов во Владивосток, куда также выслан и Каширин.

Перед самым окончанием работ съезда от краевого комиссара Русанова была получена телеграмма о командировании на краевой съезд в г. Хабаровск представителей области. На этом съезде должны были рассматриваться задачи Приамурского края ближайшего момента. От Камчатской области на съезд были командированы член областного комитета И. Д. Добровольский, областной комиссар К. П. Лавров, делегат областного съезда Г. Брагин и областной горный инженер С. Д. Оводенко.

Такой же съезд созывал в Хабаровске и краевой совет рабочих и солдатских депутатов. На этот съезд выехал от местной команды её представитель Олейник.

Одновременно съездом была отправлена во Владивосток нижеприводимая телеграмма: «Владивосток. Совету рабочих и солдатских депутатов. Копии: краевому комиссару Русанову, Приморскому областному комитету, совету крестьянских депутатов. Заседающий в Петропавловске первый камчатский областной съезд представителей населения области уведомляет вас, что представители полицейской власти от должностей устранены, частью призваны в войска, частью выехали. По отношению к оставшимся съезд принял меры устранения их влияния на ход общественной жизни в области, вплоть до выселения, причём вынесено решение съезда о недопустимости занятия представителями старой полицейской власти общественных должностей. Съезд в течение двадцатидневных своих занятий разработал новые формы общественного управления области на самых широких демократических началах с действительным осуществлением народовластия, о введении

в области земства и городе Петропавловске городского самоуправления. Решения съезда сообщены правительству, городское самоуправление уже вводится по телеграмме правительства. Съезд избрал новых областного комиссара и его помощника, кандидаты представлены на утверждение правительства. Областным комиссаром избран заведующий статистико-экономическими обследованиями пушных промыслов в области, член партии социалистов-революционеров и активный работник в рядах этой партии с 1905 г., за что не раз отбывавший тюрьму и ссылку, Константин Прокопьевич Лавров. Помощником областного комиссара избран бывший член Второй Государственной Думы социал-демократической фракции, отбывший за принадлежность к этой фракции каторжные работы, Иван Фёдорович Голованов. Съезд организовал новый областной комитет из представителей всех волостей области. Председателем областного комитета избран председатель прежнего состава Александр Антонович Пурин. Съезд постановил реорганизовать областную канцелярию сообразно требованиям общественного управления. Съезд принял решение по всем вопросам общественного и экономического значения для области. Делегаты съезда выезжают в город Хабаровск на краевое совещание, вместе с ними едут делегаты от областного комитета и от г. Петропавловска. Обо всём делегаты области изложат лично совету рабочих и солдатских депутатов и другим общественным организациям».

После закрытия съезда представителей от населения Камчатской области край зажил мирной спокойной жизнью, ибо все классы населения были удовлетворены решениями съезда. Решения съезда были отпечатаны и представлены правительству, пред которым одновременно было возбуждено ходатайство об издании различных законодательных актов, касающихся, главным образом, хозяйственно-экономической жизни Крайнего Северо-Востока. Политикой мы интересовались мало. Мы с душевным трепетом ожидали созыва Учредительного собрания и верили, что это высокое учреждение установит государственный строй, отвечающий праву свободного человека и гражданина. Мы верили Временному правительству и беспрекословно подчинялись и поддерживали его во всех начинаниях.

На конструкцию общегосударственной власти население смотрело вполне здраво. Оно говорило, что не может быть у власти отдельных групп или лиц, а должна быть власть всего народа, ибо каждый из нас, являясь носителем этой власти, делает часть работы и несёт часть ответственности пред родиной. Власть народная

есть власть несокрушимая, есть власть высшего порядка, и организовать такую власть могло бы лишь Учредительное собрание, к которому все деятельно готовились.

1 сентября делегация выехала в г. Хабаровск на совещание по вопросам, связанным с управлением Дальнего Востока. Вместе с делегацией выехал и председатель областной продовольственной управы член окружного суда П. С. Пржевуский, в задачу которого входило обеспечить область продовольствием, что к концу ноября он блестяще выполнил.

Созываемое Русановым в конце октября совещание не состоялось и было отложено до ноября. В это время в Приамурском крае как раз вводилось земство и одновременно усиливались власть и влияние советов.

Выяснив пред краевой властью все насущные, затрагиваемые жизнью и переживаемым моментом вопросы относительно Камчатской области, делегация принуждена была возвратиться с ноябрьским пароходом в Петропавловск, так как рейс был последним в навигацию.

В это время в Камчатской области происходили выборы члена Всероссийского Учредительного собрания. Камчатской области было предоставлено одно место. Из намеченных кандидатов (Лавров, Голованов, Пурин) большинство голосов получил К. П. Лавров. Передав обязанности областного комиссара И. Ф. Голованову, Лавров через неделю выехал во Владивосток.

Следует заметить, что с последним рейсом на пароходе «Томск» в Петропавловск наехало много тайных и явных «ревнителей» советвласти, а также прибыл неизвестно кем отправленный из Красноярска воинский отряд в триста человек, состоящий, главным образом, из уголовного «хищнического» элемента. Отряд этот потребовал, чтобы местная команда была отправлена на фронт, а прибывшие ратники запаса займут их место в тылу. Антагонизм между местной командой и прибывшими запасными достиг высшего напряжения. Мы ежечасно ожидали кровавой развязки и, чтобы не допустить до этого, постановили 75 % запасных демобилизовать, половину команды отправить во Владивосток, а оставшуюся часть запасных влить в состав местной команды. Это всех удовлетворяло, но зато от дисциплинированной части вскоре осталось одно воспоминание.

После отхода последнего парохода ко мне обратился один из чинов команды, бывший делегат Олейник, с вопросом, как я смотрю на образование в Петропавловске совета солдатских и рабочих

депутатов, так как во всей России власть уже давно перешла к советам. Я высказался отрицательно, указал, что рабочих фактически в Петропавловске нет и что областной комитет и областной комиссар, как избранные областным съездом, не могут сложить своих полномочий до нового съезда. Ведь население не признаёт никакой новой власти, кроме власти, организованной по указаниям Всероссийского Учредительного собрания. Точно так же смотрели и остальные члены областного комитета.

В середине декабря нам стало известно, что в местной команде образовался совет солдатских и рабочих депутатов под председательством И. Е. Ларина. Совет сразу же вступил в борьбу с областным комитетом, избранным на первом областном съезде. Несмотря на то, что на стороне комитета было население, борьба была неравная, так как в России и на Дальнем Востоке уже всё было в руках советов и Петропавловский совдеп получал одну телеграмму за другой, поддерживающие его и натравливающие одну часть населения на другую. Многим чувствовалось, что сделать ничего нельзя и мы переживаем лишь отголоски событий, развернувшихся в России. Но всё же областной комитет без боя не уступал ни одной пяди. Тяжело было ещё и потому, что часть членов комитета определённно шла за советами.

Положение было напряжённое. Петропавловский совдеп наглед с каждым днём. Нам предъявлялись сметы об отпуске крупных сумм на содержание совдепа, мы отказывали в отпуске денег. От нас требовали назначения члена совдепской комиссии для производства учётов продуктов и запасов ценностей у населения, мы запрещали производство подобных учётов. От нас требовали постановления о национализации рыбоконсервных заводов Демби, Бирича, Грушецкого и других, мы категорически воспротивились открытому грабежу. Совдеп начал вести непосредственную переписку с Лениным, который перевёл по телеграфу на имя Ларина десять тысяч рублей и предложил ему немедленно организовать красную гвардию. Нас уже центр больше не признавал, и на просьбы открыть кредиты на содержание школ и медицинских пунктов получались лаконические ответы: «Производите беспощадное обложение имущих классов». Между тем служащие различных правительственных учреждений области требовали жалованья, каковое без открытия кредитов казначейство выплачивать не могло. Были сделаны попытки сообщить Совнаркому, что в Камчатской области имущих классов нет, что все областные доходы поступают во Владивостокское казначейство, но и на это получались

ответы с предложением изыскивать средства на месте, путём национализации.

Почти все члены областного комитета предпринимали различные меры, чтобы столкнуться с местным совдепом, не раздирать Камчатку, как разодрана вся наша Родина, но никаких результатов от этого не получилось.

На 1 января 1918 г. совдеп назначил митинг в Народном доме: это было первое открытое выступление против власти.

1918 г.

На митинге совдепа 1 января 1918 г. совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя высшей властью в г. Петропавловске. На этом же митинге было высказано, что областной комитет имеет буржуазное направление и что члены его кроме пули и верёвки ничего другого не заслуживают. На митинге пытались выступать защитники идеи народовластия, которые доказывали, что областной комитет очень далёк от буржуазного направления, но ответом служил призыв главарей совдепа к пластовне (резне. — *Ред.*) и к расправе с комитетом. Мы видели, что возможно кровопролитие, подобно материке. Пришлось сделать уступку и допустить двух представителей совдепа в областной комитет. Началась трудная работа комитета, появились представители ближайших селений и заявили, чтобы представители совдепа оставили комитет, так как в нём имеются выборные представители от областного съезда. Было заметно то напряжённое состояние, которое неминуемо несло с собою столкновение. Чтобы избежать этого, областной комитет заявил представителям населения, что он не допустит влияния представителей совдепа в устройстве жизни Камчатки.

Под давлением совдепа исполняющий должность областного комиссара И. Ф. Голованов сложил с себя звание комиссара Временного правительства и передал свои обязанности областному комитету, который принял на себя полноту власти в области.

5 января областной комитет, обсудив постановление Петропавловского совдепа, принял решение, сущность коего сводится к нижеследующему:

1. Камчатский областной комитет, организованный в г. Петропавловске на областном съезде представителей края 20 июля 1917 г. и составленный из крестьян, казаков, инородцев, рабочих и горожан и опирающийся лишь на истинно демократические силы страны, являлся до сих пор единственным высшим органом

общественно-политической власти в Камчатской области и намерен оставаться таковым же и впредь, пока полномочия эти не будут сняты с него населением на съезде 1918 г.

2. Комитет не допустит, чтобы законоположения, декреты и различного рода постановления, издаваемые ныне Советом народных комиссаров, проводились в Камчатской области в жизнь, раз они не соответствуют условиям местной жизни, тем более что народы Камчатки имеют неотъемлемое право самоопределения сообразно их бытовым и хозяйственным интересам.

3. На правах народовластия областной комитет твёрдо и неуклонно проводит в жизнь всё, что способствует улучшению условий жизни и быта местного населения, не считаясь порою с потерявшими жизненность законоположениями. Но вместе с тем областной комитет проникнут глубоким уважением к закону, охраняющему неприкосновенность личности, жилища, свободу слова, печати, справедливого и равного для всех граждан суда.

4. Областной комитет утверждает, что вошедшие в резолюцию совета рабочих и солдатских депутатов от 1 января 1918 г. пожелания в значительной части уже осуществлены. Проведение же предложений первого камчатского областного съезда во всей их полноте последует с введением в области земских учреждений.

5. В видах поддержания дружественных отношений с соседними державами и проживающими в области представителями и гражданами этих держав и удовлетворения их законных просьб и требований, к выполнению коих русский народ связан рядом международных договоров, до сих пор принадлежало губернатору, а затем областному комиссару, носителю высшей власти в крае, поэтому всякое вмешательство каких бы то ни было организаций в дела внешней политики безусловно недопустимо, ибо это может вызвать весьма нежелательные последствия. По причине изложенного областной комитет признаёт необходимым сохранить функции и должность областного комиссара, являющегося единственным представителем законной всероссийской государственной власти.

По причине изложенного областной комитет предлагает Петропавловскому совету солдатских и рабочих депутатов:

1. Не нарушать работы областного комитета и влить в состав такового своего представителя.

2. Оказать своё содействие к охране ценнейших в мире морских и рыбных богатств и пушных ценностей, истребляемых вопреки воли населения.

3. Оказать поддержку к осуществлению на местах постановлений областного комитета по всем отраслям народной жизни.

4. Охранять всеми зависящими от совета мерами неприкосновенность личности и жилищ и способствовать водворению прочного порядка, единой власти на местах и созыву Всероссийского Учредительного собрания.

5. Областной комитет считает себя вправе смещать тех должностных лиц, кои окажутся опасными и вредными делу укрепления основ народовластия».

Чтобы положить конец различным слухам, распускаемым по области и городу, и выявить настроение, 6 января 1918 г. было созвано соединённое заседание Камчатского областного комитета, городской думы и Петропавловского совдепа под моим председательством. Повестка дня состояла из двух пунктов: 1) оглашение резолюции Камчатского областного комитета и Петропавловской городской думы по существу постановления Петропавловского совдепа от 1 января и 2) о предстоящем созыве Сибирского учредительного собрания и о признании власти Сибирской областной думы, образовавшейся в г. Томске.

После оглашения вышеупомянутых резолюций по существу их открылись прения.

Представители совдепа заявили, что резолюция Петропавловской городской думы вполне приемлема для совета и отвечает тому, к чему стремится совет в своём постановлении от 1 января. Что же касается резолюции областного комитета, она нигде не упоминает о признании существующей в Петрограде центральной власти рабочего и крестьянского правительства в лице его Совета народных комиссаров и в крае Дальневосточного комитета советов. Областной комитет в резолюции своей обходит этот вопрос. Кроме того, областной комитет нигде не указывает, что он признаёт Петропавловский совет рабочих и солдатских депутатов высшей властью в городе. С таким постановлением областного комитета совет в корне не согласен, и если соединённое заседание примет резолюцию областного комитета, то Петропавловский совет рабочих и солдатских депутатов всё-таки останется при своём мнении и будет проводить то, что он выразил в своей резолюции.

Во время заседания страсти до того разгорелись, что приверженцы совдепа и члены команды с криками: «Покажем им, как идти против советов, товарищи, бери оружие!» — стали толпой выходить из зала заседания и направляться в казарму за вооружением. Мы не могли повлиять на благоразумие серой толпы, и если

бы не вмешательство Олейника — члена совдепа, прошедшего во Владивостоке коммунистические агитаторские курсы, быть может, все члены комитета и несочувствующие большевикам лица были перебиты в этот знаменательный вечер. Когда страсти поулеглись, Петропавловским совдепом была предложена следующая резолюция:

«По обсуждении вопроса об отношении к моменту и резолюции Петропавловского совета рабочих и солдатских депутатов соединённое заседание демократических организаций Камчатского областного комитета, Петропавловской городской думы и совета рабочих и солдатских депутатов постановило: а) принимая во внимание, что в настоящее время в России существует власть рабочего и крестьянского правительства в лице его Совета народных комиссаров, соединённое заседание признаёт только такую власть, опирающуюся на широкие массы пролетариата и революционной демократии, и в крае Дальневосточный краевой комитет советов и заявляет, что только такое правительство, опирающееся на широкие трудовые массы пролетариата и беднейшего крестьянства, может спасти революцию и довести страну до Учредительного собрания и б) неуклонно будет проводить в жизнь все декреты, постановления и распоряжения такого правительства. Вместе с сим соединённое заседание признаёт высшей властью в области Камчатский областной комитет, сосредотачивающий в составе своём совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, а на местах советы, волостные и сельские комитеты. Институт комиссаров, учреждённый сверженным правительством, упраздняется. Функции комиссара возлагаются на комитеты».

Открытым голосованием эта резолюция была принята большинством.

По вопросу о признании Сибирской областной думы и делегировании в состав её представителей Камчатской области собрание постановило выяснить задачи и цели областной думы и затем рассмотреть этот вопрос в особом совещании представителей общественных организаций.

Состоявшееся 6 января соединённое заседание вполне определило настроения горожан и стремления совдепа, и вынесенное этим собранием постановление не являлось для областного комитета обязательным, ибо он являлся ответственным не перед отдельными группировками, а перед избравшим его населением области. Через два дня в комитет поступили запросы от различных волостей области с просьбой разъяснить, насколько верны

распространяемые слухи о захвате власти в Петропавловске советом рабочих и солдатских депутатов. Для выяснения этого вопроса приезжали в Петропавловск и специально уполномоченные волостями лица, поэтому областной комитет должен был так или иначе вывить своё отношение к указанному постановлению.

На заседании своём 8 января областной комитет принял следующее постановление:

«1. Считать резолюцию Камчатского областного комитета от 6 января 1918 г. единственным и окончательным ответом на предъявленные советом рабочих и солдатских депутатов г. Петропавловска запросы.

2. В соответствии с этим резолюцию соединённого заседания областного комитета, Петропавловской городской думы и совета солдатских и рабочих депутатов принять к сведению.

3. Все постановления Камчатского областного комитета являются окончательными и подлежат пересмотру лишь по постановлению того же комитета.

4. О настоящем постановлении довести до сведения населения г. Петропавловска и Камчатской области путём соответствующих объявлений.

5. Предложить организациям г. Петропавловска вносить свои постановления и резолюции на обсуждение областного комитета обычным порядком».

После объявления этой резолюции было восстановлено временное равновесие, возвращён к своей должности исполняющий должность областного комиссара И. Ф. Голованов и введена в рамки законности городская дума и прочие общественные организации края.

8 января областным комитетом была получена телеграмма об открытии Всероссийского Учредительного собрания в Петрограде. Комитетом была послана Лаврову телеграмма с просьбой поставить нас в известность о ходе событий в России, так как до нас дошли сведения о разгроме Учредительного собрания и о начавшейся гражданской войне в Петрограде и других местах государства.

При необычайно тяжёлых условиях протекала наша работа. Не получая указаний из центра, мы всё время питались какими-то жалкими отрывками, присылавшимися от различных организаций, то из Москвы, то из Харькова, то из Томска. Порою казалось, что государства Российского как такового более не существует. Взамен его повсюду образовывались областные правительства, вступавшие в беспощадную борьбу с совдепами. Петропавловский

совдеп как будто изменился и перестал претендовать на захват власти в области. Он разграничил свои функции с городской думой и явился для нас совершенно частной организацией, но постепенно совдеп овладевал настроением горожан. В конце концов мы вынуждены были пойти на уступки и в начале февраля санкционировать совместно с областным комиссаром думское постановление от 4-го января 1918 г.

Наше постановление заключалось в следующем:

«Считаясь с течением российской революции, областной комитет объявляет:

1. Высшей административной властью в пределах Камчатской области — Камчатский областной комитет.

2. В г. Петропавловске — совет рабочих и солдатских депутатов.

3. В волостях и селениях — волостные и сельские комитеты.

Все эти организации, объединяющиеся вокруг Камчатского областного комитета, ответственны за свои действия пред последним и присылают ему свои постановления для сведения, а в необходимых случаях на утверждение. Петропавловский совдеп и городская дума разграничивают свои функции. В случае разногласия между ними общественными учреждениями окончательное решение по тем или иным вопросам принадлежит областному комитету».

Под давлением совдепа областной комиссар Голованов окончательно отказался от своих обязанностей и вошёл в состав комитета на правах члена его. После кратковременного затишья совдеп вновь стал нападать на комитет и всячески тормозить его работу. От нас требовали категорического признания советской власти в России и осуществления изданных этой властью декретов. В этих начинаниях поддерживал Петропавловский совдеп и краевой Совет народных комиссаров во главе с Краснощёковым. Оставшимися верными идее народовластия членами комитета было устроено ряд частных секретных заседаний. На этих заседаниях определилось, что необходимы решительные шаги в борьбе с большевиками, которые уже вынесли решение о нашем аресте. Решено было, дабы не создавать красной гвардии и одним ударом покончить с совдепом, арестовать его, не признавать вообще власти захватчиков, в лице совдепов, и впредь до образования в России или до создания в Сибири твёрдой антисоветской власти объявить Камчатку автономной. Правда, это, быть может, было и необдуманно, и нецелесообразно, но это была борьба не на жизнь, а на смерть с совдепами. Президиуму комитета были предоставлены чрезвычайные полномочия. Из юристов была составлена небольшая комиссия для выработки

акта об автономии, был выработан проект приказа о введении военного положения в г. Петропавловске и назначены соответствующие должностные лица, кои должны были принять власть в городе в случае ареста комитета.

Как раз в это время была получена от члена Учредительного собрания от Камчатской области Лаврова телеграмма о разгоне Учредительного собрания. Это было первое достоверное известие о положении дел в России.

17 марта 1918 г. ко всем организациям и гражданам Камчатской области было выпущено нижеприводимое объявление:

«Камчатским областным комитетом только что получена от находящегося в г. Владивостоке члена Учредительного собрания от Камчатской области К. П. Лаврова следующая телеграмма:

“Всероссийское Учредительное собрание успело издать законы о земле, о федеративном государственном устройстве и о мире. Дальнейшая работа его была прервана вооружённой силой со стороны Совета народных комиссаров.

Учредительное собрание постановило: считать свои работы приостановленными и принять все меры к тому, чтобы прерванные штыками были возобновлены в обстановке, достойной для выразителя народной воли.

По призыву своего председателя в день, указанный им, Учредительное собрание вновь соберётся, чтобы продолжать свою работу.

Всероссийское Учредительное собрание, выражая непреклонную волю народа к немедленному прекращению войны и заключению справедливого всеобщего мира, обращается к союзным с Россией державам с предложением приступить к совместному определению точных условий демократического мира, приемлемых для всех воюющих народов, дабы представить эти условия от имени всей коалиции государствам, ведущим с Российской республикой и её союзниками войну.

Именем народов, государство Российское составляющих, Всероссийское Учредительное собрание постановляет: государство Российское провозглашается Российской демократической федеративной республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области её, установленные федеральной конституцией в пределах суверенитета.

Право собственности на землю в пределах Российской республики отныне и навсегда отменяется.

Все находящиеся в пределах Российской республики земли со всеми их недрами, лесами и водами составляют народное достояние.

Распоряжение всей землёй, недрами, лесами и водами принадлежит республике в лице её центральных органов и органов местного самоуправления на основаниях, установленных законом.

Самоуправляющиеся на государственно-правовых началах области Российской республики осуществляют свои земельные права на основании закона и в согласии с федеральной конституцией.

Опираясь на вооружённую силу, Совет народных комиссаров разогнал Учредительное собрание, объявил себя единственной властью в стране, приступил к ведению сепаратных мирных переговоров с Германией и её союзниками. По всей стране возгорелась гражданская война, и ныне не прекращающаяся. Учредительное собрание не в силах прекратить её. На защиту Учредительного собрания встали земские и городские самоуправления, как органы широкого народовластия. Их позиция: вся власть в центре — Учредительному собранию, на местах — земским и городским самоуправлениям. Позиция Совета народных комиссаров: вся власть — советам, в центре — Совету народных комиссаров. Последний не признаёт всеобщего избирательного права.

Учредительное собрание принимает все меры и усилия прекратить братоубийственную войну, которую вызвал и продолжает Совет народных комиссаров. В состоянии войны находятся области: Украина, Дон, Кавказ, Туркестан, Область войска Уральского и некоторые местности Сибири, Финляндия и Прибалтийский край.

В центре России и в столицах анархия, жестокие репрессии и расстрелы; грабежи, голод, озлобление доведены до крайности, тюрьмы переполнены, фабрики и заводы частью закрыты, частью закрываются от безработицы. Железные дороги останавливаются. Начинается ожесточённая борьба на земельной почве.

Такова мрачная картина и положение России внутри. К этому присоединяется ещё одно из величайших преступлений, предающих Россию: сепаратный мир, заключённый Советом народных комиссаров с Германией.

Совет народных комиссаров резко отмежевался от наших союзников и встал к ним во враждебное отношение и в конце концов заключил сепаратный мир с Германией на самых тяжёлых и неслыханных условиях для России. Вот они: Финляндия от России отделилась. От России отходит весь Прибалтийский край и Польша. Украина объявлена самостоятельным государством и временно находится под протекторатом Австрии. Часть Бессарабии отходит к Румынии, которая заключает мир с Германией. Россия немедленно заключает с Украинской народной республикой мир.

Украина и Финляндия незамедлительно очищаются от русских войск и красной гвардии. Россия обязана обеспечить Турции возвращение ей восточных Анатолийских провинций и областей Ардагана, Карса и Батума. Армения получает самоуправление под контролем Турции. Одесса обеспечивается как порт Украины. Последняя заключает договор с Германией и с Австрией, по которому обязалась доставлять им хлеб, взамен получать товары и изделия Германии.

Россия обязалась восстановить торговый договор 1905 г. ещё на более тяжёлых для себя условиях. Руду, лес и хлеб Россия обязана направлять только в центральные империи, последние беспощадно ввозят в Россию свои фабрикаты.

Все живые силы страны не признают такого позорного сепаратного мира и заявляют свою верность союзникам. Настаивает на таком мире только одна партия большевиков. Такой мир ещё более усугубляет тяжёлое состояние страны и довёл её до агонии. Столица из Петрограда перенесена в Москву. Посольства оставили Петроград. Японский и американский посланники следуют на Дальний Восток. Наш край живёт под страхом оккупации. Происходит ожесточённая гражданская бойня в Благовещенске и между Читой и Маньчжурией. Из центра сведения доходят не проверенные, весьма тревожные. Во Владивостоке спокойно. О последующем сообщу. *Лавров*".

Гор. Петропавловск, 17 марта 1918 г. Председатель Камчатского областного комитета *А. Пурин*, городской голова г. Петропавловска *Голубецкий*».

На следующий день от *К. П. Лаврова* была получена вторая телеграмма о высадке международного десанта во Владивостоке. Это ускорило ход событий и на Камчатке. Как раз в это время происходил волостной съезд в с. Завойко, где были и представители областного комитета, и городской думы. Съезд этот потребовал закрытия совдепской газеты и роспуска совдепа. Совдеп в свою очередь мобилизовал все свои силы. 19 марта стало известно, что совдеп готовится силой оружия захватить власть и расправиться с антисоветским населением города. Чтобы не допустить «Варфоломеевской ночи», областной комитет выехал вечером в селение Сырогласка (так в тексте. — *Ред.*), куда прибыли из разных мест вооружённые люди для защиты комитета. Около двух часов ночи было принято решение о необходимости объявить Камчатку автономной впредь до образования антибольшевистской власти в Сибири, и решено через два часа выступить для ареста совдепа. Все эти мероприятия были встречены населением сочувственно. Как

это всегда бывает, и в нашей среде оказались предатели. К моменту выступления вооружённые жители не решились «проливать крови и арестовывать совдеп», который готов был подчиниться всему; население, помимо комитета, вынесло решение о сепаратных переговорах с совдепом. Около шести-семи часов утра вооружённые антибольшевистские отряды постановили командировать меня и городского голову в город для ведения переговоров с большевиками. Вместе с нами должны были пойти трое приезжих камчадалов.

Совдепу было послано извещение, что если кто-либо из делегации будет тронут, то ответственными за это будут все находящиеся на Камчатке русские. Каждому из нас было ясно, что выступление это теперь грозит уже не совету, а интеллигенции.

По прибытии в Петропавловск мы явились в помещение местной команды, где заседал совдеп. Солдат здесь не было, и, как позднее оказалось, — большинство их попряталось и совершенно не желало выступать против вооружённых жителей. Вскоре собрались члены совдепа и много публики. Я изложил цель нашего прихода и требование населения, которое заключалось в следующем:

1) ни население области, ни областной комитет не могут признать власти советов и требуют, чтобы совдеп немедленно был расформирован, а переведённые ему Лениным деньги полностью внесены обратно в местное казначейство. Красная гвардия должна быть сейчас же распущена, газета закрыта;

2) население не может признать власти Совета народных комиссаров, продающих родину и предающих русский народ в новое рабство, а потому Камчатская область впредь до образования сибирской антисоветской власти объявляется автономной и полнота власти в крае переходит к областному комитету как единственному правомочному выразителю воли народной;

3) всякая попытка со стороны совдепа отстаивать свои права будет подавлена силой оружия. Население ждёт нашего возвращения.

На эти требования председатель и члены совдепа заявили, что они готовы сложить свои полномочия и выступать против населения не желают, но так как они избраны горожанами, то сегодня же ими будет собран митинг и окончательно разрешён этот вопрос.

В толпе начались обычные выкрики и угрозы. Члены делегации растерялись. Я оказался унесённым толпой в командную кухню, где председатель совдепа и несколько солдат решали судьбу моей жизни. Холодное дуло нагана касалось моего виска, но товарищи, по-видимому, не решались меня прикончить, так как в то время я был популярен среди населения области и произведённое надо

мною насилие было бы достаточным предлогом, чтобы разделаться и с совдепом, и с хищниками, уничтожавшими в заповедных местах природные богатства Камчатки. К тому же в шести верстах от города находились члены комитета и отряд. Такие же отряды находились в пути и из других волостей.

Совдеп также отправил своих агентов к собравшимся в селении Сырогласка вооружённым жителям и обещал сложить полномочия, если на это согласятся горожане. Члены совдепа утверждали, что за власть они не держатся и что виновниками выступления являются члены областного комитета. 20 марта в три часа дня в Народном доме состоялся большой митинг. Мне, как и остальным членам комитета, пришлось выступать перед толпой друзей и недругов и пережить много тяжёлых минут. Порою казалось, что тебя разорвут, но нужно было заявить ясно и определённо о непризнании советской власти. Хотелось ещё раз убедить собравшихся не верить большевикам и общими усилиями спасти от заразы хотя бы Крайний Северо-Восток России. Но из этого ничего не вышло, и окончательное разрешение вопроса перенесено на 21 марта, на соединённое заседание Камчатского областного комитета, Петропавловской городской думы, Петропавловского совета рабочих и солдатских депутатов, представителей населения и общественных организаций, на котором после продолжительных прений была принята следующая резолюция: «Приказ № 1 Камчатского областного комитета об объявлении Камчатской области автономной постановлением настоящего соединённого заседания отменяется».

С отменой указа об автономии Крайнего Северо-Востока и приказа № 1 о роспуске советов и красной гвардии был решён вопрос о возможности дальнейшей работы областного комитета, который вскоре переименовал себя в областной совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Я и часть членов комитета сложили свои полномочия, часть осталась. Областной совет составил из приезжего элемента, среди которых были лица с тёмным прошлым, и стал диктовать свою волю области. Комиссарами ведомств в большинстве случаев были назначены лица малограмотные и не имеющие никакого понятия о долге и чести и об ответственности их пред родиной. Окружной суд и ряд других учреждений были закрыты либо переформированы на советский лад. Надо мною и моими единомышленниками было назначено следствие.

Во главе чрезвычайной следственной комиссии по контрреволюционной деятельности членов областного комитета встали лица

безграмотные (Попов, Киселёв и другие) и с уголовным прошлым, которые предъявляли нам самые несуразнейшие обвинения, вроде того, что мы хотели продать Камчатку Японии и уже получили за это пять миллионов иен.

Указ об автономии и приказ № 1 были изъяты из дел областного комитета и приобщены к следственному производству, и документы эти пропали во Владивостоке (при свержении власти советов), куда всё следственное производство было увезено в конце мая 1918 г.

Несмотря на неоднократные требования, я не являлся в следственную комиссию и никаких сведений не давал. То же делали и другие мои соратники. Следственная комиссия раз заглянула к нам на квартиру, но после того, как она задумала над нами поиздеваться, мы её выгнали. Обещали прислать красногвардейцев и арестовать нас. Мы заявили, что живыми в руки не дадимся и в каждого, кто задумает приблизиться к дому, будем стрелять. Совдеп чувствовал себя настолько слабо, что ничего не мог поделать и ждал помощи из Владивостока, по прибытии каковой должен был состояться над нами суд.

Нам были предъявлены следующие обвинения:

1) в непризнании власти Совета народных комиссаров и советов и в организации вооруженного восстания населения против этой власти;

2) в попытке отделиться от России и продать северную окраину Японии, для каковой цели было организовано временное областное правительство;

3) в призыве населения встать на защиту Всероссийского Учредительного собрания, составленного из буржуазных классов;

4) в стремлении связаться с Сибирским автономным правительством и Сибирской областной думой и признать её власть в Камчатской области.

Петропавловский совдеп много старался, чтобы исказить наши намерения, и добился в конце концов того, что ряд общественных деятелей Камчатки был объявлен «врагами народа» и вне закона...

Чего же, собственно, добивался областной комитет или те члены его, которые задумали, разработали и, наконец, попытались осуществить автономию Севера? Явились ли мы с определённой программой обновления и очищения нашей окраины и можно ли было одобрить эту программу?

В дни гибели государства нельзя оставаться безучастным зрителем и мириться со всеми последствиями, поэтому, осуществляя автономию, мы прежде всего думали о России как целом.

Первейшей нашей задачей являлось освобождение окраины от коммунистов и советов, уничтожавших семью, школу, церковь, всю ту многовековую культуру, которой жила Русь столетиями. Второй задачей нашей являлось восстановление тех учреждений, кои действовали в области до октября 1917 г., причём введение волостных земских учреждений в области и городского самоуправления в Охотске и Гижиге являлось задачей дня. Все подготовительные работы в этом направлении уже были в значительной части своей выполнены. С момента введения означенных учреждений предполагалось созвать областное земское собрание, которому и должна была быть передана полнота власти. Диктовалось это следующими соображениями:

1) богатейшая окраина, находясь под напором иностранцев, не видела на себе российской заботы и не могла даже видеть признаков проявления этой заботы в ближайшее время;

2) являясь богатой страной с издавна установившимися торгово-промышленными сношениями с соседними странами, при соответствующей постановке областного хозяйства могла бы не только самостоятельно развиваться в культурно-экономическом отношении, но и отдавать значительную часть своих доходов соседним областям, освобождённым от большевистской власти;

3) областная власть, лишённая средств и прав, оторванная от центра, была вынуждена силою обстоятельств прибегать подчас к незаконным действиям и, строго говоря, представляла собою пародию власти.

Чтобы устранить все имевшие место несуразности и безболезненно разрешить основной вопрос о судьбе Камчатской области с наибольшей пользой для государственных и местных интересов, требовалось: во-первых, устранить обстоятельства, препятствующие установлению порядка и законности, во-вторых, образование соответствующей областной власти и, в-третьих, определённое установление пространства прав этой власти на заведывание и распоряжение естественными ресурсами области, говоря проще, положить в основу принцип финансово-экономической самостоятельности Камчатской области впредь до того момента, пока появится общегосударственная или краевая всеми признанная национальная власть.

С освобождением от большевиков соседних областей предполагалось совместными силами создать краевую центральную власть, которая отнюдь не должна была быть бюрократической. Каждая область должна была стоять непосредственно пред центральной властью как крупный живой организм. Связывающим

звеном, с одной стороны, являлся бы представитель центра во главе областного правительства, с другой — очень самостоятельное областное земство. В каждой области легко и безболезненно можно было бы строго разграничить общегосударственные дела от местных, а такое разграничение нужно как воздух, как свет, ибо каждая область имеет свои особенности. До настоящего времени всё сосредотачивалось в министерствах, в которых задыхалась Россия. Сибирская власть должна была освободиться от вопросов внутреннего управления, просвещения, благочиния, земледелия, промышленности, местного хозяйства и т. д. Всё это предполагалось передать областным правительствам. В руках верховной власти должны были остаться: вся военная сила, финансы, денежная система, кредит, железные дороги, почта, телеграф, суд, контроль и прочее. Законодательство должно было создать прочную связь центра с областями, так как все мелочи перешли бы к областям, а только общие и крупные законы вырабатывались бы не чиновниками, а лучшими силами областей и входили бы в силу с утверждения их центром. При такой конструкции центральной власти предполагалось освободить её от бюрократической опеки и связать государственные интересы с интересами разношёрстного населения. Первейшей обязанностью центра являлась бы забота о России и освобождении её от коммунистов.

Так мыслили мы себе государство будущего, и во имя этого мы вступили в борьбу.

С образованием областного совета последний разослал по области нижеприводимую циркулярную телеграмму: «Комиссары Временного правительства упразднены. Полнота власти на местах передана советам рабочих, крестьянских, батрацких депутатов. В состав советов не должны входить цензовые элементы, буржуазия, купцы, также бывшие полицейские чины и состоявшие в Союзе Михаила Архангела. Где нет организаций от общих собраний граждан, выберите советы, причём правом голоса цензовые элементы не пользуются, голосуют только рабочие, крестьяне, батраки, инородцы-крестьяне, вообще все трудящиеся граждане, продающие свой труд. Количественный состав уездных городских советов определяется пятнадцать человек, волостных — пять, причём совет уездный и уездного города должен быть общим, равным пропорциональным представительством от волостных, городских, рабоче-крестьянских организаций советов. Уездные советы административно подчиняются Камчатскому областному совету, действуя согласно декретам, постановлениям как центральной, так

краевой и областной власти. Средства будут отпускаться только на указанное число членов. Содержание получают равно президиум и члены: семейные 400, холостые 300 рублей, лишь в том случае, если они отдают всё время советской работе. Отношение к судебным властям в настоящее время не определено до прихода парохода. Окружные суды упраздняются. К мировому судье надлежит делегировать от уездного совдепа двух представителей с правом решающего голоса впредь до организации народного суда. Милиция избирается всеми гражданами, содержание сообщается дополнительно по утверждению общей сметы в Петропавловске. Продовольственные комитеты работают под контролем совдепа, подчиняются им. Признающие власть Временного правительства отстраняются от занимаемых должностей, считаются контрреволюционерами, предаются народному революционному трибуналу. Покупки, продажи, сделки землёю, недвижимостью прекращены. Городским и уездным совдепам предписывается установить наблюдение за нотариусами при несоблюдении настоящего декрета. Имущие классы облагаются налогами в пользу совдепа по его усмотрению, не внося расстройств в торговлю. Поступающим суммам от налогов вести строгий учёт. При обложении налогами нужно руководствоваться действительной потребностью сметы расходов и доходов городского и уездного хозяйства и тех учреждений, кои перешли в ведение совдепа. Точные нормы обложения будут сообщены дополнительно по получении декрета. Все привилегии особых преимуществ службы декретом отменены. В организованный на приисках Фогельмана совет горнорабочих (в Охотске. — *Ред.*) желательно, чтобы вошли все горнорабочие ближайших мелких приисков Охотска, иностранные подданные в совет не входят. Содержание членов совета на приисках должно ложиться за счёт предпринимателей-хозяев. От совета горнорабочих должны входить представители в уездный пропорционально представительству от других единиц. 235. Предоблсовдепа *Ларин*».

В середине 1917 г. фирмы «Стахеев» и «Люри» из Николаевска отправили в Охотский уезд несколько золоторазведывательных партий. Партийные разведки производились также по рекам Тунгуске и Иня, но за отсутствием там золота работы были прекращены. Прибывшие в уезд лица оказались не трудолюбивыми, а элементом, праздношатающимся и гуляющим. Не пожелав заняться другим делом, они в конце концов все сгруппировались в Охотске, где прииски Фогельмана, Тютрюмова и другие были захвачены приехавшими посланцами Николаевского совдепа и где

работали теперь на началах коллективности. После перехода власти к совдепам я получил письмо, характеризующее положение дел в Охотске. Привожу из него выдержки:

«Боже мой, что здесь творится. Золото добывает каждый сам себе, золото пропивает каждый сам своё. Выгонка самосадки рисовой и мучной кругом приисков дело открытое. Рис приобретали на золото, конечно, от японцев, куда оно уплывает десятками фунтов. На приисках чисто административные полицейские функции исполняет горный коллектив, который за проступки: драки, воровство и т. п. — расправляется коротко “дать полсотни или сотню горячих” — и секут виновного прямо до полусмерти. Указанный суд только один, других наказаний почти нет, разве кроме большого штрафа золотом, каковой виновный не может внести, почему также подвергается порке. Это суд коллектива в отдельности над рабочими, но бывает, что общее собрание горнорабочих таким же образом судит и наказывает и самый коллектив за что-либо неправильно содеянное. Это так самоуправляются на приисках. В городе же есть совет и комитет, творящие тоже что-то неладное. В продовольственном комитете явная для всех растрата тысяч восемь-десять, которую, а также на жалованье себе, сотнями раскладывают на продукты, и потребитель отдувается за всех. Торгующим Бушуевой, Черкасскому и другим ввиду того, что у них продукты дешевле, после проверки счетов торговать не дают, делают обыски, и вообще творится невозможное. Учётов, ревизии, конечно, нет. В уездном совдепе люди малограмотные в большинстве, устраивают свои дела посредством общих так называемых “народных сходок”, куда сознательный элемент и не ходит и где берут вверх несколько крикунов, вечно гуляющих и пьянствующих. Общее впечатление таково: никто не подчиняется ни центральному правительству, ни областной власти, говоря, что теперь “власть на местах”. Конечно, это всё распространяется и по уезду, где тоже бродят нежелательные слухи. Около отдельных крикунов группируются враги всякого благоустройства и сторонники анархизма. Чтобы прекратить всё это, если вы вернётесь к власти, необходимо прислать в Охотск начальника милиции из офицеров, человека энергичного, с отрядом человек в пятьдесят, ибо только этим путём можно было бы удержать разнуздавшиеся страсти людские, а также прекратить сбыт золота в Японию, которое уходит туда за спирт. Ведь новая жизнь сама не сделается, надо же, наконец, устраивать порядок государственный. Раз решили положительно вопрос о введении на Камчатке земства, горопитесь же к этой организованности,

шлите материалы для знакомства населения, что такое земство, ведь крестьяне этого не знают, их не знакомили. К тому же летом им не до науки, они заняты рыбой, зимою же от нечего делать их можно занять беседами и постепенно приготовить к новым формам сознательного общественно-государственного управления. Пока не поздно, действуйте и чаще напоминайте о себе. Сейчас в наших местностях бороться со всем разлагающим, что начинает сильно проявляться, становится уже трудно. Самое главное, необходима борьба с выгонкой самосадки, торговлей спиртом и спаиванием тунгусов. В состоянии опьянения честный трудовой народ легко поддаётся влиянию публики, шатающейся без определённых целей и стремлений, развращающей его всесторонне. Возьмите наше глухое село. Под влиянием слухов, весьма достоверных, что Охотск не признаёт областного совдепа и центра, и болтовни анархически настроенных лиц крестьяне отказываются выполнять какие бы то ни было общественные повинности. Я лично, как материально зависимый от общества, думаю, что в будущем не сумею угодить толпе, капризы которой ежечасны, и думаю, что придётся отсюда скоро выезжать...»

Точно в таком же положении находились Анадырский и Гижигинский уезды, где произвол свил прочное гнездо. На Петропавловский уезд, хотя и распространялась власть советов, его население считалось с таковой постольку, поскольку она была для них выгодной. Никакого влияния на ход жизни совдеп здесь оказать не мог, и единственно, чем он отравлял существование аборигенов края, — это различного рода налогами, коих, впрочем, мало платили, агитацией против интеллигенции, духовенства и зажиточных классов. В волостях в большинстве случаев оставались комитеты, созданные в 1917 г.

Часть 2

В конце мая 1918 г., председатель областного совдепа Ларин и члены «Чрезвычайной следственной комиссии по контрреволюционным делам» выехали в Хабаровск для доклада Дальневосточному Совету народных комиссаров о положении дел на Севере. До нас доходили сведения, что совдеп будет настаивать на применении к автономистам высшей меры наказания, и чтобы таковое в назидание другим было приведено в исполнение в Петропавловске. Это должно было случиться с приходом красного военного корабля, на котором должен был прибыть военный суд.

Между тем события продолжали развиваться. Глухим эхом приходили с материка известия, что там не всё благополучно. В радиотелеграммах сообщалось, что завоеванию пролетариата угрожают контрреволюция, буржуазия и чехословаки. Местный совдеп всё чаще и чаще устраивал митинги, призывал к организованности, увеличивал число красногвардейцев, реквизирует оружие, вооружался сам и вооружил своих единомышленников.

Но вот неожиданно случилось событие, сыгравшее решающую роль в камчатской жизни. В двадцатых числах июня в Японии был задержан русский пароход, следовавший с продуктами на Камчатку. В это время рыболовный сезон был уже в разгаре, однако в крае совершенно не было соли, что влекло за собою огромные убытки как для населения, так и для промышленных предприятий.

25 июня в адрес городской думы была получена телеграмма: «Арестован ли совдеп? В противном случае соль не будет выпущена. Российский консул *Лебедев*».

Так как городская дума была большевиками разогнана, радиотелеграмма была доставлена совдепу, который её скрыл от населения. Копия телеграммы была вручена мне как бывшему председателю областного комитета, которому в 1917 г. население области доверило защиту своих интересов. 27 июня состоялся многочисленный митинг совдепа, на котором говорилось о провокации, о контрреволюции, о защите советской власти, о предательстве японцев, и из всех речей можно было заключить, что совдеп что-то скрывает и боится, чтобы население не узнало правду.

Одним из присутствующих на митинге, который был посвящён в суть дела, был поднят вопрос о продуктах. Выступавшее лицо пыталось убедить толпу, что она ошибочно надеется на Дальсовнарком, что нельзя закрывать глаза перед надвигающейся опасностью быть без продуктов, что нечего искать крамолы там, где она пустой звук, что нельзя обрекать промысла и жителей на гибель, но ему не дали говорить. Ответом на это послужил призыв к расправе с контрреволюционерами и к защите советской власти. Вместо того чтобы заявить публично, что члены совета признают для себя невозможным оставаться далее во главе области, они приняли резолюцию просить Дальсовнарком выслать триста тысяч пудов соли, послали ему привет и проклятие белогвардейцам. После этого стало ясно, что члены совдепа не откажутся добровольно от власти, которой они тешились, как дети.

Как совдеп ни скрывал истинного положения дел, население проведало о задержке парохода с продуктами. Ко мне обратились

некоторые инородцы от волостей с вопросом: действительно ли имеется такая телеграмма? Я подтвердил документально факт её получения.

27 июня у меня собрались некоторые из бывших общественных деятелей и представителей селений на совещание о создавшемся положении для области. Совещание носило секретный характер и приняло решение выступить против советов активно, в каком-то направлении, и были начаты работы.

В первых числах июля нам стало известно о перевороте во Владивостоке и об образовании правительства автономной Сибири, ближайшей задачей которого являлась борьба с большевиками и освобождение Сибири от коммунистического ига. Ознакомившись с декларацией правительства, мы признали её отвечающей интересам и чаяниям населения, и именем этого правительства решили освободить Камчатскую область от большевиков.

11 июля около десяти часов вечера ко мне прибыл на шлюпках отряд повстанцев от волостей и начали собираться посвящённые в сущность дела горожане. Прилегающая к радиостанции местность была оцеплена, телеграфное и телефонное сношение с городом и окрестностями прервано. В город направились отдельные разведчики. В двенадцать часов ночи было открыто заседание революционного штаба, который единогласно постановил передать полноту государственной и общественной власти в крае областному комитету, избранному съездом всего населения области в 1917 г. Начальником отряда и комендантом города был назначен поручик Токаревский.

Через каждые полчаса мы получали точную информацию о положении дел в городе. Там всё было спокойно, никто не полагал и не ожидал никаких выступлений. Население мирно спало, советские деятели и красногвардейцы частью спали, частью пьянствовали. К двум часам ночи наш отряд состоял из тридцати шести человек, у многих не было пока оружия, но зато все мы были спаяны единой волей, единой верой в правоту своего дела, единой любовью к своей оплётанной и поруганной несчастной родине, и это давало нам возможность черпать силы и надеяться на успех.

Ряд лиц, которые обещали принять участие в перевороте, не надеясь на успех, не явились, но тем не менее мы решили выступить в два часа ночи и произвести арест областного, городского советов, красногвардейцев и всех сочувствующих им.

На востоке чуть занималась заря. Моросил мелкий дождичек, когда мы двинулись в путь. Отряд разбился на две группы, осто-

рожно подходил к намеченным зданиям, оцеплял их, разоружал одного за другим активных работников совдепа и отдельных красноармейцев, и отобранным оружием и снаряжением вооружались теперь уже мы. В три часа ночи было оцеплено здание военного комиссариата и казарма красногвардейцев, где не было даже часовых. Начальник отряда в сопровождении трёх повстанцев вошёл в помещение и произвёл страшнейший переполох. Всё оружие было выдано без сопротивления, а красноармейцы присоединены к арестованным. Многих трясла лихорадка, многие спрашивали конвой, что с ними сделают. К пяти часам утра арестованных было свыше ста человек, для конвоирования которых пришлось отрядить половину нашего отряда. Подвигаясь вперёд без единого выстрела, мне около шести часов утра пришлось наткнуться на чисто житейскую сценку. В одном из домов председатель продовольственного комитета, члены совдепа и различных организаций спокойно сражались в карты. Стол был уставлен батареей бутылок. Без труда все были разоружены и присоединены к остальным. В общем, за ночь мы так привыкли разоружать своих противников, что один человек входил свободно к десяти вооружённым красноармейцам, направлял на кого-нибудь из них револьвер, отбирал оружие и выгонял к остальным. Товарищи никак не ожидали подобной дерзости и беспрекословно повиновались отдаваемым распоряжениям.

От топота ног и с наступлением утра пробуждались горожане и пугливо выглядывали из дверей. Многие нас приветствовали, многие брали винчестера и присоединялись к нам.

К семи часам утра все арестованные были доставлены в зал высшего начального училища. В городе то там, то здесь появились национальные флаги, и многие, не зная о том, что произошло под покровом ночи, были поражены случившимся. Ни с той, ни с другой стороны не было сделано ни одного выстрела, не было ни одной жертвы. Отобранное оружие исчислялось сотнями. Часть его впоследствии была выслана во Владивосток для вооружения войск Сибирского правительства.

За отсутствием арестного помещения для столь большого числа задержанных, революционный штаб после отеческого внушения освободил почти восемьдесят процентов арестованных. Многие из них проклинали совет, втравивший их в невыгодную сделку, многие просили зачислить их в отряд милиции или команду, обещающая верой и правдой служить родине и народу. Все активные деятели были заключены под стражу, и власть с семи часов утра

12 июля 1918 г. по старому стилю перешла к Камчатскому областному комитету.

В девять часов утра было выпущено следующее объявление:

«Граждане Камчатской области! Советская власть довела Камчатскую область до того, что она не имеет ни денег, ни хлеба, ни соли. Нет пароходов — этого важного жизненного нерво-промысла. Постановления областного съезда, клонившиеся к благу всего трудового народа, попораны. Нет свободы слова, печати, личности, жилищ. Нет ни власти, ни законности. Произвол и насилие властвует над всем. Большевики предали Россию и Сибирь в руки немецкого империализма. Большевики погубили завоевания великой российской революции. Восставшие народы сбросили власть большевиков в Западной и Средней Сибири и создали автономное Сибирское правительство, в состав которого вошли социалисты революционеры, демократы и народные социалисты. Советская власть на Камчатке в лице областного совета, приведя страну в затруднительное положение и не умея из него выйти, усилиями местных жителей лишена полномочий.

Власть в Камчатской области принята областным комитетом, избранным на съезде в 1917 г., и городской думой, как законными носителями демократической власти, и в ближайшее время будет передана коренному населению Камчатской области, как наиболее заинтересованному в жизни окраины. Неуклонно и твёрдо пойдут эти учреждения по пути революционной законности, к праву и справедливости в измученной стране.

Будьте, рабочие, крестьяне, казаки, туземные племена и все классы населения, — гражданами! Будьте едины в своём стремлении к спасению Родины и Камчатки!

Председатель Камчатского областного комитета *А. Пурин*, товарищ его *П. Сусляк*».

С переходом власти к областному комитету необходимо было восстановить деятельность учреждений, существующих в крае до большевиков, и разрешить ряд вопросов местного характера. Чрезвычайно сложно было и международное положение окраины, так как у берегов Камчатки плавали японские военные суда, высаживавшие десанты в селениях и выяснявшие здесь количество большевиков. Президиум областного комитета издал ряд распоряжений, впоследствии одобренных комитетом. В полдень 12 июля было назначено заседание наличных членов областного комитета, городской думы и представителей ведомств. На заседание были допущены представители населения и общественных организаций.

О свержении советской власти население области было извещено следующей телеграммой: «Волей коренного Камчатского населения советская власть в Камчатской области и городе Петропавловске свергнута. В управление окраиной вступил областной комитет, избранный съездом в 1917 г. В Петропавловске восстановлена городская дума созыва 1917 г. Предлагается всюду восстановить органы управления, действовавшие до захвата власти большевиками, всех активных деятелей советовласти и лиц, стремящихся к анархии и неподчинению, задерживать и выселять из пределов области. В Петропавловске открылся съезд представителей ближайших волостей, который объявил диктатуру коренного населения Камчатки и полноту исполнительной власти передал до съезда комитету. Область находится в безвыходном положении: нет денег, хлеба, соли, продуктов. Областной комитет напрягает чрезвычайные усилия поднять экономическое благосостояние края. В конце июля созывается второй областной съезд. Постановлением волостных съездов высылаются во Владивосток без права возвращения в Камчатскую область свыше пятнадцати лиц большевиков. Пароход “Адмирал Завойко” идёт во Владивосток для получения инструкций от Сибирского правительства, оттуда зайдёт в Охотск и в пункты западного побережья. На днях придут крейсера “Беринг” и “Лейтенант Дыдымов”, которые должны содействовать перевозке делегатов и доставке продуктов. В Тигильской и Хайрюзовской волостях нет хлеба, будет выслан. У красногвардейцев отобрано и отбирается много оружия. Получены известия, что задержанный в Хакодате с продуктами пароход теперь будет выпущен. В городе образцовый порядок».

В ответ на эту информацию была получена масса телеграмм. Приветствия поступали не только от оседлого населения, но даже от кочующих инородцев, которые также успели испытать «прелести» коммунистического рая. Повсюду население радостно приняло весть о перевороте и тем или иным путём старалось это подчеркнуть. Из многих волостей, в том числе от кочевых ламут, прибывали в Петропавловск делегаты и благодарили членов областного комитета за восстановление правопорядка и законности в крае. Они говорили, что был момент колебаний, за кем идти: за областным комитетом или советами. Первый обещал провести в крае демократические органы управления — земство, вторые представляли полную свободу самоуправления и критиковали непригодность земских учреждений, обещали новые порядки, но вместо этих порядков к власти пробрались известные в крае мошенники,

которые, ничего не делая, учили этому же людей. Вместо одного губернатора появилось десять министров. Воры и прохвосты стали диктовать правила и постановления, призывать людей к трезвости, пьянствуя без просыпу день и ночь.

Присмотревшись к советам, население поняло, за кем идти, поняло, кто враг и кто друг народа. Нас уверяли, что отныне население не станет признавать никакой другой власти, кроме власти, образованной самим народом на предстоящем областном съезде.

17 июля областным комитетом была отправлена в адрес Сибирского правительства следующая телеграмма:

«Население Камчатской области, свергнув и арестовав советы, шлёт приветствие Временному правительству и пожелания скорейшего свержения власти большевиков во всей Сибири и осуществления всех намеченных правительством мероприятий, клонящихся к установлению правопорядка, законности и гражданских свобод. В Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае власть принята областным комитетом, избранным на областном съезде в 1917 г. Власть комитета признана всем населением и окончательно укрепилась».

С арестом активных деятелей советов возник вопрос, что с ними делать. Держать их под арестом не было никакого смысла — это требовало, во-первых, значительного расхода, а во-вторых, вызывало нежелательные нарекания и слухи. Кроме того, не было у нас и достаточно людей для охраны арестного помещения. Прокурор окружного суда г. Кадашевский не находил достаточных улик для привлечения их к уголовной ответственности. Он неоднократно требовал от меня освобождения арестованных и в результате привлёк меня как председателя комитета к уголовной ответственности за свержение советской власти. Областной комитет был чрезвычайно возмущён таким поступком и не видел иного выхода, как распустить окружной суд, в каковом духе и было вынесено постановление. Это был незаконнейший акт, но выхода не было. В тот момент, когда вся Россия начинала борьбу с коммунистами, прокурор Камчатского окружного суда г. Кадашевский вместо того, чтобы помочь восстанавливать государственный порядок, всячески подрывал авторитет власти и всячески подыгрывался к большевикам. Окружной суд всё-таки распущен не был, но между административной краевой властью и прокурором суда до того были натянуты отношения, что стоило многих трудов не допустить ареста и высылки прокурора. Суд весьма неохотно начал свою работу и никакого участия в устройстве жизни области не

принимал. Исключение составляют два члена суда и два секретаря, кои приняли деятельное участие в работах областного комитета, за что и вынуждены были в конце концов оставить службу в суде. Прокурор несколько раз посещал арестованных и заявлял им, что он не находит в их действиях ничего противозаконного, что им неоднократно отдавалось распоряжение об освобождении их из-под ареста, но что распоряжениям его областной комитет не подчиняется.

Когда о действиях прокурора стало известно населению области, оно категорически потребовало, чтобы окружной суд был с Камчатки убран. По существу население было право. Окружной суд был создан здесь искусственно и прозябал от ничегонеделания. За шесть лет он разобрал не более пяти-шести подсудных ему дел. Ведь Камчатка сама по себе замечательнейшая в мире страна. До 1911 г. здесь не было случая, чтобы кто-нибудь что-нибудь украл. Само учреждение окружного суда на Камчатке можно объяснить недоразумением. При рассмотрении этого вопроса в Государственной Думе министром юстиции указывалось, что на Камчатке проживает более трёхсот тысяч человек, на деле цифра эта увеличена в десять раз. В то же время такие населённые пункты, как Сахалинская область и г. Николаевск, в действительности нуждались в окружном суде, но такового там не было. В конце концов мы доказали правительству беспечность окружного суда на Камчатке, и таковой был переведён в Николаевск-на-Амуре, о чём будет сказано ниже.

С приходом пароходов из Владивостока в Петропавловск понаехало много разных тёмных лиц, которые явно не пожелали признавать местных порядков. На улицах появились пьяные, начинались дебоши и драки, велась открытая пропаганда в пользу коммунистов. Для прекращения этого комендантом города Петропавловска было издано обязательное постановление, смысл коего сводился к следующему:

1) никто из пассажиров не смел выносить с собою на берег огнестрельное оружие и спиртные напитки;

2) воспрещалось ходить по улицам города толпами и группой более трёх человек;

3) воспрещалась всякая пропаганда и критика распоряжений, исходящих как от Сибирского правительства, так и от Камчатского областного комитета и учреждений, ему подчинённых;

4) виновные в нарушении настоящего постановления подвергались аресту и высылке из пределов Камчатской области.

Чтобы распоряжение это в действительности осуществлялось, все члены комитета вошли в состав местной команды на правах рядового бойца. Днём шла энергичная деловая работа в канцеляриях, ночью по очереди несли мы караульную службу. Это было тяжёлое время. В городе начиналось брожение, многие предпринимали меры к освобождению арестованных. Комендант ответил на это рядом арестов и обысков, во время которых был найден приводимый ниже документ:

«Письмо из Владивостока от председателя Камчатского областного совета И. Е. Ларина члену совета и комиссару юстиции Шиманчику.

Товарищ, крепитесь. Скоро, наверное, и мы приедем. Как уже я писал, Владивосток взят чехословаками в один день при помощи десанта с крейсеров. Как больно было смотреть на улицу: высыпали все толстобрюхие с весёлыми лицами. Пока хотя на воле. Выручайте нас. Нас не должны задержать, так как комитет областной избран по четырёхчленной формуле и ещё при Временном правительстве в июле прошлого года, так и пишете. Телеграфируйте. В случае если окрепнет власть правительства автономной Сибири, шлите уполномочие в состав её, оно будет полезно пока. Не знаю, а может быть, ещё и меня арестуют и товарищей не выпустят. За что про что... Вот так попали из огня да в полымя. В чужой похлёбке расхлёбывай. Управляйте благоразумно, не делайте осложнений. Крепко и стойко держитесь до второго съезда Камчатки. Мы не самозванцы, а посланники народа, избраны по четырёхчленной формуле. Делайте чаще собрания и разъясняйте народу правду. Организуйте вокруг себя крепче массы. Отсюда никакой поддержки не ожидайте, кроме плохого. Ну, так действуйте честно, прямо, благоразумно и энергично. Не дайте возможности выступить реакции. Ваш *И. Л.*

Товарищ Шиманчик, чтобы ни случилось, какое бы ни образовалось правительство, шлите мне уполномочие в это правительство. Из телеграмм увидите сами: пока всё ещё неопределённо. Ради Бога, примите самые энергичные меры к недопущению и у нас этой заразы. Всеми силами старайтесь удержаться, не дайте восторжествовать реакции. Говорят, к нам пошлют эмиссара, для чего, я удивляюсь: опять: “губернаторы”. Красную армию здесь всю разоружили. Совет арестовали. Переворот произвели чехословаки при помощи десанта китайского, английского и японского. Американцы держали себя нейтрально. Есть жертвы, но не так много. Ради Бога, выручайте нас. Не давайте много воли распро-

странять, будоражить население приехавшим на “Завойко” реакционерам. *И. Ларин*».

В первое время после переворота нельзя было думать об отдыхе. Принимавшее участие в перевороте население начало разъезжаться, а отряд милиции был настолько малочислен, что его не хватало для караульной службы. Правда, было много желающих поступить в отряд милиции, но в состав его принимались лишь лучшие и надёжнейшие люди из местных горожан и уроженцев Камчатки. Личное присутствие и днём, и ночью вызывалось необходимостью момента и желанием не допустить произвола, так как среди чинов отряда было несколько горячих голов, которые во что бы то ни стало хотели разделаться с некоторыми членами совдепа.

Благодаря своевременным принятым мерам никаких насилий над арестованными произведено не было. Постановлением чрезвычайного съезда ближайших волостей все активные деятели совдепа были выселены во Владивосток и лишены права обратного въезда в Камчатскую область.

Гораздо больше хлопот причиняли нам прибывавшие из Владивостока на Камчатку пароходы Добровольного флота. На кораблях этих по-прежнему действовали судовые советы, которые держали себя весьма вызывающе по отношению к местным властям. Пьяные матросы толпами болтались ночью на улицах, кричали и безобразничали. На заявление патруля не нарушать тишину отвечали дерзостями и руганью. Чтобы положить предел этому, начались поголовные аресты всех лиц, безобразничавших в городе. Председатели судовых комитетов являлись к коменданту и требовали освобождения задержанных. С ними поступали так же. Всех этих лиц предполагалось выселить из области во Владивосток на ближайшем правительственном пароходе. Однако скоро арестованные матросы и кочегары опомнились, и начались просьбы об освобождении. По ходатайству капитанов судов задержанные были наконец освобождены и доставлены на корабли под условием немедленного расформирования судовых советов, что фактически и было выполнено. Кроме того, виновники бесчинств в административном порядке были подвергнуты денежному штрафу. Эти мероприятия имели самое благодетельное последствие — с нашими обязательными постановлениями стали считаться не только местные люди, но и проезжающие. Жизнь вскоре вошла в нормальную колею, и областной комитет приступил к созидательной работе.

15 июля в селении Завойко был созван чрезвычайный волостной съезд с участием соседних волостей, делегатов Командорского и Охотского уездов и представителей от Петропавловска. Считая свою задачу выполненной, областной комитет предложил съезду принять полноту власти в области впредь до созыва краевого съезда представителей от всей области. Это своё решение областной комитет основывал на том, что коренное население более всего заинтересовано порядком в крае, и если оно таковой желает установить, то и должно принять соответствующие меры.

По обсуждении этого вопроса чрезвычайный завойкинский волостной съезд 16 июля 1918 г. принял следующее решение:

«Чрезвычайный завойкинский волостной съезд совместно с представителями Командорского и Охотского уездов и Петропавловской городской думы, созданный для обсуждения вопроса о создании временного управления областью в связи со свержением советской власти, обсудив всесторонне этот вопрос и принимая во внимание исключительную важность и спешность его разрешения, а также считаясь с особенностями камчатской жизни, постановил:

1) объявить для всей Камчатки диктатуру местного населения области в лице завойкинского волостного съезда впредь до созыва Камчатского областного съезда делегатов от волостей, который должен быть созван в самое ближайшее время;

2) всю полноту исполнительной власти съезд передаёт Камчатскому областному комитету состава, избранного на съезде делегатов от всей Камчатки в 1917 г.;

3) о настоящем постановлении довести до сведения Временного Сибирского правительства и всех волостей Камчатской области и просить их подтвердить завойкинскому съезду и областному комитету своё согласие на принятие такой исключительной, но совершенно вынужденной обстоятельствами момента меры, клонящейся к поддержанию порядка, спокойного течения трудовой жизни и восстановления поправных прав коренного населения Камчатки.

Председатель съезда *Рязанцев*, товарищ его *П. Крупенин*, секретарь *В. Алексеев*».

Это постановление было распространено по области, и отовсюду получены подтверждения. Таким образом, работа областного комитета начала протекать при полной и солидарной поддержке всего населения, которое во многих пунктах задерживало беспокойный анархически настроенный элемент и выселяло таковой из области во Владивосток для дальнейшего выселения по месту

рождения. Это оказало огромное воздействие на всех приезжих и вновь переселившихся. Но главная заслуга населения состоит в том, что подобным сознательным отношением к порядку и водворению спокойствия в крае оно избавило Камчатскую область от оккупации её Японией, которая ни в каком случае не допустила бы влияния коммунистов на Камчатке. Повсюду, где население относилось к образованию русской власти безразлично или враждебно, мы видим иностранные десанты, а такие области, как Сахалинская, оказались оккупированными, и здесь уничтожено всё то, что намекало на самоуправление, и край управляется иностранцами.

Со свержением советской власти и водворением порядка в крае, чему способствовало само население, необходимо было перейти к нормальной работе, необходимо было позаботиться о средствах и продовольствии для населения области. В казначействе и в кассах специального сборщика в уездах не было никаких средств. Между тем предстояли весьма крупные расходы. Не было даже денег для уплаты жалованья служащим.

Обсудив этот вопрос, областной комитет обратился к населению со следующим воззванием:

«Граждане Камчатской области! Власть, разорившая Россию и доведшая её до нищеты, свергнута, и в настоящее время нужно приняться за воссоздание всего разрушенного. Необходимо употребить всю энергию, ещё не иссякшую, при том кошмаре, который пришлось пережить. Власть, заслужившая презрение и недоверие, заставила всех граждан выбрать из государственного казначейства все свои сбережения, и касса государственного казначейства пуста. В настоящее время начинается творческое строительство, требующее энергии и денег. Несите же, граждане, доверчиво скопленные сбережения в государственное казначейство и тем помогите воссоздать разрушенное. Государство вступает на путь экономического развития, и мы должны ему доверить свои сбережения и тем выполнить свой священный гражданский долг!»

Ко дню свержения власти советов в казначействе оставалось около шестнадцати тысяч рублей, после опубликования выше приведённого воззвания население стало вносить деньги в казначейство, и в ближайшие же дни мы располагали средствами свыше чем двести тысяч рублей. Это указывает, что население вполне доверяло вновь образовавшейся власти и охотно старалось власть эту поддержать.

С восстановлением деятельности Петропавловской городской думы она обратилась к населению со следующим воззванием:

«Граждане! Волей Камчатского коренного населения советская власть у нас здесь свергнута. Законные органы власти приступили к сложной и ответственной работе по созданию прочного, справедливого правопорядка и обеспечению личной и имущественной безопасности всех граждан. Городская управа вступила в исполнение своих обязанностей. Не предрешая впредь от своего имени разрешения насущных вопросов, а также экономических нужд города, она в первую очередь принимает на себя заботы о скорейшем проведении выборов нового состава городской думы, вручив вашим избранникам всю полноту власти для проведения экономических сторон жизни города на благо и пользу всех граждан.

На состоявшемся на днях общем собрании граждан-домовладельцев вынесено было единогласно пожелание о введении в нашем городе упрощённого городского самоуправления, цель и задачи которого сводятся к облегчению материальных задач города, которое будет лежать меньшим бременем для нашего малонаселённого, малоразвитого в промышленном и торговом значении уголка.

Городская дума со своей стороны, вполне разделяя это пожелание граждан, приступит в ближайшем времени к выборному производству нового общественного самоуправления на упрощённых началах, сохраняя при этом выборное производство на самых широких демократических началах, данных нам революцией. *Городская управа*».

Не получая никаких сведений от Сибирского правительства по различным вопросам управления северо-восточной окраиной, областной комитет вынужден был действовать самостоятельно на началах автономии, руководствуясь основными государственными законами и положениями, изданными Временным правительством по 24 октября 1917 г. Вопросы местного характера разрешались и регулировались журнальными постановлениями комитета, принимавшими силу закона с момента их опубликования. Возникшая было мысль восстановить должность областного комиссара Временного правительства отпала, так как Лавров сложил свои полномочия с выбором его в Учредительное собрание и находился во Владивостоке, а заместитель его, бывший член Второй Государственной Думы И. Ф. Голованов, состоял членом областного совдепа, и чрезвычайным съездом волостей ему было выражено недоверие. В этом случае, по моему мнению, съезд поступил опрометчиво и необдуманно. Интеллигентные работники, входившие в состав совдепа, являлись сдерживающим элементом и всячески старались умиротворить разбушевавшиеся страсти.

С восстановлением правопорядка областной комитет приступил к осуществлению мероприятий, намеченных первым камчатским областным съездом в 1917 г., и к разрешению целого ряда вопросов, имевших существенное значение для края. Хотя большевизм и не свил себе прочного гнезда в крае, но всё же жизнь была выбита из нормальной колеи, отсутствовал однообразный аппарат управления, и ряд учреждений бездействовал. Не было учителей, медицинского персонала, учебных пособий, медикаментов, продуктов. В заповедных местах появилось много хищников, русских и иностранцев. Шхуны разных национальностей свободно хищничали на побережьях, и охотники высаживались даже на Командорских островах и у мыса Лопатка, где началось беспощадное уничтожение морских котов и бобров — этих ценнейших в мире животных, сохранившихся пока что только в Камчатской области.

Отовсюду получались самые печальные вести и просьбы выслать продукты. В некоторых местностях население не видело уже хлеба по два месяца и питалось сушёной рыбой — юколой.

К довершению всего у берегов Камчатки появились японские военные суда и ползли зловещие слухи о неизбежной оккупации края Японией. Этим воспользовались ревнители советовластия, и началась агитация уже в пользу комитета.

Отсутствие людей с административным опытом, отсутствие средств и оторванность от центральных управлений Сибирского правительства чрезвычайно затрудняли нашу работу и приводили нас порою к ошибочным и неправильным решениям, в которых нас впоследствии несправедливо обвиняли и критиковали. Но что ж поделать, с верой в лучшее будущее своей родины мы восстанавливали одну из частичек России — Камчатскую область так, как умели, памятуя, что, когда наступит день подсчёта, когда спросят каждого русского человека, что он сделал для родины, — мы смогли бы дать ответ на этот вопрос.

За период времени с 12 июля по 31 декабря 1918 г. областным комитетом были проведены следующие мероприятия:

1) возобновлены работы особой комиссии по введению земских учреждений в Камчатской области. Председателем комиссии был назначен председатель Петропавловской городской думы. В состав комиссии были привлечены юристы, начальники учреждений и представители от местного населения. Комиссия собрала весьма ценный статистический материал, но земство в области ввести не удалось по причинам, о коих будет сказано ниже;

2) для установления однообразного управления в волостных и сельских местностях области разработана и издана временная инструкция об устройстве волостных и сельских обществ Камчатской области, на основании каковой инструкции население должно было управляться до введения земских учреждений. Впоследствии эта инструкция была отменена Советом министров Омского правительства, но фактически этой инструкцией управляется население до сих пор. Своеобразные условия жизни Севера не могут быть приложены к существующим общегосударственным положениям. К устройству местной жизни окраин приходится подходить весьма осторожно, что и было сделано областным комитетом, составленным из лиц, хорошо знающих край;

3) для борьбы с возросшей преступностью введён институт волостных судов, действующих на основании основных государственных законов. Волостной суд составлялся из трёх лиц, избираемых волостным съездом. Судьи являлись несменяемыми. Второй инстанцией являлся мировой судья уезда, третьей — окружной суд;

4) отменено постановление бывшего областного совета о пошлине, наложенной советом на вывозимую из Камчатской области пушнину. Против членов совета, взыскавших эту пошлину и не сдавших собранных сумм в казначейство, возбуждено уголовное преследование;

5) взысканный областным советом с каждого гражданина Камчатской области десятирублёвый налог на просветительные надобности зачислен в доход казны на нужды народного образования. Областным комитетом было обращено особенное внимание на постановку народного образования в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае, и заведование этой частью было поручено товарищу председателя областного комитета П. Я. Сусляку — неугоминому работнику на nive народной (убит в 1922 г. из личной мести офицером из отряда полковника Бочкарёва). К моменту свержения советской власти в Камчатской области состояло одно высшее и двадцать одно низшее начальное училище, из них половина бездействовала за отсутствием учителей. Вместо 51 000 рублей, отпускавшихся на нужды народного образования до сих пор, областной комитет утвердил смету заведывающего училищами в 513 650 рублей, причём население обязалось доставлять для школ безвозмездно дрова и оказывать помощь в перевозке школьного инвентаря. П. Я. Сусляк был командирован во Владивосток с докладом Сибирскому правительству, где смета эта была также утверждена, и с поручением подыскать соответствующий штат учителей. Результаты

этой поездки были весьма плодотворны. Удалось закупить учебники, учебные пособия, пригласить педагогический персонал — многих лиц с высшим образованием, и к началу учебного года в Камчатской области действовало четыре высших и шестьдесят низших начальных училищ. Кроме того, по просьбе инородцев было открыто в Охотске инородческое училище для якутов и в Петропавловском уезде одно передвижное училище среди кочующих ламут. Последние, проведая о широкой культурной работе, осуществляемой областным комитетом, прислали двух делегатов-ламутов с заявлением, что они хотят учить своих детей. На предложение поместить ребят в интернат при училище ответили опасением, что они будут скучать, но главная причина заключалась в том, что одного из ламут, когда-то давно учившегося в русской школе, наказали (ударили линейкой). Правда, это было лет пятнадцать тому назад, но случай этот передаётся из семьи в семью, и ламуты с тех пор избегают помещать ребят в школу. Было бы грешно не удовлетворить просьбу ламутов, тем более что они предложили весьма подходящий проект. Ламуты предоставляли отдельную юрту под школу, в которой мог бы жить учитель и куда должны были приходиться ученики. При перекочёвках табунов оленей школа-юрта перекочёвывает также. Был найден учитель, и такая школа открыта, но этот учитель оказался малоподходящим и не оправдал возлагавшихся на него поручений.

Ольским учителем г. Варреп с разрешения областного комитета была открыта инородческая школа в стойбище коряк вблизи Пенжинской бухты. Благодаря необычайной энергии и добросовестности этого учителя там дело пошло очень хорошо. В этих инородческих школах преподавался русский язык, арифметика и Закон Божий.

Одновременно был восстановлен закрывшийся из-за отсутствия средств единственный в крае инородческий приют-ясли, основанный епископом Нестором в бухте барона Корфа. На содержание этого приюта были переданы доставленные начальником научной экспедиции В. К. Арсеньевым две тысячи рублей и отпущены из продовольственной управы потребные продукты. Во главе этого приюта встал протоиерей Кох (юрист по образованию).

Областной комитет в деле народного образования не хотел остановиться на полумерах. Был выдвинут проект открытия среднего учебного заведения в Петропавловске и проект постройки ряда школьных зданий, но судьбе угодно было решить иначе. Комитету в начале 1919 г. пришлось прекратить свою деятельность, однако

Омское правительство признало необходимым продолжить начинания областного комитета, и на школьное строительство в области на первое пятилетие было ассигновано десять миллионов рублей;

6) восстановлено действие касс специального сборщика в уездах. По особым ходатайствам Петропавловского казначейства кассы уездов пополнены денежной наличностью, доставленной из государственного банка Сибирского правительства.

7) по поручению Сибирского правительства рассмотрение и утверждение расходных смет по всем ведомствам Камчатской области передано временно областному комитету. В силу этого под председательством податного инспектора была образована специальная финансовая комиссия, в которой все сметы подвергались тщательному рассмотрению и вносились затем с заключением комиссии на утверждение областного комитета. Копии смет представлялись правительству. Не предусмотренные сметами расходы производились в каждом отдельном случае с особого разрешения комитета;

8) особым постановлением областного комитета петропавловскому городскому самоуправлению и органам местного самоуправления в крае были переданы только хозяйственные функции, вся же административно-политическая власть оставлена в исключительном ведении областного комитета. Административные обязанности в уездах и волостях возложены на председателей комитетов, кои действовали по указаниям областного комитета. С восстановлением института уездных комиссаров и начальников уездной милиции на эти должности были назначены известные и популярные в крае лица. Многие из них были назначены по просьбе населения;

9) приступлено к изысканию и постройке шоссейной дороги от Петропавловска на Тигиль (1 000 верст) и от Начик к реке Камчатке (700 верст), для каковых работ прибыла специальная дорожная партия Приамурского переселенческого управления. До этого времени на Камчатке не было совершенно ездых дорог, что препятствовало колонизации края и использованию его естественных богатств внутри страны;

10) гидротехнической партией Приамурского переселенческого управления приступлено к обследованию водных источников, осушке болот, постройке колодцев в сельских местностях и к обследованию огородничества;

11) приступлено к изучению способов использования всех ресурсов окраины и к устройству на местах существующего населения.

Во главе этой научной экспедиции Приамурского переселенческого управления стоял известный знаток инородческого населения В. К. Арсеньев;

12) особой экспедицией под начальством ихтиолога Павленко приступлено к обследованию рыбных промыслов Камчатской области. Одновременно начаты работы по съёмке морского побережья с измерением расстояний между рыбалками, статистическим и общим обследованием промысловой охоты и рыболовства. Эти работы производились по особым ходатайствам члена Учредительного собрания К. П. Лаврова за счёт Бюро экономических обследований Дальнего Востока;

13) выехавшими в мае 1918 г. во Владивосток уполномоченными по снабжению Камчатской области продовольствием И. Д. Добровольским, Г. Г. Подпругиным и А. Д. Батуриным в чрезвычайно тяжёлых условиях приходилось проводить продовольственную кампанию. Несмотря на огромные запасы пушнины, подлежащей реализации, средств было недостаточно. Ввиду этого делегация при содействии члена Учредительного собрания К. П. Лаврова сумела выхлопотать правительственную ссуду и снабдить Камчатскую область продовольствием и предметами первой необходимости в такой мере, в какой она никогда не снабжалась раньше и навряд ли когда-нибудь будет снабжена в будущем. Население даже самых отдалённых уголков получило всё, что являлось необходимым для жизни, по самым умеренным ценам. По прошествии шести месяцев делегация вернулась в Петропавловск, блестяще выполнив возложенную на неё задачу;

14) по особому ходатайству областного комитета Приамурское переселенческое управление изъявило согласие: а) помочь населению в деле приобретения различных предметов, необходимых для развития огородничества, скотоводства, пчеловодства и существующих промыслов, а также в народжении отсутствующей на Камчатке кустарной промышленности; б) в устройстве больниц и приёмных покоев; в) в снаряжении специального глазного отряда в целях борьбы с трахомой, который должен был работать на Камчатке два-три года подряд, и г) в устройстве приюта для сирот.

С весны 1919 г. в Петропавловске предполагалось открыть отдел переселенческого управления, в котором будут объединены все перечисленные мероприятия, причём переселенческое управление имело в виду в каждом отдельном случае согласовать свои работы с желаниями и нуждами местного населения в лице его полномочного представителя — Камчатского областного комитета;

15) по распоряжению Совета народных комиссаров телеграфная связь между Камчатской областью и территорией Сибирского правительства была прервана в Хабаровске. Областной комитет возбудил ходатайство пред японским правительством об открытии таковой связи через Японию, каковое ходатайство и было удовлетворено, что являлось крайне важным не только для правительственных сношений, но и для коммерческих;

16) вследствие настоятельных требований областного комитета к установленным пароходным рейсам между Владивостоком и Камчаткой было добавлено восемь дополнительных рейсов, благодаря чему рыбные продукты области были вывезены почти полностью и промышленники избавлены от грозившего им разорения;

17) ввиду отсутствия в пяти уездах мировых судей по ходатайству областного комитета Петропавловский окружной суд постановил возложить временное исполнение обязанностей мирового судьи Петропавловско-Командорского и Чукотско-Анадырского уездов в полном объёме на члена Петропавловского окружного суда К. А. Емельянова. На гижигинского мирового судью были возложены дела по Охотскому уезду. Правосудие отправлялось именем Временного правительства;

18) постановлениями областного комитета в г. Петропавловске был организован Камчатский народный театр, в задачу которого входили культурно-просветительные цели, и приняты меры к восстановлению и созданию Камчатского музея. На эти надобности ассигнованы большие средства из специальных сумм областного правления;

19) для прекращения вывоза золота за границу из Охотского и Чукотско-Анадырского края хищническая добыча такового русскими гражданами не преследовалась при условии, что всё добытое золото будет сдано по справедливой оценке или в местное казначейство, либо в продовольственную управу. Постановление это противоречило закону и как бы легализировало хищничество, но зато оно дало возможность сберечь не один пуд этого ценного металла, который сплавлялся до сих пор на шхуны в обмен на продукты и спирт и уходил за границу. Хищники-золотоискатели опасались раньше вносить добытое ими в запретных районах золото в казну, так как от них отбирали различные сведения, а затем привлекали к ответственности за хищничество и сажали в тюрьмы. В силу этого всё золото десятками пудов из года в год продавалось японцам и американцам за бесценок либо выменивалось на спирт. С изданием указанного постановления в наши кассы

стало поступать в большом количестве золото, взамен которого хищники получали всё, что им требовалось. Одновременно областным комитетом был разработан проект штатов горной милиции, предполагалось открыть в Охотске и на Чукотском полуострове особые кассы для скупки золота и иных ценных металлов, в обмен на которые можно было бы выдавать кредитные билеты или продукты из продовольственных складов.

На право занятия горным промыслом было выдано значительное количество разрешений русским подданным. Поступало в областной комитет также много ходатайств иностранных фирм и компаний американских и японских о разрешении им горнопромышленности в Чукотско-Анадырском крае, причём эти компании обязывались ставить дело широко, что, несомненно, оживило бы край. Однако областной комитет избегал сдавать концессии и направил эти ходатайства на разрешение Сибирского правительства;

20) образовано бюро по созыву второго камчатского областного съезда, на которое возложена работа по подготовке и разработке материалов по вопросам, подлежащим разрешению съездом;

21) рассмотрен вопрос о камчатских казаках и об удовлетворении их жалованьем и пайковым довольствием, которое они не получали около года. Кредит на выдачу жалованья и пайкового довольствия ассигнован областным комитетом по смете Министерства внутренних дел, причём казакам предложено поступить на службу в отряды областной милиции;

22) в районы реки Большой (западный берег Камчатки) прибыл топографический отряд в составе пяти топографов, естественника и чертёжника для обследования реки. Эта экспедиция была снаряжена за счёт акционерного общества «Грушецкий и К°»;

23) рассмотрен ряд прошений о возврате денег, оружия, пушины, конфискованных у разных лиц во время запуска на соболя согласно закону 9 июля 1912 г. Все конфискации признаны правильными, и в удовлетворении ходатайств отказано, что вызвало неудовольствие среди бывших хищников;

24) разработаны и утверждены новые оклады содержания служащим правительственных и общественных учреждений Камчатской области. Ставки низших служащих были значительно увеличены, высших уменьшены. Омским правительством эти ставки были впоследствии значительно повышены;

25) для заведывания сельскохозяйственными делами области образован особый совет в составе агронома И. Д. Добровольского, агронома Л. А. Кривцова, членов областного комитета Н. П. Болтенко,

Г. Н. Попова и Т. И. Новограбленова. В своей деятельности совет должен руководствоваться утверждённой департаментом земледелия инструкцией;

26) вследствие появления в разных пунктах области подозрительных праздношатающихся лиц, не имеющих никакой связи с краем, областным комитетом поручено начальникам милиции, а где таковых нет, председателям сельских комитетов или заведующим милицейской частью по принадлежности, производить проверку документов всех прибывающих в Камчатскую область. В наиболее населённых пунктах ввести домовые книги. Лиц без документов и определённых занятий не допускать к высадке с пароходов и возвращать их во Владивосток на том же пароходе. Это распоряжение было также опубликовано во владивостокских газетах;

27) отменено штемпелевание кредитных билетов Государственного казначейства, а также облигации займа свободы и военных займов, каковые билеты имеют хождение наравне со штемпелёванными в пределах Камчатской области;

28) введён попутный сбор на вывозимые из г. Петропавловска рыбные продукты в размере 15 копеек с пуда. Означенный сбор поступает в специальный фонд городской управы и предназначен на расходы по благоустройству города Петропавловска;

29) утверждена программа работ второго камчатского областного съезда. Делегатов съезда постановлено удовлетворять суточными в размере десять рублей в день;

30) ввиду полного отсутствия медицинского персонала в области (одна лечебница на пять коек в г. Петропавловске и пятнадцать фельдшерских пунктов) поручено врачебному инспектору подыскать штат врачей и фельдшеров и поднять на должную высоту медицинскую часть края. По рассмотрении представленных врачебным инспектором двух смет областной комитет утвердил сокращённую смету, согласно которой было открыто свыше сорока фельдшерских пунктов и пять больниц земского типа. Кроме средств на содержание врачебного персонала, за счёт продовольственных кредитов было заготовлено большое количество медикаментов, так как таковых совершенно не имелось. Для оборудования больниц врачебному инспектору были переданы кровати, бельё, полотно и прочие материалы из запасов бывшей местной команды, а также лаборатория.

Одновременно в видах экономии средств на врачебного инспектора было возложено и заведывание ветеринарной частью области;

31) вследствие злоупотреблений на Командорских островах для производства расследований командирована специальная комиссия в составе члена комитета, представителя окружного суда и продовольственной управы. Результатом расследования явилось смещение с должности и перевод с острова ряда лиц, служивших там много лет. Интересно отметить, что учитель в течение учебного года занимался всего сорок дней, и школа фактически бездействовала. Одновременно такие же мероприятия пришлось предпринять и в других пунктах области, а для прекращения хищничества на Карагинском острове учредить должность эmissара со штатом милиции;

32) рассмотрен вопрос об организации областной милиции. По соглашению с волостями, отряд областной милиции составляется из коренных жителей Камчатской области и из казаков как наиболее заинтересованных в благополучии своего края. Существующий отряд постановлением областного комитета расформирован, и взамен его утверждён новый штат гражданской милиции, в состав которого от каждой волости прибыли лучшие люди. Вновь образованный отряд находился в Петропавловске, отдельные части его командировались в те пункты, куда это признавалось необходимым. В своей жизни милиция руководствовалась уставом гарнизонной и внутренней службы и временным положением о милиции. Чины милиции за свои проступки несли ответственность, во-первых, по военным законам, а во-вторых, были ответственны пред пославшей их волостью. Срок службы был установлен шестимесячный, причём волость обеспечивала посланных и их семьи всем необходимым по справедливой развёрстке между всем населением волости. Областной комитет предоставлял милиционерам обмундирование, вооружение, квартиру, стол и определённый оклад содержания. Ввиду материальной обеспеченности и хороших условий службы желающих вступить в отряд было много, но туда принимались лишь наиболее надёжные и стойкие люди. С упразднением комендатуры и отъездом начальника гарнизона на театр военных действий во главе отряда стали уроженцы Камчатки. Милиция в политической жизни не принимала никакого участия, и обязанности её заключались в охране государственного порядка и в несении караульной службы.

Для несения охранной службы в г. Петропавловске была организована гражданская милиция на началах добровольчества из местных домовладельцев и лиц, стремящихся к поддержанию порядка.

Областная милиция привлекалась к охране города лишь в исключительных случаях как военная сила и находилась в непосредственном подчинении и распоряжении областного комитета;

33) для борьбы с пьянством и спаиванием инородческого населения запрещена в области продажа спиртных и одурманивающих напитков. Это распоряжение распространено и на пароходы Добровольного флота, совершающие рейсы в пределах Камчатской области. За тайную продажу напитков виновные привлекались к судебной ответственности по 29-й статье Уложения о наказаниях в редакции Временного правительства (штраф до 10 000 рублей или тюремное заключение до трёх месяцев). К мировому судье ежедневно стали поступать протоколы, и касса казначейства работала довольно успешно, так как милиция почти ежедневно задерживала появлявшихся в нетрезвом виде лиц;

34) по докладу камчатского податного инспектора областной комитет постановил поддержать его ходатайство пред Амурской казённой палатой об учреждении податных инспекций в Охотске и в Анадыре и о назначении трёх помощников податного инспектора для разъездов по области, что должно было увеличить доходность казны в несколько раз. Вместе с тем областной комитет признал необходимым упростить как формы декларации, так и способы взыскания налогов применительно к условиям местной жизни. Для скорейшего проведения этих мероприятий податному инспектору разрешено было выехать во Владивосток для личного доклада Амурской казённой палате;

35) воспрещено производство ремонтных работ различными ведомствами без предварительного рассмотрения техническим отделом и утверждения областным комитетом ремонтных смет. Мелкие хозяйственные работы разрешено производить порядком, указанным в законе, и при согласии областной квартирной комиссии;

36) впредь до установления связи с надлежащими учреждениями Сибирского правительства при областном комитете образован отдел Приамурского почтово-телеграфного округа для заведывания почтово-телеграфною частью края;

37) с введением повышенных окладов содержания и установлением восьмичасового рабочего дня некоторыми членами областного комитета при посещении ими правительственных учреждений обнаружено недобросовестное отношение служащих к своим обязанностям. Для устранения этого постановлением областного комитета уволены со службы и смещены на низшие должности ряд служащих в различных правительственных учреждениях.

Начальникам учреждений приказано требовать от подчинённых им лиц сознательного и аккуратного отношения к своим обязанностям и доносить обо всех недоразумениях. Начальствующих лиц, не могущих своим авторитетом воздействовать на своих подчинённых, постановлено устранять как неспособных вести самостоятельное и ответственное дело. Служащих правительственных учреждений, не исполняющих требований службы, увольнять без прошений как вредный для государственного дела элемент. Комитетам служащих категорически воспрещено вмешиваться в административный распорядок службы;

38) по рассмотрении вопроса о существующей вблизи г. Петропавловска колонии прокажённых постановлено возбудить пред правительством ходатайство об официальном признании существующей колонии прокажённых со всеми служебными преимуществами, присвоенными как заведующему врачу, так и низшему медицинскому персоналу. Вместе с тем признано необходимым открыть особый выселок для прокажённых в Охотском уезде и изыскать средства для возведения соответствующих построек, так как совершенно недопустимо пребывание больных на свободе и в населённых пунктах среди здорового населения. Ввиду отсутствия в законе указаний о принудительной изоляции больных проказою просить правительство издать таковой закон для Камчатской области в срочном порядке. Предложить врачебному инспектору Камчатской области производить принудительную изоляцию прокажённых теперь же, прибегая в случаях отказа к содействию милиции. На содержание колонии отпустить потребные кредиты из земских сумм;

39) рассмотрен протест группы граждан и общественных организаций по поводу ареста вернувшихся из Владивостока членов бывшего совдепа, получивших разрешение на право возвращения от Приморской областной земской управы и члена Учредительного собрания от Камчатской области К. П. Лаврова. По обсуждении этого вопроса областной комитет признал аресты правильными и постановил указать подписавшим протест, что деятельность правительственных учреждений и должностных лиц, ответственных за свои действия только перед областным комитетом, который во всём даст отчёт населению на предстоящем областном съезде, не подлежит суждению граждан и профессиональных организаций. Признать действия коменданта и начальника милиции правильными. Задержанных заключить под стражу и выслать вторично на первом отходящем пароходе, объявив им, что в случае

вторичного возвращения с ними будет поступлено по указанию коренного населения как с государственными преступниками. Указать Приморской областной земской управе и члену Учредительного собрания от Камчатской области К. П. Лаврову, находящимся во Владивостоке, — не вмешиваться в административные распоряжки Камчатского областного комитета. Протест передать начальнику милиции для производства расследования и привлечения инициаторов его к ответственности;

40) по рассмотрении доклада старшего дорожного техника Приамурского переселенческого управления и смет расходов, потребных на устройство дорог в Камчатской области в 1919 г., областной комитет признал необходимым произвести намеченные работы и поддержать ходатайство производителя работ в полном объёме. Помимо постройки дорог, по смете испрашивались средства на исправление косы (мола), отделяющей бухту от гавани в г. Петропавловске;

41) для заведывания продовольственными складами и продовольственным делом в уездах учреждены должности заведывающих продовольственными районами: Охотским, Гижигинским, Чукотским, Анадырским, Восточно- и Западно-Камчатскими. Лица, назначенные на эти должности, непосредственно подчинены областной продовольственной управе и действуют на основании особой инструкции;

42) для удовлетворения нужд инородческого населения и управления ими в Охотском крае вблизи г. Охотска на новом устье учреждены инородческая управа, инородческий продовольственный склад и школа. Инородческая управа составляется и управляется на точном основании положения об инородцах (закон 1912 г.).

31 июля в порт Петропавловск прибыл японский крейсер «Мусашикан», который всё время плавал вдоль берегов Камчатской области и выяснял в прибрежных пунктах настроение населения и число большевиков в сельских местностях. Для выяснения причин захода в порт я командировал на крейсер чиновника особых поручений, однако тотчас по прибытии командир крейсера в сопровождении адъютанта и нескольких офицеров сделали мне как председателю комитета визит.

Представители японского правительства прежде всего интересовались структурой власти и задали мне вопрос: «Нет ли в области и в городе большевиков?» Я разъяснил, что советская власть на Камчатскую область распространялась с конца марта до 12 июля и что волей и усилием местного населения край освобождён от

большевиков 12 июля, причём все активные деятели советовласти и весь анархически настроенный элемент арестован и выслан из области во Владивосток в распоряжение русских властей, причём высланным воспрещено возвращаться назад. В управление областью вступил Камчатский областной комитет, избранный областным съездом представителей населения в июле 1917 г., который стоит во главе края до настоящего времени и будет, по-видимому, переизбран на предстоящем областном съезде в конце августа. В состав областного комитета не входило и не входит ни одного большевика. Члены областного комитета в своих должностях были утверждены Временным всероссийским правительством в сентябре 1917 г. В основу управления краем положены все действовавшие до 24 октября 1917 г. законоположения и международные договоры, местные же вопросы разрешаются временно особыми постановлениями областного комитета.

Выслушав меня, командир крейсера встал, чему последовали и все присутствующие при свидании, и от имени правительства Японии выразил чувство радости и удовлетворения, что северные окраины России освободились от произвола большевиков с помощью самого населения, чего, к сожалению, не сделано на материке. Командир крейсера просил передать привет населению Камчатки от имени своего правительства и народа и выразил надежду, что между японским и русским народом с восстановлением всероссийского правительства установятся союзные дружеские отношения к достижению блага и счастья обеих наций.

Отвечая на приветствие командира, я благодарил его от имени Сибирского правительства, этого единственного связывающего всех нас в данное время звена, и от имени населения Камчатской области, которое в свою очередь радо гостям и приветствует их по старинному русскому обычаю. Камчатская область, примыкая к Японии, давно уже сдружилась с японскими гражданами, имеющими здесь свои рыбалки и торговые фактории, и обе народности живут в мире и в полном согласии, и можно быть уверенным, что эта дружба будет укрепляться и расти. Население Камчатской области не забыло великую услугу Японии, оказанную нашей беззащитной окраине в конце июля 1914 г., когда германские крейсера из Циндао направились на Камчатку. Население хорошо помнит дни эвакуации Петропавловска вглубь страны, помнит и то, что японское правительство приняло тогда меры к недопущению в наши воды немецких военных судов, благодаря чему Япония оказалась в войне с Германией и присоединилась к России против

общего врага. Этот первый шаг сближения сделан, и мы глубоко убеждены, что дружба наша будет крепнуть и перейдёт в прочный союз, как только русский народ избавится от своих поработителей-большевиков.

Из дальнейшей многочасовой беседы выяснилось, что крейсер послан японским правительством для охраны русских берегов от хищников. Командир крейсера интересовался вопросами местного управления, отношением японских подданных к русским, состоянием продовольствия в крае, особенно же его интересовал вопрос охраны рыбных и морских богатств Камчатки, а также пушных промыслов на Командорских островах, каковая охрана по договору между Россией, Англией, Америкой и Японией возлагалась на первую. От имени японского правительства командир крейсера предлагал мне всяческое содействие в деле охраны и снабжения населения продовольствием.

Говоря о политическом положении России, командир крейсера указал, что в Японии имеются сведения о том, что вопрос о вмешательстве во внутренние дела России и создании нового Восточного фронта союзниками решён в положительном смысле.

Я обратил внимание командира крейсера на полный порядок и законность, установившуюся в Камчатской области, и указал на огромную работу, осуществляемую областным комитетом. Охрана морских и пушных богатств области поставлена лучше, чем она была в дореволюционные годы. На многие рыбалки, где тесно переплетаются интересы местного населения, приезжих русских и японских граждан, были командированы представители областного комитета, милиции, имелся рыболовный надзор, совместная работа которых вносила известную стройность и порядок. Всякие злоупотребления пресекались безотлагательно, и все недоразумения разрешались на месте. Пароход «Адмирал Завойко» — единственный корабль, имевшийся в распоряжении областного комитета, в двадцатых числах июля послан до Караги и на Командорские острова, откуда он должен зайти в Японию и во Владивосток и на обратном пути быть на Сахалине и обойти всё западное побережье Камчатской области. На этом корабле с особыми поручениями выехал товарищ (заместитель. — *Ред.*) председателя областного комитета П. Я. Сусляк. По пути своего следования корабль несёт охранную службу промыслов и береговой территории, для каковой цели он и был построен, имеет два орудия и небольшой отряд областной милиции. Как корабль, так и отряд находятся в полном распоряжении товарища председателя областного коми-

тета, который действует на точном основании закона и существующих конвенций. Донесения от него поступают ежедневно по радио, и никаких хищников в море пока не замечено. Кроме того, областным комитетом получены из Владивостока от Сибирского правительства телеграммы, что для охраны морских богатств Камчатской области уже вышли посыльное судно «Якут», крейсера «Командор Беринг» и «Лейтенант Дыдымов», которые должны прибыть в ближайшее время. Таким образом, в этом вопросе помощь Японии отпадает, хотя областной комитет и очень благодарит за внимательное отношение к нуждам и интересам окраины. Что касается разрешительных свидетельств на право рыбного промысла, то с таковыми в действительности было несколько случаев недоразумений. Областной комитет не признал законными разрешения, выданные советскими учреждениями, и все рыбопромышленники были обязаны получить новые разрешения либо от Управления государственных имуществ Сибирского правительства, либо от областного комитета. В числе лиц, имевших советские разрешительные свидетельства, было несколько явных хищников. Им запрещена ловля рыбы, но, по полученным донесениям, они этому не подчинились, поэтому уже приняты меры к конфискации принадлежащих им неводов и рыбных продуктов, и окончательное разрешение их дела передано Управлению государственных имуществ во Владивостоке.

Что касается продовольствия, то областной комитет не скрывает, что во многих пунктах нет даже хлеба. Однако нами получены от уполномоченных продовольственной организации утешительные сведения, что отправленная с Камчатки пушнина продана во Владивостоке за сумму свыше семисот тысяч рублей. Кроме того, правительством отпущена ссуда свыше одного миллиона, что даст возможность обеспечить область на два года всеми запасами продовольственных продуктов. Часть их уже выслана. И в этом деле мы вынуждены только поблагодарить японское правительство за внимание к инородческому населению, которое в действительности при большевиках могло бы вымереть с голоду.

Командир крейсера счёл своим долгом отметить тот радужный приём, какой они встретили по всей Камчатке, и он вынес самое хорошее впечатление. В Японии о Камчатке имелось совсем другое представление. Побывав в разных местах области и наконец в Петропавловске, он убедился лично, что здешние власти и народ любят свою родину, стремятся к порядку и миру, который в России давно нарушен большевиками. Обо всём виденном и слышанном

он сегодня же донесёт своему правительству, а по возвращении в Токио доложит лично.

В заключение командир крейсера довёл до моего сведения, что около Кичиги японский пароход «Кохо-мару» сел на подводный камень и что им были отправлены на помощь пароходы. Я высказал своё сожаление о случившемся и заявил, что оказать какую-либо помощь в спасение корабля областной комитет не может, так как у него нет абсолютно никаких спасательных средств. По прибытии русских судов в Петропавловск один из кораблей будет также отправлен к месту катастрофы.

На следующий день мною, городским головою и некоторыми членами областного комитета и чинами областной администрации был сделан ответный визит на крейсер, где мы были очень радушно приняты. Мы выясняли причины занятия Владивостока иностранными войсками и только что полученное известие о высадке десанта японских войск в Николаевске. Невольно напрашивался вопрос: неужели то же самое будет и с Петропавловском?

После довольно продолжительной беседы командир крейсера обратился ко мне за разрешением взять воду для крейсера и разрешить команде корабля осмотреть город, каковые просьбы были удовлетворены. Областной комитет и городское самоуправление назначили специальных лиц, которые показывали все исторические памятники города и давали разъяснения по интересующим вопросам.

3 августа областным комитетом был устроен завтрак для офицеров крейсера и иллюзион для команды. 4 августа командир крейсера вновь посетил меня и сообщил, что сегодня он уходит в Усть-Камчатск, куда прибывает из Японии назначенный в Петропавловск императорский консул, ибо японское правительство решило открыть консульство ещё в 1915 г., но всё как-то задерживалось. Дней через десять он вернётся, и по полученному от правительства распоряжению крейсер вернётся в Японию. Пользуясь случаем, командир крейсера просил передать членам областного комитета, городской управе и чинам администрации от себя, господ офицеров и команды глубокую благодарность за гостеприимство и радужный приём.

В середине августа в Петропавловске открылось японское консульство, и крейсер некоторое время оставался здесь, поддерживая с областной властью самые лучшие взаимоотношения. Такие же отношения установились между японским консулом и областным комитетом. Во главе консульства стоял г. Огата, двенадцать лет проживавший в Приамурском крае и хорошо изучивший русскую жизнь. Он много помог нам в борьбе с хищничеством

и пьянством. По просьбе областного комитета им было возбуждено ходатайство пред японским правительством о невыпуске из японских портов спиртных напитков в Камчатскую область, благодаря чему пьянство на рыбалках значительно сократилось. Точно так же японское консульство принимало решительные меры к прекращению беззакония со стороны японских подданных, а когда таковые пресекались распоряжением местных властей, то консульство не оказывало на областную власть никакого давления.

Так, например, по распоряжению областного комитета было арестовано трое японских подданных за произведённые ими бесчинства на одной из рыбалок. До рассмотрения этого дела судом арестованные содержались под стражей. Следствие затянулось и могло быть окончено не ранее года, поэтому суд постановил отпустить виновных под залог в десять тысяч рублей, каковая сумма и была внесена японскими коммерсантами в местное казначейство, и арестованные освобождены. Из разговоров по этому вопросу с представителем консульства выяснилось, что консульство вполне одобряет решительные меры областной власти в деле восстановления правопорядка и возражать против законных распоряжений не может.

15 августа крейсер «Мусаши-кан» отправился в Японию, и в пределах Камчатской области не оставалось никаких вооружённых иностранных сил.

Следует отметить, что хорошие взаимоотношения, установившиеся между областным комитетом и японским консульством, не давали покоя большевикам. Пророчество их об оккупации Камчатки не исполнилось, поэтому против меня, городского головы и членов областного комитета был пущен дикий и нелепый слух, что якобы в секретном заседании областного комитета мы постановили продать Японию за двадцать миллионов иен Камчатскую область и что сделка эта уже оформлена, получены с крейсера даже деньги. Многие этот слух принимали за чистую монету и никак не хотели понять, что не продавать Камчатку, а строить её собирается областной комитет, чтобы от строительства Севера перейти к созиданию новой России, свободной России, где всем будет житься хорошо и тепло.

А теперь представим образец научного, вернее, научно-популярного творчества А. А. Пурина. Краткий очерк «О землетрясениях на Камчатке и их регистрация» издан в 1917 г. в Петропавловске в типографии М. М. Пономарёва накануне великих революционных потрясений в виде отдельной брошюры. Некогда она находилась в собрании первого камчатского библиографа

П. С. Маловечкина, затем принадлежала известному исследователю Северо-Востока России М. А. Сергееву, позже хранилась в библиотеке Акционерного Камчатского общества.

А. А. ПУРИН

О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ НА КАМЧАТКЕ И ИХ РЕГИСТРАЦИЯ

17 января 1917 г. на Камчатке ощущалось землетрясение во много раз сильнее Мессинского.
Из газет

В периодической печати довольно часто появляются заметки о землетрясениях на Камчатке. Сведения эти иногда преувеличены, но тем не менее в основе их лежат неоспоримые факты, ибо Камчатка — единственная область в России, в которой не угасла ещё вулканическая деятельность, сопряжённая с колебаниями весьма своеобразного характера.

В этой отдалённой и забытой Богом и людьми окраине на сотни вёрст тянутся цепи гор, составляющих продолжение восточно-азиатской гряды. Некоторые из них достигают высоты 16 000 фут и отличаются от соседей своих конусовидными формами, часто дымят, полны недосыгаемого величия и недоступны исследователю.

Хороши эти сопки и при свете ясного дня, и в лучах заходящего солнца, когда полоса второго розового заката окаймляет и раскаляет их белоснежные вершины, а опаловые струйки дыма тают на горизонте.

Из ныне действующих камчатских вулканов наиболее замечательны: Ключевская сопка (лежит на пересечении Аляскинско-Алеутской и Курильско-Камчатской вулканических дуг), Толбачинская, Кизимен, Большой и Малый Семячик, Жупановская, Уткинская и вблизи Петропавловска — Авачинская и Мутновская. Из потухших — Кроноцкая, Крестовская, Опальская, Козельская, Коряцкая и Ичинская.

В большинстве случаев сопки эти (насчитывается их до сорока) состоят из нагромождённых друг над другом массивов и грудов базальтовой лавы.

В огромных расщелинах и потухших кратерах образовались озёра, имеющие, по отзывам очевидцев, свои приливы и отливы.

Склоны горы усеяны обломками пемзы, серы, кусками шлаков, пещерами, ледниками, оврагами, бесчисленными провалами, впадинами, пустотами и неровностями, образующими порою естественные тоннели и жерла огромнейших размеров и глубины.

С горных хребтов в бесконечную даль видны такие же холмы и сопки, а в стороне — безпредельная синева океана.

В равнинах и тундрах бурлят сотни горячих и холодных источников и кипящих ключей. Наиболее известны из них по целебным свойствам своим Малкинские серные ключи, Паратунские, Голыгинские, Явинские, Апачинские, Начикинские, Жупановские, Шемячинские, Банные, Козыревские и Укинские.

Как горы, так и ключи почти не исследованы.

Старожилы утверждают, что на глазах их многие сопки изменили форму свою: конусовидные макушки пообрушились и взамен их появились новые кратера, начали работать давно потухшие и потухли действующие.

Имеются также указания, что в некоторых местах Камчатки из-под земли появляется газ, отличающийся ядови... (часть текста при наборе пропущена. — *Ред.*) ...мер, между Толбачиками и Ключами обнаружена усеянная костями животных сопка. Камчадалы рассказывают, что бьёт здесь ручей и рядом с ним вьётся небольшая струя улетучивающихся газов, удушливые свойства которых не дают подойти к расщелине. Из литературы известно, что многие вулканы выбрасывают ядовитые облака газов, но о химическом составе их известно немного. Даже облако, опустившееся на Мартинику из кратера Мон-Пеле и уничтожившее мгновенно 30 000 человек, не удалось подвергнуть анализу. Предположение, что из вулканов выбрасывается водяной пар, в последнее время опровергнуто. Новейшие исследования показывают, что в вулканах водяного пара совершенно нет, его желтоватый цвет и опаловый отблеск, когда он расплывается в воздух, также свидетельствуют о том же. Всюду, где удавалось уловить такие пары и исследовать их, в них находили: азот, хлор, водород и аммиак. Таковы, очевидно, и свойства паров, выбрасываемых камчатскими сопками.

Довольно часто в разных местах полуострова ощущается дрожание домов, грохот и раскачиваются лампы, лампадки, гремит посуда. Слышен иногда и подземный гул, напоминающий стрельбу из орудий либо грозный рокот моря.

Вызывается это близкими или отдалёнными землетрясениями, которых петропавловские сейсмографы за первый год существования записали более семидесяти. Колебания эти весьма разнообразны

и оригинальны. Продолжаются они иногда недолго, достигают значительной силы, иногда же тянутся целыми днями подряд, соответствуют периоду морских волн и производят впечатление, что будто земля дышит. Явления эти обнаруживаются во многих местах земного шара.

Регулярными наблюдениями за работой камчатских сопок до сих пор почти не занимались, и в жизни края сохранились лишь воспоминания о таких событиях, кои сопровождались бедствиями. Первые сведения относятся к 1729 г.

Наиболее деятельной считается Ключевская сопка. Дымит она постоянно, часто меняет кратер свой и по несколько раз в год выбрасывает пепел, следы которого видны за сотни вёрст. Подземный огонь показывается человеку в течение длительного времени и виден иногда в течение нескольких дней, а то и по целым годам.

Значительные извержения Ключевской сопки происходили в 1729, 1737, 1762, 1790, 1796, 1829, 1853, 1864, 1878 и 1882 гг. и сопровождались сильными колебаниями почвы и потоками лавы. 18 февраля 1854 г. Ключевская сопка на время потухла, а вместо нея заработал давно потухший сосед Севелюч. Сопровождалось это сильным треском и выпадением огромной массы пепла.

Крашенинников, описывая извержение Ключевской сопки 25 сентября 1737 г., говорит, что длилось оно с неделю с чрезвычайной силой. Гора казалась раскалённым камнем, и сквозь разщелины её со страшным шумом стекали огненные реки, был слышен гром, треск и дрожание. Конец извержения сопровождался тучами пепла. После этого 23 октября в седьмом часу вечера ощущалось сильное трясение, от которого «попадали многия камчатския жилища, а у церкви звонили колокола». Это трясение с перерывами тянулось до весны 1738 г., «однако гораздо легче прежняго».

Об извержении Авачинской сопки 6 октября 1737 г. тот же автор пишет: «В третьем часу пополуночи началось трясение и с четверть часа продолжалось так сильно, что многия камчатския юрты обвалились и балаганы попадали. Между тем учинился на море ужасный шум и волнение, и вдруг взлилась на берега вода сажени на три в вышину, которая, ни мало не стояв, сбежала в море и удалась от берегов на знатное расстояние. Потом вторично земля всколебалась, воды прибыло против прежняго, но при отлитии столь далеко она сбежала, что море видеть невозможно было. В то время усмотрены в проливе на дне морском между первым и вторым Курильским островом каменные горы, которые до того никогда не виданы, хотя трясение и наводнение случалось и прежде.

С четверть часа после того спустя последовали валы ужасного и несравненного трясения, а при том влилась вода на берег в вышину сажень на тридцать, которая по-прежнему, ни мало не стояв, сбежала в море и вскоре стала в берегах своих, колеблясь долгое время. Перед каждым трясением был слышен под землёй страшный грохот и стенание. От сего наводнения тамошние жители совсем разорились, а многие скончали бедственно живот свой. В некоторых местах луга холмами и поля морскими заливами сделались».

Последующее извержение Авачи в 1828 г. сопровождалось выпадением пепла и сильным колебанием почвы, отчего в некоторых селениях разрушило дома, а на юго-западном склоне сопки появились потоки лавы. Об извержениях Авачи в 1855, 1878, 1881 и 1894 гг. сохранилось мало воспоминаний.

Последнее извержение Авачинской сопки произошло в сентябре 1909 г. и сопровождалось выпадением пепла, огненным заревом над сопкой, раскалёнными потоками лавы, стекавшей в сторону Петропавловска, и долетавшим до города гулом.

У Слюнина мы также находим характерное описание камчатских землетрясений, например: «Землетрясение, начавшееся 16 ноября 1851 г. и кончившееся 25 января 1852 г., ощущалось на протяжении 700 вёрст. В пять часов утра в Тауйске слышен был подземный гул, повторившийся несколько раз подряд. Потом последовали подземные удары, от которых деревья колебались, человек едва мог держаться на ногах, в некоторых домах упали трубы и треснули печи, землянки около Ямска разрушились, земля в тундрах около Сиглана дала трещины от одного до двух аршин ширины и до полутора сажени длины. Лёд в реках Сиглани, Малкачан совершенно изломало, вода стала мутной. Сильные сотрясения почвы повторялись 16-го числа четыре раза, а потом возобновились через двадцать три дня».

Ряд исследователей, да и все мы, обыватели Петропавловска, считаем Коряцкую сопку потухшей, фактически же она очень жизненна.

В записной книжке неизвестного автора «О наблюдениях за погодой с 19 января 1901 г. по 17 июля 1902 г.», в которой с большой любовью и аккуратностью по три раза в день отмечались давление воздуха, температура, облачность, осадки, землетрясения и все местные особенности, имеются, между прочим, также заметки о деятельности Коряцкой сопки, а именно: «С 9 по 13 июля 1901 г. очень сильно горит Коряцкая сопка. 14 и 15 июля утихает. 16 июля

1901 г. в 11 часов вечера землетрясение. 23 августа 1901 г. Коряцкая сопка сильно горит и гремит, вроде пушечных выстрелов, затем подземный гул и колебание почвы. 22 января 1902 г. в 11 часов 45 минут дня землетрясение». К сожалению, на этом наблюдения за сопкой прерываются и вновь не возобновлялись.

Из селения Завойко хорошо видно, что одна из разцелин Коряцкой сопки постоянно выбрасывает пар. Это также заметно и со стороны Петропавловска в ясную тихую погоду.

Сопка эта, по отзывам некоторых геологов, довольно опасна.

Заслуживает также внимания сопка Штубеля вблизи Лопатки. С незапамятных времён считалась она потухшей. Но вот 17 марта 1906 г. около 9 часов вечера наступила непроглядная тьма, начался непрерывный гром, молния и выпадение «божьяго песка» (вулканический песок, пепел, железняк и прочее). Анализ произведён профессором Петроградского горного института Карминским.

Через два часа гроза утихла, а от Лопатки до Толбачика вся местность покрылась песком на высоту до одного аршина (у Лопатки), до четверти аршина (в Петропавловске), а далее (в Толбачике) — пеплом.

Из крайне разрозненных источников, сохранившихся в Петропавловске, видно, что здесь ощущались значительныя землетрясения в 1900 г.: 16 и 29 октября, 12 ноября и 13 декабря. В 1901 г.: 10 марта, 17 августа, 4 и 27 сентября и 6 октября. Кроме того, с 21 по 23 июля 1901 г. Коряцкая сопка извергала лаву. В 1902 г. — 16 января, 11 марта, 12 мая, 3 июня и 29 августа. В 1903 г.: 5 февраля (с 5 часов 27 минут дня до 6 часов вечера с небольшими перерывами) и 24 июля. В 1905 г.: 3, 11, 20 и 25 декабря. В 1906 г.: 27 января, 9 февраля, 8, 14 и 17 октября. В 1907 г.: 16 февраля, 14 марта (выпал пепел), 2 мая, 5 августа (обвалились утёсы и поломаны дымовыя трубы), 10 и 22 сентября и 15 ноября. В июне 1913 г. и 7 января 1914 г. ощущалось сильное трясение почвы, от которого остановились часы, раскачивались лампы, трещали постройки. 18 июля 1915 г. около 11 часов утра ощущалось то же. 16 декабря 1916 г. в 8 часов 55 минут вечера во время урагана замечены три подземных толчка, коими поломаны трубы в некоторых домах в Петропавловске, а в колонии прокажённых разрушен дом сестры милосердия.

Наконец, 17 января 1917 г. сейсмографы Пулковской обсерватории отметили чрезвычайно сильное землетрясение, очаг которого определён на Камчатке.

регистрации макросейсмических землетрясений.

Мнѣ не разъ удавалось подмѣчать, что предвѣстником наступающаго ненастья служить рѣзкое увеличение количества паровъ выбрасываемыхъ Мутновской и Авачинской сопками, отсутствие же таковыхъ болѣе или менѣе продолжительное время вызываетъ колебания почвы. Конечно, все это необходимо провѣрить также въ другихъ мѣстахъ, и собрать возможно больше наблюдательнаго материала за дѣятельностью Камчатскихъ сопкокъ, отмѣчая хотя бы раза два въ день количество и цвѣтъ паровъ, появленіе лавы, огня, пепла, состояніе погоды и всё особенноти, сопутствующія землетрясениями.

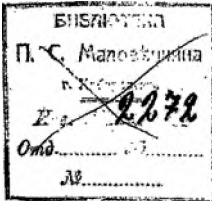
А. Пуринъ.

А. А. Пуринъ

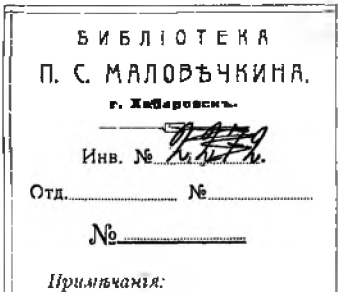
О землетрясеніяхъ на Камчаткѣ и ихъ регистрація.

(Краткій очеркъ).

Г. Петропавловскъ на Камчаткѣ.

Типографія М. М. Пономарева. 1917.

Мих Сергеев

Страницы брошюры А. А. Пурина

Петропавловские сейсмографы также в 1 час 36 минут дня записали очень сильное колебание почвы, но никто из обывателей города этого не ощущал, ибо колебания носили здесь медленный волнообразный характер. Максимальное отклонение пера на сейсмограмме — 124 миллиметра, затем сдвинуло магниты, выбросило перья. Приборы вскоре приведены в исправность и продолжали записи всего 5 часов 12 минут. Отдельные колебания отмечены вечером и ночью. Надо полагать, что неожиданно появившаяся вдоль берега трещина в льдине, которую при тихой погоде стало относить, вызвана подземной волной. Это землетрясение особенно характерно ощущалось в селении Ключевском (вблизи Ключевской сопки), отдельные колебания так сильно, что многих укачивало, как на море. Продолжалось оно там до пяти минут, причём колебалась мебель и кровати, пробудились спящие, останавливались часы, разрушались дымовые трубы. Деревья издавали своеобразный шелест, люди в испуге выбегали на улицу, матери схватывали детей, некоторые падали на колени и молились. Коровы и собаки выказывали сильное беспокойство, стаи птиц снимались с деревьев и парили в воздухе. То же самое наблюдалось в разных других пунктах Камчатки. Старожилы ничего подобного не помнят. Отдельные слабые толчки ощущались в разных местах Камчатки 18, 19, 20 января, а ночью 22 января — сильный толчок.

С середины декабря 1916 г. петропавловцам удаётся наблюдать, как Мутновская сопка выбрасывает огромные столбы желтоватого пара, а иногда и дым. Сопка эта считалась бездеятельной, но в последнее время она пробуждается к жизни.

Чем же объяснить все те явления, кои приходят к нам из недр Земли? Геология учит, что примерно на глубине тридцати двух километров в расплавленном состоянии находится магма, которая и питает вулканы при извержениях. За слоем магмы температура настолько высока, что вещества там быть не может, и на этой глубине всё представляется в газообразном состоянии и так сильно сжато, что газ этот обладает свойствами твёрдого тела. Естественно, что всякое незначительное изменение внутри Земли должно неминуемо отразиться и на её поверхности. Явления эти ощущаются нами и носят название землетрясений.

В зависимости от причин их возникновения, они делятся на: 1) вулканические, вызванные внезапными взрывами вблизи вулканов, 2) обвальные, когда в подземных пустотах происходят обвалы, и 3) тектонические, когда происходит внезапное смещение горных пород вследствие кражеобразовательных процессов.

Место нарушения равновесия называется очагом, а ближайшая к нему точка земной поверхности — эпицентром. Первые два класса землетрясений довольно редки, поэтому они имеют лишь местное значение и ощущаются на небольшом расстоянии. Огромное же большинство землетрясений вулканического происхождения, причём они чрезвычайно разрушительны и опасны. Когда очаг его лежит глубоко, то землетрясение на поверхности земли охватывает большую область. В этом случае колебание почвы ощущается на значительном расстоянии, а чувствительные сейсмографы могут отметить такое землетрясение в любом пункте земного шара.

Тектонические землетрясения происходят внутри земли от постоянного охлаждения и сокращения земного шара. В осадочных горных породах получают при этом сдвиги, смещения, сбросы, образуются складчатости, находящиеся в сильном натяжении. Явления эти тесно связаны с горообразованием и наблюдаются вблизи больших морских глубин.

В горных странах, какою является и Камчатка, всегда можно ожидать наибольших упругих натяжения различных слоёв земли. Через некоторые промежутки времени равновесие таких слоёв делается очень неустойчивым, и достаточно тогда самого незначительного внешнего влияния, чтобы предел упругости был перейдён и произошло бы внезапное смещение одних слоёв по отношению к другим. В этот момент и верхние слои земли также будут выведены из равновесия и придут в состояние движения.

Наблюдения показывают, что колебания вдоль земли распространяются по тем же законам, как и по спокойной поверхности воды, если в неё бросить камень, то есть после первых волн приходят вторые, третьи и т. д. Точно так же после первых же толчков земля не успокаивается, а за первыми волнами с различными скоростями приходит много других волн, длинных и коротких, быстрых и медленных, которые создают весьма запутанную картину движения земли. Наконец, последними приходят чрезвычайно длинные (до шестидесяти трёх километров) поверхностные волны, обтекающие земной шар в 3 часа 8 минут 51 секунду.

Современная задача науки и состоит в том, чтобы отделить все эти волны одну от другой, определить их характер, свойства, период, амплитуду, происхождение и т. д.

В последние годы выдвинуто много вопросов о времени возникновения землетрясений и их повторяемости. Конечно, это задача будущего, но и ныне имеются указания, что землетрясения чаще

осенью и зимою, чем весною и летом, чаще ночью, чем днём, и что имеют они связь с разными метеорологическими элементами. Подходят к этому разными путями, например, изучают записи сейсмографов, определяют медленные смещения одних горных пород по отношению к другим, изучают изменение и режим горячих источников, ведут статистику повторяемости землетрясений в одной и той же местности.

Если не предсказывать, то, по крайней мере, наметить пределы времени, между которыми следует ожидать наступление крупной катастрофы, можно и теперь.

Сейсмографические явления разделяются на микросейсмические и макросейсмические. Первые не ощущаются людьми. Приходят они издалека и могут быть записаны лишь сейсмографами. Так, Пулковская станция (вблизи Петрограда) отмечает землетрясение из Камчатки, Японии, Америки. Приборы эти очень чувствительны, и от них не ускользает перемещение почвы порядка $1/10\ 000$ миллиметра. Достигается это при помощи горизонтального маятника.

Мы знаем, что при внезапном толчке почва и всё, находящееся на ней, перемещается. Чтобы обнаружить это, надо иметь какую-либо неподвижную точку, относительно которой и станет заметно перемещение. Такой точкой является центр качания маятника. В первый момент, когда земля начинает своё движение, груз маятника по инерции остаётся неподвижным, статив же, а вместе с ним и ось вращения увлекаются в движение вместе с поверхностью земли. Стержень маятника поворачивается на некоторый угол, пропорциональный смещению почвы, и по величине этого угла можно вычислить и самоё перемещение. Потом маятник начинает совершать собственные колебания, которые, слагаясь с движением земли, дают сложную запись. Чтобы движения маятника возможно меньше искажало запись землетрясения, которое одно и представляет интерес, прибегают к искусственному магнитному затуханию маятника, основанному на токах Фуко. Колебания маятника при помощи особого аппарата отмечаются на обтянутом закопчённой бумагой цилиндре, который имеет непрерывное вращательное и наступательное движение вокруг и вдоль своей оси так, что запись получается всегда на свежей поверхности бумаги. Нормальное увеличение маятника на Петропавловской станции равно $4^{1/2}$, то есть при внезапном смещении почвы конец пишущаго пера совершает перемещение в $4^{1/2}$ раза больше, чем сама почва. Район действия станции — пятьсот километров, и главная задача

ея состоит в записи близких землетрясений. Приборы эти имеют свои недостатки. Например, не могут отмечать быстрых колебаний с периодом в $\frac{1}{4}$ секунды и негодны для записи сильных землетрясений.

Макросейсмические колебания ощущаются всеми и сопровождаются иногда изменением рельефа почвы, разрушениями и гибелью людей. Сила их оценивается отзывчивостью наблюдателя на основании впечатлений по шкале Росси-Фореля: 1. Землетрясения, ощущаемые только сейсмографами. 2. Кое-кем из людей, пребывающих в покое. 3. Большинством людей, пребывающих в покое. 4. Людьюми в движении и физической деятельности. 5. Всеми. Колебание мебели и кроватей. Звон домашних колокольчиков. 6. Пробуждение всех спящих. Звон колокольчиков. Остановка часов с маятником. Шелест деревьев. Испуг. 7. Опрокидывание предметов. Звон больших колоколов. Ужас. 8. Образование трещин в стенах. Разрушение дымовых труб. Всеобщая паника и бегство. 9. Разрушение отдельных частей здания или целых построек. 10. Всеобщее разрушение. Трещины в коре земной, обвалы, оползни и проч.

На Петропавловской станции для оценки сильных землетрясений изготовлена шкала параллелипипедов шириною $3\frac{1}{2}$, толщиной 2 сантиметра и вышиною в 100, в 50, в 25, в 12 и в 6 сантиметров. Установлены они вблизи сейсмографов в двух взаимно перпендикулярных плоскостях. При внезапном сильном толчке параллелипипеды должны упасть, и по устойчивости их можно чисто математическим путём определить направление и силу толчка. Такую оценку, однако, нельзя назвать точной. Быть может, с течением времени будут выработаны менее чувствительные приборы для регистрации макросейсмических землетрясений.

Мне не раз удавалось подмечать, что предвестником наступающего ненастья служит резкое увеличение количества паров, выбрасываемых Мутновской и Авачинской сопками, отсутствие же таких более или менее продолжительное время вызывает колебания почвы. Конечно, всё это необходимо проверить также в других местах и собрать возможно больше наблюдательного материала за деятельностью камчатских сопкок, отмечая хотя бы раза два в день количество и цвет паров, появление лавы, огня, пепла, состояние погоды и все особенности, сопутствующие землетрясениям.

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

А. Ф. ПАСЕЧНИК

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОЙ ОХРАНЫ НА КАМЧАТКЕ В ПЕРИОД С ЯНВАРЯ 1920 ПО ОКТЯБРЬ 1921 г.

В конце 1919 г. вооружённые силы адмирала А. В. Колчака были окончательно разгромлены, что привело к изменению политической ситуации на Дальнем Востоке. На территориях, ранее подконтрольных «Верховному правителю России», происходило упразднение колчаковских структур власти. В Петропавловске-на-Камчатке антиколчаковский переворот произошёл 10 января 1920 г., в результате чего от власти были отстранены управляющий Камчатской областью Н. Н. Червлянский и другие представители прежней администрации. Ранее свержение колчаковской администрации произошло в Анадыре (арестованы уездный управляющий И. М. Громов, начальник милиции Д. Д. Струков и другие) и в Охотске.

Высшим органом власти в Петропавловске-на-Камчатке стал Временный военно-революционный комитет (ВВРК), возглавляемый П. С. Маловечкиным. В областном центре на следующий день после прихода к власти комитета состоялось его первое заседание. Здесь было принято решение о временном сохранении аппарата управления Камчатской областью (казначейство, продовольственная управа, почта, радиостанция, областное управление) и поставлено оставить во главе области ВВРК. В его состав вошли В. В. Барвинский, А. М. Бычков, Н. И. Елисеев, П. С. Маловечкин, Г. Г. Рудых, И. Ф. Черепанов, Ф. Гладок, Сосновский, Н. Г. Ерошенко. Председателем комитета был избран П. С. Маловечкин, его товарищем — Н. И. Елисеев, а секретарём — В. В. Барвинский [1, с. 31—32]. Комендантом города Петропавловска выбрали А. М. Бычкова, а обязанности по управлению петропавловской милицией возложили на Н. П. Фролова [1, с. 32—33; 2, л. 1]. ВВРК также рекомендовал городскому самоуправлению согласовывать с ним все распоряжения по делам милиции [3, л. 1]. В воззвании комитета к населению Камчатки предлагалось признать его (до созыва областного съезда) высшим областным органом власти [3, л. 1], который будет поддерживать демократический порядок и спокойствие, а также

«охранять достояние граждан, как русских подданных, так и иностранцев» [4, л. 1]. В воззвании также предлагалось отстранять от власти представителей колчаковской администрации и лиц, поддерживающих старую власть [5, л. 3].

В Петропавловске были арестованы бывший управляющий областью Н. Н. Червлянский, бывшие начальники милиции В. У. Закржевский и А. А. Морозов, убиты несколько офицеров Петропавловского гарнизона, уволены сотрудники колчаковской милиции и другие. Трагические события произошли в Анадыре, где уездный революционный комитет объявил об установлении советской власти и начал проводить национализацию торговых предприятий. По приказу ревкома были расстреляны бывший уездный управляющий И. М. Громов, его секретарь Толстихин, мировой судья Суздаев и другие. Следствием этих экстремистских действий стал переворот, который 31 января 1920 г. организовали коммерсанты Анадыря. В результате были расстреляны члены Анадырского ревкома во главе с председателем М. С. Мандриковым [6, с. 407]. Управляющий Чукотским уездом Д. Хренов избежал ареста, ему удалось покинуть Анадырь и добраться до Аляски [7, с. 148].

ВВРК проводил активную работу по организации съезда представителей населения Камчатской области, необходимость созыва которого обуславливалась разрешением вопросов по организации власти в новых условиях [5, л. 3]. Однако отсутствие нормального транспортного сообщения не позволило представителям Анадырского, Чукотского, Гижигинского и Охотского уездов принять участие в его работе. Делегаты (присутствовало 26 чел., семеро из них являлись членами ревкома) представляли интересы только населения Петропавловского уезда. Работа первого уездного съезда советов проходила в период с 12 марта по 7 апреля 1920 г. На съезде был избран высший орган власти в области — Камчатский областной совет рабочих, крестьянских и инородческих депутатов трудового народа и сформирован его исполнительный комитет. В его состав вошли П. С. Маловечкин (председатель), В. И. Ольгин, И. Ф. Черепанов, И. Е. Ларин, все члены РКП(б) и В. И. Слободчиков. Исполнительная власть в области передавалась местному совету народных комиссаров, который состоял из комиссариатов (народной охраны, здравоохранения, просвещения, юстиции, почты и телеграфа) и отделов (счётно-финансового, административного и контрольного) [8, с. 36—37].

Делегаты заслушали доклад политической секции «О бывших чинах милиции: Закржевском, Крупенине и Морозове» и рассмотрели

их деятельность. Результатом стало решение о том, что в отношении В. Закржевского необходимо отменить домашний арест и перевести его в арестный дом. В. Крупенина следовало «препроводить с арестом из села Ключи в Усть-Камчатск», а затем доставить его в Петропавловск (в арестный дом). А. Морозов из-за короткого пребывания в должности начальника милиции был признан «в меньшей степени виновным, чем предыдущие лица», однако продолжал содержаться в арестном доме [9, л. 249—250].

Особенно остро на съезде стоял вопрос об организации структуры, обеспечивающей охрану общественного порядка. Анализ выступлений делегатов позволяет выделить основные подходы участников к вопросу о необходимости создания народной охраны на Камчатке, её структуре, численности и задачах. Делегат от Мономаховской волости В. И. Ольгин отмечал, что милиция в области крайне необходима для борьбы с пьянством, нелегальной торговлей и контрабандой. Представитель Усть-Камчатской волости Орлянский высказывался за организацию милиции для охраны заповедников. Делегат от населения Большерецкой волости П. А. Сторожевский указывал на необходимость создания волостной милиции, которая будет обеспечивать порядок, а также охранять летом рыболовные участки от браконьерства. Делегат особо подчёркивал, что милиция должна состоять из местных жителей и быть под контролем местной власти [9, л. 79—81].

Представитель Мономаховской волости М. И. Попов предлагал создать милицейские посты только в тех пунктах, в которые наиболее часто заходят русские и иностранные суда (Петропавловск, Усть-Камчатск, Мономахово, бухта Корфа и другие). Милицейские посты, по его мнению, должны были действовать только в летнее время. Создание постоянных штатов милиции в остальных волостях М. И. Попов считал нежелательным. В ярком выступлении делегата от Паланской волости И. И. Гапановича милиция отождествлялась с полицией. Она была необходима только для поддержания порядка в Петропавловске. На остальной территории Камчатской области И. И. Гапанович предлагал, в качестве альтернативы, организовать различные виды надзора (рыбный, пушной, лесной и прочие) [9, л. 81—83].

Особый интерес представляют выступления делегатов, рассматривавших деятельность милиции исключительно как карательную и активно выступавших против её создания. На отсутствии необходимости организации милиции настаивал делегат от Тигильской волости П. И. Юшин. Он отмечал, что тамошнее население

само себя охраняет и следит за порядком. Категорически против создания милиции в Паратунской волости выступил Г. И. Тюменцев. Он утверждал, что необходимо только составить инструкцию о том, как организовать охрану общественного порядка в волости. Делегат П. С. Смирнов считал нецелесообразным создание милиции в Большерецкой волости. В своём выступлении по данному вопросу он утверждал, что содержание штатных работников обойдётся очень дорого, и особо акцентировал внимание на том, что возникающие в волости «недоразумения» всегда справедливо разрешались без участия посторонних. Такую же позицию занял делегат от Хайрюзовской волости К. И. Кеверман. Он отмечал, что охрану жизни и имущества должны осуществлять сами жители волости, а также высказывался категорически против наёмной охраны [9, л. 80—82].

Завершающим итогом этих споров стала резолюция «О народной охране», принятая 17 марта 1920 г. большинством голосов делегатов съезда. В ней указывалось, что организация народной охраны, выработка для неё инструкций, материальное обеспечение народной охраны, а также право назначения и смещения её начальников поручались областному исполнительному комитету. Согласно резолюции:

во-первых, официально утверждалась правоохранительная структура на Северо-Востоке России. Штат народной охраны был следующим: *Петропавловский уезд* — 35 чел. (комиссар, его помощник, три старших и 30 младших чинов охраны); *Анадырский и Гижигинский уезды* — по 5 чел. (комиссар, секретарь, три младших чина охраны); *Охотский уезд* — 16 чел. (комиссар, его помощник, секретарь, три старших и 10 младших чинов охраны); *Чукотский уезд* — 4 чел. (комиссар и три младших чина охраны). Кроме того, в каждом уезде предполагалось создать добровольную охрану из местных жителей. В Охотском уезде планировалось организовать горную охрану на золотых приисках, а в Чукотском — собрать для охраны морского зверя специальные отряды из местных жителей [9, л. 87об.—88];

во-вторых, комплектование народной охраны осуществлялось исключительно по классовому признаку. Главным условием её формирования стало следующее требование к личному составу: «...товарищи охранники должны подбираться исключительно из сторонников советской власти, никаких отступлений в этом не должно быть, только при таких условиях народная охрана будет являться настоящей защитой прав трудового народа». Таким

образом, основными кандидатами на службу стали демобилизованные бойцы Красной Армии [9, л. 87—88];

в-третьих, на народную охрану как на единственное вооружённое формирование на территории губернии были возложены широкие полномочия. Это — защита существующей власти, выполнение контрразведывательных и таможенных обязанностей, борьба с уголовной преступностью и другие. Причём особо подчеркивалось что внимание должно быть сосредоточено на борьбе со спекуляцией, незаконной торговлей, контрабандой, браконьерством и на охране рыболовных участков [9, л. 85—87].

Особое место в резолюции съезда уделялось обеспечению народной охраны транспортными средствами в наиболее отдалённых уездах Северо-Востока России. В силу местных условий Чукотского уезда в распоряжении комиссара народной охраны должны были постоянно находиться «два потяга собак», служащих «средством передвижения комиссару, уездному фельдшеру и чинам охраны между различными пунктами уезда как для собрания статистических и других сведений, а также для предупреждения и пресечения различных правонарушений». Для эффективной борьбы с браконьерством планировалось передать в распоряжение народной охраны три судна, закрепив за каждым из них определённый район. Одно судно должно находиться в водах Чукотского уезда, другое — совершать рейсы от Анадыря до Петропавловска с заходом на Командоры и остров Карагинский, а третье постоянно находится в Охотском море [9, л. 88—89].

Начальником народной охраны был единогласно избран Н. П. Фролов, а его помощником — А. М. Бычков, за которого проголосовало десять делегатов (три против и четыре воздержались) [9, л. 89]. Оба являлись сторонниками советской власти. Приказы и распоряжения начальника народной охраны предавались широкой огласке путём опубликования в областной газете «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета». В соответствии с решением Петропавловского уездного съезда, Камчатский областной военно-революционный комитет 19 марта 1920 г. принял постановление № 967 «Об избрании Н. П. Фролова комиссаром народной охраны Петропавловского уезда» и постановление № 969 «О переименовании Петропавловской уездной милиции в комиссариат народной охраны» [10].

Руководствуясь резолюцией «О народной охране», принятой на первом съезде советов Петропавловского уезда, Камчатский областной исполнительный комитет приступил к организации

народной охраны, но, учитывая практически полное безвластие в уездах, отсутствие связи с местами и неудовлетворительное состояние транспорта, её аппарат был сформирован только в пределах Петропавловского уезда. В июле 1920 г. численность сотрудников Петропавловской народной охраны составляла 42 чел. (комиссар, его помощник, секретарь, бухгалтер, столоначальник, два канцелярских служащих 1-го и один 2-го разряда, три старших и 30 младших народных охранников, сторож) [11, л. 2]. На основании обязательного постановления облисполкома № 13 от 27 октября 1920 г. начальник народной охраны Петропавловского уезда назначался и начальником охраны по Камчатской области [12].

Следует особо отметить, что в период работы первого съезда советов Петропавловского уезда политическая обстановка на Дальнем Востоке резко изменилась. В начале апреля 1920 г. японские войска разгромили вооружённые силы Временного правительства Дальнего Востока. В этих условиях правительство РСФСР, чтобы не допустить прямого военного конфликта с Японией, решило воздержаться от официального восстановления советской власти на Дальнем Востоке и создать на этой территории «буферное» государство — Дальневосточную республику (ДВР). ДВР образована 6 апреля 1920 г. на первом учредительном съезде полномочных представителей населения Прибайкалья, проходившем в городе Верхнеудинске. Это государственное образование представляет собой уникальное явление, не имеющее аналогов в истории российской государственности. ДВР объединила территорию от Байкала до Тихого океана. В её состав вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области, а также полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. В республике была принята собственная конституция, здесь существовала многопартийная система и сохранялась частная собственность, была утверждена государственная символика. Советская власть официально на территорию ДВР не распространялась. При формировании органов охраны правопорядка в ДВР активно использовался буржуазно-демократический и советский опыт [13, с. 70, 72, 74].

Правовую основу организации милиции ДВР составляли «Временное положение о народной милиции ДВР» (утверждено правительством республики 8 февраля 1921 г.), «Закон о милиции ДВР» (принят Народным собранием ДВР 8 сентября 1921 г.) и «Положение о народной милиции ДВР», окончательно утверждённое правительством ДВР 8 сентября 1921 г. Милиция являлась

исполнительным органом государственной власти и находилась в двойном подчинении — министерства внутренних дел республики и местных органов самоуправления. Задачи милиции заключались в охране общественной безопасности и защите «всех и каждого от насилия, обид и самоуправства» [14, с. 14].

Основу комплектования народной милиции составлял демократический принцип, при котором социально-классовая принадлежность кандидатов не являлась определяющим критерием отбора при приёме на службу. В милицию ДВР зачисляли старых «спецов», служивших ещё в царской армии. Следует отметить, что в республике существовали различные вооружённые формирования, которые (напрямую или косвенно) участвовали в укреплении правопорядка. Так, подразделения Народно-революционной армии (НРА) наряду с выполнением своих непосредственных задач несли службу по охране общественного порядка. Внутренние и пограничные войска ДВР привлекались для сбора налогов, борьбы со спекуляцией, дезертирством и бандитизмом. Для обуздания политической преступности была создана государственная политическая охрана (ГПО). Однако политическая преступность была тесно связана с уголовной, поэтому ГПО вынуждена была вести борьбу с мародёрством, контрабандой, взяточничеством, хищениями и другими видами преступлений.

Камчатская область занимала особое место в ДВР — это была самая значительная по территории, малонаселённая и экономически отсталая часть Дальнего Востока. Область также являлась самой отдалённой дальневосточной территорией, которая после закрытия навигации в течение восьми-девяти месяцев оставалась в полной изоляции. Так как Камчатская область входила в состав Приморской земской управы, то облисполком должен был работать по приморскому законодательству [1, с. 63—65]. В Петропавловске были отменены выборы в городской Совет и назначены выборы в городскую Думу, распущен революционный трибунал, амнистированы члены Камчатского областного комитета и представители «колчаковской» администрации, допущена большая свобода частного капитала, революционный комитет отказался от национализации рыболовных участков.

С целью образования на Камчатке структур Приморской земской управы (земств) Временное правительство Дальнего Востока направило в Петропавловский уезд уполномоченного. Им стал Назар Васильевич Кочергин, которому были предоставлены права по проведению внутренней и внешней политики, а также право

«иметь в своём распоряжении местную милицию, которая обязана выполнять все его законные требования». Для оказания силовой поддержки уполномоченному Приморское правительство планировало организовать и отправить в Петропавловск отряд полицейской охраны Камчатки. Численность отряда определялась от 100 до 200 чел., большинство из которых служили в царской армии. Полномочия Н. В. Кочергина были признаны Петропавловской городской Думой (ПГД), однако исполком, находившийся под контролем просоветски настроенных лиц, признать их отказался. Такое решение было мотивировано тем, что власть в области должна принадлежать исполнительному комитету, избранному на первом уездном съезде советов. Кроме того, между уполномоченным Временного правительства Дальнего Востока и исполкомом возник конфликт по поводу подчинённости народной охраны. Это означало решение вопроса о фактической власти на Камчатке, так как других вооружённых формирований здесь не существовало. Окончательно вопрос о подчинённости народной охраны был решён на третьем камчатском областном съезде, состоявшемся в октябре 1920 г.

Основной задачей этого съезда стала организация единой системы управления на Камчатке, «чтобы область представляла собой единое целое, чтобы каждый уезд, волость, селение точно выполняли постановления и проводили политику, которую проводит областной комитет». Показательным для съезда было то, что к началу его работы произошло реальное объединение областей ДВР в единое государственное образование, а также создано центральное правительство в Чите. Камчатский областной съезд официально признал ДВР и принял решение о назначении своим представителем в Читу П. Ф. Федорца [6, с. 408].

На съезд прибыло двадцать делегатов, представлявших население Петропавловского, Анадырского и Гижигинского уездов. Был избран высший орган власти в области — областной исполком, а также решено сохранить на территории области существовавшую форму управления в виде областного, уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов, а в городах — городских самоуправлений. Делегаты в подавляющем большинстве выступили против организации земств на Камчатке и отклонили требование Временного правительства — Приморской земской управы о введении этой формы управления. В качестве причин отказа от земства делегаты указывали на обширность области, «незначительность оседлого населения, на которое лягут все тяготы по

содержанию земского аппарата, и отсутствие работников», разбросанность селений и волостных единиц, отсутствие путей сообщения с дальними районами и собственных средств, на которые нужно содержать земский аппарат, неясность и неоправданность политики Приморской земской управы по отношению к Камчатке [15, с. 115]. Особо отмечалось также отрицательное отношение к земству со стороны населения, которое видело в нём «реакционную затею» и привыкло к комитетному управлению [16, л. 13, 22].

Участники съезда выступили и против инициативы Временного правительства Дальнего Востока отправить на Камчатку отряд милиции (рота охраны Камчатки). Соответствующая резолюция была направлена председателю правительства. В ней отмечалось, что «трёхлетняя практика революции показала, что всякая пришедшая с материка посторонняя сила, являясь органами самочинных кровавых выступлений, и ничего другого не давала» [16, л. 10]. Делегаты указывали на то, что содержание этого вооружённого формирования «ляжет на область тяжким бременем». Кроме того, нецелесообразность отправки отряда обосновывалась спокойной обстановкой на Камчатке, наличием достаточного штата народной охраны в области, отсутствием материальной поддержки со стороны Временного правительства Дальнего Востока, а также возможными осложнениями с Японией, военные корабли которой находились в Авачинской губе. Съезд не только подтвердил резолюцию «О народной охране» от 17 марта 1920 г., но и решил подчинить милицию Камчатскому облисполкому.

Важно обратить внимание на то, что, в силу отдалённости, отсутствия связи, постоянных политических кризисов в Приморье, внешней угрозы со стороны Японии, Временное правительство Дальнего Востока не могло реально влиять на ситуацию в области. Показательным является следующий пример. 1 ноября 1920 г. Н. В. Кочергин провозгласил манифест о роспуске облисполкома, который «находился под контролем большевиков и не соответствовал демократическим принципам». Но исполком отказался подчиниться ему. Более того, уполномоченный Временного правительства Дальнего Востока по Петропавловскому уезду был обвинён в халатности, а его заместитель Ф. Ф. Куклярский — в незаконном хранении стрихнина. Власть в области окончательно перешла к пробольшевистскому исполкому [17, с. 122].

На основании постановления правительства ДВР от 29 ноября 1920 г. № 952 облисполком реорганизовался в Областной народно-революционный комитет (ОНРК), а уездные, волостные, сельские

исполкомы — в уезные, волостные и сельские нарревкомы [1, с. 77—78]. Народно-революционный комитет «проводит в жизнь все постановления и распоряжения высшей власти, принимает меры к поднятию области в культурном и хозяйственном отношении, руководит деятельностью городских, волостных и сельских органов власти, охраняет демократический порядок в области и ведёт борьбу с преступностью, назначает и утверждает областных ответственных работников» [18]. В течение декабря 1920 — января 1921 г. нарревкомы были организованы в Анадырском и Гижигинском, а с открытием навигации — в Командорском и Чукотском уездах. Следует особо отметить, что Камчатская область была единственной территорией Дальнего Востока, которая вошла в состав РСФСР в марте 1921 г. Однако из-за невозможности установления здесь советской власти территория управлялась по законам ДВР.

В период с января 1920 по октябрь 1921 г. народная охрана (милиция) являлась единственным вооружённым подразделением на территории Камчатской области, поэтому её деятельность осуществлялась по широкому кругу направлений. В соответствии с постановлением Временного правительства Дальнего Востока утверждён отдел государственной охраны, на который возлагались обязанности, ранее принадлежавшие контрразведке, военному контролю и чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с преступностью. В Камчатской области на местный комиссариат народной охраны возлагалось выполнение обязанностей ГПО, которые в центральных областях России являлись функциями ВЧК [19, с. 31]. Примером такой деятельности может служить нейтрализация сотрудниками народной охраны антисоветской группы в составе И. И. Гапановича, А. И. Бабкина-Байкалова, Е. И. Кумпана, М. И. Попова и других. В июне 1921 г. заговорщики забаррикадировались в одном из домов Петропавловска и угрожали открыть стрельбу по японскому крейсеру, находившемуся в Авачинской губе. Этими действиями они пытались спровоцировать японцев на вооружённое выступление против ОНРК. Сотрудники народной охраны блокировали заговорщиков и вели с ними длительные переговоры, итогом которых стала их сдача [19, с. 34].

В августе 1921 г. отряд народной охраны с помощью ополченцев не допустил высадку в Петропавловске белогвардейцев, прибывших на судне «Магнит» из Владивостока [6, с. 516; 20, с. 122].

На народную охрану возлагалось исполнение обязательного постановления Военно-революционного комитета № 41 от 2 марта 1920 г., в соответствии с которым на территории Камчатской

области запрещался развозной торг, который «приносил жителям Камчатки большой вред, благодаря спекуляциям коммерсантов». Народные охранники проверяли у тех разрешение на ввоз товаров, промысловое свидетельство, прейскурант цен и расценки товаров. При отсутствии необходимых документов следовала конфискация товара. В соответствии с постановлением ОНРК № 19 от 17 апреля 1921 г. народные охранники в трёхдневный срок собирали налоги с торгующих фирм, кооперативных организаций, скупщиков пушнины [21]. Контроль соблюдения постановления № 52 от 18 августа 1921 г. «О порядке распределения квартир в государственных зданиях всех ведомств, находящихся в Камчатской области» также возлагался на народную охрану.

Важным направлением деятельности народной охраны Северо-Востока России являлось противодействие пьянству и незаконной торговле спиртными напитками. Приказ комиссара народной охраны Петропавловского уезда № 35 от 6 июня 1920 г. обязывал старших охранников и дежурных по городу неуклонно следить за появлением пьяных лиц и на всех них каждый раз составлять протоколы для привлечения к уголовной ответственности [22, л. 28].

Согласно постановлению ПГД от 13 июля 1920 г. в Петропавловске запрещалась продажа спирта и появление в пьяном виде на улицах, собраниях и в других общественных местах. Владельцам домов вменялось в обязанность немедленно сообщать в комиссариат народной охраны о случаях продажи спиртных напитков в помещениях. К ответственности должны были привлекаться также лица, задержанные в пьяном виде и отказавшиеся сообщить, где они приобрели спиртные напитки [23].

В соответствии с обязательным постановлением ОНРК № 18 от 2 апреля 1921 г. «О запрещении ввоза в Камчатскую область спиртных напитков и борьбе с пьянством» за изготовление и сбыт самогона, пива, браги, сули устанавливалась ответственность в виде денежного штрафа от 50 до 1 000 руб. или лишение свободы на срок от четырёх месяцев до одного года и четырёх месяцев [24]. За появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения накладывался штраф от 20 до 300 руб. или следовало лишение свободы на срок до трёх месяцев. Исполнение обязательного постановления возлагалось на сотрудников народной охраны, обязанных привлекать к ответственности нарушителей данного постановления. На основании вышеуказанного документа начальником народной охраны был издан приказ № 2 от 10 мая

1921 г., который обязывал сотрудников «всех появляющихся лиц в пьяном виде в публичном месте препровождать в арестный дом с составлением протоколов для привлечения к ответственности» [25]. Сведения о подобных происшествиях печатались в разделе «Хроника» местной газеты «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета». Не существовало исключений и для сотрудников охраны правопорядка, нарушивших обязательные постановления. В соответствии с приказом ОНРК № 22 от 29 августа 1921 г. был уволен без права получения заштатного пособия помощник начальника областной милиции Александр Николаевич Пересыпкин [19, с. 35; 26]. Основанием для увольнения стало его появление в общественном месте в состоянии алкогольного опьянения. За «неоднократное пьянство» были также уволены со службы младшие охранники Давлетгореев и Гилизантинов, а младшему охраннику Мусалимову был объявлен строгий выговор.

Особой проблемой для сотрудников народной охраны явилась борьба с контрабандной торговлей спиртными напитками. Контрабандный спирт на прибывавших пароходах ввозили приезжавшие на рыбалки иностранные рабочие, а также моряки и грузчики. Например, за первый в навигацию 1920 г. на Командоры рейс парохода Добровольного флота «Томск» с островов была вывезена в обмен на спирт половина «упромышленной пушнины» [27]. В мае 1921 г. на остров Беринга прибыл японский крейсер «Ивами», команда которого продавала спиртные напитки, и «через несколько часов население острова было нетрезво». В июне 1920 г. комиссар народной охраны при проверке «Томска» обнаружил ящики со спиртом, коньяком и водкой, принадлежавшие корейской грузовой артели. В июле 1921 г. сотрудниками народной охраны в ходе таможенного досмотра парохода Добровольного флота «Сишан» было конфисковано пять пудовых банок спирта, 645 штук «старичков», 13 бутылок коньяка, две полубутылки английской горькой, 26 бутылок столовой и 236 бутылок обыкновенной водки. Для подсчёта количества конфискованного спиртного ОНРК образовал специальную комиссию. В её состав вошли заведующий лечебницей Ч. К. Щипчинский, председатель Трудового союза И. Ларичев, начальник народной охраны Н. Фролов, начальник рабоче-крестьянской инспекции М. Савченко-Славский. В качестве понятых были приглашены граждане Барановский, Самсонов и Игрушечкин [28]. Комиссия решила оставить для медицинских целей спирт, 13 бутылок коньяка, две полубутылки английской

горькой водки, оставшийся спирт денатурировать, то есть сделать негодным к внутреннему употреблению, а водку в количестве 261 бутылки — уничтожить. Денатурированный спирт, оставленный для медицинских целей, был слит в бидоны, опечатан и сдан на хранение начальнику народной охраны, который выдавал его в городскую лечебницу [28].

В газете «Известия Камчатского областного исполнительного народно-революционного комитета» № 31 от 29 июня 1921 г. целый раздел назывался «О конфискованных на пароходе “Сишан” спиртных напитках». Тем не менее конфисковывалась лишь незначительная часть от общего количества контрабандного спирта, потому что пароходы разгружались в нескольких пунктах, где таможенная служба отсутствовала, а сил народной охраны было крайне недостаточно.

Кроме того, нелегальной торговле спиртом способствовало иностранное экономическое влияние в регионе. Например, на территории от бухты Корфа до Чукотского полуострова и побережья Северного Ледовитого океана постоянно находились 10—12 американских китобойных судов, 6—10 шхун охотников на моржей и 50—60 мелких торгующих шхун. Они активно торговали контрабандным спиртом и скупали у населения пушнину, моржовую кость, оленью кожу и прочее.

Центром торговли контрабандным спиртом являлись и японские рыбалки, где каждый рабочий привозил «не менее десяти бутылок спирта, на которые выменивал пушнину. Сам же хозяин привозил до ста бутылок. Осенью, возвратившись в Японию, каждый из них обязательно имеет медведя, одну-две лисицы, несколько десятков белок» [29, л. 38]. На охотских золотых приисках торговля спиртом и скупка золота была фактически бесконтрольной.

Наряду с вышеперечисленными задачами народная охрана контролировала санитарное состояние города и соблюдение правил противопожарной безопасности. Сотрудники привлекали к ответственности граждан за «слив нечистот в Култушное озеро», «невывод собак из города и держание их на привязи около ключа питьевой воды», «ропуск лошадей по городу», «выброс во двор горячей и тлеющей золы» и другие административные правонарушения [19, с. 32; 22, л. 29—30].

Таким образом, в 1920—1921 гг. в Камчатской области был сформирован штат народной охраны (милиции), ставшей неотъемлемой частью государственного аппарата управления. Народная

охрана, как единственное вооружённое формирование в области, выполняла многофункциональные задачи, была сформирована по классовому принципу и являлась вооружённой опорой исполнительного комитета.

В мае 1921 г. политическое положение в Приморье изменилось в очередной раз, в результате чего установилась власть прояпонского Приамурского правительства, возглавляемого братьями С. Д. и Н. Д. Меркуловыми [17, с. 122]. В июне 1921 г. Приамурским правительством было объявлено, что Камчатка и Охотское побережье рассматриваются как его территория и подчиняются его власти. В новых условиях начальник областной милиции издал приказ «Об укреплении дисциплины», а петропавловская организация РКП(б) приняла решение, согласно которому все члены и кандидаты в члены партии в случае чрезвычайных обстоятельств обязаны были явиться в распоряжение начальника народной охраны.

На заседании ОНРК 27 июля 1921 г. было принято решение, что «если прибудет экспедиционный вооружённый отряд с целью захвата власти, то комитет вынужден будет прибегнуть к оружию против захватчиков, посягнувших на законную власть». В сентябре 1921 г. Приамурское правительство направило на Северо-Восток России экспедиционный отряд под командованием Валериана Ивановича Бочкарёва.

В Петропавловске силы ОНРК были слишком незначительны, поэтому его члены и личный состав милиции покинули город и перешли к партизанской борьбе. После занятия Охотска (3 октября 1921 г.) и Петропавловска (28 октября 1921 г.) В. И. Бочкарёв объявил, что Охотско-Камчатский край является «очищенным от большевизма». На этой территории народно-революционные органы власти были свергнуты, и началось восстановление ранее существовавших органов управления.

Источники

1. За власть Советов. Из истории борьбы за установление советской власти в Камчатской области (1920—1922 гг.): документы и материалы. — Владивосток, 1967. — 183 с.
2. Государственный архив Камчатского края (ГАКК), ф. 10г, д. 4.
3. Там же, д. 5.
4. Там же, д. 2.
5. Там же, д. 3.

6. Дальний Восток России в период революции 1917 г. и гражданской войны // История Дальнего Востока России. — Владивосток: Дальнаука, 2003. — 632 с.
7. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — С. 104—149.
8. За власть Советов на Камчатке в 1917—1920 гг. — Комсомольск-на-Амуре, 1958. — 105 с.
9. Камчатский краевой объединённый музей (ККОМ). — ГИ 6346.
10. Известия Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — 27 марта. — № 62.
11. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, ф. Р-1382, оп. 1, д. 41.
12. Известия Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — 21 нояб. — № 237.
13. *Худяков П. П.* Дальневосточная милиция в борьбе с уголовной преступностью в 1920-е гг. — Хабаровск, 2002. — 239 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений правительства ДВР. — Б. м., 1921. — № 2.
15. *Камардина Н. В.* Третий областной съезд Камчатки (1920 г.): поиск стабильности // «О Камчатке: её пределах и состоянии...» Материалы XXIX Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2012. — С. 113—116.
16. ГАКК, ф. 80, оп. 1, д. 1.
17. *Витер И. В., Смышляев А. А.* Город над Авачинской бухтой. Петропавловск-Камчатский, 2000. — 207 с.
18. Известия Камчатского областного военно-революционного комитета. — 1920. — 12 дек. — № 240.
19. *Пирагис А. П.* От нагана до компьютера: история камчатской полиции и милиции (XVIII—XX вв.). — Петропавловск-Камчатский, 2005. — 272 с.
20. *Бакалейников П. С.* Становление камчатской милиции (1918—1922 гг.) // История социалистического строительства на Камчатке. — Владивосток, 1979. — С. 119—123.
21. Известия Камчатского областного народно-революционного комитета. — 1921. — 17 апр. — № 19.
22. ГАКК, ф. П-800, оп. 1, д. 76.
23. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — 20 июля. — № 151.
24. Известия Камчатского областного народно-революционного комитета. — 1921. — 4 апр. — № 18.
25. Там же. — 15 мая. — № 23.
26. Там же. — 30 авг. — № 42.
27. Известия Камчатского областного исполнительного комитета. — 1920. — 24 июля. — № 155.
28. Известия Камчатского областного народно-революционного комитета. — 1921. — 29 июня. — № 31.
29. Государственный архив Хабаровского края, ф. П-44, оп. 1, д. 414.

ПЕТРОПАВЛОВСК. Год 1933-й

4 января объявлено, что по решению ЦК ВКП(б) в течение начавшегося 1933 г. будет проведена чистка членов партии, то есть состоится «боевая проверка партийных рядов». Это действие основывалось на решениях XVI партконференции, состоявшейся в апреле 1929 г., о необходимости периодических «перетрясок» с целью «улучшения социального состава и поднятия политического и морального уровня парторганизаций на местах и партии в целом». Первая общая чистка прошла по предложению самого В. И. Ленина ещё в 1921 г., когда «партия сплывала свои ряды», вторая — генеральная — в 1929 г., при начале «развёрнутого социалистического наступления по всему фронту», а третья намечена на первый год борьбы за вторую пятилетку, то есть на 1933-й. В этот же день вечером секретари ячеек совещались по этому поводу в организационно-инструкторском отделе обкома ВКП(б).

5 января во всех комсомольских первичках состоялся «политбой» по итогам второй окружной комсомольской конференции. Так, совхозная ячейка «дралась» с аковской. «К семи вечера к АКОграду колонной, с бодрой песней пришли комсомольцы совхоза под руководством т. Абрамова, лучшего пропагандиста, заслужившего первую премию за умелую постановку учёбы в ячейке. Аковцы тоже не подкачали. Пропагандист т. Тарабыкин обеспечил стопроцентную явку, и бой был ожесточённый. Не оставлено без ответа ни одного вопроса. Совхоз взял первенство». А совпартшкола «побила» педагогический техникум, хотя и его учащиеся показали хорошую подготовку. Зато связисты, долженствующие сражаться с портом, явились не все, объяснив это занятостью большинства комсомольцев на производстве.

Камчатка отрапортовала в краевой центр — Хабаровск о выполнении контрольного задания по реализации займа «Четвёртый завершающий». По данным на 1 января, оформлено облигаций на 2 670 тыс. руб., что составило 100,4 % от плана. На долю Петропавловска пришлось 840 тыс. руб., или 105 %.

Магазин № 8 горинтегралсоюза перешёл на двухсменную работу: с девяти утра до десяти вечера.

В шесть вечера в окружке ВКП(б) на ул. Ленинской, 3 открылась вечерняя совпартшкола. Установлены следующие дни учёбы каждого месяца: 2, 5, 9, 11, 15, 17, 19, 23, 25 и 29-й.

6 января Горместхоз продолжал медленно сооружать два дома на улицах Таможенной и Никольской. Из-за отсутствия инженерно-технических специалистов за стройкой надзирали случайные люди. Они не могли грамотно составить план работ, что вызывало постоянные заминки. Так, снимали с работы пильщиков и посылали их на лесозаготовки, в то время как плотники простаивали без досок. Доставлявшиеся с портовой кошки брёвна обтёсывались, а не распиливались, причём часть материала обращалась в щепу, тогда как можно было бы делать горбыли. Строители жили крайне скученно в грязных землянках с дымищими печами. Из-за отсутствия кладовой для хлеба они теряли время в очереди в общем распределителе.

Радиоредакция «Камчатской правды» желала купить пианино. Возможных продавцов просили обращаться к «товарищу Пяткову».

7 января состоялся очередной партийный день с открытыми собраниями и разговорами о подготовке к предстоящей чистке.

Городская библиотека сменила расписание выходных дней. Теперь они предшествовали общегородским.

Проживавший в АКОграде в юрте № 13 некто Смирнов известил о пропаже Джека — кобеля немецкой овчарки, десяти месяцев от роду, «волчьей масти», с ошейником на красной подкладке. Нашедшему обещано вознаграждение, утаившему — преследование.

Контора Дальзаготпушнины желала продать лошадь.

9 января (день памяти жертв кровавого царизма, расстрела рабочей демонстрации в Петербурге в 1905 г.) прошло общее собрание бывших партизан и красногвардейцев. Среди прочего там разгласялось и о предстоящей чистке.

10 января в восемь вечера занималась литературная группа при газете «Камчатская правда». Её актив составляли Пчелинский, Позигун, Смирнов, Ольхов, Поспелов, Иванов, Коптелов, Скрипко, Сотников. Участвовать могли и все желающие.

Стало известно о скором введении в СССР единой паспортной системы с обязательной пропиской по месту жительства. Это намеревались сделать до конца начавшегося года, для чего, а также для общего руководства милицией образовывалось Главное управление Рабоче-Крестьянской милиции при ОГПУ СССР. Паспорта вводились для лучшего учёта населения городов, рабочих посёлков, новостроек и разгрузки их «от не связанных с производством и работой в учреждениях или школах, не занятых общественно-полезным трудом лиц, кроме пенсионеров, а также в целях очист-

ки от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов».

11 января — очередной день партучёбы. Её новая форма — «ударная однодневная школа», ставящая задачу «быстрейшей проработки наиболее боевых вопросов и максимальный охват всех трудящихся», — придумана с учётом камчатских условий, а именно хронического опоздания газет и литературы с «материка», с одной стороны, а с другой — «перенасыщения» ими сразу после прибытия очередного парохода. «Однодневка» давала возможность наиболее быстро довести важнейшие решения партии и правительства до сознания каждого партийца, комсомольца, рядового труженика.

Постановлением горсовета (председатель С. И. Русаков, секретарь Ф. Л. Слободчиков) определены нормы отпуска электроэнергии. Госучреждениям полагались 10—15, магазинам и жилью — 8—12, а вот школам — почему-то всего 5—10 ватт на один квадратный метр площади.

Горинтегралсоюз уведомил, что передовики производства могут получить «по ударным книжкам» ещё по 10 % к полагавшимся им продуктам. Нормы снабжения на январь для второй категории (в кг): 20 муки, 0,8 макаронных изделий, 1,8 крупы разной, 1 сахара. Кроме этого, причитались (в г): 50 кирпичного чая, 250 махорки, 208 хозяйственного мыла, а также кусок туалетного, одна банка рыбных консервов, 116 папирос и коробка спичек.

Раборк Петров, он же пожарный, анонимно покритиковал начальника пожарной команды (брендмейстера) АКО С. Н. Пестрово, «крайне хозяйственного человека», отправлявшего подчинённых «на грабёж окрестных учреждений и населения», приказывая тащить всё, что подвернётся под руку или попадётся на глаза: в первую очередь дрова, сено. Вечером, по его словам, brave пожарные делились ощущениями: «Меня мужики чуть не избили. Еле ушёл! — Тебя чуть, а меня по спине огрели. — Собака — главная помеха. Срывают, окаянные, снабжение. Все штаны порвали. — Да, тяжёлая наша работа пожарная, жизнью, можно сказать, рискуешь!» Не желавшим заниматься этим доставались взыскания и самая неблагодарная работа. «И приходится покоряться. Из честности, мол, шубы не сошьёшь». Критика аукнулась раборку весьма сурово. Он был обвинён в том, что «обесчестил» всю команду, а её администрация начала делать всё, чтобы избавиться от смутьяна. 24 января его уволили «как пьяницу и дезорганизатора», а также распорядились немедленно выселить из

жилья. 28 января притесняемый за правду писал в газету: «Товарищи редакция! Спасите меня от преждевременной смерти! Начальник пожарной охраны Пестрово буквально издевается надо мною с тех пор, как установил моё авторство заметки о нём... Натравил на меня своих подхалимов... выселяет из квартиры и публично грозит заморить голодом, не дав нигде ходу. Мало этого, он подпоил своего верного помощника Сахарова, и тот произвёл два раза покушение на мою жизнь подлым способом (залил мне глаза спиртом и бросился с ножом). Нападки и издевательства надо мною всё усиливаются. Я, как ваш рабкор, прошу защиты, иначе в ближайшее время буду затравлен подхалимами Пестрово». Забегая вперёд, скажем, что защита нашлась, а брендмейстер вскоре угодил под суд.

15 января из-за отчаянного холода прекратила операции сберкасса № 21/611: перемёрзло паровое отопление. Сотрудники не могли держать перья в пальцах. Холод царил и в Красном уголке барачков Совторгфлота. Никакой «культурной работы» здесь не велось, несмотря на то что ряд грузчиков демонстрировал тягу к разумному времяпрепровождению. По вечерам бараки были погружены во мрак: в каждом имелась лишь одна лампочка, не дававшая возможности ни читать, ни писать. Приходилось развлекаться доступными способами: курить, ругаться, травить похабные анекдоты, резаться в карты при свете огарков. Вот тебе и весь отдых.

16 января в семь вечера в зале заседаний облисполкома открылся расширенный комсомольский пленум. С докладом о новом районировании Дальневосточного края и задачах комсомола выступил заведующий орготделом обкома ВКП(б) С. И. Кузовников. «Будем драться за превращение Камчатки в “валютный цех” края. Разрешим проблему овощно-огородных и зерновых культур, добудем мясо, жиры своими собственными силами. Освободим край от дорогостоящего завоза продуктов питания на Камчатку!»

Горсовет обязал всех своих членов и кандидатов подать заявления о желании работать в одной из секций, а также сообщить домашний и служебный адреса. Напоминалось, что при горсовете действуют секции: коммунальная, здравоохранения, рабочекрестьянской инспекции, народного образования, финансово-бюджетная, кооперативная, военная и связи.

Ксения Ивановна Дюндина известила, что аннулирует доверенность, выданную ею Степану Ивановичу Можерину на получение почтового перевода в три сотни рублей.

Жителю улицы дома № 43 на улице Таможенной требовалась домашняя работница с оплатой «по соглашению».

18 января проведён рейд по проверке выполнения недавнего постановления ЦИК и Совнаркома «Об увольнении за прогул без уважительных причин» (от 15 ноября 1932 г.). В нём, в частности, говорилось: «Установить, что в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин работник подлежит увольнению... с лишением его права пользования выданными ему, как работнику данного предприятия или учреждения, продовольственными и промтоварными карточками, а также с лишением права пользования квартирой в домах данного предприятия или учреждения». Первыми обследовали связистов. Здесь выявлено существенное улучшение: если в первом квартале прошлого года четырнадцать нарушителей нагуляли в общей сложности двадцать два дня, то в последнем — четыре человека пропустили четыре же дня. Наиболее активно гуляли некто Косыгин и Макаренко. «В отношении Косыгина сделан строгий выговор с предупреждением, поскольку он за последнее время начал исправляться. Макаренко уже уволен, как намеренно сделавший шестидневный прогул с целью уйти с предприятия. Сейчас он, по слухам, работает в детсаду... Относительно социального происхождения прогульчиков известно лишь, что Косыгин мелкий собственник, а остальные — рабочие и служащие». Причины прогулов: в большинстве стояние в очередях, задержка на охоте, в отпуске и, наконец, неизбежная винная лавка. Лучше дела обстояли в Совторгфлоте. Здесь особенно злостных нарушителей не было, большинство «гульнуло» по одному разу, а с января «в связи с постановлением» пропуски совершенно прекратились. До «постановления» меры к нарушителям принимались почти исключительно административные, сейчас же всё больше по профсоюзной линии: выговоры, исключения. Так, 17 января изгнан из профсоюза за прогул и пьянку старшина бригады грузчиков Астафьев.

Объявлено, что 10 февраля лётчик Водопьянов и бортмеханик Сергин вылетают из Москвы в Петропавловск. Весь путь в оба конца герои-авиаторы намеревались преодолеть за тринадцать суток. Позже стало известно, что их самолёт попал в аварию.

Электростанция утеряла резьбомер. Нашедшего ценный инструмент просили вернуть за вознаграждение.

19 января Камчатское научно-техническое общество в клубе слушало доклад заместителя директора КО ТИРХ М. А. Фортунатова «Рыбы Камчатки и её рыбное хозяйство».

Попутно отчиталась о проделанной работе морская станция Государственного гидрологического института. Впервые в практике учреждений, входивших в сеть центральных научно-исследовательских институтов Москвы и Ленинграда, станция провела камеральную обработку на месте, в Петропавловске. Этот опыт признан вполне удачным. Руководитель станции К. А. Виноградов сообщил, что осенью прошлого года при наличии одного вёсельного вельбота в Авачинской губе было сделано более тридцати сборов бентоса, шестьдесят сборов планктона и взято более двухсот проб морской воды с различных глубин для химического анализа. В итоге намечена «схема распределения жизни» в губе и получен интересный материал по её гидрологии и гидрохимии. Большой интерес представила находка в Петропавловском ковше вредителя деревянных портовых сооружений — рачка-древоточца. Изучению его биологии и выработке мер борьбы с ним станция намеревалась уделить особое внимание.

20 января транспортно-складская контора АКО открыла автомобильное сообщение между зданием облисполкома и совхозом с остановками: аптека, столовая № 1—3, пожарное депо АКО, главная контора общества, переселенческий барак, совхоз. Плата — рубль с человека в один конец, бесплатно — до пятнадцати килограммов багажа. Начало движения по маршруту в восемь утра, окончание — в десять вечера. Контора принимала заказы на выполнение разных работ, например, на пилку и колку дров по восемь рубликов за «куб».

21 января вечером в клубе прошло траурное заседание, посвящённое девятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина.

22 января состоялось общегородское партсобрание. На повестке дня: международное положение Советского Союза.

23 января заработал клуб Осоавиахима. Бывшая церковь не могла вместить всех желающих. Секретарь общества открыл собрание призывами к укреплению обороноспособности страны и овладению новой техникой. В кратком сообщении «Об очередных задачах на основе решений третьего пленума Центрального совета Осоавиахима» докладчик коснулся общих недочётов оборонной работы вообще и в частности заострил внимание на Камчатке. Он остановился на роли профсоюзов и комсомола, а также на просветительской работе. Без всякого нажима, исключительно «под давлением создавшегося общего настроения», в зале стали раздаваться вызовы на построение своего, камчатского самолёта. Один рабочий-транспортник тут же дал сотню и вызвал всех при-

сутствующих на такую же сумму. Деньги посыпались на стол: каждый вносил, сколько мог. В течение нескольких минут собрали наличными 825 и по записи 950 рублей. Бывшие красные партизаны добавили ещё четыре сотни.

25 января по инициативе культпропа обкома ВЛКСМ начались коллективные просмотры кинокартин. Приглашались группы в составе не менее пятнадцати человек, при этом им полагалась половинная скидка. Заявки надо было сдавать в отдел за три дня до намеченного показа.

26 января начался конкурс на лучшую городскую школу партийного просвещения. Те вступали в него по желанию слушателей. Участники конкурса должны были добиться полного охвата индивидуальными договорами на производстве с конкретными обязательствами каждого учащегося так, «чтобы к концу конкурса иметь право на получение книжки ударника». Установлены премии: переходящее Красное знамя, ленинская библиотечка стоимостью 75 руб., радиоустановка, путёвка на учёбу, годовые подписки журналов «Большевик» и «Пропагандист». Премировались как школы в целом, так отдельные ячейки и слушатели.

27 января Камчатское научно-техническое общество, собравшееся в кабинете председателя облисполкома, слушало доклад доктора Н. П. Савенко «Проблема Восточной Арктики».

Магазин ОГИЗ-Книгоцентра искал нарту с каюром для отправки в село Пенжино книг и канцелярских принадлежностей с оплатой по соглашению.

Ячейка ОСО мехмастерских АКО единогласно решила, что все без исключения рабочие подпишутся на билеты 7-й Всесоюзной лотереи Осоавиахима на сумму в размере 5 % месячного заработка.

Один из городских пионеров сформулировал, возможно, что с помощью старших товарищей, что такое пионерская организация. Из его слов следовало, что её «нужно рассматривать как политическую организацию детей, в которой под руководством коммунистической партии и комсомола происходит освобождение ребят от капиталистических пережитков», где те «получают воспитание в духе интернационализма», а на основах коммунистического воспитания куются «стойкие волей большевики».

28 января озвучены планы городского коммунального и жилищного строительства на начавшийся год. На 2 400 тыс. руб. намечено возвести четыре жилых деревянных дома, коммунальную гостиницу, терапевтический корпус горбольницы на сорок коек, баню с пропускной способностью пятьдесят человек в час, прачечную,

способную отстирать тонну сухого белья в день. На всё это требовалось 4 985 кубов леса, 600 бочек цемента, 50 тонн извести, 220 тыс. штук кирпича. Часть средств предполагалось потратить на оборудование и котлы для прачечной и бани. Для выполнения заявленного за один летний сезон требовалось до четырёхсот работников. Пока же в городе имелось 1 000 кубометров ветлового леса, 50 тонн цемента, 25 тонн рельсов и 20 тонн овса для лошадей. Последних насчитывалось всего пятнадцать. Остро не хватало кровельного железа, извести, гвоздей, краски, стекла и прочего. Недостающее требовалось выписать через краевой коммунальный отдел «с материка». Следовало срочно готовить заявку на рабочие руки, для чего выделить вербовщиков или поручить это одной из краевых организаций. Несвоевременное представление планов, смет и чертежей по опыту прошлого года могло привести к тому, что Госбанк мог закрыть выделенные кредиты.

Объявлены публичные торги на выморочное и государственное имущество, «в составе которого имеются: брюки, пиджаки, юбки, бельё и обувь (дамская и мужская) и предметы домашнего обихода, как-то: скатерти, салфетки, шкатулки». К торгам допущено только трудовое население.

29 января ночью по неизвестной причине загорелся барак-общежитие совпартшколы. Пламя быстро охватило низенькую постройку. Буквально в одном белье совпартшкольцы едва-едва успели выскочить на мороз. Все их вещи и спальные принадлежности сгорели дотла. На помощь пришли бойцы-пограничники, которые, не считаясь с опасностью, работая в удушливом дыму, быстро локализовали огонь. Но успела сгореть жилая часть барака. Свыше пятидесяти слушателей в разгар зимней стужи остались без крова и одежды.

30 января опубликованы результаты общественного рейда в городской детсад. По сравнению с прошлой осенью дела здесь улучшились. Новая заведующая, вступившая в должность в прошедшем сентябре, добилась ремонта помещения, укомплектования штата. Имелся запас продуктов и дров, приведены в порядок финансы. Но, конечно, нашлись и недостатки, вроде: «голые стены, на которых лишь изредка развешены без должного подбора работы ребятишек, создают впечатление какой-то казённости и неуютности. Видно, что ребёнок не чувствует воспитательного влияния обстановки». Вешалки для полотенец находились в коридоре. Самых полотенец насчитали лишь восемнадцать при наличии шестидесяти трёх детишек. «Не успевают высохнуть», —

оправдывалась заведующая. Не имелось в достаточном количестве мешков, где хранилось личное имущество детей (о привычных ныне отдельных шкафчиках пока только мечтали). Мёртвый час не предусматривался: не было спального помещения и кроваток. Три кровати на всякий случай стояли в канцелярии. «Это для тех ребятишек, которые устают или ознобятся. Надо полежать». Воспитательница Василенко пожаловалась на отсутствие методических материалов: «Иногда прямо не знаешь, чем занять ребятишек. Опыт небольшой, человека, который руководил бы работой, нет, вот и работаешь вслепую». «Проходим в общую комнату для игр. Комната пуста и темна, неуютна, совершенно не подходит для игр и развлечений. Здесь раньше стояло пианино, проводились игры под музыку. Теперь пианино взяла радиостудия. Ребятишки собрались в другой комнате, большой и светлой. Наше появление встречается коллективным “Здравствуйте!” У них идёт митинг, посвящённый годовщине смерти Ленина. Румяный бутузик стоит на трибуне, сделанной из двух кубиков, и серьёзно декламирует что-то. Потом ребятишки поют хором. Вид у них хороший, здоровый. На вопросы большинство отвечает бойко. Группа детишек начинает заниматься гимнастикой. Мы уходим в канцелярию, провожаемые взглядами сотен внимательных глазок». Питание поставлено хорошо, но раскладки продуктов на день нет. «Существует лишь тетрадка, в которую заносятся выданные продукты без учёта наличия детей и меню обеда и завтрака, таким примерно образом: крупы три килограмма, мяса 1 700, сахару 800 граммов и т. д. Завтрак: лепёшки на масле, обед — суп с мясом, каша с печёнкой».

4 февраля президиум горсовета установил величину ежедневного сбора на базарной площади и в других местах для поддержания чистоты: для колхозников и единоличников, торгующих с воза, — 1 руб., с рук и лотков — 20 коп., с головы крупного скота — 1 руб., мелкого — 50 коп. Прочие лица, торговавшие на рынке с рук и лотков, платили по рублю, вне рынка — с рук и лотков по два, а с тележек и возов — по пятёрке. От уплаты сбора освобождались продававшие с рук птицу, яйца, молочные продукты, подержанные вещи собственного домашнего обихода, а также лица, уплачивавшие аренду за место на рынке.

Рабочие стройбазы АКО, Авиастрога и Горместхоза (всего сто семнадцать) внесли 3 695 руб. на сооружение ледокола «Вторая пятилетка» и вызывали последовать их примеру коллективы мехмастерской АКО, стройтехуправления и Петропавловского совхоза.

6 февраля в 12.30 дан старт командно-индивидуальному лыжному пятикилометровому забегу. Из девяти участвовавших первое место заняла команда управления погранотряда, показавшая лучшее время — 21 минуту 20 секунд. В индивидуальных соревнованиях быстрее всех оказались пограничники Гордиенко и Семин, милиционер Смешков и работник АКО Карев.

Рыбное управление АКО вместе с профсоюзом отправило на нартах на рыбные промыслы и заводы двадцать два новых радиоприёмника.

8 февраля Петропавловский совхоз АКО пожелал приобрести три колокола диаметром не менее пятнадцати сантиметров.

Бюро обкома ВКП(б), учитывая, «что радио является могучим рычагом культуры», решило довести количество радиоточек в городе к 1 мая до тысячи, а также установить десять постоянных мощных репродукторов на площадях и улицах.

11 февраля из Хабаровска пришло сообщение о введении правительственным постановлением «в ознаменование вступления во вторую пятилетку» особых дней отдыха: 23 февраля, 8 марта, 17 марта, 6 июля, 1 августа и 14 октября.

Агроном А. Копачелли призвал петропавловцев собирать печную золу — ценное удобрение: «Каждый килограмм — для повышения урожайности социалистических полей!» Он напоминал, что каждый кубометр сожжённых дров в среднем даёт около двадцати пяти килограммов золы.

Служащие городских детских яслей внесли на постройку ледокола «Вторая пятилетка» 90 руб. и вызвали ясли погранотряда, ясли и детсад АКО, городской детсад и горбольницу.

Просвещенцы, откликнувшись на беду сгоревшей совпартшколы, собрали в фонд помощи погорельцам 1 186 руб.

В шесть вечера в культпропе обкома ВКП(б) состоялось общегородское собрание студентов-заочников. Присутствовали Ковальчук, Константинов, Выборнов, Евпак, Зайцев, Богданов и Смирнов, заочники, служившие в погранполку. Прошла заключительная конференция «по первой теме, введение во вторую тему “Теория строительства социализма”», поговорили и о дальнейшей работе.

12 февраля кандидатская политшкола горинтегралсоюза, обсудив условия конкурса на лучшую постановку марксистско-ленинского воспитания, включилась в это состязание и вызвала на соцсоревнование политшколу при транспортно-складской конторе АКО.

В АКО действовала целая партсеть, включавшая три кандидатские школы, одну для женделегаток и школу ленинизма с общим

числом сто пятьдесят слушателей. Комсомольская сеть охватывала две «нормальные» школы с пятьюдесятью слушателями. Кроме этого, распахнули двери три ликпункта для рабочих с обязательным политчасом. Выпущен специальный номер стенгазеты «За ленинскую политучёбу».

Общее собрание коллектива Совторгфлота, обсудив вопрос о сборе средств на самолёт «Страховик», постановило отчислить на это дело однодневный заработок.

Известный в городе активист Г. П. Сычѳв, по специальности радист, озвучил недостатки городского радиоузла: «Перестал вещать Хабаровск, и город больше месяца находится без трансляции. Уж не будем говорить о том, что не слышат все рыбные промыслы, колхозы, совхозы западного и восточного побережья Камчатки, а даже и рядом с Петропавловском о радиовещании имеют представление, лишь как о “громкомолчании”. Передача местной радиогазеты зачастую страдает отсутствием музыкального оформления. В радиогазете ещё нет боевой, мобилизующей массу на выполнение промфинплана информации».

«Камчатская правда» сообщила о «бедствующих шести семьях казаков разнообразных специальностей», трудившихся в стройтехуправлении АКО. Их поместили в старый ветхий дом. «С потолка через щели сыплется песок, сквозь стены дует ветер. Форточек в доме нет, и рабочие страдают от духоты. Спят казаки на общих нарах, обедают на грязном глиняном полу. Отопление — две голландки и железные печки, как те, так и другие отчаянно дымят. Обед приготовить на этих печках почти невозможно. С казаками не ведѳтся никакой культурной работы, да и свет по вечерам слишком тускл, чтобы чем-нибудь заниматься. Дровами также обеспечены плохо. Казаки требуют внимания профессиональной и партийной организаций и сносных условий жизни, наравне с русскими рабочими (странные какие-то казаки получают, вроде бы как не русские? Но об этом попозже. — С. Г.)».

14 февраля в помещении райинтегралсоюза заработали счетоводные курсы. На них записались пятнадцать слушателей, по окончании намеревавшихся отправиться в колхозы области.

15 февраля состоялось общее собрание корейской политшколы, на котором обсуждалось участие в проводимом комсомолом конкурсе. Постановили принять деятельное участие, взяв одиннадцать конкретных обязательств.

По решению горсовета от 25 января началась перерегистрация всех животных, рабочего и прочего скота, а также собак.

Из Мильковского района на предстоящий 24-го числа колхозный базар в Петропавловск отправились пять нарт, вёзших мясо, лук, крахмал и ягоду. Бригада охотника Нечаева из Среднекамчатска организовала убой дичи для базара. Готовились к отъезду Елизовский и Красноармейский колхозы, обещавшие доставить продуктов минимум на пять тысяч рублей. «Значительным тормозом для базара явились последние пурги». Областная сберкасса намеревалась организовать на базаре справочный стол по займам, который на месте будет проверять выигрыши и оплачивать их. Областная Рабоче-Крестьянская инспекция собиралась наладить приём жалоб от колхозников.

Введены в действие новые телеграфные тарифы. Одно «городское» слово теперь расценивалось в 7 коп. для частного и 5 коп. для обобществлённого сектора, а для районных и иногородних клиентов — соответственно 20 и 15 коп. за слово в обычной депеше, 60 и 45 коп. — в срочной и 1 р. 20 коп. и 90 коп. — в «молнии».

16 февраля. Лозунг дня: «Ярость масс на прогульщика, пьяницу, дезорганизатора». По всем предприятиям и учреждениям шла работа по разъяснению постановления правительства о борьбе с прогулами. Но, несмотря на это, некоторые администраторы его грубо нарушали. Так, сапожника Каляева уволили из товарной базы АКО за двухдневный прогул, но тут же приняли на работу в Горместхоз. Не обошлось и без перегибов. Сотрудник Совторгфлота Пилькевич жаловался, что за полтора года не имел ни одного нарушения и считался аккуратным работником. «Судите сами, как мне было обидно увидеть 2 февраля своё имя на доске прогульщика. Когда я пошёл выяснять, в чём дело, то оказалось, что меня не записали, когда я работал на воскресенье 30 января, и я опозорен исключительно из-за неправильного учёта. А факт моей работы на ударнике может подтвердить техник Рожков, под чьим руководством я работал. На мои заявления профорганизация никак не реагирует. Моя фамилия красуется на чёрной доске... Можно ли безнаказанно порочить человека, и именно сейчас, когда вопросу борьбы с прогулами уделяется такое большое внимание?»

Выявились недостатки и в использовании наглядной агитации. Прошлой осенью с последним пароходом в адрес управления снабжения АКО пришли плакаты «Итоги первой пятилетки» и «Намётки второй пятилетки». Снабженцы решили, что плакаты попали к ним по ошибке, и отправили их в магазин. Нуждающиеся в бумаге для оклейки стен обыватели чрезвычайно обрадовались и быст-

ро раскупили большие красивые плакаты, продававшиеся по двугривенному. А клубы и месткомы вынуждены были рисовать агитационные материалы от руки, с трудом отыскивая нужные цифры.

Камчатское отделение ТИРХ сообщило, что к нему прибилась ездовая собака с цепью. Потерявшего просили обращаться к Нефёдову в дом на Ленинской, 36.

18 февраля аптека № 45 объявила о наличии в продаже оксикрина, секаровской жидкости, морской капусты, уродонала, пэн-экспеллера, порошка от тараканов, клопов и блох, а также мыльного порошка для бритья. Аптека работала с девяти утра до восьми вечера, «кроме общих выходных дней».

Административно-хозяйственное управление АКО назначило на семь вечера 19-го числа собрание уполномоченных домов и квартир общества «по ряду коммунально-бытовых вопросов». Тем домовладениям, «кои до сих пор ещё не выбрали уполномоченных, надлежит не позднее сего дня провести выборы».

20 февраля введены новые заготовительные цены на пушнину. Полярный волк оценён в 65, лесной — в 60, степной — в 45, выдра — в 100, горностай — в 5,5, лисица красная — в 55, крестовка — в 150, медведь бурый — в 125, песец белый — в 80 руб. Дороже всех стоил соболь — 450 руб., а за зайца-беляка и евражку давали всего 80 и 70 коп. соответственно.

Областной инспектор труда Шахназаров, обращаясь к руководителям всех предприятий и учреждений Петропавловска, заключил, что «всё чаще наблюдаются случаи переманивания сотрудников одних учреждений другими. Особенно часты случаи переманивания счётных работников на вечерние и аккордные работы в ущерб их основной работе». Он потребовал в течение пяти суток расторгнуть соглашения с работниками учёта других организаций, а в дальнейшем счётный персонал на работу по совмещению без ведома инспекции труда не принимать.

22 февраля начальник Петропавловского гарнизона Н. С. Киселёв отдал приказ о проведении 23-го числа парада подчинённых ему частей по случаю пятнадцатой годовщины Красной Армии. Место действия — Култучное озеро. Форма одежды караульная: в шинелях и кожаных сапогах. Начальствующий состав прибывал к месту в пешем строю, за исключением артиллерийского дивизиона, станковые пулемёты — на лыжных установках.

23 февраля проведено показательное тактическое учение обронных отрядов. «Удивительно, как влияет форма на дисциплину.

Едва только белые маскхалаты покрыли разномастные пиджаки, полушубки и пальто, настроение осовцев резко изменилось. Сразу чётче стали построения, увереннее движения, стало видно, что эти бойцы, придя в казарму, будут передовиками.

— По два стройся! — раздаётся команда командиров рот.

Быстро выравнивается и застывает двойная цепочка бойцов. Командир батальона кратко объясняет бойцам предстоящую задачу, быстро раздаются лыжи, противогазы, ружья... Мы выступаем по направлению к исходному пункту — деревне Халактырке.

Раннее утро. Пасмурное небо постепенно начинает светлеть. Быстро подвигаемся вперёд, проходим совхоз, там уже суетятся санитары и обозные, укладывая в повозки припасы и снаряжение. Мы проходим мимо и углубляемся в тундру. На исходном пункте бойцы закусывают, отдыхают, настроение бодрое, несмотря на тяжёлый переход. Оживлённо обсуждается план предстоящего сражения, слышится смех, возня, восклицания. Часть отряда расположилась на Халактырском озере. Прибывают связные от них, то и дело возвращаются со сведениями разведчики. Наконец противник обнаружен, и батальон начинает наступление. Впереди осторожно пробирается передовое охранение, почти незаметное в своих белых халатах, за ним движутся главные силы. На правом фланге, где находится третья рота, уже, очевидно, кипит бой: слышны холостые выстрелы винтовок. Начинаем двигаться форсированным маршем, то и дело приводя пленных, захваченных разведкой (впрочем, выясняется, что наших тоже забрали порядочно). Едва только передовое охранение замечает противника, как нас начинают обстреливать с высот. Неприятельские позиции уже близко.

— В боевой порядок развернись! — раздаётся команда комроты, передаваемая немедленно командирам взводов.

Колонны взводов рассыпаются и двигаются дальше. Дошли до опушки леса. Перед нами голое пространство с мелкими прикрытиями кустов, а за ним высота, с которой нас поливают ружейным и пулемётным огнём. Нечего и говорить, позиция противником выбрана удачно, но взять сопку всё же надо.

— Пулемёты, огонь!

“Пулемёты” начинают оглушительно трещать, под их прикрытием бойцы с криками “Ура!” бросаются и занимают неприятельские позиции. До рукопашного боя дело не доходит, так как подаётся сигнал отбоя. С шумом и смехом недавние противники сбиваются в кучу, обсуждая перипетии боя. Затем роты строятся

и уходят домой, как раз вовремя, потому что, не доходя до города, нас догоняет со свистом и воем пурга».

Разбор учения показал, что наряду со многими достижениями имеются и недостатки: слабая физическая подготовка отдельных участников, некоторые не умеют как следует маскироваться, мала инициатива командного состава. Всё это следует изжить на повторных манёврах и учениях, после чего отряды ОСО станут «действительным резервом нашей победоносной армии».

24 февраля бушевала пурга. Назначенный колхозный базар-ярмарка не состоялся. Селяне из районов, застигнутые в пути сильнейшим снежным бураном, добраться до города не смогли, с опозданием прибыли из близлежащих деревень. Их продукция раскупалась нарасхват, при этом на базарной площади царили беспорядок и давка. «Милиция красноречиво отсутствовала, если не считать случая организованного налёта на колхозные возы милицейской столовой. Таким образом, орган, наблюдающий за соблюдением законности и порядка, сам предводительствовал в беспорядке и дезорганизовал рынок».

Зато состоялась товарищеская встреча между командами шахматистов АКО и города. Играли на десяти досках. На первых трёх — лучшие шахматисты Зуев, Белоногов, Кормушин (АКО) и Зорин, Новограбленов, Щипков (город). Матч закончился вничью (5 : 5).

В переулке Лаперуза, несмотря на зиму, образовалась лужа: потёк давно не ремонтировавшийся водопровод, вода нашла место для выхода прямёхонько в кухню и столовую Совторгфлота. Потоп устранили, но опасность того, что столовая вновь «поплывёт» весной, с началом таяния снега, оставалась весьма высокой.

Поползли слухи, что окрсберкасса, ещё в 1930 г. выдавшая «велосипедные обязательства», двухколёсных коней уже получила, но достались они не держателям обязательств, а тем, кто «находился поближе». Сберкасса оправдывалась, что на самом деле этого не было, а в задержке всецело виноват Владивосток. Высказывались предположения, что «подобная “аккуратность” вряд ли послужит стимулом к охотному приобретению всяких обязательств со стороны масс в будущем».

25 февраля состоялось очередное занятие в корейской политшколе. Сначала подвели итоги проведённых бесед и работ среди рыбаков и лесорубов. Те восприняли их серьёзно и просили делать регулярно, а также устраивать постановки на корейском языке, так как русский большинству непонятен. По докладу «руководы», то есть руководителя школы, «О производстве товаров ширпотреба

(из решений сентябрьского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)» было задано два десятка вопросов и выступили четверо. Решили выделить для проведения бесед на эту тему среди корейцев на Моховую Кима Хун Гири и Хэгая Ген Себи, к грузчикам транспортно-складской конторы АКО — Цоя Чан При и Надежду Пак и к корейцам — Веру и Анну Ким.

За «рвачество» и отказ от работы уволен и снят с промтоварного и продовольственного снабжения киномеханик и афишёр агентства Госкино Личкун, не так давно объявивший себя ударником. «Своё ударничество он понял как предлог сорвать побольше денег, кроме этого, он отказался выполнить свою прямую работу — исполнение афиш».

Слушатель вечернего рабфака при педтехникуме, организованного владивостокским Дальрыбвтузом, сообщил, что тот находится в критическом положении: ни на первом, ни на втором курсе нет учебников. Кроме этого, отсутствует преподаватель обществоведения — одной из важнейших подготовительных дисциплин. Студенты уже начали разбегаться. Обращаясь к культпропу обкома партии, он просил выделить преподавателя и «не допустить развала нужного дела».

1 марта областной совет физкультуры объявил детский спортивный праздник. В программе — лыжные соревнования, «вольные движения», военизированные игры и прочее. Цель праздника: «втягивание детской и пионерской массы в физкультурное движение».

Городской детсад «Имени 8 Марта» объявил себя ударным и вызвал на соревнование детсад АКО.

3 марта портоуправление получило официальные сведения о выходе парохода Совторгфлота «Смоленск» из Владивостока в Петропавловск, намеченном на 15 марта. Пароход уже встал под погрузку. На 5 марта Совторгфлот назначил аукционную продажу смёток цемента массой в одну тонну, невостребованного Горместхозом.

7 марта на Култучном озере прошли соревнования по бегу на лыжах на десять километров. Участвовали двенадцать команд спортивного общества «Динамо» и шесть профсоюзных. Старт дан в 11.50. Лучшие результаты показала команда «Динамо» № 5 — 42 минуты 38 секунд. В индивидуальных соревнованиях быстрее всех был Г. Личкун — 37 минут 25 секунд. Последняя команда отправилась в забег в 15.30. Соревнования привлекли большое количество публики, с интересом следившей за лыжниками.

8 марта на вечере в межсоюзном клубе, посвящённом Международному дню работницы, всем желающим попасть сюда не хватило места. И зал, и фойе заполняла весёлая, яркая, говорливая толпа женщин-делегаток. В массе разноцветных косынок и блузок тонули редкие тёмные пятна пиджаков и кепок гостей-мужчин. В фойе действовала выставка женского рукоделия. Массу зрителей привлекли экспонаты, сработанные руками делегаток для аукциона в пользу детяслей. Вечер открыла женорг обкома ВКП(б) Макарова, поприветствовавшая собравшихся и в немногих словах охарактеризовавшая трудности, ещё стоявшие на пути раскрепощения женщин. Избран почётный президиум в составе товарищей Сталина, Молотова, Крупской, Клары Цеткин и Эрнста Тельмана, недавно арестованного вождя германских коммунистов. Избрание встречено дружными аплодисментами. Затем собравшихся приветствовали представители обкома ВКП(б) и ВЛКСМ, горсовета, прокуратуры и других организаций.

С докладом о 23-й годовщине международного женского движения выступила инструктор по пропаганде культпропа обкома партии Р. И. Либерс. «Настоящая годовщина, — заявила она, — проходит под знаком углубления экономического кризиса в странах капитала и крупнейших побед строящегося социализма в СССР. Между трудом и капиталом происходит жестокая борьба, и в этой борьбе женщина занимает не последнее место. Двойной гнёт — на производстве и в семье — революционизирует женщину Запада и выдвигает её в первые ряды организаторов и руководителей стачек и демонстраций. Растёт участие женщины в антивоенной деятельности и общей работе коммунистических партий». А в это время, по её словам, женщина Советского Союза борется на производственном фронте за построение социализма. Её роль на производстве, в колхозе и общественных организациях с каждым днём становится всё более и более значимой. Однако это не должно никого успокаивать: «В частности, у нас, на Камчатке, имеется ряд прорывов и невыполнений наших производственных планов. В деле ликвидации их женщина должна занять подобающее место... Необходимо потребовать от партийных и профсоюзных организаций усиления внимания к женработе. В деле военизации женщины также должна идти наравне с мужчиной!»

Зал взорвался аплодисментами и звуками духового оркестра. На трибуну одна за другой поднимаются ударницы женработы, рапортующие о своих достижениях. Алексеева из АКО доложила об успехах в области военизации, колхозница из «Амурского партизана»

Шеплякова поведала подругам о перевыполнении промфинплана. За ними последовали ударницы базы Моховой и курсантки совпартшколы. То и дело звуками оркестра и аплодисментами зал приветствовал ударниц строительства, военизации и учёбы. Их премированием завершилась торжественная часть вечера.

10 марта камчатцы узнали из сообщения, пришедшего из Верхнеудинска, о том, что состояние здоровья потерпевшего аварию лётчика Водопьянова теперь вполне удовлетворительное. Ему разрешено ходить по комнате. В первых числах марта герой в сопровождении жены и брата намеревался ехать в Москву. По мнению врачей, катастрофа должна была пройти для него почти бесследно.

Горбибiblioteca начала перерегистрацию книг и просила читателей сдать таковые не позднее 12 марта.

11 марта в семь вечера в межсоюзном клубе собрался городской партактив. Слушали доклад «Карл Маркс и социалистическое строительство» по случаю пятидесятилетия со дня смерти (14 марта 1883 г.) основателя марксизма. Выделены докладчики по коллективам, после доклада их ждали в фойе для получения тезисов.

12 марта опубликовано письмо наркома земледелия СССР Я. А. Яковлева (Эпштейна). В стране начинался «Поход за культурное земледелие». «Комсомол, начав поход против сорняков, взял на себя почин в очень большом деле. Сорняки свели на нет в прошлом году значительную часть урожая на Северном Кавказе, Украине, Нижней Волге и ряде других краёв... Начав поход... комсомол начал поход за культурное земледелие...»

Слушатель жаловался на неустройства на курсах киномехаников: холод в помещении, неясность с будущим трудоустройством, отсутствие нужной аппаратуры. Высказывались и претензии в адрес заведующего Колоколова, который, по мнению слушателя, не соответствовал своему назначению. «В кинотехнике он понимает очень мало, но обладает большим самомнением. Урезал программу по электротехнике и киномеханике — главнейшим дисциплинам курсов, на экзаменах сбивает учащихся с толку, задавая вопросы, которых нет в программе, на практических занятиях даёт свои указания, ничего не понимая в деле. Всё это создаёт у курсантов впечатление несерьёзности курсов, начинаются разговоры об уходе». Да, вот ещё что: у Колоколова на все просьбы всегда имелся лишь один ответ: «Захочешь есть, так улица есть».

16 марта из Москвы сообщили, что освоено производство патронов к американским ружьям системы «Винчестер». До сих пор их привозили из-за границы. В текущем году предполагалось

прекратить этот импорт и обеспечить потребность охотников Крайнего Севера патронами собственного производства. По сведениям Комитета Севера, уже началась их отгрузка в Якутию и Дальневосточный край.

За неоднократные прогулы и опоздания уволены с работы в райинтегралсоюзе некто Федакова-Клочкова и Галактионов. Со дня увольнения их лишили промтоварного и продовольственного снабжения. За отказ выйти на работу «по рваческим мотивам в момент наибольшего напряжения цеха, мобилизовавшегося на выполнение срочных заказов», уволен и исключён из членов союза, а также снят с довольствия рабочий типографии Мерлин.

Потерялся боров белой масти. Приметы: порванные уши и хвост. Нашедшего просили сообщить в редакцию «Камчатской правды». Зато спустя четыре дня нашёлся поросёнок-кабанчик, и тоже белый, приблудившийся к дому на улице Ленинской, 15. Об этом сообщил доктор К. К. Смитт. (Его участь оказалась трагической: 4 мая он был арестован, обвинён в причастности к «Автономной Камчатке» и приговорён к расстрелу.)

Горкомхоз объявил, что при нём организована городская строительная контора «Горстрой». По всем вопросам капитального жилищно-коммунального строительства теперь следовало обращаться туда по адресу: улица Таможенная, 21а (новый дом).

17 марта из Владивостока на Петропавловск с полутора тысячами тонн груза и шестью сотнями пассажиров отправился пароход Совторгфлота «Смоленск».

18 марта — День Парижской коммуны. Согласно определению В. И. Ленина, «советская власть есть второй всемирно-исторический шаг и этап диктатуры пролетариата. Первым шагом была Парижская коммуна». Празднество решено превратить в кампанию за организованный рост рядов МОПР, усиление организации, действенной помощи заграничным узникам капитала.

В семь вечера в Красном уголке Союза связи открылась первая областная конференция связистов. На повестке дня: отчёт оргбюро, состояние и перспективы развития связи в Камчатской области, выборы.

Опубликована выписка из протокола заседания президиума горсовета. «Слушали: о рубке леса по склонам окружающих гор. Постановили: в целях сохранения... категорически воспретить рубку леса и всякого мелкого кустарника по склонам Петровской, Мишенной и Никольской гор. Объявить указанные горы заповедной территорией для сохранения лесных насаждений. Органам

милиции и лесной стражи усилить надзор за выполнением настоящего постановления и виновных в нарушении привлекать к ответственности».

Городская амбулатория объявила, что все посетители должны предъявлять в регистратуре удостоверения, что они являются «активно застрахованными» или членами семей застрахованных. С прочих намеревались взимать за врачебный приём по три рубля. Сельчанам следовало иметь удостоверения от правлений колхозов, единоличникам — от сельсоветов.

19 марта выездная сессия народного суда 1-го участка в открытом судебном заседании рассмотрела уголовное дело по обвинению граждан С. М. Мокрецова, двадцати одного года от роду, и А. С. Лещёва, двадцати двух лет, оба беспартийные, рабочие мехмастерской стройтехуправления АКО. Следствие установило, что во время пьянки 17 февраля обвиняемые повздорили с пришедшим кузнецом К., набросились на него и стали зверски избивать. Это продолжалось довольно долго, в ход были пущены нож, ноги в грубых сапогах и лом. В результате побоев и потери крови от ножевых ран пострадавший сразу умер. «Под выходной день в здании старой конторы АКО в комнате холостяков происходила выпивка. На кровати и за столом сидели Шустов, Тимошенко, Мокрецов, Лещёв и другие. По всему зданию, разгороженному дощатыми переборками на комнаты и комнатухи, разносились крики, пение и звон стаканов. Для вящего комфорта Мокрецов написал на клочке бумаги “Без доклада не входить” и вывесил её на дверях. Это мероприятие вызвало дружное одобрение всех собутыльников. Поэтому, когда вошёл “без доклада” молотобоец... недолго думая, Мокрецов ударил... в ухо. Тот вспылил, ударом кулака свалил его с ног и прижал к кровати. На крики Мокрецова вбежал в доску пьяный Лещёв и, схватив лом, ударил им... по голове. К. свалился. Началось зверское избиение. К. били ломом, ножом, железной ручкой. Крики его разносились по всему дому. В коридоре столпилось много обитателей, жадно приникших к щелям комнатухи и наблюдавших интересное зрелище... К. избивали больше получаса. Наконец его, израненного и окровавленного, выбросили в коридор, напоследок огрев ломом по спине. Собрав последние силы, он вбежал в соседнюю комнату, свалился на кровать и умер... Все только наблюдали, охали, но никто не вбежал в комнату, не разнял дерущихся, не вызвал милицию». Суд установил факт зверского убийства и приговорил обвиняемых к десятилетнему сроку лишения свободы с поражением в правах на

пять лет и высылкой из пределов Камчатской области также на пять лет.

20 марта суд рассматривал дело по обвинению начальника пожарной охраны Пестрово. Установлено, что строительство пожарного депо и помещения для команды производилось под его руководством «чисто анархическим путём». Никаких планов, смет, проектов не составлялось, заготовка сена, дров и прочих материалов шла «хищническими методами», а именно воровством у населения и учреждений. Имея право самостоятельного найма и увольнения, брандмейстер злоупотреблял им, избавляясь от неугодных лиц. Только за 1931 г. в административном порядке были изгнаны тридцать два человека, и лишь двое — по собственному желанию. Когда известный нам рабкор осветил в газете «методы работы» Пестрово, то был выгнан под надуманным предлогом. Обвиняемый признал себя виновным лишь в отношении развала профсоюзной работы. Но свидетельские показания полностью подтвердили факты, перечисленные в обвинительном заключении. На основании этого суд приговорил его к лишению свободы на два года без поражения в правах.

22 марта завершился приём заявок от горожан, хозяйственных организаций и учреждений, желавших обзавестись сенокосными угодьями в пригородной зоне.

26 марта опубликовано обязательное постановление горсовета об урегулировании уличного движения. Для предупреждения несчастных случаев воспрещалась быстрая езда на лошадях, собаках и машинах по улице Ленинской, за исключением пожарных тревог, когда та допускалась со своевременным предупреждением сиреной, окликами шоферов или возниц. «Быстрота езды определена не более семи-восьми километров в час». Домовладельцам вменялось в обязанность расчистить примыкавшую часть Ленинской на ширину не менее пяти метров, чтобы вполне гарантировать беспрепятственный разъезд встречных подвод и проходившей публики. Не допускалось устройство горок для катания на лыжах и санках с переулков на Ленинскую. За нарушение налагался штраф до ста рублей или назначались принудработы до месяца.

28 марта все учреждения, организации, предприятия и домохозяева, в адрес которых на «Смоленске» прибыли пассажиры, обязывались к 29 марта представить в облздрав их списки с отметкой о проведённой в бане санитарной обработке. Для этого облздрав выдал специальные талоны и намеревался сверить списки прошедших баню и перечень, представленный администрацией

парохода. Так намеревались пресечь завоз с «материка» всевозможной заразы.

31 марта горсовет изучал ходатайство Горкомхоза об урегулировании купли-продажи частновладельческих домов. Выяснилось, что «несмотря на категорическое воспреещение о покупке учреждениями, хозорганизациями и общественным сектором частновладельческих домов, всё же некоторые организации производят покупку и тем самым перекачивают средства в частный сектор». Решили категорически запретить приобретение жилья у частных. Купленное же после издания постановления Далькрайисполкома от 21 ноября 1932 г. и не оформленное в Горкомхозе и нотариате изъять и передать Горкомхозу.

6 апреля гражданам, занимавшим квартиры Домтреста, имевшим ордера, выданные в 1932 г., и без них, в пятидневный срок до 10 апреля предложено зайти в правление за получением новых ордеров на 1933 г. Не явившихся намеревались выселять в административном порядке.

Выявлено, что табельщик мехмастерских АКО, коему поручено распределение продовольственных карточек, занимается подлогом документов — добавляет своим знакомым несуществующих детей и выдаёт на них карточки.

8 апреля стало известно, что по решению Всесоюзного арктического института в текущем году в Петропавловске организуется его отделение, ставящее задачей производство исследований и экспедиций в Дальневосточной Арктике. На указанные работы намечалось отпустить полтора миллиона рублей.

Горместхоз выделил на расширение электростанции 125 тыс. руб. Сруб заложили в феврале, но вскоре дело встало — закончились материалы. Электростанция находилась «накануне катастрофы»: её двигатель не ремонтировался четыре года. Со дня на день ждали аварии и полного обесточивания города.

9 апреля так называемая «партизанская комиссия» просила зайти к секретарю и оформить личные дела не прошедших проверку Г. И. Тюменцева, К. Я. Соловьёва, Т. Н. Шевцова, Ф. Н. Мокшина, П. И. Васильева, М. П. Борисенко, Л. П. Корень, П. С. Постникова, П. Д. Офицерова и некоего Черноногова.

17 апреля в народном суде шёл процесс над работниками горинтегралсоюза Починком, Самохваловым, Рыбачуком и Богайцевым. Их обвиняли в «злостной бесхозяйственности», принёсшей кооперации значительные убытки. Суть дела заключалась в том, что ещё в декабре 1931 г. сюда доставили тридцать две бочки (почти

полторы тонны) кетовой икры для рабочего снабжения. Их поставили в подвал, а сверху засыпали корнеплодами. Лишь в июле 1932 г. при инвентаризации икру случайно обнаружили пришедшей в негодность. Стоимость пропавшего — 8 954 руб. «Рабочая общественность города ждёт от суда сурового воздействия на срывщиков снабжения». И она его дождалась: два виновника получили два и три года лишения свободы, два — годовые исправительно-трудовые работы с отчислением 15 % зарплаты.

18 апреля отдельные лица забили тревогу по поводу удручающего состояния городского музея: из отдельного учреждения пару лет назад он стал кучей предметов, хаотически сваленных в одном из помещений здания обкома ВКП(б). Ценные экспонаты превратились «в игрушки совпартшкольцев, на которых они раскатываются верхом по коридору обкома». Спрашивали, «оправдывает ли те задачи, которые ставим мы перед нашими музеями, наш Петропавловский музей, находясь в таком состоянии? Нет, не оправдывает. Необходимо предоставить помещение под музей и принять меры к сохранению от дальнейшей порчи имущества. Без этого музей погибнет безвозвратно».

Бывший партизан, ныне начальник облдортранса А. И. Зимин, узнавший, что в краевом центре — Хабаровске по случаю пятнадцатой годовщины Октябрьской революции заложен памятник в честь героев гражданской войны — «Дом коммуны партизан», призвал: «Нам, партизанам и красногвардейцам, находящимся на Камчатке, пережившим все невзгоды гражданской войны, нельзя остаться в стороне... Нужно сейчас же через свою партизанскую комиссию организовать сбор средств в фонд строительства памятника».

20 апреля обком комсомола объявил конкурс на лучшую массовую кампанию по распространению барельефа генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева, установив районные, коллективные и индивидуальные премии. «Каждый комсомолец, пионер, школьник должен иметь барельеф... Кампания по реализации барельефа должна носить исключительно массовый характер и, несомненно, вызовет со стороны комсомольцев Камчатской области большой подъём и активное участие в этой работе». Инициатором этого, странного по современным меркам, мероприятия стал Тифлиссский шефский совет общества смычки города с деревней.

Книголюб Захлебный, обладавший уникальной библиотекой в пять тысяч томов, намереваясь покинуть город, предложил приобрести своё собрание городской библиотеке. Та с радостью согласилась уплатить названную сумму, совсем не рассчитывая на

получение такого количества книг с «материка». Дело осталось за малым — привезти их из АКОграда. Заведующая обратилась в Горместхоз с просьбой дать ей лошадь с телегой. Но наступил выходной, лошади не нашлось, и когда заведующая отправилась на розыски, то нашла конюшню на замке да пустой Горместхоз. Тем временем книголюб заколотил свои тома в ящики и был таков.

22 апреля опубликованы итоги оплаты областным управлением сберкасс выигрышей по облигациям займов с 14 марта по 8 апреля. Общая сумма составила 6 218 руб., в том числе по займу «Третий решающий год пятилетки» — 4 302, по займу «Пятилетка в четыре года» — 1 541 и по рыночному займу 1932 г. — 375 руб. А вообще-то советскому кредиту исполнилось десять лет. Первый «хлебный» заём был выпущен в 1922 г. суммой десять миллионов пудов ржи. Первый денежный заём составил сто миллионов рублей, а через десять лет заём четвёртого завершающего года пятилетки выпущен на сумму аж в 3 200 миллионов. Займы являлись важными доходными источниками госбюджета, составляя в 1932 г. его семнадцатую часть. «Трудящиеся Советского Союза — подлинные хозяева страны — не только ведут грандиозную социалистическую стройку, но и финансируют её».

24 апреля женделегатское собрание АКО изучило вопрос об участии в рыбной путине женщин и создало ударную бригаду «Имени первого года второй пятилетки» из двадцати работниц, готовую по первому зову выступить на борьбу за план путины. Каждая делегатка обязалась сшить по пятьдесят пар рукавиц для обеспечения рыбной путины. Время поджимало: ещё 18 апреля в воротах Авачинской губы бригада опытного лова КО ТИРХ добыла первых гонцов сельди весеннего хода.

Милиция пояснила, как следует поступать при обнаружении потерянных вещей: немедленно заявить и сдать найденное в управление; в случае, если владелец не отзовётся в течение шести месяцев, вещи переходят в собственность государства; бесхозное имущество также становится его собственностью. Нарушение перечисленного выше влекло уголовную ответственность.

25 апреля прибыл японский фрахтованный пароход «Гензанмару», следовавший в Корф. Всем завербовавшимся на тамошние угольные копи предлагалось явиться в горное управление АКО с документами о расчёте с последнего места работы.

Между прочим, демобилизованный красноармеец В. Гес, завербовавшийся в АКО для работы в Корфе, жаловался на своё незавидное положение. Он должен был получать во время переезда

по двести граммов хлеба в сутки сверх нормы, но когда на пароходе обратился к управляющему разработками Клыккову с просьбой выдать паёк, тот отказал. «Записал мою фамилию и выгнал из каюты. На Корф меня не пустили и отправили без продуктов в Петропавловск. Здесь я не могу получить ни суточных, ни подъёмных, так как надо узнать, почему я вернулся с Корфа. Директор рыбного управления Морозов при мне разорвал моё заявление и сказал: “Вы от меня ничего не получите, идите, откуда пришли!” Я без денег, без одежды и квартиры. Где же конец этому издевательству?»

26 апреля возмутились рабочие АКО, жившие в здании старой конторы. Они регулярно платили за электроэнергию по семь рублей с лампочки, но её выключили ещё 8 апреля, так как стройтехуправление не рассчиталось за ремонт линии. Между тем в плату за освещение была включена и стоимость ремонта. «Куда же, в таком случае, девались собранные деньги?» — задавались законным вопросом труженики.

3 мая состоялось очередное судебное заседание, на сей раз над виновниками «безобразий в деле общественного питания». Суд установил, что завстоловой № 1—3 Павлов и его помощник Матвеев «потворствовали расхищению продуктов, халатно следили за расходом их служащими. Обеды в столовой инженерно-технических работников отпускались посторонним лицам, без карточек. Хлеб хранился в антисанитарных условиях, портился крысами. Сахар, предназначенный для буфета, шёл на потребу сотрудников столовой». Первый схлопотал пять лет лишения свободы, второй — три года. Досталось и председателю месткома Леухину, который «знал обо всех этих безобразиях, но молчал, так как сам был грешен в том, что, будучи кассиром, отпускал своим знакомым обеды без карточек». Он приговорён к исправительно-трудовым работам на год.

5 мая (в День печати) газета «Камчатская правда» сообщила подписчикам, что приём подписки и доставка газеты адресатам передаются газетному бюро Союзпечати, что при областной конторе связи.

8 мая опубликовано первое объявление о спектакле настоящего, профессионального Камчатского областного рабочего театра (КОРТ). Его открытие рассматривалось как «новая победа советской Камчатки — впервые на северо-восточной окраине СССР начал постоянно работать театр». Собирались давать пьесу «Страх» в девяти картинах. «Автор Афиногенов, режиссёр Н. Заботин.

Начало ровно в девять часов вечера». Исполнилась мечта истинных театралов, до этого довольствовавшихся «продукцией» двух любительских драмкружков (украинского и русского), работавших при межсоюзном клубе. Те хоть и брались за дело с энтузиазмом, пытаясь овладеть азами сценического искусства, но не имели квалифицированного руководства. Да и условия у них были весьма суровые: «во время постановок участники дрожат от холода и на другой день теряют голос. Бутафории нет никакой, костюмов также. Иногда вместо поповской ризы приходится надевать шинель без хлястика. Вазелину для смывки грима нет, и актёрам приходится идти домой загримированными, пугая встречную публику. Чтобы выстрелить во “врага”, актёру приходится целиться пальцем, а в это время за сценой кто-нибудь топает ногами о пол (никаких звуковых приспособлений при клубе нет)».

9 мая в шесть вечера в межсоюзном клубе началась лекция завоблоно Т. М. Дейнеко «Национальный вопрос». Явку всей сети партпроса «своевременно организованным порядком» обеспечил культпроп обкома партии.

10 мая ловцы во главе с бригадиром С. Рясковым, работавшие на портовой кошке на дополнительной приёмной базе Авачинского промыслового района, объявили себя ударниками и обязались взять 2 750 центнеров сельди и 650 центнеров частика, а также вызвали на социалистическое соревнование бригаду Боброва. Но вскоре в этом ударном коллективе произошёл разлад на почве пьянства рабочих Асламова, Журавлёва и Головина. «Эта тройка... вносила дезорганизацию в работу бригады». Общее собрание единогласно решило изгнать их и поставило вопрос об исключении из рядов профсоюза. «Пьяниц и дезорганизаторов путины нам не нужно!»

11 мая в девять вечера КОРТ давал пьесу «Междубурье» Д. Курдина, режиссёр Н. Заботин. Касса открыта с пяти вечера. Начало работы ТРАМ вызвало огромный интерес горожан, билеты раскупались с боем: небольшое количество мест не могло удовлетворить всех желающих. «В смысле организации открытие театра прошло гладко, если исключить печальный инцидент с занавесом, который почему-то всё время заедало. Здание отоплено и хорошо освещено. Продолжительность антрактов также вполне нормальна».

Да уж, Петропавловску повезло! Он обзавёлся настоящей, квалифицированной драматической труппой, хотя и малочисленной. «Молодой и крепкий коллектив советских актёров... начал своё большое культурное дело. Уже сработано две вещи — “Между-

бурье” и “Страх”, дано с полным аншлагом несколько спектаклей, в самом ближайшем будущем предполагается ещё несколько новых постановок. Труппу хвалят, билеты раскупаются нарасхват, чего бы, кажется, желать лучшего, но... хорошее начинание рискует сорваться, потому что буквально намеренно создаются и чинятся самые изощрённые препятствия. Театру не дают помещения (сугубо ограничивают дни его выступления), выгоняют из клуба, мотивируя это тем, что театр мешает клубной работе. Не знаем, проводится ли у нас такая работа, но что имеющееся здание приспособлено именно и только для зрелищных предприятий, оспаривать никто не станет. До сего времени в клубе была грязь и мерзость запустения. Непонятно, чем так дорожат люди, которые выставляют за шиворот театр? Нет, ему надо оказать всяческую поддержку, широко и гостеприимно открыть двери!»

12 мая Горстройконтора начала вербовку чернорабочих и землекопов. Желающих потрудиться просили обращаться в контору по адресу: угол Таможенной и Камчатской улиц (новый дом).

Ввиду участившихся случаев ложных вызовов и неправильно сообщенных адресов при приглашениях врачей на дом горамбулатория предупреждала граждан, что необходимо указывать точное местожительство больного. Домой врача можно вызывать лишь в том случае, если больной не имеет возможности прийти в амбулаторию. Вызовы на дом будут выполняться также в том случае, если они сделаны через регистратуру.

14 мая президиум горсовета, изучив санитарное состояние города, признал его катастрофическим, явно способствующим распространению различных заболеваний среди населения. Отмечено, что до сих пор ни хозорганизации, ни учреждения не приступили к очистке своих участков от мусора, а милиция и саннадзор не приняли надлежащих мер «по борьбе за проведение решительных мер за чистоту». Решено: организовать трёхдневник по очистке улиц и усадеб, одновременно объявить с 20 мая месячник чистоты.

16 мая началась разъяснительная кампания по случаю предстоящего месячника. Он «вовсе не является мероприятием чисто административного порядка. Нет, в нём должны принять активное участие не только аппарат саннадзора и милиции, но, что самое главное, — широкие массы трудящихся». Попутно затрагивался весьма наболевший вопрос — сбор утильсырья. «Нигде в Союзе, да, кажется, и во всем мире, нет такого количества ценного утиля, как на Камчатке. Стеклопосуда, консервные банки, очёсы шерсти, шкуры домашних животных — всё это буквально в несметных

количества валяется по городу, гниёт, тлеет, ржавеет, дополняя и без того “красочную” картину. С последним пароходом в Петропавловск из центра прибыли уполномоченные “Утильсырья”, целый аппарат с канцелярией и солидными окладами. Чем занимаются эти люди — неизвестно. По крайней мере, в течение двух месяцев о работе утильщиков никто ничего не слышал. Но скверно то, что это ничегонеделание уже преломляется в анекдотические факты. Так, уполномоченные “Утильсырья” включили в свой план сбор ягод, брусники, махорки и прочего, а утиль... и думать не собираются. Надо предполагать, что декадник чистки заставит приняться за работу, а её непочатый край — и уполномоченных по сбору утиля».

В разряд утиля мог попасть и церковный колокол, брошенный возле бывшего храма и уже расколотый на несколько частей. «Кричим, пишем об утильсырье, а ценный металл валяется под носом. Горсовету надо побеспокоиться найти употребление колоколу».

17 мая горожан проинформировали о сквозном переходе парохода «Охотск» из Одессы в Петропавловск без традиционного захода во Владивосток. При этом путь от Сабанга до Камчатки судно совершало без единой остановки. Его ждали дней через десять, намереваясь организовать торжественную встречу.

18 мая в двенадцать дня ощущался слабый подземный толчок длительностью около тридцати секунд.

Портовики на митинге поддержали обращение ленинградских рабочих завода «Красный путиловец», якобы настаивавших перед правительством на выпуске нового займа «Имени второй пятилетки». Поддержал «ходатайство» ленинградских пролетариев и большой коллектив АКО, обещавший добиться стопроцентного охвата новым займом и подписаться каждому не ниже чем на месячный заработок. «Задачи, поставленные второй пятилеткой, могут быть осуществлены при непременно активном участии всех трудящихся Советского Союза денежными средствами, предоставляемыми взаймы пролетарскому государству на дело социалистического строительства», — заявили аковцы.

Стало заметно, что горсовет взялся-таки за очистку города. Тротуары скребли, чистили, мусор собирали в кучи, но дальше дело пока не двигалось: хозорганизации не предоставляли транспорт для его вывоза. К тому же пока взор властей был устремлён лишь на улицу Ленинскую: «получается, таким образом, лишь показная сторона дела». Тем, что делалось у землянок, наверху и за чертой Ленинской, пока особо никто не интересовался. К месяч-

нику чистоты «гигиенические предприятия» — баня и парикмахерская — оказались «в абсолютно инвалидном состоянии». Единственная парикмахерская размещалась в «ужасном» помещении, ей не хватало инструментов и белья, отсутствовали дезинфекционные растворы и одеколон. Желающих привести себя «в культурный вид» было много. Они толпились в рабочем помещении и мешали мастерам, верхняя одежда ввиду отсутствия вешалки складывалась на стулья. «Во всех уголках грязь, со стен течёт вода, потолки чёрные от дыма, в маленькой подсобной комнате сплошная грязь и плесень. В результате многие посетители жалуются на то, что после бритья появляются прыщи и лишай». Санврач подтвердил возможность заражения. Так что местная цирюльня вполне могла считаться «разносчиком микробов». С баней положение тоже было скверное. Как правило, она начинала «испытывать недомогания» как раз ко времени прибытия пароходов с сезонниками и начала путины. Понятно, что именно в месячник чистоты и следовало «ценою любых мероприятий» заставить нормально действовать и баню, и парикмахерскую.

19 мая на пароходе «Синто-мару» прибыл секретарь японского консульства господин (это слово в стране большевиков звучало непривычно, но дипломатический этикет того требовал) Ясуцубу Гото. На борту его встречали начальник порта Майсурадзе и секретарь облисполкома Белов.

20 мая городская электростанция довела до сведения абонентов, что в связи с ремонтом 21, 22 и 23-го числа энергия в осветительную сеть города подаваться не будет.

Стало известно, что Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР выделил 250 тыс. руб. на жилищное строительство в Петропавловске и ещё 300 тыс. на коммунальные предприятия. Наркомздрав предложил направить из отпущенных краем сумм 200 тыс. на достройку больницы, а Наркомхоз поддерживал ходатайство облисполкома о необходимости возведения гостиницы, увеличения мощности электростанции до 400 кВт и реконструкции водопровода.

22 мая опубликовано постановление правительства СССР о выпуске нового государственного займа «Вторая пятилетка» на сумму пять миллиардов рублей сроком на десять лет по 1 октября 1943 г. Он внесён в Книгу государственных займов СССР под названием «Государственный внутренний заём второй пятилетки (выпуск первого года)». По этому случаю по городу прокатилась очередная волна митингов под лозунгом «Приветствуем выпуск займа!»

Ударная бригада имени Осоавиахима при транспортно-складской конторе АКО в составе восьми человек подписалась на месячную зарплату, вызвав ударный цех плавсредств, транспортно-складскую контору и управление снабжения.

Пришли известия из столицы, что в Петропавловск через Одессу отправляются две камнедробилки, две бетономешалки, три лебёдки, фуговальный, фрезерный и токарный станки, горны с вентилятором, циркулярные пилы, оборудование для домовой канализации и разные инструменты (в том числе комплект буровых), а также пожарное оборудование и обмундирование. Из Рыбинска отгрузили моторный каток, из Ленинграда — тягач, из Харькова — электромоторы. Всё это могло пригодиться на предстоящих городских стройках. А в их число входили: завершение двух жилых домов на улицах Никольской и Таможенной, двухэтажный дом на восемь квартир, коммунальная гостиница, первая очередь банно-прачечного комбината, пожарное депо на четыре машины, 40 тыс. кв. метров мостовой, «заразный» корпус на двадцать пять коек и хирургическое отделение горбольницы (первая очередь), кирпичный завод. Столь насыщенную программу должен был осуществить Горстрой (начальник Н. В. Лужнов), заявивший, что, кроме нескольких ящиков гвоздей и стекла, никаких других материалов у него в наличии нет. Отсутствовал и транспорт (катера и тракторы), за исключением известных пятнадцати лошадей (при требовавшихся ста). С 1 июня предполагено начать кладку фундаментов, но восемьсот «кубов» камня ещё не подвезли к местам построек. На городском строительстве занято девяносто человек, причём квалифицированных рук хватало, а недоставало чернорабочих. С ближайшими пароходами ждали сто тридцать человек, но из них добрая половина не будет обеспечена жилой площадью, даже простыми палатками. Пожалуй, имелась лишь одна хорошая новость: в районе Мишенной сопки найден строительный камень — андезит прекрасного качества. Его запасы с избытком покрывали потребности и города, и АКОграда.

23 мая в 18.30 прибыл пароход «Охотск». Участников рекордного перехода торжественно встречали представители партийной, советских и профессиональных организаций. Моряки (экипаж из сорока четырёх человек) рассказали, что судно недавно куплено в Германии. 2 апреля оно отправилось в плавание. Его успех объяснялся «исключительно социалистическими методами труда». Моряки собрали десять ударных бригад, одна из них — комсомольская — отремонтировала катер и заработанные деньги пере-

числила в ЦК ВЛКСМ на интернациональную работу. Тут же они поделились своими наблюдениями над тяжкой долей зарубежных тружеников. «Команда “Охотска” была живым свидетелем тех гнуснейших издевательств над колониальными народами, которые творятся в капиталистических портах. Советские моряки рассказывают о погрузке угля в Порт-Саиде. Арабы в невыносимых условиях грузили уголь на наше судно. И когда сорвавшейся балкой отбило пальцы одному грузчику, его начали зверски избивать плетями. За рубежом погрузка угля производится быстрыми темпами, но эти темпы исходят не от массы, а от людей, поставленных с бичами. Бьют жестоко, до полусмерти... В Сингапуре советские моряки были очевидцами, когда изнурённый рабочий умирал с голоду, и другая “картинка”: толпа малайцев рылась в помоях, выпрашивала кусок хлеба для детей. В японских портах человек превращён в живой конвейер. Сотни женщин-японок с грудными детьми за спиной грузят уголь. Работают до тех пор, пока не закончат. Обессилевшие, выходят из строя, падают в обморок. Их выгоняют, не платят заработанных денег. Сотни подобных примеров приводят моряки, бывавшие в заграничных портах. Голод и нищета — на каждом шагу. Это только в нашей свободной стране можно культурно жить и производительно работать».

25 мая приехала краевая комиссия, созданная по предложению центральных организаций. Её цель: в соответствии с последними решениями правительства проверить деятельность и состояние отраслей промышленности, входящих в систему АКО, оценить степень их развития и дальнейшие направления различных отраслей хозяйства Камчатки. Этим намеревались заняться восемь инженеров, рыбаков, экономистов и ответработников крайкома ВКП(б) и крайисполкома под руководством заместителя председателя крайисполкома Борматунова. В городе комиссия намеревалась пробыть десять дней, после чего отправиться на Ключевской лесокомбинат, рыбоконсервные заводы, Корфские копи и в прочие места.

Объявлено о передаче Петропавловского порта от Совторгфлота в ведение АКО.

28 мая коллектив милиции взял на «буксир» своих шефов — портовиков. Цель: рапортовать к 1 июня о выполнении контрольной цифры по займу. Сами милиционеры завершили подписку 27 мая на сумму в 116 % к фонду зарплаты да собрали среди домочадцев ещё 500 руб. На общем собрании выделили бригаду по проведению подписки в помощь портовикам.

Горкомсод установил переходящее Красное знамя для коллектива, в коем подписалось больше всех рабочих и служащих, собравшего наибольшую сумму. А «позорно плетущимся в хвосте и срывающим займовую кампанию» полагалось знамя из рогожи. Всего же на 27-е число среди рабочих и служащих распространено облигаций на 494 395 руб., среди колхозников — на 6 025 руб., или 12 %.

Ряд ударников высказывал недовольство торговым обслуживанием. По положению, товары и продукты им должны были отпускать без очереди. Это правило не соблюдалось: продавцы самовольно установили порядок отоваривания через несколько человек. «Отношение к ударникам самое безобразное. Антисоветские шуточки, насмешки со стороны обывателей и продавцов всё время сыплются на ударников. Этим вылазкам лягушек из мешанского болота пора положить конец!» Месяц назад по особым «ударным ордерам» давали ботинки и другие промтовары, причём довольно низкого качества. «Теперь всему кооперированному населению выдаются промтовары и обувь хорошего качества, но ударники не могут их получить, так как у них в паевых книжках записан товар, полученный по ордерам. Где же тут преимущественное снабжение?»

Все учреждения из здания облисполкома переехали в помещение, ранее занимаемое обкомом ВКП(б). На верхнем этаже освободившегося расположилась редакция «Камчатской правды», на нижнем — городские организации: горком ВКП(б), горсовет, Горкомхоз, горпрофсовет, горком ВЛКСМ. В здание исполкома переехали областные организации: обком ВКП(б), обком ВЛКСМ, облоно, облздрав. Понятно, что здесь остался и сам облисполком.

Между прочим, в архиве облисполкома хранилось много имеющих большое историческое значение дореволюционных бумаг, документы периода военного коммунизма и интервенции. Архив находился в ведении облоно. Раньше здесь по штату полагался архивариус, следивший за порядком и сохранностью документов. Но теперь проводился «режим экономии», архивариуса сократили, а на архив навесили замок. Наконец 26 мая его выселили, разломали полки и все материалы сложили на полу в маленькой комнатухе. Уникальные бумаги гибли, служа пищей для крыс.

Аптека № 45 просила граждан, сдавших рецепты на очки, получить таковые до 15 июня. После указанного срока невыкупленную оптику намеревались пустить в продажу.

30 мая оперативным отделом милиции задержан некто Гончаров, скупавший домашние вещи и продовольствие. Затем всё это он

продавал из-под полы на рынке по взвинченным ценам. Во время следствия выяснилось, что Гончаров — бывший кулак, покинувший своё хозяйство в Центральной Чернозёмной области и скрывшийся на Камчатке.

Горрайинтегралсоюз на перешейке Никольской сопки приступил к оборудованию засольной базы. Здесь также собирались коптить рыбу, предназначенную для рабочего снабжения.

КО ТИРХ поведало о планах научных исследований на предстоящий сезон. Оно намеревалось изучать пути миграции рыб, уделить основное внимание сельди Авачинской губы и восточного побережья. Для этого из Владивостока ждали специальный катер.

2 июня проявился вопиющий пример бесхозяйственности. На территорию аковских складов на Озерновской косе (остатки их фундаментов сейчас ещё можно наблюдать на городском пляже) под открытое небо перевезено оборудование кожевенного комбината, купленного в США за два с половиной миллиона долларов. Оно предназначалось для Анадыря, но там его установить не удалось и поэтому привезли в Петропавловск. При этом часть оборудования была поломана. Прошедшей зимой бригада слесарей судоремонтных мастерских отремонтировала и переупаковала машины, на что потратили порядочную сумму. А потом склад разнесло бурей, и машины оказались под снегом. Весной тот начал таять, вода проникла внутрь ящиков. Во время вторичной перевозки много ящиков разбилось, ценный импорт опять поломался и заржавел. Часть оборудования изъяли для других надобностей, а кое-что попросту расхитили.

Подведены очередные итоги продолжавшегося месячника чистоты. Вот весьма красочный отчёт о сделанном, точнее, не сделанном. «Комхоз кое-где починил тротуары и на этом успокоился. Ленинская улица по-прежнему в волчьих ямах, по-прежнему занавожена и загрязнена. В этой грязи всё так же продолжают благодушествовать свиньи, которые для “смены впечатлений” принимаются подрывать дома и заборы. Не в лучшем положении и Таможенная улица, не говоря уже о других. А если мы взглянем на водопровод, то увидим, что он всё в том же состоянии: места водоисточников представляют из себя древние развалины, обильно занавоженные, и вода вместо фильтра, проходя через кучи навоза, поступает в таком виде потребителю. Центральная водоразборная будка, о которой так много говорил комхоз, строил на ней планы санитарного благополучия и даже думал немного подзаработать, в конце концов получила ремонт. Там снята кишка,

которая раньше валялась в грязи. Вот и всё. Гора родила мышь. Во дворы учреждений, столовых и распределителей общежитий не рекомендуется заглядывать, чтобы не портить себе настроения: кучи хозяйственных отбросов, помой и мусор... Что же сделала милиция? В первый день трёхдневника она с громом и шумом, как буря, пронеслась по всему Петропавловску, многих напугала до родимчика и на этом успокоилась. До сих пор никто не поймёт, было ли это какое-либо атмосферное явление или “планомерная” работа милиции. В таком положении, в каком мы сейчас находимся, мы подготовлены на все сто процентов к любой эпидемической болезни. Получается, что мы не боремся с эпидемиями, а всячески им помогаем». Подсчитано, что за время очистки города вывезено полторы тысячи тонн мусора. Ежедневно этим занимались четыре лошади комхоза. Другие хозяйственные организации выделять транспорт категорически отказывались.

3 июня в Авачинской губе появились косяки сельди, но рыба пошла вблизи города. Её поймали только колхозы и бригады Авачинского промрайона, имевшие тони вблизи озерновских складов и Ковша. За один день взяли 888 центнеров. Наибольший улов достался «Амурскому партизану» — 481 центнер. Всё сдано засольной базе на кошке, где в тот же день было переработано.

Из Владивостока прибыл пароход «Якут» АКО с углём. Он должен был выгрузить в Петропавловске полторы тысячи тонн грузов и взять тысячу восемьсот тонн соли для рыбалок восточного побережья. Из Петропавловска «Якут» собирался уйти 9-го числа в Усть-Камчатск.

4 июня возобновил рейсы по маршруту Хутор — Сероглазка — Тарья — Авача — Николаевка почтовый катер. Он собирал почту раз в пятидневку.

5 июня в 04.56 по астрономическому времени ощущался небольшой подземный толчок.

6 июня краеведческий музей переехал в здание бывшей церкви. Объявлено, что он откроется в ближайшие дни.

В 14.00 на пароходе «Санто-мару» приехал второй секретарь японского консульства господин Ногучи. Его встречали представители облисполкома, порта и других организаций.

8 июня пришло известие, что 3 июня из Нью-Йорка в СССР в большой перелёт отправился лётчик Джеймс Маттерн. Высказывалось предположение, что он сделает посадку в одном из пунктов Камчатки.

На пароходе «Камо» прибыл уполномоченный Наркомата иностранных дел СССР Г. Д. Тихонов.

9 июня агитбригада «Штурмовик», ранее работавшая при межсоюзном рабочем клубе, по решению горрайпрофсовета и горкома комсомола выехала на рыбные промыслы и в сельскохозяйственные колхозы, вначале на лайду, а затем в Тарью. В конце сева бригаду намеревались перебросить в Красноармейский, Корякский и Елизовский колхозы, затем вновь на путину — в Жупаново. Агитколлектив намечал за время поездки создать ряд новых ударных бригад, развернуть соревнование среди рабочих и колхозников и собрать не меньше полусотни рационализаторских предложений. Агитбригада располагала необходимыми музыкальными инструментами, виктролой, кино- и радиопередвижкой.

10 июня в половине восьмого вечера в школе-семилетке прошло родительское собрание. Обсуждали ход подготовки отдыха детей в летних лагерях и план оздоровительных мероприятий.

12 июня в десять утра на площади «Динамо» состоялась товарищеская футбольная встреча между командами «Динамо» и первой сборной города.

Сектор кадров АКО начал приём заявлений от желающих учиться на курсах работников «по холодильному делу», имеющих целью выпустить инструкторов по заготовке льда и обслуживанию холодильных сооружений. Принимали лиц не моложе восемнадцати лет, имевших образование не ниже шести групп (то есть классов) школы-семилетки.

Камчатский областной музей объявил о желании приобрести «образцы искусства», утварь, одежду и орудия производства народов Севера, старинные монеты, картины, книги, все предметы, обнаруженные на местах старых юртов, поселений, острогов, а также орудия каменного века. Музей также желал обменять пишущую машинку с английским шрифтом на таковую же с русским.

Областной прокурор И. И. Седин разъяснял гражданам порядок выселения из квартир. В последнее время участились случаи административного выселения не только из домов Горместхоза, но и частных, отмечен ряд случаев незаконного отчуждения последних и передачи их организациям и учреждениям. «Ряд постановлений горсовета и чрезвычайных квартирных комиссий были опротестованы прокуратурой. Всё же горсовет и другие организации считают эти постановления оставшимися в силе и поэтому грубо нарушают революционную законность». Выселение допускалось законом лишь как исключительная мера, причём

только по отношению к жильцам — сотрудникам Наркомвода, Наркомвоенмора и фабрично-заводских предприятий. И то только в том случае, если они утеряли «трудовую связь» с коллективами «как прогульщики, дезорганизаторы». Во всех других случаях выселять следовало только по решению суда и в строго установленное время: с 1 апреля по 1 ноября. Имелся совсем недавний пример нарушения законности. В начале июня учительницу Морозову с двумя маленькими детьми выгнали из её комнаты и поместили в крохотную халупу с сырыми стенами площадью в одиннадцать «квадратов». Квартиру Морозовой заняла кассирша бани. Учительница обращалась к прокурору, нашедшему выселение незаконным, но агент Горместхоза заявил, что квартирами распоряжается не прокурор, а он. Прокурор отдал распоряжение начальнику милиции о немедленном обратном вселении учительницы. «Из милиции послали за ключом. Горместхоз пропустил требование мимо ушей и ключа не выдал. Опять звонок от прокурора. Вторичное требование милиции. Но Горместхоз уже поместил в квартиру кассиршу бани. Нельзя иначе расценивать этот факт, как самое наглое, самое хамское игнорирование не только распоряжений прокуратуры и милиции, но и директив партии и правительства. Почему кассирша бани имеет преимущество перед учительницей? Не в силу ли знакомства с агентом? Эти вопросы должна выяснить прокуратура и прекратить вредительство на жилищном фронте». Возмущённая произволом общественность требовала немедленного восстановления справедливости, «срочного следствия и показательного суда над виновниками хамского отношения к учительству».

13 июня оргбюро краеведческого общества объявило о проведении с 25 июня по 1 июля во всей области пятидневки. Её цель — популяризация краеведения, оживление его работы, устройство ряда экскурсий. Музей намеревался провести в это время выставку «Экономика области» и просил предоставить ему дополнительные экспонаты.

Облисполком получил сообщение от Горьковского автозавода об отпуске ему одной легковой автомашины «Форд» стоимостью пять тысяч рублей. Автомобиль своим ходом добрался до Москвы, а оттуда уже отгружен на Камчатку.

Труппа ТРАМ на пароходе «Камо» отправилась в Ключевской лесокombинат и на крупнейшие сплавные участки, где собиралась пробыть до августа, потом на промыслы и рыбоконсервные заводы восточного побережья. Директор театра откоманди-

рован на «материк» для подбора артистов, которыми намеревались укомплектовать вторую труппу.

14 июня утром в Петропавловск на пароходе «Эйхо-мару» прибыл и сам японский консул господин Огато. Его встречали представители облисполкома, горсовета, порта и уполномоченный Наркоминдела. Секретарь консульства Ногучи на этом же пароходе выехал в Усть-Камчатск.

18 июня областное бюро пионерской организации провело массовый детский праздник. Его цель — «подвести итоги реализации решений ЦК ВКП(б) о пионерской организации, седьмой всесоюзной и второй окружной комсомольской конференций о максимальном использовании досуга детей и о развёртывании оздоровительных мероприятий среди всей детворы».

Городская библиотека начала перерегистрацию читателей и выдачу книг на дом. При перерегистрации и записи вновь требовали документы, подтверждавшие место работы и адрес, а также денежный залог. Причина: массовое невозвращение книг. Размер залога: при зарплате ниже 250 руб. — 5 руб., от 250 до 500 руб. — 8 руб. Для неработающих — в половинном размере. У учащихся спрашивали поручительство школ. Залог возвращался по прочтении книг по предъявлении квитанции.

20 июня у межсоюзного клуба красовалась киноафиша, возвещавшая о предстоящем показе комедии «Чевирички» по Гоголю. Школяры хихикали: они-то знали, что правильно надо было написать «Черевички». Орфографические чудеса продолжились на следующий день. Теперь клуб порадовал зрителей афишей, оповещавшей о пути в неведомый город «Домаск», очевидно, Дамаск.

24 июня на десять утра во дворе облфинотдела на улице Никольской, 5 назначены торги по продаже бесхозного имущества: разной мануфактуры, сукна, обуви, одежды, белья, парфюмерии и прочего. Приглашались все, кроме лиц, лишённых избирательных прав, а также несовершеннолетних.

Опубликован список «товарищей», выдвигаемых обкомом и областной контрольной комиссией ВКП(б) в члены комиссии по чистке рядов парторганизации. В их число вошли: А. И. Карякин, рабочий, в партии с 1912 г., председатель облКК-РКИ, А. Ф. Мея, рабочий, в партии с 1919 г., уполномоченный ОГПУ по Усть-Камчатскому району, В. Д. Межатуч, рабочий, в партии с 1905 г., ответственный секретарь партколлегии облКК, П. П. Лепин, крестьянин, в партии с 1917 г., заместитель начальника облотдела ОГПУ, Ф. П. Косихин, крестьянин, в партии с 1916 г., заместитель

председателя облсуда, М. М. Краснощёков, рабочий, в партии с 1905 г., заместитель директора АКО, А. С. Востриков, рабочий, член партии с 1918 г., председатель облпрофсовета, Н. А. Пошехонов, рабочий, член ВКП(б) с 1919 г., заведующий культпропотделом обкома ВКП(б), С. И. Кузовников, рабочий, член партии с 1920 г., заведующий орготделом обкома ВКП(б), И. Н. Петерсон, рабочий, в партии с 1920 г., уполномоченный ОГПУ в Усть-Большерецком районе, В. В. Заостровский, крестьянин, член партии с 1920 г., директор Камчатского отделения ТИРХ, П. И. Акулов, крестьянин, в партии с 1920 г., начальник облуправления сберкасс, М. М. Хонин, рабочий, в партии с 1919 г., директор Петропавловского совхоза, Ф. А. Морозов, служащий, член партии с 1921 г., заместитель директора рыбного управления АКО. Всех граждан, имевших отводы к названным лицам, призывали подавать их письменно или заявлять устно в облКК или редакцию «Камчатской правды». По странному стечению обстоятельств среди вышеперечисленных «рабочих», почему-то в основном трудившихся в рядах номенклатуры ВКП(б) и органов госбезопасности, затесался лишь один «служащий».

На заседании президиума горсовета детально обсуждался вопрос постройки капитального здания для кинотеатра. Одобрено предложение Роскино о сооружении зала на пятьсот мест, «возбуждено» ходатайство перед облисполкомом об отпуске средств из местного бюджета и выделении необходимого количества стройматериалов. Все подготовительные работы к строительству кинотеатра намечены уже на этот год. Стало известно, что на ближайшем пароходе в город идут около сотни новых кинофильмов.

Состоялась вторая встреча футбольных команд «Динамо» и сборной профсоюзов, окончившаяся со счётом 5 : 2 в пользу динамовцев. Зрители отметили слабую подготовку команд и грубую игру с обеих сторон, высказав мнение, что это «лишний раз подтверждает необходимость регулярной тренировки команд».

25 июня в шесть вечера в конторе связи началась чистка её руководства.

26 июня объявлено о возобновлении в июле срочных рейсов по восточному побережью. Первое такое плавание должно было сделать совторгфлотовское грузопассажирское судно «Совет».

Муж и дети с прискорбием известили родных и знакомых о преждевременной смерти жены и матери Елены Николаевны Флетчер. Прощание с покойной назначено на два часа дня 28 июня по адресу: улица Партизанская, 17.

28 июня стало известно, что пропал американский лётчик Маттерн. По сообщению с Аляски, сведений о нём не имелось с момента вылета из Хабаровска. Над Беринговым морем держался густой туман. Токийская радиостанция «Оциси» передала, что все попытки японских судов связаться с Маттерном оказались безрезультатны.

30 июня геодезическая партия Горместхоза вела съёмку города с прилегающими окрестностями (АКОград, совхоз, районы селения Сероглазка и Елизовского шоссе). Часть работ уже завершилась, на их основе началось составление точных геодезических планов, необходимых для перепланировки города.

Горрайинтегралсоюз заключил договор с Николаевским колхозом на сдачу молочных продуктов. Селяне обязались до конца года поставить для столовых города не меньше шести тысяч литров молока. А его первая партия между ними уже была распределена.

В одиннадцать дня начались розыгрыши по волейболу и футболу. На спортплощадке Красного городка встретились волейболисты коллективов «Динамо» № 1, 2 и 3. В это же время на школьной площадке бились волейболисты горинтегралсоюза, связистов, мехмастерской и порта. В четыре часа начался футбольный матч между сборными профсоюзов и «Динамо». Розыгрыши велись по круговой системе.

Горбиблиотека предложила читателям, внёсшим залого за книги до 18 июня, получить их до 1 августа. Залого, как известно, возвращались по предъявлении квитанций. «Никакие заявления об утере квитанций читателями приниматься в расчёт не будут. Неполучение залога в указанный срок лишает читателя права на получение такового».

Петропавловский педагогический техникум произвёл третий выпуск в числе тринадцати молодых учителей. Всего за три года обучено сорок три педагога для школ первой ступени (начальных). Новый приём в техникум назначен на 15 августа, зачислялись двадцать, а на подготовительные курсы — пятьдесят пять человек.

1 июля ячейка ОСО складской базы завершила переучёт членов и проверила работу бюро. Оно действовало по-большевистски. Зимой провело большую работу по обучению осовцев военному делу через кружки. Весной организовало пять ударных бригад. Включившись в оборонную эстафету, выпустило две стенгазеты и одну «Ильичёвку». Новых членов вовлечено на четверть больше, чем в прошлом году. В новый состав ячейки избраны лучшие ударники производства и общественности.

2 июля Дальзаготпушнина известила, что будет принимать шкурки амбарной крысы без ограничений. Взамен сдатчики получат промтовары.

Областная партизанская комиссия оповестила о смерти бывшего красного партизана Дмитрия Александровича Портнягина, последовавшей вчера в пять часов утра. Вынос тела из горбольницы намечен на пять вечера.

3 июля первая смена пионерлагеря Петропавловского района приехала на автомашинах в село Елизово. Сто пятнадцать ребят расположились в школе, интернате, бывшем райисполкоме и райкоме партии. На следующее утро началась полноценная пионерская жизнь. «Вожатый... свистком оповещает побудку. После утренней физзарядки пионеры бегут к реке умываться. Радостный говор и шум будит тихую реку и разносится далеко к снежным хребтам. Горн призывает ребят к завтраку. Выстроившись парами, они с песнями двигаются к столам. Линейка, обед, мёртвый час, разнообразные игры чередуются одна за другой. Собираясь на лужайке, пионеры в беседе подробно знакомятся с жизнью молодёжи капиталистических стран. Большим недостатком лагерей является то, что помещением пионеры обеспечены слабо. Из четырёх домов, которые им должны отвести, два наполовину заняты посторонними. Сельсовет решению вышестоящих организаций, не подчинился и упорно тормозит передачу помещений...»

4 июля техники и рабочие мехмастерской АКО возмутились несправедливым, по их мнению, присвоением звания и грамоты ударника социалистической стройки инженеру Яковлеву, руководившему предприятием. Хорошо знавшие по производству, они обвинили его в пьянстве и нанесении убытка в сто тысяч рублей, а также затяжке выполнения всех, без исключения, заказов. То же, что было сделано, сопровождалось браком. Недоумение труженников, призывавших не опощлять высокого звания ударника, вызвало таинственное, ни с кем не согласованное представление инженера к награде.

5 июля в 10.20 на глать Авачинской губы сел гидросамолёт МБР-4, завершивший перелёт Хабаровск — Петропавловск. Экипаж возглавлял командир-краснознамёнец Лухт, в него входили лётчик Светогоров и бортмеханик Насонов. 2 июля они вылетели из Николаевска-на-Амуре. Большая часть полёта проходила в тумане и облаках. Из-за непогоды пришлось сесть на западном берегу Камчатки в реке Утке. 3 июля в девять часов утра прибыли в Большерецк. Здесь из-за тумана задержались на двое суток. Расстоя-

ние до города в сто восемьдесят километров покрыли за пятьдесят минут. «Подлетая к Петропавловску, встретили совершенно очищенную от туманов и облачности Авачинскую бухту и город с окрестностями». Полная протяжённость перелёта 2 165 километров, общее лётное время — двенадцать с половиной часов. Гидросамолёт отечественной конструкции был снабжён нашим же мотором в семьсот пятьдесят «лошадей», мог взять две с половиной тонны груза. Сейчас он привёз почту. Перелёт стал новой победой молодой советской авиации, показавшей возможность воздушного сообщения нашего полуострова с материком.

6 июля — День Конституции СССР, совпавший с Международным днём кооперации. В шесть вечера состоялся пленум горсовета «с широким участием рабочих и колхозных масс». Заслушаны доклады о работе совета и горинтегралсоюза, приняты рапорты Хуторского и Авачинского сельсоветов, несколько сельсоветов премированы за лучшее руководство хозяйственно-политической работой. После пленума — художественная часть в клубе. В Петропавловском горрайоне насчитывалось двадцать два колхоза (всего в Камчатской области — пятьдесят шесть), из них восемь рыболовецких, шесть сельскохозяйственных, по четыре смешанных и кустарно-промысловых. В их состав входили 332 отдельных хозяйства и 564 колхозника.

Горожанин Николай Дмитриев, теперь трудившийся на первой советской китобойной базе «Алеут», доложил о начальных успехах китобойного промысла. Первого кита флотилия, включавшая также китобойцы «Трудфронт», «Энтузиаст» и «Авангард», добыла 23 июня. Кашалот, весивший более сорока тонн, дал семь тонн чистого жира. Затем убили финвала весом аж пятьдесят тонн. За первые десять дней нахождения вблизи Камчатки флотилия переработала двадцать морских гигантов. Правда, «авторитет» китового мяса в городе был несколько подорван действиями «умельцев» из столовой АКО: «тамошние повара сотворили такую гадость, что столующиеся долго не могли отшлепаться». Хотя в столовой инженерно-технических работников из него же готовили замечательные обеды. Высказывалось соображение, что надо бы научить всех поваров обращению с этим новым продуктом — китовым мясом. А отпускалось оно по три рубля за килограмм.

6 июля в порт на буксире парохода «Свердловск» вернулся для ремонта отправившийся на днях из Петропавловска во Владивосток пароход «Камо». Он потерпел аварию вблизи мыса Лопатка, повредив носовую часть. Для расследования причин аварии

в порту создана специальная комиссия в составе начальника и капитанов находившихся в нём судов.

8 июля окрылённая недавним успехом авиаторов, считая необходимым создание на Камчатке собственной гражданской авиабазы, редакция «Камчатской правды» внесла в фонд авиастроения тысячу рублей и призвала последовать её примеру все организации области. По инициативе газетчиков в городской конторе Госбанка для приёма средств открыт специальный счёт № 352.

Рабочие дорожного сектора «захватили» двух шоферов аковских машин в момент, когда они таскали себе на квартиру дрова. Дело передано в суд, а вот коллектив шоферов, «на который брошено позорное пятно», на этот проступок никак не отреагировал.

10 июля сотрудники сектора экономики и труда АКО Харлап, Опанасенко, Успенский, Батурин и Кустовой организовали ударную бригаду «Имени чистки партии». Она обязалась в двадцатидневный срок завершить анализы промфинпланов управлений по части труда и к 25 июля подготовить контрольные цифры на 1934 г., заявила, что повысит темпы своей работы по всем линиям. Конкретные обязательства переданы в местком АКО.

12 июля из Хабаровска сообщили, что лётчик Маттерн найден пограничниками в восьмидесяти милях от Анадыря. Из-за неисправности мотора он совершил вынужденную посадку, после чего его самолёт «Век прогресса» к дальнейшему перелёту оказался непригоден. Пограничники организовали экспедицию для доставки самолёта в Анадырь. Маттерн здоров, находится в Анадыре и просит выслать за ним самолёт или пароход. В конце июля советский лётчик Леваневский доставил его на Аляску.

Опубликовано правительственное постановление «О предоставлении дополнительных льгот, установленных для рабочих и служащих, работающих в Мурманском округе, рабочим и служащим, работающим в Камчатской области и округах Охотском, Корякском и Чукотском Дальневосточного края», принятое 15 мая 1933 г. Работники, направленные на Камчатку, делились на две группы. Им начислялись десятипроцентные надбавки к зарплате через шесть месяцев со дня прибытия на место, но не ранее 1 января 1933 г. Отпуска исчислялись в два с половиной и два месяца, в зависимости от группы, а при работе менее года — по пять или четыре дня за месяц.

15 июля при управлении связи организовано бюро жалоб. Принимались письменные и устные заявления. Книгу жалоб ежедневно проверял работник Витковский, на любую обещали

ответить в течение трёх дней. В управлении установлено дежурство членов секции связи.

16 июля председатель горсовета С. И. Русаков отозван в распоряжение крайкома ВКП(б), взамен избран В. П. Кравченко. На него же возложены обязанности второго заместителя председателя облисполкома. В. П. Кравченко родился в 1898 г. в Луганском округе Донецкого бассейна. С двенадцати лет начал работать на шахтах, с 1917 по 1921 г. находился на военной службе. В начале 1921 г. вступил в ВКП(б). В 1922 г. командирован на Дальний Восток, до 1924 г. занимал различные ответственные должности в армии, а затем был переброшен на хозяйственную работу. Последнее время являлся заместителем директора Дальзаготпушнины и выполнял обязанности управляющего её областной конторой, а также был уполномоченным Наркомвнешторга СССР на Камчатке.

В клубе открылся слёт сельскохозяйственных ударников Петропавловского горрайона. В числе прочих организаций и предприятий приветствовал участников слёта и рапортовал им коллектив порта. Он, «благодаря правильному руководству обкома ВКП(б) и облпрофсовета, к первому слёту ударников социалистических полей пришёл с рядом достижений в своей производственной работе и на посевном фронте. В этом году порт организовал своё пригородное хозяйство в бухте Ягодной и к слёту освоил около пяти гектаров новых земель, засеяв их различными огородными культурами. Организован свинооткормочный пункт, приняты меры к развитию молочного хозяйства. Коллектив, несмотря на недостаток рабочей силы, 24 июня выделил из своих рядов подшефному колхозу имени XVI партийного съезда восемьдесят шесть ударников для оказания им практической помощи». На следующий день делегаты посетили Петропавловский совхоз АКО, где пробыли около трёх часов, осмотрев всё хозяйство ближней базы. В клубе работала выставка продукции совхоза. «Ярко-зелёный лук, красный и румяный редис, жёлтая репа, китайская капуста, сельдерей и укроп, пахнущие свежестью полей, салат, шпинат и другие овощи, только что вынутые из грунта, расположились здесь красивой и ароматной группой... Рядом с ними культуры, выращенные в парниках: зелёная и пушистая спаржа, кремовые вилочки цветной капусты, начинающие немного алеть помидоры, картофельная рассада в банке, похожая на комнатный цветок». Агроном-консультант подробно рассказывал посетителям, как рабочие совхоза с помощью науки о земле добились такого раннего

для Камчатки созревания овощей в грунте, как организовано парниковое хозяйство. «Овощи агитируют. Они подтверждают рапорт совхоза о победе на фронте выращивания ранних овощей». В прениях по докладам выступило двадцать пять человек. Принято обращение ко всем колхозникам и рабочим совхозов района. Премированы хозяйства и отдельные ударники, кроме этого, Елизовскому колхозу вручено переходящее Красное знамя. Слёт завершился поздно ночью 17 июля.

18 июля хозяйственным организациям дана заявка на доставку в город китового мяса. В июле с «Алеута» управление снабжения АКО было обязано привезти его сто тонн, горинтегралсоюз — ещё пятьдесят. В августе и сентябре ожидалось двести и сто тонн соответственно. Такое количество позволяло полностью обеспечить все столовые и население города, а по качеству китовое мясо «не уступает скотскому».

24 июля объявлено о начале чистки областной парторганизации. «Большевики Камчатки стоят на одном из ответственных участков СССР и Дальнего Востока, возглавляя социалистическое освоение одной из важнейших северо-восточных окраин Союза. При дальнейшем развёртывании подлинно большевистской критики и самокритики, невзирая на лица, чистка ещё больше укрепит боеспособность организации и сделает её более сплочённой перед лицом новых, грандиозных задач второй пятилетки. Чистка должна быть и станет средством лучшего выполнения текущих хозяйственно-политических задач, нового подъёма соцсоревнования и ударничества». 21-го числа прибыла Петропавловская горрайонная комиссия по чистке, председатель И. И. Букау (член президиума краевой КК-РКИ), члены В. В. Васильев (комиссар РККА) и Н. М. Жильцов (завсектором культстроительства и науки при культпропе Приморского обкома партии). Она разместилась на первом этаже здания облисполкома на улице Ленинской, 3. Первыми намечены к чистке 29 июля ячейки ВКП(б) облсуда и прокуратуры.

Коллектив Петропавловского порта включился во всесоюзный конкурс на лучший порт, намереваясь занять первое место. На соревнование вызван Александровск-на-Сахалине.

Начальник Камчатской геологической экспедиции Пырков желал приобрести лошадей, в том числе в аренду, на два месяца. Лагерь экспедиции размещался в палатках на улице Никольской (на Никольской сопке).

Закрылась единственная городская парикмахерская. Это расценено общественностью, по меньшей мере, как головотяпство.

Важное гигиеническое заведение встало в самую напряжённую пору: началась путина и оживлённое движение пароходов, образовалось наибольшее скопление сезонной рабочей силы. С учётом ещё и плохо работавшей бани, скученности людей и бесквартирья, могли сложиться условия для развития эпидемий. «Пренебрежительно-барское отношение к нуждам рабочих здесь сквозит во всём, и оно должно караться самым суровым образом. Надо помнить, что партия возводит эти вопросы на принципиально-политическую высоту».

«Лёгкая кавалерия» комсомольской ячейки горинтегралсоюза в составе Колягина и Петрищевой совершила «налёт» на фондový склад питания и столовую № 1—3. Выяснилось, что, несмотря на нужду столовых в обеденных принадлежностях, на складе в ящиках свалены пятьсот пятьдесят вилок и сотня ножей, начавших ржаветь, а в столовой варочные котлы не лужены уже четыре месяца.

26 июля состоялось собрание актива городской парторганизации. С основным докладом выступал И. И. Букау. Он отметил, что «коммунисты организации ещё не обеспечили достаточного перелома в подготовке к чистке». Ряд ячеек не оценил всей политической важности обращения ударников мехмастерской АКО с лозунгом «Выйти на собрания по чистке с рапортами новых побед по социалистическому освоению Камчатки!» и не развернул в связи с этим необходимую работу в своих коллективах. Завкультпропом Н. А. Пошехонов привёл факт «притупления бдительности» со стороны руководителей АКО: «Везут на Камчатку чуждых элементов, например, фотографа Нэвлера (бывшего фабриканта) и завстоловой Якоревскую (жена торгаша), а потом, ударяя себя в грудь, руководители раскаиваются». Собрание решительно осудило, назвав политической ошибкой, заявление директора-распорядителя АКО Б. И. Гольдберга о том, что потеря классовой бдительности со стороны бюро ячейки и отдельных коммунистов АКО является якобы следствием потери классовой бдительности всей партийной организации. Это заявление расценено как попытка «смазать политические ошибки, допущенные отдельными членами организаций». Собрание завершило комиссию по чистке, что, проведя очищение своих рядов, камчатская организация будет ещё монолитней и завоюет ещё больший авторитет среди широких масс трудящихся.

29 июля зал суда был переполнен: шла обещанная чистка. После вступительной речи председателя «чистильщиков» И. И. Букау

слово предоставили секретарю партячейки суда С. Н. Востриковой для краткого отчёта о работе: «В ячейке числится пять человек, из них три человека было послано на путину. Партийно-массовая работа ячейкой не развёрнута. В основном моральное состояние ячейки здоровое, и только со стороны одного члена партии — тов. Седина (областной прокурор, в ходе чистки исключён. — С. Г.) имелся ряд антипартийных поступков. Коммунисты поднятием своего политического уровня почти не занимаются. То же и в отношении повышения квалификации». Работа ячейки признана слабой, а подготовка к чистке — неудовлетворительной. Первая проходит чистку Вострикова. Она родилась в рабочей семье старого революционера, с 1914 по 1917 г. работала на заводе, где и вступила в партию. В Донбассе была инструктором по женработе, трудилась и в кооперации. В 1931 г. училась на годичных курсах при академии имени Крупской, после этого приехала на Камчатку. Сначала работала в РКИ, а сейчас — в качестве судьи. Несколько выступавших указали на отдельные факты притупления её классовой бдительности как судьи и члена партии, а также обратили внимание на низкий политический уровень и нежелание работать над собой. Комиссия по чистке постановила перевести Вострикову из членов партии в кандидаты. Причины: не повышает свою квалификацию как судья, оказалась неграмотной, плохо справляется с партийной работой, да ещё и допустила ряд политических ошибок. Прошли чистку заместитель областного прокурора А. Ф. Давкшас и ещё один партиец — Коссихин. Оба «как коммунисты оправдали доверие партии, с порученной работой справлялись».

30 июля начала работу широкоэвещательная станция, основанная на собранном ударниками радиостанции передатчике. Первая передача прошла удовлетворительно. Из Усть-Камчатска и Усть-Большерецка получены сообщения о хорошей слышимости.

1 августа — Международный антивоенный день (девятнадцать лет назад разразилась Первая мировая война). Торжественное заседание в клубе. Повестка: международное положение и задачи текущего дня, рапорт ячеек ОСО о проделанной работе, выпуск школы младших командиров облсовета Осоавиахима, премирование. По окончании — художественная часть и выступления физкультурников. Заранее по ячейкам ОСО прошли собрания с аналогичной повесткой, а 30 июля — спортивный праздник общества «Динамо».

Все инженерно-технические работники получили специальные продовольственные карточки. Для специалистов выделен особый

фонд продовольствия и товаров. Ударникам вновь обещан дополнительный десятипроцентный фонд за счёт местных самозаготовок и выдача по специальным карточкам «лучшего снабжения и вне очереди». Продукты питания и промтовары в августе распределялись по карточкам, имевшим две подписи: руководителя предприятия и председателя месткома. Это придумано для борьбы с хищениями карточных бланков.

3 августа обращено внимание на необходимость планомерной борьбы с крысами. В столовой № 1—3 эти вездесущие зверушки нашли обильную пищу. Во многих местах они прогрызли пол и бегали под ногами столующихся. В озерновских складах АКО наблюдалось настоящее нашествие, от коего особенно страдали товары, хранившиеся в тюках. В мучном складе крыс также хватало, здесь они налегали на муку и тару. То же самое наблюдалось и в складах порта. «Те средства борьбы, которые применяются сейчас в городе, не могут серьёзно повлиять на уменьшение крысиного поголовья. В капканы ловится слишком мало, яд зачастую ненадёжен, не говоря уже о неприятном запахе, который издаёт крыса, сдохшая под полом». Требовалась организация городского дезинсекторского бюро, долженствующего вести планомерную борьбу с грызунами протравкой или окуриванием газами зданий.

Начался двухнедельный самозаготовок. Горстрой собрал две бригады по шесть человек для ловли рыбы: одну послали на реку Авачу, другую — на берег губы. Готовилась к выезду в окрестности бухты Шипун бригада охотников, тоже из шести членов. Кирпичный завод собрал полтонны черемши, засеял три гектара овощами. Здесь росло стадо из тринадцати свиней. На профсоюзном дне, где обсуждался вопрос о самозаготовках, заводчане решили действовать в трёх направлениях — на рыбе, дичи и ягоде. Каждый участок поручен определённому лицу. Для сбора ягод намечен один из выходных, в бригаду по сбору уже записались два десятка желающих. Рыбу предполагается заготовить посредством договоров с рыболовецкими артелями.

4 августа здание управления АКО, стоявшее в низине, заливало дождевой водой. Стока не имелось, и вода текла в подполье. То же самое наблюдалось и около новых рубленых домов. У всех домов АКОграда была не отвалена земля, не имелось вентиляционных отдушин. Стены плесневели, быстро гнили полы и деревянные фундаменты.

5 августа председатель горисполкома В. П. Кравченко сдал в фонд авиастроения на Камчатке сто рублей: «Деньги внесены мною

на текущий счёт № 352 в Госбанке». Он персонально вызвал последовать его примеру руководителей АКО Гольдберга, Головина, Кривошеева, Краснощёкова, Савенко, Харлапа, Авербаха, Тейфельмана, Елизарова, Бучеля, Озерского и прочих. «Создадим на Камчатке собственную гражданскую авиабазу! В ней будут самолёты “Камчатский профсоюзник”, “Камчатский рыбак”!» — требовали две сотни рабочих и служащих Авачинского промрайона, не пожалевшие на это 3 262 руб.

Из Хабаровска сообщили, что, по имеющимся сведениям, в августе состоится первый полёт по вновь открываемой воздушной линии Владивосток — Петропавловск. Пока же над изысканием маршрута работали четыре партии, использовавшие все исследования прошлых лет. В дальнейшем намечали продолжить линию до Чукотки. Таким образом, самые отдалённые территории СССР могли соединиться с Москвой по воздуху.

Горсовет выяснил, что управление снабжения АКО устанавливало произвольные наценки на ряд товаров и продуктов. В итоге за июнь и июль из-за этого было незаконно получено шестьсот тысяч рублей прибыли. Решением горсовета эта сумма перечислена в доход государства, а виновные привлечены к ответственности. Горсовет также сообщил, что парикмахерская будет открыта в течение следующих шести дней.

6 августа после длительного перерыва возобновила работу литературная группа при редакции «Камчатской правды». Она обсудила стихи самодеятельного автора Коптелова.

Горсовет известил, что под постройку банно-прачечного комбината отведён земельный участок на улице Набережной, там, где стояли дома 1, 2 и 3. Их намеревались снести (примерно на этом месте сейчас находится галерея почётных граждан Петропавловска).

11 августа краеведы озаботились поисками замены азовской соли, использовавшейся в рыбной промышленности области. В 1931 г. её потребовалось двести тысяч тонн, и всю пришлось везти из Одессы, заняв пятьдесят пароходов! Краеведческое общество получило известие от одного охотника, что в вершине реки Пиначевой (приток Авачи) имеется солёное озеро, из воды которого, по его мнению, можно добывать поваренную соль. Для проверки этих сведений предполагалось снарядить экспедицию.

После двухлетнего бездействия Камчатский областной музей наконец получил возможность развернуться в здании бывшего собора. Но за это время погибли ценные экспонаты и материалы. Так, из пятисот восьмидесяти шести зарегистрированных архео-

логических экспонатов осталось не более сотни, а из четырёхсот семнадцати предметов культуры и быта народов Севера — не более трети. Уничтожены все экспонаты пернатого и животного мира. «Если говорить о материальной ценности, погибшей от невнимательного отношения со стороны наших организаций и учреждений, сосредоточенной в музее, то её можно грубо определить в десятки тысяч рублей золотом. Собранные с большим трудом в течение десятка лет ценнейшие экспонаты по археологии Камчатки и Чукотки для науки погибли безвозвратно». Директор музея П. И. Смирнов обратился к организациям, имевшим строительные материалы, с просьбой помочь в срочном ремонте здания.

12 августа завершилась чистка портовской партиячейки. Ей подвергся двадцать один человек. Результаты: один исключён «за систематическое пьянство, симуляцию в профработе, сокрытие своего участия в восстании в деревне Боголюбка Шацкого уезда», четверо переведены в кандидаты и сочувствующие. В заключительном слове И. И. Букау заявил, что «ячейка не усвоила побольшевистски вопросы чистки». Это замечание подтверждалось хотя бы тем, что ни на одно из четырёх заседаний комиссии «чистильщиков» ячейка не обеспечила полной явки коммунистов и беспартийных. Даже на заключительное пришли лишь сорок три человека, в то время как коллектив порта насчитывал более трёх сотен рабочих и служащих.

15 августа областная чрезвычайная санитарная комиссия предложила горсовету объявить зоной охраны питьевой воды Петровскую гору в той её части, где начинаются и текут ручьи. Предварительно проведено подробное обследование ручьёв по всему их протяжению, обнаружены «крайне антисанитарные условия дворов и улиц», по которым шла вода.

16 августа состоялось объединённое заседание бюро обкома ВКП(б), президиума облисполкома и облКК-РКИ. Оно констатировало совершенно неудовлетворительное состояние жилищно-коммунального строительства и признало наличие острого жилищного кризиса в городе. Принят ряд решений, направленных на ликвидацию такого положения. Жилищное строительство объявлено «сверхударным», а его программа на 1933 г. должна быть «обязательно выполнена во что бы то ни стало».

17 августа партиячейка и актив горсовета решили ознаменовать тридцатилетие второго партийного съезда ударником по ремонту улицы Ленинской. Инициативу подхватили комсомольцы, тем более что приближался их праздник — Международный юношеский

день. Ударник назначен на 24 августа. Вот конкретные объекты, требовавшие приложения рук. Участок № 1 от здания горсовета до дома № 8 — тротуар до облисполкома пришёл в состояние полной негодности, на мостовой валяются камни, имеются ямы и ухабы. Участок № 2 от дома № 8 до страхкассы — вся улица усеяна большими камнями, затрудняющими проезд, обваливается часть дороги на нечётной стороне улицы. Участок № 3 от страхкассы до дома № 25 — мостовая изрыта, сломаны перила у мостика через овраг. Участок № 4 от дома № 25 до сберкассы — улица сплошь изрыта ямами, имеются дыры в тротуарах... (тротуары тогда были деревянными из досок).

19 августа первым на постановление объединённого заседания откликнулся порт: он приступил к форсированному строительству жилья для своих работников. Намечено поставить к шестнадцатой годовщине Октября три четырёхквартирных дома. «Залогом выполнения этого плана служит энтузиазм работников и их твёрдое решение ликвидировать жилищный кризис, мешающий развitiю порта и выполнению промфинплана».

21 августа Дальзаготпушнина объявила о том, что с сегодняшнего дня прекращает приём «домашней кошки по Камчатской области».

22 августа — очередной партдень. На повестке дня — «Основные местные ячейковые вопросы». Ячейкам, прошедшим чистку, необходимо рассмотреть итоги чистки и задачи ячеек, участие в проведении ударника по ремонту улицы Ленинской, намеченного на 24-е число, с тем, чтобы обеспечить полную явку членов ячейки и привлечь всех беспартийных работников учреждений и предприятий.

23 августа областной совет Осоавиахима объявил о намерении открыть школу лётчиков-планеристов. В неё могли поступить все желающие в возрасте от семнадцати до двадцати четырёх лет. В течение четырнадцати месяцев курсанты должны были освоить ряд дисциплин, в том числе основы авиации и самолётостроения, аэродромную службу, а также пройти практику на планерах и лёгких самолётах. Школа будет работать без отрыва учащихся от производства. Желающие поступить предоставляли справки о социальном положении и образовании (не ниже четырёх групп), путёвку от своей ячейки, заявление и автобиографию. Заявления принимались до 29 августа.

24 августа в шесть утра на площади Свободы начали собираться участники ударника. Первыми прибыли совпартшкола и порт,

за ними Горстрой, Горместхоз, авиапорт, мехмастерские АКО, другие коллективы. Получив инструктаж, все разошлись по своим участкам. В ударнике приняли участие пятьсот шестьдесят три человека, из них шестьдесят один комсомолец и пятьдесят три партийца. Среди бригад развернулось соцсоревнование, они вызвали друг друга. Бригада АКО, работавшая на участке № 1, заявила, что не уйдёт до тех пор, пока полностью не выполнит задание. Наряду с образцами энтузиазма и подлинного ударного отношения к труду выявились случаи бестолковщины, нераспорядительности, недостаток инструментов и их плохое качество. «Разве это лопата! — говорили ударники. — Ей нельзя копать землю, потому что она гнётся, да и черенок устроен, словно на смех!» В семье оказалось не без уroda: нашлись и дезертиры, и лодыри. Так, из коллектива облисполкома не явились Лесков, Ткачук и другие, а Баратов мало того, что трудился скверно, так ещё и «испарился» задолго до окончания. Узким местом оказался транспорт. Вместо намеченных пятидесяти работали только тридцать четыре лошади и одна автомашина. В результате не удалось вывезти всю гальку на улицы. Некоторые возчики не поняли задачи: вместо того, чтобы рассыпать гальку на уже распланированную площадь, они сваливали её, как вздумается. Тем не менее стало ясно, что положено начало серьёзной работе по благоустройству улиц, а «город начал принимать культурный вид. Улицы преобразуются, настилается новая панель, выравнивается профиль дороги».

На три дня выехала бригада из шести человек для заготовки ягод, выделенная коллективом просвещенцев. В горбольнице тоже организована бригада, отправленная в район Халактырки. Шла предварительная запись в бригаду по сбору ягод в коллективе типографии, уже записались одиннадцать человек. На сбор она выезжала в первый выходной день после ударника.

Финальные соревнования по футболу показали «необычайно грубую игру команды “Динамо”». Судья соревнования Кузнецов разъярился по этому поводу: «Инцидент, повлекший за собой удаление с поля динамовского игрока, следующий. Бек команды профсоюзов Боев при приёме мяча на ногу потерял равновесие и упал. Бежавший к нему динамовский игрок Пашков не смог удержаться, налетел на Боева и наступил ему на ногу. Так как команда “Динамо” уже получила предупреждение, то я был вынужден удалить Пашкова с поля. Между прочим, команда профсоюзов также имела одно предупреждение и три замечания в процессе игры. Всё же я считаю, что последние матчи далеко ушли по дисциплине

и организованности от прежней игры, более напоминавшей драку, чем футбол. Все игроки сейчас понимают, что их грубость влечёт за собой удаление с поля и тем самым ослабление команды».

25 августа по решению горрайкомсода по предприятиям, учреждениям и колхозам намечена финансовая эстафета по шести «маршрутам». Вот один из них (первый): «Старт даёт 25 августа коллектив мехмастерских и 27 августа передаёт эстафету в порт. Порт 31 августа передаёт эстафету в совхоз. Совхоз 4 сентября передаёт эстафету в стройбазу. Стройбаза 8 сентября передаёт эстафету в строительство АЖО. Оно 13 сентября передаёт её в Горстрой. Горстрой 15 сентября передаёт эстафету в связь. Связь 17 сентября передаёт её лесопильному заводу. Лесопильный завод 19 сентября передаёт эстафету рыбомоторной станции. Последняя 21 сентября передаёт её в штаб эстафеты...»

26 августа редакция «Камчатской правды» отметила, что в последнее время получает немало стихов, но многие из них невысокого уровня. «Большинство авторов ещё не усвоили как следует основ грамматики. Но это, пожалуй, ещё не так страшно, грамматика вещь не такая уж сложная. Гораздо хуже слепая подражательность, которой страдают почти все произведения начинающих поэтов Камчатки». Да вот взять хотя бы творение «В саду не без грусти» И. Петрова:

*Кругом здесь лежит захолустье.
В захолустье грустит молодёжь.
Не от этой ли лени и грусти
Часто слышится пьяный галдёж?*

«Не говоря уже о совершенно неверном сравнении Петропавловска с захолустьем, в самой ритмике и подборе слов ясно чувствуется влияние Есенина. Но автор не выдерживает даже этого стиля, и на третьем четверостишии “перекидывается” на Маяковского, верифицируя его по мере возможности»:

*Скажите вы — культурники города,
За вами слово, товарищ молодёжь...*

Начинающий стихотворец Скворцов затронул актуальную тему — шедшую чистку. «Подражательности у него не заметно, но с грамотностью дело обстоит значительно хуже. Отделка стиха также никуда не годится»:

*И что ж в результате?
Там рвётся путина,*

*Там режут и рвут невода,
Срывается план заготовок пушнины,
На производствах строит прорывы
Вредительская злая рука.*

Здесь «четвёртая строка совершенно выпадает из ритма, пятая просто написана прозой и, кроме того, ни с какой строчкой не рифмуется». Да, не посидел автор как следует над своими стихами, не проверил их хотя бы с точки зрения правильности рифмы.

Пожарный Митюков нарисовал картину борьбы с огнём. «Надо сказать, что у него, несмотря на неграмотность, попадаетеся ряд неплохих сравнений и образов. “Красные пчёлы летают у дома”, “Ствол воды, трепещущий от гнева” и т. д. К сожалению, во всём стихотворении не найти ни одной стихотворной строки, всё оно представляет собой рубленую на кусочки прозу»:

*Стволовою, наступая всё вперёд и вперёд,
Уничтожая впереди разбушевавшееся пламя.
Вспоминает о прошлом. О том, как он бил врага
И кругом алело красное знамя.*

Этому, а также и другим товарищам поэтам давался общий совет: «Надо попробовать свои силы в прозе или ещё долго посидеть над техникой стихосложения. “Стихи писать легко”, — распространённое мнение среди начинающих. Надо запомнить, что стихи, которые написаны легко, это ещё не стихи, это только материал для обработки. Надо читать больше книг, стихов, запоминать, как правильно пишутся слова, упражняться в чтении вслух. Надо учиться, и прежде всего учиться у классиков и лучших пролетарских поэтов. Пролетариат хочет читать стихи, но стихи хорошие». Поэтому-то первой задачей всякого любителя, стремившегося обратиться в настоящего пролетарского поэта, должна стать упорная и длительная учёба, дабы полно овладеть литературным языком, а не повторять чужие косноязычные «творения».

27 августа из Хабаровска сообщили, что там сел гидросамолёт «Савойя-55», совершавший перелёт через всю страну из Одессы во Владивосток под управлением лётчика А. С. Демченко. Через несколько дней самолёт отправлялся во Владивосток, где должен был встать на постоянное обслуживание новой протяжённой воздушной линии до Петропавловска.

В шесть вечера в помещении редакции «Камчатской правды» собрался общественный комитет по созданию собственной гражданской авиабазы на Камчатке. Его решением день авиации намечен

на 6 сентября. Всем коллективам рекомендовано до 5-го числа провести митинги, посвящённые советской авиации и значению создания камчатской авиабазы, выпустить стенгазеты, а 6-го организовать вечера и массовки. Основной лозунг дня авиации: «В 1933 г. Камчатка должна положить начало созданию собственной гражданской авиабазы!»

29 августа отмечено, что центральная улица Ленинская частично приведена в порядок. Но это относилось только к мостовой и тротуару, где поработали ударники. А вот что касается строевых, то тут картина оставалась удручающей. Вот два подряд стоящих дома — № 8 и 10, вполне крепкие, но с отставшей во многих местах от стен обшивкой, разваленными крыльцами. Кругом грязь, настроены какие-то хлевушки, вечно благоухает уборной, очевидно, она течёт. Рядом пребывает в таком же состоянии дом облстрахкасссы. «За столовой порта начинается обширное огороженное пространство. Пройти по нему просто страшно. Всюду стоят какие-то будочки, чушатники, уборные. Грязь от этих “учреждений” невыносимая, в жаркие дни к ней прибавляется ещё и вонь. Частные дома не лучше. Дом № 30 по Ленинской готов свалиться на улицу, так как осыпалась земля из-под фундамента. Забор около дома № 27 падает внутрь двора, около дома № 16 — наружу. Почти везде поломанные крылечки, завалинки, обшивки, трубы, рамы, двери. На других улицах ещё хуже: там полная анархия. На починку домов употребляется самый разнообразный материал — от ящичной фанеры до линолеума. Благодаря этому все здания имеют вид шаманов, вырядившихся на праздник. Старые уборные закапываются, новые строятся где попало, как и свинарники. Помои и мусор выбрасываются прямо на улицу или во двор. Грязь на этих дворах стоит невылазная». Здания давно не красились, отчего город имел серый, грязный, непривлекательный вид. «И это пренебрежение к внешности своего дома ничем не обосновано, ибо краски в городе есть».

31 августа завершили работу пионерские лагеря, но их обитатели домой ещё не попали. «Никто не хочет их перевозить. Наступают холода, иссякает продовольствие, скоро начнутся занятия в школе — положение может осложниться. Вся вина в этом падает на горком комсомола, от которого общественность города категорически требует принять все меры к доставке пионеров в город».

1 сентября — девятнадцатый Международный юношеский день. Клуб переполнен молодёжью, смех, говор, шум — всё сливается в общий гул. Открывается занавес, скрывавший сцену, украшен-

ную красными флагами, и стоявший на ней накрытый кумачом стол. Общегородской вечер трёх поколений открывает кратким вступительным словом секретарь горрайкома ВЛКСМ А. К. Кононов. Собравшиеся с интересом слушали доклад секретаря обкома комсомола В. Д. Костко, приветствия облисполкома и облпрофсовета, воспоминания старого партизана Краснощёкова и речь комсомольца Бицуцкого. Дружными аплодисментами зал встретил рапорт комсомольцев Усть-Большерецкого района, выступление пионерки Вали Востриковой, потребовавшей от партийцев и комсомольцев большего внимания к пионерской организации, другие рапорты. После передачи обкому и горрайкому ВЛКСМ «производственного подарка» — модели ставного невода от ячейки горнтегралсоюза — торжественная часть вечера завершается, начинается художественная. Выступления агитбригады «Штурмовик» и корейской бригады сменяют массовые игры и танцы.

2 сентября наполовину завершилась заготовка пиломатериалов для домов порта. Сделаны нижние обвязки. Осталось завершить планировку, и дома можно будет ставить. Планировалась и ремонтировалась дорога к месту стройки на улицу Нагорную. Полностью доставлен лес для надстройки банковского дома, производимой Горстроём. Здесь трудилась бригада Жаркова из десяти человек, уже связавшая первые четыре венца. Барак для рабочих был завершён, за исключением штукатурных работ.

5 сентября бригада из восьми каменщиков приступила к кладке фундамента двухэтажного дома на улице Таможенной.

6 сентября — день авиации. Город украшен афишами: «Все в сад “Динамо”! Сегодня массовое гулянье, посвящённое празднику авиации. Художественные выступления. Играет духовой оркестр. Начало в час дня. Вход свободный». Лозунг дня: «Здесь, на Камчатке, в тундрах, в лесных массивах, в горных узлах самолёт всегда останется вернейшим, удобнейшим, надёжнейшим средством сообщения. Привет красным лётчикам, бесстрашным победителям воздушных пространств!»

Владивостокский Дальрыбвтуз объявил о начале с 1 октября занятий по дневной форме обучения (срок — четыре года) по специальностям «Техника добывающей рыбной промышленности», «Рыбовод-биолог», «Плановик-экономист», на пятилетнем вечернем отделении — «Технолог». Принимались окончившие школу-девятилетку, рабфаки, курсы по подготовке в вузы. Приёмные испытания проводились по обществоведению, математике, физике и химии. Заявления рассматривали до 10 сентября, испытания

намечены на 20—25 сентября, зачисление — на 25-е число. Принимали и на рабфак Дальрыбвтуза, действовавший в Петропавловске при педтехникуме.

7 сентября горожанин Чен Ли Юн дал объявление об утере карманных чугунных часов без секундной стрелки. Нашедшего просили возвратить за вознаграждение по адресу: улица Ленинская, 19.

10 сентября о ходе самозаготовки отчитался коллектив аптеки. Запасено полтонны рыбы и пятьдесят килограммов ягод. Выделенный для ловли рыбы сотрудник неплохо справился со своей задачей, заготовив три бочки солёной рыбы и пятнадцать килограммов икры. На сборе ягод задействовали одного сотрудника, «оторванного» от производства, и двух отпускников.

11 сентября коллектив аптеки, участвовавший в финансовой эстафете, сообщил, что подписку на заём погасил в целом на 78,5 %, причём пять сотрудников сделали это полностью в течение двух месяцев, а остальные обязались завершить к 1 октября. Страхованием жизни коллектив был охвачен на 36 %. К тому же все сотрудники аптеки состояли вкладчиками сберкассы.

12 сентября выяснилось, что при разборе заявлений о приёме в слушатели педтехникума найдено заявление из села Авача от Р., «отец и мать которой — лишенцы». К заявлению прилагалась рекомендация заведующего сельской школой, засвидетельствованная и подтверждённая сельсоветом. Вот такая обнаружилась классовая и политическая слепота, а ведь завшколой и сельсовет хорошо знали, насколько важен «фронт культурной революции» и кому его можно доверить, а вместе с тем дали-таки злополучную рекомендацию!

13 сентября складская база АКО начала отпускать муку с озерновского склада № 7 авансом в счёт октября, ноября и декабря по норме один мешок на главу семьи по ордеру, выданному предприятием или учреждением. Получатели ордеров включены в заверенные пофамильные списки в трёх экземплярах. Деньги за муку брали в складе. Явиться следовало со своим мешком, при отсутствии такового удерживали семнадцать рубликов за тару базы.

Горожанин К. Волк пожаловался в газету на «прожорливого бухгалтера» порта. Его жена и ребёнок уехали уже два месяца тому назад, а «ненасытный» продолжал получать на них продовольственные карточки при благосклонном попустительстве порткомвода и администрации. «Допустимо ли это?»

Завершились бетонные работы на расширении электростанции, каменщики перешли на объекты жилищного строительства.

Бригада плотников Бутакова продолжала расширять пристройку к станции.

15 сентября начался учебный год. К пионерам и школьникам с поздравлением и напутствием обратился президиум облсовпрофа. «Ребята, наш вождь и учитель Владимир Ильич Ленин завещал: “Надо учиться, учиться и учиться”. С этими словами вы должны приступить к учёбе, с этими словами должны и кончить этот учебный год. Для того чтобы выполнить заветы Ильича, вам сегодня же нужно взяться организованно за учёбу, а для этого необходимо создать твёрдое бюро-учком из лучших ваших ребят. Оно будет руководить всей вашей работой, учебной, общественной и производственной. В прошлом году многие из вас остались на повторный курс. Это говорит за то, что вы в прошлом году ещё недостаточно крепко взялись за учёбу. Поэтому вам сейчас же надо подвергнуть вашу прошлогоднюю работу самокритике, отбросить плохое, закрепить лучшее. С первых же дней учёбы вы должны жестоко бороться за сознательную дисциплину, она обеспечит лучшее окончание учебного года. Для этого у вас с первых же дней должна работать стенгазета, живая газета. Необходимо организовать соцсоревнование и ударничество. Ваши отцы — рабочие и колхозники — под руководством ленинской партии большевиков успешно переделывают промышленность и сельское хозяйство на новой передовой технической основе, успешно строят новое бесклассовое общество. Приветствуя вас, президиум облсовпрофа уверен, что вы будете достойны своих отцов, с не меньшим успехом овладеете высотами знаний и будете достойными гражданами нового общества!» Старшим товарищам ответили пионеры Захаренко, Толстопятенко и Маркелов, проводшие лето в лагерях, получившие там хорошую закалку и опыт общественной работы. Начиная учебный год, они обязались полностью соответствовать лозунгу «Пионер должен учиться лучше всех» и привлечь к этому всех школьников. Кроме этого, добиться к 1 октября охвата индивидуальным соревнованием ребят своей группы; не допустить ни одного прогула и опоздания, а также организовать правильное, разумное использование переменок, улучшить работу кружка затейников и агитгруппы. Они вызывали на состязание пионеров из отряда связи.

Опубликованы первые итоги чистки Петропавловской горрайонной парторганизации. С 7 августа по 1 сентября проверено двенадцать ячеек и две кандидатские группы. Из ста сорока трёх «зачищенных» партийцев пока объявлены результаты ста тридцати

двух. Исключены семь членов и три кандидата партии, переведено из членов в кандидаты десять, в сочувствующие — восемь человек. Причины исключения: потеря классовой бдительности, игнорирование нужд рабочих и колхозников, корыстное использование служебного положения, двурушничество, отрыв от партийных масс и моральное разложение.

Организован областной совет общества «За овладение техникой» (ЗОТ). Облсовпроф разработал инструкцию по организации ячеек ЗОТ на каждом предприятии.

16 сентября озвучено расписание осеннего розыгрыша по футболу до конца месяца. 16-го — шестая игра между победителями четвёртой и пятой. 17-го — седьмая игра: победители третьей встречаются с победителями шестой. 18-го — восьмая игра: сборная профсоюзов — сборная «Динамо». Все розыгрыши назначены на пять вечера на стадионе «Динамо».

18 сентября с борта парохода «Челюскин», совершавшего плавание Северным морским путём, от начальника экспедиции профессора О. Ю. Шмидта пришла радиограмма, в которой он сообщил, что пароход благополучно прошёл мыс Северный и движется к Берингову проливу. От пролива «Челюскин» повернёт назад и пойдёт на север к острову Врангеля. Разгрузившись и сменив колонию острова, судно прямым рейсом направится в Петропавловск. Этот рейс должен был стать вторым «сквозным» через льды Северо-Восточной Арктики из Белого моря в Тихий океан за одну навигацию. Первым был прошлогодний переход парохода «Сибиряков». Но вторую победу праздновать не пришлось: позже «Челюскин» был раздавлен льдами и затонул.

19 сентября вечером шумело общегородское партсобрание, посвящённое идущей чистке. Из резолюции: «Собрание одобряет решение горкома о повторной чистке отдельных членов партии ячейки горсовета, как не оправдавших доверие комиссии по чистке, не борющихся на деле за генеральную линию партии... Собрание считает, что городская партийная организация к чистке партийных рядов пришла сплочёнными рядами, крепкой и монолитной в борьбе за генеральную линию партии...» Собрание поручило 21-го числа провести во всех комсомольских первичках внеочередные собрания с повесткой «Итоги участия ячеек ВЛКСМ в чистке и реализации выводов по чистке». Важность происходящего подчёркивалась словами пролетарского писателя, живого классика Максима Горького: «Процесс чистки партии — процесс её роста, процесс спайки энергии и талантов единиц в её коллек-

тивную непреоборимую силу, в ту силу, которая творит в нашей стране чудеса и привлекает к работе своей жадное внимание пролетариата всех стран. Высокое требование предъявляет партия к человеку. Совершенно изумительно видеть и чувствовать, как просто и искренно принимают эти строгие требования здоровый разум и здоровое классовое чувство, как чутко, справедливо и беспощадно реагирует партийная и даже беспартийная молодёжь на всё враждебное строю и духу партии...»

20 сентября открылись городские ясли. За две недели сделан хороший ремонт, пополнены запасы белья, починена мебель, заготовлены на зиму дрова и овощи. Гораздо хуже обстояло дело с яслями АКО: их помещение также требовало большого ремонта.

Петропавловский совхоз сообщил, что во время выпаса скота на шестом километре Елизовского шоссе ушли две дойные коровы. Одна чёрно-пёстрой масти, «рога калачиком, в глазах, на сосках природные бородавки», кличка Индигирка. Вторая — чёрно-пёстрой масти, «рога тонкие в стороны и вверх, на переднюю правую ногу немного хромает», кличка Аришка.

22 сентября в столовой № 1—3 появились «коммерческие» порционные блюда из свинины по двенадцать рубликов. Некто Обедающий удивлялся, почему это свинина, выращенная на объёдах от плохих стандартных обедов, идёт на порционные блюда? «Зачем же берутся деньги на пригородное хозяйство, если мясо, выращенное на эти деньги, идёт не на улучшение питания, а на коммерческие блюда? Почему эти спекулятивные операции остаются без внимания?»

Городской заготпункт возобновил приём крысиных тушек.

25 сентября камчатское отделение Союзпечати открыло приём подписки на приближающийся 1934 г. на все газеты и журналы, выходящие в СССР. Стоимость годового комплекта главной газеты страны «Правда» на год составляла 36, «Известий» и «Труда» — 30, журнал «За рубежом» стоил 24, «За рулём» — 7,2, «Моды сезона» — 24, «Огонёк» — 6, «Вокруг света» — 9, «Наука и техника» — 6 руб. Годовая подписка «Камчатской правды» обходилась в 48 руб.

30 сентября из Ленинграда сообщили, что хорошо известный петропавловцам американский лётчик Чарльз Линдберг 22 сентября завершил трансатлантический перелёт по маршруту Нью-Йорк — Гренландия — Исландия — Фарерские острова — Копенгаген — Карлсруэ — Гельсингфорс — Ленинград. Его сопровождала жена, исполнявшая обязанности радиста.

3 октября впервые в этом году прошёл розыгрыш по волейболу между женскими командами. Дисциплина и выдержанность выгодно отличали их от мужских коллективов. Играли команда «Динамо» № 1 и сборная профсоюзов. Чувствовалась малая тренированность профсоюзников, отразившаяся на ходе матча. Команда «Динамо» сразу же забила первый мяч и далее действовала очень уверенно и спокойно. Благодаря сильным подачам, динамовки в первом периоде далеко обогнали профсоюзниц и завершили его со счётом 15 : 2. Во втором периоде сопротивление профсоюзниц хотя и усилилось, но итог оказался 30 : 8 в пользу «Динамо».

5 октября в пору было вспоминать слова гоголевского городничего: «Стоит только поставить забор для памятника, и какой только дряни туда ни натащат». В Петропавловске имелось три памятника, требовавших охраны со стороны властей и краеведов, — Лаперузу, Берингу и Клерку. Все они находились в запущенном виде, со сломанными ограждениями. Особенно безобразным признано отношение к памяти великого мореплавателя Лаперуза: «Ограждение (столбы) у памятника уничтожено, цепь, лежавшая на них, исчезла, а на якорной цепи, которая лежит вокруг камня, сушатся сапоги, портянки и полосатые “невыразимые”. Камень начал трескаться». С учётом того, что памятники одновременно служили и астрономическими пунктами, они заслуживали ещё более внимательного отношения к себе.

Корейский активист До Ир вновь поставил вопрос о необходимости открытия клуба «восточников», коих в городе имелось не менее четырёхсот пятидесяти, главным образом корейцев. Кадры для работы среди восточников имелись, требовалось лишь помещение. Под клуб вполне подходила нижняя часть здания КОГИЗ, располагавшегося в центре города рядом с межсоюзным клубом. Это могло обеспечить «связь с культполитсоветом», а также наибольшую посещаемость своего клуба «восточниками». К слову, здесь их клуб находился в 1928—1930 гг.

6 октября рано утром обыватели были разбужены звуками марша, исполнявшегося духовым оркестром пограничников. На площади Свободы собирались ударники для поездки на совхозные поля. Настроение у всех бодрое, весёлое, слышались шутки и смех. По команде «В общую колонну становись!» все выстроились по четверо. «Шагом марш!» Под звуки оркестра колонна двинулась к Петропавловскому совхозу. У конторы совхоза ударников встретили директор, секретарь партячейки и представитель рабочкома. Внимательно прослушана краткая речь о значе-

нии и задачах предстоящих работ, а затем под музыку, с шумом и смехом началась уборка. Лучше всех трудилась бригада Малько. В пять вечера поставленная задача успешно решена, колонна двинулась обратно в город.

7 октября в Авачинской губе приводнился гидросамолёт С-55 под командованием А. С. Демченко, одного из лучших лётчиков СССР, награждённого орденом Красной Звезды. Второй пилот — опытный лётчик Гражданского воздушного флота (ГВФ) Конкин, имевший опыт командования авиаэскадрильей. Вместе с ними прибыли уполномоченный коллегии ГВФ Бронштейн, проверявший готовность линии Москва — Хабаровск — Владивосток — Сахалин — Камчатка к открытию движения, начальник Охотско-Камчатской линии Игнатович, аэронавигатор Петров, один из крупнейших специалистов, участвовавший в организации многих воздушных трасс, бортмеханики Эренпрейс и Стыченко. От печати в перелёте участвовали специальные корреспонденты Костарев (газеты «Известия» и «Тихоокеанская звезда») и Батасов («Правда» и «Красное знамя»). Кинооператор Тамм произвёл интересные съёмки, теперь он намеревался приступить к ним в городе. Вскоре должна была начать действовать эта протяжённая в мире воздушная дорога. Теперь труднейший и опаснейший путь на собаках, лодках и оленях от Аяна до Нагаево можно будет покрыть не за четыре с половиной месяца, а всего за два часа, а от Большерецка до Петропавловска добраться не за семь дней, а за три четверти часа. Самолет С-55 был построен в Италии, имел деревянную конструкцию, мог поднимать две с половиной тонны, брал двенадцать пассажиров.

А. С. Демченко поведал петропавловцам о трудностях маршрута, в том числе рукотворных: «Это прежде всего сложные метеословия. В течение какого-нибудь часа погода может измениться несколько раз... Лететь приходилось порой без всякой ориентировки, исключительно “по чутью”. В Хайрюзово мы чуть-чуть не заморозили мотор, а на Шантарах были близки к аварии... Для того, чтобы наладить регулярные рейсы, нужна только чёткая, хорошая, добросовестная работа наземной службы. А нам пришлось столкнуться с очень скверными вещами: безобразная связь (не было метеосводок), отсутствие посадочных знаков, несвоевременное снабжение горючим, другими словами, трудности совершенно искусственного порядка. Экипаж выдержал экзамен на “отлично”».

8 октября слушатель городского радиозула отметил его скверную работу и предложил ввести плату по числу фактических часов

трансляции. «Передачи отсутствуют, и нетерпеливые владельцы трансляционных точек напрасно по вечерам прикладывают репродуктор к уху или ухо к репродуктору. В тех редких случаях, когда устраивается передача, визг, писк, хрюканье отбивают всякую охоту слушать. Когда же приём хорош, то его обязательно прерывают на самом интересном месте...»

9 октября почтовый отдел управления связи объявил о приёме авиапочты в Большерецк, Хайрюзово, Нагаево, Аян, Советскую Гавань, пост Ольга, Владивосток и на материк, в те пункты, где существовали авиалинии.

10 октября вечером в редакции «Камчатской правды» собрались местные литераторы и рабкоры. На встречу пришёл дорогой гость — самый настоящий писатель, член Союза советских писателей Николай Костарев (Туманов), прибывший на С-55. Он поведал начинающим коллегам о подготовке к Всесоюзному съезду писателей, о роли молодого автора на периферии. После этого долго обменивались мнениями. Н. Костарев являлся уполномоченным комитета ССП по организации и инструктированию местных филиалов общества и литгрупп, в прошлом он — активный участник гражданской войны на Урале и Дальнем Востоке. В его творчестве дальневосточные темы занимали значительное место. Его перу принадлежали книги «Мои китайские дневники», «Граница на замке», «Короткие разговоры», ряд очерков в газетах и журналах. А сейчас он работал по специальному заданию «Известий» над серией публикаций, посвящённых социалистической «переделке» Дальнего Востока.

11 октября гидроплан С-55 после трёхдневного пребывания в Петропавловске вылетел в обратный рейс во Владивосток. Его торжественно проводили представители советских и общественных организаций, множество трудящихся. «Дружеское прощанье. Лётный состав и пассажиры поднимаются на самолёт. Катер отводит С-55 из Ковша в открытую бухту. Заработали моторы. Гидроплан, плавно оторвавшись от воды, сделал прощальный круг над городом и в одиннадцать часов дня взял курс на Большерецк. Самолёт взял с собой пятнадцать килограмм писем и последние номера «Камчатской правды». Обратный рейс самолёта продолжается по тому же маршруту, по которому самолёт летел в Петропавловск».

14 октября комиссия облоно под председательством его руководителя Т. М. Дейнеко осмотрела городские памятники, составила акт и передала его горсовету. На памятнике «Слава», что на

портовой кошке, имелся инвентарный номер «26», присвоенный Горкомхозом. «Памятник требует капитального ремонта, цементирования, покраски и огородки. Памятник Лаперузу, построенный в 1892 г., требует цементирования и огородки». Памятник на братской могиле нуждался в капитальном ремонте, очистке от грязи, восстановлении ограждения и пушек, которые валялись возле фабрично-заводской школы. «Горсовет должен произвести необходимую реставрацию памятника, а школа должна взять его под своё непосредственное наблюдение, следя за чистотой, порядком и сохранностью». А вообще-то «все эти памятники являются наглядным свидетелем исторического прошлого Камчатки, и поэтому забота об их сохранности ни в коем случае не должна выпасть из поля зрения нашей общественности».

15 октября начался приём экспонатов по растениеводству для первой камчатской областной сельскохозяйственной выставки. Экспонаты по животноводству и организации труда, а также диаграммы, рисунки и фотографии брали с 18-го числа. Оргкомитет находился в доме на улице Завойкинской, 8.

16 октября стало известно, что С-55 сел у Владивостока в бухте Золотой Рог, завершив облёт «величайшей в мире воздушной линии Владивосток — Сахалин — Охотск — Камчатка. Покрыто около десяти тысяч километров, определены точки посадок на отдалённых пунктах северной окраины Дальнего Востока».

Отмечено, что существовавшая в Петропавловске телефонная станция не может удовлетворить растущих потребностей города. Станция имела два коммутатора типа «МВ», один из них допотопной системы Эриксона, а другой — ещё древнее. Эта аппаратура совершенно не отвечала современным техническим требованиям.

20 октября президиум облисполкома изучал вопрос о введении паспортной системы. Постановили: ввести её в городе (включая совхоз, леспромхоз и Авачинский промрайон) с 10 ноября текущего года по 1 февраля следующего, 1934-го и совместно с горсоветом установить сроки выдачи документов.

22 октября открылась сельхозвыставка. К десяти утра к её павильону группами и в одиночку начал стекаться народ: колхозники и колхозницы Петропавловского и Мильковского районов, рабочие совхозов, восточники артели имени Сталина, чьи экспонаты были представлены на всеобщее обозрение. Пришли и горожане — посмотреть на «гордость земли Камчатской». В полдень прибыл и выставочный комитет совместно с представителями областных и городских партийных, советских, профессиональных

и хозяйственных организаций. Председатель оргкомитета Величко открыл выставку, начался митинг. «Зайдя в павильон, не верится, что всё это произрастает здесь, на Камчатке, что всё это здешнее, наше, камчатское. Выделяется капуста Паратунского колхоза, картофель колхозов Мильковского района и Авачинского рыб-промрайона. Турнепс, репа, морковь, овёс, ячмень, лён, конопля — все культуры представлены здесь».

26 октября подведены итоги чистки по горпартрайону. Всего в двадцати двух ячейках и четырёх кандидатских группах проверено триста шестьдесят семь человек, из них двести семьдесят три члена партии и девяносто четыре кандидата. Исключено из партии семьдесят два, или 19,6 % общего количества проверенных, переведено в кандидаты двадцать четыре, или 8,8 %, переведено в сочувствующие шестнадцать, или 4,3 %. Особо досталось аковцам. Из тридцати шести членов и кандидатов исключено семнадцать, в кандидаты переведён один. Среди исключённых: «классовочуждый элемент, обманном путём пробравшийся в партию», — Тейфельман; «двурушники» — Бучель, Харлап, Авербах, Коршунов, Якобсон; «нарушители железной большевистской дисциплины» — Потапов, Белых, Позигун, Козлов, Любченко; «перерожденцы» — Гольдберг, Кривошеев; «карьерист — обюрократившийся элемент» — Гребнёв и примкнувший к ним «морально разложившийся» Головин. За политическую неграмотность переведён из членов в кандидаты партии некто Ветрогонин.

28 октября пережившая чистку ячейка мехмастерской АКО активно взялась за перестройку работы стенгазеты «Мотор». Выделен новый редактор Костко, за это дело взялся секретарь ячейки Бысов и другие. Но вышли всего три номера, а потом «Мотор» вновь заглох. Доморощенные критики отметили, что выпущенные номера составлялись «кабинетным путём»: их организаторы не считали необходимым приглашать всех членов редколлегии.

29 октября — пятнадцатилетие комсомола. Первички рапортовали о проделанной работе. Так, аковская комса, наряду с полным охватом осенне-зимней политшколой, втянула в сеть политучёбы почти в полтора раза больше (по отношению к количеству комсомольцев) беспартийных нацменов. «По общежитиям рабочих-казаков проводятся беседы, в клубе — чтение с переводом с русского языка на казакский. Среди нацменов организован драмкружок». Тайна загадочных «казаков» проясняется, когда мы узнаём их имена и фамилии: «К славной годовщине за хорошую работу и систематическое перевыполнение плана премируются лучшие ударники

Курибаев Ахмет (183 % нормы выработки), Маханов Абдучалим (150 %), Сагунбаев Илдыш (123 %)». Оказывается, казаков перепутали с казахами. Вот такая вышла неразбериха в национальном вопросе. А теперь немного статистики. В декабре 1923 г. комсомольская организация Камчатки включала семьдесят два члена, из них 15 % девушек и 85 % — юношей, «партийного ядра» не имелось. А 1 октября 1933 г. комсомолия полуострова насчитывала 1 497 членов, из них 412 девушек, или 27,5 %, и 1 085 парней, или 72,5 %, партядро же включало 250 чел.

30 октября коллектив порта ударно достраивал четырёхквартирный дом, побелил бараки ударников, радиофицировал квартиры, установив тринадцать репродукторов, собрал трансляционный узел на территории, художественно отделал Красный уголок, изготовил диаграммы производственных показателей. Для премирования ударников создан фонд в три тысячи рублей, назначены докладчики по бригадам для проведения бесед о важности приближающейся шестнадцатой годовщины Октября. В порту организованы две ударные бригады грузчиков, одна из них приняла название «Имени шестнадцатой годовщины Октября». Открылся профсоюзный кружок, выпущена многотиражка, посвящённая подготовке к празднику.

Лесозавод АКО отрапортовал к близящейся годовщине Октября о выполнении плана на 144,8 %. Три бригады заключили между собой социалистические договоры. Два десятка лучших ударников выделены для премирования. Завод в подарок к Октябрю пустил свою электростанцию и перешёл на трёхсменку.

1 ноября в центральной сберкассе № 611 введена «прерывная» рабочая неделя (взамен «непрерывной»). Выходными днями определены 3, 9, 15, 21 и 27-е числа каждого месяца.

Установлены новые единые розничные цены на муку и хлеб (коп. за килограмм): мука ржаная 96 % — 30, пшеничная, в зависимости от качества, от 35 до 85. Хлеб из ржаной муки — 25, из пшеничной — от 30 до 80. (Для сравнения: зарплата сторожа-уборщика в типографии — сто пятьдесят рублей в месяц.)

С последним пароходом прибыло пополнение творческих сил театра. Главным режиссёром приглашён «один из крупнейших режиссёров Союза», воспитанник знаменитой Александринки Гавриил Гловацкий. В труппу влились «мастера высокой квалификации». Открытие театрального сезона назначено на 7 ноября.

2 ноября коллектив мехмастерских АКО выступил с лозунгом: «Самый короткий в мире рабочий день в стране социализма»

может и должен быть самым производительным!» На предприятии прошла конференция по уплотнению рабочего времени. Решено «все четыреста восемьдесят минут рабочего времени отдавать с полной нагрузкой государству». А его потери складывались в основном из хождения за инструментами, нарядами, поисков материала. Имевшиеся станки толком не работали, не хватало мелкого инвентаря, отсутствовал точный учёт произведённого брака, не были организованы кружки техминимума и повышения квалификации, в расценках на работы просматривались элементы уравниловки. «Мы работаем не на помещиков и капиталистов, как это было раньше. Мы работаем на самих себя. И чем выше будет производительность нашего труда, чем ниже будет себестоимость, чем лучше будет качество нашей продукции, тем скорее мы выполним задачу, поставленную семнадцатой конференцией нашей партии — «увеличить в два-три раза душевое потребление трудящихся»».

Некто Нерационализатор описал рабочий день молодого токаря Миши Морозова, показав на его примере неиспользованные резервы времени. Миша изготавливал кольца и втулки для ремонтирующегося двигателя. Сначала выяснилось, что стоявший на токарном станке резец не подходил для этой работы и с треском обломился. «Пока искали новый резец в инструментальной, а не найдя, стали делать в кузнице, — прошёл целый час. Вновь изготовленный резец сломался так же быстро, как и первый. Видно, в спешке материал для него был выбран неудачно. Восемнадцать минут уходит на разговор с товарищем, принёсшим газету, и на участие в споре токаря Егорова с нормировщиком Бысовым о неправильных расценках. Дальше Миша бежит в слесарный цех выяснить, как идёт сборка мотора и можно ли задержать обрезку втулок. По пути встречается мастер Климов, который вручает Мише другую срочную работу — выполнить по образцу три поршневых кольца. Надо бежать искать материал. Кстати, необходимо найти нормировщика и взять у него наряд на работу. Проходит десять минут. Наряд на руках. Под руку попадается чугунная болванка подходящего диаметра. Через пятнадцать минут материал для точки колец готов. Обточка — простая, привычная работа, занимает двадцать минут. Кольца готовы. В цех заходит мастер. Какая удача, не надо его искать, чтобы сдать работу! Однако радость Миши преждевременна. Изготовленные кольца бракуются, так как они выточены из негодного материала. На соседних станках работа уже прекращена: перерыв на обед, то же делает и Миша. Четыре часа его работы и работы станка сегодня остались бесполезными».

4 ноября опубликован план проведения предстоящего праздника. Город будет разбужен в семь утра гудками пароходов. «7 ноября с утра демонстрация. 1. Члены профсоюзов и их семьи собираются по своим союзам. Места сбора устанавливаются лицами, ответственными за колонны. Внутреннее построение колонн по коллективам производится ими же. Порядок движения и расстановка колонн: 1) погранчасти, 2) партизаны (руковод т. Дейнеко), 3) Осоавиахим (руковод т. Певзнер), 4) пионеры-школьники (руковод т. Зилов). Профсоюзы: 1) союз рыбаков (Мурашко), 2) строители (Иванов), 3) парткомвод (Кулебякин), 4) живсовхоз (Полихатый), 5) полиграфы (Риэль), 6) лесдрев (Гуппа), 7) Госторговля и кооперация (Невзоров), 8) союз рабпрос и педтехникум (Дубровин), 9) связь (Ющенко), 10) медики (Сторотин), 11) финбанковские (Ильченко), 12) союз РГУ (Юдин), 13) совпартшкола (Куницын), 14) колхозы “Амурский партизан” и “Камчадал” (Буторин). Колонны организованно прибывают с места сбора к десяти часам утра к площади Свободы». Митинг намечен на одиннадцать, его открытие также будет сопровождаться судовыми сигналами. Ответственность за построение колонн и порядок на площади Свободы возложена на начальника областной милиции Н. Х. Куна.

7 ноября. Годовщина революции ознаменована новыми значительными научными работами и изысканиями. Совсем недавно партия Союзгеолразведки под руководством Б. И. Пийпа собрала богатейший материал и нашла следы бора в районе вулкана Узон. «На его месте осталась только колоссальная впадина, которая сравнительно небольшим взрывом, оставившим километровую воронку с валом базальтовых шлаков, теперь занятую круглым озером, последний раз проявила свою активность и после этого совершенно замолкла». Химик В. Е. Кутейников установил наличие борной кислоты почти во всех горячих водах Узона.

Премированы передовики производства. Вот один из них, «первый токарь» мехмастерской Егоров, за всё время работы не допустивший не единого случая брака. «Самые тонкие ценные работы поручаются тов. Егорову, который обеспечивает лучший выпуск продукции. Норма выработки систематически перевыполняется на 120—130 %». Под руководством лучшего ударника коллектива связи Зедика, члена партии, были отремонтированы два передатчика. «Работая заведывающим радиостанцией, которая терпит сейчас сильную нужду в горючем, умелым руководством т. Зедик не допускает простоя станции. Во время отпуска т. Зедик по существу не отдыхал, а добился покупки стосильного двигателя,

который значительно улучшил состояние станции». Комсомолка-телеграфистка Чмыхалова после чистки аппарата связи «всю тяжесть работы телеграфа вынесла на своих плечах. Выполняет норму выработки на 112 %. Усердно передаёт свои знания двум ученикам-телеграфистам».

Утомившись от официоза, познакомимся с юмореской, рисующей праздничные торжества несколько с другой стороны. «Наступает вечер. Докладчик уже отговорился, резолюция принята, ударники премированы и сидят на местах со сконфуженными лицами и вспотевшими руками, обнимая полученные премии. За этим может следовать два варианта. Если распорядитель вечера неопытный, то он сразу же после торжественной части объявляет ужин. Все садятся за стол, распорядитель убегает за знакомым гармонистом. Когда он через полчаса возвращается, то находит только одного члена коллектива, с бутербродом в зубах, торопливо натягивающего пальто.

— Куда же народ девался?

— Шмоталша, — невнятно отвечает тот, прожжёвая.

Нет, если распорядитель опытный, то он ужин приберегает к концу.

— А пока, товарищи, повеселимся, кто во что горазд.

Все отвечают бледными улыбками и, не трогаясь с мест, начинают следить за тщетными усилиями распорядителя “расшевелить массу”.

— Митя, ты, кажись, на гитаре играешь?

— Нет, не играю, честное слово, не играю, — испуганно отвечает Митя.

После нескольких бесплодных попыток кто-то приносит виктролу, публика терпеливо слушает нудный голос, гнусавящий о чьих-то “чёрных глазах” и о Рамоне, которая почему-то одна в целом мире. Виктролу сменяет застенчивый любитель музыки... Когда голова начинает болеть у самого распорядителя, тогда художественная часть объявляется оконченной. Все мрачно набрасываются на еду».

10 ноября шахматный матч, состоявшийся между командами АКО и города, завершился со счётом 14 : 11 в пользу аковцев. Отмечена слабая организация городской команды и недостаточная выдержка многих её участников. Один из них на четвёртой доске «теоретически выигранный конец проиграл самым курьёзным образом», другой на восьмой доске прозевал ферзя.

13 ноября вечером в горкоме ВКП(б) работал семинар для пропагандистов кандидатских школ на тему «Два мира — две системы».

16 ноября некто Непочтовик потребовал больше внимания к посетителям конторы связи. «Желающий подать телеграмму или перевод... должен становиться в очередь за ручкой, которая часто не пишет. В чернильницах нередко нет чернил, стол маленький, весь в выбоинах. Неужели забота о посетителях не входит в круг обязанностей почтовой администрации?» — вопрошал он.

18 ноября «Камчатская правда» сообщила о продолжающемся падении курса американского доллара: теперь за пять «зелёных» давали лишь один британский фунт стерлингов. По слухам, «усиливаются толки о неизбежности валютной войны».

21 ноября заработали пункты по выдаче паспортов № 1 и 2. Первый действовал с трёх часов дня до девяти вечера на улице Ленинской в здании облсуда, второй — в АКОГраде с десяти утра до шести вечера. В первую очередь новые «серпастые-молоткастые» получали работники порта и мехмастерской АКО. «Паспортизация — это не только учёт всего населения, но и выявление всего классово-чуждого и паразитического элемента, поэтому при выдаче паспортов основное — установление социального положения получающего паспорт. Вот здесь-то и должна прийти на помощь общественность». Первым заветную бумагу получил портовик Андрей Яковлевич Воронин, родившийся в 1877 г., сын плотника. Отбывая воинскую повинность в царском флоте, участвовал в легендарном восстании на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» в 1905 г. После его подавления бежал за границу, пробыл пять лет в эмиграции, затем вернулся в Россию и, спасаясь от преследований полиции, уехал на Камчатку. Он был активным общественником, в прошлом членом горсовета, председателем Союза коммунальщиков, неоднократно премировался за ударную работу на производстве. Сейчас Воронин трудился в порту плотником по ремонту плавсредств. Второй документ вручён матросу, культработнику, профсоюзнику в одном лице Кулебякину, сыну рабочего. До 1931 г. он был матросом, затем стал заведующим культотделом Владивостокского райкомвода, после — председателем секции грузчиков. Зимой 1933 г. направлен на Камчатку, сейчас — председатель Петропавловского райкомвода. «Под его руководством тот сумел добиться крупных успехов в выполнении плана, повышении производительности труда и организации культурного отдыха рабочих коллективов».

Горсовет признал «внеочередным и сверхударным» строительство фабрично-заводской школы. Горстрою предложено в месячный срок проработать проект здания и столовой с осуществлением его не позднее лета 1934 г.

22 ноября обком ВКП(б) пришёл к выводу о необходимости организации областного оргкомитета Союза советских писателей и определил следующий его состав: Никольский (председатель), Ризель (секретарь), Прусаков, Смирнов, Королёва.

Опубликоваться местные литераторы могли на «Литературной странице» в «Камчатской правде». Вот образец любительского стихосложения «Песня песне» Н. Каргина:

*Песня ранит, бьёт и ласкает,
Не плачет о пустяках.
Песня кричит, призывает,
Песня остра и легка.
Песня — то же оружие,
Так же разит с плеча.
Песня и головы кружит,
Словно вино, горяча.
Песня в бою подымает
Дух усталых бойцов,
В свисте пуль не смолкает,
Лишь разгораясь вновь.
Песне пою я песню —
Отважнейшему из бойцов,
Песне, смывающей плесень
С плит замшелых веков.
Песне, поющей о нови,
Песне, зовущей вперёд,
Песню пою с любовью,
Во весь смеющийся рот.*

С «материка» прибыла «чрезвычайно обильная» партия литературы, в том числе ряд новинок. В их числе «Золотой телёнок» И. Ильфа и Е. Петрова, изданный Товариществом писателей в Москве, по 8 руб. 50 коп. «Сатирический роман, живо и увлекательно написанный, едко осмеивает идею индивидуального обогащения в советских условиях. Читается с большим интересом». Роман А. Лебеденко «Тяжёлый дивизион» за 6 руб. 75 коп. «Книга отображает жизнь солдатской массы и офицерства в эпоху империалистической войны и февральской революции». Автобиографические записки водолаза К. Золотовского «Подводные мастера» объёмом в 238 страниц всего за 3 руб. «В мелких рассказах проходит перед читателем труд и быт подводников ЭПРОН». Из детской литературы рекомендовали прочитать актуальную для милитаризованного сознания книжку Л. Будиновской «Санитарки». В ней «находит своё отражение жизнь пионерского отряда.

Лагерные приключения, санитарная учёба, переживания пионерки переданы в живой и увлекательной форме».

В бараке № 1 Совторгфлота готовились к оборудованию парового отопления. Сдана в эксплуатацию надстройка на здании Госбанка.

Порт завершал строительство второго жилого дома, семь квартир были уже заняты. Вышел третий номер многотиражной портовской газеты «Камчатский транспортник». Многотиражки на полуострове получали всё большее распространение. «К положительным качествам выпущенных номеров надо отнести правильный курс на освещение производственной жизни коллектива и на борьбу за улучшение материально-бытовых условий работающих... Из номера в номер газета бичует недостатки в деле материального и культурно-бытового обслуживания рабочих. В общем, курс газеты правильный».

23 ноября пришло известие о том, что пароход «Челюскин» продвинулся южнее своего прежнего положения и сейчас находится вблизи мыса Сердце-Камень.

26 ноября облисполком утвердил план работ по постройке грунтовой дороги от Петропавловска до Мильково стоимостью более двух миллионов рублей. Принято обращение к правительству о признании маршрутов Петропавловск — Большерецк и Петропавловск — Мильково дорогами всесоюзного значения с отпуском средств на их прокладку из госбюджета.

28 ноября отмечалось одиннадцатилетие со времени принятия комсомолом шефства над военно-морским, а потом и военно-воздушным флотами. По этому случаю политшколы изучали тему «История возникновения комсомола», на внеочередных собраниях прочитаны доклады о работе местной комсомолки. Усилена разъяснительная работа по сбору средств на приобретение самолёта «Камчатский комсомолец». В межсоюзном клубе открылась фотовыставка лучших комсомольцев-ударников и беспартийной молодёжи. А 26-го числа в Усть-Большерецке стартовал лыжный «военно-культурный» агитпробег до Петропавловска, организованный молодёжью западного побережья. Совершить его поручено активисту-физкультурнику В. С. Акшинскому. «Пробег должен мобилизовать население на укрепление военной работы и выполнение плана пушных заготовок». Обком ВЛКСМ постановил организовать комсомольский лыжный пробег по области по трём маршрутам. Их направления разрабатывались. Финишировать лыжники должны были 12 декабря. Задачи пробега: «развёртывание

подготовки к перевыборной кампании, практическая помощь в подготовке к рыбной путине, посевной и пушно-заготовительной кампаниям». Этот пробег должен послужить подготовкой ко всекамчатскому «звёздному», который назначили на конец зимы.

29 ноября бюро обкома ВЛКСМ, заслушав и обсудив доклад секретаря В. Д. Костко, постановило ознаменовать десятилетие камчатского комсомола сооружением в Петропавловске памятника В. И. Ленину, для чего немедленно приступить к сбору средств. Решено выпустить обращение «к пролетариям области», объявить конкурс на лучший проект памятника, сбор средств закончить к 1 мая 1934 г., а открытие приурочить к семнадцатой годовщине Октября.

В порту прошло собрание неграмотных и малограмотных. Тут же организована школа для их обучения, которая сразу приступила к работе.

На многих предприятиях Петропавловска и АКОграда состоялись митинги, посвящённые подготовке к XVII партсъезду. Коллективы постановили в ознаменование великого исторического события — съезда построения бесклассового социалистического общества — ещё с большей энергией и энтузиазмом биться за выполнение производственных планов. Все коллективы города включились в «Поход имени XVII съезда», приняв конкретные обязательства.

30 ноября городской и областной комитеты комсомола совместно с подшефниками сделали лыжную «вылазку» в Дальний совхоз для ознакомления с тамошним хозяйством и проведения «смычки».

4 декабря коллектив ТРАМ постановил присоединиться к походу за встречу XVII съезда. Решено в ударном порядке поставить к его открытию пьесу В. Катаева «Время, вперёд!», «рисующую патетику нашего социалистического строительства». Кроме этого, обещано наладить соревнование между цехами и отдельными сотрудниками, повысить квалификацию и упорно овладевать марксистско-ленинской теорией в кружках политучёбы. Своей задачей театр считал также помощь самодеятельным кружкам в художественном и идеологическом оформлении постановок, а также школам — в усвоении современной и классической литературы путём проведения художественных чтений. Коллектив поставил перед собой задачу добиться почётного звания «Рабочий театр имени XVII партсъезда», придать своему зданию вид, отвечающий его назначению. Здесь же, на собрании, проведена допол-

нительная подписка на заём, давшая за один раз 4 956 руб., из них сразу внесено 1 956.

Этим днём датировано постановление правительства — Совнаркома СССР — за подписью В. М. Молотова, непосредственно касающееся развития городского хозяйства: «В связи с расширением производства товаров широкого потребления и развёртыванием советской торговли... признать необходимым, начиная с 1934 г., при строительстве в городах и поселениях городского типа учреждений и жилых домов, имеющих более двух этажей, отводить первый этаж, а в двухэтажных домах — часть первого этажа под торговые помещения...»

5 декабря горсовет утвердил устав новой строительной организации — Коммунстроя. Горместхозу предложено не позднее 1 декабря передать ему все кредиты, имущество, незаконченные сооружения и прочее.

А вообще-то, ближе к концу года становилось понятно, что намеченное жилищно-коммунальное строительство будет сорвано. Причинами назывались полное отсутствие подготовки к сезону, нехватка рабочей силы, транспорта, материалов и позднее утверждение «центром» титульного списка и сумм кредитования. Из 1 515 000 руб., отпущенных на жильё, использовали только 22,5 %, из сумм, выделенных на коммунальное строительство, потратили лишь 17,2 %. Строительная программа оказалась выполнена на 17 %. Так что вновь организованному Коммунстрою было чем заняться. «Надо только, чтобы переход на новые рельсы не ограничился одной переменной названия, чтобы старые ошибки Горстроя были учтены и извлечены из них соответствующие уроки».

Вечером к зданию главной конторы АКО стекались комсомольцы горрайона. Они вместе с подшефными моряками пришли на торжественное заседание по случаю десятилетия камчатской комсомолки и одиннадцатилетия взятия комсомолом шефства над флотом. «В зале стоит неумолчный гул. Периодически он покрывается звуками духового оркестра. Входящих приветствует бодрыми, молодыми словами плакат: “Да здравствует камчатская организация комсомола — в день славной годовщины десятилетия!” Поднимается занавес. Торжественное заседание открывается приветствиями партийных, хозяйственных, профсоюзных организаций, военных частей. Играют Интернационал. Слово для доклада получает секретарь обкома ВЛКСМ Костко. Его краткие, ясные слова вызвали дружный взрыв аплодисментов. Снова гремит Интернационал. Торжественная часть завершена. Начинается

самодеятельный концерт: пение, пляски, декламация, национальные танцы камчадалов. Вечер завершился далеко за полночь».

6 декабря областное управление связи приглашало для возки почты на собачьих нартах по маршруту город — Коряки — Начики — Апача четырёх опытных каюров. Оплата по договорённости.

Горкомхоз довёл до сведения всех горожан и жителей окрестностей, что отныне начато погребение умерших на новом кладбище, разбитом за радиостанцией АКО (район нынешнего мужского монастыря на сопке Радиосвязи). Старое кладбище, что «рядом с горсадом», закрыто, и захоронение там категорически запрещается. Всем гражданам, имевшим на указанном кладбище могилы родственников, предлагалось перенести их на новое до 1 апреля 1934 г., «так как указанный участок будет отведён под благоустройство города».

Горбольница объявила, что ввиду отсутствия освещения амбулатория будет закрываться в пять вечера. Время приёма врачей перенесено на час раньше. Больница для открытия физиотерапевтического кабинета нуждалась в восьмидесятивольтовом аккумуляторе и миллиамперметрах.

8 декабря. Лозунг дня — «Навстречу XVII съезду!» Трудовые коллективы по традиции готовили подарки к предстоящему событию. «Одними словами» ограничился Камчатский радиоцентр: «Обязуемся принимать информацию по радио дополнительно, сверх расписания, по два часа в сутки, со скоростью шестьсот слов в час». Обязательство подписали радисты Некрасов, Г. и А. Гурины. Городской трансляционный узел обещал завершить скрещивание линий, идущих по Ленинской, Никольской и Таможенной улицам, для более ясной слышимости передач, оборудовать узел на шестьдесят точек в Петропавловском совхозе, переучесть все точки в городе и наладить их нормальное действие. Работницы детских яслей АКО, узнав об обязательствах, взятых городскими коллегами, провели у себя собрание, на котором решили уплотнить рабочий день пошивкой и починкой детского белья, обследовать домашние условия детишек и обеспечить стопроцентное посещение курсов ликбеза и кружка политграмоты. Долго обсуждали, что же они могут преподнести в подарок съезду, почтовый цех и экспедиция телеграфа. Решили: выработать и установить твёрдые контрольные сроки обработки корреспонденции и точное расписание хода почты, не считаясь со временем, обрабатывать всю корреспонденцию, прибывающую с материка и отправляемую на него, ранее ими же назначенного контрольного срока, полностью ликви-

дировать брак и обезличку, установить срок доставки газеты «Камчатская правда» по городу до девяти утра. Одним словом, почта намеревалась работать как часы.

9 декабря потребовалась помощь теперь уже «казакской» школе, точнее «казакскому отделению», недавно организованному при школе АКОграда (позже она называлась школой № 2 имени Л. Н. Толстого). Здесь занимались семнадцать человек. «Открытие школы было встречено ребятами с большим энтузиазмом. Пока ещё не было ни одного случая прогула или опоздания. Большая часть ребят — пионеры, остальные записались в отряд октябрят. Учебный план они обещают выполнить и перевыполнить. Плохо то, что пока ещё на казакскую школу мало обращают внимания. Учебников на казакском языке нет, не хватает части учебных пособий, горком ВЛКСМ не позаботился выделить пионервожатого для проведения работ в школе. Ребята-казаки очень хотят учиться, и будут хорошо учиться. Они просят только им помочь в самом начале». Просьбу подписал «казак» Иситаев.

Началась выдача паспортов в коллективах облисполкома, облотдела ОГПУ, пожарной команды, администрации АКО, городского строительства. Паспортный отдел приступил к обработке документов для машинно-тракторной станции, начал готовиться к их выдаче «неорганизованному» населению. По состоянию на 8 декабря в городе выдано сто восемьдесят два документа, готово ещё четыреста шестьдесят шесть. Уже получили паспорта коллективы порта, механических мастерских, артели «Камчатский портной» и КОГИЗ.

10 декабря редакция «Камчатской правды», «обращая внимание всех трудящихся области на громаднейшее политическое значение» организуемой центральной газетой «Правда» Всесоюзной Красной доски имени XVII съезда партии, открыла на своих страницах областную, камчатскую «Красную доску имени семнадцатого».

Работник газетно-журнального отдела Петропавловской конторы связи Чужих объявил себя ударником имени XVII съезда и обещал сдавать для рассылки «Камчатскую правду» по городу к семи часам утра, по области — к девяти, не считаясь со временем, производить разборку газет и журналов, довести темпы разборки центральных газет до пяти тысяч экземпляров в день. На соревнование он вызвал коллегу Дудина.

11 декабря постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) жителям Дальневосточного края повышена заработная плата: на 20 % —

рабочим и инженерно-техническому персоналу заводов, фабрик, транспорта и связи, машинно-тракторных станций, а также учителям, политпросветработникам, медперсоналу, агрономам, ветеринарам, агротехникам и землемерам; на 50 % — красноармейцам и младшим командирам; на 20 % — среднему, старшему и высшему начсоставу. По этому случаю на всех предприятиях и в учреждениях Петропавловска прошли исключительно многолюдные митинги, обсуждавшие этот документ, сопровождавшиеся принятием очередных производственных обязательств. Грузчик порта Григорьев заявил о закреплении на постоянной работе: «Партия и правительство изо дня в день заботятся об улучшении положения трудящихся. Камчатка — северная окраина Советского Союза — всё время была отстающей. Условия жизни и работы здесь труднее, чем в центральной части. Текучесть рабочей силы всё время была большой. Партия и правительство всё это учли и вынесли постановление о льготах для населения. Теперь слово за нами, мы обязаны на основе этого постановления превратить Камчатку в цветущую, передовую окраину Советского Союза и под руководством нашей партии, во главе с товарищем Сталиным, мы это сделаем. Я первый закрепляюсь на постоянную работу в порту. Вся бригада грузчиков должна сделать то же». Ему вторил рабкор-ударник, рабочий Коммунарства Михаил Алексеевич Татьянин: «Работаю ударными темпами и имею ударный билет. Я считаю, что постановление правительства о льготах трудящимся нашего края обязывает меня взять ряд дополнительных обязательств. Поэтому я объявляю себя ударником имени семнадцатого партсъезда и закрепляюсь на Камчатке на три года. Кроме того, обещаюсь поднять производительность труда на 15 % и снизить себестоимость на 9 %. Вместе с тем, будучи рабкором, я буду бороться со всеми ненормальностями на производстве и активно участвовать в работе печати».

Пришёл пароход «Охотск», доставивший снабжение, горючее, строительные материалы и новых рабочих.

У любого вновь прибывшего человека, смотревшего на Петропавловск с судовой палубы, поначалу создавалось впечатление, что город, хотя и невелик, но живописен и благоустроен. Сошедшего же на сушу охватывало горькое разочарование: его встречали немощёные улицы, отсутствие освещения, обледенелые тротуары и дороги, особенно подъёмы на улицу Партизанскую. Везти багаж было не на чем, да и некуда — гостиницы нет, а «жилкризис»

достиг «исключительных размеров». Водопровод, по существу, отсутствовал, канализации совсем не имелось, баня мала и часто бездействовала...

12 декабря в городе работала партия проектного института «Гипрогор»: велась топографическая съёмка, геологическое бурение, началось изыскание местных строительных материалов. Надежда, что город когда-нибудь станет коммунально благоустроенным, ещё оставалась...

14 декабря ночью портовая радиостанция приняла сигнал «SOS!» Взывали о помощи пароходы «Свердловск» и «Лейтенант Шмидт». «Охотск», стоявший у причала, немедленно вышел к месту аварии. «Свердловск» и «Лейтенант Шмидт» шли в Петропавловск из полярных рейсов, попали в полосу штормов. «Лейтенант Шмидт» потерял руль и винт. На сигналы бедствия подошёл «Свердловск» и взял «Шмидта» на буксир. Оба судна находились в районе острова Беринга и Усть-Камчатска. Свирепый шторм относил их на северо-восток. Суда находились в критическом состоянии, терпели большую нужду в угле и пресной воде.

Днём в порт пришёл ледорез «Литке» — флагман Северо-Восточной полярной экспедиции Наркомвода СССР под командой опытного ледового капитана А. П. Бочек, тоже возвратившийся из полярного плавания. В районе мыса Олюторского ледорез потерпел аварию. Одиннадцать месяцев тому назад он отправился в море из Петропавловска. В ноябре на обратном пути, хотя и встретился необычайно тяжёлый лёд, ледорез вывел из заторов четыре парохода. 10 ноября на «Литке» пришла телеграмма от начальника экспедиции на пароходе «Челюскин» профессора О. Ю. Шмидта с просьбой о помощи. Несмотря на ряд повреждений, капитан Бочек направил судно из бухты Провидения к «Челюскину». Неблагоприятные ветры совершенно изменили ледовую обстановку, ледорез не дошёл до дрейфующего парохода двадцать миль. 17 ноября «Литке» повернул обратно. Благодаря самоотверженной работе экипажа, особенно кочегаров, машинистов и механиков под руководством старшего механика Э. А. Фридвальда, аварийный краснознамённый ледорез благополучно дошёл до Петропавловского ковша.

А вот ещё одна печальная история, связанная с нахождением на судне. Убитые горем мать, муж, сестра, брат и племянники с прискорбием известили всех родных и знакомых о преждевременной смерти дорогой дочери, жены, сестры и тёти Зои Николаевны

Флетчер-Ивановой, следовавшей на пароходе «Орочон» 10 декабря в половине двенадцатого. Тело покойной до земли не довели, его погребли в Тихом океане...

15 декабря для оказания юридической помощи трудящимся Камчатский областной суд организовал консультацию при конторе АКО. Она работала в 10, 16, 20 и 26-й дни месяца с шести до полседьмого вечера. Бесплатно давались советы по трудовым, уголовным, гражданским вопросам, писались заявления и жалобы в суд и административные органы.

Хронометраж, проведённый по отделам горинтегралсоюза, дал неожиданные результаты: это учреждение оказалось первым в городе по «уплотнённости» рабочего дня. В среднем у здешнего сотрудника он длился пять часов сорок четыре минуты (при тогдашнем самом коротком в мире шестичасовом). Получалось, что здесь непроизводительно терялись всего лишь шестнадцать минут, тратившиеся на хождение в другие отделы за справками, так что его фактически нельзя было считать потерянным бесполезно. После завершения рабочего дня обследовательская бригада провела митинг, на котором сотрудники в очередной раз приняли обязательства: на сей раз не сдавать взятых темпов, чтобы к открытию XVII съезда добиться занесения на областную Красную доску. Кроме того, выработали ряд мер, направленных на дальнейшее «уплотнение».

16 декабря уже известный нам рабочий Коммунист Татянин, а также его товарищи Белов и Кошманов объявили о добровольной дополнительной подписке. «Мы... думаем, что правительство своим постановлением о льготах намного увеличивает наш заработок и заботится о том, чтобы рабочему жилось хорошо. Надо и нам помочь государству. Зарабатывать будем больше, стало быть, можем дополнительно дать займы на выполнение планов второй пятилетки... Государство заботится о нас, товарищи, увеличивает наш заработок, дадим же дополнительно ему займы!»

18 декабря пришла радиogramма с «Охотска»: ни «Свердловска», ни «Лейтенанта Шмидта» он не обнаружил. Сильный шторм отнёс их в сторону, и в течение суток «Охотск» тщетно пытался связаться с ними. Наконец удалось подойти, но из-за сильного шторма долгое время не удавалось завести буксир. Это сделали с большим усилием и риском, и все три парохода направились в Петропавловск, борясь с сильным штормом. С «Охотска» просили порт давать с маяка световые и звуковые сигналы, так как

ветер и снег скрывали берег, из-за чего караван мог не найти входа в Авачинскую губу. Необходимые меры были приняты, но зайти в ворота суда так и не сумели.

20 декабря с площади Свободы стартовали военно-физкультурные агитпробеги до Большерецка и Усть-Камчатска.

ТРАМ давал пьесу Н. А. Зархи «Улица радости». Её выбор зрителями признан удачным. «В эпоху бурного подъёма Советского Союза показ жизни по ту сторону рубежа, особенно в связи с экономическим кризисом, имеет огромное значение. Ударниками предприятий, пограничниками, краснофлотцами, моряками с ледореза “Литке”, наполнившим зрительный зал, пьеса была встречена с огромным вниманием. Большой заслугой коллектива артистов является тщательная подготовка спектакля и безупречная сыгранность, позволившая им вести за собой массу зрителей во всё время действия. Игра, безусловно, “доходила” до зрителя». Увиденное впечатлило. Отдельные сцены бурно обсуждались в антрактах и после спектакля на улице. Отмечена игра артистов Баровицкой, Карина, Гловацкого, общее одобрение заслужил артист Заботин, неплохо справились со своими ролями Славский и Южин. «Высокое качество игры необходимо отметить у всего состава труппы, не исключая второстепенных исполнителей, как, например, безработный с гитарой (артист Степанов). Во всём спектакле чувствуется умелая рука режиссера театра Гловацкого». Краснофлотец Дёмин отозвался вначале по-военному кратко: «Это лучше трёх докладов», а затем пояснил: «Когда я просмотрел “Улицу радости”, я только впервые ясно почувствовал существо капиталистического кризиса. Очень хорошо и правдиво передано. За выбор пьесы театру надо сказать спасибо. Вообще из пьесы как-то всё более наглядно, чем из книг или из докладов. Так, например, знаешь, что партия лейбористов — соглашательская, а в чём выражается эта её соглашательская политика — не всегда глубоко понятно. Но вот, увидавши Хилтона, проследив, как он руководит забастовкой, суть политики “рабочей” партии сразу становится ясной. Артисты хорошо играли, об этом говорить не приходится. Конечно, я не видал в жизни никаких таких полисменов вроде Барабоссы и всяких мистеров Мэксонов, но артисты сумели представить их как живых, почему и осталось такое хорошее впечатление. Побольше таких пьес... — вот что я скажу рабочему театру».

21 декабря вечером в театре открылась первая камчатская областная партийная конференция. На неё собрались около сотни

делегатов из всех районов области. Вначале партийный форум намечался на 15-е число, но был отложен на шесть дней из-за неприбытия ввиду непогоды многих участников. Из приветствия обкома ВЛКСМ: «Любимому вождю — Всесоюзной партии большевиков в день открытия первой камчатской облпартконференции — пламенный привет от комсомольского племени Камчатки! Товарищ партия, под твоим испытанным руководством мы сумели за период времени со второй окрпартконференции мобилизовать свои главные силы, сосредоточить их на основных участках социалистического строительства — на рыбе, на лесе, на пушнине...»

22 декабря пароходы продолжали штормовать вблизи Петропавловска. «Свердловск» находился в районе мыса Поворотного, имел очень малый ход. «Лейтенант Шмидт» дрейфовал у камней Три Сестры в двух милях от берега под шквальным ветром от норд-оста. «Охотск» не мог принять буксир с него и держался рядом со «Шмидтом». Сильная зыбь мешала «Литке» выйти из губы им на помощь.

23—24 декабря штормовая эпопея благополучно завершилась. «Литке» вышел в море, у острова Топорков настиг «Свердловск» и взял его на крепкий буксир. Шедший с грузом угля из Владивостока пароход «Яна» подошёл к дрейфующему «Шмидту» и тоже принял его на буксир. 23-го в половине четвёртого дня «Литке» вошёл вместе с аварийным «Свердловском» в Авачинскую губу, 24-го прибыла «Яна» со «Шмидтом».

В ходе партконференции внеочередное слово предоставлено начальнику облотдела ОГПУ А. П. Льву, сообщившему о результатах героической борьбы со стихией экипажей «Литке», «Свердловска» и «Шмидта». Конференция бурными аплодисментами приветствовала его слова, решив послать делегацию для встречи судов во главе с профсоюзным вождём А. С. Востриковым.

Петропавловский вечерний рабфак в связи с расформированием Дальрыбвтуза реорганизован в рыбный техникум. Но это учебное заведение просуществовало непродолжительное время и в основном на бумаге.

25 декабря партконференция громом аплодисментов встретила весть о том, что её пришли приветствовать бойцы и командиры погранотряда. Заседание прервалось, делегаты построились в колонну и отправились на площадь Свободы, где собрались стражи границ. Боец Холод отрапортовал: «Империалисты пытаются спровоцировать Советский Союз на войну и усиленно вооружаются, готова нападение. Мы, пограничники, и вся армия начеку.

Мы заверяем областную партконференцию, что в случае необходимости готовы не только дать необходимый отпор, но и разгромить противника». Его последние слова утонули в шуме аплодисментов и троекратном «Ура!» С ответным словом выступил делегат Пошехонов.

На очередном заседании конференции оглашён рапорт экипажа парохода «Яна» (капитан Книжников): «Обязательство своё мы выполнили. “Лейтенант Шмидт” спасён и благополучно доставлен в Петропавловский порт».

26 декабря на областную Красную доску имени XVII съезда по постановлению конференции занесены экипажи пароходов «Литке», «Свердловск», «Лейтенант Шмидт» и «Яна», «показавшие блестящие образцы большевистской выдержки, стойкости и самоотверженности». Кроме того, вписан весь наличный состав Северной экспедиции «за его беспримерную, большевистскую работу по социалистическому освоению полярных окраин». Моряки и экспедиция также представлены к занесению на краевую и Всесоюзную доски.

Комсостав запаса РККА, занимавшийся на курсах Осоавиахи-ма, предложил организовать в области сбор средств на постройку самолёта «Имени семнадцатого партсъезда» с тем, чтобы завершить его к шестнадцатой годовщине Красной Армии, то есть к 23 февраля будущего года. «Это мероприятие, как способствующее усилению дела социалистического строительства, будет ценным подарком партсъезду и армии».

Наркоминдел СССР объявил всем заинтересованным, что в Петропавловске учреждено постоянное дипломатическое агентство с консульской деятельностью на всём полуострове. Его временный адрес: улица Партизанская, 20, телефон 8.

27 декабря с «Челюскина» сообщили, что всё время дрейфуют почти на одном месте. Ветер северо-восточный, четыре балла, вокруг сплошной торосистый лёд.

28 декабря прошёл пленум горсовета. Говорили о проведении отчётно-довыборной кампании, утверждали городской бюджет на новый год и план работ на его первый квартал.

В 1934 г. на жилищное строительство намеревались отпустить уже 6 865 000 руб., а на капитальный ремонт — ещё 90 000. В число строившихся включены шесть жилых домов (кроме ведомственных), Дом Советов, здание фабрично-заводской школы на шестьсот сорок учеников, Центральный Дом детских учреждений на сто пятьдесят человек и театр на шестьсот мест, больничный

городок (заразный, терапевтический и хирургический корпуса, роддом, амбулатория, морг, кухня и прачечная). По словам заведующего отделом областного коммунального хозяйства и областного инженера А. В. Куйбышева, «уже сейчас начаты разведки местных стройматериалов, местонахождения их, а с весны 1934 г. изыскания и разработки будут развиты до максимума... В 1934 г. должно быть не менее 50 % строительства произведено из местных материалов. С 1934 г. должна быть разрешена проблема вывоза леса из долины реки Камчатки».

31 декабря по всем трудовым коллективам состоялись вечера, посвящённые... нет, вовсе не новогодним торжествам, как можно было бы подумать, а итогам выполнения производственных планов.

При подготовке очерка использованы материалы из фондов
Камчатского краевого объединённого музея.

КАМЧАТСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ (1917—1991)

Окончание. Начало в седьмом выпуске

Тагаев Геннадий Константинович (1900), муж вдовы В. М. Кручины. Из духовенства, образование низшее. В большевистской партии с 1918 г. В декабре 1925 г. — секретарь Анадырского уревкома, в 1927 г. — секретарь ячейки ВКП(б) в пос. Анадырь.

Таланцев Степан Васильевич (43 года на конец мая 1919), кандидат к гласным 5-й ПГД; в феврале 1922 г., согласно официальному списку, участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. В конце того же года после восстановления советской власти в областном центре выехал на пароходе «Сипшан» во Владивосток.

Таннель Рива Абрамовна (1912), 6.09.1940 утверждена уполномоченной чукотского окрлита (цензура). Из служащих, еврейка, окончила семь классов и шестимесячные бухгалтерские курсы. В ВЛКСМ с 1936, в ВКП(б) — с октября 1939 г. В 1929—1931 гг. — ученица швейной мастерской в г. Днепропетровске, в 1931—1937 гг. — там же на заводе им. Ленина, рабочая, конторщица-счетовод, затем бухгалтер финотдела в управлении железной дороги. С 1937 г. — бухгалтер отделения Госбанка в г. Петропавловске-Камчатском. В сентябре того же года назначена заведующей отделом Анадырского РК ВЛКСМ. С декабря 1944 г. — инструктор отдела торговли и общепита КО ВКП(б).

Танский Семён Гаврилович (1.04.1918, с. Вострово Волчихинского района Алтайского края), с 15.10.1965 по декабрь 1979 г. секретарь КОК КПСС по идеологии. Из крестьян, окончил школу коммунистической молодёжи, рабфак Красноярского лесотехнического института; в 1950—1953 гг. ВПШ при ЦК КПСС. Вступил в КПСС в декабре 1942 г. Отец умер в 1919 г. Мать вступила в колхоз и проработала до пенсии. В 1935—1938 гг. — учитель в Алтайском крае, с 1938 по 1940 г. служил в РККА в Приморье, рядовой-разведчик, преподавал русский язык на курсах младших лейтенантов, заведовал библиотекой 157-го арtpолка 22-й стрелковой дивизии 1-й Краснознамённой армии. В 1940—1941 гг. — школьный инспектор в г. Екатеринославле Амурской области. В 1941—1942 гг. — там же секретарь Октябрьского РК ВЛКСМ. С 1942 по 1943 г. — помощник начальника политсектора Амурского областного земельного отдела по комсомолу в г. Благовещенске.

В 1943—1950 гг. — секретарь Амурского ОК ВЛКСМ, затем по 1954 г. — заведующий отделом школ и вузов Амурского ОК КПСС. В 1954—1955 гг. — второй, первый секретарь Михайловского РК КПСС в г. Поярково Амурской области, с 1955 по 1962 г. — заведующий отделом партийных органов Амурского ОК КПСС, в 1962—1965 гг. — секретарь ОК. С декабря 1979 по 10 мая 1988 г. — председатель парткомиссии при КОК КПСС. Награждён тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта». Персональный пенсионер союзного значения.

Тарасов И. Д., с 3.12.1940 по 4.04.1946 председатель Камчатского облрадиокомитета. До этого — редактор многотиражки Карагинского рыбокомбината АКО.

Тарасов Павел Игнатьевич (1895), в 1938 г. заведующий финансовым отделом г. Петропавловска-Камчатского. Из крестьян, русский, образование низшее. В ВКП(б) с 1932 г. С 1916 по 1918 г. служил «в старой армии», затем по 1923 г. — в РККА. 21 мая 1938 г. арестован, а 9 июня исключён из ВКП(б). Никаких обвинений не предъявлялось. 9 ноября 1938 г. освобождён по прекращении дела. Восстановлен в партии 22 ноября 1939 г.

Татаровский Александр Николаевич, в 1921—1922 гг. адъютант генерала Полякова. Корнет. Находился во враждебных отношениях с Х. П. Биричем. 29 апреля 1922 г. выехал в г. Владивосток на пароходе «Охотск».

Телятьев Константин Степанович (1878, Забайкалье), с 10 декабря 1917 г. член ПГС, его представитель в ОК. Русский, из семьи псаломщика. При отце жил до одиннадцати лет, затем окончил Нерчинское духовное училище и Иркутскую духовную семинарию. Служил в г. Иркутске в городской управе канцеляристом. На Камчатке с 1906 г. До 1916 г. учительствовал, после чего мобилизован в армию, попал в 730-ю Оренбургскую пешую дружину. В январе 1917 г. произведён в прапорщики. В июне — августе 1917 г., по сведениям ОГПУ, состоял в партии республиканцев-федералистов, из которой выбыл в связи с отъездом на Камчатку. 24 ноября 1917 г. избран товарищем (заместителем) председателя комитета Камчатской местной воинской команды. 17 декабря 1917 г. на заседании ПГС предложил ему всем составом слиться с ОК, но поддержан не был. По январь 1918 г. служил в местной команде, затем вернулся к учительству. Имел дом, два амбара, баню, стайку, три рабочие лошади, две дойные и три молодые коровы, нарту собак, рыболовные и охотничьи снасти. По словам председателя сельсовета Бобряка, «на советскую власть не обра-

щал внимания, притаился... даже всё время хранил мундир офицера с погонами и папаху с кокардой, ожидая, скоро ли будет конец советкой власти. Разлагая колхоз, вёл агитацию против колхозного строительства, имел большую связь с группой кулаков и подкулачников». 23 августа 1931 г. у него дома заместитель председателя сельсовета Василий Яковлевич Демидов по поручению уполномоченного КОО ОГПУ Филинова произвёл обыск, в результате которого было изъято: «три золотых кольца, спутник прапорщика, костюм, френч защитного цвета, погоны прапорщика, 3 шт., папаху с кокардой, барашка миринос, брюки диаганалевые, одна пара, винчестер 44 калибра и 25 шт. патронов к нему, винчестер калибра 50-110 и к нему патрон 50 шт., централка, патрон к русской бердане 43 шт., патрон к револьверу “Наган” 168 шт., патрон калибра 30-30 10 шт., патрон к револьверу системы “Смит-Вессон” 320 шт., фотокарточек 10 шт., портрет царя Петра I (Великий) 1 шт. [Уничтожен], писем разных 25 шт., брошюра и разных бумаг 6 шт. [Письма возвращены]. Претензии обыска и на исчезновение предметов Т. не предъявлял». Проходил по одному делу с И. Ф. Потаповым и по аналогичной статье УК РСФСР, получил такой же срок. По словам жены Зинаиды Иринарховны, которой сообщили однодельцы Т., он умер в заключении. Реабилитирован Камчатским областным судом 15 июля 1964 г. Его сын Витольд (1925 г. р., комсомолец в 1943—1946 гг., член ВКП(б) с 1946 г.), председатель рабочкома Лазовского леспромхоза, утверждённый Мильковским РК КПСС 7 марта 1955 г., писал за два дня до этого в автобиографии: «Отец... до революции учитель, после революции — учитель. В 1931 г. арестован, после этого о нём ничего не известно. С 1932 г. с матерью и старшими членами семьи с Камчатки выехали и до 1934 г. жили на разъезде Кандалик, где старший брат работал по командировке кирпичного завода. С 1934 по 1942 г. с матерью и старшими членами семьи жили на прииске Юбилейный Читинской области Зейского района. Окончил семь классов неполной средней школы, а с 1941 по 1942 г. работал на прииске Ельничном в 21 км от Юбилейного. С 1942 по 1950 г. служил в СА. В армии кончил школу снайперов. В 1945 г. участвовал в боях против японских империалистов в Маньчжурии, а потом в освобождении Южного Сахалина в звании младший сержант, командир отделения. В 1950—1951 гг. — заведующий учётом Зейско-Уссурийского районного уполномоченного Минзаготовок. В 1951—1953 гг. — физрук школы посёлка Гулик Зейского района, в 1953 г. — рабочий рыбокомбината им. Микояна

Усть-Большерецкого района, с октября 1953 г. — рабочий леспромхоза им. Лазо... Мать находится на прииске Ельничном... у старшего сына (моего брата). Один старший брат и старшая сестра погибли во время Великой Отечественной войны».

Темнов Наум Самойлович (1902), *чекист*. По одним данным, из рабочих, по другим — из служащих. Еврей. Вступил в большевистскую партию в 1921 г. В Красной Армии с 1919, в ОГПУ — с 1924 г. В 1929 г. — помощник уполномоченного Камчатского погранотряда, временный секретарь партбюро коллектива.

Терский Владимир Нестерович (1889, Московская губерния), *чекист*. В сентябре 1938 г. уволен из НКВД и исключён из ВКП(б) как социально чуждый элемент (сын помещика), «обманным путём пролезший в партию и органы НКВД».

Теряева Галина Васильевна (1926), во второй половине 1960 — начале 1970-х гг. заведующая отделом народного образования г. Петропавловска-Камчатского. Из служащих, русская, образование высшее. В КПСС с июня 1959 г. Награждена орденом «Знак Почёта», знаком «Отличник народного просвещения РСФСР».

Тимаков Серафим Захарович (1906), в 1940 г. заместитель председателя КОИК, в 1938—1940 гг. председатель облплана. Из служащих, русский, образование высшее. В ВКП(б) вступил в мае 1926 г. Трудовой стаж с 1921 г.

Тимонькин В., член ПГС первого (10.12.1917) и второго (20.04.1918) созывов. 27 августа 1917 г. избран секретарём образованного в тот день Рабочего союза (председатель грузчик П. Я. Румянцев). С 17 декабря 1917 г. вместе с Л. Ф. Киселёвым и Г. Лисовым представитель ПГС в областном продовольственном комитете.

Тимофеев Александр Васильевич (1910, с. Николаевка Еврейской АО), в 1936—1939 гг. помощник оперуполномоченного КОУ НКВД. Из крестьян, русский, образование низшее. Вступил в ВЛКСМ в 1927, принят в кандидаты ВКП(б) в 1939, в члены — в 1941 г. В 1925—1926 и в 1928—1929 гг. — возчик на лесозаготовках в г. Берикан Хабаровского края. В 1926—1928 гг. учился в школе коммунистической молодёжи в с. Переяславке того же края. С 1929 по 1930 г. — продавец, завмаг Хабаровского центрального рабочего кооператива, в 1930—1931 гг. — в г. Новосибирске в Далькрайсоюзе, уполномоченный по снабжению. В 1931—1932 гг. — культпроп Чукотского окружка ВЛКСМ, с 1932 по 1934 г. — там же, начальник РКМ. В 1934—1936 гг. — в Усть-Камчатске, шифровальщик МПО. В 1938 г. объявлен строгий выговор по комсомольской линии за дебош в пьяном виде. В 1956 г. — начальник отдела

режима и оперработы УИТЛК УМВД Хабаровского края. Допрошенный 12 июля 1956 г. по делам 1930-х гг., заявил: «Я сам пролил себя и свою мать, что мне пришлось работать в тот период».

Титаренко Михаил Емельянович (1899), в 1929 г. начальник Усть-Камчатского МКПП ОГПУ — преемник Дусеева. Из рабочих, сын кузнеца, русский, образование низшее, учился в железнодорожном училище. Вступил в большевистскую партию в апреле 1917 г. До ноября 1917 г. работал на заводе в г. Луганске. При партчистке 1929 г. сообщил о себе: «Сдал пробу на слесаря. В 17-м году втянут в партийную работу. Был на побегушках, носил газеты, писал плакаты. С декабря 1917 г. были стычки с казаками, неоднократно участвовал в боевых выступлениях, был в составе комендантской команды г. Луганска. Был в конной разведке дивизии Дыбенко. Весной 1919 г. ранен в Маршанском бою, по выздоровлении попал на артиллерийские курсы в Харькове. При отступлении попал в партизанский отряд. Перешёл на бронепоезд начальником пулемётной команды. Был ранен. Осенью приехал из Брянска в Москву на шестинедельные курсы партотдела. После работал в боевой обстановке разных частей, получил серебряные часы за хорошую работу. Был начальником отряда в Крыму по борьбе с бандитизмом. Потом перешёл в погранчасти. В 1926—1927 гг. был в высшей пограншколе, которую окончил. С 1927 г. работал комендантом погранучастка на Сахалине». Вопрос: «Были ли партвзыскания?» Ответ: «Нет. Были дисциплинарные за физическое воздействие во время допроса». Вопрос: «Почему был взорван броневик?» Ответ: «Окружили дроздовцы». Вопрос: «Как вышли из окружения?» Ответ: «Вышли с боем». Вопрос: «Когда было взыскание?» Ответ: «Точно не помню». Вопрос: «Допускается ли кулак в коллектив?» Ответ: «Я бы не допустил, думаю, что нет». Вопрос: «Чем объясняется наступление кулака?» Ответ: «Я думаю, что наступление началось с момента изъятия земли». Вопрос: «А в последнее время?» Ответ: «Не помню... Выписываю “Правду”, “Большевик”, художественные журналы, изучаю минералогию... При советской власти кулаку — гроб... Не пью». Вопрос: «Что из себя представляет жена?» Ответ: «Маленькая мещаночка». Вопрос: «Принимала ли участие в общественной работе?» Ответ: «Возилась с женщинами, играла на сцене». Вопрос: «Удовлетворяет ли служба в ГПУ и служебное положение?» Ответ: «Удовлетворяет, считаю, что на своём месте». Реплика Южно: «Знал по школе два года назад, связь с массой была». Реплика беспартийного Добржанского: «Знал шесть лет тому назад по Крыму.

Тов. Т. хороший, рубаха. Горячий. Преданный чекист. Общественной работы вести тогда не приходилось, вся работа заключалась в борьбе с бандитизмом». Т.: «Считаю себя грубым, считаю, что жёсткость чаще помогает. Взаимоотношения с партийцами и красноармейцами хорошие. Стараюсь развиваться. Изучаю минералогию. Работал среди населения. По службе благополучно. Взаимоотношения с администрацией хорошие». Фёдоров: «Вывод сейчас делать нельзя, так как тов. Т. только что приехал в отряд, человек новый, его мало кто знает». 2 марта 1931 г. Т. как начальник Усть-Камчатского МКПП сообщал секретарю райкома ВКП(б): «Со стороны рабочих имеется большое недовольство администрацией (РКЗ № 1 АКО. — В. П.) за снабжение без нормы продовольствием и мануфактурой. Установлено, что жена Гольдберга и Пистунова берут без нормы продукты и мануфактуру и таскают по нескольку узлов к жене завхоза Анциферова для шитья. Пользуется также без нормы Загоскин (моррагент) и Волюнкин (предзавкома), у которых не переводится ни масло, ни вино».

Титов, в 1938 г. начальник КП НКВД на Чукотке. По документам КОК ВКП(б) из выборки Н. Савина за 5 июня 1938 г., «занимался систематическим пьянством; пьянствуя вместе с работниками АКОснабторга, покрывал их вредительскую деятельность, устраивал коллективное сожительство с националками-чукчами Марусей и другими, предварительно напивая их до потери сознания спиртом; никакой борьбы с контрреволюционными элементами не проводил».

Тихонова Мария Васильевна (1922, с. Ивановское Нижегородской губ.), с 1959 по 1981 г. начальник КОУ по охране военной и государственной тайн в печати (цензура), сменила К. М. Кузнецову. Из служащих, образование неполное высшее, а также Горьковская межобластная партшкола в 1946—1948 гг. и заочная ВПП при ЦК КПСС в 1961 г. В ВКП(б) с февраля 1946 г. В 1942—1943 гг. — инструктор райсобеса в г. Арзамасе. В 1943—1944 гг. — старший инспектор отдела гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих. В 1945—1946 гг. — заместитель председателя РИК в Горьковской области, там же заведующая отделом. В 1948—1959 гг. — инструктор КОК партии, в 1955—1956 гг. — там же заведующая сектором пропаганды.

Тихонович Виктор Львович (1904), с 1949 г. начальник КО почта.м.т. Украинец, образование высшее. В ВКП(б) с ноября 1944 г. Участник войны с Японией.

Тищенко Александр Григорьевич (28.03.1950, с. Черноберёзовка Архаринского района Амурской области), с 17.12.1975 по 25.10.1979 первый секретарь ПГК ВЛКСМ. Русский, образование высшее, окончил Дальрыбвтуз. С февраля 1972 по март 1974 г. — мастер добычи, помощник капитана по добыче на судах Океанрыбфлота, затем — заместитель секретаря, а с июля 1974 г. — избран секретарём комсомольской организации Управления тралового и рефрижераторного флота.

Ткаченко Антон Михайлович, делегат 1-го камчатского областного съезда 1917 г. от острова Беринга, кандидат к гласным 4-й ПГД 1920 г. По профессии фельдшер. В 1919 г. петропавловский городской аукционист. 2 августа 1919 г. назначен секретарём Петропавловской уездной милиции, 14 августа этот приказ отменён. В ноябре 1919 г. — член городской управы, в его ведение входили хозяйственный, земельный, водный и пожарный отделы, городское имущество, касса и кассовые отчёты. Согласно показаниям И. Поддругина госполитохране в Козыревске в октябре 1922 г., в Петропавловске на празднествах по случаю очередной годовщины разгрома англо-французского десанта мильковский фельдшер Т. принимал участие в хоре в произнесении многолетия дому Романовых и пел гимн Российской Империи «Боже, Царя храни...»

Ткачёв Георгий Ильич (1905), чекист. В ВКП(б) с 1927 г. В 1937 г. служил на Камчатке помощником начальника 3-го отделения КОУ НКВД в звании лейтенанта ГБ. Уволен из органов по ст. 38, п. «в» с должности начальника Бикинского РО НКВД в июле 1939 г.

Ткачук Василий Николаевич (1945), в конце 1980-х гг. начальник КОУ культуры. Украинец, образование высшее. В КПСС с 1972 г. В 1985 г. — секретарь Октябрьского РК КПСС г. Петропавловска-Камчатского.

Тозер Геня Наумовна (1912), в 1937—1938 гг. инструктор низового вещания Камчатского областного радиокomiteта. Из крестьян, еврейка, образование среднее. Вступила в комсомол в 1931, кандидат ВКП(б) с февраля 1939 г. В 1930—1931 гг. — чернорабочая-каменщица в г. Харькове, в 1931—1935 гг. — там же ученица-копировальщица Госпроектстроя; ученица-чертёжница; работница военного учёта на фабрике-кухне Харьковского подшипникового завода. В 1935 г. — студентка четвёртого курса Харьковского стройрабфака. С 1935 по 1937 г. — в том же городе чертёжница-конструктор в институте металлов. В 1937 г. приехала на Камчатку, работала десятником-строителем на Микояновском

рыбокомбинате АКО. С 1938 г. — технический работник парткабинета политсектора АКО.

Токаревский А. П., бывший учитель, военный руководитель июльского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Поручик. 27 июля 1918 г. милиция составила на него протокол за появление в общественном месте в нетрезвом виде. В сентябре того же года покинул Камчатку. Вместо него комендантом города был назначен Василий Александрович Крупенин. 5 июля 1919 г. Т. телеграфировал из Омска: «Вся Россия охвачена патриотическим чувством, кроме войск, губернии организуют партизанские отряды, посылая их на борьбу с большевиками. До сих пор Камчатка молчит. Обратитесь к чуткому сердцу казаков, пусть примут участие в героической борьбе за неделимость страны, выставьте отряд в сто-полтораста партизанов. Если надо — приеду».

Токманцев Николай Яковлевич (1936), в 1988 г. первый заместитель председателя КОИК и председатель агропромышленного комплекса. Русский, кандидат экономических наук. В КПСС вступил в июне 1964 г. В 1971 г. — начальник пищеблока КОИК. Далее в 1970-х и первой половине 1980-х гг. — заместитель председателя КОИК. Награждён двумя орденами «Знак Почёта».

Толстихин Василий Иннокентьевич (1875, с. Тигиль — 25.05.1938, г. Петропавловск-Камчатский), летом 1918 г. конвоировал арестованных и высланных с Камчатки совдеповцев до Владивостока. Из казаков, русский, образование низшее. На момент ареста 9 октября 1937 г. работал в своём хозяйстве. 17 марта 1938 г. тройка УНКВД по ДВК приговорила к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян. Реабилитирован прокуратурой КО 22 июня 1989 г.

Толстихин Василий Афанасьевич (1898), в 1922 г. член хайрюзовской дружины самообороны М. И. Писни. Из казаков. Дед и отец, оба охотники, имели своё хозяйство. Русский. Учитель. С 1914 по 1916 г. занимался во второклассном училище, возглавляемом протопопом Даниилом. В 1918 г. окончил учительскую семинарию в г. Владивостоке (на Седанке). Кандидат большевистской партии с марта 1926 г. В 1918—1921 гг. преподавал в начальной школе с. Тигиль, в 1921 г. одновременно работал секретарём волревкома. «В 1921 г. с появлением на Камчатке биричевских и бочкарёвских банд, — писал он 25 января 1926 г. в документе “Моя биография”, — я оставил школу и около двух лет, не имея определённых занятий, жил то в Тигиле, то Ковране, то Хайрюзово, то опять в Тигиле. С появлением в Тигиле белых я поступил

в хайрюзовский партизанский отряд. В силу весенней распутицы и занятия белыми в Тигиле телеграфа, отряду не удалось узнать численность банды. Телеграммы из Тигиля в Хайрюзово об аресте главарей партизанского отряда, а также отказ хайрюзовцев от борьбы с белыми заставили несколько товарищей, в том числе и меня, оставить Хайрюзово и скрыться сначала в горах, а затем перевалить через хребет в Козыревск, оттуда в Усть-Камчатск. Здесь пришлось пробыть до августа, пока нам не удалось узнать численности белых в Тигиле. Когда же выяснилось, что их было не больше семи человек, мы тем же путём отправились назад. Белых уже не застали, с ними тигильцы уже расправились. Первое время по возвращении я жил в Ковране, а затем в Хайрюзово, добывал средства к пропитанию семьи продажей дров, подвозкой и перевозкой грузов и другими случайными заработками. С ликвидацией на Камчатке белых я весной 1923 г. вернулся обратно в Тигиль и осенью того же года поступил на учительскую службу...» Преподавал там, а также в с. Седанка Тигильской волости.

Толстухин Иннокентий Афанасьевич (1902, с. Тигиль), брат предыдущего. Из крестьян, русский. Семь лет (с 1912 по 1919 г.) учился в сельской школе и два года в ПВНУ. Кандидат ВКП(б) с 12 марта 1926 г. Основная профессия — телеграфист. Из его автобиографии: «В 1922 г. в январе был избран сельским волостным старостой, где служил до занятия Тигиля белыми бандами Бочкарёва. После ликвидации белых в Тигиле в сентябре 1922 г., состоя в *партизанском отряде*, занял должность врио телеграфиста на месте признанного нашим партизанским отрядом политически неблагонадёжным бывшего заведывающего тогда отделением». В 1925 г. Т. — председатель Тигильского волревкома. На момент ареста 7 ноября 1937 г. — помощник начальника Тигильского районного отделения связи. 14 декабря 1937 г. тройкой УНКВД по ДВК приговорён по ст. 58-14 УК РСФСР к десяти годам лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 19 мая 1989 г.

Толстухин Иннокентий Афанасьевич (умер в декабре 1919), осенью 1918 г. за секретаря Петропавловского окружного суда. Затем назначен секретарём милиции Анадырского уезда. С 25 декабря 1918 г. до отъезда к месту службы — в канцелярии Петропавловской уездной милиции. В 1919 г. — секретарь управляющего Анадырским уездом Громова. Вместе с ним и мировым судьёй Суздалевым расстрелян после советского переворота, руководимого большевиком Мандриковым.

Толстихин Пётр Иннокентьевич (1858, с. Тигиль, Камчатка), в 1918 г. старшина селения Тигиль. Из казаков, камчадал, окончил церковноприходскую школу. В своё время служил в армии казаком-кавалеристом. В Петропавловске при царе состоял заведующим складом военного ведомства. На момент ареста 30 июля 1931 г. охотник-промысловик. Имел дом площадью 15 квадратных сажен, лошадь, две коровы и два телёнка. Виновным себя по ст. 58-2-11 УК РСФСР не признал. В августе 1932 г. освобождён из хабаровской тюрьмы ввиду «преклонного возраста, тяжёлой болезни, малозначительности и отсутствия вредных последствий от совершённых преступлений». Пропал без вести по пути на Камчатку. Реабилитирован Генпрокуратурой РФ 5 марта 2002 г. Его внук Юрий Герасимович Попов был научным консультантом Книги Памяти жертв политических репрессий КО «Из тьмы забвения...» (2010).

Толстых Юрий Владимирович (1936), в 1988 г. председатель КОК народного контроля. Русский, образование высшее. Вступил в КПСС в 1963 г. В 1974 г. — заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы КОК КПСС. Награждён двумя орденами «Знак Почёта».

Томаровский, при белых в конце 1921 или начале 1922 г. (до П. Д. Пояркова) заведовал контрразведкой в г. Петропавловскена-Камчатке. Корнет.

Томилов Александр Андреевич (апр. 1924, с. Белокаменка Семипалатинской области), в 1976—1988 гг. начальник КОУ издательств, полиграфии и книжной торговли. Из крестьян, русский. В ВКП(б) с июня 1947 г. С 1940 г. по сентябрь 1942 г. — счетовод в родном селе в колхозе им. Ворошилова. В 1942—1950 гг. служил в ВМФ. С 1950 по 1952 г. — инструктор Центрального РК, секретарь партбюро завода ножевых изделий в г. Комсомольске-на-Амуре. В 1952—1955 гг. — секретарь партбюро Ново-Олюторского рыбокомбината на Камчатке, затем по 1956 г. — заместитель секретаря партбюро Корфского рыбокомбината. В 1956—1958 гг. — заведующий промышленным и организационным отделами Олюторского РК КПСС. С 1958 по 1962 г. учился в Хабаровской ВПШ. В 1962—1963 гг. — инструктор отдела парторганов КОК КПСС. В 1964—1967 гг. — председатель Олюторского РИК. С 1967 по 1973 г. — первый секретарь Усть-Большерецкого РК КПСС. В 1973—1975 гг. — заместитель начальника Камчатрыбфлота. 21 апреля 1981 г. избран председателем КО правления Добровольного общества книголюбов РСФСР. Капитан-

лейтенант запаса. Награждён орденом Трудового Красного Знамени и одиннадцатью медалями. Персональный пенсионер союзного значения.

Томский Гавриил Иванович (1901, г. Петропавловск-на-Камчатке — 26.08.1938, там же), в феврале 1922 г. в группе В. Г. Крупенина охранял с. Сероглазка от красных партизан. Из рыбаков-охотников, русский, грамотный. В 1918 (1919) г. служил в местной воинской команде. 15 февраля 1922 г. в числе других участников сельского схода Сероглазки подписался под его постановлением, направленным против партизан КОНРК. Арестовывался 2 декабря 1922 г. в числе «видных сероглазкинских контрреволюционеров», но был отпущен; 15 декабря 1922 г. получил разрешение выехать на охоту. На момент ареста 6 июня 1938 г. — член колхоза им. Кирова, имел пятерых детей от двух до одиннадцати лет: сыновей Михаила, Аркадия, Алексея, Гавриила и дочь; жена Мария Александровна была колхозницей. Проходил по одному делу с В. И. Крупениным. 15 августа 1938 г. особым совещанием при НКВД СССР приговорён по ст. 58-6 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован военной прокуратурой ДВО 6 ноября 1957 г.

Тонин Валентин Аркадьевич, при советской власти после 1923 г. управляющий Камчатским отделением Дальбанка. В большевистской партии с 1917 г. Образование среднее.

Тонкий Андрей Иванович (25.08.1890, с. Граково Змиевского уезда Харьковской губернии — 10.09.1938), *деникинский офицер*. Из крестьян, русский, по специальности школьный учитель. Поручик царской армии. В июне-июле 1919 г. служил у белых, а до декабря жил на их территории. На момент ареста 22 марта 1938 г. — счетовод совхоза АКО им. Блюхера в Усть-Большерецке. 18 апреля 1938 г. на допросе объяснил, почему служил в Добровольческой армии. Белые приказали арестовать его брата Владимира Караванцева, работавшего при красных в военкомате. С просьбой о его освобождении Т. обратился к коменданту гарнизона, тот по внешнему виду определил в нём офицера и сказал, что освободит брата при условии, что оба вступят в их армию. Т. согласился это сделать, как только будет опубликован приказ о мобилизации. Андрей был зачислен в офицерскую роту рядовым в чине младшего офицера Белозерского полка, а Владимир — в другой батальон, который вёл связь (в царской армии он служил вольноопределяющимся). Т. утверждал: в боях против красных не участвовал, в скором времени дезертировал. В 1922 г. Донская губЧК разоблачила его как бывшего офицера белой армии; состоял на особом

учёте до 1924 г., но потом опять скрывал факт службы у белых. 7 ноября 1935 г., проходя мимо школы, бросил вывешивающему флаг: «Зачем ты вывешиваешь портянки?» Жена Т. Анастасия Васильевна была домохозяйкой, дочерям: Вере — 16, Нине — 14 лет. «Дальний родственник Навальнёв Виктор проживает в Париже» (на том же допросе 18 апреля 1938 г.). Приговорён к ВМН с конфискацией имущества 10 августа 1938 г. тройкой УНКВД по ДВК. Реабилитирован прокуратурой КО 22 июня 1989 г.

Топольский Николай Захарович (1888, г. Владивосток), с июля 1926 г. заведующий Камчатским окрздравотделом. Из мещан, русский, окончил Киевский университет. Беспартийный. В начале 1930-х гг. — врач Петропавловского порта. Арестован 16 апреля 1933 г. Обвинялся по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР, а также в том, что служил у атамана Калмыкова и Колчака. Расстрелян в январе 1934 г. вместе с другими «автономистами». Реабилитирован 27 апреля 1957 г.

Топорков-Олейник Антон Савельевич (1897, с. Хохотва близ г. Богуслава на Киевщине — 1979), с 10.12.1917 товарищ председателя, а с 20.04 по 12.07.1918 председатель ПГС рабочих и крестьянских депутатов. Из семьи крестьян-бедняков. Принят в большевистскую партию в августе 1917 г. в г. Хабаровске на 2-м дальневосточном краевом съезде Советов. По его воспоминаниям, до шестнадцати лет жил с отцом, пас скот, занимался в школе, учился сапожничать. В 1909—1912 гг. семья жила в Бразилии. «Проездили» хату, вернулись, не разбогатев. Весной 1914 г. с группой крестьян решил попытать счастья на Дальнем Востоке. Был чернорабочим на строительстве Амурской железной дороги, сапожничал в г. Никольск-Уссурийске и Владивостоке. Досрочно в мае 1916 г. призван в армию и отправлен служить на Камчатку. Перед Октябрьским переворотом — рядовой, но председатель солдатского комитета Камчатской воинской команды. 10 декабря 1917 г. избран заместителем председателя ПГС, заведовал финуправлением ОК. 3 июня 1918 г. на заседании исполкома горсовета заявил о сложении обязанностей председателя совдепа «ввиду того, что массы, пославшие его в совет, в большинстве своём недовольны им и выносят ему недоверие». Исполком просил Т.-О. остаться до пленарного заседания ПГС. Летом 1918 г. арестован чехословацкими военными в г. Владивостоке, через который направлялся в г. Хабаровск вместе с Лариным на конференцию представителей Советов Дальнего Востока. До июня 1919 г. — в подполье, затем в партизанском отряде Андреева около г. Никольск-Уссу-

рийска, комиссар 2-го Дальневосточного кавалерийского полка, после чего в политотделе Восточного фронта Амурской армии. С января 1921 г. — командир партизанского отряда в районе г. Никольск-Уссурийска, начальник Никольск-Уссурийского военного округа — района партизанских отрядов Приморья. До 1925 г. — начальник Никольск-Уссурийской уездной милиции. Из письма Т.-О. историку Б. И. Мухачёву от февраля 1961 г.: «В 1933 г. меня мобилизовали вместе с другими товарищами и послали начальником политотдела Литинской МТС в Винницкой области... По реорганизации политотделов я был избран председателем райисполкома в одном из районов Винницкой области... В 1937 г. меня сделали врагом народа, исключили из партии, посадили в тюрьму, обвинили в троцкизме, вредительстве, контрреволюционной агитации и деятельности и прочих грехах. Продержали больше года в тюрьме, били, мучили и, ничего не добившись, передали дело в суд. Суд, хотя и отверг все эти бредни, но обвинил в превышении власти, выразившемся в том, что, будучи председателем райисполкома, я слил в 1936 г. один маленький еврейский колхозик, который имел десять кляч лошадей и 150 га земли, с крупным и мощным украинским колхозом, и ещё в том, что там же и тогда же я закрыл маленький еврейский клуб в райцентре и организовал в том помещении общественную столовую. В этом усмотрели нарушение национальной политики партии и присудили к двум годам лишения свободы. Эти два факта я признал. Они были необходимы в интересах дела, и я не видел в них никакого преступления. Но люди тогда смотрели иначе и, видимо, не могли не обвинить, хотя бы за это. Через некоторое время, кажется, через месяц, меня досрочно освободили из тюрьмы, так как, видимо, я уже исправился. Вышел я из тюрьмы разбитый физически, разбитый главным образом морально, никому не нужный. Больше года я провалялся, ничего не делая, на грошовых заработках своей жены. Она служила. В 1941 г. меня мобилизовали в армию, и в звании младшего командира я провоевал на фронте до конца войны. В конце 1945 г. меня демобилизовали, я приехал к семье в Богуслав и поступил в одну из сапожных артелей техноруком. Так закончился мой жизненный круг. В 1959 г. корреспонденты киевских газет (дотошный народ эти корреспонденты) меня разыскали в связи с книгой Д. Нагишкина “Сердце Бонивура”, в которой автор отвёл и мне значительную роль. Они возбудили дело перед Верховным судом о пересмотре приговора. Верховный суд его пересмотрел в декабре 1959 г., отменил и дело прекратил за

отсутствием состава преступления. Таким образом, меня наконец-то реабилитировали. Мне выдали около 3 000 руб.» В 1965 г. (и в 1969 г. повторно) Т.-О. было присвоено звание «Почётный гражданин г. Петропавловска-Камчатского». В октябре того же года он посетил столицу области. 22 августа 1962 г. КОК КПСС ходатайствовал о назначении ему персональной пенсии союзного значения.

Торбеев Константин В. (22 года на момент смерти 2 июня 1922), *фельдшер сотни СЭО.* Коллежский регистратор. За два с половиной месяца до гибели в бою на Петропавловской сельхозферме женился на Ушаковской.

Точмин Николай Ксенофонович (1902, Новгородская губерния), с 1.09.1934 *секретарь Пенжинского РК ВКП(б).* Из крестьян-середняков, русский, образование высшее. В большевистской партии с 1919 г. До марта 1917 г. и после — рассыльный в волостном правлении и комитете общественного спокойствия. В декабре 1919 г. организовал ячейку комсомола. В 1920 г. — ответственный секретарь волпартколлектива. С декабря 1922 г. трудился в хозяйстве отца, имевшего семью из восьми человек (три брата и три сестры Т.), один душевой надел, или шесть десятин земли, лошадь, две коровы, пару овец, две избы (зимнюю и летнюю), два хлева, амбар, баню. Земля была плохая, преследовали неурожай, на жизнь не хватало. В 1923—1926 гг. Т. учился на рабфаке, был членом бюро ячеек РКП(б) и РКСМ, заведовал военным отделом. В 1925 г. отец скончался от катара желудка, спустя несколько дней умерла сестра от крупозного воспаления лёгких. В начале 1930-х гг. Т. жил в Узбекистане, после чего учился в институте народов Севера; там с октября 1933 по май 1934 г. был заместителем секретаря парткома. В декабре 1933 г. умер от туберкулёза старший брат. Т. помогал материально оставшимся после него сиротами четырёх детям, жившим в колхозе «Большевик» под г. Ленинградом. Младший брат — комсомолец, пребывал на Сахалине, 75-летняя мать жила у средней сестры. Сам Т. имел жену и сына. Был исключён из ВКП(б) в октябре 1937 г. Восстановлен 19 марта 1938 г. со строгим выговором с занесением в личное дело и запрещением в течение двух лет занимать руководящие партийные должности.

Трайтелович Сара Иосифовна (1891), в октябре 1933 г. *утверждена заместителем управляющего КО конторой Госбанка.* Училась в финансовой академии. В большевистской партии с 1917 г. Исключена 11 августа 1937 г. Из протокола заседания КОК ВКП(б) от 25 августа того же года по рассмотрению её апелляции: «Даже

после самоубийства Адамовича пошла к нему на квартиру, как она объяснила на бюро горкома, “для оказания моральной поддержки Шамардиной”. Такую же связь, начиная с 1934 г., Т. имела и с врагом народа Разгоновым, ещё в 1935 г., когда Разгонов был разоблачён как сын кулака, братья которого служили в белой армии и сбежали во время интервенции в Японию, где находятся и сейчас. Т. вместе с женой Адамовича Шамардиной писали Разгонову, что “не волнуйся, поддержка тебе будет обеспечена”. Эту связь они поддерживали до самого ареста Разгонова, даже после его исключения из партии в апреле 1937 г. она также ходила к нему на квартиру, мотивируя своё посещение, как она объясняла на бюро горкома, “чтобы оказать ему моральную поддержку, так как он в тот момент был больной”. После личного вмешательства тов. Сталина в дело Крутогоровского комбината бывший секретарь обкома Орлов заявил Трайтелович, что “Разгонову осталось только застрелиться”. Этот разговор она от партконференции скрыла. Будучи в Москве вместе с Адамовичем, она имела связь с шпионом Аркусом и об этом умалчивала, также ничего не делала по разоблачению своего управляющего, ныне снятого с работы и исключённого из партии как троцкиста Рогового. Работая с ним вместе на протяжении трёх лет, она всю его деятельность, направленную на развал банковской работы, прикрывала. Была тесно связана с исключённой из партии Шиманской, направленной на работу на Камчатку по настоянию Трайтелович через Адамовича».

Трапезников Никандр Васильевич (1900), в 1924 г. член Соболевского волревкома с жалованьем 150 руб. Из крестьян, окончил церковноприходскую школу. В конце 1930-х гг. — член ВКП(б). На момент ареста 6 сентября 1938 г. — народный судья Усть-Большерецкого района по Соболевскому участку. Обвинялся по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. По постановлению КОУ НКВД от 16 июля 1939 г. дело прекращено, из-под стражи освобождён. Реабилитирован прокуратурой КО 9 января 1990 г.

Третьяков Алексей Харитонович (1924), в 1974 г. прокурор КО. Белорус, образование высшее. В ВКП(б) с февраля 1944 г. В 1960-х гг. был председателем КО суда. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, пятью медалями, в том числе «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Заслуженный юрист РСФСР (16.10.1967).

Третьяков Николай Ильич (1901, с. Сероглазка, Камчатка), после июльского переворота 1918 г. в Петропавловске милиционер в своём

селе. Из рыбаков-охотников, русский, малограмотный. На момент ареста 28 мая 1933 г. член рыболовецкого колхоза. Привлекался по делу «Автономная Камчатка». Обвинялся по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. приговорён к трём годам лишения свободы. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Треумов Лев Анатольевич (1916), в 1970—1980 гг. председатель КОК народного контроля. Русский, образование среднее техническое. В ВКП(б) с сентября 1942 г. Воевал в составе Северного флота, награждён орденами Отечественной войны 2-й степени, «Знак Почёта», медалями «За оборону Советского Заполярья». Его дочь Галина (1946 г. р.), член КПСС с 1975 г., была главным редактором газеты «Камчатская правда» в 1991—1992 гг.

Троценко Кузьма Иванович (1870, с. Пищики Велико-Половецкой волости Киевской губернии — 9.02.1938), по материалам НКВД, участник «контрреволюционной антисоветской сектантской группы». Из крестьян, украинец, малограмотный. Сторож Ключевского АКОснабторга. Арестован 25 февраля 1937 г. Тройкой УНКВД по ДВК 9 декабря 1937 г. приговорён к ВМН с конфискацией личного имущества без указания статьи УК. Реабилитирован Камчатским областным судом 23 апреля 1958 г.

Трошин Фёдор Васильевич (1901), в марте 1940 г. военком 2-й отдельной морской эскадрильи НКВД. Из крестьян, русский, окончил сельскохозяйственную школу. В ВКП(б) вступил в 1927 г.

Трухин Григорий Ф., красный партизан. В ноябре-декабре 1922 г. — председатель следственной комиссии при Камчатском губревтрибунале. С 4 января 1923 г. — комендант Камчатского ГО ГПУ. 21 октября 1924 г. освобождён от должности начальника волостной милиции в Анадыре и назначен председателем Марковского волревкома (технический секретарь И. К. Соболев). 13 декабря 1926 г. некто Г. Ф. Трухин, 1892 г. р., присуждён особым совещанием при коллегии ОГПУ (без указания статьи УК РСФСР) к лишению права проживания в ряде городов СССР. Входил ли в этот список Петропавловск? Если нет, то заметка в камчатской газете «Полярная звезда» от 24 апреля 1927 г., вполне возможно, касается Т., хотя у него был однофамилец (иначе бы он в конце 1922 г. не подписывался под материалами следственной комиссии «Трухин 2-й»). Газета сообщала, что милицией составлен протокол на граждан Трухина, Киселёва, Тарасова и Сыркина за нарушение ими правил охоты; административный отдел КОК наложил на каждого из них штраф 50 руб. Некоторые партизаны (Н. П. Фролов, А. И. Козырин)

в своих воспоминаниях называют убийцу подпоручика Пояркова и руководителя нападения в 1922 г. на пароход «Томск» с целью захвата катера Трухина Тимофеем. 10 октября 1923 г. та же газета писала: «Продаются лошади геологической экспедиции. Справляться у Т. С. Трухина, Ленинская улица, дом Фёдоров». В списке № 2 живых и мёртвых партизан на 1928 г. значится: «Трухин — Владивосток».

Трушин Фёдор Сергеевич (1899), с апреля 1943 и в марте 1945 г. начальник Камчатского погранотряда. Из рабочих, русский, образование среднее: окончил высшую военную школу НКВД, курсы Военно-политической академии. В комсомоле не состоял, в большевистской партии с 29 апреля 1918 г. В ВОВ не участвовал. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «XX лет РККА».

Туезов Георгий Максимович (1895, г. Чита), гласный 4-й ПГД 1920 г. Из рабочих, русский. Ранее судим за растрату. В 1932 г. высказывался: «Смотрите, до чего довели наши правители. Все начинают тащить Россию по кусочку». Согласно агентурным данным ОГПУ, выражал недовольство по поводу начальника милиции Тюменцева: «Жулика всегда примут в партию, там таких держат, а если он где-либо провинится — набезобразит, то его переведут на другое место. Вот когда судили меня за растрату, то дали мне высылку, а как в то же время судили в Усть-Камчатске одного коммуниста, то почему-то освободили — конечно, потому что он партиец». На момент ареста 27 июня 1932 г. — моторист радиостанции в Анадыре. Привлекался по ст. 58-10-13 УК РСФСР. Дело прекращено с отменой подписки о невыезде 17 февраля 1933 г.

Тулупов Александр Павлович (1897, с. Фомино Рязанского района Московского округа), в 1921 г. начальник госполитохраны с. Ключи; красный партизан. Брат последующего. Из крестьян, русский, образование низшее. Член рыболовецкого колхоза «Гудок». Малоимущий середняк. Имел полдома, корову, ружьё. По его словам, твёрдых заданий не имел, избирательного голоса не лишился. До шестнадцати лет жил в доме отца Павла Николаевича. С 1919 по 1921 г. скрывался в тайге. Был под следствием в 1922 г., дело прекращено. На момент ареста 7 декабря 1931 г. женат, имел двух дочерей, двух лет и шести месяцев. Являлся зятем бывшего торговца. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. Тройкой ПП ОГПУ ДВК 26 августа 1932 г. приговорён к пяти годам лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 19 июня 1989 г.

Тулупов Михаил Павлович (1904, г. Владивосток), *красный партизан*. Из крестьян, русский, малограмотный. Дровокол Ключевского лесокомбината. На момент ареста 16 ноября 1931 г. — за активное участие в убийстве в день пролетарской революции 7 ноября секретаря сельсовета Прохора Кузьмича Попова — холост, имел дом, лошадь, тёлку и старый амбар. До этого сельсовет облагал его, как зажиточного середняка, твёрдым заданием (по вылову лосося, сенокошению), которое РИК снял, учитывая партизанство Т. Председатель сельсовета Георгий Иванович Щенников на допросе в ОГПУ у Петренко 27 ноября 1931 г. пояснил: «В сентябре 1921 г. из Усть-Камчатска шёл отряд Сузутова, куда вступил Михаил, но всё это делалось не по идее их (братьев Тулуповых. — *В. П.*), а просто случайно. Где себя проявил Михаил, не знаю, но числился партизаном. Не раз судим за хулиганство, за антисоветские выпады». Действительно, в 1931 г. Т. получил за хулиганство восемь месяцев принудительных работ. 27 декабря 1931 г. оргбюро Усть-Камчатского РК ВКП(б) постановило «снять с Тулупова Михаила как классового врага... звание красного партизана». Тройка ПП ОГПУ ДВК 26 августа 1932 г. приговорила по ст. 58-8-10 УК к десяти годам лишения свободы. При пересмотре дела в 1992 г. вынесен вердикт: реабилитации не подлежит.

Тулупов Сергей Павлович (9.01.1906, г. Благовещенск), с 28.12.1942 по 15.02.1945 *председатель КОИК*. Из мещан, русский, образование среднее. Вступил в ВКП(б) в феврале 1928 г. Отец-ремесленник умер в 1911 г. Семья из восьми человек осталась на иждивении матери-прачки и старшего брата, шестнадцати лет. До 1924 г. учился, причём последние два года на стипендии, и одновременно работал: летом в деревне на распиловке дров, зимой — репетиторствовал. После окончания средней школы был командирован Благовещенским укомом РКСМ на губернские учительские курсы, по окончании которых заведовал сельской школой в с. Буссе Амурско-Зейского района, затем до мая 1926 г. учительствовал в с. Жариково Тамбовского района Амурской области и по совместительству был пропагандистом Благовещенского укома РКП(б). В 1927—1929 гг. — заведующий окружным кабинетом партработы. С сентября 1929 по май 1930 г. — инструктор, заведующий агитпропотделом Александровского РК ВКП(б), а с мая по октябрь 1930 г. — инструктор Амурского ОК ВКП(б). Один год проучился в Дальневосточном педвузе в Благовещенске. Отзван на партработу — заведующим культпропом Благовещенского ГК ВКП(б). В сентябре 1932 г. командирован Далькрайкомом на

Север заведовать культпропом при Охотско-Аянском ОК ВКП(б), где проработал до января 1935 г., после чего по июль того же года руководил «группой культурников». В августе 1935 — мае 1939 г. — первый секретарь Чукотского РК ВКП(б), в мае 1939 — феврале 1940 г. — и. о. первого секретаря Усть-Большерецкого РК ВКП(б). 21 февраля 1940 г. утверждён заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации КОК ВКП(б), а 17 января 1941 г. — там же заведующим организационно-инструкторским отделом. 21 марта 1940 г. от начальника УНКВД по КО капитана ГБ Вацурина на имя секретаря КОК ВКП(б) Аксёнова поступил совершенно секретный документ: «По нашим данным, секретарь Большерецкого РК ВКП(б) Тулупов занимается дискредитацией органов НКВД, милиции, суда и прокуратуры, обвиняя их в проведении необоснованных арестов. 19 июня 1939 г. на заседании РК ВКП(б) Тулупов заявил, что “следственные органы райкому не дают пикнуть, по ложным материалам органов НКВД коммунисты нашего района исключались из партии. Органы НКВД дошли до наглости: в партийные организации садили своих машинисток”. Тулупов не мобилизует трудящихся района на борьбу с преступлениями, поощряет пьянку. В районе имеется много нарушений в правилах советской торговли, выросло число растратчиков, но мер к ликвидации этих ненормальных явлений не принимается и массовая воспитательная работа не проводится. В состав оргкомитета рыбаков Тулупов выдвинул кандидата, который является пьяницей и бездельником...» 23 августа 1943 г. награждён орденом Трудового Красного Знамени за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Красной Армии и специальных заданий командования Красной Армии. В феврале 1945 г. отозван в распоряжение Хабаровского крайисполкома.

Турилов Борис Иосифович (1894, г. Новониколаевск Томской губернии), в 1924—1925 гг. заведующий Камчатской губернской РКИ. Сын извозчика, ставшего токарем, а с 1905 г. — партработником. Русский. Учился, но не окончил двухклассную учительскую школу в г. Ординске, окончил коммерческие курсы Вешнера, держал экзамен за шесть классов. С 1922 кандидат, с 1925 г. — член ВКП(б). Основная профессия бухгалтер, переплётчик. В 1906—1911 гг. жил в с. Красный Яр. На анкетный вопрос о революционной деятельности отвечал так: «Никакой, если не считать совместную работу с отцом в подпольных организациях. Моя работа выражалась в исполнении технических поручений». В 1917—1918 гг. служил в коммерческом контроле КВЖД ст. Харбин-Старый.

«Участвовал в походах на Владивосток в 1922 и в 1920 г. на Читу». Упоминал партизанскую дивизию им. Попова. «Воевал в головных отрядах Полевого контроля». Доброволец Красной Армии. В январе 1923 г. — в г. Владивостоке, заведующий административным отделом губернской РКИ. При партчистке (без уточнения года) КК вынесен строгий выговор за употребление спиртных напитков и склонность к бюрократизму. В мае 1925 г. — член оргбюро промысловой кооперации. 16 июня того же года делал доклад на губбюро РКП(б) по вопросу о выселении алеутов с Командорских островов. («Признать вопрос не проработанным и вернуть Т. для дальнейшей проработки, соберя обоснования “за” и “против” выселения»). В декабре 1925 г. — председатель Анадырского уревкома (заведующий общим отделом Чекмарёв, член-секретарь Тагаев). Хромал на левую ногу. Имел жену и дочь.

Туркевич Леонид Николаевич (7.09.1909, мест. Радзивилов Волынской губернии), *любитель «анекдотов антисоветского содержания»*. Из рабочих (отец проживал в Польше), украинец, образование среднее техническое. На момент ареста 16 сентября 1937 г. — техник-нормировщик АКО, жил в г. Петропавловске-Камчатском. По материалам НКВД, особенно любил анекдоты о национальностях Советского Союза. «Три украинца — драка. Три грузина — это ЦИК. Три еврея — это оппозиция...» «Русские, украинцы — дураки, евреи — торговцы, грузины — это правительство т. Сталин и т. Орджоникидзе...» «Один еврей — кустарь, два — кооперация, три — троцкизм...» Украинцев называл дураками, которые якобы не могут ужиться между собой. Говоря о русских, он также якобы сказал: «Раньше была великодержавная Россия, которая после поделилась, и получился пшик». 22 ноября 1937 г. спецколлегией Дальневосточного краевого суда по КО приговорён по ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР к семи годам лишения свободы. Реабилитирован Президиумом ВС РСФСР 28 февраля 1990 г.

Тушканов Леонид Яковлевич (1896 или 1897 — 2.06.1922, окрестности г. Петропавловска-на-Камчатке), *красный партизан КОНРК в 1922 г.* По словам Пересвет-Солтана, Т. — сын священника, русский, бывший матрос с белогвардейского судна «Свирь». 23 января 1922 г. подал рапорт командиру корабля о невозможности служить генералу Полякову, заявляя в то же время о верности Приамурскому правительству. Из рассказа Михаила Тушканова: «За пропаганду и неподобающие разговоры я с братом Леонидом... был арестован Масловым и Кулием (их командирами. — В. П.)».

Помог освободиться им Бойко. «По освобождении в марте мы ушли к красным». Пересвет-Солтан: Леонид Т. был часовым на Петропавловской сельхозферме «и находился далеко впереди расположения партизанских отрядов... Был примером для более неустойчивых товарищей до самой смерти». Мать и сестра братьев Т. жили в г. Владивостоке. Михаил был на год-полтора старше Леонида. В своё время окончил пять классов коммерческого училища. По Козырину, после гражданской войны он долго «плавал механиком на судах Морфлота и в Главном управлении Севморпути на ледоколе “Литке” и получил орден». Именем Леонида Т. и погибших вместе с ним Бохняка, Войцешка и Давыдова в 1967 г. названы улицы в г. Петропавловске-Камчатском.

Тынчеров Талят Сазединович (5.08.1908, дер. Шибан Феодосийского района, Крым), с 13.11.1937 по 17.09.1938 и. о. первого секретаря КОК ВЛКСМ. Из батраков, татарин, родной язык татарский. Занимался самообразованием. Вступил в ВЛКСМ в 1926 г., в ВКП(б) в 1930 г. Отца расстреляли в 1911 г. во Владикавказе за покушение на армейского чиновника. Мать — домработница. В 1918—1920 гг. был в приюте, до 1922 г. находился в детдоме им. Нариманова. В 1922—1926 гг. работал по найму у частных лиц в Симферополе (Крымская АССР). В 1926—1927 гг. — тракторист в Евпаторийском районе. С 1927 по 1929 г. — слесарь-моторист судна военного порта в г. Севастополе. В 1929—1931 гг. служил в РККФ, окончил машинную школу Черноморского флота. В 1931—1932 гг. — ответственный инструктор Крымского ОК ВЛКСМ, в 1932—1933 гг. — заводг Феодосийского ГК ВЛКСМ. С 1933 по 1935 г. — помощник начальника политотдела машинно-тракторной станции в Крыму. В 1935 г. — заместитель начальника политотдела Табакского совхоза в Алуште, в 1936—1937 гг. — в той же должности на моторно-рыболовной станции на Камчатке, с 1938 по 1939 г. — заведующий промышленно-транспортным отделом КОК ВКП(б). С 1940 г. — начальник политсектора КО Осоавиахима.

Тюменцев Герасим Иванович (12.12.1898, с. Паратунка, Камчатка), *красный партизан*. Отец Иван Иванович, мать Мариана Герасимовна Тюменцевы. Самоучка, крестьянин-охотник, в 1907—1918 гг. икрянщик. *По некоторым сведениям, принимал участие в неудавшемся мартовском антисоветском перевороте 1918 г. в Петропавловске.* В 1919 г. мобилизован на воинскую службу в Камчатскую местную команду. Через месяц, писал он впоследствии, «сделал восстание, за что сидел полтора месяца, затем бежал

в сопки. В 1920 г. был в Красной гвардии, в 1922 г. — в партизанских отрядах...» После чего на советской работе, в милиции. В 1920—1923 гг. состоял в большевистской партии, откуда выбыл механически. Вновь вступил в 1929 г., переведён в кандидаты при партчистке 1933 г. «за слабую политическую подготовку и незнакомство с очередными задачами партии».

Тюменцев Степан Иванович (1897, с. Паратунка), по его словам, в 1922 г. командовал паратунским партизанским отрядом. Из крестьян, русский, окончил четыре класса ВНУ, учительские курсы и правовую школу. В 1920—1921 гг. состоял в Петропавловской организации РКП. Принят кандидатом ВКП(б) в 1929 г. Рекомендую его, Фролов писал: «Во время находящихся в Петропавловске белобандитов принимал участие в борьбе с таковыми». Сам Т. так описывал тот период: «Перед приходом белых банд КОНРК назначил меня учителем паратунской школы, где я оставался до организации мною партизанского отряда в деревне Паратунка против белых банд. В апреле 1922 г. я организовал отряд, бросил учительствовать и с того времени находился сначала в отряде, а после занятия Петропавловска советскими войсками — дома в Паратунке». 25 июля 1923 г. поступил в Петропавловскую городскую милицию, где служил старшим милиционером. На момент ареста 14 июня 1938 г. работал надзирателем Петропавловского порта. Обвинялся по ст. 58-1-7-8-11 УК РСФСР. Освобождён 19 августа 1939 г. постановлением КОУ НКВД в связи с прекращением дела. Реабилитирован прокуратурой КО 14 декабря 1989 г.

Уваровский Василий (29 лет в 1924), в 1924 г. председатель Ичинского селькома Соболевской волости. По словам Н. П. Фролова, очень малограмотный.

Уксуеников Иннокентий Иванович (1901, с. Утхолок, Камчатка — 8.03.1938, г. Петропавловск-Камчатский), предположительно, член утхолокской дружины самообороны П. Е. Суздалова, участвовавшей в убийстве отряда полковника Алексеева на реке Тигиль в 1922 г. Потомственный рыбак-охотник, камчадал, образование низшее: окончил два класса церковноприходской школы. В армии не служил. Бедняк. С 1923 до первого ареста в июле 1931 г. — секретарь Утхолокского сельсовета. Имел дом и восемь ездовых собак. Семья: жена и ребёнок. Привлекался по «Тигильскому делу» по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР. Освобождён из заключения в 1935 г. Вторично арестован 8 октября 1937 г. Тройкой

УНКВД по ДВК 1 февраля 1938 г. приговорён к ВМН без указания статьи УК по обвинению в антисоветской агитации. Расстрелян. Реабилитирован по второму делу ВТ ДВО 24 июня 1959 г.

Ульянов Алексей Яковлевич (1920), в начале 1960-х гг. заместитель начальника УКГБ по КО. Русский, образование высшее. В ВКП(б) с мая 1940 г. Награждён орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями.

Уманский Василий Александрович (1903), с 20 ноября до середины декабря 1931 г. ответственный редактор «Камчатской правды»; помимо него, в редколлегия входили Егоров и Бучель. Из служащих, украинец, окончил сельские школьные курсы Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. В ВКП(б) с 1929 г. В 1916—1923 гг. — заводской рабочий, в 1923—1925 гг. — учащийся педкурсов, с 1925 по 1927 г. — сельский учитель, с 1927 по 1930 г. — студент академии. В 1931—1933 гг. — педагог, газетчик. Временно утверждён редактором городской (Петропавловск) радиогазеты; ему поручено к 15 декабря 1932 г. вместе с Зивертом приступить к первой передаче. С сентября 1933 г. — заместитель редактора «Камчатской правды». Из характеристики от 25 января 1934 г.: «Политически хорошо грамотен, в основных вопросах политики партии и правительства хорошо разбирается, можно использовать на массовой работе».

Уманский Леонид Самойлович (1913, г. Кривой Рог), *культработник*. Из служащих, еврей, образование семь классов. В ВЛКСМ с 1936 г. Принят в кандидаты ВКП(б) в 1940 г. В 1929—1932 гг. — культработник союза коммунальщиков в г. Кривой Рог. С июля 1932 по июнь 1933 г. там же, безработный, в 1933—1935 гг. — инструктор. С июля 1935 по октябрь 1937 г. служил в РККА в этом же городе, младший командир стрелковой дивизии. В 1937—1938 гг. — литработник Хабаровского краевого радиокомитета. С июня 1938 г. — редактор последних известий Камчатского областного радиокомитета.

Усик Константин Кузьмич (1908), *уполномоченный ОО III ОГПУ ДВК*. Принимал участие в фабрикации дела «Автономная Камчатка».

Усов Н. С., с 1.04.1926 *заведующий Камчатским окружным финансовым отделом, в середине года также заведующий отделением Дальбанка*. С 1923 г. — в Приморской РКИ, губернском и Спасском уездном финотделе. По мнению И. Е. Ларина (1926), у У. «наблюдается излишняя самоуверенность, рассеянность и неуравновешенность характера». В конце 1927 — начале 1928 г. подозревался

в принадлежности к существовавшей в Петропавловске, по убеждению Н. И. Кузнецова, троцкистской группе.

Успенский Николай Михайлович (1881, г. Иркутск — начало января 1934, г. Хабаровск), *почётный гражданин*; согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участник охраны Петропавловска от красных партизан. Сын священника, умершего в 1885 г. Матери лишился в 1912 г. Русский, образование высшее юридическое: в 1907 г. окончил Томский университет. До 1909 г. — на военной службе, уволен в чине прапорщика. До 1917 и после по 1923 г. — мировой судья в Гижиге и Петропавловске, следователь и нотариус. В апреле 1926 г. — заведующий подотделом рыбохоты Камчатского губземуправления. В одном из документов ОГПУ 1929 г. значится: «При занятии Петропавловска партизанами был арестован и привлекался к ответственности за содействие белобандитам. По убеждению ярый монархист. Привлекался к ответственности за пение “Боже, Царя храни” в гостях у японского консула. Имеет связи со всем антисоветским элементом. Постановлением ПП ОГПУ ДВК от 13 августа 1928 г. и закрытого заседания КОБ ВКП(б) от 25 сентября 1928 г. подлежал увольнению. Был временно оставлен для составления отчёта и до сих пор не уволен». На момент ареста 5 июня 1933 г. — экономист Бийской швейной фабрики. До 23 августа находился под стражей без обвинения и допроса. Постановление об избрании меры пресечения от 25 августа 1933 г. подписано Варпой. Привлекался как участник контрреволюционной организации «Автономная Камчатка» по ст. 58-2-6-11 УК РСФСР. Виновным себя не признал. Судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. приговорён к ВМН. Реабилитирован 27 апреля 1957 г. ВТ ДВО.

Устимович Михаил Ильич (1886), до июля 1926 г. заведующий Петропавловской таможней, затем — канцелярией КОБ ВКП(б). Из мещан, окончил Морской корпус. Плававшая на военных судах, бывал в Японии, Сингапуре (1915), Финляндии (1915—1917). В большевистской партии с 1920, в советских органах с 1917 г. В 1919—1922 гг. служил в РККА и РККФ. С 1922 г. — в таможенных учреждениях. Снят «за неумение и неспособность... удовлетворительно руководить таможней».

Устинов Андрей Иванович (1905), с сентября 1937 г. помощник оперуполномоченного КОУ НКВД, сержант ГБ. Из крестьян, русский, окончил четыре класса сельской школы, в 1935—1936 гг. — межкраевую одногодичную школу УГБ НКВД. Состоял в комсомоле в 1928—1931 гг., выбыл как переросток. По некоторым све-

дениям, вступал в ВКП(б) в октябре 1931 г. В 1938 г. в ВКП(б) его рекомендовали Георгий Семёнович Попов (партстаж с 1928), Павел Яковлевич Новиков (1927), Георгий Ильич Ткачёв (1927), Иван Иванович Шутылёв (1920), Владимир Семёнович Сорокин (1927). Решение первичной партийной организации КОУ НКВД о приёме в действительные члены по 4-й категории от 29 сентября 1938 г. утверждено ПГК 1 октября того же года. В 1928—1931 гг. служил в РККА — командир отделения, помкомвзвода, в 1931—1932 гг. — фельдъегерь отдела связи ОГПУ. С 1932 по 1935 г. — там же начальник фельдъегерского пункта. После спецшколы в 1937 г. — стажёр Амурского ОУ НКВД. В 1939 г. — начальник Олюторского РО НКВД.

Устюгов Василий Игнатьевич (1919), в 1969—1975 гг. *заведующий сектором печати, телевидения и радиовещания отдела пропаганды и агитации КОК КПСС*. Русский, в 1929 г. окончил педучилище, в 1950 г. — Хабаровскую, позже заочную ВПП при ЦК ВКП(б). В ВКП(б) с ноября 1943 г. В 1933—1934 гг. — разнорабочий в колхозе, почтальон, курсант месячной подготовки железнодорожников (г. Хабаровск), коммерческий конторщик, в 1934—1935 гг. — разнорабочий, в 1935—1936 гг. — старший пионервожатый. В 1939—1948 гг. — на Чукотке: учитель средней школы, заведующий интернатом, первый секретарь Чукотского РК ВЛКСМ, инструктор райкома партии, заворг, секретарь по кадрам, заворг Чукотского ОК ВКП(б). С 1950 по 1956 г. — в г. Хабаровске: инструктор крайкома ВЛКСМ, второй секретарь Хабаровского сельского РК КПСС, помощник директора технического училища по культурно-воспитательной работе. В 1956—1961 гг. — заместитель заведующего агитационно-пропагандистским отделом Корякского ОК КПСС. В 1961—1963 гг. — второй секретарь Тигильского РК КПСС. С 1965 по 1969 г. — инструктор отдела пропаганды и агитации КОК КПСС. С 1975 г. на пенсии. Награждён орденом «Знак Почёта» (1951), медалью «За трудовое отличие» (1971).

Устюжанин Н. А., в январе 1918 г. *товарищ председателя ОК, делегат 2-го камчатского областного съезда 1918 г. от Больше-рецкой волости*, благодарил участников июльских событий за свержение совдепа в Петропавловске. С января 1919 г. — председатель Усть-Большерецкого волостного комитета.

Уткин Александр Иванович (1926), с 11.03.1970 *начальник Петропавловского городского отдела милиции*; сменил Гарелика. Русский, образование высшее юридическое. В КПСС с сентября

1953 г. Участник ВОВ. В 1975 г. — заместитель начальника КО УВД. Награждён орденом Трудового Красного Знамени и четырнадцатью медалями.

Ушаков Василий Илларионович (1894, с. Ключи, Камчатка — 3.07.1940, г. Магадан). Из крестьян, русский, малограмотный. Рыбак колхоза «Труженник». Инкриминировалась принадлежность к контрреволюционной организации «Автономная Камчатка». В июне 1939 г. приговорён к ВМН, заменённой пятнадцатью годами лишения свободы. Умер в СеввостЛаге.

Ушаков Василий Мартемьянович (1874, с. Ключи, Камчатка — 27.05.1941, КарЛаг), с 1928 по 1930 г. член церковного совета в селении Ключи. Из крестьян, русский, малограмотный: два с половиной года учился в церковноприходской школе. В 1904 г. служил один месяц рядовым в казачьей дружине. Работал на рыбалках АКО. Перед арестом 11 июля 1934 г. — шорник лесокомбината. На допросе в ОГПУ 20 июля 1934 г. сообщил: «С 1915 по 1917 г. включительно я исполнял должность церковного старосты нашей церкви в Ключах. С 1919 по 1923 г. в течение четырёх лет, а может быть, и больше, точно не помню по старости, я исполнял должность председателя религиозной общины христиан с. Ключи. В общине было более ста человек... В момент закрытия церкви в с. Ключи в августе 1930 г. я был членом комиссии по учёту церковного имущества, выделенным со стороны религиозной общины вместе с Чудиновым Михаилом Захаровичем... и Ушаковым Василием Филипповичем... Кроме нас при передаче церковного имущества участвовали Попов Егор Измайлович, псаломщик церкви — член церковного совета гражданин Михайлов Иван Ксенофонович... Из ценностей церкви перед передачей их властям было много золотых и серебряных сосудов, крестов, подсвечников, кадила и т. п., иконы, ризы, скатерти. Точно, что имелось в церкви, сказать не могу — не помню. Всё имущество, бывшее в церкви, было сдано полностью в сельсовет. В 1905 г. летом во время русско-японской войны церковные ценности — деньги, золотые и серебряные вещи были священником и церковным старостой Стыльниковым Алексеем Акинеровичем спрятаны в амбарчике на Павловской тоне на острове Курарочном. Затем всё было возвращено в церковь. Больше о хищениях церковных ценностей я ничего не знаю». Из постановления КОУ НКВД от 23 мая 1935 г. за подписью Лепина: «...принимая во внимание, что... имеет преклонный возраст шестьдесят два года и физическую слабость, и что он происходит из крестьян-бедняков, занимается общественно полезным трудом, и что, учитывая преклонный возраст, не может быть признан

лицом общественно опасным... следственное дело... и уголовное преследование по ст. 58-2 — прекратить». В июне 1939 г. Камчатский областной суд приговорил У. по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР к семи годам лишения свободы. Умер в заключении.

Ушаков Василий Матвеевич (1894), бывший церковный староста в с. Ключи. Русский, образование низшее. По материалам НКВД 1938 г., из кулаков, «имел хороший дом со всей надворной постройкой, шесть-семь голов крупного рогатого скота, четыре-пять лошадей, держал постоянно батраков и пользовался сезонной рабочей силой». В 1922 г. состоял в распущенном Лукашевском волостном правлении. На момент ареста — плотник лесокombината. Озеро, где прятали церковную утварь, названо в показаниях Кирилюка «Гренадерским». У., по его словам, были свойственны «религиозность и консерватизм». В деле имеется характеристика из колхоза «Труженик», располагавшегося в с. Харчино Усть-Камчатского района. 17 июня 1939 г. Камчатский областной суд приговорил его к ВМН по ст. 58-2-10-11.

Ушаков Василий Филиппович (1873, с. Ключи, Камчатка — 9 июня или июля 1938), член ОК, избранный 2-м камчатским областным съездом 1918 г. Из крестьян-середняков, камчадал, малограмотный. До 1922 г. несколько лет был волостным старшиной, затем председателем церковного совета в с. Ключи. На момент ареста 6 марта 1938 г. занимался в своём хозяйстве. По чекистским документам, злейший враг советской власти, выступавший за автономию области под девизом: «Камчатка — для камчадал». 10 августа 1938 г. приговорён тройкой УНКВД по ДВК к ВМН уже мёртвым. Реабилитирован 29 декабря 1960 г. президиумом Камчатского областного суда, отменившим этот приговор.

Ушаков Иван Петрович (1902), псаломщик церкви в с. Ключи до конца 1920-х гг. Крестьянин-середняк, русский, образование низшее. На момент ареста 18 июля 1938 г. — бригадир колхозных полеводов. Привлекался как участник контрреволюционной повстанческой организации по ст. 58-1а-2-11 УК РСФСР. Приговорён Камчатским областным судом 17 июня 1939 г. к ВМН с конфискацией личного имущества. 29 августа 1939 г. судебная коллегия по уголовным делам ВС РСФСР своим определением исключила из обвинения ст. 58-10 УК и заменила меру наказания на десять лет лишения свободы. 15 марта 1941 г. судебная коллегия по уголовным делам ВС СССР отменила по протесту председателя ВС СССР приговор и определение, передав дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. 18 июня

1941 г. следственное производство было прекращено. 30 июня 1942 г. УНКВД по КО прекратило дальнейшее расследование дела по обвинению У. и постановило освободить его из-под стражи. Он в это время содержался в СеввостЛаге (г. Магадан). 19 сентября 1988 г. прокуратура КО прекратила его дело «за отсутствием состава и события преступления».

Ушаков Константин Спиридонович (1902, при советской власти Читинская область), чекист. Из крестьян, русский, образование низшее. В большевистской партии с 1921 г. Как комендант КОУ НКВД, принимал участие в расстрелах. Так, им, а также врио начальника 2-го отделения УГБ сержантом Сорокиным, врио уполномоченного 3-го отделения Глотовым 11 июня 1938 г. было расстреляно в г. Петропавловске-Камчатском 40 чел., осуждённых к ВМН, в том числе бывшие заведующий автобазой АКО Н. Н. Ансимов, начальник политотдела Воровского рыбокомбината Г. П. Григорьев, корректор «Камчатской правды» Н. Н. Докшин, председатель облрадиокомитета П. В. Ложников, заведующий облздравотделом А. Т. Скоморохов, директор Жупановского комбината Т. В. Трофимов-Блюцарт, начальник стройконторы АКО А. Н. Шалманов. Сам У. был арестован 6 июля 1938 г. в должности начальника Тигильского РО НКВД. Обвинялся по ст. 58-16-7-11 УК РСФСР. Постановлением УНКВД по Хабаровскому краю от 4 июля 1939 г. дело прекращено, освобождён. Чекист Заярный, выступая в декабре 1938 г. на партсобрании КОУ НКВД, сказал: У. некоторым сотрудникам УГБ заявил, что «группа Давыдова приехала на Камчатку устанавливать советскую власть и “Чека”». Вывод после разбора 25 июля 1940 г. его апелляции: «...упорно скрывал свою службу в белосемёновской полиции и службу братьев в карательных отрядах Семёнова. В своей апелляции т. Ушаков продолжает отрицать службу в белой полиции, утверждая, что он только подавал заявление о вступлении в полицию, что показывает о неискренности Ушакова и теперь». В ВКП(б) не восстановлен.

Ушаков Михаил Фёдорович (1928—25.02.1977), в 1970-х гг. второй секретарь КОК КПСС. Русский, образование высшее. В КПСС вступил в августе 1959 г. В 1968 г. — главный инженер Камчатрыбпрома. Погиб при пожаре в московской гостинице «Россия». Награждён медалью «За трудовую доблесть».

Фаерштейн Семён Михайлович (1907), в 1938 г. заведующий Чукотским окружным отделом здравоохранения. Образование высшее. С 3 июля 1938 г. член ВКП(б).

Файвишевич, в 1922 г. ротмистр 1-й сотни СЭО В. И. Бочкарёва. В ночь на 2 июня тяжело ранен в бою с красными партизанами в районе Петропавловской сельхозфермы. Покинул Камчатку вместе с Русской Армией 2 ноября 1922 г.

Фандюшин Василий Андреевич (1918), чекист. В 1940 г. — старший оперуполномоченный, с 8 января 1941 г. — заместитель начальника ЭКО КОУ НКВД. Русский, образование среднее. В ВЛКСМ вступил в 1934 г., в кандидаты ВКП(б) принят в 1939 г. С 1925 по 1929 г. — учащийся школы в дер. Орловка Тульской губернии. В 1930—1931 гг. работал в крестьянском хозяйстве. В 1932—1934 гг. учился в неполной средней школе. С 1935 по 1938 г. — студент Московского планово-экономического техникума. В марте — октябре — курсант межкраевой школы НКВД в Москворецком районе столицы. В 1939 г. — оперуполномоченный УНКВД в г. Хабаровске. С октября того же года на Камчатке.

Фарбер Исаак Ефимович (1913), в 1939—1948 гг. помощник прокурора КО. Из служащих, образование высшее. Кандидат ВКП(б) с 1937, член с 21 июня 1939 г. В 1928—1930 гг. — ученик в библиотеке совторгслужащих в г. Ростове, затем помощник библиотекаря в московском комвузе им. Свердлова, секретарь издательства. С 1931 по 1932 г. — заворг Фрайдорфского РК ВЛКСМ, в 1932—1933 гг. — секретарь заводского комитета ВЛКСМ, фрезеровщик московского завода «Спартак», народный следователь столичной прокуратуры. С ноября 1933 по 1935 г. — в той же должности в районной прокуратуре г. Красный Холм, а затем по 1937 г. — г. Бежецка Калининской области. В 1937—1938 гг. — старший следователь Хабаровской краевой прокуратуры. С октября 1938 г. на Камчатке. 23 апреля 1940 г. утверждён заместителем областного прокурора по спецделам. В 1948 г. ПГК ВКП(б) рассмотрел персональное дело Ф.: 19 июля, «имея при себе секретные документы, напился и учинил с друзьями скандал в клубе Петропавловской судоверфи, за что был задержан комендантским нарядом и содержался 16 часов в комендатуре. В клубе потерял удостоверение личности, которое нашли только на второй день...» В постановлении, которым объявлен строгий выговор по партийной линии, упоминается жена, обвинённая в спекуляции продуктами питания.

Федорчуков Иван Александрович (1907), с ноября 1956 г. председатель Камчатского областного суда. Русский, образование высшее. В ВКП(б) с 1931 г. Участник ВОВ, награждён двумя орденами и четырьмя медалями.

Фельдман Анна Давидовна (1918), с мая 1955 г. главный врач Камчатской областной больницы. Еврейка, образование высшее медицинское, а также двухгодичная партшкола. В ВКП(б) вступила в марте 1943 г. Участница ВОВ с 1942 по 1945 г., награждена орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

Фердман Брия или Бронислава Абрамовна (1904, г. Житомир), с 8.12.1933 по 1934 — заведующая женским сектором ПГК ВКП(б). Из рабочих, образование низшее домашнее. В ВКП(б) с 1926 г. Согласно автобиографии, осталась без родителей в четырёхлетнем возрасте. До девяти лет находилась на иждивении сестры-портнихи. В 1917—1918 гг. — подмастерье в киевской парфюмерной мастерской Лежена, затем завёрточница химического завода, в 1919—1920 гг. трудилась на мыловаренном заводе, после чего до 1926 г. — на конфетной фабрике им. К. Маркса. С 1926 по 1928 г. (уже замужем) — буфетчица, официантка, кассирша в г. Шостка. Мужа перебросили служить на польскую границу. В 1929—1930 гг. — вновь завёрточница конфетной фабрики и завмаг в г. Киеве. «Завмагом проработала несколько месяцев и поехала к мужу». В 1930—1931 гг. — кассир, культбытинструктор, студентка вечернего рабочего университета в г. Каменец-Подольский, в 1931—1932 гг. — там же на спецработе. В 1933 г. — несколько месяцев в Молдавии по месту службы мужа. С мая 1934 г. — секретарь бюро КОК ВКП(б). В 1935 г. — секретарь обкома МОПР, с декабря — инструктор ГК ВКП(б). Её муж Шпектор был исключён из ВКП(б) за то, что пробрался в неё «обманным путём». 1 февраля 1936 г. ГК ВКП(б) исключил и Ф., обвинив её в сокрытии от партии социального происхождения супруга, оказавшегося не сыном мелкого («бедного») торговца, именем которого якобы торговали другие, как она говорила на бюро, а крупного, впоследствии лишённого избирательных прав. Ф. регулярно материально помогала родителям мужа, в 1935 г. отдала на воспитание им двоих своих детей. 21 марта 1936 г. бюро ПГК ВКП(б) постановило: «Решение бюро ГК от 1 февраля 1936 г. об исключении из партии Ф., после пленума, подтвердившего партпринадлежность Ф., — признать ошибочным, противоречащим принципам внутрипартийной демократии, а потому отменить. Одновременно, считая, что Ф. за обман партии, безусловно, должна быть исключена из партии, просить обком партии акт проверки партдокументов на Ф., утверждённый ГК, отменить и из партии Ф. исключить».

Фетисов Александр Ермолаевич (1906), в 1959 г. управляющий Камчатской областной конторой Госбанка. Русский, обра-

зование высшее. В ВКП(б) с июля 1947 г. Награждён медалью «За трудовую доблесть».

Фещенко Корней Тимофеевич (53 года в конце 1919), согласно официальному списку, в феврале 1922 г. принимал участие в охране Петропавловска от красных партизан.

Фёдоров Александр, в 1922 г. красный партизан КОНРК. По возвращении партизанских отрядов в г. Петропавловск-на-Камчатке — член следственной комиссии. 4 января 1923 г. принят в КГО ГПУ уполномоченным по разработке. 26 марта получил десять суток ареста «с исполнением служебных обязанностей» за допущение в своей квартире пьянства и участие в нём. Г. Трухину надлежало содержать его «при комендантской ГПУ, освобождая на время занятий с девяти часов утра до трёх часов и на один час на время обеда и ужина». А 6 апреля 1923 г. Ф. уволен из ГПУ «как не соответствующий своему назначению». В 1928 г. жил в г. Владивостоке.

Фёдоров Василий Михайлович (1896), на 3.10.1939 и. о. председателя КОИК. Образование низшее. В большевистскую партию вступил в 1919 г. Производственный стаж с 1909 г. В 1916—1917 гг. служил в царской армии, в 1918—1929 гг. — в РККА: рядовой, телефонист, комиссар роты, затем районный военком. В 1929—1933 гг. — на спецработе. С 1933 г. в КОИК: второй секретарь, начальник спецотдела, заместитель председателя. В 1933—1934 гг. — председатель радиокомитета при КОИК.

Фёдоров Иван Павлович (1916), в 1954 г. заместитель управляющего Камчатской областной конторой Госбанка. Окончил финансовый техникум. В ВКП(б) вступил в апреле 1943 г. Воевал с 1942 по 1945 г. на Сталинградском, Степном, 2-м Прибалтийском и 2-м Украинском фронтах. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией».

Фёдоров Пётр Иванович (45 лет в конце мая 1919), гласный 5-й ПГД; согласно официальному списку, в феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. По мнению В. А. Огородникова, сторонник Временного Приамурского правительства, что «было видно из его рассуждений в Думе». А. И. Дьячков говорил в ГПУ, что у Ф. дома часто собирались Пригоровский, Успенский и П. Т. Новограбленов. Выехал во Владивосток на пароходе «Главком Уборевич» по разрешению Трухина от 28 декабря 1922 г. С него была взята подписка, что возвратится первым рейсом навигации 1923 г. Видимо, слово не сдержал. К суду над думцами летом 1923 г. не привлекался.

Фёдоров Федот (23 года в 1924), в 1924 г. председатель сельского комитета в с. Привольное Соболевской волости. Из крестьян, малограмотный. По Н. П. Фролову, «слабохарактерный».

Филаретов Илья Иванович (1889), делегат 1-го камчатского областного съезда 1917 г. от местной воинской команды, избран на нём членом ОК. В конце 1930-х гг. — заведующий засольным цехом Шубертовского рыбокомбината АКО. Арестован КОУ НКВД 9 февраля 1938 г., освобождён по его же постановлению от 23 июля 1939 г.

Филипенко Алексей Кузьмич (1917), с 27.11.1939 редактор областной газеты «Камчатский комсомолец». Украинец, образование высшее: в 1939 г. окончил Коммунистический институт журналистики. Член ВЛКСМ с 1932 г.

Филиппов Иван Семёнович (1874, с. Ромашино Бузулукского уезда Самарской губернии, ныне Оренбургской области), защитник Порт-Артура. Из крестьян, русский, образование низшее. Тигильский рыбак-охотник. У отца был дом-мазанка, три лошади и пара голов другого скота. Призван в армию в 1896, демобилизован в 1901 г. и до начала русско-японской войны был почтальоном и на других работах, в частности помощником табельщика на литейном заводе в г. Дальнем. «Когда Порт-Артур и Дальний были отрезаны японскими войсками от маньчжурских войск, — рассказывал Ф., — то нас всех с завода снова мобилизовали и направили в Порт-Артур, где я служил в крепостной Квантунской батарее в 6-й роте в чине старшего фейерверкера. К этому чину я был представлен после ранения. Впоследствии был захвачен в плен японцами. После перемирия, когда я возвратился из Японии, то приписался к Владивостоку мещанином... Работал зимою грузчиком в г. Владивостоке, а летом выезжал на рыбалку. В момент германской войны в 1915 г. призван в ратное ополчение и служил старшим унтер-офицером 730-й дружины в г. Хабаровске до 1917 г. После демобилизации опять зимою грузчиком, а летом рыбалки. Зимою 1922 г. переехал в с. Сопочное. В 1922 г. я остался на жительство в с. Хайково... до 1929 г. ...переехал в с. Тигиль». В 1927 г. осуждён к трём месяцам принудительных работ «за хранение стрихнина и порчу четырёх лисиц». Имел дом, десять собак и 200 руб. Был холостяком. На момент ареста 15 июля 1931 г. работал в личном хозяйстве. Обвинялся по ст. 58-6-10 УК РСФСР. Сослан в Западную Сибирь постановлением тройки при ПП ОГПУ ДВК от 14 ноября 1931 г. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Филиппов Тарас Филиппович (1899), в марте 1940 г. начальник Камчатского погранотряда. Из служащих, русский, образование общее среднее, военное высшее. В большевистской партии с ноября 1919 г. Награждён медалью «XX лет РККА». Один из первых на Камчатке генерал-майоров после восстановления этого воинского звания в 1940 г.

Фильченко Иван Антонович (1901, г. Новороссийск — 1955, г. Москва), с 1.11.1940 по 3.04.1941 и с 13.09.1941 по 06.1942 начальник УНКВД, а с 3.04 по 13.09.1941 УНКГБ по КО. Из семьи составителя поездов. Русский. Вступил в ВКП(б) в июне 1926 г. Окончил три класса начального училища и в 1916 г. четыре класса ВНУ в г. Новороссийске. С декабря 1916 г. там же ученик в почтово-телеграфной конторе. С апреля 1917 г. — телеграфист в пос. Курсавка. С августа 1918 г. трудился в хозяйстве отца в г. Новороссийске, затем в декабре того же года устроился подручным котельщика на новороссийский завод «Судосталь». С февраля 1920 г. — вновь в хозяйстве отца. С июня 1920 по май 1924 г. служил в РККА: рядовой пересыльного пункта в г. Краснодаре, рядовой 6-го запасного стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии, рядовой 2-го полка той же дивизии (участвовал во взятии Каховки и Перекопа), морзист службы связи Чёрного моря при штабе обороны Кавказского сектора, морзист отделения службы связи Морских сил Чёрного моря в Севастополе. В июне 1924 г. стал помощником корабельного смотрителя, потом корабельным смотрителем Новороссийской портовой таможни. С декабря 1929 г. — в том же городе рабочий Совторгфлота, с марта 1930 г. — секретарь, начальник спецотделения завода «Пролетарий». В январе 1933 г. направлен в ОГПУ: практикант, уполномоченный СПО Черноморского оперсектора ГПУ НКВД. С 1935 по 1941 г. — на разных должностях в УНКВД в г. Новороссийске, Армавире, Краснодарском крае. В июне 1942 г. переведён заместителем начальника УНКВД по Нижне-Амурской области. В 1954 г. уволен из органов МВД в звании подполковника. Награждён орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, четырьмя медалями, нагрудным знаком «Почётный работник ВЧК-ГПУ».

Финашин Вячеслав Васильевич (12.09.1942, г. Петропавловск-Камчатский), общественный и хозяйственный деятель. Из семьи рыбака, русский, образование высшее: в 1964 г. окончил физико-математический факультет КГПИ, в 1976 г. — заочно Дальрыбвтуз по специальности инженер-экономист. Член КПСС с 1966 г. После службы в ВМФ преподавал в областной заочной средней школе

моряков на БМРТ «Браслав» УТРФ, а затем в Петропавловск-Камчатском мореходном училище. С ноября 1967 г. — секретарь комитета ВЛКСМ на правах РК Камчатского морского пароходства. С июня 1970 по ноябрь 1974 г. — первый секретарь ПГК ВЛКСМ. Во второй половине 1970-х гг. — инструктор орготдела КОК КПСС, второй секретарь Тигильского РК КПСС. В 1980—1982 гг. — заместитель заведующего промышленно-транспортным, заведующий финансово-хозяйственными отделами, а с 1982 по 1991 г. — управляющий делами КОК КПСС. С 1991 по апрель 2002 г. — директор предприятия Камчатсервис. С 2002 г. — советник губернатора КО. Награждён медалью «За трудовое отличие» (1971). Ныне живёт в г. Санкт-Петербурге.

Фишер Марк Абрамович (1914, г. Чита), *газетчик*. Отец — кузнец на КВЖД, умер в своей кузнице в 1919 г. Мать — уборщица в аптеке и райкоме партии в г. Нерчинске. Там в 1929 г. окончил семь классов школы-девятилетки. В 1929—1932 гг. учился на планово-экономическом отделении техникума в г. Владивостоке. Вступил в ВКП(б) в 1942 г. Работал в системе АКО, Главсевморпути. В 1940 г. — начальник планово-экономического отдела Микояновского рыбокомбината. С июля 1941 по июнь 1946 г. — редактор многотиражки «Микояновец», затем заведующий отделом рыбной промышленности «Камчатской правды». С апреля 1947 по май 1950 г. — заведующий отделом партийной жизни той же газеты. Снят за ошибки. В течение месяца — и. о. заведующего промотделом, по январь 1951 г. — собкор. В 1951—1953 гг. — заведующий промышленно-транспортным отделом, в 1953—1954 гг. — заведующий агитационно-пропагандистским отделом «Камчатской правды». В 1954—1960 гг. — редактор газеты «Ударник». С февраля 1961 по август 1967 г. до выезда за пределы КО — заведующий отделом писем и рабселькоров «Камчатской правды». Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Фишман Максим Исаевич (1885, Одесса), *ревизионный корректор газеты «Камчатская правда»*. Из мещан, еврей, образование среднее. Арестован 17 апреля 1939 г. Обвинялся по ст. 58-1а-10-11 УК РСФСР. 24 сентября 1939 г. приговорён к ВМН, заменённой 5 февраля 1940 г. десятью годами лишения свободы. Реабилитирован Президиумом ВС РСФСР 26 марта 1958 г.

Фишман Яков Ильич (1911), в 1939—1940 гг. *главный инженер и заместитель начальника КОУ связи*. Из служащих, образование высшее. Вступил в ВКП(б) в 1940 г. В 1927—1928 гг. —

рабочий чугунолитейного завода им. Ченцова, в 1928—1929 гг. — слесарь-монтажник «Сельмашстроя» треста «Теплосила» в г. Ростове-на-Дону. В 1929—1936 гг. работал и учился в институте связи. С 1936 г. — заместитель начальника Петропавловской конторы связи.

Флетчер Алексей Иванович (1887), с 24.01.1923 служащий Камчатского губернского финотдела. Бухгалтер окладных счетов, конторщик, делопроизводитель. Рабочая характеристика на 1 декабря 1925 г.: «...по характеру скрытен, к служебным обязанностям относится удовлетворительно, поскольку дорожит службой. Подвержен алкоголю, отношение к советской власти и коммунистам скрытно враждебное, активности не проявляет, терпим за отсутствием заместителя».

Флетчер Алексей Николаевич (1891, с. Тигиль, Камчатка), в 1922 г. член паланской дружины самообороны А. А. Сарафанникова. Из семьи торговца, «англо-камчадал», образование неоконченное среднее: один класс гимназии в г. Владивостоке. До 1917 г. находился на иждивении родителя — купца второй гильдии, с 1919 г. занимался плотницкими и печными работами. В 1925 г. — член сельсовета. В 1928—1930 гг. — приказчик кооператива в с. Палана. На момент ареста 2 июля 1931 г. по «Тигильскому делу» женат, работал в своём хозяйстве, имел дом, амбар, стайку, двух телков, две лошади. Осуждён по ст. 58-2-11 УК РСФСР. Постановлением тройки ПП ОГПУ от 7 сентября 1932 г. выслан в Западную Сибирь на три года. Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Флетчер Василий Иванович (1870, г. Петропавловск — 1934, г. Хабаровск), участник июльского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Из крестьян, камчадал, малограмотный. Домовладелец. В феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. По материалам дела «Автономная Камчатка», судим в 1927 г. за убийство дочери, получил три года условно. Арестован 18 февраля 1933 г. Обвинялся по ст. 58-2-6-7-11 УК РСФСР (по другим данным, и по ст. 59-8-9). Приговорён судтройкой ПП ОГПУ ДВК 1 января 1934 г. к ВМН. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Флетчер Василий Николаевич (1903, г. Владивосток), по официальному списку, в феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Сын крупного торговца, камчадал, образование низшее. Заведующий газетным отделом Петропавловской почтово-телеграфной конторы. На момент ареста 8 марта 1933 г. женат, семья из трёх человек. Проходил по делу «Автономная Камчатка». Обвинялся как якобы завербованный отцом

по ст. 58-2-6-7-11 УК РСФСР. Согласно документу, направленному начальником спецотделения УВД КОИК майором Н. Симаковым начальнику УАГ КГБ капитану Орлову (получен 26 июля 1961 г.), Ф. приговорён к ВМН в январе 1934 г. и тогда же расстрелян. 29 июля 1961 г. начальник УКГБ по КО Шмойлов предложил заведующему Петропавловским городским ЗАГС зарегистрировать смерть Ф. следующей записью: «Умер в местах заключения 10 мая 1942 г. от гнойного аппендицита». Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Флетчер Иван Иванович (1891, г. Петропавловск-на-Камчатке — 21.02.1942), с 20.04.1918 член ПГС, на 3-м съезде КО 1920 г. избран кандидатом в члены КОИК, с января 1921 г. член КОНРК. Из мещан, окончил ВНУ, чернорабочий. В 1919 г. был канцелярским служащим в колчаковской администрации Червлянского. После просоветского переворота 1920 г. в г. Петропавловске — член следственной комиссии, кандидат в члены областного Совета трудового народа, в отсутствие члена Слободчикова занимал его место. 25 сентября 1920 г. избран членом Петропавловского укома РКП(б). В 1921 г. — технический секретарь укома, тогда же был членом большевистской партии. Ушёл партизанить в октябре 1921 г. вместе с Лариным и другими. По одним сведениям, будучи с Сергеем Селивановым в разведке, арестован в порту охраной, просидел две недели в заключении, отпущен за недоказанностью участия в партизанском отряде. По другим сведениям, в январе 1922 г. возвратился в Петропавловск, сдал оружие белой власти и остался в городе. Свои действия впоследствии объяснял так: «Найдя семью, видя её тяжёлое экономическое положение и не имея средств к её существованию, а также нездоровой жены и не могущей работать и зарабатывать на стороне. И зная в то время, что в комитете нет средств, и не желая быть обузой у комитета, тем более семья моя состоит из семи человек, я никак не мог вернуться обратно, жалеючи семью... Я был предупреждён на пароходе “Свирь”, что если я буду иметь связь или переписку с комитетом, то буду расстрелян или, как они выражались, отправлен в советский рай... Первый раз я был арестован на четыре дня и был освобождён по подписке граждан Петропавловска, а второй раз был арестован, когда организовавшийся отряд партизан из с. Калыгирь продвигался на Завойкинский тракт, это в феврале 1922 г. Меня арестовали, просидел одиннадцать дней... После этого меня Бирич вызывал, но я уклонился... прожил дома до осени и в первых числах октября уехал на охоту, где и пробыл до

весны 1923 г., то есть по апрель месяц». В 1923 г. состоял под следствием за нарушение правил охоты. На момент ареста 4 июля 1938 г. — без определённых занятий и беспартийный. 8 июля 1939 г. Камчатским областным судом приговорён по ст. 58-2-11 УК РСФСР к восьми годам лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Флетчер Николай Васильевич (1875, г. Петропавловск, Камчатка — 31.10.1933), *гласный 2—3-й и 5-й ПГД*. Отец Василия Николаевича Флетчера. Из мещан, русский, образование низшее. Беспартийный. Привлекался по «Думскому делу», но был оправдан. В то время имел жену, семерых детей, дом, амбар, стайку, восемь собак. В середине января 1925 г. прекращено дело на него, а также на И. Львова и К. Попова по ст. 99 УК от 28 апреля 1923 г. за недозволенную охоту в заповеднике мыса Лопатка. 29 апреля 1925 г. комиссия КГРК по учёту убытков от интервенции и комиссия общества содействия жертвам интервенции приняли заявление Ф. на 500 руб. ввиду падежа его скота «от завезённой белогвардейцами чумы» в 1922 г. На момент ареста 8 марта 1933 г. работал в своём хозяйстве в г. Петропавловске. Обвинялся по ст. 58-2-6 УК РСФСР. Дело прекращено постановлением ПП ОГПУ ДВК от 3 ноября 1933 г. в связи со смертью во время следствия. Реабилитирован УКГБ по КО 25 апреля 1958 г.

Флетчер Пантелеймон Николаевич (1888, с. Ямское Ольского района Охотского округа ДВК — 3.11.1932), *в 1922 г. член паланской дружины самообороны А. А. Сарафанникова*. Из мещан, русский, окончил четыре класса гимназии. На момент ареста 10 марта 1932 г. житель с. Каменского Пенжинского района, председатель отделения кооператива Интегралсоюза (заведующий отделением райинтегралкооператива Охотсоюза). 31 октября 1932 г. тройкой ПП ОГПУ ДВК по ст. 58-6 УК РСФСР приговорён к ВМН. Реабилитирован ВТ ДВО 22 июня 1964 г.

Фоменко Анатолий Никитович (1913—1964), *с мая 1946 г. до конца жизни заведующий особым отделом КОК ВКП(б)-КПСС*. Украинец, образование семиклассное. В ВКП(б) вступил в июне 1940 г. Участник «польского похода» Красной Армии, принимал в нём участие с 7 сентября по 7 ноября 1939 г. в составе стрелкового корпуса. В ВОВ не участвовал. Принят шифровальщиком в КОК ВКП(б) в ноябре 1940 г. 20 января 1953 г. запросил Хабаровский крайком, как поступить, в связи с выходом работы тов. Сталина по экономическим вопросам, с полученными из ЦК в 1952 г. тремя письмами тов. Сталина «не для печати» (возвратить в Москву

или уничтожить на месте): «Замечания по экономическим вопросам» от 1 февраля 1952 г., «Ответ на письмо т. Ноткина А. И. по некоторым экономическим вопросам» от 21 апреля 1952 г., «Письмо в Политбюро ЦК ВКП(б) об ошибках т. Ярошенко Л. Д.». Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За победу над Японией».

Фомин Иван Васильевич (1895, Могилёвская губерния), в 1935 г. помощник прокурора КО. Белорус, образование низшее. В царской армии служил подпрапорщиком, в красной — добровольно ротным командиром. В органах суда и прокуратуры с 1923 г. Утверждён прокурором г. Петропавловска 23 марта 1934 г. Ругал команда В. К. Блюхера. Арестован 8 сентября 1935 г. Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. Дело прекращено 4 октября 1936 г.

Фомин Пётр Иванович (1894), финансовый работник. Из крестьян, окончил второклассное училище. В большевистской партии с 1920 г. Служил в царской армии, по мобилизации у Колчака, перешёл к красным, до 1923 г. — в РККА, затем в финансовых учреждениях Приморья. С конца 1928 г. — заведующий Петропавловским отделением Госбанка. Чистку прошёл в июле 1929 г.

Фосс-Филипович Игнатий Александрович (1895), чекист. Из служащих, белорус, окончил ВНУ. В большевистской партии с 1918 г. Телеграфист. В царской армии — военный чиновник, в РККА в 1919 г. — военком связи. В 1924 г. — начальник особого отдела. Из протокола комиссии по проверке членов и кандидатов партии от 23 июля 1924 г.: «Политически развит слабо, мало интересуется партийной жизнью. Имеет революционные заслуги... Постановили: ...оставить в партии, снять с работы в ГПУ, послать на работу по специальности». Выступая в конце марта 1937 г. на партсобрании УГБ КОУ НКВД при выборах в партком, заявил: «В партком надо избирать чистых, без пятен. Поэтому я отвожу свою кандидатуру, так как в 1923 г. в Смоленске во время дискуссии по вопросам внутрипартийной демократии я голосовал за резолюцию, предложенную оппозиционером Ольперт по установке Радека. Больше к троцкизму я не примыкал, взгляды оппозиции не разделял, об этом не скрывал, все чистки партии прошёл». О личной жизни пояснил, что на материке он официально разошёлся с женой, по дороге на Камчатку женился на другой, с которой и приехал, здесь ей не понравилось, и она уехала на материк. Затем приехала первая жена. «Ребёнка не имею, воспитываю племянницу жены». За кандидатуру Ф.-Ф. проголосовал 21 чел., против голосов не было. В августе 1937 г. направлен в област-

ную контору связи начальником Петропавловского центрального телеграфа. Арестован 13 июля 1938 г. В апреле 1939 г. КО суд приговорил его к трём годам лишения свободы. 10 августа 1939 г. ВС РСФСР отменил это решение. 15 октября того же года восстановлен в ВКП(б). В конце 1939 г. — диспетчер Петропавловского порта.

Фролов Николай Лукьянович (1924—13.08.1968), в 1963—1968 гг. третий секретарь КОК КПСС по промышленности. Русский, образование высшее. В ВКП(б) с 1948 г. Награждён орденом «Знак Почёта». (Подробнее о нём см. в очерке «Опасное увлечение» в четвёртом выпуске «Вопросов истории Камчатки» и книге «Тайная история Камчатки: век XX».)

Фролов Николай Павлович (12 или 19.12.1890, с. Орево или Гореево Мединского уезда Калужской губернии — 18.09.1973), красный партизан, гласный 4-й ПГД, с 11.10.1929 председатель ПГС. Из крестьян, окончил сельскую школу. С 1920 г. — в большевистской партии, 25 сентября того же года избран членом Петропавловского укома РКП(б). Февральский и Октябрьский перевороты 1917 г. встретил на германском фронте. В конце 1917 г. служил в г. Владивостоке в крепостной артиллерии, от которой работал председателем милицейского комитета, с февраля 1918 г., после демобилизации, — грузчик Владивостокского порта. В 1918 г. попал в Петропавловск, где начал трудовую деятельность вышибалой дома терпимости [ГАКК, ф. П-44, оп. 1, д. 1а, л. 19]. С 1 августа 1918 по 10 января 1920 г. — милиционер в г. Петропавловске. Из письма Б. И. Мухачёва старшему редактору Камчатского отделения Дальиздата Е. В. Гропянову от 8 февраля 1976 г.: «До сих пор считалось, например, что Фролов был членом подпольного ревкома в 1919 г. и что милиция колчаковская принимала участие в перевороте, в восстановлении советской власти. Член ревкома Рудых обратил моё внимание на то, что Фролова на заседаниях ревкома никогда не было, что милиция в перевороте участия не принимала. Просто во время переворота она заняла нейтралитет, в противном случае предполагалось милиционеров тоже арестовать». После январского просоветского переворота 1920 до 28 октября 1921 г. — начальник областной милиции/народной охраны. С 28 октября по 7 ноября 1921 г. — член штаба партизанских отрядов, затем рядовой боец. В 1922 г.: с 14 февраля по 14 июня — командующий отрядами КОНРК; с 14 июня до 10 ноября — начальник штаба отрядов; 10 ноября назначен комендантом Петропавловска и исполнял эту должность по 1 января 1923 г.

В 1923—1929 гг. — начальник губернской и окружной милиции. Личный состав Петропавловской городской милиции на 10 июня 1923 г.: Фролов, А. Дьячков, К. Куксенко, В. Кутьин, С. Старцев, П. Марков, М. Копылов, Ф. Русин, Т. Букаемский; подлежащие приёму (на ту же дату): Воробьёв, Гамма, Коробко, Сеницкий, Сиротин, Солдатов, Торопов, Г. Трухин, Чеплаков, Шерстенин. По характеристике 1926 г., подписанной Лариным, Ф. «способный, старательный, хорошо разбирающийся в вопросах, всегда сознающий важность выполняемой работы, инициативный работник, имеет организаторские и административные способности; умеет подбирать работников и руководить ими. Недостаток общей развитости и грамотности». В 1929—1931 гг. — председатель ПГС. После окончания высших курсов советского строительства при Президиуме ВЦИК вплоть до ареста в 1938 г. работал в Наркомфине РСФСР. Последняя занимаемая им должность — начальник Пробирного управления (госконтроль за соответствием ювелирно-бытовых изделий из драгметаллов узаконенным пробам). Наряду со служебным вредительством и связями с врагами народа Тухачевским и Блюхером, его обвинили в гибели партизанского отряда. Затем — девять лет Усольлаг и столько же ссылки в Кокчетавской области. Реабилитирован в 1956 г. Через десять лет Ф. установили персональную пенсию союзного значения.

Фуражков Павел Тихонович (40 лет в конце мая 1919), по официальному списку, в феврале 1922 г. принимал участие в охране Петропавловска от красных партизан.

Хабаров Иван Иванович (1884), делегат 1-го камчатского областного съезда 1917 г. от острова Медного. На момент ареста 20 сентября 1938 г. — председатель сельсовета в с. Ушки. Постановлением КОУ НКВД от 13 декабря 1938 г. освобождён. Не реабилитирован до сих пор.

Хабаров Ефим Викторович (1885, дер. Липовая Роща Калужской губернии), гласный 2-й ПГД 1918 г.; в феврале 1922 г., согласно официальному списку, принимал участие в охране Петропавловска от красных партизан. Из крестьян, русский, образование низшее. В царской армии служил старшим писарем. «До Февральской революции с августа 1911 г. служил в канцелярии камчатского губернатора. Сначала около года по вольному найму, после уже как на государственной службе в качестве канцелярского служителя. В конце 1916 или в начале 1917 г. я получил чин коллежского регистратора (самый низший чин XIV класса. — В. П.).

В 1914 г. держал экзамен на первый классный чин». Односельчанин Х. — С. Ф. Корнев сообщил 7 апреля 1932 г. в ОГПУ следователю Непомнящему: «В 1912 г. меня вызвал областной инженер Заранек и сказал мне: “Запишись в «Архангела Михаила»”. Я спросил его, а что такое “Архангел Михаил”? Он мне ответил, что есть преданное царское войско, которое будет подавлять всяких бандитов и противников царской власти. Я спросил его, кто же записался. “Многие, — ответил он, — твой земляк Хабаров тоже записался”. Сам же Х. заявил следователю Чернавину 11 апреля 1932 г.: «В Союз Михаила Архангела я не вступал, давал ли я в этот Союз деньги, не помню, значков Михаила Архангела я не имел и не получал». Осенью 1916 г. Х. — и. о. старшего делопроизводителя. В 1918 г., после антисоветского переворота, — делопроизводитель ОК. При управляющем КО Червлянском — секретарь и бухгалтер в областной канцелярии, управляющий Охотским уездом, затем делопроизводитель ревштаба. Из показаний Х. Чернавину 19 мая 1932 г.: «В 1920 г. при выезде из Охотска мной вывезено золота в неапробированных изделиях до тридцати пяти золотников (золотник равен 4,266 грамма. — В. П.), как-то: дамский браслет, серьги, два или три кольца. Золото мной было получено семь золотников за продажу шлюпки, а остальное получила за разные услуги моя жена от председателя ревштаба Ушакова, секретаря Перминова и других, которое было мной передано в указанные выше изделия. Браслет около двадцати золотников в 1931 г. мной был сдан в ОГПУ по предложению последнего, а остальные вещи — серьги и, кажется, одно кольцо находятся у меня, которые в ОГПУ взяты не были...» Ф. М. Гурьянов рассказывал тому же Чернавину, что Х. продавал золото, привезённое из Охотска, в период коллективизации, говоря: дескать, нагляделся, будучи на лечении на материке (курорт Дарасун), «как живут, и что власть разоряет крестьян дотла, отбирает всё имущество, производит аресты и высылки. Население голодует, нет ни мануфактуры, ни хлеба, и властью все недовольны». С. Ф. Корнев слышал, будто Х. покупал корову, но они с продавцом не сошлись: тот давал четыре рубля за золотник, а он хотел пять. «Денег у Х. не было, а только золото». Возвратившись в апреле 1920 г. в Петропавловск, Х. служил делопроизводителем и помощником бухгалтера в КЮНРК вплоть до ухода такового в сопки партизанин. После чего был делопроизводителем в канцелярии особоуполномоченного Временного Приамурского правительства. Житель Петропавловска П. Т. Фуражков, считавший Х. весьма хитрым

человеком, любящим подмазаться к любой власти, вспоминал в беседе с чекистами в 1932 г. о событиях десятилетней давности: «...в охране города... Х. приходил проверять посты и строго наказывал, чтобы следили хорошенько, а то могут прийти большевики и партизаны. Он в это время служил у Бирича и пользовался его доверием». С установлением советской власти Х. — делопроизводитель в ГРК. В декабре 1923 г. вычищен как чуждый элемент, но потом восстановлен. По мнению В. И. Картакая, «флегматик, хитрый, отлынивает от работы, — вот его основной характер. Всегда приходится принуждать и наблюдать за ним... Пока терпим за неимением работников. Отношение к существующей власти двуличное — неопределённое. Политически нейтральный». Согласно «Сведениям обо всех сотрудниках, числящихся по ведомству ДГТ на 1 апреля 1926 г.», Х. «счетоводных познаний не имеет, технический работник удовлетворительный, склонен к выжиманию максимальной выгоды с учреждения, порядочный лентяй». На момент ареста 11 апреля 1932 г. жил в с. Елизово, работал бухгалтером отделения кооператива «Интегралсоюз». Имел дом размерами 15 на 9 аршин, оформленный на жену Марью Иосифовну, 48 лет. Сын Иван (21 год), шахтёр, работал на Артёмовском руднике, был членом РК ВЛКСМ. Дочь (19 лет) учительствовала в с. Авача. До 1929 г. Х. имел две коровы и дом стоимостью 15 тыс. руб., а до 1917 г. — только корову. «Лично я больше двух дойных коров не имел и подростков до трёх штук. Коров я продал в 1929 или в 1930 г. на постройку дома, а в 1931 г. продали корову осенью без меня за невозможностью приобретения сена». Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. Отказывался от приписываемых ему слов: «Если бы все работали так, как я, то у всех всё бы было, кто им не велит дома строить, а то привыкли на готовых квартирах жить, а кто должен эти квартиры строить? Коммунисты — это лодыри, лезут в партию, чтобы получить тёплое местечко, а мы, труженики, надрываемся». Постановлением тройки ПП ДВК от 4 августа 1932 г. лишён права проживания на Камчатке и в стокилометровой пограничной зоне сроком на три года. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Халин Вадим Захарович (1924, ст. Иман, Приморье), *первый секретарь ПГК ВЛКСМ (24-й по счёту) с 29.11.1949 по 10.06.1950*. Из служащих, русский, окончил восемь классов и школу гидрометеослужбы. В ВКП(б) с 1949 г. В 1940—1942 гг. — гидрометеоролог в с. Усть-Большерецк, в 1942—1944 гг. — служба в Гражданском воздушном флоте. В 1944—1945 гг. — инструктор ПГК,

а в 1945 г. — КОК ВЛКСМ. В 1945—1946 гг. — комсорг ЦК ВЛКСМ на Петропавловской судовой верфи, вновь инструктор КОК. В 1946—1948 гг. — заворг ПГК ВЛКСМ. С сентября 1948 по октябрь 1949 г. — секретарь ПГК ВЛКСМ по школам. 10 июня 1950 г. пленум ГК ВЛКСМ, заслушав секретаря горкома партии Лаёк и секретаря КОК ВКП(б) Калининкова, постановил: «Единогласно освободить т. Халина от занимаемой должности первого секретаря ГК ВЛКСМ в связи с сокрытием ареста отца и решением бюро ГК ВКП(б)». С 18 апреля 1955 г. — директор Петропавловского горпищеторга. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Хаников Ефим Михайлович (1906, с. Узкий Лог Усольского района Иркутской области), *сторонник дореволюционных порядков, противник колхозного строя*. Из крестьян, русский, образование низшее. Основная профессия — плотник. В 1939 г. осуждён на четыре месяца ИТР за невыход на работу и в декабре 1952 г. — к одному году ИТЛ. Летом 1952 г. говорил: «В Грузии живут лучше, чем русские. Это потому, что в нашей стране руководитель власти Сталин — грузин». Работал охранником Елизовского районного дорожного отдела. До ареста жил с семьёй (жена и двое детей, пяти и семи лет) в с. Николаевка. 17 марта 1953 г. приговорён Камчатским областным судом по ст. 58-10 к десяти годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет. Реабилитирован судебной коллегией по уголовным делам ВС РСФСР 29 мая 1990 г.

Харрасов Даут Гумерович (1909), с марта 1956 г. заместитель начальника Камчатского УВД. Татарин, образование среднее. В ВКП(б) с августа 1931 г. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почёта». В боевых действиях не участвовал.

Харченко Вера Тимофеевна (1918), с 1948 г. секретарь ПГК ВКП(б) по кадрам. Украинка, образование неполное среднее и трёхмесячные парткурсы. В ВКП(б) с 1940 г. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Хейфец Борис Исаакович (1906), *торгово-финансовый работник*. Из рабочих, еврей, образование неполное среднее; вечерняя совпартшкола. В комсомоле состоял в 1923—1926 гг. В ВКП(б) вступил в сентябре 1930 г. В 1935 г. — заведующий Чукотской окрсберкассой. С 1 февраля 1946 по начало 1951 г. — главный госинспектор по торговле в г. Петропавловске-Камчатском.

Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Хенкин Самуил (22 года в 1926). По архивным материалам, 24—25 августа 1926 г. в г. Петропавловске-Камчатском прошло выездное заседание Далькрайсуда под председательством Кротких, с участием общественного обвинителя Пеганова, защитников Бережного, Масяна и Гарсова по делу Хенкина Самуила — Бубенцова Луки. Бывший красноармеец Х., «авантюрист способный», ещё на пароходе «Сишан» на пути на Камчатку подбивал массу пассажиров и матросов не доверять докладу председателя ГРК об экономическом положении Камчатки (осень 1925 г.). По приезде «затесался» в Местран. Работая на выгрузке в порту, вёл агитацию против советской власти, распространяя ложные слухи об охотских событиях, посвятил некоторых пьяных членов Местрана в план восстания в Петропавловске под лозунгом «Хлеба и работы!»: с уходом последнего парохода захватить радиостанцию, сообщить во Владивосток, что испортился радиопередатчик, и устроить переворот. Говорил, что у него есть единомышленники в дивизионе ОГПУ. «Всякими способами старался дискредитировать советскую власть в глазах населения». Нашёл помощника в лице двадцатичетырёхлетнего «занозистого парня Бубенцова, недалёкого члена Местрана и редколлегии стенгазеты “Камчатский грузчик”». Х. пишет контрреволюционную статью «1917—1926», подписывает вместе с Бубенцовым и отправляется в лес к рабочим, предлагая и им подписать её. Те отказались. С двумя подписями и вывесили её в помещении Местрана, а затем перенесли в народный театр. Х. давал копии статьи крестьянам, приезжавшим в город из ближайших селений. Арестован в марте 1926 г. По ст. 73 УК РСФСР осуждён на три года тюремного заключения.

Хмарин Сергей Лукьянович, в 1935—1940 гг. начальник РКМ КОУ НКВД. 14 января 1936 г. за потерю классово бдительности ПГК ВКП(б) поставил ему на вид, помполиту Михееву вынес выговор, а парторгу Пузырёву указал — как допустившим засоренность в рядах РКМ классово чуждыми работниками: Терешонок (сын кулака), Зенькович (сын бывшего городского-лишёнца).

Хольберг Михаил Маркович (1904), с января 1940 г. начальник КОУ связи. Из рабочих, еврей, образование высшее: инженер электросвязи. В комсомоле не состоял. В ВКП(б) вступил в марте 1939 г. Трудовой стаж отсчитывал с 1921 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Из письма сослуживца Х., члена ВКП(б), на имя первого секретаря

КОК ВКП(б) Калининкова от 15 ноября 1949 г.: «В городской конторе бывает изредка, проходит транзитом по помещениям... ни с кем не поговорит, хотя бы со средним звеном, — если считает унизительным говорить с народом, с “винтиками”... Поездка в 1948 г. — начальник Усть-Камчатской конторы тов. Быков, встречая, в рабочее время был настолько в пьяном состоянии, что, подавая руку, попал под мышку тов. Х., но тов. Х. этого не заметил, потому что с первым парходом после этого визита тов. Быков выслал балыки, консервы и икру, с которыми тов. Х. в отпуск поехал... Тов. Х. в 1947 г. звонит в Коряки начальнику отделения тов. Тостановскому — отгрузите автомашину сена за счёт лошадей конно-почтовой станции без каких-либо документов или записок; и за счёт этого она, тов. Наташа Хольберг, через день ездит на автомашине за бесплатным молоком. Жена тов. Левина, возмущённая этим явлением, не даёт покоя своему мужу — он тоже не выдерживает её нытья — идёт к тов. Х., который устраивает ему автомашину сена = молоко». В сентябре 1950 г. Х. работал в Первомайском РК ВКП(б) г. Фрунзе.

Холодов Николай Васильевич (ум. 1930, Крым), кандидат к гласным 3-й ПГД 1919 г. Большевик. Прибыл на Камчатку в 1918 г. под видом инструктора по кооперации Агрономической организации. Вместо отказавшегося от членства Е. А. Колмакова вошёл в общество «Просвещение», куда были избраны также Д. М. Бадах, И. А. Коновалов, И. Д. Козырев, Журавская и кандидатами Грызлов, Курбатов, Воловников, Штерн. Уволен 1 августа 1919 г. Постановлением Червлянского от 3 сентября того же года выслан под арестом в г. Владивосток «ввиду его враждебной деятельности, угрожающей государственному порядку». 6 сентября ГУ организовала в квартире Х. аукцион его вещей (винчестер с патронами, порохом и всеми принадлежностями, костюм американский, торбаса, столы, стулья, кровать, качалка, ванна и прочее). В 1920 г. — член Далькрайкома РКП(б). 6 декабря 1920 г. в Петропавловск из Читы, где находилось правительство ДВР, было передано по телеграфу: назначенный камчатским областным эмиссаром Х. уже выехал со штатом служащих и продовольствием на зиму, получив из Владивостокского казначейства один миллион рублей владивостокскими дензнаками, на которые Центросоюз будет отпускать продукты. Сведений о его приезде не обнаружено. 12 февраля 1921 г. «Известия КОНРК» сообщили об избрании Х. членом Учредительного собрания ДВР от Петропавловского района.

Хомик Иван Валерианович (1921), с ноября 1955 г. заведующий отделом партийных органов КОК КПСС. Русский, образование неполное высшее. Вступил в ВКП(б) в июне 1940 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Хонин Митрофан Михайлович (1900, г. Санкт-Петербург — 16.03.1938, г. Владивосток), в 1918—1924 гг. служил на бронепоезде председателя Реввоенсовета Л. Д. Бронштейна-Троцкого. Отец — ремесленник, имел трёх подмастерьев. Образование низшее. В большевистской партии с сентября 1919 г. Начал жить самостоятельным трудом в двенадцать с половиной лет. Сделался печатником. В 1918 г. добровольно записался в РККА. В период гражданской войны — в походной типографии председателя Реввоенсовета. Затем до 1925 г. на кооперативной, после чего по 1928 г. — на хозяйственной работе в г. Москве, заместитель заведующего конторой Владторга. В 1928—1931 гг. — заведующий канцелярией Союзплодоовоща, старший ответственный исполнитель, заведующий отделом в г. Москве и г. Белёве, директор завода. С 1931 г. по мобилизации ЦК ВКП(б) — на Камчатке: сначала в Ключевском комбинате, заместитель начальника строительства Козыревского леспромхоза. При партчистке Х. на открытом собрании ячейки ВКП(б) Петропавловского совхоза АКО 15 сентября 1933 г. ему было задано сорок восемь вопросов. Еленис, беспартийный: «Почему Х. не интересуется садоводством?» Х.: «Я в успехи садоводства не верю... для освоения Камчатки приходится делать и затрачивать много денег». Коняхин, беспартийный: «Почему дал распоряжение об убое пятидесяти двух голов скота дойного?» Х.: «Я этого не делал, хотел уничтожить свиней, а дойный скот оставил». Журавлёв, беспартийный: «По каким причинам убивали скот и куда отправляли?» Х.: «Убивали по распоряжению облснаба, им по болезни ответли, ответработникам, на что имеются документы». Абрамов, кандидат партии: «Почему Петропавловский совхоз потерпел убыток, как вы реагируете?» Х.: «Вина не в нас, цены нам не утвердил облснаб». Забияко, кандидат партии: «Где был во время переворота в Октябре?» Х.: «Был в Ленинграде в дружине Красной гвардии». Ананьев, член партии: «Почему небрежно относился с продуктами в совхозах?» Х.: «Хотите спровоцировать меня, у меня тогда был грипп, а кто-то сказал, что Х. объелся свининой и молоком совхозским, это неверно — ложь». Хмара, беспартийный: «Как боролся с чуждым элементом?» Х.: «Я призывал всех, так как говорил, что нас мо-

гут поджечь и сделать всякие вредительские факты». Осокин, член партии: «Как относишься к платформе Троцкого?» Х.: «Троцкистом я не был. В поезде Троцкого нас эксплуатировали... Работали круглый день, спали только два часа». Журавлёв, беспартийный: «За что в Ключах выбили два зуба?» Х.: «Не выбили, это опять ложь, ел и сломал зуб. Вот и всё, что было». Васильев, член партии: «Почему был затоплен картофель и другие овощи?» Х.: «Было до меня, были затоплены все подвалы. Овощехранилища не соответствуют». Другие вопросы: «Были ли приняты меры по сохранению инвентаря как неиспользуемого в совхозе?» Х.: «У нас его больше, чем хорошего, но беда в том, что ставить некуда»; «Были случаи снабжения вне нормы ответработников города вами, будучи директором?» Х.: «Были случаи. Давал Дерibasу, Поляку и ещё некоторым молоко, кур и прочее по случаю их болезни и прочего»; «Что предпринято к изъятию чужаков из совхоза?» Х.: «Мною лично было сообщено в органы ОГПУ»; «Какие разногласия были в партии перед Октябрём и какую позицию занимали Каменев и Зиновьев?» Х.: «Был троцкизм»; «Сущность зиновьевской и троцкистской оппозиции и оценка Сталиным о троцкизме?» Х.: «Неверие в построение социализма в одной стране, что троцкизм — передовой отряд контрреволюционной буржуазии»; «Были ли случаи, что выбрасывали рабочих из кабинета?» Х.: «Нет»; Атрамов, кандидат партии: «Когда были ошибки у Х. и ему говорили, то он говорил, что я — старый большевик, вы молоды и не учите». Чернавин (беспартийный рабочий): «В бригады он ездил, но там ничего не делал. Снабжение ответработников в городе было, на просьбы рабочих не обращал внимания. Давал кур, молоко и прочее, прикреплял коров для прокормления детей, а Вантееву, своему рабочему, он отказал — дал только литр. В отношении боли в животе. Он говорит, что объелся мясом совхозским, это я могу подтвердить». Анискин: «Зажимает самокритику, ему говорили, что план нереален, Х. затыкал рот. Когда был арестован Усилевич, то его жена получала от Х. все продукты и прочее». Журавлёв: «Он работал в Ключах, и я был там. На просьбы рабочих не обращал внимания, выгонял из квартиры, разговаривать не хотел и грубо обращался. Недостоин быть в партии». Чирков, беспартийный: «Подготовка к посевной проводилась кабинетным путём... Я его на полях не видел. Был только один раз, и то когда приехал Гольдберг... Х. врёт, Х. давал записки Колегину, чтобы он убил хорошую чушку, которую убили и отправили, куда не знаю. В отношении беспартийных. Чеснаков спросил у Х., кого

надо было сокращать, то Х. сказал: сократи кого-нибудь из беспартийной сволочи». Черноморец: «Отношения были грубые». Лузин: «Грубиян, очень дерзкий». Кононенко, член партии: «Здесь я определил, что народ говорит только о снабжении совхоза и других, а не о его работе как коммуниста... Х. сам работал хорошо. Работу всю выполнял. Достоин быть в партии». Пархачёв, член ВЛКСМ: «Он хорошо разъяснял всем все задачи. Рабочим помогал, взаимоотношения были хорошие. По линии оборонно-спортивного общества работал ударно. Имеются... ошибки в хозяйстве по причине его ещё неопытности. Достоин быть в партии». Совхозный работник Полихатый защищает Х. Лузин, член партии: «Х. в каждом видел вредителя, мне приписал вредительство в порче овощей, а я был совсем не виноват...» Х., зачитав характеристику, данную ему перед чисткой 1929 г.: «Вина и беда у меня в том, что я не имею грамотности... Чиркин не был на совещании, потому что постоянно пьян, а здесь сейчас меня обвинять легко». Отводов нет. Постановили: «Тов. Х. считать проверенным». В 1934 г. КОК ВКП(б) объявил ему строгий выговор «за проявление правого оппортунизма». 22 апреля 1937 г. на горрайпартконференции Полихатый заявил: «Писал о Х. как о вредителе Кагановичу, но тот ответил: “Прекратите травить Х.”». На момент ареста 7 мая 1937 г. Х. — директор Петропавловского совхоза АКО. 11 мая 1937 г. исключён из партии за допущение систематической задолженности по зарплате, систематическое неснабжение хлебом дальней базы совхоза, необеспечение концентратами животноводства, из-за чего погибло стадо свиней, за необеспеченность подготовки посевной 1937 г., за плохие бытовые условия рабочих, за службу в поезде Троцкого, распространение в 1921 г. брошюр Троцкого в период профсоюзной дискуссии. Обвинён по ст. 58-1а-7-8-11 УК РСФСР. Приговорён 16 марта 1938 г. выездной сессией ВК ВС СССР к ВМН. Реабилитирован тем же органом 15 декабря 1956 г.

Хорошавцев Александр Александрович (1898), в 1932 г. заворг КОИК. Из крестьян, русский, образование неоконченное среднее: окончил пятиклассное реальное училище. В ВКП(б) с 1930 г. По профессии химик. До 1917 г. учился, после служил в РККА. В 1925 г. — заместитель председателя и заведующий общим отделом Чукотского уревкома.

Хренов Дмитрий Александрович, в 1919 — начале 1920 г. управляющий Чукотском уездом. Прослушал курс юридического факультета Томского университета. В третьем томе «Истории Дальнего Востока России» (Владивосток, 2003) под редакцией Б. И. Мухачёва

говорится: «...Д. Хренов, узнав о свержении колчаковской власти на материке, “понимая как одну из сторон свершившегося переворота то, что власть на местах должна принадлежать населению и выборным из населения” предложил “до получения распоряжений из областного Совета” выбрать Совет уездных депутатов, что и было сделано». Выступая на 2-м международной научной конференции, посвящённой 90-летию окончания гражданской войны и интервенции на российском Дальнем Востоке, Мухачёв сообщил, что свою просьбу «на имя Камчатского областного Совета» об отставке от 28 марта 1920 г. Х. подписал: «Председатель временного Чукотского Совета». Из воспоминаний 1940 г. А. А. Пурина: «Карательная экспедиция Чекмарёва прибыла в бухту Провидения на Чукотском полуострове для расправы с уездным начальником *известным художником* (курсив мой. — В. П.) Хреновым и его семьёй. Чукчи вооружились и не выдали его, заявив, что начальник хороший. Прибывшие не смогли справиться с положением и вернулись в Анадырь за подкреплением. Тем временем чукчи вывезли всю администрацию на Аляску».

Хрюкин Иван Андреевич (1932), журналист, поэт. Русский, образование высшее. В КПСС с мая 1962 г. Приехал на Камчатку в 1952 г. Состоял в штате «Камчатской правды», а затем «Камчатского комсомольца». Автор сборников стихов «Из камчатской тетради» и «Не улетают лебеди с Камчатки». 15 февраля 1963 г. в Петропавловском городском ЗАГС переименовал фамилию на «Корнев». Покинул Камчатку в середине 1960-х гг.

Худяков Вадим Георгиевич (1953), в 1983—1986 гг. редактор «Камчатского комсомольца». Русский, образование высшее. В КПСС с января 1982 г.

Худяков Яков, в середине марта 1918 г. член ОК, затем областного совета. Алеут. Стронник советской власти.

Цветков Михаил Михайлович, кандидат к гласным 4-й ПГД 1920 г.

Цвигун Фёдор Романович (1913 или 1916, с. Суповка Копайгородского района Винницкой области), в марте 1941 г. следователь следственной части КОУ НКВД, сержант ГБ. С ноября 1939 по июнь 1940 г. — помощник оперуполномоченного КОУ НКВД, затем следователь. Рекомендатели в члены ВКП(б): Вацурин, А. Л. Иванов, П. И. Дудоров.

Цебенко Николай Александрович (1905), с середины сентября по 2 ноября 1937 г. заведующий Камчатской областной библиотекой. Образование высшее, окончил Ленинградский университет.

Вступил в ВКП(б) в 1925 г. По сведениям ведущего библиографа Камчатки Н. И. Курохтиной, с 1922 по 1926 г. Ц. — на комсомольской работе, в 1926—1932 гг. — студент ряда вузов, в 1934 г. — учёный секретарь Дальневосточного филиала АН СССР, в апреле 1935 г. откомандирован в распоряжение КОК ВКП(б). Работал инструктором ПГК ВКП(б), преподавал в петропавловской средней школе им. Горького, руководил КО краеведческим музеем. 25 октября 1937 г. парторганизация указанной выше школы исключила его из партии «за публичную защиту врагов народа Смирнова и Эзруха, за связь с сомнительными, требующими проверки людьми, плохое отношение к партийным нагрузкам и обязанностям». Н. И. Курохтина отмечает, что апелляции Ц. в обком приводили только к новым обвинениям в его адрес, как-то: распространение религиозного дурмана (экспозиция предметов религиозного культа в музее), антипартийная пропаганда в лекционной работе, хранение контрреволюционной литературы в библиотеке и прочее. В 1938 г. Ц. покинул Камчатку. Арестован в г. Алдане и приговорён Верховным судом Якутской АССР к расстрелу. Верховный суд РСФСР отменил приговор и вернул материалы дела на исследование. Дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления. 7 июня 1940 г. КОК ВКП(б) восстановил Ц. в партии и предложил ему вновь выехать в Петропавловск. 25 декабря 1940 г. этим же органом он снят с партучёта, а партбилет отправлен в Благовещенск «в связи с переводом по службе». Далее следы первого директора областной библиотеки (таковой статус ею приобретён 9 марта 1937 г.) теряются.

Цимбалист Николай Афанасьевич, с 1930 по апрель 1938 г. старший инспектор КОУ НКВД. Непомнящий упоминал о нём в заявлении начальнику следственной части УГБ УНКВД по Хабаровскому краю от 27 апреля 1930 г.: «...слыхал, что Цимбалист — “харбинец”, был в связи с женой репрессированного заговорщика, на которой впоследствии якобы женился». Из докладной Заярного Вацурина, датированной 7 августа 1939 г.: «...к общественной работе относился плохо, имел связь с бывшим заместителем председателя ОИК Аракчеевым, с которым вместе пьянствовал, и был случай, когда они на Култучном озере, зимой, будучи в нетрезвом виде, в ночное время подняли скандал со стрельбой...» В 1940 г. — начальник конторы общепита Камчатторга. В 1945 г. работал в облрыболовпотребсоюзе.

Цой Илья Маркович (1896), уполномоченный ОО ПП ОГПУ ДВК. Причастен к фабрикации дела «Автономная Камчатка».

Цыбульский Иван Спиридонович (1906, Симбирская губерния), *чекист*. Из крестьян-середняков, русский, образование низшее. В ВКП(б) вступил в 1929 г. В 1913—1918 гг. учился в сельской школе. До 1925 г. занимался хлебопашеством, затем — доброволец РККА. В 1928 г., после окончания Ульяновской краснознамённой военной школы, поступил в распоряжение ПП ОПУ ДВК. С ноября 1928 г. служил в 60-м Камчатском погранотряде. В 1928—1929 гг. — контролёр МКПП в Тигиле. В 1929—1931 гг. — в подчинении Стрекалова и Лапина. В ходе пересмотра «Тигильского дела» Ц. показал 5 января 1959 г.: «Стрекалов в 1929—1930 гг. временно и. о. начальника КПП (впоследствии моркомендатура в с. Тигиль). В 1930 г. — на должность начальника был назначен Лапин, а Стрекалов выполнял работу оперуполномоченного Тигильского КПП... Операцию, связанную с арестом жителей с. Утхолок, возглавил Стрекалов, который также вёл предварительное следствие... В то время малейшие нарушения в этом вопросе решительно пресекались». С 1930 г. служил в с. Палана, в 1932—1934 гг. — в г. Петропавловске-Камчатском, адъютант начальника погранотряда. С 1934 по 1936 г. — начальник штаба комендатуры в с. Соболево. В 1943 г. прошёл курсы усовершенствования оперсостава при Высшей офицерской школе МГБ. Уволен в запас по возрасту с должности начальника 1-го отдела штаба управления погранвойск МВД Армянского округа в звании полковника в марте 1954 г. с правом ношения формы. Состоял на пенсионном довольствии (1958 г.) в финотделе УКГБ по Киевской области. На допросе 5 января 1959 г. заявил: «Фамилий арестованных я не помню... Я лично к этим арестам никакого отношения не имел и в допросах... участия не принимал». Вопрос: «Из материалов дела... арестованных по с. Морощечное явствует, что лично Вами в мае 1931 г. производились допросы и обыски у многих граждан указанного села (П. М. и В. М. Заева, К. Дьяконова и других). Что Вы можете показать по этому поводу?» Ответ: «Принимал ли я участие по делу, предварительное следствие по которому вёл Стрекалов, я не помню. Основные вопросы и наиболее важные следственные мероприятия производил С. Вполне возможно, что по поручению С. в начале 1931 г. я производил обыски у кого-либо из жителей с. Морощечное, но эти обстоятельства у меня в памяти не сохранились... Названных в вопросе лиц Заева П. М., Дьяконова и Заева В. М. по с. Морощечное не помню». Ц. заявил: «Насколько мне известно, каких-либо незаконных методов при ведении следствия в 1930—1931 гг. сотруddниками

ОГПУ, в том числе Стрекаловым, Лапиным и Бакшеевым, не производилось. Я лично за время работы в системе ОГПУ-НКВД по Камчатской области методов физического и морального воздействия не применял».

Цюрупа Алексей Игоревич (11.07.1933, г. Москва), в конце XX в. основатель Камчатской региональной организации социал-демократической партии РФ, заместитель председателя ПГС. Потомок ленинского наркома продовольствия. Высшее образование получал в трёх институтах: геологоразведочном, цветных металлов и золота в г. Москве и в Ленинградском горном. Кандидат геолого-минералогических наук. Работал в Южном Казахстане, на Кольском полуострове. Был аспирантом Института геохимии и аналитической химии, сотрудником Президиума Академии наук, МГУ, одного из главков Министерства геологии и охраны недр СССР, камчатского Института вулканологии. Занимался лекционной деятельностью, журналистикой, являлся членом группы литературных критиков при Камчатском областном драматическом театре. Впоследствии в качестве доцента исторического факультета преподавал географические дисциплины в Камчатском государственном педагогическом университете. В 1999—2002 гг. — председатель правления Камчатского областного общества «Мемориал». Перу Ц. принадлежит большое число научных и научно-популярных работ, статей, репортажей, сообщений, а также несколько книг, в том числе двухтомник по системной экологии.

Чайка Леонтий Афанасьевич (1937), во второй половине 1980-х гг. секретарь КОК КПСС по идеологии. Украинец. Кандидат философских наук. Образование высшее. В КПСС с апреля 1963 г. В середине 1970-х гг. — первый секретарь Олюторского РК КПСС. В 1985 г. — заведующий отделом пропаганды и агитации КОК КПСС. После 1991 г. — директор одной из средних школ г. Петропавловска-Камчатского. Награждён орденом «Знак Почёта».

Чалый Иван Алексеевич (1919), с 2.12.1940 заведующий отделом здравоохранения г. Петропавловска-Камчатского. Русский, окончил фельдшерскую школу. Член ВКП(б).

Чаплинский Алексей Гаврилович, перед Февральским переворотом 1917 г. в Петрограде вице-губернатор КО, и. о. губернатора. Выпускник Киевского кадетского корпуса и 2-го военного Константиновского училища. Камер-юнкер двора Его Императорского Величества. Статский советник. Почётный попечитель Православного Камчатского братства с правом ношения высочайше утверждённого Братского креста 1-й степени (приказ губернато-

ра КО от 2 июня 1914 г.). В январе 1917 г. сенатору Ч. было повелено присутствовать на Государственном Совете, однако он не смог из-за болезни ноги, соблюдая приписанный лекарями постельный режим. Без сопротивления принял приход к власти Временного Правительства, утверждённого Государственной Думой.

Чаринцев, в начале 1917 г. *околоточный надзиратель в г. Петропавловске-на-Камчатке*. Большевики характеризовали его, как, впрочем, и других полицейских, следующим образом: «Все граждане его знают как ярого держиморду».

Чеботин Александр Яковлевич (1912—18.06.1942), с мая 1939 г. *второй секретарь ПГК ВКП(б)*. Из крестьян-бедняков, русский, образование пятиклассное. В комсомоле с 1927, в ВКП(б) с 1931 г. Детдомовец (отец погиб в 1915 г. на войне, мать умерла в 1916 г.). Два лета пас овец. В 1926—1929 гг. — на разных работах. В 1929 г. — директор Ново-Шуховского маслозавода Кыштовского района на родине в Сибири. С августа 1930 г. — технический секретарь РК ВКП(б), с 1931 г. — секретарь Кыштовского РК ВЛКСМ. На Камчатку прибыл в 1934 г. С сентября 1934 по август 1937 г. служил в Камчатском ордена Ленина морском погранотряде, был ответственным секретарём бюро ВЛКСМ. С сентября 1937 г. — третий секретарь ПГК ВКП(б). В январе 1941 г. направлен на Ленинские курсы при ЦК ВКП(б). Призван в армию Петропавловским горвоенкоматом. Воевал батальонным комиссаром на советско-германском фронте. Погиб в бою.

Чеботнягин Василий Иванович, (24 года в 1924 г.), в 1924 г. *секретарь Соболевского волревкома*. «Из дворян, поповское происхождение». Окончил двухклассное училище. По Н. П. Фролову в 1924 г.: «административное дело знает удовлетворительно, но большой лентяй, в особенности ленится тогда, когда несвоевременно выплачивают ему жалованье (его слова). Политически неблагонадёжен и совершенно слабохарактерный».

Чекалин Николай Григорьевич (1907, Уссурийск), с мая 1932 по май 1936 г. *комендант, оперуполномоченный КОУ НКВД*. Русский, образование среднее. По его словам, как у осуждённых, так и у приговорённых к ВМН (не обязательно «с конфискацией») — изымалась вся одежда. «Конфискованные дома передавались в горкомхоз, скот передавался пограничникам, одежда реализовывалась через магазины “Динамо”, а также отправляли в краевое управление ОГПУ. Мебель передавалась сотрудникам ОО ОГПУ или передавалась в горкомхоз вместе с конфискованными домами. Семьи осуждённых по делу к ВМН, как правило, отправляли на материк

в порядке выселения, хотя решения судебных органов о выселении семей осуждённых не было. Семьи осуждённых выселяли по указанию руководителей облотдела ОГПУ Льва и Лепина».

Чекмарёв Василий Михайлович (1892, с. Покровское Наровчатского уезда Пензенской губернии — 1977, г. Рудный Кустанайской области), в 1921—1922 гг. красный партизан КОНРК. Из крестьян, русский, образование низшее: окончил два класса земского училища. Кандидат ВКП(б) в 1925—1930 гг. До Октябрьского переворота 1917 г. — чернорабочий, балтийский матрос. В РККА не служил. В 1917 и до марта 1918 г. — комиссар летучего отряда Турпанской области. По сведениям Б. И. Мухачёва, секретарь Пензенского губернского совета, председатель Кустанайского ВРК. В Охотско-Камчатский край попал после ранения в 1918 г. С августа 1919 по июль 1920 г. — секретарь Марковского волсовета, после чего до августа 1921 г. — Анадырского уездного исполкома и нарревкома. С октября 1921 по ноябрь 1922 г. — командир отряда, заведующий партизанской разведкой. В 1923 г. снят с должности заведующего подотделом коммунального отдела КГРК и посажен в тюрьму за пьянство. 21 апреля 1925 г. губернский следователь Е. М. Крайзельман писал уполномоченному ДВКК РКП(б): «В “Полярной звезде” было объявлено, что Чекмарёв подал заявление о вступлении в партию... По поводу этой персоны я хочу сказать следующее. В моём производстве было дело об убийстве Анадырского уревкома в 1919 (1920. — В. П.) году, которое в настоящее время передано во Владивосток в губсуд. По делу видно, что было убито одиннадцать человек. Из показаний отдельных лиц выявляется, что Чекмарёв во время похорон, их хоронили ночью, снимал с трупов всё, что было на них ценное. Чекмарёв объясняет, что на него говорят со злобы и что он не был в Анадыре в этот момент. Считаю, что раньше, чем пропустить его в партию, нужно проверить его и его действия в Анадыре. Проверая анкету и биографию Чекмарёва во время перерегистрации членов профсоюзов на Камчатке, я пришёл к убеждению, что он, находясь на службе в Кранштате в чине унтер-офицера, в 1918 г. бежал отсюда на Дальний Восток, а потом на Камчатку. Он же показывает, что его эвакуировали из Питера во Владивосток. Эти два момента я считаю более существенными, требующими особой, тщательной проверки. Кроме этих двух моментов, я лично считаю, что Чекмарёв примазывается к нашей партии из личных выгод, а по духу он совершенно чужд нашей идеологии». В декабре 1925 г. Ч. — заведующий общим подотделом, член Анадырского уревкома. В 1926 г.

П. В. Проскуряков характеризует его так: «...умеет приобрести симпатии населения (хотя не всегда дозволенными с точки зрения этики приёмами), серьёзную самостоятельную работу поручать целесообразно; его работу нельзя выпускать из поля зрения. Резко отрицательным его качеством является страсть к собиранию и распусканью сплетен... Энергичен и вынослив, каковые качества на Севере абсолютно необходимы. Такие работники пользуются авторитетом туземного населения». 22 июня 1926 г. освобождён от обязанностей члена райревкома с резолюцией: «Против использования его по линии Госторга не возражать». По другим данным, на момент перевода в конце 1927 г. на хозяйственную работу — заведующий факторией АКО в с. Дежнёв — являлся заместителем председателя РИК. На этом посту присвоил более 300 руб. налоговых денег. Это, а также пьянство со злостным хулиганством послужило причиной возбуждения против него пяти уголовных дел, которые, однако, были прекращены. 23 ноября 1930 г. Камчатская окружная КК исключила Ч. из ВКП(б), признав его совершенно разложившимся. В заключении комиссии, помимо браговарения, дебошей и выходок с угрозой применения огнестрельного оружия, приводились иные факты: в 1927 г. присвоил имущество бывшей фирмы «Феникс», зимой 1928 г. — двух песцов (продав их «частным образом»), три сотни налоговых сумм; повинен «в незаконном взятии» 600 руб. казённых средств. Далее в биографии Ч. пробел. Закончил жизнь персональным пенсионером союзного значения. Имел жену и шестерых детей, в том числе троих у себя на родине. Вторая, «северная», супруга Матрёна Ивановна была моложе его на восемь лет. Родилась в с. Маркове Анадырского уезда в семье мелкого торговца, рано потеряла родителей. Окончила два класса ПВНУ. Вышла замуж за Ч. на Чукотке, в 1921 г. вместе с ним перебралась в Петропавловск. «В том же году, — писала она, — по занятии белобандитами Петропавловска подвергалась репрессиям и благодаря преследованию за мужа я убежала к нему в сопки, где и родила, по возвращении из сопки живу с мужем, веду домашнее хозяйство». Любимое выражение Ч. периода партизанства: «Багор им в печёнку!» В 1967 г. по случаю 50-летия ВОСР награждён орденом Красной Звезды.

Чекуров Павел Алексеевич (1906), в марте 1940 г. прокурор г. Петропавловска-Камчатского. Русский, образование неполное среднее. В ВКП(б) с 1930 г.

Червлянский Николай Николаевич (39 лет в начале июля 1919), управляющий КО с 31.05.1919 по 10.01.1920. Коллежский ассессор.

До 1912 г. — начальник полицейского управления Охотского уезда. В 1912—1917 гг. — и. о. правителя канцелярии камчатского губернатора; в сентябре 1916 г. во время отсутствия вице-губернатора Чаплинского исполнял обязанности председателя школьной комиссии. 6 января 1919 г. назначен помощником комиссара КО. Прибыл в Петропавловск 31 мая 1919 г. как управляющий КО. В начале июня утверждён в этой должности правительством верховного правителя России А. В. Колчака. В приказе Ч. от 2 июня 1919 г. говорилось: «...я ставлю себе задачей упрочение власти... правительства и проведение в жизнь всех его начинаний к доведению страны до Учредительного собрания. Время речей, разговоров прошло, результаты их ясны. Два года тому назад Великое Российское государство разрушено, с ним никто не считается, предъявляют только требования, которые оно, как раб, должно исполнить. Зная, что никакая государственная власть не может существовать без принуждения, я оставляю в стороне путь воззваний и всевозможных обращений, рассчитанных на добрую волю и самосознание, и перехожу к языку законообоснованных приказов, исполнение которых является обязательным. Неисполнение же влечёт ответственность по закону. Старые законы не отменены, они только частично изменены и дополнены. Прошу всех высших и низших служащих подведомственных мне учреждений это помнить и не допускать в своих действиях, касающихся службы и служебных взаимоотношений, никаких отступлений от закона». В пятницу 18 июля 1919 г. в Петропавловском соборе сочетался первым браком с тридцатидевятилетней вдовой отставного капитана Евгенией Осиповной Кузьминой-Караваевой при поручительстве по жениху правителя канцелярии управляющего КО Андрея Михайловича Пименова, по невесте — старшего лейтенанта Николая Валерьевича Ушакова. Венчал их настоятель Корякской походной церкви игумен Николай. Супруга Ч. взяла на себя устройство 25 сентября 1919 г. спектакля в пользу Русской Армии, валовой сбор от которого составил 16 327 руб. 80 коп. Она лично отдала на эти цели 175 руб. — больше всех остальных жертвователей. Во время просоветского переворота 10 января 1920 г. Ч. был арестован. 24 января 1920 г. ВВРК постановил: «Предложить гражданке Червлянской освободить квартиру, за исключением двух комнат, в коих она может помещаться». В начале мая 1920 г. следственная комиссия Гапановича заменила бывшему управляющему КО содержание под стражей домашним арестом «ввиду его болезненного состояния». 14 мая, в связи

с завершением расследования и предъявлением ему «тяжёлого обвинения», та же комиссия поместила Ч. вновь в дом заключения. По амнистии, объявленной 29 апреля 1920 г. Приморской областной управой, в соответствии с постановлением Временного правительства Дальнего Востока, дело против Ч. прекращено («Известия Камчатского областного Совета трудового народа», 6 июня 1920 г.). Осенью 1922 г. «Камчатский листок» сообщал: 3 октября в Петропавловск зашёл пароход «Инабасан-мару», зафрахтованный фирмой Демби, с её доверенным Н. Н. Червлянским на борту. По свидетельству А. А. Ненсберга, в начале 1930-х гг. Ч. жил в США.

Черемпей Пётр Кузьмич (1903, Бессарабия — 2.01.1965, с. Усть-Хайрюзово, Камчатка), *красный партизан*. В детстве с семьёй переселился в г. Владивосток. По некоторым сведениям, подростком со сверстниками охранял нелегальные собрания портовиков, распространял листовки, содействовал разоблачению провокаторов. После переворота 1921 г. перебрался на Камчатку. В с. Дранка сблизился с И. П. Гаврилиным, «ставшим его другом и наставником» («Корякский коммунист», 23 февраля 1968 г.). В период ликвидации отряда Бочкарёва они присоединились к разведывательной партии В. Зенькова, участвовали в походе на Гижигу и Наяхан. В 1923 г. Ч. работал санитаром фельдшерского пункта в с. Дранка, избирался членом Тиличикского тузРИК. До 1929 г. он — член отделения Интегралсоюза в с. Дранка. До ВОВ — инструктор зверобойного промысла, заведующий лесозаготовками, матрос. Во время войны — бригадир добычи, начальник лова Хайрюзовского рыбокомбината АКО, охотник. В последние годы жизни состоял в колхозе «Красный Октябрь». Летом 1964 г. ездил в Благовещенск, где встречался с боевым товарищем П. Г. Козловым. Имел пятерых сыновей (Михаил, Владимир, Прокопий, Антроп, Иван).

Черепанов Иван Филиппович, член ВВРК, образованного после просоветского переворота в Петропавловске 10.01.1920. В РКП(б) с того же года. *Красный партизан*. На момент ухода в сопки в конце октября 1921 г. — заведующий или заместитель заведующего Петропавловской почтово-телеграфной конторой.

Черепанов-Воронов Алексей Филиппович (1885, г. Уфа), в 1922 г. *красный партизан*. Из рабочих, по специальности слесарь. На момент ареста 21 февраля 1938 г. — заведующий плавсредствами Петропавловского порта АКО. Брал под стражу и производил обыск сотрудник НКВД Цимбалист. О себе Ч. рассказывал:

«В 1907 г. я был призван на военную службу в железнодорожный батальон. Будучи рядовым, я часто ездил в Харбин, где связался с революционным комитетом, от которого получал революционную литературу и распространял её среди солдат нашего батальона. Наш батальон в это время стоял в г. Цицикао (Маньчжурия), который командование решило перебросить на границу. Батальонный революционный комитет решил не выполнить приказание... о выступлении на границу и в случае столкновения поднять восстание. Восстание было подавлено, и мне как организатору этого восстания пришлось скрываться. Мне достали паспорт на имя Воронова Петра Петровича, по которому я и выехал во Владивосток. В 1908 г. ...переехал в Петропавловск вместе с Лариным, Жуковым и Азариновым. В Петропавловске я организовал ремонтно-оружейную мастерскую. В 1911 г. я ушёл из мастерской и занялся рыболовным и охотничьим промыслом, чем занимался до 1923 г. В 1920 г. занимался скупкой пушнины среди населения, которую и сдавал японской фирме Чурина... На Камчатке во время революции я принимал активное участие в партизанском отряде Ларина и Славского». В 1937 г. якобы выкрикнул во время выступления секретаря парткома Шпакова, критикуя его: «В старое время таким ораторам я очки бил». В 1938 г. семья Ч. состояла из жены-домохозяйки, сыновей Юрия (18 лет), работавшего на метеостанции, школьника Геннадия и двух дочерей: Екатерины (трудилась в бюро погоды) и Елизаветы (учительница). Привлекался по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР. Обвинение в принадлежности к «Автономной Камчатке» отверг. «Моя вина перед советской властью, — заявил он, — заключается в том, что я, открыв богатства кроночской нефти, скрыл их от Советского государства». 16 апреля 1939 г. приговорён ВТ к пятнадцати годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на пять лет по ст. 58-7 УК РСФСР. О реабилитации сведений нет.

Черепанов Семён Федотович (1884, Урал), бывший торговец, «лишенец». Из рабочих или крестьян, русский, малограмотный: три года учился в церковноприходской школе. На материке был кузнецом, молотобойцем, кочегаром. В 1905 г. состоял в РСДРП в Тобольской губернии, там же в следующем году «механически» выбыл из партии «за потерей связи» с организацией. На Камчатке с 1914 г. Приехав в бухту Барона Корфа, женился на дочери священника с. Лесная Ивана Сновидова (бил её и якобы забил). В 1916 — феврале 1918 г. служил в армии рядовым. Семь лет работал продавцом в кооперации. С 1921 г. — рыбак и плотник.

В 1920-х гг. готовился стать псаломщиком. В 1929 г. лишился избирательных прав как бывший торговец. Тогда же имел дом, лошадь, десять собак, амбар, балаган, земляную стайку, корову с телком. «Держал наёмную рабсилу». В 1931 г. привлекался за растрату 400 руб. кооперативных денег, отбыл два месяца принудительных работ. На момент ареста 21 июля 1932 г. безработный в с. Палана. Жена Валентина Васильевна Авдеенко, пятеро детей. Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. Из обвинительного заключения: «В 1925 г., когда стоял вопрос о закрытии Лесновской церкви, то Ч. говорил туземцам: “Без церкви жить нельзя! Бог накажет нас, не допустим закрытия церкви, ибо советская власть намерена превратить церковь в клуб, а на клуб они денег не имеют!”» Об ОГПУ, по словам Никиты Ефимовича Мохнаткина, высказывался так: «Ездят за наш счёт и ничего не делают. А рабочим и крестьянам на них работай. Сейчас этих сволочей можно встретить на каждом шагу». Освобождён 7 сентября 1932 г. в связи с прекращением дела. До сих пор не реабилитирован.

Черниговский Иван Павлович (1928, дер. Чернигово Черемховского района Иркутской области), с мая 1973 по 8 февраля 1984 г. председатель ПГИК. Из крестьян, русский. Образование высшее, заочно окончил в 1968 г. Дальрыбвтуз, инженер-механик. В КПСС с февраля 1953 г. После окончания Тобольского рыбопромышленного техникума с квалификацией техника-механика по добыче рыбы с 1950 по 1952 г. — бригадир морского ставного невода, технорук лова рыбокомбината им. Микояна на западном побережье Камчатки. В 1952—1954 гг. — начальник отдела добычи Митогинского рыбокомбината. С 1954 по 1959 г. — директор Жупановского, затем до 1962 г. — Усть-Камчатского рыбокомбинатов. В 1962—1963 гг. — заместитель начальника, а с 1963 г. — начальник бассейновой промысловой разведки Камчатрыбпрома. В 1965—1967 гг. — заместитель начальника КРП. В 1967—1973 гг. — начальник УТРФ. 24 января 1977 г., открывая в Петропавловске мужской чемпионат СССР по одному из популярнейших видов спорта, несколько раз назвал его «валеит-болом», и это прошло в эфир по областному радио. 21 июля 1983 г. подписал решение ПГИК № 402 о сносе городского кладбища в районе 4-го километра и разбивке на его месте сквера. Намечалось оставить только две могилы: краснофлотцев, погибших при разминировании Авачинского залива в октябре 1945 г., и актрисы местного драмтеатра А. В. Славиной. Освобождён от должности председателя ПГИК в связи с уходом на пенсию.

Чернов Андрей Дмитриевич (17.08.1901, Агинский уезд Енисейской губернии — 8.08.1938), в начале 1923 г. политрук отряда Чубарова. Из крестьян, русский, образование: два класса школы, курсы телеграфистов в 1920 г. на станции Хилок, трёхмесячная дивизионная политшкола в 1921 г., военно-политические курсы в 1923 г., двухгодичная Высшая пограншкола НКВД им. Г. Г. Ягоды в 1935 г. В большевистской партии с 18 августа 1920 г. С сентября по октябрь 1919 г. служил по мобилизации в войсках Колчака. В 1919 г. — в партизанском отряде Горбова. С 1920 г. — доброволец Народно-революционной армии ДВР. Телефонист, старший телефонист Иркутской дивизии; участвовал в боях на Читинском фронте в составе артдивизиона против войск атамана Семёнова. В 1921 г. — политрук роты, команды конных разведчиков. В 1922 г. — телефонист Читинской бригады при кавалерийском дивизионе. Участник боёв при станции Волочаевка. Воевал против Приамурской земской рати генерала Дитерихса. В 1922—1923 гг. — политрук 1-й роты войск Охотско-Камчатского края, участвовавших в разгроме остатков СЭО В. И. Бочкарёва. С 28 апреля (дата требует дополнительной проверки) по 19 сентября 1923 г. — председатель Гижигинского уревкома, заменён «по несоответствию». В начале декабря 1923 г. И. Я. Ломбак докладывал губбюро РКП(б): «...дело с предревкомом Гижиги и уполномоченного ГПК обстоит не совсем благополучно. Упомянутые лица пьянствуют, женились — один на жене Бочкарёва (П. Г. Козлов. — В. И.), другой на жене... Грундульса и возвращают им постепенно все ценности, взятые как трофеи у Бочкарёва...» Из доклада врид ответорга РКП(б) Гижигинского уезда И. И. Осипского, прибывшего туда 16 апреля 1924 г.: «Выяснив, что во всём уезде один-единственный партиец т. Ч., бывший председатель уревкома, ныне уполномоченный военкомата, который совершенно бездействовал по партийной и культурно-просветительской работе, занимался лишь пьянством и развратом, мало того — он отвлекал от работы по культпросвету учителя, пытавшегося проводить какую-либо культурную работу. Чем подорвал звание коммуниста и всей партии, а поэтому выяснилось, что в данном уезде жители — крестьяне Гижиги и ближайших деревень не имели никакого понятия, что такое советская власть и кто управляет: рабочий или буржуй. А также не имел и никакого понятия, что такое революционные дни и празднования... В отношении РКП были в недоумении, так как т. Ч. партийцем себя именует, а работы никакой не ведёт, кроме пьянства и устраивания дебошей». Далее О. пишет,

что Ч. под его влиянием изменился к лучшему и был назначен врид секретаря коммунистической ячейки. Назначенный после Ч. председателем уревкома некий Григорьев до начала апреля 1924 г. числился, но в должность не вступал. В начале февраля 1925 г. Ч. стал начальником милиции в с. Гижига вместо Крыжановского. Председатель райревкома Пономарёв, касаясь в отчёте 1926 г. недовольства населения представителями власти, отмечал: «...в 1924 г. ...представитель УРК тов. Чернов... с угрозой оружия в руках нападал на родовичей за то, что они не соглашались давать переписать людей...» С октября 1925 г. Ч. — в Уссурийском кавалерийском погранотряде в должности инструктора по политчасти. В 1926 г. — в 52-м отдельном Сахалинском погранотряде ОГПУ, помощник коменданта погранучастка Оха по политчасти. С 1927 г. — врид помощника начальника маневренной группы. В 1929 г. — комиссар судна ПС-5 Владивостокской морпогранбазы; имел строгий партвыговор за выпивку. В 1935 г. — помощник командира пограничного сторожевого корабля «Киров» по политчасти. В 1936 г. — инструктор пропаганды Нагаевского морпогранотряда НКВД в звании старшего политрука. В августе 1937 г. откомандирован в распоряжение управления кадров ПВО ДВК. Якобы имел орден Красного Знамени за ликвидацию бочкарёвцев. Арестован 28 августа 1937 г. Осуждён к ВМН как причастный к правотроцкистской террористической организации и японский шпион. Реабилитирован 10 мая 1969 г. Супруга Ч. Лидия (1895 г. р.) происходила из семьи владивостокского портового рабочего, наборщика типографии по профессии, Павла Ефимовича Алексева. Первым мужем Лидии был капитан Грундульс, которого Ч. убил собственноручно, а её с сыном пленил и затем женился на ней. Во втором браке она родила ещё троих мальчиков: Марата (1925), Герольда (1926) и Вадима (1932). Старший сержант Марат Чернов скончался от ран в Чехословакии 3 мая 1945 г., мать — неизвестно когда в г. Красноярске, где жили родные Ч.: брат Пётр и сестра Анна Бардуткина.

Чернов Геннадий Семёнович (1939), в конце 1980-х гг. секретарь КОК КПСС. Русский. В КПСС с февраля 1965 г. В начале 1970-х гг. — первый секретарь Карагинского РК КПСС. В конце 1970 — начале 1980-х гг. — заведующий отделом рыбной промышленности КОК КПСС. Награждён орденом «Знак Почёта».

Черноногов Прокопий Ильич, по заявлению красных партизан Дмитрия и Никиты Ивайловских и самого Ч. от 2 декабря 1932 г., он — командир паратунского партизанского отряда, который

был обстрелян белыми, высадившимися в с. Тарья в июле 1922 г. Тогда же получил тяжёлое ранение Г. М. Елизов. Согласно материалам архивного уголовного дела на Н. С. Подпругина и А. П. Яковлева (привели белых в с. Паратунка), отряд состоял из шести человек: Бахтин, братья Дмитрий и Никита Константиновичи Ивайловские, Фёдор Русин, Степан Тюменцев и командир Ч. По другим источникам, командовал отрядом Елизов. В. И. Семёнов называет отрядниками иных лиц: Дмитрия Дмитриевича Ивайловского, Василия Васильевича Подпругина (участник боя, ранен), Герасима Ивановича и Николая Дмитриевича Тюменцевых и Ивана Михайловича Яковлева. На май 1967 г. в живых остались только В. В. Подпругин и И. М. Яковлев.

Черноштан Александр Евстафьевич (1913, с. Борисполь Бориспольского района Киевской области), с 20.10.1949 по 5.04.1953 начальник УМГБ, а затем до 1.06.1954 УМВД по КО. Из крестьян, украинец, образование высшее: в 1938 г. окончил Киевский сельхозинститут, агроном-полевод. В ВКП(б) с 1941 г. В 1927—1930 гг. — ученик, вакуум-аппаратчик, молотобоец сахарного завода на станции Яготин Яготинского района Полтавской области. С 1930 по 1932 г. — шофер Яготинской МТС. В 1938 г. был агрономом по севооборотам в Черниниговском облземотделе. С ноября 1938 по октябрь 1939 г. — курсант команды одногодичников 150-го горнострелкового полка в Ашхабаде. С 5 ноября 1939 г. — следователь следственной части ОО НКВД Среднеазиатского военного округа. 24 апреля 1941 г. там же особоуполномоченный 3-го отделения НКГБ. Затем заместитель, начальник ОО НКВД 83-й горнострелковой дивизии в Ашхабаде, в том числе на Закавказском фронте. В 1943—1945 гг. — в контрразведке «Смерш» на Кавказском, 4-м Украинском, 3-м Белорусском фронтах. 3 августа 1945 г. назначен старшим помощником начальника инспекции Союзной контрольной комиссии в Венгрии. С января 1947 г. — заместитель начальника, а с конца июля — начальник следственного отдела УМГБ по Смоленской области. 16 сентября 1953 г. объявлен выговор без занесения в учётную карточку КОК КПСС «за непринятие своевременных мер по сигналам о неблагоприятном положении на Петропавловском радиоцентре», снят 23 января 1954 г. В 1954 г. откомандирован в УКГБ по Хабаровскому краю, служил на Дальнем Востоке. Уволен из органов в запас КГБ по выслуге установленных сроков действительной службы с правом ношения формы. На февраль 1975 г. — пенсионер, полковник (2 ноября 1955). Награждён орденами Красной Звезды

(1943), Отечественной войны 2-й (май 1944) и 1-й (ноябрь 1944) степени, Красного Знамени (1945), медалями «За оборону Кавказа» (1944), «За взятие Кёнигсберга» (1945), «За победу над Германией» (1945), «30 лет Советской армии и флота» (1948), «За боевые заслуги» (1949), нагрудным знаком «Почётный сотрудник госбезопасности» (1957).

Черных Георгий Аристархович (1904), с ноября 1938 г. прокурор КО. Из служащих, русский, образование высшее: в 1927 г. окончил факультет права и местного хозяйства Иркутского университета. В ВКП(б) с 1932 г. Из партийной характеристики от 2 апреля 1941 г.: «Политически грамотный, партвысказаний не имеет. В разрешении вопросов практической работы принципиален».

Черных Иннокентий Васильевич (1925), в начале 1970-х гг. заместитель заведующего организационно-партийным отделом КОК КПСС. Русский, окончил Хабаровскую ВПШ. В ВКП(б) с июля 1951 г.

Черных Никифор Семёнович (1915), в 1949 г. секретарь ПГК ВКП(б), курировал отделы партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, агитпроп, осуществлял руководство партийными организациями МГБ, МВД, суда, прокуратуры, а также советскими организациями. Русский, образование неоконченное высшее. В ВКП(б) с июля 1939 г., трудовой стаж с 1932 г. По специальности автомеханик. В марте 1950 г. — заместитель начальника Главкамчатрыбпрома. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Чернышёв Александр Яковлевич (1875, дер. Сви́дерская Ливенского уезда Орловской губернии — 1931), участник свержения советской власти в июле 1918 г. в Петропавловске; осенью 1921 г. председатель Завойкинского волостного комитета. Из крестьян. На Камчатке с 1910 г. До 1915 г. — на плотницких работах. В 1915—1917 гг. — на военной службе. 20 января 1920 г. как заместитель председателя съезда Завойкинской волости Крахмалёва вместе с ним и секретарём Бибиковым подписал приветственную телеграмму ВВРК, где, в частности, значилось: «Волостной съезд высказывает облкому полное доверие и желает хорошего успеха в делах». Накануне ухода КОНРК в партизаны открыто заявлял от имени завойкинцев: «Не убежит, мы его и там стреножим...» На допросе 28 ноября 1930 г. показал: «Про петицию японскому императору я ничего не знаю. Списки партизан я Биричу не давал. По всем проводимым кампаниям советской власти я не противодействовал,

а также и по коллективизации. По неграмотности оставляю отпечаток большого пальца правой руки». 28 декабря 1922 г. арестован красными за враждебную деятельность и помещён на шесть месяцев в исправительно-трудовой дом. В 1925 г. отбыл один месяц принудительных работ за хулиганство, в 1928 г. — полгода тех же работ за растрату в кооперативе. Подписка о невыезде, данная ОГПУ, датирована 15 февраля 1930 г. На момент ареста 22 мая 1931 г. жил в с. Елизово, занимался личным хозяйством. Согласно справке сельсовета от 21 января 1931 г., имел дом, два амбара, скотный двор, три лошади, двенадцать голов рогатого скота, телегу, сани. «Лишён избирательных прав за эксплуатацию рабочей силы в количестве двух человек». 28 июня 1931 г. приговорён тройкой при ПП ОГПУ ДВК к ВМН по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Реабилитирован прокуратурой КО 29 марта 1989 г.

Чернявский Марк Львович (1914), 23.01.1941 утверждён заместителем председателя областного оргкомитета СВБ. Из рабочих, образование среднее. В кандидаты ВКП(б) вступил на Командорах в 1939 г. В июне 1940 г. уволен из редакции газеты «Алеутская звезда». Просил КОК ВКП(б) отменить решение Алеутского РК партии как неправильное и оплатить вынужденный прогул, в чём ему было отказано. С декабря 1940 г. редактор последних известий Камчатского областного радиокомитета. В 1946 г. — заведующий сельскохозяйственным отделом «Камчатской правды».

Черняев Михаил Степанович, в 1929 г. заведующий магазином районной фактории АКО в с. Усть-Камчатск. По документам ОГПУ, работал почти во всех иностранных фирмах на Камчатке. «Занимался спекуляцией. Торговое дело знает слабо. На службу в Дальгосторг попал случайно по рекомендации заведующего усть-камчатской факторией Горбунова, которому приходится родственником по жене. По непроверенным сведениям, в 1921—1922 гг. скупал пушнину у жителей западного побережья и сплавлял на Аляску. Всего было скуплено им до пятисот соболей. Есть данные, что Черняев при скупке пушнины у населения платил значительно меньше действительной стоимости. Лучшие сорта соболей не оприходовал, а оставлял для себя, переправляя их на материк и Японию. Черняев в настоящее время строит большой дом для себя и недавно приобрёл катер. Настроен антисоветски».

Черняк Ион Израилевич (1913, Украина), с декабря 1945 г. заместитель председателя КОИК и председатель облплана. Из служащих, еврей, образование высшее экономическое. В комсомоле не состоял. В ВКП(б) вступил в мае 1942 г. Трудовой стаж

с 1929 г. — разносчик, сортировщик почты, а затем в 1930—1931 гг. — чернорабочий завода им. Ильича в г. Мариуполе. В 1931—1932 гг. — рабочий на заводах «Динамо» и им. Кирова в г. Москве. С 1932 по 1936 г. — там же, студент института им. Плеханова. С 1937 г. — старший экономист управления треста АКО. Участвовал в советско-японской войне. Награждён орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Японией».

Чешкин, в 1922 г. есаул 1-й сотни СЭО, начальник охраны Петропавловска. 26 апреля на время положения усиленной охраны города в связи с угрозой нападения красных партизан назначен начальником штаба Петропавловского военного района.

Чиколенко Борис Филиппович (1931), в 1979 г. первый секретарь Усть-Камчатского РК КПСС. Образование высшее. В КПСС с мая 1958 г. В 1983 г. начальник КОУ профессионально-технического образования. После 1991 г. — помощник вице-губернатора КО. Награждён орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта».

Чирко Михаил Александрович (1923), во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. — заведующий отделом здравоохранения г. Петропавловска-Камчатского. Русский, образование высшее медицинское. В ВКП(б) с 1946 г. Участник войны с Японией. Награждён орденом «Знак Почёта», медалью «За боевые заслуги».

Чистяков Пётр Сергеевич (1903), с 1940 по 1945 г. начальник КОУ милиции; заместитель начальника УНКВД по милиции. Майор. Русский, образование низшее. В ВКП(б) с 1928 г.

Чистякова Виринея Петровна (1904), в 1948 г. директор средней школы им. Л. Н. Толстого в г. Петропавловске-Камчатском. Русская, образование высшее педагогическое; коммунистический вуз. В ВКП(б) с декабря 1924 г. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Чмыхалов Алексей Иванович (1905), в 1937—1939 гг. сотрудник, оперуполномоченный КОУ НКВД. Из рабочих, русский, образование низшее. Вступил в ВКП(б) в 1939 г. Рекомендатели: М. А. Заярный (член партии с 1928), П. И. Плаксунов (1931), П. Я. Новиков (1927). В 1921—1922 гг. — дружинник ДПО в Чите, в 1922—1923 гг. — курьер-фельдъегерь ПП ОГПУ там же. С 1923 по 1924 г. — на Камчатке в той же должности. В 1924—1926 гг. — красноармеец-доброволец 90-го дивизиона ОГПУ. В 1926—1928 гг. — финансовый агент, с 1928 по 1929 г. — корабельный смотритель Петропавловской таможни, в 1929—1930 гг. — завхоз АКО на острове Медном, Командоры. В 1930—1931 гг. — завскладом Интегралсоюза

в г. Петропавловске. С 1931 по 1933 г. — завмаг в Петропавловске. В 1933—1935 гг. — начальник политотдела КОУ РКМ, в 1935—1936 гг. — начальник паспортного стола в с. Палана. В 1936—1937 гг. — секретарь Корякского окротдела НКВД. С 1939 по 1943 г. — оперуполномоченный РО НКВД на острове Беринга (Командоры). В 1943—1945 гг. — оперуполномоченный на Алтае, с 1945 по 1951 г. — оперуполномоченный КОУ МВД, старший инспектор спецчасти КОИК. В 1951—1963 гг. — охранник. С 1946 г. на пенсии по болезни, с 1965 г. — по старости.

Чубаров Григорий Иванович (27.11.1898, г. Кузнецк Пензенской губернии — 1950, г. Воркута), *главный ликвидатор «бочкаре́вщины»*. Отец — кустарь-ваяльщик валенок, вступивший в 1930 г. в промысловую артель. Образование: три года церковноприходской школы. В ВКП(б) с 1940 г. Призван в армию в феврале 1917 г., рядовой пулемётного полка в Саратове. В июле отправлен на Туркестанский фронт. В январе 1918 г. вернулся домой. Насильно призван в «дружину самообороны». Вместе с ней при наступлении Красной Армии покинул город, но при удобном случае перешёл к красным. С ноября 1920 г. — взводный. После курсов красных командиров при 5-й армии — командир роты. В сентябре 1921 г. переведён в 311-й Владимирский полк, из которого в декабре 1922 г. в составе экспедиционного корпуса РККА убыл в г. Петропавловск-на-Камчатке. По уничтожении остатков СЭО Бочкарёва возглавил «истребительный отряд по борьбе с бандой Донского на Якутском тракте». В 1924 г. «воевал с бандами на маньчжурской границе». В 1925 г. поступил в Киевское военное училище. После окончания в 1937 г. курсов «Выстрел» присвоено звание капитана. По сведениям камчатского краеведа Р. Юшина, во время службы в г. Павлодаре оклеветан, исключён из партии и уволен из армии. С семьёй — женой Любовью Ивановной, дочерью крестьянина-бедняка (они познакомились в Киеве в 1927 г., когда та гостила у сестры, бывшей замужем за красным командиром), и сыном Валентином (1929 г. р.) переезжает в г. Одессу, устраивается в систему местной противовоздушной обороны. Через два года восстановлен в кандидаты ВКП(б) и армии. В 1940 г. получает очередное воинское звание — майор. В самом начале ВОВ попал в плен, после войны — в советский концлагерь. Реабилитирован как незаконно репрессированный. 19 января 1973 г. в г. Петропавловске-Камчатском состоялась встреча членов бюро КОК ВЛКСМ с его сыном — механиком Одесского пароходства, которому был вручён памятный сувенир за 18 руб. 35 коп. 14 апреля 1973 г.

ПГИК по ходатайству КОК ВЛКСМ принял решение назвать одну из новых улиц города именем Г. И. Чубарова.

Чудин Михаил Захарович, член партизанского отряда с. Николаевка (неподалёку от с. Завойко, ныне г. Елизово). По неподтверждённым данным, сообщённым В. И. Семёновым, в отряд входило ещё пять человек: «А. И. и К. А. Брекаловские, Калистрат Николаевич Поротов, Прокопий Илларионович Черноногий и Трофим Иванович Шехерёв». В мае 1967 г. Поротов и Шехерёв были живы.

Чудинов Дмитрий Андреевич (1902), чекист. Русский, образование низшее. В ВКП(б) с 1927 г. В 1937 г. — оперуполномоченный, в 1940 г. — старший оперуполномоченный Большерецкого РО НКВД. К маю 1937 г. имел выговор по партийной линии за несвоевременную уплату членских взносов. «3 мая 1940 г. члены партии тт. Ч., Козюлин, Мельниченко, Данилов собрались в квартире беспартийного Дьяконова, и во время пьянки Козюлин учинил скандал с Ч., называя друг друга всякими оскорбительными словами. Ч., будучи пьяным, выстрелил из револьвера в К. (пуля прошла в нескольких сантиметрах от К.). Кроме того, был случай стрельбы Ч. в помещении пожарной команды Кихчикского рыбокомбината». Большерецкий РК ВКП(б) объявил Ч. строгий выговор с предупреждением с занесением в учётную карточку и посчитал, что ему не место в НКВД. КОК ВКП(б) согласился, однако на чекистской работе Ч. был оставлен.

Чудинов Михаил Захарович (1882, с. Ключи, Камчатка — 27.01.1939), в 1920-х гг. член религиозной общины родного селения. Камчадал, малограмотный. Работал в Ключах в своём хозяйстве. Бывший муж Пелагеи Петровны Логиновой. Арестован 15 декабря 1937 г. Обвинялся по ст. 58-2-4 УК РСФСР. Умер в тюрьме. Дело прекращено в связи со смертью ВТ пограничных и внутренних войск НКВД 26 марта 1939 г. До сих пор не реабилитирован.

Чужеземцев Фрол Ефимович (1896, с. Дольное-Скробово Минской губ. — 22.09.1938, г. Хабаровск), в 1937 г. дипломатический агент НКВД СССР. Из крестьян, белорус, окончил три курса института востоковедения. В ВКП(б) с 1924 г. Арестован 9 февраля 1938 г. Обвинялся по ст. 58-1а-8-11 УК РСФСР. 20 сентября 1938 г. выездной сессией ВК ВС СССР приговорён к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован тем же органом 16 января 1958 г.

Чужих Андрей Терентьевич, кандидат к гласным 4-й ПГД 1920 г. от Трудового союза служащих и рабочих и партии коммунистов-большевиков. 5 ноября 1922 г., накануне возвращения в Петропавловск красных партизан, писал «Камчатский листок»,

днём и вечером «мирный образ жизни и спокойствие граждан нарушал гражданин Чужих Андрей, который ходил по улицам в пьяном виде и выражался площадной бранью по адресу некоторых лиц. Ему вторил вой собак на озере».

Чужих Георгий Андреевич (1905, с. Нововоскресенское Называевской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии), сын предыдущего, *красный партизан*, предполагаемый убийца белого офицера Лукомского (см. *Рябиков*). Из крестьян. В ОГПУ в 1932 г., как свидетель по делу Матвеева, заявил, что из рабочих. Русский, образование: три класса ПВНУ, в феврале 1924 г. окончил четырёхмесячную райпартшколу в г. Владивостоке. В РКСМ вступил 29 января 1923 г. по рекомендации Ларина и Могутина. Согласно «Личному листку для кандидатов в члены РКП(б)» от 10 марта 1925 г., до 1920 г. учился, в 1920—1921 гг. в с. Жупаново был рабочим у рыбопромышленника, затем по 1922 г. — в артели общества с. Колыгир; с 4 марта 1922 (но, по его воспоминаниям, ранее) по 25 января 1923 г. — в партизанском отряде, оттуда демобилизован по несовершеннолетию, затем искал работу в г. Владивостоке, по 1 апреля 1924 г. был учеником слесаря Владивостокско-Уссурийской железной дороги в депо на Первой речке, «после чего... выехал на Камчатку по случаю скверных обстоятельств братьев малолетних». Запись в протоколе заседания Петропавловского горрайкома РКСМ от 21 марта 1924 г.: «Единоголосно исключить без права вступления в РКСМ Бадаева, Игрушечкина и Ч., с занесением имён на чёрную доску...» С 11 июня 1924 по 15 июня 1925 г. трудился надзирателем исправительно-трудового дома, хотя в «Личном листке» указывал другое: «Служу в ГРК, дворник-курьер». «Заочно был судим по обвинению в убийстве отца, приговором оправдан 12 августа 1924 г., на Камчатке». 10 марта 1925 г. Ч. подал заявление: «Настоящим прошу меня принять в Ваши стальные ряды РКП(б). Надеюсь, что я в полное сумею оправдать это звание и буду с Вами на ряду учиться строить социалистическое государство через которое мы придём скорее к основной нашей цели показанной Ильичём к коммунизму. С комсомольским приветом *Г. Чужих*». Из рекомендации Н. П. Фролова: «Знаю тов. Ч... с 1920 г. как происходящего из пролетарской семьи и вполне сочувствующего РКП(б). Тов. Ч., будучи в рядах комсомола, политически себя подготовил для вступления в РКП(б), поэтому его и рекомендую и надеюсь, что тов. Ч. также и в РКП(б) будет дисциплинированный и преданный товарищ». Рекомендации дали ему также Вольский и И. Т. Мальков. 1 мая 1925 г. ячейка РКП(б)

при КГРК приняла Ч. в партию «с шестимесячным кандидатским стажем как рабочего». В том же месяце он судился с сестрой и братом из-за дома, назвал её проституткой, кричал на судью и был им предупреждён. 26 мая 1925 г. Камчатское губбюро РКП(б) постановило: «Решение общегородского собрания о приёме в кандидаты РКП Ч. приостановить, поставив вопрос на новое рассмотрение ввиду поступивших заявлений, компрометирующих т. Ч.» С июня 1925 г. — в с. Жупаново. Из протокола губбюро РЛКСМ от 4 августа 1925 г.: «Зачитывается заявление жупановской ячейки, где говорится, что тов. Ч., прибывши из Петропавловска на рыбалки в Жупаново, ведёт себя по отношению к ячейке и комсомольцам не по-комсомольски, называет ячейку фальшивой и т. п... Поручить тов. Уткину написать письмо в ячейку с указанием и призывом к порядку тов. Ч. как члена РЛКСМ. А также написать письмо т. Ч. о том, что как ему нужно вести себя, как комсомольцу городской организации по отношению к деревенской молодёжи». С 20 декабря 1925 г. Ч. — сторож и помощник корабельного смотрителя на Петропавловской таможне, в марте — декабре 1926 г. — грузчик Совторгфлота. В 1927—1928 гг. — вновь помощник корабельного смотрителя, с августа 1928 до 1929 г. — опять грузчик. Затем по 1930 г. — возчик комхоза и совхоза, с 1 июля 1930 по 12 февраля 1931 г. — грузчик-табельщик Совторгфлота. В списке (без даты) «Перевод в действительные члены ВКП(б)» значится: «С 1931 с 18 февраля по 12 ноября [был] делопроизводителем в управлении АКО. С 14-го по настоящее время работаю табельщиком в СТФ». В 1932 г. он, беспартийный, работал табельщиком «Водстроя», имел дом, семью. Тогда же показал на старовера Илью Никитича Матвеева, якобы связанного в 1921—1922 гг. с белыми. Одному из них (арестованному при красных Бойко) Матвеевы «носили... передачи». Дело М. было прекращено: «нет добытых данных для привлечения его». В том же году Александр Иванович Дьячков рассказывал в том же ведомстве: «Перед приходом красных в г. Петропавловск в 1922 г. Колмаков говорил мне, что ему угрожает партизан Чужих убить его, что он мне угрожает, прежде, чем он меня убьёт, я тоже могу его убить». В 1947 г. Ч. являлся работником Петропавловского народного суда и в своих воспоминаниях о той поре писал, что ушёл партизанить, чтобы мстить за своего брата Петра, застреленного при попытке к бегству белыми, которые подозревали его в убийстве в 1920 г. офицеров местной воинской команды Охрименко, Семёнова и Колышкина. На Петра, по сообщению газеты «Камчатский вестник» от 5 сентября

1918 г., городская милиция составила протокол «за появление на улице в пьяном виде». 15 августа 1959 г. Ч. вместе с другими бывшими красными партизанами подписал некролог Зорину.

Чуйко Александра Яковлевна (1917), супруга последующего. Из служащих, образование среднее. Трудовой стаж с 1936 г. Принята в ВЛКСМ в 1932, в ВКП(б) — в 1940 г. С 1942 г. — зубной врач поликлиники партактива. Состояла на учёте в парторганизации УНКВД.

Чуйко Константин Маркович (1909, дер. Дубки Уссурийской области), 7.01.1941 утверждён вторым секретарём ПГК ВКП(б) и членом бюро ПГК. Образование неполное среднее, в 1937 г. окончил три курса высшей коммунистической школы. В комсомоле с 1925, в ВКП(б) с 1928 г. Согласно автобиографии, отец погиб на Первой мировой войне в 1916 г. Мать и брат весной 1918 г. забобовались на Камчатку на промыслы Демби. Брат партизанил. Сам Ч. жил в это время в г. Никольске-Уссурийском. В 1925 г. уехал на Камчатку. До 1927 г. занимался охотой, рыбалкой, затем был почтовым работником. В 1930 г. — председатель Усть-Камчатского райпрофсовета, в 1931—1932 гг. — секретарь ячейки ВКП(б) в Козыревском леспромхозе, в 1932 г. — секретарь РИК, секретарь партколлектива на Ключевском лесокомбинате. С мая по декабрь 1934 г. — инструктор Усть-Камчатского РК ВКП(б). В 1937 г. направлен заместителем секретаря Мильковского РК ВКП(б), по приезде избран первым секретарём, а в декабре 1940 г. стал вторым секретарём ПГК ВКП(б). Перед тем (с февраля) в горкоме заведовал организационно-инструкторским отделом. В 1943 г. награждён орденом «Знак Почёта» за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Красной Армии. В апреле 1945 г. отозван в распоряжение Хабаровского крайкома партии.

Чуркин К. А., делегат 1-го камчатского областного съезда 1917 г. от Мильковской волости.

Чуркин Пётр Яковлевич, в 1921—1922 гг. начальник госполитохраны в с. Козыревском.

Чухман Харитон Александрович, с 16.06.1937 заведующий отделом культпросветработы КОК ВКП(б). В большевистской партии с 1920 г. Исключён и снят с должности 31 октября 1937 г. на бюро КОК. Обвинения: «На работу обллита и радиокомитета рекомендовал явных пособников врагов Кононенко и Ложникова, которые с ведома Ч. протаскивали троцкистскую контрреволюционную пропаганду, упорно не изымали из библиотек троцкист-

скую литературу. Ч., выступая на партсобрании, давал антипартийные установки, призывал проводить праздник Октябрьской революции с закуской и выпивкой и предупреждал, что парторганизация должна это обеспечить».

Шабуров Иннокентий Фёдорович (ноябрь 1911, пос. Вознесенский Черемховского района Иркутской области), с 6.04.1945 по 1.11.1947 председатель ПГС. Из рабочих: до революции отец был рабочим на винном заводе, после — шахтёром. Русский, образование среднее. В ВКП(б) с ноября 1931 г. С 1925 по 1927 г. — рабочий леспромхоза в Иркутской области, в 1927—1928 гг. батрачил в родном районе, затем — член коммуны «Пролетарий» в пос. Вознесенском. С 1929 по 1930 г. — в г. Иркутске на курсах по подготовке в вуз, в 1930—1934 гг. — ловец, моторист, заведующий производством рыбоконсервного завода, помощник директора Кихчикского рыбокомбината АКО в Усть-Большерецком районе, в феврале-мае 1934 г. — заведующий рыбным отделом АКО в г. Петропавловске-Камчатском, затем до июня 1937 г. — парторг, инструктор и заместитель начальника политотдела Жупановского рыбокомбината Петропавловского района, после чего по июнь 1940 г. — инструктор политсектора АКО, директор Морлова АКО. С июня по октябрь 1940 г. — начальник политотдела Микояновского рыбокомбината, по декабрь того же года — заведующий организационно-инструкторским отделом Усть-Большерецкого РК ВКП(б). До марта 1943 г. — второй секретарь РК. «Снят с работы за беспринципное противопоставление себя бюро РК, выразившееся в предоставлении обкому докладной с ложными данными и шельмовании первого секретаря РК ВКП(б) тов. Елисеева». С мая 1943 по март 1945 г. — заместитель председателя ПГС. Из характеристики, подписанной председателем КОИК Павловым 21 апреля 1945 г.: «Как заместитель председателя ГИК руководил коммунальным хозяйством, здравоохранением и торговлей. В 1944 г. по коммунальному хозяйству и благоустройству города проведены следующие работы: текущий капитальный ремонт 57 квартир, в том числе отремонтированы квартиры семьям фронтовиков и военнослужащих. Проведён ремонт всех памятников, их ограждение, а также ограждение городского сквера, сделано 200 погонных метров тротуара, отремонтировано 15 000 погонных метров городского шоссе. По контролю и улучшению торговли и лучшему обслуживанию потребителей проведён ряд проверок торговых организаций и магазинов, заслушано на горисполкоме

в 1944 г. 39 вопросов торговли... Должности председателя исполкома Петропавловского горсовета соответствует». В другой характеристике от 8 августа 1946 г. значится: «Работа подчинённых ему отделов ГИК поставлена неудовлетворительно, и должной требовательности к руководству отделов не предъявляется. В подборе руководящих кадров ГИК т. Шабуров делает много серьёзных ошибок. Советскую работу... знает и успешно может справиться с работой по руководству исполкомом райсовета одного из районов области». В следующей характеристике также за подписью секретаря по кадрам КОК ВКП(б) Матвеева от 16 октября 1946 г. говорится: «...мало уделяет внимания подбору и воспитанию советских кадров, не проявляет должной требовательности к работе аппарата... в результате чего ряд участков работы находится в запущенном состоянии... Оказывает недостаточную помощь сельсоветам... План по капитальному строительству на 1946 г. не выполнен... в исключительно плохом состоянии дорожное, строительное, жилищное хозяйство и благоустройство. При наличии соответствующей помощи со стороны облисполкома и обкома тов. Шабуров с работой председателя ГИК справится». Дважды в 1946 г. обком ставил ему на вид: 12 июля «за невыполнение постановлений бюро обкома ВКП(б) по строительству мыловаренного завода в г. Петропавловске» и 30 сентября «за непринятие мер по ликвидации нарушений устава сельхозартели». Выговор по партийной линии с занесением в учётную карточку объявлен КОК ВКП(б) в ноябре того же года «за самовольное повышение лимита контингентов, принятых на снабжение хлебом, и завышение заявок по ним». В июне 1947 г. выехал в отпуск на материк в связи с тяжёлой болезнью жены. По заключению врачей, ей на Камчатку возвращаться было нельзя. Ш. просил снять его с партучёта. Отдел кадров КОК ВКП(б) посчитал возможным освободить его от работы председателем ПГИК.

Шабуров Фёдор Николаевич (1900), в 1936 г. секретарь Карагинского РК ВКП(б). В большевистской партии с 1920 г.

Шавшуков Валентин Алексеевич (сентябрь 1904, завод «Кын» Кыновской волости Кунгурского уезда Пермской губернии), с середины марта 1924 г. (шестой по счёту) ответственный секретарь Петропавловского горрайкома РКСМ, до 9.06.1924 ответственный организатор РКСМ на Камчатке. Сын кузнеца, кочегара, забойщика угольных копей, умершего в 1918 г. Мать — крестьянка, дед — швейный мастер. Русский, окончил школу второй ступени. Студент Томского технологического института. Специальность:

политпросветработник. В комсомоле с 1920 г. Воспитывался у дяди. Стал трудиться с пятнадцати лет. Отзыв о Ш. чекиста Одляницкого: «Почему губбюро (РКП(б). — В. П.) назначает оторгом (ответственным организатором. — В. П.) РКСМ беспартийного Шавшукова, привезя его с собою с материка, который, почувствовав за собой силу, обнаглел настолько, что по вечерам в силу партдисциплины оставлял комсомолок поздно вечером убирать комсомольский уголок, а затем наедине совершал насильственные половые акты, заставляя молчать под угрозой выброски из комсомола... Какие бы ни были недостатки в Шавшукове, но он всё-таки хорошо знает постановку работы РКСМ, как никто из комсомольцев». Из заявления другого чекиста, А. Доммана, ответственному секретарю губбюро РКП(б) Бузину от 14 января 1924 г.: «Все ещё недовольны и тем положением, что тов. Шавшуков из комсомольцев воспитывает агентов ГПУ, как он выразился на собрании горячейки при чтке устава и его разборе, “что мы, комсомольцы, должны быть агентами ГПУ”, здесь же присутствовала беспартийная (видимо, имелись в виду не комсомольцы. — В. П.) молодёжь».

Шамардина Софья Сергеевна (1894, г. Несвиж Новогрудского уезда Минской губернии — 1980, пос. Переделкино Московской области), жена начальника АКО И. А. Адамовича. Дочь акцизного чиновника, образование гимназическое. После вступления в 1919 г. в большевистскую партию занималась политическим самообразованием. Осенью 1913 г. приехала в Петербург для поступления на Бестужевские курсы. Сошлась с В. В. Маяковским, собирались оформить брак. Затем был другой знаменитый поэт — И. Северянин. В начале Первой мировой войны отправилась на германский фронт в качестве сестры милосердия. После Октябрьского переворота служила в милиции г. Минска, после чего переместилась в Сибирь — работала в кооперации, секретарила в Тюменском земотделе, была членом коллегии Тобольской ЧК. В 1921 г. возвратилась в Белоруссию, устроилась на работу в Наркомпрос и вышла замуж за Адамовича. Как о женщине, о ней в те годы хорошо отзывался известный командарм Г. Д. Гай. Его хвастовство слышала в Военной академии член партии Копцева, сотрудница Наркомпищепрома СССР. В 1926 г., работая прокурором Минского округа, Ш. сблизилась с крупнейшим партийным публицистом Карлом Радеком и продолжала встречаться с ним, несмотря на ревность супруга. «Основной двигатель ума — это она, — говорила Копцева, — куда Ш. повернёт руль, туда плывёт

Адамович». Пару раз в первой половине 1930-х гг. они вдвоём навещали Радека в Москве; рассматривали у него немецкие порнографические издания. В 1928 г. Ш. возглавляла Главполитпросвет Белоруссии. На Дальнем Востоке с 1932 г., когда муж работал уполномоченным Наркомснаба в г. Никольске-Уссурийском. Познакомилась с видным военачальником Витовтом Путной. «Встречалась с ним у себя на квартире и в квартире Путна, а также в горкоме. В 1934 г. переехала с мужем на Камчатку и с Путна больше не встречалась», — признавалась позднее Ш. 3 июля 1934 г. её утвердили врид заведующего отделом пропаганды и культуры КОК ВКП(б). 10 мая 1935 г. возглавила отдел руководящих партийных органов, а в октябре была кооптирована в члены КОК и введена в состав бюро. Редактор «Камчатской правды» Л. С. Никольский не сомневался в интимных отношениях Ш. с начальником КОУ НКВД А. П. Львом. Она способствовала переводу из Москвы на Камчатку шофёра своего мужа Н. Ансимова (1906 г. р., жена и ребёнок, образование неполное среднее, судим за растрату и пособничество в воровстве). «По приезде... я был принят Адамовичем и Шамардиной отечески. Ш. предоставила мне возможность первые дни жить в своей квартире. Адамович вместо шофёра назначил меня заведующим автобазой АКО. Это ещё больше подняло авторитет в моих глазах супругов Адамович-Шамардиной. У меня невероятно выросло чувство глубокой благодарности к Адамовичу и Шамардиной, с которой месяца через три я начал сожительствовать... Я... впоследствии жил у него на квартире, когда он уезжал в Москву». 19 апреля 1937 г., в связи с резкой критикой в адрес начальника АКО, бюро КОК ВКП(б) освободило его супругу от занимаемой должности. В тот же день, за трое суток до самоубийства Адамовича, их домработница Федосья Еремеевна Каменева (1888 г. р., Тобольская губерния, из рабочих, одинокая, малограмотная) заявила на допросе в НКВД: «...Шамардина является дочерью помещика... Её мать живёт в Москве в квартире Адамовича. При ней живут её вторая дочь, работает врачом, и сын этой дочери, то есть племянник Софьи Сергеевны. Один из братьев Софьи Сергеевны был офицером, расстрелян красными... Мать Шамардиной настроена против власти из-за сына. На этой почве у них всегда споры с Адамовичем, который по приезде в Москву дома не хочет останавливаться в своей квартире из-за тётки. Со слов Шамардиной, её племянник — не советский человек, он такой же, как и Михаил (так звали её старшего брата, белого офицера. — В. П.). Обо всём этом мне известно с разговоров, так как

в семье Адамовича жила четыре года, об этом неоднократно говорила Шамардина». А. П. Лев предоставил ей возможность беспрепятственного выезда с Камчатки. Арестована УНКВД Московской области 21 ноября 1937 г. На квартире у неё нашли книги К. Каутского, О. Бауэра, Н. Бухарина. Ш. вменялось в вину: связь с врагами народа Радеком, Путной и Кореневским; хранение контрреволюционной литературы; незаконный переход границы с Польшей в 1921 г. Касаясь его, подследственная объяснила, что Центральное бюро компартии Белоруссии послало её в совхоз «Вепраты», расположенный в пограничной полосе, но возница плохо знал дорогу и завёз на чужую территорию (граница в то время не была чётко определена). Поляки продержали её у себя пять-шесть дней, после чего она возвратилась домой. Свидетель О. Н. Конокотин подтвердил показания Ш., сообщив, что она работала тогда инструктором женотдела и находилась в командировке. ЧК занималась этим вопросом и дело прекратила. 22 декабря 1937 г. особое совещание при НКВД СССР приговорило Ш. «за контрреволюционную деятельность» к десяти годам концлагерей. В период изоляции «повторников» 5 апреля 1949 г. последовал второй арест, произведённый Куйбышевским РО УМГБ Московской области. 25 мая того же года с прежней формулировкой определена на спецпоселение. 15 июля 1955 г. ВК ВС отменила оба постановления, а уголовные дела прекратила за отсутствием состава преступления. Умерла в пансионате старых большевиков под Москвой в возрасте 86 лет.

Шамбаров Михаил Иванович (1907, с. Усинск Самарской губернии), в 1930—1932 гг. начальник заставы, оперуполномоченный 60-го Камчатского погранотряда ОГПУ. Из крестьян, русский. Образование на конец 1920-х гг. низшее. В ВКП(б) с 1928 г. До 1925 г. занимался хлебопашеством, затем по путёвке комсомола учился в военной школе. В 1929 г. — контролёр ОГПУ в с. Хайрюзово. Из партийной характеристики того года: «Политически развит хорошо. Идеологически устойчив. Половой выдержанностью не обладает вследствие молодого возраста. В партийной и общественной работе принимает активное участие, больше по комсомольской линии». Вместе с другими чекистами вёл «Тигильское дело». В 1941 г. окончил два курса военной академии им. М. В. Фрунзе. С июня 1941 по ноябрь 1943 г. воевал на Воронежском, затем на 1-м Украинском фронтах командиром полка. Контужен. Награждён орденами Ленина, Красной Звезды, тремя орденами Красного Знамени. В 1955 г. уволен из управления внутренней конвойной охраны

МВД Украинской. ССР. На допросе при пересмотре «Тигильского дела» 20 февраля 1959 г. заявил: «Никаких мер физического и морального воздействия по данному делу со стороны сотрудников МКПП не применялось».

Шамбаров М. М. Исключён из членов ВКП(б) 20 марта 1930 г. «за русский шовинизм, уклон по крестьянскому вопросу». Был, видимо, восстановлен, так как 4 октября 1932 г. бюро Тигильского РК ВКП(б) вновь рассматривало вопрос о нём, числящемся в первичной парторганизации погранотряда, и исключило снова и из партии, и из состава райкома.

Шамрин Максим Осипович (1892, с. Гостище Ливенского района Орловской губернии), один из двух руководителей баптистской общины в г. Петропавловске-Камчатском. Из крестьян, русский, окончил земскую школу. Беспартийный. Счетовод городского треста «Коммунстрой». В общину входили И. Е. Булитко, Т. Д. Данько, В. П. Капцан, С. Ф. Коренев, Я. М. Лесков, П. М. Постоев. Все они квалифицировались властями как «контрреволюционная группировка под видом баптистской общины». Арестован 7 февраля 1934 г. Из его показаний: «...Ленин будет воскрешён, и он заступит на престол, тогда начнётся война между верующими и неверующими (большевиками. — В. П.), в которой должны победить верующие. После войны явится Христос, соберёт всех евреев (даже умерших), которые соблюдали свой закон верой и правдой и которые не участвовали в распятии Христа, и после нас, баптистов, возьмёт к себе в царство небесное, и тогда на земле не будет войн и зла, люди будут жить как в раю». Осуждён в тот же день и тем же органом, что и Блунштейн, и к тому же сроку наказания. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Шанин Марат Егорович (1928), в 1980 г. начальник управления снабжения и сбыта КОИК. Русский, образование высшее. В КПСС с октября 1954 г. Выступал с воспоминаниями о своей сестре, снайпере Розе, которая служила в одной части с Г. С. Медведевым и погибла в конце ВОВ.

Шапиро Гириш Михалевич (1901), в 1938 г. начальник горкомандировки ДальЛаз на Камчатке. В ВКП(б) с 1927 г. При партчистке 1933 г. переведён из членов партии в кандидаты за политическую безграмотность. 29 июля 1938 г. на стройке № 5 утерял на территории лагеря свою кандидатскую карточку, заявил об этом в 3-й отдел, который нашёл её через восемь часов у одного из заключённых. Первичная организация вынесла Ш. строгий выговор, ПГК ВКП(б) — выговор с занесением в личное дело.

Шапиро Сруль Маркович (1901), *партработник*. Окончил рабфак. Работал помощником начальника политотдела Авачинского рыбокомбината, когда 1 сентября 1937 г. был исключён из ВКП(б) (партстаж с 1929 г.) и снят с должности «за явно выраженное пособничество директору Морозову в вопросах снижения плана лова по комбинату, проявление терпимости к разоблачению вредительских действий классового врага». 23 сентября 1937 г. КОК ВКП(б) отменил своё прежнее решение, объявив строгий выговор с предупреждением.

Шаплыгин Иван Михайлович (1892, с. Ремязино Тургиновского района Калининской области — 25 мая 1938), *противник советской власти*. Сын тверского крестьянина, ставшего фабрикантом, окончил семь классов реального училища. Жил в с. Большерецк, работал главным бухгалтером АКОснабторга. Арестован 15 декабря 1937. В обвинительном заключении приводились слова Ш.: «...крестьяне и рабочие живут в худших условиях, чем раньше жили при фабрикантах и помещиках. Раньше цыгане не имели приюта, кочевали, то при советской власти теперь вместо цыган крестьяне потеряли свою родину и кочуют по советским окраинам, не могут найти себе места — это им создала советская власть». Тройкой УНКВД по ДВК от 26 марта 1938 г. приговорён к расстрелу без указания статьи УК за контрреволюционную агитацию и подрывную вредительскую деятельность. Реабилитирован прокуратурой КО 1 июня 1989 г.

Шапошников Павел Иванович (1893, с. Сапогово Западно-Сибирского края), *противник советской власти*. Из мещан-торговцев. Русский, окончил два класса церковноприходской школы. В 1914—1917 гг. служил в армии. До 1917 г. имел три коровы, четыре лошади, свинью и три поросёнка, семь овец, дом, амбар, баню, две телеги, три бороны, семь десятин земли. До 1929 г. имел двухэтажный пятистенок, три лошади, четыре головы рогатого скота, пять овец, применял наёмный труд. В 1931 г. был осуждён за невыполнение твёрдого задания сдачи хлеба по ст. 61 УК РСФСР на один год лишения свободы. Бежал из заключения, завербовался на Камчатку. На момент ареста 8 сентября 1933 г. — плотник по найму в с. Тарья на тресколовном промысле АКО. В обвинительном заключении, составленном 23 сентября 1933 г., приводятся его слова: «Говорят, что Бога нет. Это всё враньё, Бог есть и будет. Когда мы верили в Бога, то были сыты и одеты и никаких недостатков в товаро-продуктах не было. А теперь, когда перестали верить в Бога, так у нас стал недостаток товаро-продуктов,

люди сидят голодом. В Библии сказано, что большевизм недолговечен и что скоро ему придёт конец. Я этому верю... Я прошёл огонь и воду. Сидел в тюрьме, но сбежал. Эти гады думают, что я погиб. Ничего! Скоро возьму винтовку и буду их сшибать, как раньше я их сшибал. Хватит над нами издеваться». Привлекался по ст. 58-10 УК РСФСР. 29 октября 1933 г. тройкой ПП ОГПУ ДВК приговорён к пяти годам лишения свободы с конфискацией имущества. Реабилитирован прокуратурой КО 28 июня 1989 г.

Шаргаев Виктор Андреевич (7.02.1927, с. Кабаево Дубенского района Мордовской АССР), *чекист и партработник*. Русский, образование высшее. Член ВКП(б) с августа 1949 г. В 1946 г. окончил сварочное отделение Алатырского железнодорожного техникума в Чувашии. В 1947 г. — бригадир сварщиков в Ярославской области, затем инженер-технолог на строительстве заводов в г. Кременчуге Полтавской области. В августе 1952 г. — помощник оперуполномоченного РО МГБ в г. Золотоноша Полтавской области, потом по апрель 1954 г. — оперуполномоченный и старший оперуполномоченный в Усть-Камчатске. Затем по октябрь 1957 г. — инструктор промышленно-транспортного отдела, пропагандист, заведующий тем же отделом Усть-Камчатского РК КПСС. С октября 1957 по октябрь 1958 г. — освобождённый секретарь партбюро Усть-Камчатского рыбокомбината. В 1958—1962 гг. — слушатель высшей партийной школы. С августа 1962 по сентябрь 1963 г. — инструктор отдела партийных органов КОК КПСС, затем по 10 июня 1965 г. — секретарь парткома треста «Камчатморгидрострой». С 10 июня 1965 г. — секретарь ПГК КПСС. Приказом КГБ при Совмине СССР № 513 от 26 декабря 1967 г. капитан Ш. назначен начальником 5-го отдела по работе с интеллигенцией УКГБ по КО. С 16 января 1974 г. — заместитель начальника управления. В феврале 1974 г. — подполковник, награждён пятью медалями, в том числе «За безупречную службу» 3, 2 и 1-й степени. 12 января 1977 г. освобождён от должности «в связи с выездом за пределы области». На его место утверждён Отари Георгиевич Хатиашвили.

Шаркевич Ян Станиславович или *Степанович* (32 года в 1932 г.), с 1931 г. *камчатский окружной/областной прокурор*. Из рабочих, образование среднее. В ВКП(б) вступил в 1928 г. 15 августа 1932 г. получил выговор по партийной линии и был выведен из состава окружной контрольной комиссии, так как в служебное время пьянствовал на квартире с беспартийным, «что дискредитирует его не только как коммуниста, но и как прокурора».

Шаров Алексей Николаевич (1912), в 1941 г. сержант ГБ, заместитель начальника 2-го отделения КОУ НКВД, а в 1942 г. — НКГБ. Из рабочих, русский, образование среднее. В ВЛКСМ с 1928, в ВКП(б) — с 1940 г. В 1940 г. — старший оперуполномоченный того же отделения. 19 сентября 1941 г. арестовал Е. И. Давыдову, произвёл у неё обыск, а также составил 4 октября 1941 г. постановление о предъявлении ей обвинения по ст. 58-10, ч. 2 УК РСФСР. Выбыл в г. Хабаровск в сентябре 1944 г.

Шаров Иван Андреевич (1914), в 1956 г. заведующий отделом пропаганды и агитации КОК КПСС. Русский, окончил высшую партийную школу. В ВКП(б) с июня 1940 г. С мая 1957 г. — секретарь ПГК КПСС. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Шастин Иван Константинович (1893, с. Широкое в Забайкалье — 15.03.1938, г. Владивосток), с августа 1935 г. начальник КОУ связи. Сын священнослужителя, русский, окончил четыре класса духовного училища. В большевистской партии с 1920 г. Исключён 13 октября 1937 г. «за развал работы, за покрывательство вредительства, за связь с врагами народа Рыковым, Адамовичем и другими», за то, что скрыл арест братьев, обвинённых в «японо-троцкистском шпионаже». 19 октября 1937 г. взят под стражу. Привлекался по ст. 58-1а УК РСФСР. 16 марта 1938 г. выездной сессией ВК ВС СССР приговорён к ВМН. Расстрелян. Имущество конфисковано. Реабилитирован тем же органом 17 декабря 1957 г.

Шашков Анатолий Лукич (28.08.1895, дер. Осинники Сараевской волости Костромской губернии), с 4.11.1926 по 19.06.1927 врид начальника КОО ОГПУ и по совместительству врид начальника 60-го Камчатского погранотряда, прибывшего на полуостров 29 мая 1926 г. Из крестьян. 28 февраля 1920 г. вступил в ряды РКП(б). С 1908 г. работал учеником в магазине в г. Иваново-Вознесенске. В 1911—1915 гг. — приказчик магазина в г. Шуя. В августе 1915 г. мобилизован в армию и направлен рядовым в 131-й пехотный полк на Западный фронт. С ноября 1917 г. в отпуске по болезни. С февраля 1918 г. — милиционер, надзиратель охраны грузов на ст. Лосиноостровская Ярославской линии Северной железной дороги. В августе того же года — агент охраны грузов на ст. Пушкино, затем переведён в 18-й отдельный железнодорожный полк письмоводителем батальона. В августе и по конец сентября 1919 г. был в колчаковском плену, затем заболел тифом. С января 1920 г. — квартирмейстер в своём полку. В его составе принимал участие в строительстве железных дорог в Томской

и Иркутской губерниях, в боях против отрядов барона Унгерна. В ноябре 1921 г. направлен на работу в особое отделение 36-й стрелковой дивизии. Затем служил на разных должностях в погранохране ОГПУ. С января 1926 г. — первый помощник начальника 60-го погранотряда ОГПУ. После Камчатки направлен в распоряжение ПП ОГПУ по ДВК. 22 июня 1948 г. уволен из органов МВД в запас Вооружённых сил по болезни. Ведомственные награды: именной наградной пистолет системы Коровина (1929), часы от Коллегии ОГПУ (1932).

Шашков Юрий Васильевич (25.04.1927—22.09.1981, г. Южно-Сахалинск), *прозаик, журналист*. Из рабочих, русский, образование среднее. В КПСС с 1954 г. Призван в армию в 1945 г. Служил на Сахалине, после демобилизации трудился в метеослужбе. В 1960-х гг. работал в радиокомитетах многих регионов страны. С 1968 г. — на Камчатке. Освобождён от должности главного редактора и секретаря цеховой партийной организации областного комитета по радиовещанию и телевидению: обвинён в расхождении партвзносов в личных целях, а также их раздаче взаимозачётно своим сослуживцам (проверки выявили недостачу в 50 и 70 руб., которую он покрыл). За это в июле 1970 г. объявлен строгий выговор с занесением в учётную карточку. До лета 1975 г. — старший редактор «Камчатских новостей». В 1972 г. присуждена областная журналистская премия им. Виталия Кручины. С 1975 г. трудился в г. Южно-Сахалинске: заведующий отделом редакции газеты «Советский Сахалин», собкор ТАСС по Сахалинской области. Как прозаик дебютировал в журнале «Дальний Восток» № 8 за 1978 г.

Шевцов Тимон Никифорович (1884, с. Пилип Острогужского уезда Воронежской губернии), *делегат 2-го камчатского областного съезда 1918 г. от селений Паратунка, Микижа, Тихая; в 1923—1924 гг. председатель сельревкома в Паратунке*. Отец был помещичьим лесником. Русский. Образование низшее. В 1925 г. рекомендован в кандидаты ВКП(б) Н. П. Фроловым. Член партии с 1926 по 1933 г. Служил в царской армии три года в г. Владивостоке в крепостной артиллерии. В 1910—1912 гг. участвовал в камчатской экспедиции Рябушинского. Перед революцией и после занимался рыбалкой и охотой. И. Е. Ларин писал: «Во время меркуловщины на Камчатке тов. Шевцов активно участвовал и работал в паратунском народно-революционном отряде». В 1927 г. был секретарём кандидатской партгруппы в с. Начики. До 1929 г. трудился в Петропавловском лесничестве, затем по 1932 г. — в лес-

промхозе АКО, после чего в отделении Союзпушнины в с. Начики. Исключён из ВКП(б) при партчистке «за склоку и связь с кулаками»; есть и другая формулировка — «балласт, не занимающий авангардной роли на производстве», политически безграмотный, разваливший работу кандидатской группы. На момент ареста 1 июля 1938 г. — рыбак АКОторга, жил в Петропавловске, имел четверых детей. Судим ВТ КПВВ по КО 7—16 апреля 1939 г. По ст. 58-1а УК РСФСР приговорён к двадцати годам лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в избирательных правах на пять лет. На втором суде перед ВТ 101-й горнострелковой дивизии заявил: «...будучи на посту председателя сельревкома, я первый в области добился закрытия церкви». Постановлением ВТ от 25 ноября 1940 г. оправдан. Реабилитирован на основе ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.

Шевцова Зоя Ивановна (1926), в 1971—1987 гг. ректор КГПИ. Образование высшее. В ВКП(б) с апреля 1949 г. В 1968 г. — доцент кафедры педагогики и психологии, секретарь партбюро КГПИ. Отличник народного просвещения РСФСР.

Шевченко Семён Лазаревич (1918), в 1966—1969 гг. начальник КОУ охраны общественного порядка; Камчатского УВД. Украинец, образование высшее юридическое. В ВКП(б) с апреля 1939 г. Утверждён заместителем начальника КОУ МВД 31 января 1962 г. Награждён двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За безупречную службу» 1 и 2-й степени. В боевых действиях не участвовал.

Шеклейн-Ланской Михаил Степанович (1902 или 1903), с 16.01.1926 управляющий Усть-Камчатской таможней. Образование низшее. Считал своими основными профессиями канцелярский труд и чекистскую работу. До 1917 г. служил в царской армии, в 1918—1920 гг. — с перерывами в РККА на технических должностях и политработником, с 1922 г. — в ГПУ. Окончил курсы ответственных работников ВЧК-ОГПУ. В январе 1923 г. за ложные показания о материальном положении, непрохождение партийной переписи и манкировку занятиями в совпартшколе получил выговор с переводом на один год из действительных членов в кандидаты большевистской партии. В марте того же года «высказались за отмену первого постановления и за исключение, но продолжал числиться». В апреле 1924 г. морской контроль дал ему удостоверение о неимении препятствий к выбытию его во владивостокскую организацию, куда он прибыл в 1924 г.,

имея при себе личное дело и кандидатскую карточку. В 1925 г. — член КОБ ВЛКСМ. В Усть-Камчатске, наряду со служебной деятельностью, был членом драмкружка и духового оркестра, руководителем комсомольской школы политграмоты первой ступени. 20 февраля 1926 г. в «Анкете по учёту нагрузки» значится: представитель от ячейки в редколлегии комсомольской и профсоюзной газеты; член губбюро РЛКСМ и прикрепленный к 3-й ячейке; председатель экономической комиссии губбюро РЛКСМ; член редколлегии газеты «Камчатский ленинец»; представитель от губбюро РЛКСМ в комиссии по выборам в Советы при ГРК; представитель в губпрофбюро; член комиссии «по проведению броне-ученичества» при губпрофбюро. 7 декабря 1926 г. КОБ ВКП(б) постановило считать Ш.-Л. состоявшимся кандидатом партии, что было утверждено 10 июня 1927 г. партколлекгией ДВК за подписью заместителя председателя Мойсеевского. Управляющий Петропавловской таможней Устимович характеризовал его как подающего большие надежды в будущем. Между тем председатель комфракции при губревкоме писал 27 февраля 1926 г. Бузину: «...никоим образом не могу считать целесообразным назначение т. Шеклейн-Ланского управляющим Усть-Камчатской таможней. Со своей стороны, считаю необходимым вместо тов. Шеклейн-Ланского назначить другого работника, более знакомого с таможенным делом». В фондах ГАКК имеются материалы на Анну Ланскую, 1905 г. р., образование среднее, в 1925 г. кандидат ВКП(б), ученица наборщика Петропавловской типографии, замужняя. Имеет ли она какое-либо отношение к Ш.-Л., неизвестно.

Шелест Трофим Александрович (1905, с. Павловка Мариупольского уезда на Украине), с мая 1939 г. помощник секретаря КОК ВКП(б), с февраля 1940 г. секретарь партбюро КОУ НКВД. Из крестьян (рабочих), украинец, окончил три класса сельской школы. В 1937 г. учился в комвузе, в 1938 г. — на курсах партактива при Хабаровском ГК ВКП(б), но не окончил. В ВЛКСМ с 1928, в ВКП(б) с 1932 г. Далее, согласно автобиографии от 8 мая 1939 г., в 1916—1917 гг. пас кулацкий скот, батрачил. До 1927 г. трудился лампоносом на шахтах в г. Юзовке. В 1927—1929 гг. служил в РККА в 13-м отдельном конвойном батальоне. «По демобилизации из Красной Армии, как комсомолец, направлен на работу... по развёрстке в органы ОГПУ г. Харькова. Харьковское ОГПУ командировало в г. Москву в распоряжение Главного управления лагерей ОГПУ...» Оттуда направлен «в распоряжение на Север — Соловецкие лагеря, где был назначен 23 декабря 1929 г. коман-

диром отделения и начальником объединённых командировок в г. Мурманске. Проработал до 3 декабря 1930 г., в ноябре по распоряжению управления Соловецких лагерей был откомандирован на вновь организуемые лагеря Беломорстрой. По организации управления был назначен начальником буровых работ (ст. Медвежья Гора Карело-Финской АССР — уточнение по справке КОК ВКП(б) от 11 мая 1939 г. — В. П.), в марте месяце 1931 г. был назначен начальником сельхозпушнокомбината 48-го квартала (Повенецкого района той же республики), где и проработал до декабря месяца 1931 г. В декабре месяце заболел, после болезни я отказался идти на прежнюю работу. Меня направили работать начальником оперативных групп (и конвойного взвода ОГПУ, ст. Медвежья Гора) Беломорстроя, где и работал до 1933 г. июня месяца. В июне месяце 1933 г. при окончании Беломорканала командирован с эшелонам в ДВК в качестве начальника эшелона с условием организации пунктов снабжения по линии железной дороги. По прибытии на ДВК, г. Свободный, командование Байкало-Амурской магистрали НКВД оставило работать на ДВК, где и работал с 24 июля 1933 по январь 1936 г. начальником оперативной группы (и командиром конвойного взвода, а также членом парткома). В декабре месяце 1935 г. меня партийный комитет БАМЛга НКВД и Свободненского РК ВКП(б) командировали на учёбу в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу им. Кирова. 1 октября 1936 г. приняли на учёбу, где проучился всего десять дней в связи с призывом в Красную Армию. Ответсекретарь ВКСХШ (и заведующий мобилизационно-секретной частью школы) предложил мне работать, где я и проработал до 20 июля 1937 г., одновременно учился на вечерних занятиях, то есть в вечернем комвузе проучился два года». В 1937 г. ВКСХШ ликвидировали. Ш. до 21 апреля 1939 г. состоял в должности заместителя директора по административно-хозяйственной части на краевых партийных курсах, после чего откомандирован на Камчатку. В характеристике на помощника секретаря КОК от 14 сентября 1939 г. Ш. значится: «Из органов НКВД уволился по собственному желанию». Из характеристики на секретаря партбюро КОУ НКВД, подписанной секретарём обкома партии Подозёровым 10 мая 1940 г.: «Политически развит, выдержан и устойчив. В работе инициативный и настойчив». 28 июня 1940 г. объявлен выговор за утерю письма коммуниста Скоморохова на имя секретаря КОК ВКП(б). От должности секретаря партбюро КОУ освобождён 8 июля 1940 г. «в связи с отъездом в Москву на длительное

клиническое лечение». Данное решение ПГК ВКП(б) отменил 17 июля 1940 г. Выезд разрешил.

Шелковников Евсей Никифорович (1884, с. Николаевка, Камчатка — 20.03.1938, г. Петропавловск-Камчатский), участник событий 1918 г. в г. Петропавловске-на-Камчатке; евангелист. Из семьи охотника, русский или камчадал, неграмотный. Инвалид третьей группы. В армии не служил. До 1917 г. — неумудный; двадцать лет спустя имел дом, лошадь, корову, нарту собак, огород. Особая примета — «лицо перекошено на левую сторону». Жил в Елизово. Середняк-единоличник. Занимался охотой и рыболовством. По агентурным данным ОГПУ от 2 апреля 1934 г., «настроен яро против советской власти, вместе с женой верующие евангелисты... ведёт агитацию против колхозов. Симпатизирует сильно Америке. Имеет связь с Бибиковым Агафаилом (с. Елизово), в Коряках с Слободчиковым Полуэктом, последний тоже евангелист». Согласно информации секретного осведомителя НКВД по кличке Максимов, 1 мая 1935 г. Ш., вспоминая о прошлом, сообщил, что «защищать старую власть ходила вся деревня», за исключением троих: Мурашова, Владимира Кошкина и Чернышёва. «Самыми активными в походе были Сметанин Иван, Бибилов Николай, Машихин Василий, которые говорили, если бы кто попался, то сразу бы расстреляли». На момент ареста 7 октября 1937 г. — плотник. О петропавловских событиях 1918 г. (не ясно, мартовских или июльских) на допросе показал: «...к нам в Елизово приехали Закржевский В., Ворошилов Гавриил и Бибилов Григорий, которые от имени автономистов областного комитета создали в селе собрание и обратились к нам, чтобы мы с оружием в руках поехали свергать совдеп, то есть советскую власть. После собрания в числе изъявивших согласие поехать был и я. Я тогда взял с собой своё собственное нарезное оружие, и на моей нарте я вместе с Винокуровым Евгением и другими односельчанами поехали в с. Сероглазку на сборный пункт, куда собрались все восставшие против советской власти. Мне в Петропавловск поехать не пришлось, потому что я опоздал и в Петропавловск уже была отправлена нарта для свержения совдепа...» Также признал: «Да, в 1921 г. я был сельским старостой, в это же время я один от села ездил в Петропавловск, который тогда был занят белобандитами, возглавляемыми тогда Биричем, к нему я ездил за продуктами, Бирич мне тогда дал бумажку, чтоб я по приезде провёл собрание и всем селом вынести постановление о поимке и выдаче всех красных партизан, тогда он даст нашему селу продукты.

Я по приезде провёл такое собрание, после чего продукты Биричем нам были выданы». Когда Петропавловск заняли красные партизаны, говорил: «С этими голодранцами будем сидеть голыми и босыми». 17 февраля 1938 г. постановлением тройки УНКВД по ДВК приговорён к расстрелу с конфискацией личного имущества. Приговор приведён в исполнение в указанный день в 13 часов Страховым, Заярным, Ткачёвым и помощником начальника 2-го отделения МПО НКВД Лисицыным в присутствии прокурора КО Свиридюка.

Шелковников Аполлон Матвеевич (1911), с марта 1958 г. председатель ПГИК. Русский. Образование высшее. В ВКП(б) с 1940 г.

Шендрик Николай Иванович, кандидат философских наук, педагог. Участник ВОВ. С 21 октября 1964 г. — заведующий кафедрой марксизма-ленинизма КГПИ. До этого работал в Прибалтике.

Шенюк, 27.08.1930 утверждён завотделом агитации и массовых кампаний и введён в состав бюро КОК ВКП(б). С 27 октября 1930 г. врид секретаря окружкома. Как заместитель секретаря подписывал протоколы бюро 21 апреля — 12 мая и 5—23 июня 1931 г. Выведен из состава бюро 17 июля 1931 г. «за двойственную линию поведения в отношении основного решения крайкома о старом руководстве окружкома и решения об АКО, а также неприятие реальных мер к реализации решений крайкома от 8 и 16 июня и допущение критики этих решений на страницах “Камчатской правды”». 7 августа 1931 г. снят с заворга КОК ВКП(б) и откомандирован в распоряжение Далькрайкома ВКП(б).

Шерстенников Даниил Константинович, с 1922 г. епископ Охотский, викарий Камчатской епархии. Русский, окончил Вятскую духовную семинарию. Начинал с дьякона. В 1915 г. служил благочинным Камчатской епархии. В сане епископа прибыл в Петропавловск вместе с новым начальником КО генерал-майором П. М. Ивановым-Мумжиевым 25 октября 1922 г. Арестован в январе 1923 г. ГПУ. 28 июня того же года писал в КГРК: «Несколько недель тому назад я обратился в губревком с прошением разрешить мне построить дом в Раковой бухте. Не получив до сих пор уведомления о результате прошения, я в настоящее время обращаюсь с покорнейшим прошением удовлетворить то моё ходатайство. Если же почему-либо такое удовлетворение невозможно, то прошу разрешить мне жить в пределах Анадырского или Чукотского уездов, где я займусь изучением инородческих местных — чукотского и корякского — языков и составлю русско-инородческий словарь, на основании которого можно сочинить

русско-инородческую азбуку, каковые работы я представлю в распоряжение Камчатского Губернского Революционного Комитета и тем самым надеюсь принести Русскому Советскому Правительству всю возможную пользу». По свидетельству П. А. Крупенина, П. К. Шерстенников ставил всем в пример своего брата Даниила, который «волей сатанинской власти сослан на Соловки и там, в суровом северном климате, в невыносимых нечеловеческих условиях, мучается, доживает свои последние дни, но от веры не отрекается». 19 сентября 1931 г. на допросе в ОГПУ священник Яковлев показал: «За время моего проживания на Камчатке при советской власти я специальных сборов пожертвований для сосланного духовенства не производил, за исключением епископу Даниилу весной текущего года из сумм приходского совета, точно не помню, 25 или 50 руб. послал».

Шерстенников Павел Константинович (1869, с. Прокопьево Слободского уезда Вятской губернии), брат предыдущего. *Кандидат к гласным 4-й ПГД 1920 г.; в феврале 1922 г., по официальному списку, участник охраны г. Петропавловска-на-Камчатке от красных партизан.* Из семьи дьячка, русский, окончил три класса начального и столько же духовного училища. Своим трудом жил с семнадцати лет: ушёл на заработки на реку Валау, затем через Сибирь в 1889 г. попал в Благовещенск, где работал на золотых приисках до 1894 г., после чего был писарем на военной службе по призыву. Уйдя в запас в 1898 г., месяц работал писцом в окружном суде в Благовещенске, перешёл в полицейское управление столоначальником, дослужился до должности исправляющего обязанности помощника полицмейстера с ноября 1905 по август 1906 г. Имел за службу медали: «серебряную “За усердие” на Станиславской ленте, тёмно-бронзовую в память о русско-японской войне и золотую нагрудную на Станиславской ленте». Причиной увольнения, говорил он, явилось «утомление по службе». В 1908 г. устроился конторщиком в частную торговую фирму Чурина. На Камчатке с 1915 г. Весной 1916 г. занимался рыбным промыслом, имея с компаньоном засольный участок у с. Авача. В 1920—1921 гг. работал в своём хозяйстве, затем до весны 1923 г. — в должности конторщика и делопроизводителя у податного инспектора в Центросоюзе. В апреле 1923 г., как и брат Даниил, арестован и вместе с ним отправлен в ГУ ГПУ в г. Владивосток. «Там содержался в доме заключения и в начале октября был освобождён. Обвинения мне не предъявляли, но полагаю, что за хранение серебряной монеты в сумме двух тысяч, которые дал

мне спрятать мой брат епископ Даниил как его собственное жалованье. В то время, осенью 1922 г., многие жители, опасаясь репрессий в связи с уходом белой власти, также прятали ценности. Вернувшись осенью в Петропавловск, и по настоящее время занимаюсь в своём хозяйстве и частично починкой обуви... Являясь человеком религиозным, принимал до дня ареста 6 сентября сего года (1931. — В. П.) активное участие в делах местного религиозного общества, состоял членом церковноприходского совета с 1917 по апрель 1930 г. Функции приходского совета относились к содержанию храмового причта и изысканию средств. Всё время пребывания в совете был секретарём и вёл все эти дела. За этот период в разное время состояли в составе совета: Косыгин Иван Иннокентьевич, Пашковская Прасковья Игнатьевна, Бакулова Александра Марковна, Ларина Александра Романовна и другие лица... С середины лета 1929 и по 15 декабря 1930 г. по просьбе прихожан исправлял обязанности псаломщика... С середины декабря пел на клиросе, иногда читал шестопсалмие, часы, апостола, паремии...» Арестован чекистом Калашниковым. Обвинялся по ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК РСФСР. 13 октября 1932 г. в камере № 14 Хабаровского дома заключения написал заявление на имя прокурора ДВ: «Находясь в заключении четырнадцать месяцев... без суда и следствия, прошу Вас, гражданин Прокурор, обратить внимание на моё дело. Мне шестьдесят четыре года, последнее время заболел одышкой-асмой, дело же моё до сего времени не решено. Вины за собой не знаю, хотя и привлечён по 58 ст., п. 10, но я никого и нигде не агитировал и преступлений против Советской власти не совершал. Единственное, так это что я ходатайствовал перед ВЦИКом в числе прочих о нашем Петропавловском храме... в 1929 и 1930 годах, но ходатайства наши были строго законны на основании инструкции НКВД (РСФСР. — В. П.) от 29 апреля 1929 г. № 361 (не знаю, верна ли дата инструкции — кажется, так, насколько помню). Вот и вся моя вина. Может, есть оговор, но последнее не есть вина. Прошу о скорейшем рассмотрении моего дела и освобождения из-под стражи, ибо достаточно уже я потерпел наказания. Пора и милость оказать и разрешить мне возвратиться обратно на Камчатку в г. Петропавловск, где находится без всяких средств старуха моя». В дополнение к этому заявлению от Ш. поступило ещё одно, датированное 15 октября 1932 г. В нём, в частности, говорилось: «...о скорейшем освобождении ходатайствую потому, что наступило позднее время осени, или иначе сказать, предстоит скорое прекращение рейсов на Камчатку.

А на Камчатке в Петропавловске... у меня беспомощная старуха-жена, без всяких средств к существованию. В довершение я заболел асмой, пороком сердца, и болезнь прогрессирует с каждым днём к худшему, асма явилась у меня от гнилого воздуха камер тюрьмы и антисанитарных условий помещения сапожного цеха, где я работаю восьмой месяц». Освобождён из-под стражи и выслан через ПП в Западную Сибирь сроком на три года постановлением судтройки ПП ОГПУ ДВК от 28 ноября 1932 г. Реабилитирован прокуратурой КО 30 июня 1989 г.

Шерстнёв Д. Д. (1903), *работник камчатской милиции.* Из крестьян, учился в вечернем комвузе. В ВКП(б) вступил в 1930 г. В 1917—1925 гг. работал в сельском хозяйстве, в 1925—1928 гг. служил в Красной Армии. С 1928 г. — в милиции: курсант, на руководящих должностях. В конце марта 1937 г. говорил на совместном с УГБ КОУ НКВД партсобрании: «...В Ленугодке... работает РОКК... Женщинами сшиты 72 воротничка. Имеются случаи избиения жён работниками нашего коллектива. В третьем квартале имели восемнадцать случаев, а в четвёртом квартале — пятнадцать случаев нарушений... На одном партсобрании о работе среди женщин постановлено признать недостаточной, но дальше работу не сдвинули». Решением собрания первичной парторганизации 25 октября 1937 г. исключён из ВКП(б). «Будучи начальником Чукотской милиции в момент паспортизации, благодаря халатному отношению к работе, допустил недостачу 267 штук чистых бланков паспортных книжек и 104 временных удостоверений, что граничится с уголовным преступлением. Возбуждено уголовное преследование перед ВТ». В октябре 1938 г. КОК ВКП(б) восстановил его в партии.

Шестаков Сергей Михайлович (1905), в 1937 г. *инструктор политотдела 60-го Камчатского погранотряда НКВД.* Русский, образование низшее. В ВКП(б) вступил в марте 1927 г., в комсомоле состоял с 1919 по 1932 г.

Шестопалов Александр Викторович (7.03.1957, г. Петропавловск-Камчатский), с 9.08.1984 по 11.03.1987 *первый секретарь ПГК ВЛКСМ.* Из служащих, русский, в 1980 г. окончил Дальрыбвтуз. В 1974—1975 гг. — автослесарь автоколонны № 1400 Камчатского транспортного управления. На комсомольской работе с начала 1980-х гг.

Шигаев Дмитрий Андреевич (1868, с. Голюшевское Голюшевской волости Алатырского уезда Симбирской губернии — 1932), *кандидат к гласным 5-й ПГД* 1922 г. Из крестьян, русский, обра-

зование низшее. Двадцатилетним ушёл из дома. С 1896 г. занимался, по его словам, «хищническим приискательством по алданозейским приискам». На Камчатке с 1908 г. Поселился в Петропавловске, летом занимался плотницкими работами, зимой трудился в своём хозяйстве. В 1916—1919 гг. охотился на соболя. В феврале 1922 г. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. Проходил обвиняемым по «Думскому делу» 1923 г. (ст. 68 УК РСФСР), но был оправдан. С 1926 г. на собственной лошади перевозил грузы на склады. На момент ареста в сентябре 1931 г., помимо лошади, имел дом, сарай, корову и телёнка. Привлекался сразу по двум делам: вместе с о. Л. Яковлевым (ст. 58-10-11) и по «Тигильскому» (ст. 58-2-6-7). Виновным себя не признал. Постановлением ПП и ОКДВА от 27 февраля 1932 г. дело в отношении Ш. прекращено в связи со смертью.

Шиманчик Михаил Григорьевич, в январе 1918 г. член ОК от Охотского уезда, член ПГС первого (10.12.1917) и второго созывов (20.04.1918). До падения Российской Империи — рабочий Охотских приисков. С 1917 г. — член Рабочего союза, в 1918 г. — облсовдепа, который 24 мая того же года избрал его комиссаром юстиции КО. После июльского переворота в числе других совработников выселен за пределы края.

Шипицин Агафон (Агафопод), в 1924 г. священник с. Марково на Чукотке.

Шипици(ы)н или Шипицин Василий Степанович (1913), в 1938—1941 гг. сотрудник КОУ НКВД. Из крестьян, русский, образование среднее. Вступил в ВЛКСМ в 1930 г., в ВКП(б) — в 1939 г. С 1933 по 1934 г. — учитель первого класса в Бурят-Монголии, в 1934—1935 гг. — там же в начальной и неполной средней школах преподаватель математики и географии. В 1937 г. мобилизован комсомольской организацией Бурят-Монгольского педагогического института в Новосибирскую межкраевую школу НКВД. В 1937 г. — практикант РО НКВД в с. Мошково Новосибирской области, в г. Сталинске в ГО НКВД. В ноябре 1937 — январе 1938 г. — в Хабаровске в УНКВД по ДВК, практикант, врид оперуполномоченного 4-го отдела. Затем командирован на Камчатку в качестве оперуполномоченного. 11 декабря 1940 г. бюро КОК ВКП(б) по докладу т. Мальцева приняло постановление: «За грубые нарушения ведения следствия (издевательство над арестованными) с работы оперуполномоченного снять, просить начальника краевого управления НКВД тов. Куприна уволить Ш. из органов НКВД». 17 сентября 1941 г. бюро КОК ВКП(б), во изменение

своего решения от 11 декабря 1940 г., постановил: «...снять т. Щ. с работы оперуполномоченного КОУ НКВД за грубое нарушение ведения следствия (избиение арестованных). Просить краевое управление НКВД уволить Щ. из органов НКВД». 22 октября 1941 г. снят с партучёта в связи с откомандированием в Хабаровское управление НКВД.

Ширинкин Николай Семёнович (1883, г. Ораниенбаум), в 1918 г. конвоировал высланных совдеповцев в г. Владивосток. Из семьи столяра-кустаря, русский, окончил трёхклассное ВУ в г. Ораниенбауме в 1898 г. и один год технического училища в г. Санкт-Петербурге в 1900 г. После ВУ устроился учеником в механическую мастерскую Экспедиции заготовления государственных бумаг в г. Санкт-Петербурге. «Через четыре года получил звание монтера и всё время служил там до 1916 г. Уволившись... поступил на механический завод Растеряева в Петрограде в качестве токаря и установщика специальных станков. Работал у Растеряева до 1 января 1918 г. В начале февраля 18-го поступил на завод АО “Серк” и 16 февраля выехал с бухгалтером завода в качестве его помощника по делам завода во Владивосток. Вскоре после этого образовался Семёновский фронт, а Владивосток оказался отрезанным. Не имея возможности вернуться в Петроград и не найдя никакой работы, в конце мая 18-го выехал в Петропавловск-на-Камчатке. Здесь, не имея средств и не найдя постоянной работы, работал на разных работах, что попало. С сентября месяца и до конца мая 1919 г. пилил дрова в районе Тарьинской бухты. В июне 1919 г. поступил в Усть-Камчатскую районную милицию и вскоре выехал в Усть-Камчатск, где и прослужил до января 1920 г. В 1920 г. в первых числах января месяца из милиции был уволен, так как милиция распоряжением ревкома округа была распущена. После недолгого перерыва, в котором находился безработным, работал в качестве моториста у частного катеровладельца и у торговой фирмы “Чурин и К^о” до 1922 г. августа месяца. В первых числах сентября того же года собрал и установил мотор для партизанского отряда и работал на нём по доставке партизан вверх по Камчатке до селения Кирганик. Отрядом командовал т. Сузутов. Работу закончил в конце октября и за успешное выполнение её получил от них премию 200 руб. В течение следующей зимы от января до мая 1923 г. работал по поручению военного комиссара Маркова на разных поручениях по своей специальности механика. В мае того же 1923 г. приобрёл свой катер и работал на нём до 1930 г. С 1 апреля 1931 до 1 января 1932 г.

работал в Ключевском лесокомбинате в качестве токаря по металлу. С 1 февраля 1932 г. по июль того же года при Ключевском сплавейде работал в качестве технического руководителя по ремонту моторов. С октября 1932 г. работал механиком по ремонту моторов в Ушковском рыболовном заводе». 25 апреля 1933 г. на допросе у следователя Варпы главный фигурант дела «Автономная Камчатка» П. Т. Новограбленов назвал в качестве сообщника Ш. Его взяли под стражу 19 июня 1934 г. Помощник уполномоченного ОО КОО ОГПУ Г. Ким 27 июля 1934 г. запротоколировал его рассказ о летних событиях 1918 г. Ш. ремонтировал мотор для владельца катера Морозова, тот был знаком с Сусляком. Чтобы попасть во Владивосток, он устроился конвоиром — «был зачислен в состав конвоя в качестве рядового конвоира с жалованьем по 10 руб. в сутки, вооружив винчестером. В момент поступления моего конвоиром находившиеся в арестном помещении арестованные были переведены на пароход “Завойко”, где состав конвоиров, в том числе я, несли поочерёдно охрану арестованных в течение трёх дней до отхода пароходов, а затем за всё время пути до Владивостока. О аресте членов революционного комитета и других соработников я, не находясь в это время в городе (был в бухте Тарья), могу показать следующее: в июле 1918 г., не помню точно какого числа, ночью был арестован весь состав работников революционного комитета, в числе которых были Олейников (Олейник; арестован не был. — В. П.), члены революционного комитета и другие, фамилии которых не помню. Арест вышеупомянутых лиц был произведён частью населения города и села Сероглазки во главе Пурина и Сусляка. По доставке во Владивосток арестованных на пароходе от конвоя приняла владивостокская милиция. С арестованными не было никаких насилий, и обращение со стороны конвоя было хорошее. Случаев других отношений — издевательства над арестованными или их родственниками со стороны конвоя, в том числе и меня, не было... Сопроводив арестованных до Владивостока, не найдя возможным из-за фронта вернуться в Ленинград, я вернулся обратно с этим же пароходом “Завойко” в Петропавловск, это было в августе 1918 г.». Привлекался по ст. 58-2 УК РСФСР. Внешность: рост высокий, глаза страдают от последствий трахомы. Полномочному представителю ОГПУ ДВК Дерibasу был лично известен «некий Ширинкин... как активный белогвардеец, по г. Троицку», оказалось — однофамилец. 10 января 1936 г. особым совещанием при НКВД СССР приговорён к трём годам лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 21 февраля 1990 г.

Ширинский Александр Фёдорович (1910), с 25.02.1937 секретарь КОК ВЛКСМ, одновременно с 16 июня заместитель секретаря, а затем третий секретарь КОК ВКП(б). Из рабочих, русский, окончил семь классов и совпартшколу. Вступил в комсомол в 1924, в ВКП(б) в 1929 г. Начинал слесарем на машиностроительном заводе в г. Коломне. В 1930 г. — там же, заведующий массово-экономическим отделом окружкома комсомола. В 1930—1931 гг. — секретарь Зарайского РК ВЛКСМ Московской области, в 1931—1932 гг. — в той же должности в Кунцево. В 1932—1933 гг. служил в РККА в г. Москве. С 1933 по 1934 г. — в Кунцево, заместитель секретаря парткома завода. В 1934—1936 гг. — в Челябинске, сначала секретарь РК, затем ГК, заведующий отделом учащейся молодёжи РК ВЛКСМ. 21 октября 1937 г. снят со всех постов в КОК ВКП(б) и ВЛКСМ. 13 ноября исключён из ВКП(б) «за скрытие от парторганизации своей связи с врагами народа, за засорение бюро обкома и горкома комсомола врагами и их пособниками, за зажим самокритики и проведение гнилой либеральной линии в борьбе с врагами народа». «Руководя обкомом ВЛКСМ, замазывал от комсомольских организаций коллективные пьянки, покушение на самоубийство Водопьянова, подачу фашистского заявления Кожихова, добровольные выходы из комсомола, стремясь создать ложное представление о благополучии в комсомольской организации».

Широбоков Дмитрий Фёдорович (1900), с 1935 г. по 26.12.1937 заместитель председателя Камчатского областного суда. Из семьи бедняка, русский, образование общее и политическое низшее. В ВКП(б) с 1935 г. С четырнадцати лет жил в Абхазии. Отец — плотник, воевал с меньшевиками, ими арестовывался, после чего уехал в деревню и там находился до 1921 г. Сам Ш. в 1919—1921 гг. батрачил, в 1922 г. был секретарём РИК, с 1923 г. — в судебно-следственных органах: председатель уездного суда, следователь, инспектор исправительно-трудовых учреждений, около года — адвокат. 30 декабря 1937 г. исключён из ВКП(б) за систематическую пьянку не только с подчинёнными, но и с обвиняемыми. «После чего Ш., — констатировал КОК ВКП(б) при разборе его апелляции, — вместо исправления допущенных им ошибок встал на путь, недостойный советского гражданина. В феврале 1938 г. хотел покончить жизнь самоубийством, двумя выстрелами из винчестера произвёл выстрелы себе в грудь, чем ещё раз показал своё моральное разложение и недостойность носить высокое звание коммуниста». Ш. привёл факт покушения на него: «Однажды на

улице в меня был брошен камень, я подал заявление в милицию, горком партии, но меры не были приняты». 19 марта 1938 г. восстановлен в ВКП(б) со строгим выговором с предупреждением и занесением в личное дело.

Шитиков Алексей Павлович (1912), с марта 1948 г. секретарь КОК ВКП(б). Русский, образование высшее. В ВКП(б) с апреля 1939 г. Трудовой стаж с 1931 г. Воевал в 1943—1945 гг. Награждён командованием Прибалтийского фронта орденом Красной Звезды и двумя медалями.

Шишкарёв Михаил Николаевич (8.11.1900, г. Москва — 17.11.1963, г. Свердловск), с 7 февраля 1938 по май 1939 г. начальник 60-го Камчатского погранотряда НКВД, в июле-августе 1938 г. (одновременно с Давыдовым?) врид начальника КОУ НКВД. Из рабочих, русский, образование среднее. «С девяти лет пошёл работать по найму в торговую сеть, затем на фабрике. С тринадцати лет живу самостоятельно», — писал он в автобиографии. С февраля 1913 г. — посыльный в частной аптеке, а затем чернорабочий на чугунолитейном заводе Гужона в г. Москве. С ноября 1914 г. — подручный пекаря в частной булочной, а с сентября 1916 по август 1918 г. трудился в хлебопекарне в г. Москве. С августа 1918 г. — доброволец РККА, рядовой 103-го стрелкового полка. С октября того же года — курсант 8-х Московских пехотных курсов РККА, с марта 1919 г. — Чугуевских пехотных курсов РККА. В октябре 1918 г. вступил в РКП(б). С октября 1919 по август 1920 г. проходил обучение на Вольских пулемётно-командных курсах РККА. В августе 1920 г. получил назначение командиром взвода 271-го стрелкового полка отдельной Черноморской бригады. «С фронта в связи с ранением в 1920 г. возвратился в Москву на курсы, после чего командирован в Северо-Кавказский военный округ». С ноября 1920 г. — комвзвода, помощник адъютанта по оперчасти 271-го стрелкового полка 31-й стрелковой дивизии. «В 1921 г. участвовал в боях по подавлению грузинских меньшевиков». С июня 1922 г. на разных должностях в пограничных войсках ОГПУ. В 1930—1933 гг. — слушатель Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе, после окончания которой направлен начальником учебной части 3-й пограничной школы ОГПУ. Прошёл партчистку в 1933 г. С августа 1933 г. — заместитель начальника, а с 1 октября 1935 г. — начальник штаба 60-го Камчатского морского погранотряда ОГПУ/НКВД. При выдвижении в члены пленума ПГК ВКП(б) на 3-й городской партконференции в мае 1938 г. заявил: «В антипартийных группировках

не участвовал, партвзысканий не имею. Здесь моя работа вам известна — страдал идиотской болезнью беспечностью (такое название ей дал Сталин. — *В. П.*)». Отводов не последовало. В мае 1939 г. назначен начальником 4-го отдела ГУПВ НКВД СССР. Генерал-майор (24.01.1942). награждён тремя орденами Красного Знамени (1943, 1944, 1951), тремя орденами Красной Звезды (1936, 1940, 1952), восемью медалями. Ведомственные награды: именной пистолет (1928), нагрудный знак «Заслуженный работник НКВД» (1941).

Шишкин Леонтий Афанасьевич (1923, с. Александровка Новосибирской области), с 1965 по 1984 г. заведующий отделом пропаганды и агитации КОК КПСС. Из рабочих, русский, окончил ВПШ. Вступил в ВКП(б) в июле 1946 г. В июле 1942 — январе 1943 г. — рабочий гастронома в г. Свободном Амурской области, затем по август 1947 г. служил в армии (г. Благовещенск, Свободный, Ярославль). В 1947—1949 гг. учился в юридической школе в г. Хабаровске. С 1949 по 1951 г. — ревизор, заместитель начальника управления Минюста по КО. В 1951—1954 гг. — заместитель заведующего отделом ПГК КПСС. В 1958—1960 гг. — заведующий отделом пропаганды и агитации Карагинского РК, а затем до 1962 г. — Корякского окружкома КПСС. С 1962 по 1963 г. — заместитель заведующего тем же отделом в КОК КПСС. В 1963 г. — инструктор, в 1963—1965 гг. — заместитель заведующего идеологическом отделом. В 1984 г. — ответственный секретарь Камчатского отделения Советского фонда мира. Награждён тремя орденами «Знак Почёта» (1966, 1971, 1976).

Шкляев Иван Андреевич, кандидат к гласным 3-й ПГД 1919 г. В августе 1918 г. — старший техник переселенческого управления и временный заведующий техотделом при КОК. 28 декабря 1922 г. Фролов доложил Пересвет-Солтану об аресте Ш.

Шлыгин Пётр Иванович (1880), в 1921—1922 гг. красный партизан КОНРК. Из пензенских крестьян, русский, середняк. С 1915 г. жил в с. Козыревск. Ушёл из Петропавловска в сопки (в с. Калыгирь) партизанить вместе с другими членами КОНРК 28 октября 1921 г. В 1925 г. — секретарь Козыревского сельсовета. В 1931 г. проходил свидетелем по делу одного из основателей с. Жупаново А. И. Никитина.

Шлык Демьян Спиридонович (1902), в конце 1920-х гг. заведующий агитационно-пропагандистским отделом и член КОБ ВКП(б). Из крестьян. В большевистской партии с 1921 г. 2 марта 1936 г. получил строгий выговор по партлинии от ПГК ВКП(б).

Несмотря на двукратное предупреждение горкома и обкома о запрещении ужина с выпивкой, семейный вечер начсостава запаса Петропавловска в Доме партийного просвещения свёл «к коллективной попойке спиртом и вином». 13 октября 1937 г. КОК ВКП(б) исключил из партии председателя облсовета Осоавиахима Ш. за развал работы и связь с врагами народа. В январе 1940 г. назначен заведующим отделом коммунального хозяйства КОИК. 21 мая 1941 г. утверждён уполномоченным КОИК в г. Владивостоке.

Шмагин Демьян Артёмович (28 октября 1871, с. Палана), *староста при церкви в с. Палана*, по его словам, с 23.01.1916 по 29.03.1917, по утверждению односельчанина, — вплоть до 1929 г. Из бедняков-охотников, коряк, малограмотный, единоличник. Занимался охотой и рыболовством. До революции имел дом, амбар, балаган, корову, шесть ездовых собак, на момент ареста 20 июля 1938 г. — то же самое, только на две собаки больше. Обвинялся по ст. 58-10-11 УК РСФСР. Дело прекращено постановлением прокурора КО от 1 декабря 1939 г. Реабилитирован прокуратурой КО 19 декабря 1989 г.

Шмагин Михаил Демьянович (1901), в 1922 г. член паланской дружины самообороны А. А. Сарафанникова. В конце 1930-х гг. — завхоз Корякской окружной конторы связи. Находился под стражей в НКВД с 5 апреля 1939 по 13 января 1941 г. Дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Шмойлов Леонид Семёнович (1914, ст. Приморско-Ахтырская Кубанской области), с 12.04.1960 по 19.02.1963 начальник УКГБ при Совете Министров СССР по КО. Из рабочих, русский. Образование высшее: инженер-технолог нефтеперерабатывающей промышленности. В ВКП(б) вступил в 1941 г. С 1931 по 1932 г. — подсобный рабочий, грузчик. До середины 1938 г. учился в Московском нефтяном институте им. Губкина, по окончании работал инженером на заводе «Москрекинг» в с. Копотня Ухтомского района Московской области. 25 августа 1939 г. назначен оперуполномоченным 1-го отделения 6-го отдела Главного экономического управления НКВД СССР. Затем служил на разных должностях в НКГБ, НКВД, МГБ, МВД СССР, возглавлял УКГБ при Совмине СССР в Грозненской области, был председателем КГБ при Совете Министров Чечено-Ингушской АССР. 19 февраля 1963 г. откомандирован в УК КГБ при Совмине СССР. 23 июня того же года уволен по выслуге установленного срока действительной службы в запас КГБ с правом ношения формы. С 29 августа 1963 г. — старший инженер Росглавмашснаббита СНХ РСФСР. 29 января 1971 г.

«снят с учёта запаса КГБ по возрасту в отставку». Избирался депутатом Грозненского облсовета, там же членом бюро ОК ВКП(б), депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, членом бюро КОК КПСС и депутатом КОС. Полковник (30.09.1955). Награждён двумя орденами Красной Звезды (1945, 1954), медалями «За победу над Германией» (1945), «30 лет Советской армии и флоту» (1948) и «40 лет Вооружённых сил СССР» (1958). Ведомственные награды: нагрудный знак «Почётный сотрудник госбезопасности» (1957), медаль «За безупречную службу» 1-й степени (1960), часы (1943).

Шпагин Иван Андронович (1901, Енисейская губерния), в декабре 1925 г. председатель Тигильского волостного ревкома (члены И. И. Миронов и И. А. Толстихин). Из крестьян, русский, образование: «три отделения сельской школы». В большевистскую партию вступил в 1921 г. С четырнадцати лет занимался самостоятельным трудом. С августа 1919 г. три месяца служил в колчаковской армии рядовым, после с декабря 1919 г. — в РККА, шифровальщик штаба армии, в 1923—1924 гг. — политрук. В январе 1924 г. — сотрудник Камчатского ОГПУ. С февраля по июнь 1924 г. — финансовый агент. В 1925 г. его семнадцатилетняя жена Нина Павловна Сычёва жила в Тигиле.

Шпаков Пантелеймон Семёнович (1895), в 1929 г. заведующий общей частью секретариата и секретно-шифровой частью КОИК. Из крестьян, украинец, образование низшее. Вступил в большевистскую партию в 1919 г. В царской армии — унтер-офицер. Записался добровольцем в Красную Армию, служил с апреля по июнь 1918 и с мая 1919 по октябрь 1922 г. Был мобилизован белыми, но через месяц перебежал к красным. За сокрытие службы у белых и ослабление большевистской бдительности исключён из ВКП(б) в 1933 г., но в марте 1934 г. восстановлен Центральной комиссией по чистке партии. В 1922—1923 гг. работал в ОГПУ, с ноября 1923 г. — заведующим учётно-статистическим подотделом Камчатского губбюро РКП(б). В КОИК с 14 января 1928 г. По мнению И. Е. Ларина, с работой справлялся, однако имел желание перейти на работу «по кооперативно-хозяйственной или финансовой линиям». В феврале 1930 г. утверждён заведующим общим отделом и отделом учёта КОК ВКП(б). На 21 октября 1937 г., когда его обсуждали на бюро ПКК, — начальник спецчасти и секретарь парткома Петропавловского порта. Исключён из ВКП(б) за развал партийно-массовой работы, за допущение засоренности аппарата враждебными элементами, срыв важнейших

политических кампаний, скрывание службы у белых. 29 марта 1938 г. КОК подтвердил постановление ПГК, а 3 августа 1939 г. отменил своё решение по апелляции Ш., арестованного НКВД в июне 1938 г. и выпущенного в июле 1939 г. В октябре 1952 г. выбыл в г. Киев.

Шпакова, в девичестве *Зорина Прасковья Сергеевна* (1904), в 1922 г. машинистка генерал-майора *Н. А. Полякова*. Из крестьян, в 1921 г. окончила четырёхклассное ПВНУ. При вступлении кандидатом РКСМ в марте 1923 г. переименовалась в «Конституцию». Объявила себя сочувствующей РКП. По её словам, родилась на острове Янковского близ г. Владивостока, в четырёхлетнем возрасте переехала с родителями в г. Томск, где жила примерно до 1912 г., затем — Камчатка. «После окончания учения я жила дома, без определённого занятия, помогая в домашней работе, и между делом стала учиться работать на пишущей машинке на радиостанции. Осенью того же года по прибытии белых в Петропавловск я поступила на службу к генералу машинисткой, чтобы помочь отцу, который получал в то время ничтожное жалованье, но, прослужив два месяца, была уволена по неизвестной причине. Спустя некоторое время я вновь поступила на службу в военную милицию, в которой служила три месяца и уволилась. Всё это время, то есть приблизительно с июня месяца по сентябрь 1922 г., я жила без всяких занятий. В сентябре 1922 г. поступила на службу на телеграфную станцию в качестве машинистки, где служила до октября месяца, то есть до бегства белых из Петропавловска. В феврале 1923 г., подав заявление, я была принята на службу в КГРК машинисткой, где служила до 12 декабря 1923 г. 12 декабря была переведена из ГРК в губбюро (РКП(б). — *В. П.*), где и служу по настоящее время». Там её месячный заработок равнялся 75 руб. 82 коп. Семья состояла из родителей, четырёх сестёр и трёх братьев. В январе 1924 г. ей был объявлен выговор по комсомольской линии за неучастие в работе. 4 мая того же года ПГК РКСМ исключил её из этого союза, мотивируя своё решение следующим: «Зорина, получившая строгий выговор за саботаж в январе месяце, при проведении коммунистической пасхи... не принимала абсолютно никакого участия и на предложение помочь в буфете категорически отказалась. Пропустила шесть политзанятий, не подавала соответствующих заявлений, не участвовала в карнавале, кроме того, несмотря на предупреждение члена горкома оставить игру в лото 3 мая, игру продолжила». 24 мая 1924 г. ответила на тринадцать вопросов комиссии, выдвинутой губбюро РКП(б) по чистке личного состава городской организации

РКСМ, под председательством И. Е. Ларина при членах И. Я. Ломбаке, В. М. Глуховецком и техническом секретаре Доммане. «Почему вступила в РКСМ?» — «Из пролетарской семьи»; «Ваше отношение к белым?» — «Сперва безразличное, затем отрицательное»; «Вы близкое с ними знакомство имели?» — «Нет. Я была лишь личной машинисткой генерала Полякова»; «Характер вашей работы у Полякова?» — «Личная переписка, обращения к населению, переписка с Биричем, состояние края и т. д.»; «Как вы числились по приказу?» — «Приказы не велись. Получала лично от него 25 руб. и паёк»; «Ваше отношение с Биричем?» — «Не имела никакой связи»; «Что побудило убежать на маяк от партизан?» — «К Яковлеву, служащему»; «До прихода красных вы где были?» — «Убежала к Яковлеву на маяк, где находилась до прихода красных»; «Что побудило уехать с материка?» — «Я уехала к родным в гости в город. Гостила летом в 22-м году, служила в военной милиции»; «Кто был Поярков?» — «Я его знала — это был начальник контрразведки»; «На вечерах, банкетах у белых были вы? В драмкружке при белых работали? В дамском по сбору на нужды солдат белой армии вы не были?» — «На вечерах и банкетах у белых была и в драмкружке тоже, но в дамском по сбору на нужды... не была».

Шпектор Ефим Маркович (1903, г. Киев), в начале 1930-х гг. инструктор 60-го Камчатского погранотряда ОГПУ. Из семьи мелкого торговца мясом. До 1917 г. учился в ВНУ. В 1917—1919 гг. работал на заводе комбикормов. Вступил в комсомол в 1918, в большевистскую партию — в марте 1920 г. До 1921 г. был на комсомольской работе. С 1921 г. — уполномоченный ОГПУ, с 1923 г. — рабочий на мельнице, в 1924—1925 гг. — на профсоюзной и партийной работе. В 1925 г. призван в РККА. С мая 1926 г. — учитель, в 1928 г. — помощник командира дивизии, инструктор полка. С 1929 г. — помощник командира по политической части. При партгистке 1933 г. ему был задан ряд вопросов: «Как вас отпустили с работы органов ЧК?» Ответ: «По личной просьбе товарища Марголина меня рекомендовали на партийную или профсоюзную работу, временно работал рабочим... Торговля была мясом, торговлю бросил в 1926 г., и отец работает на производстве». Вопрос: «В чём опасность великодержавного шовинизма и местного национализма?» Ответ: «...нарушается единство национальностей, он тянет к реставрации капитализма. Опасность местного национализма заключается в том, что он разрывает опять-таки союз национальностей». Чистку прошёл. В 1936 г. исключён из партии как проникший в её ряды обманным путём, скрыв своё социальное происхождение (см. статью *Фердман*).

Штейнберг Рахиль Семёновна (1908), в марте 1945 г. директор поликлиники в г. Петропавловске-Камчатском. Из служащих, еврейка, родной язык русский. Образование высшее медицинское. В комсомоле не состояла. Принята в ВКП(б) в июне 1940 г. Трудовой стаж с 1928 г. Утверждена заведующей Чукотским окрздравотделом 12 марта 1941 г.

Штильников Алексей Иванович (1912, с. Ключи, Камчатка), рыбак-охотник, камчадал. Арестован 9 мая 1932 г. по подозрению в сокрытии террористического акта, совершённого Михаилом Тулуповым и ещё одним жителем с. Ключи в отношении представителя советской власти. Постановлением КОО ОГПУ от 26 мая 1932 г. дело прекращено, освобождён.

Штлярский Станислав Владимирович (1907, г. Киев — 14 октября 1937, г. Хабаровск), чекист-самоубийца. Поляк. Вступил в ВКП(б) в марте 1932 г. В органах ОГПУ-НКВД с 18 июля 1931 г. В 1931—1935 гг. — сотрудник Усть-Камчатского РО и КОО ОГПУ, затем в УГБ УНКВД по ДВК в должности уполномоченного, помощника начальника ЭКО. В январе-феврале 1933 г. в составе опергруппы прибыл в Усть-Камчатск для изъятия участников «Автономной Камчатки». Застрелился из револьвера в парке культуры и отдыха в г. Хабаровске, оставив записку, что пошёл на этот шаг «ввиду оказанного ему недоверия».

Штрадман Константин Александрович (42 года в 1927 — 1971), «оказывал содействие партизанским отрядам на Камчатке» — значилось в представлении его к медали «За отвагу» в 1967 г., «передавал сведения, прятал связных, снабжал медикаментами». В 1917 г. — кондитер, однако продление отсрочки от армейской службы получил уже как специалист по паровому отоплению. 4 августа 1920 г. не прошёл перерегистрацию в качестве члена РКП(б). В 1925 г. трудился монтером в местхозе, в 1936 г. — заведующим горводопроводом, но тогда же снят за бездеятельность и пьянство. Из кандидатов ВКП(б) исключён 3 мая 1927 г. Помимо халатности, непосещения партсобраний и несвоевременной уплаты взносов ему вменялась дружба с «зелёным змием», что Ш. категорически отрицал. По случаю 50-летия ВОСР награждён как участник борьбы за советскую власть на Камчатке указанной выше медалью.

Шубин Василий Петрович (1906, Оренбуржье), в конце 1930-х гг. оперработник Чукотского окружного отдела НКВД. Из крестьян, русский, образование низшее. Член ВКП(б). Согласно служебным документам, пьянствовал, в таком состоянии «разглашал секретные

сведения на лиц, подлежащих аресту по имеющимся материалам в окротделе». Арестован 21 марта 1938 г. Приговорён 13 октября 1938 г. ВТ КПВО ДВК по ст. 193-17 УК РСФСР к трём годам ИТЛ.

Шубин Михаил Тимофеевич (1902), в начале 1930-х гг. уполномоченный 60-го Камчатского погранотряда ОГПУ, в 1937 г. сотрудник КОУ НКВД. Принимал участие в фабрикации дела «Автономная Камчатка». Его дело разбиралось на заседания парткома КОУ 22 июня 1937 г. Сотрудник Филиппович (11 августа 1938 г. выведен из состава бюро и пленума ПГК партии) заявил: «Шубиным была допущена крепкая выпивка. Находясь в состоянии сильного опьянения, он попал в милицию, где буянил. Всем этим скомпрометировал себя как члена партии и работника ГПУ». Ш. объяснял, что был сильно пьян и ничего не помнит. Филиппович: «Вина Шубина усугубляется тем, что он имел при себе секретные документы и оружие». Объявлен выговор с занесением в учётную карточку. Страхов на собрании парторганизации 30 октября 1937 г.: «Шубин пьянствовал и дискредитировал звание коммуниста-чеккиста, не принималось никаких мер ни по линии командования, ни по линии парторганизации».

Шуваев Вячеслав Иванович (13.09.1938, г. Горький), с 4 сентября 1986 по июль 1989 г. председатель ПГИК. Из служащих, русский. Окончил институт инженеров водного транспорта в г. Горьком, инженер-судоводитель. Кандидат технических наук. В КПСС с декабря 1966 г. В 1961—1962 гг. — штурман на судах Волжского речного пароходства. С мая 1962 по август 1970 г. — старший инженер, заместитель начальника Усть-Камчатского морского торгового порта. В 1970—1972 гг. — капитан танкера, помощник начальника Камчатского морского пароходства. С 1972 по 1976 г. — секретарь парткома пароходства. В 1976—1979 гг. — заведующий орготделом Ленинского РК КПСС г. Петропавловска. В 1979 г.: с 19 июня — заведующий орготделом ПГК КПСС, с 25 сентября — второй секретарь Ленинского райкома. 21 января 1984 г. избран вторым секретарём ПГК КПСС.

Шуклин Александр Емельянович (1916, Вятская губерния), чекист-самоубийца. В 1939 г. — оперуполномоченный УГБ Корякского окротдела НКВД. Согласно справке УМВД Киевской области от 7 мая 1957 г., работая старшим оперуполномоченным Киево-Святошинского района, 5 сентября 1955 г. «покончил жизнь самоубийством на почве пьянства и бытового разложения».

Шулишов Фёдор Иванович (18.02.1902, г. Пятигорск), с 25.12.1945 по 31.10.1946 начальник УНКГБ, а затем по 28.12.1949 УМГБ

по КО. Из рабочих, по другим данным — из крестьян, русский. В комсомоле состоял в 1920—1923 гг., в РКП(б) вступил 20 сентября 1920 г. В 1915 г. окончил начальную школу, в 1920 г. — совпартшколу, в 1925 г. — рабфак при Северо-Кавказском университете и в 1933 г. — экономический факультет Ростовского университета. В 1915—1917 гг. — рабочий, с 1918 по 1919 г. — батрак, в 1920—1922 гг. — рядовой войск ВЧК в г. Ростове, с февраля по октябрь 1922 г. там же, уполномоченный ВЧК-ОГПУ. С октября 1922 по апрель 1926 г. — инструктор Ростовского ГК РКП(б), с апреля 1926 по ноябрь 1927 г. — секретарь президиума Ростовского горсовета. В ноябре 1927 — октябре 1930 г. — председатель крайбюро пролетарского суда. С октября 1930 по май 1933 г. — аспирант института пищевой промышленности в г. Ростове. 10 мая 1933 г. назначен уполномоченным СПО ОГПУ, затем служил на разных чекистских должностях. 27 сентября 1939 г. назначен начальником УНКВД Красноярского края, с 26 февраля 1941 г. — начальник УНКГБ того же края. С 28 июля 1941 г. — начальник 5-го отделения ОО НКВД Западного фронта, 15 сентября 1941 г. — начальник 4-го отделения СПО НКВД Узбекской ССР. С 22 марта 1942 г. — заместитель начальника ОО НКВД Среднеазиатской особой армии, затем 58-й и 39-й армий. 6 февраля 1943 г. назначен заместителем начальника ОО НКВД 4-й ударной армии Калининского фронта. С 4 июля 1943 г. — заместитель начальника УНКГБ по Свердловской области, затем начальник следственного отдела УНКГБ по Сталинградской области, помощник министра ГБ Удмуртской АССР. 14 января 1951 г. уволен в запас МГБ СССР по состоянию здоровья с правом ношения формы. Полковник ГБ (14.02.1943). Награждён четырьмя орденами Красной Звезды (1940, 1943, 1944, 1945), орденом Отечественной войны 2-й степени (1944); медалями «За боевые заслуги» (1944), «За победу над Германией» (1945), «30 лет Советской армии и флота» (1948), «В память 800-летия Москвы» (1948). Высшая ведомственная награда — нагрудный знак «Почётный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (31.08.1937).

Шуманин Юрий Иванович (1938—1993), в конце 1980 — начале 1990-х гг. командующий Камчатской военной флотилией. Контр-адмирал. Русский, образование высшее. В КПСС с июля 1962 г. Награждён орденом Красной Звезды.

Шумилин Василий Павлович (1903, Рязанская губерния), чекист. Член ВКП(б) с сентября 1925 г. Майор. В начале 1930-х гг. — уполномоченный КПП 60-го погранотряда ОГПУ. Участвовал

в создании «Тигильского дела». На допросе 15 августа 1931 г. подследственный Павлуцкий показал о методе работы Ш.: «При допросе меня Шумилиным он, тогда, когда я говорю, что не знаю этого, говорит, что он это знает, и записывает, а поэтому получается, вроде как будто бы насильно. Мы — люди тёмные, ну, сердцу загрустит-ся, и подписываешь. Никакого отряда (повстанческого, контрреволюционного. — В. П.) не было. Шумилин меня спрашивает, будто было у нас оружие. Я говорю — нет, Шумилин же настаивал, что он знает... Я бился-бился и сдался». В 1936 г. Ш. был награждён часами. В 1941 г. получил знак «Заслуженный работник НКВД». В боях с немцами на Полтавщине не выполнил приказа командования о выводе железнодорожного полка войск НКВД из окружения, «переодевшись в гражданское, без сопротивления сдался в плен», где пробыл с 22 сентября по 9 октября 1941 г. Арестован 4 мая 1942 г. ОО НКВД Азербайджанского погранокруга. Из погранвойск уволен. 25 июля 1942 г. ВК ВС СССР переквалифицировала ст. 54-16 УК РСФСР на 206-22 и заменила ВМН семью годами лишения свободы.

Шумилова Наталья Мартыновна (1904), в 1937 г. заведующая учётом КОК ВКП(б). В ВКП(б) вступила в 1930 г. В декабре 1937 г. исключена. «В рабочем столе Шумиловой была обнаружена троцкистская литература. Муж Шумиловой, в прошлом троцкист, покончил жизнь самоубийством (бросился в бухту). Шумилова его троцкистскую принадлежность от парторганизации скрывала... Работая длительное время в обкоме партии, всю враждебную работу Орлова, Степанова, Шамардиной, Адамовича также скрывала». 9 февраля 1938 г. КОК ВКП(б) восстановил её в партии «ввиду не подтвердившегося ряда политических обвинений» и объявил ей строгий выговор с занесением в личное дело.

Шутылёв Иван Иванович (1900, Вятская губерния), в конце 1930-х гг. сотрудник КОУ НКВД. Из рабочих, образование среднее. В большевистскую партию вступил в июле 1920 г. Весной 1939 г. откомандирован в Хабаровское УНКВД после выговора по партлинии с занесением в личное дело. Его провинность заключалась в следующем. В марте 1939 г. в Усть-Большерецкий район с «важнейшим оперативным заданием» выехала группа из трёх работников. Старшим был заместитель начальника КОУ НКВД Столяров. Один из командированных, Полоумов, возглавлял парторганизацию управления, другой, Шутылёв, — партком основного подразделения ГБ. Задание своё они не выполнили. Руководство отозвало их, так как группа «в пути следования допустила анти-

партийные поступки». 16 апреля по этому поводу состоялось закрытое собрание коммунистов КОУ. А накануне Шутылёв изложил своё понимание обстановки собственноручно. «В пути, — писал он, — в Начиках нам приходилось выжидать четыре дня благоприятной погоды для дальнейшего следования. Во время нахождения в этом селе началась выпивка с бутылки спирта Столярова, взятой с места выезда — из Петропавловска. После этого посылался красноармеец оперпоста, где мы и жили, по инициативе Полоумова и Столярова. Красноармеец приносил из села брагу, обстоятельства посылки я не знаю, посылали ли его Полоумов и Столяров, но факт тот, что брага красноармейцем была принесена. Я в это время спал. Я лично купил через магазин несколько бутылок кагора. В результате выпивки Столяров съездил два раза по лицу Полоумову и один раз съездил мне. Всё это, безусловно, видел и знает красноармеец. При дальнейшем пути следования в деревню Апача выпивка продолжилась. Началась она с угощения кагором Шаламовым, у которого и мы остановились на квартире. К вечеру по настоянию Полоумова и с «согласия» Столярова я купил через председателя колхоза Бондаренко, который выехал сейчас на материк, два литра спирту, и к вечеру выпивка продолжилась. Причём Столяров и Полоумов ушли с квартиры с целью пострелять за село. Однако Столяров попал каким-то образом на квартиру к колхознице Ганьке, и с приходом Полоумова я узнал, что они разошлись в селе. Вскоре после этого Полоумов ушёл за Столяровым, и они пришли вместе на квартиру. В процессе выпивки Столяров и Полоумов договорились снова пойти к этой колхознице, однако Полоумов скоро уснул. Я и Столяров остались вдвоём. В результате он настоял пойти на квартиру к колхознице Ганьке, поиграть на виктроле, я согласился. Вначале квартиры этой колхозницы Столяров не нашёл, и мы возвратились снова на свою квартиру. После этого по просьбе Столярова квартиру указали колхозницы, указал квартирант Шаламова, работающий техником связи деревни Апача. Я пробыл на этой квартире очень недолго, сыграл на виктроле, а Столяров остался у ней. Так как ночь была чрезвычайно темна, я квартиры найти не смог и попал в яму с водой и в результате попал на другую квартиру к заведующему отделением почтой Орлову. Кто туда меня привёл, я не знаю. К утру ко мне на квартиру пришёл Полоумов и взял у меня оружие, документы и деньги, и я остался ещё там, и через некоторое время я пришёл на свою квартиру. Столяров с квартиры колхозницы пришёл утром. С приездом в Усть-Большерецк

выпивка возобновилась. Перед отъездом в комбинаты (до этого усиленно все работали) Столяров и Полоумов, уйдя из райотделения раньше обычного времени, организовали выпивку на квартире оперуполномоченного Чудинова, где стояли на квартире. Я в этой выпивке никакого участия не принимал. Пришёл на квартиру к двум часам ночи, когда уже Столяров был основательно выпивши. Здесь Столяров целую ночь канителился, приставал к Чудиновой и говорил некрасивые вещи. Все мои попытки успокоить его ничего не вышло. После приезда из комбинатов в резиденцию района Столярова и Полоумова, вследствие отсутствия столовой, мною был для них организован обед в квартире, принадлежащей РО НКВД, в которой жила жена Болтунова Губина, собиравшаяся к отъезду. Во время обеда все мы выпили незначительное количество спирта. Вскоре после этого Полоумов ушёл в село прогуляться. Я и Столяров остались вдвоём. В процессе разговоров Столяров по неосторожности задел горящую свечку, которая упала на стоявший цветок на столе, обвёрнутый бумагой, которая быстро воспламенилась, и пламя перенеслось на повисшие над столом бумажные обои. Мною были приняты все меры к ликвидации загорания в квартире. С помощью прибывших работников милиции и других загорание было быстро ликвидировано. После этого мне была сделана перевязка руки пришедшей сестрой или фельдшерницей. Я зашёл в райотделение НКВД и говорил с прокурором по поводу пожара. Спать Столярова я пригласил на ту же квартиру, где и раньше были, на другой день я на работу не вышел по запрещению старшего врача, который приходил ко мне на квартиру для осмотра и для перевязки руки. Значит, я не выходил на работу 4 апреля только один день по запрещению врача, хотя 5 апреля я уже вполне нормально работал. Вот всё, что было, я откровенно здесь изложил, может быть, с отсутствием отдельных деталей. Прошу учесть, что мой проступок мною до конца осознан, и я как коммунист совершил большое партийное преступление, как участник пьянок и попавший под влияние старшего оперативного начальника Столярова, поведение которого выходило из пределов всяких граней». «Я себя не оправдываю, — заключает Ш., — но я уже много пережил и переживаю морально».

Щедрин Григорий Иванович (1.12.1912, г. Туапсе — 7.01.1995, г. Москва), почётный гражданин г. Петропавловска-Камчатского; с 15.11.1954 по 21.09.1959 командующий Камчатской военной

флотилией. Вице-адмирал. Русский, образование высшее: в 1932 г. окончил Херсонский морской техникум, в 1954 г. — Академию Генерального штаба. В четырнадцать лет поступил юнгой на двухмачтовую шхуну, затем работал матросом на судах Черноморского пароходства. В 1934 г. призван на службу в РККФ. На ТОФ прибыл в 1937 г. лейтенантом-подводником. В годы ВОВ — командир подводной лодки С-56, потопившей десять и повредившей четыре вражеских корабля общим водоизмещением 85 тыс. тонн. 5 ноября 1944 г. капитану 2-го ранга Щ. присвоено звание Героя Советского Союза. Служа в Петропавловске, он (вместе с краеведом В. Воскобойниковым) восстановил памятный крест знаменитого первопроходца Атласова на реке Камчатке, добился возрождения Дня памяти защитников Отечества (в честь участников обороны города от англо-французской эскадры в 1854 г.), восстановления героической батареи А. МаксUTOва. Однако главная, по мнению многих, заслуга командующего — Музей боевой славы в Петропавловске, который был возведён, несмотря на отсутствие финансирования и взыскание по службе «за не титульное строительство культурного учреждения». Щ. передал музею четыре тома своих «Камчатских дневников». В 1960—1973 гг. — главный редактор старейшего журнала ВМФ России «Морской сборник». Его перу принадлежит ряд книг, в том числе «На борту С-56» (1959), «Подводники» (1962), «Под глубинными бомбами» (1967), «Петропавловский бой» (1975). В 1996 г. по ходатайству военных моряков, ветеранов войны и жителей областного центра площадь перед Домом офицеров флота в г. Петропавловске-Камчатском была названа его именем.

Щербак Владимир Андреевич (1907), с 15 августа 1929 по май 1931 г. секретарь КОБ ВЛКСМ. Из рабочих, украинец. В ВКП(б) вступил в 1926 г. Откомандирован в распоряжение Далькрайкома ВКП(б) 17 июля 1931 г.

Щербаков Михаил Павлович (1.09.1896, с. Беньковское Екатеринбургского уезда Пермской губернии), *красный партизан*. Из крестьян, писался великороссом, образование среднее. С шестнадцати лет работал на железной дороге. В 1915—1918 гг. — на военной службе. До Камчатки жил в г. Охотске. 10 января 1920 г. арестован ВВРК, 18 января того же года освобождён. С 18 апреля по 29 июня 1921 г. — член-секретарь Охотского уревкома и ревтройки. С 15 июля 1921 по 31 декабря 1922 г. — член-секретарь КОНРК. Представитель Приморского ОК РКП(б) П. В. Мусорин, прибывший в Петропавловск во второй половине 1921 г., сообщал

во Владивосток, «какие безобразия творили члены организации, и не только члены, но и секретарь облнарревкома Щербаков, который напивался до белой горячки, бегал по городу с револьвером в руках или, пьянствуя с японцами, переодевался в мундир японского офицера и требовал, чтобы ему отдавали честь...» На момент созыва весной 1922 г. второго чрезвычайного Петропавловского уездного (партизанского) съезда Щ. было лет 27, но выглядел старше своих лет, телосложение имел крепкое, рост средний. «Хорошо грамотный. Хороший организатор. Среди партизан пользовался авторитетом». Так его охарактеризовал П. Г. Ивашкин-Ларичев. Правда, ему показалось, что Щ. страдает излишним самолюбием, однако твёрд характером и убеждениями. По восстановлении советской власти с 18 ноября 1922 по 20 ноября 1923 г. — член КГРК. 31 декабря 1922 г. назначен завотделом управления и связи КГРК, 25 мая 1923 г. — завотделом труда и соцобеспечения, а затем — управления. 31 августа 1923 г. на общем собрании Петропавловской организации РКП(б) ему объявлен строгий выговор без занесения в личное дело с предупреждением, что будет исключён из партии, если заметят, что пьянствует. С октября 1923 г. — уполномоченный по делам КГРК во Владивостоке, где находилась семья и ближайшие родственники. Уволен в январе 1924 г. После учёбы в Дальрыбвтузе стал заместителем управляющего Дальморзверпромом, Крабтрестом. Затем работал на Украине. Умер в возрасте 57 лет.

Щипчинский Чеслав Куприянович (1880, г. Лейеля Витебской губернии), *председатель ПГД в 1921—1922 гг., гласный 4 и 5-й ПГД, городской голова Петропавловска в 1920 г.* Из мещан, образование высшее. Из рассказа Щ.: «По окончании гимназии в г. Вязьма Смоленской губернии, где отец служил помощником заведующего казённым складом и где за недостатком средств... часть коих уходила на образование брата-реалиста и сестры-гимназистки, обоих в Смоленске, а мне приходилось помогать отцу, начиная с пятого класса, заработками от уроков; и тут же я в свободное время изучал и слесарное дело, пригодившееся мне впоследствии. Я в 1902 г. поступил в Московский университет. Прибыв в Москву со скудными средствами (около 70 руб.), с первых дней, не имея никаких знакомых, кроме своих одноклассников, мне приходилось подыскивать уроки, что доставалось весьма трудно. В 1904 г. по причине... постоянных перерывов в занятиях в университете по распоряжению власти в феврале месяце я поступил в депо Московско-Нижегородской железной дороги у Покровской заста-

вы. Пробовал [работать] помощником слесаря, через месяц сдал экзамены в управлении Курско-Нижегородской железной дороги на поездного помощника машиниста, а через недели две я был назначен на товарные поезда и совершал поездки между Москвой и станцией Петуткин Нижегородской железной дороги. Летом иногда приходилось ездить и с дачными поездами». Говоря об увольнении осенью того же года, Щ. упоминает распоряжение министра путей сообщения Хилкова, где ему даётся определение «вредный элемент». С 1906 г. добывает средства к существованию медицинской практикой, поскольку учится на медицинском факультете: электризация, массаж, инъекции. В 1908 г. поступает на службу в частную психическую больницу доктора Вагозина в Сокольниках, потом переходит в аналогичное заведение доктора Поставского за Пресненской заставой. «В бытность студентом два раза подвергался аресту: в 1903 г. при Пречистенской части две недели и в 1905 г. в Топанской тюрьме около полутора месяца. По сдаче государственных экзаменов весной 1911 г. я был назначен в Охотск уездным врачом. Но по прибытии во Владивосток осенью того года и за отсутствием пароходных рейсов в Охотск генерал-губернатор Гондатти назначил меня на службу в Петропавловск-на-Камчатке, где и прослужил до 20 ноября 1914 г., когда уехал в шестимесячный отпуск в Москву с семьёй. В начале января 1915 г. я поступил в передовые позиции — хирургические отряды Всероссийского земского союза и по получении средств на обмундирование отбыл в г. Львов, где принял участие в организации отряда ВЗС. По окончании этой работы я был назначен в первый отряд передовой той же организации и получил назначение... на австрийский фронт. Прослужив в этом отряде до осени 1916 г., когда пришлось вернуться в Москву ввиду развившегося у меня ползучего воспаления лёгких». В конце 1916 г., несколько поправив здоровье, Щ. с семьёй едет во Владивосток за вещами. Там его направляют врачом на Тетюхинский рудник. В 1918 г. рудник закрывается. Приморская земская управа предлагает ему «занять врачебный пункт» селения Беневское Ольгинского уезда. Осенью через всё ту же управу получает приглашение 2-го камчатского областного съезда на должность петропавловского уездного врача с месячным окладом 600 руб. В ноябре 1919 г. он вторично приезжает с семьёй на Камчатку. После антиколчаковского переворота 1920 г. на общем собрании граждан Петропавловска избран в следственную комиссию (кроме него — Адамов и Ткаченко), а также в продовольственную управу. В начале февраля 1920 г.

подписал вместе с секретарём комиссии Елисеевым, членами Ткаченко, Флетчером и Рудых заключение о законности применения оружия в ночь с 1 на 2 февраля 1920 г. против арестованных офицеров воинской команды Колышкина, Охрименко и Семёнова. 8 марта 1920 г. КО ВРК запрашивает Щ., «на какие научные данные опирается он, каков анализ Паратункских горячих ключей, куда посылаются больные почками, и кто следит за больными на ключах», и требует предоставить материал, указав труд и исследователя ключей. 6 апреля 1920 г. 1-й петропавловский уездный съезд, созванный властями, объявляет его врагом трудового народа «за саботаж и агитацию и как сеющего смуту и раздор». В канун выборов 4-й ПГД в середине июня 1920 г. он ведёт амбулаторный приём в лечебнице по детским, внутренним, нервным и венерическим болезням. Избирается городским головой, но 29 июля 1920 г. вынужден уйти в отставку из-за разногласий с облисполкомом. В 1921 г. становится председателем ПГД (7 февраля 1922 г. избирается вновь). 6 октября 1921 г. общее собрание граждан Петропавловска избирает делегацию для ведения переговоров с В. И. Бочкарёвым в связи с предстоящим прибытием его отряда: Щ., Е. А. Колмаков, В. И. Святой, И. А. Шкляев, Г. А. Машихин, Н. П. Косыгин, Е. Ф. Одынец. После прихода парохода «Свирь» с белыми 28 октября 1921 г. на экстренном собрании граждан было решено отправить к ним другую «делегацию с самыми мирными пожеланиями из следующих лиц: I. Председателя ГД доктора Щипчинского, II. Городского головы Колмакова, III. Одного из членов городской управы, IV. Гласного Думы Новограбленова, V. Председателя Союза домовладельцев г. Петропавловска (Н. П. Косыгина. — *В. П.*), VI. Гласного Думы Одынец». В феврале 1922 г. Щ. участвовал в охране Петропавловска от красных партизан. В приказе № 167/171 от 1 марта 1922 г., подписанным Биричем и заведующим его канцелярией Стацюком, говорилось: «Как видно из представленного мне начальником охраны именного списка, всего в ночной охране принимало участие 93 чел. и, по свидетельству начальника охраны, за редкими исключениями, все являлись на свои заставы и посты в назначенное время и несли службу вполне добросовестно, с полным сознанием важности принятой на себя обязанности, чем много способствовали поддержанию в городе полного порядка и спокойствия и созданию среди жителей города уверенности в том, что, несмотря на близость нарушителей нормальных условий жизни городского населения, город вполне гарантирован от опасности неожиданно-

го нападения и какого-либо ночного переполоха. Так как ночная охрана добровольцев была организована при участии городского самоуправления в помощь городской милиции, ввиду недостаточного состава последней, я считаю себя обязанным принести свою глубокую благодарность Петропавловскому городскому самоуправлению за оказанное в этом деле содействие местной административной власти и горячо благодарю всех участвовавших в организации добровольческой охраны, а равно и всех добровольцев, потрудившихся на пользу общего дела по охране спокойствия и безопасности населения города». КО УНКВД в 1938 г. по-другому оценивало деятельность добровольцев (см. статью *Бождай*). С уходом из Петропавловска Русской Армии, на второй день после возвращения красных (11 ноября 1922 г.) последовал арест Щ. Его семья на тот момент состояла из жены, девятилетней дочери и «бабушки» (тёщи). Приговор по «Думскому делу» аналогичен вынесенному В. И. Артюхину, Е. А. Колмакову и П. Т. Новограбленову. В сентябре 1923 г. Щ. перечислил в фонд помощи трудовому населению Японии, пострадавшему от разрушительного землетрясения, пять иен. В 1926 г. он — санврач Камчатского окрздрава. В июне того же года — санврач в с. Марково, потом в Анадыре, а в 1929 г. выехал на материк. Реабилитирован прокуратурой КО 24 сентября 1992 г.

Щур Афанасий Илларионович (1908), в 1956 г. заведующий отделом рыбной промышленности КОИК. Украинец, окончил ВПШ при ЦК КПСС. В ВКП(б) с сентября 1937 г.

Эггенберг Александр Яковлевич (1879, г. Глухов Черниговской губернии), председатель 1-й ПГД 1917 г.; участник мартовских событий 1918 г. в Петропавловске на стороне противников советской власти. Прибыл на Камчатку во второй половине сентября 1917 г. на пароходе «Индибирка» в качестве податного инспектора. Осенью 1918 г. — председатель родительского комитета ПВНУ. В 1925 г. трудился в сельскохозяйственной секции крайплана ДВК. До ареста — заведующий кафедрой общей зоотехники Благовещенского сельскохозяйственного института. Его характеризовали «как одного из видных научных работников, принимавшего участие в научной работе по линии животноводства». Привлекался по ст. 58-7-11 УК РСФСР. 29 апреля 1934 г. судебная тройка ПП ОГПУ ДВК приговорила Э. к десяти годам лишения свободы. Реабилитирован ВТ ДВО 26 ноября 1956 г.

Эйне Август Александрович, с апреля 1933 г. заведующий Петропавловской таможней. По профессии рабочий-формовщик.

В большевистской партии с 1918 г. Член Камчатской областной контрольной комиссии.

Эльгурт Абрам Лазаревич (1909), с февраля 1954 г. директор колбасного завода в Петропавловске. Еврей, образование среднее. Вступил в ВКП(б) в сентябре 1932 г. Награждён медалью «За боевые заслуги». В боевых действиях не участвовал.

Энтин, в 1931 г. заведующий типографией в г. Петропавловске-Камчатском, где летом того же года произошёл пожар, и его дело 17 июля по решению бюро КОК ВКП(б) передано на рассмотрение коллегии ОГПУ.

Эпштейн С. А., 23.02.1951 на бюро КОК ВКП(б) утверждён (докладчик Авербах) заведующим отделом культуры и быта газеты «Камчатская правда».

Эренбург Наум Львович (1924), в 1980-х гг. директор Камчатской областной филармонии. Еврей, образование среднее специальное. В КПСС с декабря 1965 г. Участник ВОВ, награждён медалью «За боевые заслуги». Заслуженный артист РСФСР (11.07.1968).

Юрасев Николай Григорьевич (1941), в 1988—1990-х гг. заведующий отделом здравоохранения КОИК. Белорус, образование высшее. В КПСС с 1967 г. Награждён орденом «Знак Почёта».

Юргенсон Роберт Робертович (1931), с 1.07 по 14.09.1959 первый секретарь ПГК ВЛКСМ. Русский, окончил нефтепромышленный техникум в г. Туапсе. Вступил в КПСС в сентябре 1958 г. После демобилизации из армии с января по декабрь 1956 г. — газосварщик Петропавловской судовой верфи, затем до декабря 1958 г. — там же секретарь комитета ВЛКСМ, в том числе с 3 июля — освобождённый. 20 ноября 1958 г. назначен вторым секретарём ГК ВЛКСМ, а в 1959 г. — первым. Избран на 8-м пленуме ПГК, начавшемся в 18.30 1 июля 1959 г. Из сорока шести членов горкома присутствовали двадцать семь. По уважительной причине отсутствовали двенадцать, по неуважительной — семеро. Вели пленум Ильин, а также секретарь ГК КПСС Н. П. Иванов и секретарь обкома ВЛКСМ А. Н. Гордейчук. «Гордейчук: “В связи с выездом т. Ильина на учёбу в высшую партийную школу нам необходимо соответственно освободить и избрать первого секретаря горкома. Есть предложение избрать первым секретарём горкома т. Юргенсон Р. Р., бывшего второго секретаря горкома. Какие будут мнения?” Голос с места: “Есть предложение утвердить”. Гордейчук: “Кто за предложенную кандидатуру, прошу голосовать. Единогласно...”» Из протокола бюро КОК ВЛКСМ от 14 сентября 1959 г.:

«Тов. Ю. сообщил, что 11 сентября поздно вечером он пришёл после проводов товарища домой, был выпивши. Дома застал жену с посторонним мужчиной. Тов. Ю. избил жену, поднял шум, скандал, соседи вынуждены были вызвать дежурного милиции. При проверке факты подтвердились. Тов. Ю. совершил поступок, недостойный комсомольского работника». За недостойное поведение от обязанностей первого секретаря освобождён. Отделу комсомольских организаций обкома ВЛКСМ (т. Сорокин) поручено доложить о данном постановлении пленуму горкома 17 сентября 1959 г. Решено «в связи со сложившимися обстоятельствами перенести срок проведения городской комсомольской конференции с декабря на 24 октября 1959 г.».

Юрьев К. Н., делегат 1—2-го камчатских областных съездов от острова Медного, избранный на 1-м съезде членом ОК. С упразднением сельских комитетов на Командорах 21 сентября 1918 г. становится старостой с. Преображенского.

Юткин, в июле 1928 г. делопроизводитель КОБ ВКП(б).

Юхно Франц Константинович (1892), в конце июля 1928 г. врид начальника КОО ОГПУ. Латыш, образование низшее. В большевистской партии с 1917 г. Имел четырёхлетний стаж работы шорником. В 1917 г. состоял в Красной гвардии. С 1921 г. — в ВЧК. В июле 1929 г. — помощник начальника Камчатского погранотряда по СОЧ. На партчистке 6 июля 1929 г. выяснилось, что Ю. не пьёт, дисциплинарных взысканий не имеет. Вопрос: «Были ли допущены упущения по службе?» Ответ: «Нет, таких не знаю». Мухин: «...в быту чувствуется замкнутость, что и надо будет ему изжить». Ю.: «...жена и ребёнок больные, и потому приходилось много времени уделять».

Юшин Иван Дмитриевич (1879, г. Петропавловск-на-Камчатке), в 1920 г. псаломщик церкви в с. Хайрюзово. Отец Дмитрий Иванович служил казаком в Петропавловске. По одним сведениям, русский, по другим — камчадал. Образование: три класса церковноприходской школы. В армии не служил. В 1919 г. — секретарь селькома в Хайрюзово. На момент ареста 10 июля 1931 г. чекистом Бакшеевым имел дом, сарай, амбар, лошадь, корову, нарту из семи собак и бат. Привлекался по «Тигильскому делу». Обвинение предъявлено по ст. 58-2-7-11 УК РСФСР. Виновным себя не признал. Приговорён тройкой ПП ОГПУ ДВК 7 сентября 1932 г. к трём годам лишения свободы. Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Юшин Иван Николаевич (1867, с. Тигиль, Камчатка), при царе купец второй гильдии, тигильский церковный староста. Два года

служил старшиной казачьего общества в Тигиле. Из казаков, русский, окончил сельскую школу. По словам Ю., «воспитан матерью как незаконнорождённый, которая занималась портняжным делом. С десяти лет начал работать». В двадцать пять лет был приглашён местным торговцем Ильёй Прокопьевичем Брагиным (к середине 1931 г. уже умершим) в качестве возчика товаров, потом выполнял поручения по развозной торговле от Паланы до Мильково. «Брагин сначала являлся представителем торгового дома Филиппеуса, затем занимался самостоятельным торговым делом. Из них в настоящее время остались в живых старушка Брагина Парасковья Петровна, вторая жена Ильи Прокопьевича, и внук последнего Владимир Петрович, проживает в с. Ключи и работает по специальности зубным врачом. Брагина проживает в Петропавловске. У Брагина я, таким образом, проработал примерно до 1900 г., а затем после ликвидации им своего дела перешёл на службу к вновь прибывшему в Тигиль представителю торговой компании “Шустов, Коковин и Бысов” Флетчеру Николаю Васильевичу, у которого работал также по развозной торговле до 1911 или 1912 г., а с этого времени открыл самостоятельное дело, уже являясь представителем Чурина. Частично был связан с американской фирмой Свенсона и так вёл дело до 1919 г., после чего весь товар сдал в комиссионном порядке Тигильскому кооперативу, который мне до сих пор остался должен 1 400 руб. и отказывается их выплачивать. Всего товара и пушнины было сдано на 14 000 руб. После 1920 г. служил приказчиком у Свенсона в тигильском отделении до 1922 г. Доверенным по отделению был Флетчер Пантелей Николаевич, живший в Палане, в настоящее время проживает в с. Каменском Пенжинского района, возглавляет отделение в Тигиле его брат Флетчер Алексей Николаевич, живёт в Тигиле. С 1922 г. торговлю бросил и жил на доходы, оставшиеся от прежнего дела, занимаясь работой по домашности и лёгким извозом. Весной этого года (1931. — В. П.) был отнесён к кулакам и обложен, в результате чего у меня было взято и продано с торгов: лавка, амбар, склад в Тигиле и на устье Тигиля, одна стая и другие домашние вещи». Самообложения насчитали ему на 2 783 руб. На момент ареста на промысле на реке Тигиль 10 июля 1931 г. имел дом, корову, две лошади, телёнка, нарту собак. Семья состояла из жены (29 лет), дочери (5) и сына (2). Остальные трое сыновей — взрослые. Привлекался по «Тигильскому делу»: якобы брал на себя обеспечение повстанческой организации оружием и «по подготовке к вооружённому выступлению» (ст. 58-11 УК РСФСР).

7 сентября 1932 г. тройка ПП ОГПУ ДВК приговорила его к трём годам концлагеря. Реабилитирован ВТ ДВО 3 августа 1959 г.

Юшин Николай Иванович (1896), член тигильской дружины самообороны П. И. Юшина. Из казаков, сын крупного торговца, русский, образование трёхклассное. Беспартийный. До 1917 г. — «урядник при Камчатском жандармском управлении». Отец выселен с Камчатки в 1931 г., брат жил в США, Ю. с ним переписывался. На момент ареста 6 марта 1934 г. — вахтёр отделения Госбанка в с. Тигиль. 2 января 1935 г. сотрудник КОУ НКВД Гольцман писал о нём в ПП ОГПУ ДВК Джалиеву: «...оставлен на излечении в больнице Петропавловска ввиду повреждения черепа при падении в трюме парохода в пути следования» в г. Хабаровск. Дело прекращено. В 1967 г. находился на пенсии. Был награждён медалью «За боевые заслуги» в связи с 50-летием ВОСР как участник борьбы за установление советской власти на Камчатке.

Юшин Павел Осипович или Иосифович (1878, с. Тигиль), командир тигильской дружины самообороны, расстрелявшей в 1922 г. на реке Тигиль отряд полковника Алексева. Из казаков, камчадал, самоучка. До 1917, в 1929 и на момент ареста 12 марта 1934 г. имел: дом, амбар, сарай, бат, лошадь, две коровы, телёнка, нарту, огород площадью 150 кв. м. Семья состояла из жены (40 лет), сыновей Николая (19), Роберта (4) и дочери Лилии (4). На допросе в ОГПУ рассказывал о себе: «Был отдан на воспитание к Михаилу Ивановичу Юшину — командиру Тигильской казачьей жандармской команды и одновременно полицейского пристава по Тигилю и ряду сёл, расположенных к северу до Лесного, и на южную часть распространялось влияние до с. Хайрюзово. Со дня рождения и до... ухода в казачью команду я воспитывался в семье этого офицера. Воспитание я получил чисто монархическое и был верным слугой царю и отечеству. В 1898 г. я пошёл служить в Камчатскую казачью жандармскую команду, в которой прослужил до 1908 г. За период службы имею награды: Георгиевский крест 4-й степени; простой крест с надписью “За Веру, Царя и Отечество”; серебряную медаль с надписью “За усердие”, медаль тёмно-бронзовую “В память русско-японской войны”; знак-медаль в память 300-летия дома Романовых». Необходимое уточнение: «Геоorgia» он получил за захват в 1905 г. японской «шпионской шхуны», а серебряную медаль ему вручили в 1910 г. во время приезда на Камчатку приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера. «За период службы исполнял следующие должности: в 1905 г. начальником обороны западного побережья я, Юшин Павел Иосифович, был

командирован на север для организации северной национальной боевой дружины из туземного населения и был назначен командиром таковой. Дружина мной была организована из сорока человек по сёлам Воямполка, Кохтана, Палана, Кинкиль и Лесная. В этой должности я пробыл до 1905 г., августа, после чего был переведён в должность помощника командира Тигильской казачьей команды Крижановского, служил до 1908 г. подпоручиком казачьей команды. В 1908 г. я был командирован в г. Петропавловск, где немного служил вестовым у... губернатора, и в 1908 г. ушёл в отставку, работал писарем в Тигиле, был назначен старостой с. Тигиль, а в 1915 г. в связи с реорганизацией в Тигиле было создано Тигильское волостное управление и старшиной волости был назначен торговец Юшин Иван Николаевич, а я был назначен его помощником... Когда в 1917 г. произошла Февральская революция, которую мы встретили с большой радостью, и сразу же был создан комитет общественной безопасности, одновременно командирован по сёлам Воямполка, Кохтана, Палана для организации комитетов безопасности, каковые и организовал... В 1917 г., в марте, от Тигильской волости был командирован на камчатский съезд (1-й областной съезд проходил в июле-августе. — В. П.) в Петропавловск...» До 1917 г. Ю. служил в Тигильской казачьей команде, в 1917—1918 гг. командовал всеми казаками волости, оставался помощником волостного старшины до 1921 г. Его неродной — согласно данным следственного дела — сын Роберт отмечал, что Павел Иосифович являлся делегатом «1-го Чрезвычайного съезда Советов» от Тигиля и обладал неплохими деловыми качествами: «инициативный, со смекалкой, умелый партизанский вождь. Авторитетен. В общем, человек наш, надёжный». По списку, составленному краеведом Ю. Г. Поповым, дружина самообороны Ю., созданная им в 1922 г., насчитывала (вместе с командиром) двенадцать человек: братья Николай и Сократ Юшины, Сергей Баженов, Андриан Брагин, Фока Григорьев, братья Алексей и Давид Косыгины, Артамон Пенезин, Лазарь Попов, Никита Черных, брат командира Аркадий Юшин. Список в материалах НКВД на одного дружинника больше (Леонид Фёдорович Попов), а у Пенезина указано иное имя-отчество (Лавр Петрович). 30 сентября 1929 г. КОБ ВКП(б) ходатайствовало перед правительственной комиссией о награждении Ю. орденом Красного Знамени «за активное участие в партизанском движении в качестве командира тигильского отряда и ликвидации белогвардейской бочкарёвской группы». Дело 1934 г. против Ю. было прекращено. Второй

раз арестован спустя три года. Обвинение 10 декабря 1937 г. утвердил Ломбак. Его преемник Давыдов постановлением от 16 апреля 1938 г. дело прекратил. Ю. освобождён из-под стражи.

Юшин Пантелей Иванович (1901, с. Тигиль, Камчатка). Сын торговца, из казаков, «русский камчадал», окончил пять классов сельской школы. Член ВКП(б). По словам заведующего складом АКОснабторга В. В. Дроздова, слышавшего от кого-то, Ю. в 1922 г. встречал белых в Тигиле хлебом-солью. На момент ареста 19 февраля 1938 г. Ю. работал заместителем заведующего факторией АКОснабторга в с. Палана. Привлекался по ст. 58-1а-2-7-11 УК РСФСР. Постановлением прокурора КО от 1 декабря 1939 г. дело прекращено за недоказанностью, освобождён из-под стражи. Реабилитирован 19 декабря 1989 г. прокуратурой КО.

Юшин Сократ Иванович (1897), тигильский рыбак-охотник. Из купцов, камчадал, образование низшее. Арестован 3 марта 1934 г. Обвинялся по ст. 58-2-6-10-11 УК. 2 февраля 1935 г. тройкой УНКВД по ДВК как «социально вредный элемент» лишён права проживания в тридцати девяти режимных местностях. Реабилитирован УВД КО 16 марта 1993 г.

Юшин Терентий Ксенофонович (1892, с. Тигиль, Камчатка — 1936, там же), с 20.04.1918 член ПГС, с 1 мая начальник городской милиции в Петропавловске. Из казаков, русский, образование низшее. В 1910—1917 гг. — писарь Петропавловского уездного полицейского управления. В мае 1918 г. — заведующий регистрацией пушнины ПГС. Под стражей находился с 20 июля по сентябрь 1932 г. по ст. 58-10 УК РСФСР. Исключён из кандидатов ВКП(б) в связи с арестом. Дело прекращено. На момент второго ареста 4 мая 1933 г. — счетовод Тигильского РИК. Работал в личном хозяйстве. Середняк, семья из семи человек. Привлекался по делу «Автономная Камчатка» по ст. 58-2-11, виновным себя не признал. Постановлением судтройки ПП ОГПУ ДВК от 1 января 1934 г. приговорён к десяти годам лишения свободы. Согласно сообщению оперуполномоченного аппарата УКГБ в Корякском национальном округе лейтенанта Якунина начальнику 2-го отдела УКГБ по КО подполковнику Ложкину от 30 января 1956 г., Ю. возвратился из лагеря в 1936 г. и в том же году умер в Тигиле. Реабилитирован ВТ ДВО 27 апреля 1957 г.

Юшкин Михаил Кузьмич (1903), в феврале 1938 г. назначен врид начальника КОУ милиции. Из рабочих, русский. В сочувствующих компартии с 1937, принят в кандидаты партии 21 августа 1938 г. В 1918—1919 гг. — ученик продавца в кооперации,

в 1919—1920 гг. — рабочий магазина кооперативного товарищества. В 1920—1921 гг. — доброволец (рядовой) Народно-революционной армии ДВР. С 1921 по 1923 г. — железнодорожный рабочий. С 1923 г. — на разных должностях в милиции ДВР.

Яблокова Александра Александровна (1910), в конце 1930-х гг. сотрудница Камчатского облрадиокомитета. Окончила педагогический техникум. В комсомоле с 1926 г., в кандидаты ВКП(б) принята в 1938 г. С 1930 по 1931 г. — инспектор по дошкольному воспитанию при отделе народного образования. В 1931—1932 гг. — корректор газеты «Вычужский рабочий», затем инспектор по дошкольному воспитанию, инспектор детского сектора. С 1935 по 1936 г. — помощник художника московской кинофабрики, в 1936—1937 гг. — заместитель директора детдома по политико-воспитательной работе в г. Москве. В 1937 г. — инспектор по политико-воспитательной работе и редактор сектора самообразования станции Бобрин. С 1 сентября 1937 г. — заведующая общим политсектором Камчатского областного радиокомитета.

Яворский Мартин Янович (1881, Келецкая губерния), в 1922 г. председатель партизанского военного совета в с. Усть-Камчатск при секретаре Глуценко. Поляк. С 1899 по 1917 г. состоял в РСДРП (меньшевик). В 1933 г. судим «за самовольную продажу скота с колхоза» по ст. 109 УК РСФСР, получил четыре года. На момент ареста 31 мая 1938 г. — завхоз колхоза им. Сталина в Усть-Камчатске. Обвинялся по ст. 58-1а, переквалифицированную в 58-10 УК РСФСР. Освобождён постановлением КОУ НКВД от 10 июня 1940 г. по ст. 204-б УПК.

Яганов Кирилл Ксенофонович (1879, с. Лесная Тигильского района, Камчатка — 25.05.1938, г. Петропавловск-Камчатский), шаман. Коряк, неграмотный, «крестьянин-единоличник». Арестован 2 октября 1937 г. На допросе 4 января 1938 г. с участием переводчика показал: «Я научился шаманить от отца своего, в каком году не помню, так как отец мой помер, я ещё был небольшой. Я больше всегда шаманил среди родных и деньги не получал с них, а также шаманил среди односельчан, но деньги с них также не получал. Шаманством я занимался по день ареста. Когда я был арестован и шёл на пароходе из Паланы в Петропавловск, во сне пел шаманские песни, но это я шаманил во сне и сам не помню, мне потом говорили, то есть на другой день, что я ночью шаманил...» 3 января 1938 г. признался: «Да, я... говорил, что русские живут по-дьявольски, как Ленин». Из обвинительного заключения, составленного оперуполномоченным Камчатского морпогран-

отряда старшим лейтенантом Егоровым, подписанного начальником 4-го отделения КОУ НКВД лейтенантом ГБ Страховым, заместителем начальника КОУ капитаном Лепиным и утверждённого полковником Ломбаком: «Яганов... своим шаманством на протяжении ряда лет обманывал национальное население, агитировал националов, чтобы националы не обращались за помощью к медицине, так как медицина не в силах лечить больных национального населения, только путём шаманства Яганов может вылечить больных. Яганов систематически проводил антисоветскую агитацию среди местного национального населения, говорил: “При советской власти плохо жить корякам, раньше националы жили лучше без русских, а вот русские наехали на Камчатку, забирают все товары, а нам, националам, ничего не дают”. В 1937 г. детям запрещал учиться на русском языке. В 1937 г. в клубе сорвал стенную газету с портретами вождей, клеветал на вождей партии. В с. Лесная в 1937 г. в магазине бил стёкла, призывал националов, чтобы приняли участие бить стёкла в магазине, говорил, что в магазине товары есть, а нам не дают, поэтому нужно бить стёкла и ломать магазин. Виновны в этом русские, которые наехали на Камчатку... Следственное дело по обвинению Яганова... направить на рассмотрение тройки УНКВД по ДВК для привлечения к ответственности по первой категории». 17 марта 1938 г. приговорён к расстрелу с конфискацией личного имущества. Реабилитирован прокуратурой КО 22 июня 1989 г.

Ягодонец Сергей Яковлевич (1911), с августа 1952 г. заместитель председателя КОИК. Украинец, образование неполное высшее, финансист. В ВКП(б) с 1943 г. Награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Якимов Аристарх Тихонович (1895), постановлением Дальбюро ЦК РКП(б) от 12.09.1924 назначен уполномоченным ДВКК и ДальРКИ на Камчатке. По совместительству с 12 декабря 1924 г. — заведующий организационно-инструкторским отделом Камчатского губбюро РКП(б). В большевистскую партию вступил в 1917 г. С февраля 1918 г. — член Центросибири, затем заместитель наркома советского управления, редактор газеты «Центросибирь». В 1921—1922 гг. — начальник организационно-инструкторского отдела политуправления Народно-революционной армии ДВР, начальник политотдела Восточного фронта, член военного совета и начальник политотделов партизанских отрядов Приморья. «Участник штурма Волочаевки». 7 июля 1925 г. Камчатским губбюро РКП(б) назначен заведующим губернской РКИ. 5 августа 1926 г. избран председателем

президиума кружка по изучению Камчатки при заместителе П. Т. Новограбленове, секретаре В. Ф. Комарове, членах Бузине, Физике, Ларине, Брикмане (заведующий издательской частью), Турилове, Пономарёве (Гижига), кандидатах Слободчикове, Кренберге, Игнатове.

Якимович Евгения Захаровна (1905), с 1935 г. заместитель заведующего Домом партийного просвещения им. С. М. Кирова в Петропавловске. Русская, образование высшее. Вступила в ВКП(б) в 1928 г.

Якобсон Евгений Львович (1895, г. Вильно), чекист и хозработник. Из служащих. Отец — мелкий подрядчик из мещан. Еврей, образование среднее. В большевистской партии с 1919 г. В советско-польскую войну 1920 г. служил членом, заместителем председателя трибунала 15-й кавалерийской дивизии корпуса Г. Д. Гая. В 1921 г. вместе с корпусом интернирован в лагерь на прусской границе. Здесь в числе 102 политработников арестован, но по пути из лагеря бежал с шестью коммунистами в Берлин. «В Берлине явился к нашему представителю т. Коону, который предложил немедленно переодеться и переменить фамилию. Работал в бюро по обслуживанию интернированных и военнопленных. После был отправлен в распоряжение Дзержинского. В ВЧК работал с 1921 до конца 1923 г. на разных должностях». С 1923 г. — во ВЦИК, ревизор по Северо-Западной области, в Главнауке на хозработе и в Наркомпросе. В 1927—1930 гг. — управляющий ГУМ по Северо-Западной области. В 1930 г. мобилизован на Камчатку, здесь заместитель директора-распорядителя АКО, директор рыбного управления. В начале октября 1933 г. при партчистке исключён из ВКП(б) как выходец из мелкобуржуазной среды и за неискреннее признание своих антипартийных проступков, политическую неграмотность и нежелание работать над собой.

Яковлев Афанасий Павлович (1884, с. Паратунка, Камчатка), участник мартовских событий 1918 г. в Петропавловске на стороне противников советской власти. Из крестьян-середняков, русский, малограмотный. По данным ОГПУ, в июле 1922 г. вместе с односельчанином Н. С. Подпругиным (в точности не выяснено, добровольно или по принуждению) привёл в Паратунку отряд белых. По некоторым данным, 11 июля 1926 г. некто «А. Яковлев» был избран председателем Паратунского сельсовета. На момент ареста 24 марта 1933 г., по одним сведениям, охотник паратунской базы «Теремок», по другим — работал в личном хозяйстве. 17 апреля 1934 г. судтройкой ПП ОГПУ ДВК по ст. 58-10-11

УК РСФСР приговорён к пяти годам лишения свободы. Реабилитирован прокуратурой КО 27 июня 1989 г.

Яковлев Игорь Григорьевич (1912, г. Санкт-Петербург), в середине 1960-х гг. заведующий отделом агитации и пропаганды газеты «Камчатская правда». Из рабочих, русский, образование среднее (окончил среднюю школу, ФЗУ завода им. К. Маркса в г. Ленинграде, курсы газетных работников в г. Петропавловске-Камчатском в 1939 г.). В ВКП(б) с 1940 г. В 1931—1932 гг. — слесарь завода «Судомех» в г. Ленинграде. В 1932—1934 гг. трудился на рыбоконсервном заводе № 42 Наркомпищепрома в Сахалинской области. С декабря 1934 по декабрь 1936 г. — командир отделения в частях НКВД в Московской области. В 1937—1938 гг. — слесарь Ичинского рыбокомбината АКО, в 1938—1942 гг. — там же, редактор многотиражки «Ичинский ударник». Из характеристики, подписанной секретарём Усть-Большерецкого РК ВКП(б) по кадрам Карашевичем в 1940 г.: «В 1938—1939 гг., работая редактором, допускал существенные ошибки в газете, вступал в пререкания с политработниками, упрямо не соглашаясь со сделанными ему замечаниями, вёл себя заносчиво. Сейчас улучшил своё поведение. В сентябре 1939 г. первичная партийная организация вынесла т. Яковлеву партвзыскание — выговор за клеветническое заявление в отношении честных членов партии и за нетактичное поведение на партсобрании. Сейчас выговор снят. Т. Яковлев политически грамотный, работает над собой, руководит кружком политзанятий, агитатор, замечаний в быту не имеет». В ВОВ не участвовал. С февраля 1953 г. — начальник КОО радиоинформации.

Яковлев Кирилл Николаевич (1880, с. Посадки Витебской губернии), противник красных партизан. Из мещан, русский, малограмотный. На Камчатке с 1907 г. Сначала жил в с. Тарья, в 1918 г. переехал в Усть-Камчатск. В 1914 г. получил два года за убийство в драке. С 1924 г. — в с. Крутоберёгово Усть-Камчатского района. Имел дома там и в райцентре, один (в Усть-Камчатске) сдавал в аренду. В материалах ОГПУ имеются разные данные о его собственности. В анкете арестованного: до 1917 г. — дом, стайка, две коровы, 21-футовый вельбот; на момент ареста 22 ноября 1931 г. — дом, две коровы, три телёнка, лошадь, семь собак, огород площадью 1 500 кв. м. Из справки от 13 декабря 1931 г., подписанной врид председателя РИК Кауровым: «...имел до двенадцати голов рогатого скота, племенного быка, нарту собак и полный хозяйственный инвентарь, применял наёмный труд. Лишён права голоса в марте 1931 г. Весной 1931 г. имел твёрдое задание по посеву огородных

культур и вылову рыбы, но от выполнения их уклонился, по посевной не засеял ни одного метра, по вылову рыбы также значительно недовыполнил данную ему контрольную норму. За невыполнение твёрдых заданий имущество Яковлева в порядке ст. 61 УК было продано с торгов». Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР. В 1922 г. говорил бедняку Парунову, вступившему в партизанский отряд: «Подождите, придёт время, мы вам покажем, что значит организовывать партизанские отряды», и грозился перебить всех местных партизан. Был враждебно настроен по отношению к ним до самого ареста. Выступал также против колхозов. Так значилось в обвинительном заключении. И — далее: «В результате из тридцати хозяйств осталось в колхозе семь; из местных жителей вступил только один человек, остальные разъехались». 19 мая 1932 г. тройкой ПП ОГПУ ДВК лишён права проживания в двенадцати населённых пунктах Дальневосточного и Восточно-Сибирского краёв без указания срока запрета. Реабилитирован прокуратурой КО 19 февраля 1990 г.

Яковлев Леонтий Якимович или Яковлевич (1881, с. Большие Коровинцы, по административно-территориальному делению конца 1920-х гг., Бердичевского округа, Украина), в 1923—1931 гг. священник *Петропавловского собора*. Из крестьян, украинец, образование четырёхклассное. «До призыва на военную службу работал в своём хозяйстве вместе с отцом, — вспоминал он осенью 1931 г. — Имели дом, две лошади, одну-две коровы, десять-пятнадцать овец, посеву приблизительно четыре десятины. Семья состояла, кроме родителей, из двух братьев, в том числе я, и трёх сестёр. С 1903 по 1906 г. находился на военной службе рядовым, участвовал в войне с Японией, по окончании которой сразу же поступил в Уссурийско-Шмаковский монастырь послушником. В монастыре пробыл до 1915 г. Был назначен на станцию Седанка к архиепископу Владивостокскому Евсевию, им же был рукоположен в диаконы. В 1916 г. был назначен на Камчатку диаконом при Петропавловском соборе у епископа Нестора (приехали вместе), пробыл до мая 1922 г., получил назначение священником церкви в бухте Барона Корфа, куда и выехал. Пробыл там год и в июле 1923 г. вернулся обратно в Петропавловск и остался священником Петропавловского собора по назначению епископа Даниила Шерстенникова (согласно просьбе верующих), который в то время сидел в тюрьме. С этого времени я только дважды выезжал на материк... Первая поездка была вынужденная в 1924 г., был арестован за обнаруженную при обыске литературу...» В июне

того же года нарследователь Крайзельман обратился к начальнику Камчатской губмилиции со следующим письмом: «С получением сего прошу Вас вещи, принадлежащие гражданину Яковлеву Леонтию Яковлевичу и находящиеся на хранении у граждан Огородниковых Алексея и Виктора, Бакумова Романа и Калмакова (фотография), взять на учёт с составлением актов и точных описей в присутствии понятых. Одновременно с сим при осмотре вещей необходимо обратить внимание на литературу контрреволюционного характера, которая должна быть изъята как вещественное доказательство для приобщения к делу. По исполнении всю переписку препроводить мне». Я. находился под арестом три месяца, был отправлен во Владивосток, где по истечении трёхнедельного заключения судебная коллегия Приморского губернского суда его дело прекратила, и он возвратился в Петропавловск. До 1930 г. в приход Петропавловского собора, помимо города, входило восемь окрестных селений. В 1930 г., в соответствии с новой инструкцией НКВД РСФСР, осталась одна Сероглазка. «В своей религиозной деятельности, — говорил Я., — мне больше всего приходилось общаться с членами церковноприходского совета. Состав такового избирался в 1923 г., куда вошли председатель (я), Савинский Д. Д., Ларина А. Р., Бакулова А. И., Пашковская П. И., Косыгин И. И., Флетчер Ф. А., Шерстенников П. К., Колмаков А. П. и некоторые ещё...» Осенью 1928 г., показывал далее в ОГПУ в 1931 г. Я., «мною была получена телеграмма из Владивостока от епископа Пантелеймона (который был назначен на Камчатку, но его не пропустили) о том, что едет *епископ обновленческий*. По приезде последнего, когда тот стал делать свои распоряжения приходам о признании его, то мы на специальном заседании приходского совета постановили его не признавать, составили отношение всем верующим Петропавловского прихода, а другим приходам я лично в письмах сообщил — другим священникам, находящимся на Камчатке... Второй вопрос весьма серьёзного характера обсуждался также на специальном заседании церковноприходского совета летом 1929 г. в связи с городской антирелигиозной кампанией профсоюзов о передаче церкви под культурные нужды города... Горсовет официально предложил в двухнедельный срок освободить собор. Не имея другой церкви в городе, было постановлено обжаловать в центр (ВЦИК) об оставлении церкви за обществом верующих, после чего от нас церковь не отняли». Весной 1931 г. при перерегистрации административным отделом КОИК Петропавловского православного религиозного общества из него были

исключены верующие селений Авача и Халактырка. По решению церковноприходского совета Я. поставил в известность его членов, живущих в этих населённых пунктах, В. А. Кобзева (Авача) и Н. А. Сахарова (Халактырка) «для оповещения верующих, но таковые сами не приняли мер к восстановлению». В середине 1920-х гг. Я. часто ездил по сёлам, бывал в Коряках, с его приездом распространялись новости, как-то: «скоро придут белые, и тогда будет всё, что захочешь из продуктов, а при совласти скоро ни продуктов, ни мануфактуры — ничего не будет». Арестован 6 сентября 1931 г. Из обвинительного заключения: «Войдя в связь с одним из руководителей контрреволюционной организации... священником Бучинским Т. И., по договорённости с последним организовал в Петропавловске ячейку контрреволюционной организации, систематически вёл антисоветскую агитацию с призывом к свержению советской власти... Виновным себя не признал». Проходил по одному делу с П. К. Шерстенниковым, А. К. Голубевым, И. И. Косыгиным и Д. А. Шигаевым. 28 ноября 1932 г. приговорён судтройкой ПП ОГПУ ДВК по ст. 58-10-11 УК РСФСР к пяти годам концлагеря. Реабилитирован прокуратурой КО 30 июня 1989 г.

Якушин Д. Т., кооптирован в состав бюро окружкома и избран секретарём КОК ВКП(б) 17.11.1930. На 2-м пленуме 6—10 января 1931 г. в состав окружкома вместе с ним вошли: члены Виноградов, Вихров, Гольдберг, Камлюк, Коваленко, Кряжина, Ньнь, Печенежский (заведующий агитационно-массовым отделом), Репьева (завкультпроп), Сухушин (ответственный редактор «Полярной звезды»), Шенюк, Шишкина; кандидаты Воронцов, Репьева, Русаков. Были доизбраны члены КОК Авербах, Дубинская, Колесниченко, Копылов, Кривошеев, Кучмижак, Плаксин, Русанов, кандидаты Зеленский (Озерновский рыбоконсервный завод), Соболевский, Турков, Тюменцев (Петропавловский РИК). Зарплата Я. составляла 480 руб., в то время как машинистка окружкома получала 175. Делал доклад «О борьбе с шовинизмом и антисемитизмом» на закрытом заседании бюро КОК 25 марта 1931 г., по которому было принято постановление: «1. Предложить тт. Печенежскому, Гольдбергу и Вихрову наметить ряд практических мероприятий по борьбе с шовинизмом и антисемитизмом. 2. Орготделу написать закрытое письмо ко всем членам петропавловской партийной организации по вопросу национальной политики партии... борьбе с шовинизмом и антисемитизмом. 3. Предложить т. Гольдбергу совместно с т. Коваленко проработать во-

прос об увеличении ведомственной милиции в связи с ростом хулиганства, пьянства, проявлениями шовинизма и антисемитизма. 4. Предложить прокуратуре ускорить разбор дела т. Якобсона». Вёл заседание бюро с повесткой «Об антисоветском выступлении на собрании коллектива АКО 6 июля 1931 г.», где было принято постановление: «1. Отметить, что бюро партячейки стройтехуправления безучастно отнеслось к созыву общего собрания рабочих, допустило антисоветские выступления на этом собрании, направленные против решения крайкома и окружкома по делу Янчевского и Леонова, и не дало должного отпора вылазкам рвачей. Несмотря на то, что созыв означенного собрания был запрещён окружкомом, бюро ячейки допустило его созыв. За нарушение директив окружкома и отсутствие массовой работы среди рабочих-строителей признать необходимым: а) бюро ячейки стройтехуправления при АКО распустить. Поручить т. Шенюку провести собрание ячейки и произвести перевыборы бюро 8 июля 1931 г.; б) рекомендовать освобождённым секретарём партийной ячейки стройтехуправления т. Дубинскую; в) просить т. Зыкова расследовать дело об участии коммунистов в антисоветской группировке и привлечь виновных к ответственности; г) предложить фракции окрпрофбюро распустить рабочий комитет при стройтехуправления, обеспечив выборы в новый состав работоспособных товарищей. 2. Поручить тт. Рубину и Ковалёву в однодневный срок проработать мероприятия по проведению массовой работы среди коллектива АКО и рабочих порта. 3. Поручить тт. Якушину и Вихрову в ближайшие дни провести общее собрание рабочих стройтехуправления АКО». В сентябре 1931 г. выехал в Хабаровск с докладом Далькрайкому о работе окружкома. Постановление Далькрайкома ВКП(б) от 13 января 1932 г.: «С откомандированием т. Якушина в распоряжение ЦК ВКП(б) согласиться. Секретарь контрольной комиссии *С. Бергавинов*».

Якушкин Александр Иосифович (1906), в марте 1940 г. начальник Мильковского РО НКВД. Из рабочих, русский, окончил Центральную школу НКВД. В ВКП(б) с 1931 г.

Янкина Вера Сергеевна (13.08.1927, дер. Малинки Московской области — 2009, г. Санкт-Петербург), журналистка. Из семьи учителей, русская, образование высшее: окончила отделение журналистики филологического факультета Уральского университета. С декабря 1945 по август 1946 г. — делопроизводитель 2-го отделения японских военнопленных 17-го лагеря УМВД по Хабаровскому краю. В 1950 г. — литсотрудник, с 17 октября

1951 г. — заведующая отделом литературы и искусства, а после слияния с отделом пропаганды в ноябре 1954 г. — литсотрудник этого отдела в газете «Молодой дальневосточник». С мая 1955 по январь 1956 г. — литературный секретарь, старший литсотрудник отдела культуры газеты Дальневосточного военного округа «Суворовский натиск». С конца 1950-х гг. (начала 1960-х) на Камчатке. Ответственный секретарь «Камчатского комсомольца» до 1978 г., затем старший редактор «Камчатских новостей» областного Дома радио.

Янушкевич Анатолий Павлович (1902, г. Орёл), с 25.10.1928 по 7.04.1929 ответственный редактор газеты «Полярная звезда». Из крестьян, поляк, гражданин СССР, образование высшее. В большевистской партии с 1920 г. До работы в редакции был председателем Усть-Камчатского волревкома, инструктором КОБ ВКП(б). 16 июня 1926 г. подписался за заворга под циркуляром Д. С. Бузина «Об усилении организационной работы в низовых деревенских организациях», в котором говорилось: «...в Усть-Камчатке за коммунистов многие крестьяне не голосовали, считая их недостаточно хозяйственными, не вникающими в “жизнь мужицкую”. В Усть-Большерецке деревня долго шла под руководством антисоветского элемента, а не ревкома. При таком положении активность крестьян может быть использована враждебными лицами...» На пост редактора выдвинут секретарём КОБ ВКП(б) Зыкиным 18 сентября 1928 г. А 6 сентября Каплан на заседании КОБ доложил об утере Я. в 1927 г. в Усть-Камчатке секретного документа по перевыборам Советов. Постановили предложить Краузе передать это дело уполномоченному ДВКК. 25 сентября 1928 г. утверждён нештатным корреспондентом Российского телеграфного агентства. 9 мая 1929 г. освобождён от работы в редакции в связи с учёбой на агронома. До 1938 г. — заведующий земельно-промысловым отделом Чукотского ОИК. Перед арестом 20 апреля 1938 г. — агроном-зоотехник землеуправления Анадырского ОИК. Обвинялся по ст. 58-7-8 УК РСФСР во вредительстве. Признал себя виновным в принадлежности к правотроцкистской организации, затем отказался. В июне 1939 г. дело прекращено, освобождён, восстановлен в ВКП(б).

Ярмолевич Михаил Осипович или *Иосифович* (1893, с. Вооцк Гродненской губернии, Польша), с 1933 г. председатель Камчатского областного суда. Из крестьян, белорус. До 1917 г. три года учился в церковноприходской школе, в нормальной вечерней школе первой ступени в г. Спасске, но не окончил, в политшколе.

В ВКП(б) с 1927 г. В 1909 г. на мельнице получил увечье: лишился двух пальцев, почему и не служил в армии. С 1915 г. — работал на заводе, учился на вечерних курсах десятников. В 1916—1917 гг. — каменщик на заводе товарищества «Проводник». В 1917 г. — печник в г. Владивостоке в строящихся мастерских, в «Гнилом углу», по сборке прибывающих из Америки паровозов. В начале 1918 г. участвовал в съезде беженцев германской войны секретарём совета. После чехословацкого переворота — кладовщик в американском Красном Кресте до 1920 г. За помощь партизанам бельём, медикаментами и деньгами подвергнут обыску и аресту. В 1920—1923 гг. — на разных работах. В феврале 1923 г. принят в ВТ, по постановлению пленума Приморского суда назначен судьёй и откомандирован на Камчатку, откуда КГРК направлен в г. Охотск, где пробыл до 1926 г. В начале 1926 г. простым бойцом-добровольцем участвовал в ликвидации банды. В 1928 г. — судья в г. Спасске, затем до конца 1929 г. — во Владивостокском окружном суде, несколько месяцев был окружным нотариусом. В конце 1929 г. послан на хлебозаготовки в Ханкайский район, закреплён за ним народным судьёй. В 1931 г. назначен уполномоченным крайсуда по Камчатскому округу. С января 1933 г. — председатель Камчатского областного суда. Кроме него, весной того же года в состав суда входил Ф. П. Кассихин. На партчистке в сентябре 1933 г. коммунист Кравченко рассказывал: «Борьбу с кулаками вёл хорошо. Прокурор был пьяница, начальник и помощник милиции были тоже пьяницы, мы с Ярмоловичем добились того, что этих работников сняли. Сейчас работа налажена». В 1932 г. было осуждено двадцать пять работников милиции. Вопрос: «Реальная борьба с уголовниками, рецидивистами?». Ответ: «Я их направлял в Раковую бухту и т. д.». Вопрос: «Какие взаимоотношения с Завьяловым и Минским?». Ответ: «Имел несчастье ездить два раза на охоту с ними». Насчёт родных жены — лишенцев: «...я об этом не знал. Связи с ними не имею». Член партии Тейфельман: «...из публики здесь утверждают, что жена связь имеет». Вопрос о чистке Я. остался открытым.

Ярцева Зоя Михайловна (1906), в 1945 г. заведующая сектором статистики и единого партбилета КОК ВКП(б). Окончила школу второй ступени. В ВКП(б) с 1927 г. С 1931 г. в партаппарате, инструктор особого сектора и технический секретарь обкома ВКП(б). 11 января 1938 г., на момент исключения ПГК из партии «за прямое пособничество врагу народа Орлову», работала в редакции «Камчатской правды». 3 февраля 1938 г. восстановлена

КОК, объявлен выговор за политическую беспечность. В 1946 г. переведена в Свердловскую область.

Ясиновский Ф., 19.03.1917 избран кандидатом к членам ПГК.

Яхович Николай Николаевич, в 1923 г. сотрудник КГО ГПУ.

Вступил в большевистскую партию в 1918 г. Исключён 25 мая 1922 г. Приамурской окружной комиссией «как человек с сомнительной автобиографией и партийным стажем... показавший себя только с отрицательной стороны: трусость, нечестность, в частной жизни самого отрицательного образа поведения, неисправный на службе и в партобязанностях». В 1923 г. комиссия по чистке личного состава служащих государственного аппарата Камчатской губернии приняла постановление: «Яховича Н. Н. уволить от службы как личность неустановленную, не имеющую ясной физиономии». 23 декабря того же года Я. пишет письмо ответственному секретарю Камчатского губбюро РКП(б) Бузину: «Прошу вас, тов. секретарь, разобрать моё дело, ввиду того, что я в настоящее время нахожусь в каком-то непонятном положении, и за что заслужив таковое, мне ни один из старших товарищей объяснить не хочет. В июне месяце я приехал в Петропавловск с губотделом (ГПУ. — В. П.), в котором и служил до приёма его тов. Кручиной, но меня тов. Кручина однажды заподозрил и уволил со службы. По приезде тов. Ломбака я обратился к нему с просьбой о моём обратном приёме, но мне было отказано, хотя тов. Кручина против обратного приёма ничего не имел. Тогда мне была дана рекомендация тов. Ломбака к тов. Кручине, а он, в свою очередь, дал зав. губревкома, и уже было дано место статистика, где я и служил до чистки, проявив свою инициативу до максимума. После чистки мне было объявлено завгубстатбюро, что я увольняюсь как не ясное лицо. Но, тов. секретарь, я обращаюсь к вам, как к старшему товарищу, скажите, пять лет в партии — разве это не известное моё лицо? Тов. Баранов меня взял из Хабаровского губотдела ГПУ, но теперь оно расформировано, и когда по моей просьбе было запрошено, то оттудова пришла справка, что меня не знают, хотя тов. Ломбак и говорит, что это может быть роковая ошибка. Но ведь я из-за этой роковой ошибки стал на положении выгнанной бездомной собаки и питаюсь только тем, что дадут мои ещё не забывающие товарищи. Но ведь, тов. Бузин, неужели же нужно мне отречься от того, что я защецал всю ревалюцию на фронтах и в партизанских отрядах. Неужели же мне идти к какому-нибудь Гудсон-Бею и работать ему, что он, конечно, будет указывать пальцем — вот, дескать, и мы даём вам работу, нет лучше дворником,

только около своего учреждения. Да и не обидно ли ещё: я сдавал дела бывшему полицейскому Воротникову, который и до сего времени служит, да и мало того, ещё при подаче автобиографии свою службу скрыл. А сдес, начиная с 17-го года, когда нас привезли из Англии, где все русские суда были отобраны, и нас, как русских большевиков, выслали в Россию. По приходу англичан в Архангельск мне и моим товарищам пришлось бежать, так как я был председателем Союза моряков, и я в 18-ом году вышел в полярную экспедицию на три года на “Таймыре” и “Вайгаче”. Но неудачное плавание переменяло план действий, и нам в числе нескольких человек пришлось двинуться на Красноярск, после того, как мы были высажены на берег, “Вайгач” погиб. После этого два года пришлось партизанить, годы, полные всяких лишений с борьбой за власть пролетария. Кроме того, всё время занимал ответственные должности, как-то комиссаром и командиром минного заградителя, командиром вооружённого парохода. В 22-ом году был послан в Харбин революционным-военным советом с очень важным заданием, какое мной было выполнено в 100 процентов, за что мне благодарность в приказе. В 21-ом году был послан из Читы с шифрами и распоряжениями начальником Морских сил республики, он же замещал и должность комиссара, тов. К. Фролов, в Хабаровск, где опять работал в шифротделе, а потом командовал судами. По отступлению из Хабаровска был в партизанском отряде Шевчука со своим отрядом. И за всё то товарищеской рукой наносится такой жестокий удар! Всё выше изложено, и ещё оставшееся не вписанным можно проверит справками, за что я беру на себя ответственность вплоть до подсудности в справедливости и верности моих слов. О моём поведении могут подтвердить все товарищи, знающие меня как в полном смысле трезвости и не комплементирование своей физеаномии. Живя с некоторыми по полгода, что, конечно, можно узнать человека. Таковую могут дать тов. П. Могутин, сотрудник Губотдела ГПУ и ещё другие, как-то тов. Соловьёв, и вообще я могу представить о себе отзывы, кои в мою сторону только похвальны. С коммунистическим приветом *Н. Яхович*». В конце 1925 г. — делопроизводитель-статист административного отдела КГРК. На 1 апреля 1926 г. — «журналист секретариата» окрревкома. Беспартийный. Жена — Валентина Германовна Я. (1906 г. р., дочь почётного гражданина, окончила четыре класса ВУ. До 1917 г. училась на Камчатке, с 1917 г. служила в государственных учреждениях. В марте 1926 г. — машинистка губернского земельного управления.

По некоторым сведениям, в 1927 г. — кассир Петропавловского госторга. Беспартийная).

Яхонтов Е. П., по его словам, участник июльского антисоветского переворота 1918 г. в Петропавловске. Воевал в Первую мировую войну на германском фронте в ударном батальоне, после чего — г. Ирбит, затем г. Петропавловск-на-Камчатке (в феврале 1917 г. уже был здесь). Из второго ответа Я. офицерам в «Камчатском вестнике» от 6 октября 1918 г.: «...в милиции я не состоял, а участвовал по свержению советской власти, помогал Токаревскому и сейчас же удалился, когда миновала надобность...»

Яшихин Юрий Герасимович (1931), в 1983 г. первый заместитель председателя правления Камчатской областной организации общества «Знание». Русский, образование высшее. В КПСС с июля 1953 г. Награждён пятью медалями.

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

Ниже нами воспроизведены отдельные материалы третьего тома выходившего в г. Иркутске «Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью». Том, отпечатанный в 1882 г. типографией Н. П. Синицына, называется «Камчатка и Командорские острова», а его выпуск 1 — «Камчатка». Всего было опубликовано восемь томов «Сборника...», инициатором издания и редактором которого стал генерал-губернатор Восточной Сибири в 1880—1885 гг. Дмитрий Гаврилович Анучин (1833—1900), почётный член Императорского Русского географического общества, покровитель его Восточно-Сибирского отдела. В своих отчётах царю он указывал на необходимость преобразования управления вверенной ему огромной территорией, её освоения и развития переселенческого дела.

ЗАПИСКА О ПОЛУОСТРОВЕ КАМЧАТКЕ состоящего при командующем войсками Восточно-Сибирского военного округа подполковника П. Н. Козика

Летом 1877 г. я был командирован в Камчатку. Целью командирования было: ознакомиться на месте с особенностями службы и быта камчатских казаков для составления проекта нового положения об отбытии ими воинской повинности. Но те ненормальные условия промышленно-экономического состояния полуострова, которые даже при поверхностном наблюдении так резко бросаются в глаза, к тому же подтверждаемые отзывами лиц, хорошо знающих край, долго живущих в нём, людей с университетским образованием и заслуживающих доверия к их способности наблюдать и критически относиться к явлениям местной жизни, а также малое знакомство с положением этой страны в Иркутске побудили меня, кроме обязательного отчёта о камчатских казаках, подать предместнику вашего высокопревосходительства генерал-адъютанту барону Фредериксу особую записку о положении дел на полуострове Камчатке. Для обсуждения этой записки была назначена комиссия, но председателем её, генерал-майором Голенковским, всё изложенное в ней найдено не заслуживающим внимания и даже обсуждения. Дело тем и кончилось.

Прошло три года, положение дел в Камчатке не изменилось к лучшему. Но: 1) возникновение нашего Добровольного флота

и его служение торговым интересам в мирное время, 2) устанавливающиеся правильные рейсы его судов из Европейской России в порты Великого океана, 3) возбуждённое внимание всего русского общества к будущности наших побережий на океане, 4) с каждым годом усиливающееся стремление русского народа вследствие малоземелия и истощения почвы к исканию новых земель к поселению и 5) возможность военного столкновения с Англиею — являются теми факторами, которые могут вызвать к жизни дремлющая сила Камчатки, улучшить положения ея теперешняго населения, и вопросу об обороне ея придадут значение государственное. Вследствие этих причин беру на себя смелость представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства нижеследующий очерк полуострова Камчатки.

Чрезвычайно своеобразна *природа* Камчатки. На сотни миль, откуда бы к ней ни приближаться, видны над облаками ея снежные конусообразныя сопки и возбуждают живое любопытство своими дымящимися вершинами. Океан шумным буруном разбивает свои волны о подножия отвесных скал то сераго гранита, то полосатых, жёлто-краснаго песчаника. Склоны гор покрыты свежей, яркой зеленью роскошных трав, окаймлённых тёмною листвою ползучаго кедровника и берёзы, а в распадках снег среди лета белыми полосами спускается к самому морю; на горизонте чудная панорама дальних гор. По всему восточному побережью — от мыса Лопатки до мыса Камчатскаго — нагромождены в живописном беспорядке прибрежныя горы футов тысяч до двух высотой. Среди них по всему протяжению гигантскими пиками возносятся ввысь вечно снежныя, частью дымящияся, частью погасшие вулканы — знаменитыя сопки Камчатки. Между ними, безспорно, самая прекрасная и величественная сопка Ключевская. Совершенно правильным конусом в 17 000 фут высоту, то нежно-голубая, то бледно-розовая, она господствует над всем окружающим её массивом гор. Из ея постоянно дымящейся вершины часто извергается пепел, который на десятки вёрст густым слоем покрывает все окрестности. Порою в недрах ея слышится гул и грохот; на вершине показывается пламя, и всё вокруг содрогается от землетрясения. Ещё двадцать восемь других сопок украшают Камчатку, из них более высокия: Швелуч, Краноцкая, Авачинская, Велючинская, Коряцкая и Кошелева, все они выше 10 000 фут над уровнем моря. Частые и сильные морские ветры восточнаго побережья препятствуют росту там больших деревьев, и горы покрыты только роскошной травой и ползучим кедровником, который, впрочем,

даёт массу мелких орешков. Главной притягательной силы для туземца — соболя — здесь мало, и горы до того нагромождены одна на другую, что редко встречается какая-нибудь даже площадка, почему всё это побережье совершенно необитаемо. В крутых берегах образуется несколько заливов, из коих замечательна лучшая в мире гавань — Авачинская губа с ея как пруд спокойной бухтой, у которой возник Петропавловский порт. Внутри вдоль всего полуострова проходит горный хребет, доходящий до 5 000 фут высоты. Между главным хребтом и горами восточного побережья с юга на северо-восток протекает большая судоходная река Камчатка, которая впадает у Камчатского мыса в Великий океан. Широкая долина этой реки есть лучшее место всего полуострова в культурном отношении. Склоны гор главного хребта и долины многочисленных рек покрыты густым строевым лесом. Здесь растут корабельная сосна и лиственница, кедр, берёза, сибирский тополь, ель, ольха, рябина. В замечательном изобилии созревают там сочные, полезные для человека ягоды: земляника, черёмуха, жимолость, голубица, морошка, брусника; повсеместно растут черемша (дикий чеснок), дикий лук, сарана (дикая лилия), анис, дикий горох, ангелика и портулак, шиповник, клевер и многия другия роскошныя травы. В дремучих лесах и ущельях гор во множестве водятся дикия животныя: дорогой, тёмный пушистый соболь, горностаи, лисица всех оттенков, россомаха, выдра, дикие олени и бараны, волки и во множестве медведь, от изобилия пищи (рыбы и ягоды) до того не кровожадный, что не трогает ни человека, ни домашнего скота. Замечательно, что в Камчатке нет вовсе распространённой по всей Сибири белки. На многочисленных озёрах и болотах стаи птиц: лебеди, дикие гуси и утки и другия.

Почва: то тучный чернозём, то суглинок; местами болота, покрытыя густым мохом; по западному побережью часто песок; около Тигиля есть обширные залежи превосходного каменного угля и целые аметистовые утёсы. Есть медь, находили и золото. В некоторых реках встречается жемчуг. Повсеместно проявляются целебные минеральные источники, особенно известны Малкинские горячие и Апачинские серные, есть железистые и другие. Вообще, вода во всех ключах, во множестве сбегаящих с гор, замечательно хороша и здорова. Многочисленныя горныя реки, впадающия в Великий океан и Охотское море, с половины лета переполняются баснословным количеством рыбы, идущей из моря вверх для метания икры. От напора нахлынувшей рыбы они выступают из берегов; масса ея выбрасывается на берег, и она гниёт

на солнце; медведи загибают её лапами и как сетью ловят своей шерстью. Население в это время обеспечивает себя и своих собак годовым запасом продовольствия. Рыба эта по преимуществу из породы крупных лососок, которых насчитывают до четырнадцати видов: чавыча, горбуша, кета (род сёмги), мальма, нярка и другие. Мясо их красное, жирное, чрезвычайно вкусное. В Авачинскую губу заходят густыми рунами прекрасные сельди, в море, у берегов и скалистых островов — целая стада тюленей, сивучей, нерп и моржей; дальше в море и океане много китов, и в Охотском море масса трески. Повсюду у берегов носятся стаи морских птиц: альбатросы, чайки, оры, топорки, урылы и сплошь покрывают всякий камень, выдавшийся из воды.

Климат Камчатки умеренный, чрезвычайно сырой, но не холодный. Тёплое океаническое японское течение, омывающее восточный берег до мыса Камчатского, смягчает значительно суровость зимы и вместе с тем служит источником тех частых и густых туманов, которые, подолгу скрывая солнце, не всегда дают достаточного количества тепла, необходимого для созревания хлебных злаков, но с другой стороны, доставляя обильную влагу, способствуют замечательному росту трав, которые высоки, сочны и свежи до глубокой осени. Зима не суровая, мороз свыше двадцати градусов редкость, но выпадают весьма глубокие снега и часты метели — «пурги». Весна наступает с апреля, зима — с ноября. Крузенштерн так описывает климат Камчатки: «В 1804, 1805 годах весь июнь, часть июля, целый август и сентябрь было столько же ясных дней, сколько и в других местах, имеющих подобное положение. Весь июнь продолжалась хорошая и тёплая погода, каковая только быть может в странах лучшего климата. В половине мая спутники капитана Кинга уже собрали много дикаго чеснока, селири и крапивы. В Европейской России есть много областей, климат которых ничем не лучше камчатского, однако они населены и благоустроены». В мою бытность там в половине августа стояли ясные, жаркие дни, все охотно купались в море, и травы были в полном соку.

Эту щедро одарённую от природы страну с незапамятных времён населял народ неизвестного происхождения, но, можно предполагать, родственный индийцам Америки — *камчадалы*. Они невысокого роста, слабого сложения, с чёрными глазами на овальном бледном лице и тонко очерченным правильным носом. Этот добродушный, безпечный и весёлый народ чтит своего бога Кутку, в образе которого он олицетворял и умилял те силы окру-

жающей его природы, которая подавляли его детское воображение ужасом частых землетрясений и извержений загадочных и страшных для него сопок. Патриархально и оседло он жил в своих земляных барабах (юрты) небольшими поселениями (острожки) и управлялся выборным старшиною (тайон). Ловил рыбу и соболя, бил стрелой бобра, ездил в нартах (сани) на собаках; плавал по рекам и морю в утлых байдарках (лодки). Жил он по-своему привольно: не знал пагубной страсти к водке, табаку и чаю, не ведал он и страшных болезней — оспы и сифилиса, приведших его к вырождению и вымиранию. Было их до 20 000 обоего пола.

В конце XVII столетия *казаки*-землеискатели в своём неустанном стремлении к объяснению новых инородцев проникли из Якутска до земель чукчей и основали там Анадырский острог. Тут они прослышали о богатой пушшиной земле с ещё неизвестным им бобром и мирном народе, там живущем, — камчадалах. В 1697 г. пятидесятник Атласов с казаком Морозко и ещё шестьдесятю казаками из Анадырска пустился в поиск. В тот же год он покориł несколько камчадальских острожков, обложил их ясаком и завёл Верхнекамчатское ясачное зимовье. Нелегко было камчадалам лишиться свободы, и они два раза возставали против завоевателей, и не без успеха. Но в 1700 г. из Якутска прислан был на помощь сын боярский Кобелев с отрядом казаков. Усмирив возставших камчадалов, он проник ещё далее к югу и построил остроги Большерецкый и Нижнекамчатский. В 1704 г. прибыл ещё пятидесятник Колесов с казаками, прошёл до самой оконечности полуострова и обложил ясаком всех камчадалов. В 1706 г. он привёл в подданство и Курильскую землю [Словцов. Историческое обозрение Сибири]. Таким образом, в начале прошлаго столетия на полуострове среди туземцев прочно водворился новый победительный народ с высшей культурой и, казалось бы, новая, лучшая жизнь должна была получить начало с этим водворением. Но вышло не то. Придя не колонистами, но завоевателями, казаки, кроме огнестрельного оружия и пороха, ничего не принесли с собой. Не имея ни семян, ни земледельческих орудий и будучи совершенно оторванными от своих, они, применяясь к местным условиям существования, подобно камчадалам, сами стали рыболовами и зверопромышленниками. Придя без семей, они вскоре обзавелись ими на месте, породнились с туземцами и, будучи силою своего ума и характера выше добродушнаго камчадала, подавили его народность. Не прошло столетия, как пришлые казаки и объясаченные камчадалы под взаимодействием своих народных особенностей

изменились совершенно. Русский казак чрез несколько поколений, сохранив веру, язык и некоторые обычаи, во всём остальном стал совершенно не похожим на своего предка. Его характер, тип лица, пища, образ жизни, средства существования — всё стало иным, и получился совершенно новый своеобразный человек. В свою очередь, камчадалы почти утратили свою народность и приняли от своего покорителя религию, язык и сознание, что они подданные Белаго Царя, котораго они благоговейно чтят.

До половины прошлаго столетия Камчатка ведалась якутскими воеводами чрез пятидесятников и казаков, которые собирали ясак не без жестокостей и злоупотреблений, поведших к обеднению туземнаго населения. Со времени Петра Великаго полагается в Камчатке начало гражданственности. Она получает особаго начальника; обращено внимание на основание портов и приведение мест, удобных для производства десанта, в оборонительное положение. Построены крепости Большерецкая и Нижнекамчатская с гарнизоном в них из регулярных войск и основан порт Петропавловск, названный так по кораблям второй экспедиции Беринга «Св. Пётр» и «Св. Павел». Начальники Камчатки имели своё местопребывание в Большерецке.

Богатые меха Камчатки — бобры и соболи — начинают привлекать русских купцов, которые строили морския суда в Охотске и плавали в Камчатку и на Алеутские острова, но хищническое преследование зверя стало до того сильно, что уже во второй половине XVIII столетия бобёр не встречается более близъ берегов ея. С 1719 г. начинается ряд учёных экспедиций, которыя посещают Камчатку. Петром Великим были посланы два геодезиста — Евреинов и Лужин — для подробнаго дознания о минералах и вообще для описания Камчатки. В 1730 и 1741 гг. посещает Камчатку Беринг и с ним Штеллер и Делиль-де-Лакроер; в 1787 г. Лаперуз; потом Гмелин, Крашенинников и в 1804 и 1805 гг. — Крузенштерн. Многие из них всесторонне изучают страну и описывают её [*Венюков*. Россия и Восток].

Камчатка с половины прошлаго столетия до начала нынешняго считалась самым модным местом ссылки опасных государственных преступников. Сюда были сосланы швед Винблад, гвардии офицеры Шубин, Попов, Степанов, Батурин, Хрущёв, Ивашкин, конфедерат Бениовский и другие. В 1770 г. случилось в Камчатке событие, прогремевшее на всю Европу, — это бунт и бегство сосланнаго туда конфедерата Августа Бениовскаго. Войдя в дружбу с начальником Камчатки армии капитаном Ниловым, он между

тем обманом успел склонить на свою сторону капитана гвардии Хрущёва и ещё до семидесяти недовольных из ссыльных. Убив Нилова и ограбив ясачную казну, в которой нашли, кроме денег, одних бобров 748 шт. и 1 900 шт. соболей, они захватили гальот «Св. Пётр» и на нём ушли в Европу. После этого Камчатку перестали считать хорошим ссыльным местом и прекратили ссылку туда вовсе [*Максимов*. Сибирь и каторга].

При введении общих губернских учреждений в Сибири, в 1775 г. Камчатка получает особого губернатора с местопребыванием в Нижнекамчатске. В это же время было обращено внимание правительства на колонизацию полуострова, и по реке Камчатке поселено до пятидесяти семейств крестьян из России, отправленных туда взамен рекрутства.

Между тем вымогательства и злоупотребления сборщиков ясака — казаков, спаивание и эксплуатация торговцами слабых к вину камчадалов, развившийся в сильной степени между ними сифилис и другие неблагоприятные условия вели к постепенному обеднению и вымиранию туземного населения. Появившаяся в 1799 г. гнилая горячка и оспа унесли в могилу до пяти тысяч камчадалов, так что правительство должно было исключить из оклада ясака всех умерших и произвести новую перепись, по которой оказалось камчадалов мужского пола всего 1 339 человек [*Семивский*. Описание Иркутской губернии].

В 1812 г. было утверждено положение о преобразовании в Камчатке военной и гражданской части. Снова правительство принимает меры к поднятию этого края, заботится о развитии хлебопашества, образовывается «Камчатская земледельческая компания», но по многим причинам эти попытки не привели ни к чему. Ещё в 1852 г. правительство не покидало Камчатку. Было начато новое переселение крестьян, и до двадцати пяти семейств из старожилов Западной и Восточной Сибири поселились по реке Камчатке, но в следующем году по случаю военных обстоятельств дальнейшее переселение прекращено, и пятьдесят одно семейство, следующее в Камчатку, отправлено на водворение около устьев реки Амура [*Максимов*. На Востоке]. В 1854 г. союзниками, располагающими большими морскими силами, была послана в Камчатку эскадра под начальством контр-адмиралов — английского Прайса и французского Де-Пуанта — в составе шести судов, имеющих с лишком двести пушек. В Петропавловске известие о разрыве с морскими державами было получено в июне месяце. Военный губернатор генерал-майор Завойко немедленно приступил к принятию

мер для обороны города. Находившиеся в Петропавловском порте суда — фрегат «Аврора» и транспорт «Двина» — были поставлены у входа в малую бухту, и тогда же построены семь земляных батарей, вооружённых орудиями, снятыми с тыльных бортов наших судов, а для отражения десанта сформировано три стрелковых отряда. Воодушевляемые примером своего губернатора и морских офицеров, в рядах этих отрядов бодро стояли и лихо дрались: казаки и мещане, камчадалы и алеуты и всё мужское население города, способное носить оружие. С ничтожными силами защитники Петропавловска выдержали двухдневное бомбандирование и два десанта сильного неприятеля 19 и 24 августа, причём 24 августа нашими стрелками сброшены в море с высокой отвесной Никольской горы до трёхсот англичан. После отбития этого десанта неприятельские пароходы, фрегаты и мелкие суда ушли в Тарьинскую бухту. Начальствующий над обеими эскадрами адмирал Прайс, потеряв надежду на успех порученной ему экспедиции, застрелился в своей каюте. В сражении 24 августа с нашей стороны убито 31, ранено: офицеров — двое, нижних чинов — 63. Потери союзников: найдено 38 трупов, в числе коих четыре офицера, затоплен катер с 50 человеками; вообще потери неприятеля в этот день достигали всего до 450 чел. Английский фрегат «Президент» был совершенно избит нашими снарядами и уведён на буксире. За это славное дело пожалован генерал-майору Завойко орден Георгия 3-й степени. Вот фамилии славных морских офицеров, руководивших защитой: Изъльметьев, Тироль, Гаврилов 2-й, Федоровский 1-й, Пилкин, Скандраков, Анкудинов и два брата князя Максудовы, герои дня, из коих один умер от ран [*Богданович*. Восточная война 1853—1856].

С тех пор в день 24 августа ежегодно бывает крестный ход на Никольскую гору, и надолго останется в памяти населения этот славный день, в который оно с честью послужило своему далёкому отечеству — России. Но с этого же года наступают и печальные годы для Камчатки: присоединение Амура отвлекает туда всё внимание и заботы правительства. Камчатка становится только отдалённым и забытым округом Приморской области, энергичский и авторитетный губернатор заменяется пассивным, рутинным исправником; Российско-Американская компания ликвидирует свои дела, и до того довольно бойкая русская жизнь прекращается. Начинают там поселяться новые хищники, крепко закабаляющие безответный народ, но уже не русские, а более ловкие американцы.

Ex libris
М. А. Сергеева

СБОРНИКЪ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ОФФИЦІАЛЬНЫХЪ ДОКУ-
МЕНТОВЪ ПО УПРАВЛЕНІЮ ВОСТОЧНОЮ
СИБИРЬЮ.

Издается по распоряженію Генераль-Губернатора Восточной Сибири
Д. Г. Анучина.

Томъ III.

КАМЧАТКА И КОМАНДОРСКІЕ ОСТРОВА.

выпускъ 1-й.

КАМЧАТКА

ИРКУТСКЪ.

1882.

Типографія Н. Н. Сивильяна.

Титульный листъ «Сборника...»

III.

Записка о полуостровѣ Камчаткѣ, состоящаго при командующемъ войсками Восточно-Сибирскаго военнаго округа подполковника П. Н. Козика.

Лѣтомъ 1877 года, я былъ командированъ въ Камчатку. Цѣлью командированія было: ознакомиться на мѣстѣ съ особенностями службы и быта камчатскихъ казаковъ, для составления проекта новаго положенія объ отбытіи ими воинской повинности. Но тѣ ненормальныя условія промышленно-экономическаго состоянія полуострова, которыя, даже при поверхностномъ наблюденіи, такъ рѣзко бросаются въ глаза, къ тому же, подтверждаемыя отзывами лицъ хорошо знающихъ край, долго живущихъ въ немъ, — людей съ университетскимъ образованіемъ и заслуживающихъ довѣрія къ ихъ способности наблюдать и критически относиться къ явленіямъ мѣстной жизни; а также, малое знакомство съ положеніемъ этой страны въ Иркутскѣ, — побудили меня, кромѣ обязательнаго отчета о камчатскихъ казакахъ, подать предмѣстнику Вашего Высокопревосходительства Генераль-Адъютанту барону Фредериксу, особую записку о положеніи дѣлъ на полуостровѣ Камчаткѣ. Для обсужденія этой записки была назначена коммисія, но предсѣдателемъ ея, генераль-маіоромъ Голенковскимъ, все изложенное въ ней найдено не заслуживающимъ вниманія и даже обсужденія. Дѣло тѣмъ и кончилось. Прошло три года; положеніе дѣлъ въ Камчаткѣ не измѣнилось къ лучшему. Но, 1) возникновеніе нашего добровольнаго флота и его служеніе торговымъ интересамъ въ мирное время; 2) устанавливающіеся правильные рейсы его су-

Девятая страница «Сборника...»

С 1871 г., с отдачею котикового промысла в аренду американцам, иностранный элемент усилился ещё более, и положение дел там стало теперь таково, что всякому русскому, любящему своё отечество, обидно и больно видеть эту, уже около двухсот лет русскую, страну в таком беспомощно-жалком состоянии.

В настоящее время *торгово-политическое значение Камчатки* далеко не то, какое было в 1854 г. Открытие для иностранцев портов Японии и Китая, возникновение обширной торговли и промышленности в Сан-Франциско, уступка Аляски американцам и, наконец, наше стремление к созданию военного и торгового флота и крейсерства на Великом океане — всё это настолько изменило положение дел на всём нашем побережье Тихаго океана и придало значение, между прочим, и Камчатке в глазах американцев и англичан, что, как замечает Венюков: «Мы должны будем считать себя особенно счастливыми, если при первой большой войне более умные, предусмотрительные и предприимчивые народы не лишат нас этого драгоценного побережья. О видах американцев на Камчатку особенно много говорят калифорнийские журналы. Раз потеряв побережье Тихаго океана, мы его потом не получим никогда и создадим для себя новый вопрос, едва ли не хуже Босфорского» [Венюков. Россия и Восток]. Затем дикие, воинственные, до сих пор не признающие своей зависимости чукчи, не такие соседи, против которых достаточно тамошних казаков. В 1877 г. в Петропавловске ходили слухи, что чукчи воюют между собою и приближаются к Камчатке, что они хорошо вооружены ружьями и даже есть пушки; всем этим их снабжают американские китобои. Поэтому в видах возможности войны с Англией и безпокойного соседства чукчей настоят крайняя необходимость в принятии безотлагательных мер к созданию там достаточной военной силы.

Топография страны такова, что Камчатка не много потребует войск для своей обороны. При крайне гористой и пересечённой местности, отсутствии путей сообщения и средств к передвижению, с предприимчивым начальником и небольшая регулярная или казачья пехотная часть, служа ядром для группировки около нея ополчения из населения, которое всё отлично стреляет, смело и находчиво, может составить достаточную боевую силу для партизанской войны. Неприятельское вторжение возможно в двух пунктах: чрез Авачинскую губу в Петропавловске и в устье реки Камчатки. Первый пункт важен для неприятеля по прекрасной гавани и городу, центру управления и жизни всей страны, второй — тем, что по реке может проникнуть вглубь страны и прочно там

утвердиться. По своей конфигурации Авачинская губа, имеющая вид груши с узким входом до трёх вёрст, может быть хорошо защищена двумя сильными батареями у входа, за пятнадцать вёрст от города, и тогда обширная водная площадь в сорок квадратных миль может представить безопасное убежище судам нашей военной флотилии. За неимением же сильных батарей у входа, оборона, подобно 1854 г., возможна у самого города, у малой бухты, для чего необходимо около десяти орудий и двести стрелков. Вход же неприятеля в реку Камчатку затрудняется самой природой, чрезвычайно опасным баром, пройти который возможно только на вельботах, и то в самую тихую погоду и при опытном лоцмане. Два-четыре, даже горныя, орудия и сотня стрелков сделают десант тут невозможным.

В Камчатке возможно образовать прекрасное казачье войско, вполне способное и достаточное для защиты страны, обратив русское население из крестьян и мещан в казачье сословие. Население это, слившись с теперешними казаками, может выставить в военное время двухротный пеший баталион численностью в 326 человек. По своей главной промышленности таёжного охотника, это население имеет все качества, необходимые для казака: оно отлично стреляет, безстрашно, сметливо и выносливо. Если к этому ещё иметь около десяти орудий в Петропавловске на попечении тех же казаков, горную полубатарею в Нижнекамчатске, запас оружия в Тигиле и Большерецке для выдачи в минуту надобности камчадалам, которые для защиты западного побережья могут образовать милиционную роту человек в триста, группируясь около тигильских казаков, и ко всему этому если ещё иметь постоянный состав хороших офицеров, то Камчатку можно будет считать обезпеченной от всяких военных случайностей.

В мирное время можно содержать полуроту в Петропавловске, первоочередных служилаго разряда, что потребует расхода немногим более того, который бесполезно производится на теперешнюю казачью команду, которая относит и способна только к службе полицейской. Теперь для овладения всей Камчаткой достаточно только одного появления неприятельского судна, тогда же требуется, подобно 1854 г., целая эскадра с сильным десантом, которая при успехе ещё может овладеть Петропавловском, но не более.

Теперешние казаки камчатской команды составляют всю военную силу полуострова. По положению 1812 г. казачье население (276 мужского и 246 женского, всего 522 души обоего пола), формируют команду: один сотник, пять урядников и 50 казаков. Они

поселены в трёх более важных пунктах полуострова: в Петропавловске и его окрестностях (81 мужского и 63 женского, 144 обоёго пола), в Тигиле, на западном побережье (91 мужского и 94 женского, 185 обоёго пола) и в Усть-Камчатске, на восточном (47 мужского, 43 женского, 90 обоёго пола). Остальные 103 чел. обоёго пола — в разных местах. В местах своего жительства они относят и службу: в Петропавловске — один офицер и 27 казаков; в Тигиле — два урядника и 14 казаков и в Усть-Камчатске — один урядник и девять казаков. Обязанности их службы следующие: исполнение поручений местного исправника, отнесение всех полицейских обязанностей, служба на маяке у входа в Авачинскую губу, занятие караулов у пороховых погребов, хлебных магазинов и в окружном полицейском управлении, командировки с почтой и для сбора ясака и другие подобныя поручения. Служба без срока, пока в состоянии её относить. Казаки, состоящие на действительной службе, получают от казны в год жалованья: урядник — 33 руб. 60 коп., казак — 21 руб. 21 коп., приварочные деньги по 8½ коп. в сутки, полный паёк на себя и половинный на малолетков мужского пола. Ежегодный расход на содержание камчатской казачьей команды — 13 446 руб. Отвлекаемые служебными обязанностями, они занимаются только добыванием рыбы и мало промыслом зверя, хлебопашеством же не занимаются вовсе. Существующие некоторые заработки и получаемый в каждой семье паёк почти обезпечивают их существование.

Несмотря на то, что строевым обучением их никто не занимается, они имеют вид, свойственный вообще казакам. Некоторая как бы военная выправка и служебная смётка передаётся преемственно от отцов к детям, хотя поставленные в шеренгу и с ружьями были в незнакомом для них положении только комичны. По наружному виду они среднего роста, сложения скорее слабого, с плохо развитою грудью. Лица у всех бледныя и как бы болезненныя, и того особаго типа, который указывает на смесь их с камчадалами: продолговатый овал лица, чёрныя глаза узко, но не вкось прорезанныя, чёрныя блестящия волосы и характеристичная особенность — прямой, чрезвычайно тонко очерченный нос. Здоровье их нельзя назвать крепким: многие страдают грудными и брюшными болезнями, а также часты ревматизмы; сифилис встречается редко. По заявлению исправника, они исполнительны и честны, сметливы и хорошие стрелки; нарушения дисциплины никогда не бывало. Штрафованных и бывших под судом нет. Особых казачьих школ нет, но дети их учатся в Петропавловске в городской

школе, в других местах случайно грамотные 25 % мужского населения. Увечных и неспособных к труду — четырнадцать, из коих десять человек получают от казны инвалидное содержание. Казакам полагаются лошади от казны, но их никогда не было, и надобности по местным условиям в них не имеется.

Для службы зимой каждый казак обязан иметь нарту собак (запряжка из семи собак), и хотя все они имеют ездовых собак в своём домашнем хозяйстве, но для службы они почти не употребляются. Казённое оружие казаков — нарезные драгунския ружья — содержатся в крайней небрежности. Они красны от ржавчины, замки не действуют, и ни из одного нельзя произвести выстрела. Боевых патронов нет вовсе. Командир их — хорунжий из казаков, получающий жалованье урядника, по своему комично-жалкому виду есть единственный в своём роде офицер русской армии, и это там, где для многих иностранцев он есть представитель русского офицера вообще.

Кроме казаков, *русское население* состоит из крестьян, 550 мужчин и 507 женщин, 1 057 обоего пола, и мещан — 156 мужчин и 159 женщин, 315 обоего пола. Крестьяне занимают долину реки Камчатки, из шестнадцати их поселений выделяются богатые сёла Мильковское и Ключевское. Главные промыслы крестьян — добыча соболя и рыболовство, и, кроме того, они занимаются хлебопашеством и огородничеством, а также разводят скот. Живут в хороших русских избах, некоторые имеют хороший достаток. Они вполне сохранили русскую народность и составляют лучшее население Камчатки. Мещане живут преимущественно в Петропавловске, а также в Тигиле, Нижнекамчатске, заняты преимущественно мелкой торговлей. Всё русское население Камчатки, 1 893 души обоего пола, без вреда его экономическому состоянию может быть легко обращено в казачье сословие и составит прекрасный контингент для казачьяго войска. Приняв, по Моро-де-Жаннесу [Начальные основания статистики], в возрасте от 20 до 30 лет 1/6 часть всего населения; от 30 до 40 — 1/8 и от 40 до 50 — 1/11, оно в состоянии будет выставить в случае надобности годных к военной службе 362 человека. Исключив десять процентов неспособных, получим 326 человек, что достаточно для формирования двухротнаго полубатальона.

Инородческое население Камчатки составляют камчадалы, алеуты, коряки и ламуты. *Камчадальское население*, потеснённое со своих лучших мест пришедшими русскими, расселилось небольшими острожками по всему западному побережью, в центре близ

Петропавловска, по рекам Большой и Генулу и по восточному побережью севернее устья реки Камчатки. Всё население теперь составляет 1 659 м. и 1 581 ж. = 3 246 обоего пола.

До страсти падкое к водке, табаку и чаю и всегда склонное удовлетворять своим прихотям ранее своих потребностей, от природы слабохарактерное, беспечное и ленивое, но вместе с тем честное и добродушное, всё камчадалское население хищнически эксплуатируется ловкими торговцами, которые умеют пользоваться его слабостями и, снабжая в долг на самых тяжёлых условиях табаком, чаем и разными безделушками, но редко чем-нибудь полезным, держат его в кабале и постоянной нищете. Тяжёлая почтовая повинность вынуждает камчадалов западного побережья держать большое число ездовых собак, для продовольствия которых требуются значительные запасы рыбы, а население по своей беспечности, а также по неимению неводов и соли для заготовления впрок не всегда успевают сделать достаточный запас на зиму. И неизбежное следствие — жизнь впроголодь, а часто и голодовки хозяев и собак. Скучная, только рыбная, без соли и хлеба, пища, редко мясо медведя или дикаго оленя, тёмное, сырое и тесное жилище, плохая одежда и ко всему этому сильно распространённый в третичной форме сифилис привели к тому, что всё почти население отличается истощением сил и малокровием, часто страдает брюшными катарами, ревматизмами, а иногда и цингой [*Ковалёв. Отчёт*]. Оно вырождается и мало-помалу идёт к вымиранию, менее чем в двести лет число его уменьшилось с двадцати тысяч до трёх тысяч. Несомненно, что это самый несчастный и злополучный народ земли Русской, а между тем по многим своим добрым качествам он заслуживает лучшей участи, и ему должно подать руку помощи. Начало уже сделано. По высочайшему повелению в 1874 г. были командированы в Камчатку на три года два врача, четыре фельдшера и акушерка с исключительным назначением подания помощи сифилитикам.

Открыты больницы в Петропавловске и Тигиле для западного побережья, в селении Ключевском для восточного. Врач Ковалёв, горячо и добросовестно отнёсшийся к делу, в течение трёх лет часто объезжавший камчатские острожки западного побережья и хорошо изучивший условия жизни камчадалов и их болезнь, находит, что сифилис принял ужасающие размеры. Есть целые острожки, например Явинский, в котором всё население поголовно поражено им; есть семейства, которых все члены уже несколько поколений страдают этой болезнью. Конституционный сифилис

принял поражающие формы: самые ужасные глубокие язвы, искривления конечностей, бугорчатый сифилис и даже сифилитическая проказа — вот его проявления. Врач Ковалёв приходит к тому заключению, что при тех условиях жалкого существования, при которых камчадалы живут теперь, радикальное искоренение этой болезни чрезвычайно трудно. Первым приёмом лечения было улучшение питания для восстановления сил больного, поэтому поднятие общего благосостояния и улучшение питания камчадалского населения есть первое условие для его спасения. Тем же врачом Ковалёвым привита оспа 572 камчадалам и 20 ламутам, что важно ввиду того, что оспенная эпидемия в Камчатке может принять страшные размеры, подобно 1799 г. [Ковалёв. Губернатору Приморской области рапорт].

После уступки Курильских островов Японии в Петропавловск временно поселены *алеуты*, до того жившие на этих островах, всего 107 душ обоёго пола. Они пожелали остаться русскими подданными, перевезены в Петропавловск и там брошены на произвол судьбы. Неустрашимые на море, где они в своих лёгких, как щепка, сивучьих байдарках и рыбьих камлейках смело пускались далеко в море за поиском бобров и били их стрелами из луков; в дорогом звере они находили ценность, обеспечивающую их нужды. С переселением же на материк, у берегов которого нет бобров, они, не умеющие добывать соболя, остались без всяких средств к жизни и находятся в самом крайнем положении. Вот как описывает это положение в 1879 г. корреспондент газеты «Сибирь»: «Всю зиму приходилось им бедствовать от недостатка пищи, и чистая только случайность не дала им вымереть всем. Всё-таки из 107 умерло 31. Молча, терпеливо алеут переносит голод и умрёт, не попросив ничего. Весною с ходом рыбы они ожили, но зимою, если не помочь им выдачею казённого продовольствия или не обстроить их, заведя два-три невода да выдав соли, они снова будут бедствовать и умирать. Горько пришлось им расплачиваться за своё желание остаться русскими подданными» [1880 г., № 3]. Алеуты по характеру, наружности и образу жизни очень похожи на камчадалов. Все они, как и камчадалы, православные и говорят по-русски.

На севере Камчатки, по так называемому «долу», кочует два рода оленных *коряк* — всего 235 обоёго пола. Это родственное чукчам честное, смелое, гордое племя живёт в довольствии, не зная нужды. Коряк находит удовлетворение всех своих нужд в многочисленных стадах оленей, которые снабжают своего хозяина ре-

шительно всем. Его жилище, пища, одежда, рабочая сила — всё это ему доставляет его сокровище — олень. Питаясь не одной только рыбой, но, главным образом, мясом оленя, живя в сухих, тёплых переносных юртах, они резко отличаются от камчадалов своей силой, ростом и атлетическим сложением. Вечно кочуя с места на место, они раз в году сходятся в Тигиле для взноса ясака и покупки табаку, чая и прочего, а вследствие этого не так зависимы и менее в кабале у торговцев и вполне сохранили свою народность и шаманство. Русского языка они не знают вовсе. По соседству с ними кочует ещё один род *ламатов*, 278 обоего пола. По своему образу жизни они сходны с коряками, по характеру — с тунгусами [*Кенан*. Степная жизнь в Сибири].

Общее население Камчатки 3 415 мужчин и 3 158 женщин, всего 6 573 обоего пола. В 1876 г. родившихся было 281, из них незаконнорождённых — 18, умерших — 147; браков — 57; грамотных — 310; поселений — 70, в них: церквей — 11, часовен — 32, училищ — 4, домов — 783, юрт — 313, лавок и магазинов — 44. Нравственность народная характеризуется тем, что в Камчатке нет ни тюрем, ни суда и в течение двадцати лет не было ни одного уголовного преступления, маловажные проступки — и те редки. Недоимок нет [Статистическая ведомость Петропавловского окружного полицейского управления].

В промышленно-экономическом отношении Камчатка находится в самом печальном состоянии. При отсутствии хлебопашества для большинства населения единственное средство существования — это *рыбный промысел*. По своей безопасности и неумелости население даже при том баснословном количестве рыбы, которая там наполняет реки, не в состоянии себя обезопасить от случайных неудачных рыбных ловов и часто голодает. Способ добывания рыбы и заготовления её впрок самый первобытный. По дороговизне прядева, а часто и совершенного его неимения, невода и сети имеются далеко не везде, и притом самого плохого качества и небольшого размера. Самый распространённый способ лова — это мордами и простым перегораживанием реки кольями, и рыбу вытаскивают просто крючьями, и это обыкновенно в то время, когда рыба идёт вверх для метания икры, что ведёт к напрасному истреблению её. Морского промысла не существует вовсе. Общераспространённый способ заготовления впрок — это вяление (юкола). Распластанная рыба вывешивается в стойках, где выветривается и высыхает. Но при дождливом лете, какое бывает почти всегда, рыба закисает и падает. Таким образом пропадает обыкновенно

много рыбы, и зачастую, несмотря на большой улов, запас на зиму бывает ничтожный, и почти каждую весну население терпит от голода. Приготовленная при благоприятных обстоятельствах юкола годна к употреблению целый год, в противном случае она скоро горкнет, делается негодною в пищу человеку и идёт на корм собак. Через два года юкола ни к какому употреблению не годна. Кроме того, рыбу ещё квасят в ямах и высушивают в порошок — порса. При недостаточном привозе соли и её дороговизне рыба засаливается в самом ничтожном количестве. Доктор Шперк справедливо замечает: «Мало пока пользы принесло цивилизирующее влияние России этому краю. За сто лет успели только помечтать о превращении Камчатки в Малороссию, а способу добывать и сохранять рыбу — единственному почти богатству всех северных морей — не научили. А за дорогую пушнину, которой вывезено, конечно, не на одну сотню тысяч рублей и которая теперь ещё ежегодно вывозится на десятки тысяч, жители не обзавелись порядочными сетями и терпят постоянно недостаток соли» [Болезни желудка и кишек в прибрежьи Охотского моря].

При рациональном рыбном промысле население Камчатки могло бы не только быть обеспечено в своём продовольствии, но и найти в нём неизсякаемый источник к своему обогащению. Протоиерей Громов рассказывает: «Торговавшие в Камчатке американцы, стоя на якоре в малой бухте в Петропавловске, ловили от нечего делать, забрасывая около судна сеть, уловленную рыбу солили в бочки и на Сандвичевых островах продавали по доллару штуку. Это вызвало одного из камчатских купцов (Калмаков) открыть солёною рыбою торговлю за границей, но его капитала не хватило на обзаведение, никто ему не помог, и намерение не исполнилось [Громов. Несколько мыслей о Камчатке].

В начале нынешняго столетия предприимчивый американец Добель представлял графу Сперанскому обширный план развития промышленности и торговли на Тихом океане [Вагин. Историческая сведения о деятельности графа Сперанскаго в Сибири]. Сущность плана состояла, между прочим, в том, чтобы завести на сибирских водах китовую и рыбную ловлю, последнюю предполагалось солить для вывоза, и только нежелание высшего правительства допускать туда иностранцев помешало его осуществлению. И в настоящее время часто приходят иностранные суда, американские и английские, для ловли близь берегов Камчатки китов и трески. Близкое соседство японцев, которых Венюков называет ихтиофагами по исключительно рыбной их пище, где

рыбий жир служит для освещения, а рыбные остатки — для удобрения рисовых полей [Венюков. Обзорение японскаго архипелага], всегда обеспечит сбыт продуктов рыбной промышленности. Но пока ещё наступит это желаемое для Камчатки время развития рыбных промыслов на широких началах, необходимо безотлагательно принять меры, обеспечивающия население Камчатки от голодовок. Этими мерами могли бы быть убеждение населения в польности рыбопромышленных артелей, в которыя бы соединялись все жители острожка или селения; заведение сообца хороших неводов и больших лодок; распространить соление рыбы, иметь в казённых магазинах в достаточном количестве и по недорогой цене прядево и соль. Для предупреждения голодовок устроить обязательные в каждом острожке и селении запасные рыбные магазины, о которых так много заботился ещё граф Сперанский, но их теперь нет. По сведениям 1876 г., было добыто и заготовлено впрок рыбы, шт.: свежей — 252 000, солёной — 175 000, вяленой (юколы) — 1 400 000, кислой — 982 000. Всего около 3 000 000 рыб.

После рыбнаго промысла климатическия особенности Камчатки должны более всего благоприятствовать развитию *скотоводства* в обширных размерах. До сих пор на это не было обращено должнаго внимания. В начале столетия, при Рикорде, были сделаны попытки к разведению скота. Из Якутской области были привезены и пригнаны через Гижигу рогатый скот и лошади [Вагин. Граф Сперанский в Сибири]. При изумительной растительности, сочности корма и всегда здоровой воде скот быстро стал размножаться и улучшился настолько, что в нём трудно признать его происхождение от якутскаго, но по недостатку рабочих рук для заготовления сена и ослабевшем поощрении начальства скотоводство до сих пор не достигло надлежащих размеров.

Протоиерей Громов говорит, что он и «один мог бы иметь порядочный табун, если бы решительно не препятствовал этому недостаток рабочих рук. При всём изобилии трав не было возможности запаста сена на зиму более как на одну, а много на две скотины. Остальных необходимо было убивать. Коровы доятся по три раза в день, молока дают много и хорошаго» [Сборник газеты «Сибирь»]. Сырость воздуха способствует замечательному росту трав. Травы достигают до двенадцати фут высоты, они сочны до глубокой осени и дают до трёх покосов в лето. Гораздо более северная и с климатом более сырым и суровым, маленькая Исландия, покрытая растительностью только на юге, в состоянии дать средства к безбедному существованию 100 000 населения, которое

имеет десятки тысяч рогатого скота и сотни тысяч овец [Гартвиг. Природа и человек на Крайнем Севере]. Суровая, каменистая Финляндия на миллионы рублей продаёт ежегодно продукты своего обширного скотоводства, наконец, наши северные губернии — Архангельская, Вологодская и другие фактически убеждают, что молочное хозяйство и обширное скотоводство есть самое рациональное и самое прибыльное пользование землёю в тех местах, где климат и почва мало благоприятствуют хлебопашеству [Русская речь, 1879, № 12].

Население Камчатки плохо питается, по преимуществу одной только рыбой, терпит нужду и голод. Пуд мяса стоит 8 руб., масло и солонина привозятся из Сан-Франциско, кожи и сукна также оттуда. Между тем даже при теперешнем числе населения там возможно было бы настолько развести скота, что молоко и мясо вошли бы в общее употребление и, улучшив питание, подняли бы слабые физические силы, особенно камчадалов. Не говоря о том, что при увеличении населения там легко может создаться обширная промышленность продуктами скотоводства. Главное условие для развития промышленности — хороший сбыт — вполне обеспечен. Николаевск, Сахалин, Владивосток всегда будут этими рынками. В этом году на пароходе Добровольного флота «Москва» отправлено из Одессы во Владивосток 3 000 пудов жирового мыла и до 1 500 пудов коровьяго масла [Петербургския ведомости, 1880, № 68].

Г. Филиппеус в 1877 г. находил выгодным перевезти до трёхсот голов рогатого скота из Аяна, куда скот был пригнан из Якутска, на Сахалин и во Владивосток. Снабжение наших, теперь довольно многочисленных, военных судов Тихаго океана, а также торговых и китобойных судов иностранных потребует немало солонины, масла и прочего. Поэтому единовременная затрата правительства на привоз племенного скота, овец и свиней, на устройство фермы и даже расходы на переселение с помощью судов Добровольного флота вольных переселенцев из России и субсидия частному лицу или компании, можно полагать, возвратится не в далёком будущем, даже от одного удешевления продовольствия войск Приморской области и экипажа военных судов.

В 1876 г. в Камчатке считалось: рогатого скота — 2 200, лошадей — 776, оленей — 11 500, овец — 6, свиней — 4 голов.

Вопрос о возможности *хлебопашества* в Камчатке уже более столетия всё ещё остаётся не решённым. По сведениям 1876 г., в поселениях русских крестьян по реке Камчатке было посеяно ячме-

ня 295, снято 875 пудов; картофеля — 3 571, снято 21 169 пудов; конопли — 36, снято 65 пудов; капусты — 280 вилков, снято 748 вилков, кроме того брюква, редька и другие овощи. Рожь, овёс и пшеница не были сеяны вовсе. Способ обработки земли — первобытная соха. Удобрения и каких-либо мер предосторожности от климатических влияний не было. Казаки и камчадалы хлебопашеством не занимаются. Отзывы многих, что хлеб идёт быстро в стебель и лист, но не всегда колосится. Обратившись же к истории хлебопашества в Камчатке и её климатическим особенностям, можно придти к заключению, что оно, может быть, и возможно.

Первые попытки правительства завести в Камчатке хлебопашество были сделаны ещё в прошлом столетии. С тех пор оно с переменным успехом то падало, то поднималось, смотря по тому, как к нему относилось местное начальство. Отзывы путешественников, посетивших Камчатку, различны: одни возлагают большие надежды, другие, напротив, не предвидят ничего хорошего. Правительство посылало садовников и агрономов, образовалась «Камчатская земледельческая компания». Эта компания прекратила свои дела в 1839 г., израсходовав безуспешно около 8 000 руб., и все эти усилия не привели почти ни к чему. Причину этого Миддендорф видит в том, что все попытки не имели постоянного характера, а повторялись урывками. Не изучив предшествующих опытов и особенностей страны, без необходимых сведений, всякое новое лицо от времени до времени снова повторяло одни и те же, собственно, уже давно порушенные опыты своих предшественников. Поучителен пример развития земледелия в Якутской области, в которой пятьдесят лет тому назад хлебопашество считалось решительно невозможным. Оказывается, что в продолжение первой четверти нынешнего столетия в окрестностях Якутска земледелие ограничивалось лишь едва стоящими упоминания попытками. Но с 1830 г., благодаря энергическим действиям чиновника Валя, стали заниматься земледелием около Якутска с большим усердием и не без успеха не только некоторые городские жители, но и якуты.

Страсть к земледелию, возбуждённая примером Валя, стала распространяться чрезвычайно быстро. Под влиянием местных властей якуты с усердием принялись за земледелие. Занятие земледелием обратилось в моду, особенно с тех пор, как начальник города за успехи земледелия получил орден на шею. Но когда за этим отличий не последовало, то новая страсть прекратилась как у русских, так и у якутских начальников. Между тем хлебопашество

успело уже укорениться в народе [*Миддендорф*. Путешествие на север и восток Сибири].

В мой проезд от селения Амги на расстоянии 180 вёрст до Якутска, к моему немалому удивлению, я видел почти непрерывную культивированную долину, представляющую богатую хлебородную страну: обширные пашни ржи, ячменя и пшеницы, роскошные луга, часто усеянные прекрасным, тучным и рослым скотом, хорошие селения с зажиточным населением и повсюду разбросанные, как отдельные фермы, юрты якутов, с богатым хозяйством. Скопческие и семейские селения, а также многие якуты с каждым годом богатеют от хлебопашества, и Якутская область, ещё десять лет назад нуждавшаяся в привозном хлебе, теперь вполне обходится своим. Следовательно, колебание успехов земледелия в Камчатке, различные мнения путешественников и пример Якутской области дают основание предполагать, что при основательном и разумном отношении к делу ещё возможно надеяться, что рожь, ячмень и конопля могут произрастать в Камчатке. Протоиерей Громов, двенадцать лет проживший в Камчатке и хорошо с нею знакомый, заявляет, что «хлебопашество в Камчатке — дело доказано возможное. Если оно теперь в самых ничтожных размерах, то опять от недостатка рабочих рук [Сборник газеты «Сибирь»]. Главное препятствие к земледелию в Камчатке — это климат, чрезмерно сырой, постоянно туманный, солнце редко светит и потому не даёт достаточной суммы тепла, необходимой для произрастания ржи и пшеницы. Посеянное зерно быстро и роскошно идёт в стебель и лист, но не всегда колосится. Миддендорф указывает, что самый выбор места для пашни важен. Необходимо, чтобы место было тёплое, освещённое солнцем, защищённое от ветра, на скатах гор, не подверженных испарениям болотистых низменностей. Не слишком жирная питательная почва и много других подобных этим причин имеют решительное влияние на произрастание зерна. Самые зёрна необходимо доставить из местностей с сырым климатом.

Крузенштерн по поводу хлебопашества в Камчатке замечает: «Не одно малолюдство причиною нерадения о земледелии. Несравненно большая выгода, получаемая от промышленности пушного товара, много препятствует упражнению в оном. Надобно бы поощрять камчатских жителей к земледелию знатными награждениями и покупать у них излишний хлеб, невзирая на высокую цену. Одним словом, должно принять такие меры, чтобы люди сии могли иметь более прибыли от земледелия, нежели от

другой какой-либо промышленности» [Путешествие]. Хлебопашество в настоящее время может идти гораздо успешнее ещё потому, что теперь возможна доставка земледельческих орудий, семян и прочего на судах из России или Сан-Франциско.

Огородничество в Камчатке возможно вполне. Картофель родится хорошо, но его мало разводят, а между тем разведение его полезно было бы распространить возможно более, он мог бы заменять до известной степени хлеб. Капуста, хотя родится, но не всегда завивается в вилок. Все же корнеплодные овощи: брюква, репа, морковь и прочие — рождаются превосходно и при замечательной сочности достигают громадных размеров.

Рыбный промысел обеспечивает существование населения Камчатки — его питание, затем на покрытие всех остальных расходов в своём быту: на одежду, утварь, порох, чай, табак и прочее. На всё это у населения один источник — добыча соболя, который там заменяет деньги.

Звериный промысел находится в тесной связи с торговлей, и освобождение зверопромышленника из кабальной зависимости от торговцев составляет самый насущный и важный экономический вопрос в Камчатке. Камчатский соболь очень хорош по своим качествам, он не многим уступает удскому и олёмминскому в цвете, но зато по величине, пушистости и длине волоса он не имеет себе равного. Добыча его от трёх до пяти тысяч в год; цена на месте от 15 до 20 руб. и более.

Вся *торговля* в Камчатке находится в руках Филиппеуса, Чеза, Малованскаго, Гунтера и Сандолина. Во всех более важных поселениях торгуют их приказчики; товар весь, кроме ржаной муки и черкаскаго табаку, привозится из Сан-Франциско. У населения, кроме Петропавловска, где находятся кое-какие заработки, денег нет, и потому торговля по преимуществу меновая, а так как добытый соболь бывает у населения только к началу весны, то в остальное время всё забирается в долг, в этом и кроется всё зло: в долг как-то шире живётся, человек менее рассчитывает и забирает лишнее сверх потребностей, долговые счёты запутываются и растут неимоверно. Вместо рубля взятый в долг товар обходится уже в два и в три, и вдобавок чуть не половину пушнины ловкие торговцы выменивают на табак и чай; каждый соболь обходится им рублей в 7—10, не более, и это такой, которому настоящая цена рублей пятьдесят. Так сколько же бедное население Камчатки теряет от неумелости вести свои дела и от отсутствия денежнаго кредита! Тут спасительны были бы ссудные кассы

и магазины. В этом правительству должно бы оказать содействие населению; известная добросовестность камчадалов и круговая порука обезпечат возврат ссуд. К тому же полезно было бы воспретить приём пушнины в уплату долга за забранные товары и обязать торговцев её покупать на наличные деньги.

Со времени утверждения 4¹/₂ копеечной прогонной платы по Ленскому тракту вся пушнина Камчатки уходит беспошлинно за границу, в Америку и Лондон. Оттуда уже ввозится через нашу западную границу в Россию, где мы за свою же пушнину платим пошлину, почему следовало бы вывозимую пушнину обложить пошлиной, что дало бы средства на расходы по поднятию благосостояния этого края. Вообще, следовало бы ограничить права свободной торговли иностранцев, с которыми при теперешнем порядке вещей наши купцы конкурировать не могут, и потому было бы целесообразно иностранные товары, привозимые на иностранных судах, обложить пошлиной. Венюков указывает, что «выгоды свободной торговли в Камчатке, к сожалению, достаются только иностранцам, которых положение под защиту международного права лучше, чем русских».

В 1876 г. приходило в Петропавловск торговых судов 11, все из Сан-Франциско.

В 1876 г. в Камчатке добыто, шт.: соболя — 2 504, лисиц — 428, выдр — 450, горностаев — 250, росомах — 16, оленей диких — 583, медведей — 773, баранов диких — 126, нерп — 2 462, моржей — 30, сивучей — 15.

До 1856 г. в Камчатке иностранцев почти не было, вся торговля находилась в руках русских купцов и Российско-Американской компании, но после этого года, в особенности после отдачи в монополию котикового промысла на Командорских островах американской компании «Гутчинсон и Коль», *наплыв иностранцев*, и именно американцев, сделался весьма значительным, и вся торговля — внешняя и внутренняя — перешла к ним. Население, имея постоянное сношение и завися материально от них, невольно поддаётся их влиянию, и русское национальное сознание в народе сильно ослабевает. Дошло до того, что уже слышится фраза: «Если нас правительство забыло, то лучше бы отдало американцам» (сообщено врачом Ковалёвым).

Всё то, что напоминает населению о его принадлежности к далёкому его отечеству — России, имеет вид крайне мизерный. *Представители власти* — исправники, которых многие иностранцы принимают за губернаторов, и другие немногие там русские

чиновники, получающие скудное содержание, — люди с малым образованием и слабо развитым чувством патриотизма. Они не имеют там ни авторитета, ни голоса и как-то ступёвываются перед гордыми своей национальностью англичанами, американцами и другими иностранцами, там живущими или заходящими на судах. До того всё русское принижено там, что в русском городе и порте, где живёт начальник целаго полуострова, нет даже русскаго флага. В приморских городах, посещаемых судами всех наций, народный флаг — не пустая забава. И отчего роскошный американский флаг радостно взвился на высоком флагштоке при входе в бухту судна под флагом его родины, а когда пришёл пароход «Император Александр II» под русским флагом, он не встретил никакого привета, и русскаго флага я так и не видел в Петропавловске.

Самая школа, и та не избегла американскаго влияния, и вся жизнь, особенно в Петропавловске, этом умственном центре Камчатки, начинает приобретать уклад всё более американский. Ни один губернатор Приморской области в продолжение двадцати пяти лет не посещает Камчатки, и потому они не знают ея нужд и совершенно о ней забывают. Венюков свидетельствует, что «американцы отлично заметили, как мало влияние России в Камчатке и Чукотской земле, и у них возникает мысль утвердить там американское влияние на более прочных началах, чем случайный заход торговых судов. Ведь необходимо вспомнить ходячее учение международного права, что только действительно прочное занятие страны известною нациею даёт ей территориальное верховенство» [Венюков. Россия и Восток].

Поэтому настоятельно необходимо принять меры к поднятию в населении Камчатки сознания русской народности. Для этого необходимо распространить истинно русския школы с хорошими учителями, делать строгий выбор при назначении служащих на государственной службе; для привлечения же туда лучших людей необходимо увеличить содержание настолько, чтобы при тамошней дороговизне они могли жить прилично, не прибегая к посторонним доходам. Вся прошлая история Камчатки доказывает, что там более, чем где-либо, важен соответствующий выбор ея правителя. Всё то немногое, что есть улучшеннаго в Камчатке, обязано деятельности некоторых ея губернаторов. По своей отдалённости и изолированности, при сношении раз в год с остальной Россией, по своим частым сношениям с иностранцами, наконец, по характеру самого народа, в ней нужна сильная, авторитетная власть

и разумная просвещённая администрация, а не заурядные чиновники-исправники, люди без образования, без способности к инициативе, живущие своими узкими эгоистическими интересами и могущие быть только рутинными исполнителями предписанного и указанного, но не быть правителями неустроенного первобытного края. Подобно тому, как до сих пор начальниками острова Сахалина всегда бывали назначаемы кто-нибудь из лиц, состоящих при генерал-губернаторах, с некоторыми правами и полномочиями, так и в Камчатке, прежде чем возможно предпринять что-либо для поднятия её благосостояния, необходимо назначение туда лица, уполномоченного от вашего высокопревосходительства, и уж одна эта мера будет благодетельна для этой забытой страны.

По своему географическому положению между 51 и 62° северной широты Камчатка, омываемая с одной стороны Охотским морем, соединяющим её с Сибирью, с другой — Великим океаном, который служит широким водным путём для торговли с Японией и Китаем, Америкой и Европой. По особенностям своего климата и естественных богатств она, подобно Исландии и Северной Норвегии, с которыми много имеет общего, могла бы дать средства к богатому существованию не одной сотне тысяч населения. Но её отчуждённость и малонаселённость, отсутствие капитала и предприимчивости делают то, что беспомощный и неумелый её обитатель среди богатства естественными силами природы живёт в крайней нужде и часто бывает близок к голодной смерти. Что Камчатка в состоянии дать полное благосостояние многочисленному населению, это подтверждают многие авторитетные путешественники и исследователи её природных сил.

Крузенштерн в своём путешествии вокруг света говорит: «Эта область могла бы сделаться довольно важною, если бы захотели искать в ней выгод, кои до того были пренебрегаемы. Чрезмерная отдалённость Камчатки и настоящее её бедственное положение виною того, что об ней распространилась слишком худая слава. В Камчатке можно бы жить столько же хорошо, или ещё и лучше, нежели во многих других провинциях России. Надлежит только принять меры, совсем разные от прежних».

Известный американец Добель, замышлявший в начале столетия о развитии в Камчатке обширной торговли и промышленности, указывает на природные средства её и на те бедствия, которых она терпит от недостатка населения, а между тем разсеянная по ней горсть жителей часто подвергается опасности умереть

с голоду. Камчатка страдает от недостатка рук, потому что жители ей должны заготавливать все свои запасы в течение короткого лета, а при разделении сил ничего нельзя сделать.

Климат и почва ей как нельзя более благоприятствуют для населения, а между тем на роскошных лугах ей не видно ни одного домашнего животного; не будь сараны, корень которой употребляется в пищу, жители умирали бы с голода. Камчатка чрезвычайно важна для наших политических и торговых интересов на Великом океане, а между тем она может попасть в руки первой морской державы, которая вздумала бы объявить нам войну. Чтобы сохранить Камчатку, Добель предлагал усилить в ней войска, а чтобы увеличить её производительные средства — выслать туда поселенцев. Добель вообще отзывался о Камчатке как земле, богато одарённой от природы [Вагин. Граф Сперанский в Сибири].

Протоиерей Громов, высказывая своё мнение о необходимости в Камчатке русской торговой компании, говорит далее: «Камчатка последним своим положением (после 1856 г.) вызывает подать себе руку помощи, без которой скоро опустеет, и неисчислимы от нея выгоды, которые при благоразумном управлении несомненны, будут доставаться иностранцам или пропадать без пользы [Сборник газеты «Сибирь»].

Гартвиг, описывая Камчатку по Штеллеру и Эрману, пишет: «Этот полуостров принадлежит к числу нередких стран, для которых природа сделала много, а человек очень мало. Даже голландский скот пожелал бы жить в Камчатке, если бы знал, как роскошно растёт там корм. И нет в мире другой страны, где было бы больше превосходной вкусной рыбы» [Природа и человек на Крайнем Севере].

Нейман, посетивший Камчатку в 1876 г., заявляет, что «при неизбежно с года на год возрастании оскудения соболинаго и пушного промысла представляется не только желательным, но даже обязательным для правительства открыть местному населению новые источники дохода» [Сборник историко-статистических сведений о Сибири].

В настоящее время при содействии судов Добровольного флота свободные переселенцы удобно и скоро могут быть доставлены со всеми необходимыми снастями, земледельческими орудиями, семенами и прочим. А между тем только от этой меры, привлечения свежего и энергического населения, Камчатка может ожидать своего возрождения. И не таких уж громадных затрат может стоить переселение туда на первое время пятидесяти или ста семейств

из нашего Северного Поморья или других мест России, чтобы остановиться перед этим расходом. При возбужденном внимании всего русского общества к будущности наших побережий на Тихом океане можно надеяться на успех в привлечении, между прочим, и в Камчатку предприимчивых людей со свободным капиталом для образования компании с целью развития там обширного рыбного промысла, китоловства и скотоводства. Необходимо только путём периодической печати и отдельных брошюр познакомить общество с этой, совершенно неизвестной в России страной. Только в предприимчивых людях со свободным капиталом нуждается Камчатка для того, чтоб из бедной и голодающей стать богатой и счастливой. В какой-нибудь десяток лет она возвратит сторицей затраченное на неё. В крайнем случае, даже дешёвые рабочие руки найдутся из густо населённой Японии и, пожалуй, Китая. Бедствующему же и вымирающему инородческому населению, собственно камчадалам и алеутам, которых всего 3 355 душ обоего пола, необходимо оказать широкую помощь для восстановления физических сил и поднятия их экономического положения и, между прочим, освободить вовсе на известное время от тяжёлого для них взноса ясака, подобно тому, как освобождены по высочайшему повелению бродячие тунгусы Лены.

Резюмируя вышеизложенное, имею честь представить на благосклонное внимание вашего высокопревосходительства необходимость следующих мер для поднятия благосостояния Камчатки:

1. Командировать безотлагательно соответствующих начальника Камчатки, его помощника, учителей в три школы и офицеров в казачью команду.
2. Сформировать в Камчатке казачье войско, выставляющее, по крайней мере, двухротный полубатальон, и иметь запасы оружия для камчадалов и артиллерийские орудия в Петропавловске.
3. Освободить временно камчадальское население от взноса ясака и облегчить повинность почтовой гоньбы.
4. Привлечь добровольных переселенцев из России и Сибири, последних в состав казачьяго войска.
5. Устроить школы в Петропавловске, Ключевском и Тигиле.
6. Продолжить меры, принятые для искоренения сифилиса.
7. Снабдить население прядевом и в изобилии недорогой солью.
8. Устроить обязательные запасные рыбные магазины.
9. Открыть в Петропавловске, Ключевском и Тигиле ссудные кассы и магазины.

10. Устроить ферму и привезть племенной рогатый скот, овец, свиней, семена и назначить премии.

11. Обложить пошлиной вывозимую пушнину и привозимые на иностранных судах товары.

12. Содействовать образованию частной торгово-промышленной компании.

ЗАПИСКА О КАМЧАТКЕ
чиновника Главного управления Восточной Сибири
П. Г. Сулковского

Вашему высокопревосходительству угодно было возложить на меня поручение собрать подробныя сведения о современном положении дел на северо-восточных окраинах Сибири, пользуясь для этой цели отправлением в плавание в наши северныя воды летом прошедшаго года одного из судов Тихоокеанской эскадры — клипера «Стрелок».

Оставив Иркутск 11 мая и прибыв во Владивосток 12 июня, я в тот же день представился г. главному командиру портов Восточнаго океана контр-адмиралу Фельдгаузену и лично заявил о своём прибытии командиру стоявшаго на владивостокском рейде клипера «Стрелок» капитан-лейтенанту Де-Ливрону 3-му...

Инструкции, данныя командиру клипера начальником Тихоокеанской эскадры адмиралом Лесовским, отчасти не согласовались с теми указаниями вашего высокопревосходительства, которыя я имел честь получить пред своим отправлением. Имено: в программу плавания клипера не входило Охотское море, ознакомление с побережьями котораго я считал для себя обязательным, но когда затруднение это было тогда же устранено согласием командира зайти и в Охотское море, по крайней мере, в Охотск и Аян, если позволит время и поблагоприятствуют погоды, то я 13 июня перешёл на судно... К сожалению, намерение капитана не было приведено в исполнение: «Стрелок» в Охотском море не был.

14 июня клипер снялся с якоря и по выходе в Японское море взял курс на Хакодате. Свежий и противный ветер задержал ход клипера, и в Хакодате мы прибыли не ранее 17 июня. На следующий день сюда прибыл на крейсере «Азия» начальник отряда судов Тихаго океана контр-адмирал Асланбегов, которому я счёл обязанностью представиться. Крайне заинтересованный нашими северо-восточными окраинами, адмирал тогда же выразил желание

побывать в этих местах, что и было исполнено. Адмирал посетил Петропавловск и Командорские острова в начале августа.

21 июня «Стрелок» оставил Хакодате и, вступив в Тихий океан, направился мимо Курильских островов к Петропавловску. На одиннадцатый день плавания, 2 июля, мы увидели берег Камчатки. Видимый на расстоянии более ста миль с безконечным рядом конических остроконечных гор, сверху покрытых снегом, берег Камчатки напоминает раскинутые шатры исполинского лагеря, и между ними, где по две, где по три и отдельно возвышаются величественные сопки, подавляя своими громадными размерами соседние вершины. На следующий день, проплыв Авачинскую губу (двадцать пять вёрст длины и семнадцать ширины), клипер бросил якорь на петропавловском рейде, в так называемой внутренней гавани.

Петропавловск живописно раскинулся амфитеатром на правом склоне долины, образуемой между двумя параллельными горами. Домики маленькие, бедные, крытые большею частью соломой, расположены в одной тесной группе правильными улицами, поперёк которых протекает много горных ручейков под мостиками из переброшенных досок. Почти каждый домик имеет свой огород. Над четырьмя или пятью домами, выдающимися и по величине, и более красивой архитектуре, развеваются американские флаги. Это дома проживающих здесь американских подданных. К числу хороших домов города принадлежат и два казённые: один вновь построен по подряду г. Филиппеусом под квартиру исправника, а другой отремонтирован под помещение полицейского управления и помощника исправника. Постройка и ремонт обошлись Министерству внутренних дел в двенадцать тысяч рублей.

Всех домов в городе шестьдесят два, купеческих лавок две и складочных амбаров девять. По средней стоимости все эти помещения оценены в 1880 г. в 19 772 руб. Уже одна эта цифра показывает, что Петропавловск не может быть назван красивым городом, в сущности это небольшая и небогатая деревня.

Населения 353 душ обоего пола (164 мужчин и 189 женщин). Из них 18 душ обоего пола — американские подданные, остальные — русские мещане.

В Петропавловске имеются:

1. Две церкви: одна старая, в которой богослужение отправляется зимою, другая построена в 1875 г. американским торговым домом «Гутчинсон, Коль и компания». Весь материал был заготовлен

в Сан-Франциско и привезён на судне, оставалось только сложить. Церковь эта деревянная, очень красивой архитектуры, с высокою колокольнею. Стоимость её более девяти тысяч долларов.

2. Школа. Здание школы, построенное в 1874 г. по американскому образцу из досок тою же компаниею, состоит из одной большой комнаты, освещаемой шестью окнами, в которой свободно могут поместиться до тридцати детей; отапливается железною печью. Число учащихся ныне двадцать пять мальчиков и одна девочка. Предметы преподавания, кроме чтения и письма, — Закон Божий, русский язык, арифметика (первая и вторая части) и для желающих — география.

С 1879 г. обучением детей занимается отставной надворный советник г. Фёдоров, бывший окружный врач в Камчатке, получающий вознаграждения 480 руб. в год, из которых 300 руб. ежегодно выдаётся г. Филиппеусом, а 180 руб. назначается из городских доходов по смете. Прочие расходы, как-то: содержание сторожа, отопление и приобретение учебных принадлежностей — удовлетворяются из поступлений: с родителей учеников — по 3 руб. в год, с лиц мещанского общества, не имеющих в школе детей, — по 1 руб. 50 коп., с купцов 1-й гильдии — по 25 руб., с купцов 2-й гильдии — по 12 руб. и с прикащиков — по 6 руб. в год. Весь сбор простирается до 200 руб.

Обучение и порядок в школе образцовый благодаря уменью и любви к делу г. Фёдорова, скромность, доброта и безкорыстие которого приобрели ему симпатии всего населения Камчатки.

Школа нуждается в следующих учебниках:

1. Азбука. Имеющиеся при школе азбуки Черкесова за отсутствием в Петропавловске переплётчика пришли в негодность.

2. Книги для первоначального чтения (всего лучше «Родное слово», первая и вторая части).

3. Наставления в православной христианской вере Соколова.

4. Руководство к арифметике.

5. Учебники географии Николаевой и дальнейшие (кроме первого) курсы географии Брызгаловой.

6. Руководство к всеобщей истории, преимущественно русской.

Представитель городского общества — городской староста (американец г. Сандалин). Он заведывает интересами города и ведёт отчётность по приходу и расходу городского капитала. Капитала этого, за многие годы образовавшегося из процентов, поступающих с торговых документов, контрактов и других установленных законом источников, состояло в остатке к 1 января 1881 г.

9 866 руб. 44 коп. Из них 8 тыс. руб. выданы в ссуду г. Филиппеусу из шести процентов год.

Следующие расходы, произведённые в 1880 г. на нужды города, характеризуют несложность городского хозяйства:

1. На жалованье письмоводителю городского управления — 300 руб.

2. Наём дома для собраний общества — 25 руб.

3. Канцелярския принадлежности — 78 руб. 9 коп.

4. Исправление мостов — 68 руб.

5. Стрельба и уборка с улиц города собак — 53 руб. 50 коп.

6. Жалованье учителю — 180 руб.

7. Купленные в полицейском управлении для мещан паспорта — 43 руб. 30 коп.

Итого 747 руб. 89 коп.

Такая скудность городских средств устраняет возможность завести какую-нибудь городскую лечебницу, которая так необходима в крае, где суровый климат и неблагоприятная жизненная обстановка действуют самым разрушительным образом на здоровье населения. Ни одной больницы во всей Камчатке в настоящее время не существует вовсе. По закрытии в июле месяце 1880 г. двух сифилитических лечебниц в Петропавловске и Нижнекамчатске весь округ остался без лечебниц, хотя и существует медицинский персонал, состоящий из окружного врача (профессор Дыбовский) и двух лекарских учеников.

Один из них находится при враче, а другой — в селении Ключевском. Деятельность их при не постоянных, а только временно возможных зимою путях сообщения по округу, на протяжении более двух тысяч вёрст, без аптечных средств, при ограниченном количестве самых обыкновенных медикаментов не может быть успешна. Вся помощь в отношении больных ограничивается больше советами, а больных в Камчатке, по отзывам людей, знающих этот край, массы.

Обстоятельства, к сожалению, лишили меня приятного случая познакомиться в Петропавловске с профессором Дыбовским, учёные наблюдения которого над формами существующих в Камчатке болезней, и особенно мнение его о степени опасности повсеместно распространённого здесь сифилиса, меня крайне интересовали. Знакомый отчасти с этим вопросом из дел первого отделения Главного управления (записка об этом была составлена мною ещё в августе 1880 г.), я тогда ещё был поражён как громадностью жертв этой ужасной болезни в северо-восточных окраинах Сиби-

ри, так и значительным размером средств, ассигнованных правительством в 70-х годах на излечение больных...

Основываясь на общих отзывах местных жителей об этой болезни, я пришёл к заключению, что значительная часть населения Камчатки страдает сифилисом наследственным, что так называемая сифилитическая лечебница, существовавшая здесь шесть лет, имели самое незаметное влияние на излечение этой болезни и что представляется совершенно необходимым учредить в Камчатке не менее трёх передвижных лечебниц с опытными фельдшерами, подчинёнными окружному врачу. Убеждение это, насколько мне известно из разспросов местных жителей, разделяет и профессор Дыбовский.

Как окружный город Петропавловск есть центр управления всего полуострова, занимающего пространство более двух тысяч вёрст. Общее число жителей простирается до 6 386 душ обоего пола (3 240 мужчин и 3 146 женщин). По народностям и месту жительства население округа распределяется следующим образом:

1. Русское население — мещане и государственные крестьяне. Первые составляют население Петропавловска, а крестьяне (1 139 душ обоего пола) поселены частью вблизи Петропавловска, частью в селении Ключевском (по реке Камчатке в 625 верстах от города), а также в селении Большерецком на западном берегу Камчатки. Крестьяне переселены из Иркутской губернии в 1852—1853 гг.

2. Камчадалы — 2 164 души обоего пола. Селения их расположены по восточному берегу, по реке Камчатке и на западном берегу по взморью.

3. Оленные коряки. Число их простирается до 1 080 душ обоего пола, кочуют по северным тундрам полуострова.

4. Ламуты (тунгусы). Число их до двухсот душ обоего пола, сосредоточены около Тигиля на западном берегу и

5. Алеуты — 75 душ обоего пола, переселившиеся с Курильских островов в 1875 г., по присоединении последних к Японии. До лета 1881 г. жили они вблизи Петропавловска и занимались промыслами рыбы и морского зверя. Но недостаток промыслов последнего на этом месте вынудил их проситься о переходе на мыс Лопатку, где в 1880 г. появились бобры. По просьбе исправника «Стрелок» перевёз на Лопатку и высадил их около острова Уташуд.

Управление округом находится в заведывании окружного полицейского управления, состав членов которого в настоящее время представляет один исправник; по штату положен при нём помощник (он же и секретарь), но он находится откомандированным

для занятий при Приморском областном управлении. Таким образом, в единственном лице исправника сосредоточены все функции государственной власти в Камчатке. Кроме обязанностей, непосредственно относящихся до исправника, он же и казначей, и почтмейстер, и начальник порта, и даже начальник местной казачьей команды, представляющей всю военную силу Камчатки. Она состоит из пятидесяти нижних чинов и одного офицера и расположена в округе следующим образом: в Петропавловске — двадцать четыре нижних чина и офицер, в Нижнекамчатске — десять нижних чинов (один из них унтер-офицер) и в Тигиле — шестнадцать (один урядник). Офицер по своему доволствию представляет, вероятно, единственный пример во всей российской армии: кроме обыкновенного офицерского пайка он получает всего содержания 200 руб. в год. При дороговизне в Петропавловске самых необходимых жизненных потребностей положение этого офицера заслуживает полного сочувствия.

Делопроизводство полицейского управления незначительно. В 1880 г. следственных дел, кроме шести, оставшихся от предшествующего года, поступило семь. Из этих дел решено шесть и осталось неисполненными семь (одно об убийстве алеутом своей жены, остальные об утонувших). В 1881 г. ни уголовных, ни гражданских дел не поступало; общее число входящих бумаг за 1880 г. — 578, из которых 115 — к сведению, остальные исполнены. За 1881 г. входящих по август включительно — 520, исходящих столько же.

Американские подданные представляют умственную и экономическую силу края. Они дают тон и направление общественной и частной жизни, они же держат в своих руках и всё население Камчатки.

Большинство же русского и инородческого населения отличается крайнею бедностию. Причиною этого служит не столько отсутствие средств для приобретения благосостояния, сколько беспечность и лень — та гибельная особенность всех вообще жителей Камчатки, которая бросается в глаза самому поверхностному наблюдателю. Поверенный американской компании «Гутчинсон, Коль и компания» г. Зандман сообщал мне, что в Петропавловске с большим трудом находит рабочих для разгрузки и нагрузки судна, несмотря на высокую плату — по 1 руб. 50 коп. в день, а г. Филиппеус все привозимые товары разгружает своими матросами, и это не потому, что жители не нуждались в заработках, или что бы время их поглощено было какими-нибудь занятиями.

Нет, самой лёгкой и выгодной работе они предпочитают сидеть дома в самом постыдном бездействии.

Средства к существованию население Камчатки приобретает: 1) ловлею рыбы, составляющей самую главную его пищу, 2) скотоводством (русские и отчасти камчадалы), 3) огородничеством, 4) в незначительных размерах хлебопашеством (крестьяне в селеении Ключевском) и 5) звериным промыслом.

Ловля рыбы обыкновенно производится с конца июня по август, когда она огромными рунами идёт в реки для метания икры. В это время все жители стараются сделать годовой запас ея как для себя в виде солёной и квашеной, так и для собак — в виде юколы. Ловят рыбу самым первобытным способом и отдельно каждый для себя. Никаких компаний или артелей не существует, и если они даже при таких условиях успевают делать необходимые запасы на целый год, то только благодаря тому несметному количеству рыбы, которым изобилуют все воды, окружающая Камчатку. Я имел случай лично убедиться в огромном количестве рыбы в Авачинской и Тарьинской губах — местах рыбных промыслов жителей Петропавловска и соседних крестьян. На клипере был хороший невод, купленный в Японии. Когда матросы забрасывали его в Авачинской губе, то невод всегда был совершенно полон рыбы. То же повторялось и каждый раз, когда бросали невод в любом месте Авачинской и Тарьинской губ. При устьях же речек, впадающих в эти губы, вода буквально кишит рыбою.

К сожалению, всё это богатство Камчатки пропадает даром. Отсутствие сбыта приучило жителей заготавливать только то количество рыбы, какое необходимо для себя и для собак. Только в прошлое лето г. Филиппеус привёз в Камчатку партию рыбопромышленников-японцев и во главе их американца, которые от его имени занимались ловлею в Тарьинской губе. Во время моего посещения промысла 27 августа они успели уже заготовить впрок около двадцати тысяч штук лучшей красной рыбы.

Нельзя при этом не заметить, что рыбопромышленниками этими крайне не довольны местные жители, меццане и крестьяне, потому что американец распорядился загородить устья речек, результатом чего является уменьшение рыбы, а купцы за то, что они завели торговлю с жителями чаем, солью и прочим по ценам ниже существующих в Петропавловске, чем, разумеется, подрывают их торговлю, а петропавловские купцы к этому не привыкли. Не придавая претензиям последних значения, так как они основаны на личной выгоде только купцов, я считаю долгом доложить вашему

высокопревосходительству о претензиях петропавловских мещан и крестьян и осмеливаюсь заявить, что привоз контрагентом русского правительства иностранцев для рыбного промысла в водах, служащих единственным местом ловли рыбы местными жителями, должен быть признан, безусловно, вредным для интересов русских подданных, и если приобретение г. Филиппеусом подобным образом действий личных выгод, с формальной стороны, не составляет правонарушения, то справедливые неудовольствия местных жителей, интересы которых приносятся в жертву выгоде одного лица, имеют вполне уважительное основание. Это неудовольство жителей на действия г. Филиппеуса является тем более убедительным, что в Камчатке не существует морских рыбных промыслов, во-первых, потому что ни у кого из жителей нет необходимых для этих промыслов рыболовных снарядов, а во-вторых, по неимению судов, на которых можно было бы выходить в море. Так называемые «баты» — лодки, выдолбленные из одного дерева, в которых они плавают у берегов Авачинской и Тарьинской губ, — совершенно не годятся для плавания в море. Следовательно, вблизи устьев рек, впадающих в эти губы, рыбный промысел для них только и доступен.

Случаются годы, хотя и редко, когда бывает так называемый недоход рыбы. Такие годы — равносильные полному неурожаю хлеба в России — производят в Камчатке страшное народное бедствие, тем более что о запасах рыбы на случай неурожа здесь не имеют и понятия. Причина этого — отчасти свойственная жителям Камчатки беспечность, но главным образом — высокая цена на соль (1 руб. 20 коп. пуд), недоступная таким бедным людям, каковы все жители Камчатки, за весьма немногими исключениями.

По сведениям, которые сообщил мне петропавловский городской староста г. Сандалин, всей рыбы заготовлено было летом 1880 г. в городе: свежей — 675, солёной — 22 440, сушёной — 23 650 шт., а в округе, по сведениям исправника: свежей — 195 760, солёной — 134 518, сушёной — 853 265 шт.

Последний вид рыбы предназначается собственно для собак, езда на которых в Камчатке представляет почти единственный способ передвижения (в Петропавловске собак 384, а в округе — 9 297). Лошадь как рабочая сила здесь имеет самое ничтожное значение. Зимой глубокие снега делают езду на них невыносимой, а летом из-за отсутствия колёсных дорог и по причине очень гористой местности она имеет только незначительное применение в качестве вьючного животного для перевозки из Петропавловска в округ

тех товаров, которые расходятся между населением полуострова. Поэтому владельцами лошадей являются большею частью лица, торгующия в селениях. Я встречал в Петропавловске таких лиц, прибывших из округа на двадцати и более собственных лошадях. Во всей Камчатке лошадей считается 654, из коих в Петропавловске шесть.

Более благоприятныя условия представляет природа Камчатки к разведению рогатаго скота. Превосходныя травы, густо покрывающия территорию полуострова, удивительная сочность и питательность их просто вызывают необходимость обратить серьёзное внимание на эту отрасль деятельности. При сколько-нибудь правильной постановке этого дела и при условии рынка для сбыта одно скотоводство в состоянии превратить Камчатку в богатейшую страну. Виденныя мною здесь коровы по своей величине, красоте, по количеству даваемого ими молока не только не уступают коровам известной холмогорской породы, но значительно превосходят их. Между тем современное состояние скотоводства в Камчатке в количественном отношении заслуживает сожаления. На всём полуострове, по сведениям исправника, считается 2 377 голов, из которых в Петропавловске 93.

Разведением рогатаго скота занимаются русские и отчасти камчадалы. Но у последних, и в особенности у коряков, развито оленеводство. Ручных оленей у этих инородцев считается более двенадцати тысяч.

Русское же население и в незначительном числе камчадалы занимаются огородничеством. Огородные овощи: репа, редька, капуста — роятся хорошо, а по реке Камчатке и огурцы. Овощи эти здесь отличаются замечательною сочностью и достигают огромной величины. Картофель родится везде хорошо и отличнаго качества. В Петропавловске летом 1880 г. посеяно было картофеля 262, снято 2 634 пуда, а в округе посеяно 3 466, снято 30 338 пудов.

Хлебопашеством занимаются исключительно крестьяне селения Ключевского — именно они сеют ячмень. В лето 1880 г. ячменя ими было посеяно 294, снято 1 034 пуда. Такое ничтожное количество посевов, собственно говоря, не заслуживало бы и упоминания, если бы вопрос о хлебопашестве в Камчатке считался окончательно решённым и если бы невозможность хлебопашества доказана была неопровержимыми фактами. Но это не только не доказано, а, напротив, имеются основания, и вполне убедительныя, в положительной возможности этой, в Камчатке более, чем где-либо необходимой, по причине отдалённости от торговых рынков,

отрасли деятельности, могущей обеспечить население предметом первой необходимости — хлебом. История этого вопроса в Камчатке, восходящая до первой четверти прошедшего столетия, если и говорит о неудачах разновременных попыток к развитию земледелия, то причиною этих неудач были отнюдь не климатические условия края. В Петропавловске (53° северной широты) средняя годовая температура +2,3 °С, то есть выше необходимой для созревания ячменя (0 °С). И хотя средняя летняя температура (13,4 °С) на основании научных выводов не считается вполне выгодною для созревания хлебных злаков, но не представляется и безусловно невозможною для земледелия.

При некотором постоянстве и настойчивости Камчатка, при свойственных ей климатических условиях, могла бы прокормить своим хлебом, по крайней мере, собственное население. Но та же история доказывает, что все меры к развитию земледелия, которые в разное время принимались, никогда не имели определённой системы и тем менее постоянного характера. Это были временные, случайные попытки некоторых лиц, стоявших во главе администрации Камчатки, с выбытием которых из края они оставались без всяких результатов.

Кроме того, главною ошибкою было то обстоятельство, что семена выписывались или из Калифорнии, или, впоследствии, из Забайкалья. При первых посевах не акклиматизированные семена шли в стебель, и неудачи парализовали охоту к повторению опытов. Сами же жители вследствие окружающих условий всегда предпочитали систематическому и постоянному труду земледельца случайности охоты. Обилие пушного зверя в лесах Камчатки в прежнее время отчасти и оправдывало их, так как звериный промысел доставлял им средства к безбедному существованию и, во всяком случае, охота была главным источником их благосостояния.

Но времена и обстоятельства изменились. Леса Камчатки заметно стали беднеть зверем, охота за ним сделалась крайне трудною, и жители постоянно начали приходить в состояние упадка. При таких условиях земледелие получает совершенно иное значение, и Камчатка в силу естественных обстоятельств должна быть не только странюю охотников, но и земледельцев.

Равнодушное отношение к этому вопросу как администрации, так и самих жителей теперь представляется уже неизвинительным. Но жители находятся в таком беспомощном состоянии, что инициатива и средства правительства необходимы.

Не считая себя компетентным утверждать, что хлебопашество может привиться на всём пространстве полуострова, я осмеливаюсь заявить вашему высокопревосходительству общее убеждение лиц, знающих Камчатку (разделяемое и профессором Дыбовским), о возможности развития земледелия с полным успехом на протяжении более трёхсот вёрст по реке Камчатке, где преимущественно и сосредоточено русское население и где существуют уже зачатки хлебопашества. Было бы чрезвычайно важно выписать семена из местности, близкой по климатическим условиям к Камчатке, например из Северной Швеции, и раздать их жителям. Для поощрения их на первое время следовало бы учредить известные премии деньгами или, что ещё лучше, вещами.

Общее мнение о Камчатке утверждает, что этих мер со стороны правительства было бы достаточно для того, чтобы хлебопашество со временем сделалось главнейшим занятием жителей. Самое важное здесь — инициатива и настойчивость в достижении цели, а средства для этого потребуются незначительныя.

Я имел честь доложить вашему высокопревосходительству, что в Камчатке замечается уменьшение количества пушного зверя, породившее упадок благосостояния жителей. Не входя в рассмотрение причин этого явления, я здесь приведу цифры, показывающая количество всего промысла за 1880 г. с обозначением общей стоимости его на месте.

Добыто: соболей 2 821 (цена 42 945 руб.), красных лисиц — 786 (1 962 руб.), сиводушек — 76 (544 руб.), чёрно-бурых — 2 (58 руб.), выдры — 669 (3 379 руб.), росомах — 7 (21 руб.), зуба моржеваго — 37 пудов (524 руб.), морских бобров (на Лопатке) — 25 (1 500 руб.). Итого 51 352 руб. (по подсчёту — 50 933 руб. — *Ред.*)

Таким образом, звериный промысел, представляющий главный источник существования жителей, даёт в год на 6 386 душ 51 352 руб., или на каждую душу по восемь рублей с копейками. Если принять во внимание, что на эти деньги нужно приобрести все необходимые для жизни предметы, за исключением рыбы, то бедность жителей будет понятна. Но горькое положение их ещё более уяснится, если привести цены на эти предметы, как в Петропавловске, так и в округе:

1. Мука крупчатая 1-й сорт, кулёк 1 пуд 15 фунтов (в городе / в округе) — 6/13 руб.;
2. Крупа рисовая, пуд — 4 / 12 руб.
3. Чай байховый, фунт — 1 руб. 80 коп. / 2 руб.
4. Чай кирпичный, один кирпич — 2 руб. / 2 руб. 50 коп.

5. Сахар, фунт — 50 коп. / 75 коп.
6. Керосин, бутылка — 50 коп. / —.
7. Табак черкасский, фунт — 1 руб. / 1руб. 75 коп.
8. Свечи стеариновые, фунт — 80 коп. / —.
9. Мыло русское, фунт — 25 коп. / 1 руб.
10. Ситец, аршин — 40 коп. / 75 коп.
11. Дрель, аршин — 60 коп. / 70 коп.
12. Миткаль, аршин — 50 коп. / 60 коп.
13. свечи сальные, фунт — 1 руб. / 1 руб.
14. Топоры американские — 1 руб. 50 коп. / 7 руб.
15. Трико бумажное — 1 руб. 20 коп. / 1 руб. 50 коп.

Но, несмотря на такие высокие цены в Лондоне на камчатские меха, ни г. Филиппеус, ни г. Милованский, обязавшиеся отсылать их туда, не увеличивают платы местным промышленникам ни одною копейкою. Это тем более странно, что на свои товары они прибавляют цены едва ли не каждый год. Известно, что Филиппеусу, обязавшемуся контрактом 1876 г. продавать жителям Камчатки пуд ржаной муки по 2 руб. 85 коп., разрешено вследствие его ходатайства продавать по 3 руб. 20 коп. и что в последнее время им было заявлено новое ходатайство о возвышении и этой цены, оставленное, впрочем, к удовольствию жителей, без последствий. Г. Милованский, разумеется, действует в том же духе. Между тем пушнина принимается ими по ценам давняго времени, и в этом случае они являются самыми упорными консерваторами.

Что же удивительного, что такая эксплуатация в связи с уменьшением пушного зверя породила среди населения Камчатки безысходную нужду и поставила его в самую полную кабальную зависимость от купцов? Забирая в долг все необходимые для жизни припасы и все принадлежности охоты на целый год вперёд, жители за всё это отдают весь свой промысел по ценам, какия угодно назначить купцу, и как бы ни велико было количество пушнины, как бы ни высока была её ценность, они никогда не в состоянии вполне освободиться от долгов, увеличивающихся из года в год. Можно сказать наверное, что в настоящее время все жители Камчатки, за ничтожными исключениями, состоят неоплатными должниками или г. Филиппеуса, или г. Милованскаго, держащих в своих руках не только всю торговлю края, но и самую жизнь населения.

Не могу не заметить здесь, что долги в Камчатке имеют особенный, даже несколько фантастический характер. Безграмотность жителей представляет торгующим свободное поле для записи на

них самых чудовищных цифр, якобы долгов. И хотя цифры эти при самом слабом анализе способны превращаться чуть не в нули, однако, тем не менее, взысканиями подобных долгов, в прежние времена предъявлявшимися как центральному правительству, так и сибирской администрации, камчатские купцы приобрели даже некоторую известность. В настоящее время способы взыскания несколько изменились. Правительственных учреждений этим почти не беспокоят, а забирают в уплату долга всю упрощенную пушнину. Неоплаченная же часть долга переносится на будущий год и т. д., так что промышленники, собственно говоря, представляют собою не что иное, как рабочих, не видящих при том конца своей зависимости и лишённых, следовательно, свободы к самостоятельной деятельности. Г. Милованский передавал мне, что таких долгов по его книгам числится на жителях более двадцати пяти тысяч рублей, а г. Филиппеус сообщал, что приказики его, отпуская в долг товары, записывают на покупателях такие цифры, взыскание которых полностью даже не предполагается. Тем не менее неуплаченную часть всё-таки считают в долгу на жителях, и, конечно, настанет время, когда уплата потребуется полностью.

Входить в более подробный анализ взаимных отношений купцов и промышленников в Камчатке я не осмеливаюсь... Я считаю своею обязанностью только засвидетельствовать пред вашим высокопревосходительством тот общий и несомненный факт, что нынешнее положение жителей Камчатки в высшей степени ненормально, и правительству предстоит неотложная задача освободить их от этого рабства и указать путь к выходу из этого варварского положения.

Вот уже около тридцати лет, как с присоединением Амура и перенесением туда правительственных учреждений всё внимание и все заботы правительства обращены на утверждение и развитие русского господства в новых местах. С того времени начала угасать в Камчатке русская жизнь, и теперь целая область живёт вне всяких национальных интересов России. Экономическая зависимость от Америки и забвение отечеством убили в этом крае веру в возможность при существующих условиях лучшего будущего и породили убеждение, что область эта составляет лишнее и непосильное бремя для России. Такая деморализация огромной по пространству и богатой естественными дарами природы отдалённой государственной окраины крайне невыгодна для нашего национального самолюбия. И жизнь народа, и политические

интересы, и, наконец, достоинство самого государства настойчиво заявляют требования серьёзно и сердечно отнестись к изменению современного положения этой области. Нельзя поэтому не приветствовать возникшей в последнее время идеи об изменении управления Камчаткою, так как правильным осуществлением ея вызовется к жизни почти помертвевшая уже важная окончательность нашего государственного организма.

Само собою разумеется, что одно изменение администрации, в смысле усиления власти и независимости в действиях лица, которое будет поставлено во главе управления, не принесёт краю ни малейшей пользы, если не будет обращено должного внимания на поднятие уровня благосостояния жителей и на защиту побережья от произвольных действий американских судов, заходящих сюда как по пути за промыслами китов в Ледовитый океан, так и специально с целями хищническими. Таких судов каждое лето насчитывают десятки. Начиная от Лопатки вплоть до Берингова пролива и далее до мыса Камень-Сердце в Ледовитом океане суда эти не пропускают ни одного населённого пункта на нашем берегу, спаивают всех жителей, отбирая взамен водки решительно всё, что только имеет какую-нибудь ценность.

Американское правительство давно создало вред, приносимый этими судами прибрежному населению, и учредило вдоль своего берега постоянное крейсерство с самыми строгими инструкциями. Капитан Купер, командир американского крейсера «Корвин», энергичным и решительным образом действий в отношении к этим судам навёл на них панический страх, и ни одно из них, имея в трюме хоть один галлон спирта, не рискует зайти на американский берег, будучи уверено в неизбежной встрече с «Корвином» и конфискации судна в пользу правительства. Разнообразные ухищрения их, доходившие до того, что огромное количество спирта старались провозить под видом одеколона в плетёных бутылках, оказывались всегда безуспешными благодаря деятельности г. Купера.

Наш же беззащитный берег представляет полный простор для всех американских проходимцев, которые преимущественно и составляют контингент хозяев и матросов этого рода судов. Наглость их не имеет пределов. Капитаны этих шкун, приставая к нашему берегу, без всякого стеснения грабят случайно попадающихся там наших промышленников. Так, назад тому лет пять одна такая шкуна, встретив на южном берегу Камчатки нашего промышленника, лично мне сообщившего этот факт, отобрала у него весь

промысел, добытый им в течение зимы, не дав взамен решительно ничего.

Такие случаи повторяются нередко и будут повторяться до тех пор, пока и наше правительство, подобно американскому, не установит постоянного крейсерства вдоль всего северо-восточного побережья. Но, принимая во внимание громадное протяжение береговой линии от Лопатки до Ледовитого океана, а также и беззащитность Командорских островов, необходимо учреждение двух крейсеров типа американского «Корвина». Местом стоянки этих крейсеров должен быть Петропавловск, и командиры их должны находиться в подчинении начальника Камчатки. Только такие крейсера при сравнительной дешевизне их стоимости и содержания команды и при удобстве выхода в море в нужное время и могут принести действительную пользу. Посылка же от времени до времени военных судов в северные воды при огромных расходах на содержание их, при величине их типа и с теми деликатными инструкциями, какия получают командиры от морского начальства, никогда не будут иметь ни малейшего влияния на уменьшение хищнической деятельности у наших берегов американских и всяких других китобойных и торговых шкун. Учреждением означенных крейсеров правительство не только подняло бы весь северо-восточный край, но вместе с тем и устранило бы обидное для нас мнение, повсеместно распространённое в Америке, что русское правительство не может, не в состоянии защищать своих владений от эксплуатации иностранцами.

Без сомнения, на приобретение крейсеров потребуются денежные средства. Не подлежит также сомнению, что из государственного казначейства при нынешних обстоятельствах едва ли может быть ассигнована необходимая на это сумма, но было бы, тем не менее, совершенно справедливым, если бы правительство признало возможным уступить на улучшение современного положения дел на северо-восточных окраинах Сибири трёхлетний чистый доход, получаемый с Командорских островов. Такой суммы было бы вполне достаточно не только для приобретения двух крейсеров и на содержание их в течение двух лет, но и осталось бы на предполагаемую организацию на новых началах управления Камчатки. Затем уже будут требоваться средства, не обременительные для государственного казначейства, тем более что с 1886 г. должна будет прекратиться выдача субсидии г. Филиппеусу (тридцать тысяч рублей) как совершенно излишний расход казны, не оправдываемый необходимостью. Истинное положение дел таково,

что продовольствие Камчатки может быть обеспечено без всяких субсидий.

Что же касается улучшения быта населения Камчатки, то средства для этого можно найти на месте. В Камчатке имеется довольно значительный капитал (около тридцати тысяч рублей), собранный в течение многих лет исключительно камчадалами и вывезенный отсюда при переводе в Николаевск-на-Амуре высшего управления. Существует ли этот капитал до сих пор и на какие нужды он расходуется, из дел Петропавловского полицейского управления не видно. Известно лишь, что на нужды тех, кем капитал собран, не издержано ни одной копейки. Приморское областное правление, по-видимому, также не имеет точных сведений об этом капитале, потому что при мне получено было предписание петропавловским исправником о представлении о нём сведений. Мною лично были предприняты поиски об этом капитале в делах IV отделения Главного управления (ревизия Приморской области действительным статским советником Ефимовым 1878 г.), но и здесь я не нашёл желаемых сведений. Очень жаль, если справедливы сообщённые мне петропавловским исправником г. Серебряниковым сведения, что будто бы капитал этот долгое время расходовался приморским областным начальством на предметы, не имеющие ничего общего со специальным его назначением. Именно, что он служил фондом для раздачи чиновникам областного правления в виде ссуд, которые большею частию не возвращены, и прочее. При нынешнем положении бедных камчадалов одни проценты с этого капитала могли бы значительно облегчить их горькую судьбу.

Затем, принимая во внимание, что петропавловские купцы, пользуясь безвыходным положением промышленников, приобретают на месте пушнину по самой низкой цене и сбывают таковую на заграничных меховых рынках по ценам, не оправдываемым никакою здравою логикою, было бы справедливо обложить этих купцов пошлиною в размере не менее трёх рублей с каждого вывозимаго соболя и от 35—50 руб. с каждого морского бобра и часть денег этих обратить на основание в Петропавловске ссудо-сберегательной кассы с отделениями в Тигиле и Нижнекамчатске, что было бы истинным благодеянием для населения Камчатки, а другую часть предназначить на развитие хлебопашества.

На улучшение быта камчатских инородцев значительное влияние могло бы иметь разрешение собирать с них ясак не натурою (соболями), а деньгами. В прежнее время сбор ясака пушниную

оправдывался отсутствием и неизвестностью между ними денежных знаков. В настоящее время деньги распространены между ними повсеместно и хорошо известны им. Несмотря на это, до сего времени ясак собирается с них соболями, которые только в самое последнее время, кажется, благодаря инициативе нынешняго петропавловскаго исправника г. Серебряникова, начали приниматься по 21 руб. за соболя (прежде они принимались только по 12 руб.). Но и это крайне невыгодно для инородцев, во-первых, потому что камчатский ясачный соболь в торговле идёт гораздо дороже 21 руб., а во-вторых, между инородцами есть много не промышленников, которые должны приобретать следуемый с них ясак у промышленников за несоразмерныя цены, так как в ясак принимаются только самые лучшие соболи.

В прошедшем году из 125 ясачных соболей 68 лучших отосланы в кабинет Его Величества, а 57 проданы с аукциона в присутствии начальника Петропавловскаго окружнаго полицейскаго управления. На аукционе присутствовали почти исключительно гг. офицеры клипера «Стрелок» (местные купцы не пожелали набивать цены и на торги не явились), и все 57 соболей проданы за сумму 1 402 руб., то есть каждый соболь по 26 руб. 96 коп. Таким образом, при самой незначительной конкуренции выручен излишек до 340 руб. в пользу инородцев. Как высоко ценятся эти соболи местными купцами, доказательством может служить то, что г. Милованский просил офицеров, приобретших соболя, уступить их ему с приплатою к сумме, за которую куплены, 200 долларов, или 400 руб. серебром.

Такие значительные убытки инородцев были бы немислимы, если бы ясак собирался с них не соболями, а деньгами, что не представляет ныне ни малейших затруднений.

К вышеизложенному я позволяю себе прибавить, что Камчатка сильно нуждается в школах. Кроме петропавловской, о которой я имел честь доложить вашему высокопревосходительству, в округе существуют ещё две школы: 1) в селении Ключевском содержится на счёт сельских обществ ключевского прихода, и число учеников бывает от 25—30 и 2) в селении Мильковском (312 вёрст от Петропавловска) содержится на такая же средства. Преподаванием в этих школах занимаются местные священники, получающие вознаграждения по 100 руб. в год из сумм, ассигнуемых по смете Святейшим Синодом за обучение камчадалских детей. Более подробных сведений об этих школах я, к сожалению, не имел возможности добыть.

Во время десятидневной стоянки нашей в Петропавловске сюда прибыли следующие суда: 1) 8 июля — паровой барк «Александр II» под русским коммерческим флагом, принадлежащий американскому торговому дому «Гутчинсон, Коль и компания», на котором прибыл и управляющий Командорскими островами г. Гребницкий, 2) 9 июля — американское судно под военным флагом «Роджерс», посланное американским географическим обществом на север для отыскания погибшей «Жанетты», и 3) 11 июня — пароход «Камчатка» под английским флагом, зафрахтованный контрагентом нашего правительства г. Филиппеусом для доставки разных припасов в наши северные порты...

Ниже воспроизведены протоколы заседания первого камчатского областного съезда, работавшего с 20 июля по 9 августа 1917 г. в г. Петропавловске-на-Камчатке. Здесь собрались 45 делегатов (тогда говорили — членов съезда), представлявших население почти всех уголков огромной Камчатской области. Они обсуждали, как жить дальше в условиях разрушения прежнего монархического и перехода к выборному демократическому правлению при неустойчивости центральной власти. Протоколы съезда включают интереснейшие сведения о разных сторонах жизни Камчатки в бурном революционном году. Из них видно, какие надежды местное население возлагало на ожидавшееся переустройство всего общественного и экономического порядка, вызванное недавно прошедшей революцией, позже получившей название Февральской. Протоколы напечатаны в камчатской столице в том же 1917 г. в типографии М. М. Пономарёва. Доступный нам экземпляр некогда принадлежал известному библиофилу, первому камчатскому библиографу П. С. Маловечкину, а сейчас хранится в фондах Камчатского краевого объединённого музея.

ПЕРВЫЙ КАМЧАТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЪЕЗД

20 июля — 9 августа 1917 года

Список 1-го камчатского областного съезда.

От г. Петропавловска: Артюхин В. И., Голованов И. Ф., Добровольский И. Д., Лавров К. П., Пурин А. А., Филаретов И. И.
От Завойкинской волости: Слоботчиков С. И., Ворошилов Г. А., Кумпан Е. И., Рязанцев Н. И., Попов Г. Н., Закржевский В. У.
От Большеузской волости: Рыжук Г. Е. *От Мономаховской воло-*

сти: Самборко С. М., Борисов В. А. От Хайрюзовской волости: Краснояров И. Г. От Тигильской волости: Сычѳв П. Т. От Паланской волости: Логинов П. В., Лазуков В. Л. От Мильковской волости: Коршунов Ф. М., Плотников А. С., Чуркин К. А., Лукашевский Е. В., Подкорытов Д. Е., Погодаев Ф. Ф. От Ключевской волости: Брагин В. К., Сквородов Ф. Л., Васильев П. Я. От Нижнекамчатской волости: Попов М. Н., Расторгуев С. А., Богомолов В. Д. От острова Беринга: Волокитин А. Ф., Григорьев П. Г., Ткаченко А. М. От острова Медный: Ладыгин Т. А., Хабаров И. И., Юрьев К. Н., Кияшко А. В. От Гижигинского уезда: Михряков Е. С. От Анадырского уезда: Собольков М. П., Дударов С. С. От Чукотского уезда: Леонтьев В. П. От 1-го Камчатского общества потребителей: Столяров А. А. От Сопочной волости: Пименов А. М. От Дранкинской волости: Гук.

Представители: От Управления земледелия и государственных имуществ: Алексин М. С. От краевого комиссара Русанова: Борисоглебский А. А.

Камчатский областной комиссар Емельянов К. А.

Протокол заседания 20 июля 1917 г. На заседании присутствовали: председатель временнаго областного комитета Пурин, члены комитета: Дудко, Артюхин, Гайдамак, Святой, Саловарин, Филаретов, Голованов, областной комиссар Емельянов, помощник областного комиссара Добровольский (он же делегат от г. Петропавловска), уездный комиссар Пименов, помощник уезднаго комиссара Попов; делегаты, приехавшие на съезд: Лавров, Васильев, Богомолов, Коршунов, Кумпан, Сычѳв, Ворошилов, Самборко, Краснояров, Закржевский, Рязанцев, Попов, Логинов, Лазуков, Григорьев, Ткаченко, Волокитин, Ладыгин, Кияшко, Юрьев, Хабаров, Попов, Сквородов, Чудинов, Брагин, Михряков, Чуркин, Подкорытов, Погодаев, Плотников, Лукашевский, Филаретов, Рыжук, Дударов, Собольков, Леонтьев, Столяров, Слоботчиков, Борисов. Председательствует Пурин, секретарь Голованов.

Перед открытием съезда по просьбе большинства приехавших был отслужен молебен, после котораго священником Валентином Кох произнесено приветственное слово делегатам. В два часа пополудни председатель областного комитета Пурин объявляет заседание открытым, оглашает приветственную телеграмму краевого комиссара по делам Дальняго Востока Русанова: «Благоволите передать от моего имени съезду: не имея возможности уделять время на продолжительную поездку, искренно сожалею, что

непосредственно участвовать в важной организационной работе не могу. Прошу принять мои самые лучшие пожелания».

По прочтении телеграммы Русанова Пурин съехавшихся делегатов приветствует от лица областного комитета, а затем оглашает приветственную телеграмму бывшего председателя областного комитета Сусляк, находящегося ныне на излечении в г. Владивостоке: «Желаю областному съезду продуктивной работы на благо области».

Затем с приветствиями выступает целый ряд ораторов: председатель временного областного комитета Пурин, областной комиссар Емельянов, председатель областного продовольственного комитета Пржеvusский, товарищ областного комиссара Добровольский, представитель от съезда народных учителей Адамов, представитель от духовенства священник Валентин Кох, от жителей острова Беринга Ткаченко.

После приветствий Пурин, обращаясь к делегатам, просит избрать председателя съезда. Намечаются следующие кандидаты: Лавров, Пурин, Добровольский, Голованов, последние трое от баллотировки отказываются. При баллотировке за Лаврова было подано 43 записки, из которых избирательных — 41 и две — неизбирательных. Пурин, обращаясь к Лаврову, просит его занять место председателя.

С половины третьего часа заседание ведёт Лавров. Занимая председательское место и высказывая благодарность съезду за доверие, Лавров обратился к съезду с приветствием и в заключение своей речи предложил послать телеграмму Временному правительству, а также военному и морскому министру Керенскому, что единогласно принимается.

После этого председательствующий просит избрать двух товарищей председателя и двух секретарей. В товарищи председателя намечаются следующие кандидаты: Пурин, Добровольский, Коршунов, Васильев, Столяров, Голованов, Рыжук, Ткаченко и Леонтьев, все намеченные кандидаты, за исключением Пурина и Коршунова, от баллотировки отказываются. При баллотировке Пурина и Коршунова было подано по 43 записки, из которых при проверке оказались все избирательными, оба кандидата считаются избранными единогласно.

В секретари были намечены следующие кандидаты: Леонтьев, Голованов, Дударов, Добровольский, Столяров, Богомолов, Сычѳв, Ткаченко, последние шесть кандидатов от баллотировки отказались. При баллотировке за Леонтьева было подано 43 записки, из

которых избирательных 41 и две неизбирательных. При баллотировке Голованова подано 42 записки, все избирательные.

По избрании президиума съезда председательствующий просит заслушать имеющиеся у него телеграммы. Секретарь Голованов прочитывает телеграмму за № 51 старшины Якова Шорнова на имя Пименова, в которой сообщается, что Сопочная волость в количестве 182 душ обоего пола кочующих ламут и коряков просит Пименова принять от них полномочия на право участия на съезде в качестве делегата. Не вдаваясь в обсуждение заслушанной телеграммы, съезд постановил: передать телеграмму в комиссию по проверке полномочий делегатов.

Председательствующий просит секретаря Голованова огласить телеграмму от Министерства внутренних дел. Телеграмма от МВД на имя председателя областного комитета, извещающая, что 30 июля МВД созывает совещание губернских и областных комиссаров и председателей областных комитетов для обсуждения ряда неотложных вопросов местной жизни и управления. Ввиду отдалённости и отсутствия в данное время пароходов, отходящих во Владивосток, представители Камчатки не могут прибыть к указанному сроку в Петроград, съезд постановил: немедленно довести до сведения об этом МВД.

Указав на необходимость поскорее приступить в работе, председательствующий предлагает избрать комиссию по проверке полномочий делегатов съезда. В связи с избранием комиссии возникает вопрос о количестве членов ея. Поступают два предложения. Первое: комиссия должна состоять из пяти, и второе: из трёх членов. Вопрос ставится на голосование, большинством голосов съезд постановил: избрать комиссию для проверки полномочий делегатов из пяти членов.

Намечаются следующие кандидаты в члены комиссии: Ворошилов, Столяров, Добровольский, Самборко, Кумпан, Сычѳв, Кияшко, Рыжук. Добровольский, Кияшко и Рыжук от баллотировки отказались, остальные — Ворошилов, Столяров, Самборко, Кумпан и Сычѳв при открытом голосовании, каждого по отдельности, подавляющим большинством голосов были избраны в члены комиссии. Избрав комиссию, съезд постановил: просить комиссию сегодня же закончить проверку и результат таковой доложить съезду завтра, 21 июля.

Назначив с согласия съезда следующее заседание завтра, 21 июля, в десять часов утра (не состоялось по неизвестным нам причинам. — *Ред.*), председательствующий объявляет заседание закрытым.

Протокол заседания 22 июля (дневное). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют все делегаты съезда и с правом совещательного голоса областной комиссар Емельянов и гражданин Кадышевский.

Предметом обсуждения служит вопрос о введении в области земского самоуправления и городского положения в г. Петропавловске.

После обмена мнений по данному вопросу постановлено: 1. Выработать общую резолюцию о введении земства в Камчатской области. Обратиться по телеграфу с просьбой к Временному правительству о распространении общеземских положений на Камчатскую область. 2. Сообщить Временному правительству о желательности распространения полного городского положения на порт Петропавловск. 3. Избрать комиссию из пяти лиц с участием президиума съезда и с правом приглашения лиц, сведущих по вопросам земского самоуправления. В комиссию открытой баллотировкой избраны: 1. Добровольский — 42 голосами, 2. Сычёв — 40 голосами, 3. Рыжук — 39 голосами, 4. Васильев — 37 голосами и 5. Закржевский — 29 голосами.

Протокол заседания 22 июля (вечернее). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют все члены съезда и с правом совещательного голоса областной комиссар Емельянов.

Предметом обсуждения служит вопрос об организации областного комитета.

После продолжительных прений и обмена мнений по этому вопросу открытой баллотировкой 32 голосами против одного при шести воздержавшихся принята съездом следующая резолюция: «Областной комитет организуется съездом, причём в него входит по одному представителю от каждой волости. Ввиду того, что от некоторых волостей прибыло на съезд по несколько делегатов, то право выбора одного из них в члены областного комитета предоставить самим делегатам. От волостей, приславших по одному представителю на съезд, считать таковых и членами будущего комитета. Волости, не имеющие на съезде своих делегатов, известить, предложив каждой волости выбрать непосредственно в члены комитета по одному лицу. Принимая во внимание, что г. Петропавловск является одним из самых населённых пунктов области (около 500 выборщиков), съезд находит необходимым представить от города Петропавловска двух членов в областной комитет, исходя из того расчёта, что средняя норма выборщиков от каждой волости определяется количеством в 250 человек».

Настоящая резолюция принята открытой баллотировкой 38 против одного при двух воздержавшихся.

Съезд единогласно находит необходимым предоставить право кочующим и бродячим инородцам иметь своих представителей в областном комитете. Считаясь же с особыми, крайне своеобразными, условиями жизни кочующих и бродячих инородцев, съезд не предрешает вопроса о том, как инородцы осуществляют это право. Необходимо в самом ближайшем будущем принять соответствующие меры к оповещению и разъяснению инородцам настоящего постановления съезда. Предоставить представительство в областной комитет от рабочей организации и Петропавловской местной команды.

Заслушано словесное заявление двух граждан Дранкинской волости о допущении их на съезд в качестве делегатов от Дранкинской волости. Постановлено: ввиду того, что от названной волости представителей на съезде нет, принять одного из прибывших граждан Гука в члены съезда с правом совещательного голоса.

Протокол заседания 23 июля (дневное). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют все члены съезда и с правом совещательного голоса областной комиссар Емельянов и ревизор рыболовства гражданин Алексин.

Предметом обсуждения служит вопрос о рыбных промыслах в Камчатской области.

После обмена мнений по данному вопросу съездом выбрана комиссия по рыбному делу из шести лиц, которой и поручено разработать резолюции в форме общих положений всех мероприятий, которые желательно провести в целях поднятия и сохранения богатств в Камчатской области в соответствии с высказанными на настоящем заседании пожеланиями. В комиссию единогласно избраны от охотского побережья Михряков, от восточного Чуркин, от западного Сычѳв, от Анадыря Дударов, от Петропавловского уезда Ворошилов, от Командорских островов Волокитин и представитель Управления земледелия и государственных имуществ Алексин.

Заслушана и единогласно принята резолюция по вопросу о местном самоуправлении в редакции, предложенной комиссией, выбранной на заседании 23 июля. Настоящая резолюция от имени съезда телеграфно сообщена Временному правительству: «Петроград. Министру внутренних дел. Сознавая неотложную необходимость в создании народного управления в Камчатской области и находя, что единственной приемлемой формой этого управления являются

волостные, областное и земския управления, первый камчатский областной съезд единогласно постановил представить Временному правительству о распространении постановления 17 июня 1917 г. о введении земских учреждений в Амурской и Сахалинской областях на Камчатскую область и просить закон этот привести в действие по телеграфу. Съезд убеждён, что незамедлительное проведение этой реформы будет иметь и местное, и общегосударственное значение и послужит к удовлетворению давних насущных потребностей местного населения и созданию правильной эксплуатации огромных богатств Камчатского края; земство же привлечёт из других мест России трудящиеся массы к делу разработки богатых недр земли Камчатской и создаст для труда нормальные условия.

Съезд имеет в виду, что при прежних размерах обложения в Камчатской области должно поступать ежегодно не менее 90 тысяч земского сбора; что при введении волостного земства всю подготовительную работу исполняют действующие в области волостныя и поселковыя управления и создаваемые ныне съездом волостные комитеты. Камчатский областной съезд единогласно постановил предоставить Временному правительству о неотложной необходимости ввести городское положение в городе Петропавловске и просить известить по телеграфу об издании этого закона. Съезд констатирует, что население города добивается этой реформы в течение двадцати пяти лет и что все материалы по этому вопросу переданы в Главное управление по делам местного хозяйства в 1912 и 1915 гг.; что население города более тысячи человек, избирателей пятьсот. Камчатский областной съезд надеется, что его желания будут осуществлены; отдалённость Камчатки и отрезанность ея в течение пяти зимних месяцев от остальной России побуждает съезд настаивать перед Временным правительством на внеочередном рассмотрении принятых съездом решений».

Протокол заседания 24 июля (дневное). Председатель Лавров, секретари Пурин и Голованов. Присутствуют все делегаты съезда, за исключением Борисова, Лазукова, Красноярова и Леонтьева. С правом совещательного голоса — областной комиссар и ревизор рыболовства Алексин.

Предметом обсуждения служит вопрос о рыбных промыслах в Камчатской области.

После продолжительных прений и обмена мнений съездом приняты следующие резолюции, выработанные комиссией по

рыбному делу: «Первый Камчатский областной съезд делегатов по всестороннем обсуждении вопроса о рыбном промысле, являющемся одним из важнейших источников существования и благополучия местного населения, и, принимая во внимание, что в данное время устанавливаются тревожные признаки заметного истощения этой главнейшей основы всей хозяйственной жизни области, ввиду крайне интенсивного использования рыбных богатств как в реках, так, главным образом, на морском побережье, постановил: принять в ближайшем будущем нижеследующия меры:

1. Просить правительство, по истечении действия рыболовной конвенции, заключённой с Японией в 1907 г., таковой в дальнейшем не возобновлять; если же по политическим обстоятельствам прекращение действия конвенции окажется невозможным, то при пересмотре её, помимо предполагаемых правительством общих изменений, необходимо в интересах камчатского населения дополнить таковую нижеследующими ограничениями:

а) совершенно закрыть рыболовные участки в районе р. Камчатки, Большой, Охоты, с р. Кухтуем и Паланы, в крайнем случае установив запретныя предустьевыя пространства по обе стороны этих рек минимально от восьми до десяти вёрст; что же касается остальных рек Камчатской области, то установить для них запретныя пространства не менее шести вёрст по обе стороны от устья;

б) разрядить существующие морские рыболовные участки, определив между таковыми наименьшие интервалы в четыре версты вместо установленных ныне в две версты;

в) для производства всякаго морского промысла водных продуктов в Камчатской области установить конвенционную границу территориальных вод в три географическия или двенадцать морских миль;

г) ограничить длину ставных неводов протяжением от берега не свыше пятисот сажений. При пересмотре договора с Японией настаивать на сохранении пункта 11-го контракта, в коем дано описание нормального невода (простого ставного невода «татами»), но устранив примечание к этому пункту. Все отступления от этого типа невода считать незаконными;

д) включить особый пункт о взаимной охране бобров в районе Перваго Курильскаго пролива и прилегающих местностей и усилить охрану Перваго Курильскаго пролива. Обратит внимание на нежелательность сдачи рыболовных морских участков, расположенных на мысах или отмелях, находящихся вблизи рыбных

рек и населённых пунктов. На вышеозначенных участках скапливается большое количество идущей рыбы, и сдача таких участков может в значительной степени мешать дальнейшему ходу рыбы;

е) установить как для японских, так и для русских рыбопромышленников особое обложение сверх обычной арендной платы в размере десяти процентов на расходы по устройству и содержанию рыбообразовных заводов;

ж) предоставить органам местного самоуправления право обложения рыбных промыслов соответствующими земскими сборами;

з) на конференции по пересмотру рыболовной конвенции должен присутствовать представитель от Камчатской области.

II. В отношении рыболовства в реках Камчатской области съезд, отметив, что покровительственная политика старого правительства в отношении русского предпринимательского рыбного промысла не создала здоровой конкуренции на морском побережье Камчатки с японцами, а с другой стороны — способствовала усиленному использованию и истощению рыбных богатств в реках, задерживая вместе с тем заселение пригодных для этой цели богатых рыбой мест, постановил:

а) просить правительство передать областному самоуправлению заведывание и надзор за рыболовством в реках Охотско-Камчатского края, если же в ближайшем будущем центральная власть по государственным соображениям не признает этого возможным, то незамедлительно учредить на Дальнем Востоке особое Управление рыбными промыслами, усилив охрану рыбных богатств установлением попутно с общим правительственным надзором особо выборных наблюдателей от местных волостных общественных органов; равным образом создать Камчатский совет по делам рыболовства. Низший рыболовный надзор должен быть под общественным контролем, независимо от того, будет надзор от правительства или из местных выборных;

б) прекратить в ближайшем времени, по истечении контрактных сроков, сдачу в аренду промышленникам рыболовных участков на тех реках, как Камчатка, Большая, Воровская, Палан, Анадырь и других, которые имеют важное значение для местного населения; во всяком случае, дальнейшее продление аренд предоставлять по предварительному соглашению с местными общественными органами власти;

в) все существующие рыболовные участки на реках, где имеется оседлое население, по возможности, в ближайшую очередь за-

менять рыбообделочными — засольными с правом лишь скупа рыбы от местных жителей впредь до создания в области трудовых кооперативов из сельских обществ. Вместе с тем совершенно запретить промышленникам на реках приготовление рыбы японским посолом и выделку тука;

г) закрыть для всякаго рыбнаго промысла незаселённые реки, не имеющие промышленнаго значения;

д) сообразовать сдачу рыбопромышленных участков на реках с задачами ближайшей колонизации таковых;

е) установить общий порядок сдачи на Камчатке внеконвенционных участков Управлением государственных имуществ, учреждением, заменяющим его по соглашению с областной администрацией;

ж) в целях сохранения рыбных богатств в Камчатской области от дальнейшего их истощения безотлагательно создать на реках Камчатки средствами казны и особым обложением рыбопромышленников сеть заводов для искусственного разведения наиболее ценной рыбы лососёвых пород;

з) установить в ближайшую очередь действительную охрану нерестилиц от вреднаго выдавливания местными жителями зрелых производителей рыбы лососёвых пород, сообразуясь с местными условиями;

и) находя лов рыбы в реках запорами, препятствующими прохождению рыбы в верховья рек, признать желательным постепенный переход к другим способам лова, сообразуясь с местными условиями;

к) в целях скорейшаго создания трудовых кооперативов безотлагательно организовать при пособии от казны учреждения мелкаго сельскаго кредита и курсы по кооперации, а равно открыть в г. Петропавловске казённую профессиональную школу низшаго типа или практические курсы для подготовки рыбоводов, консервных мастеров, икрянников, засольщиков, мастеров по бондарному, сетяному, мелкому судостроительному делу и по управлению моторными двигателями;

л) установить целесообразную охрану ластоногих в Чукотско-Анадырском крае, где морской зверь имеет исключительное значение в хозяйственном обиходе местных жителей.

Кроме вышеперечисленных резолюций по рыбному делу, съезд находит необходимым:

1. Издать на популярном языке и распространить среди местного населения полезныя сведения по рыболовству.

Первый Камчатский
Областной Съезд.

ПРОТОКОЛЫ СЪЪЗДА

20 Июля—9 Августа 1917 года.

Петропавловскъ на Камчаткѣ.
Типографія М. М. Пономарева. 1.
1917 года. 1.

1917

Собр. № 89 4448 1175

ПИ-1

Титульный лист и фрагмент пятнадцатой страницы протоколов

а. Совершенно закрыть рыболовные участки в районѣ р. Камчатки, Большой, Охоты, съ р. Кухтуемъ и Паланы, въ крайнемъ случаѣ, установивъ запретныя предъуступевыя пространства по обѣ стороны этихъ рѣкъ минимально отъ 8 до 10 верстъ; что же касается остальныхъ рѣкъ Камчатской области, то установить для нихъ запретныя пространства не менѣе 6 верстъ по обѣ стороны отъ устья.

б. Разрядить существующіе морскіе рыболовные участки, опредѣливъ между таковыми наименьшіе интервалы въ 4 версты, вмѣсто установленныхъ нынѣ въ 2 версты.

в. Для производства всякаго морского промысла водныхъ продуктовъ въ Камчатской области установить конвенціонную границу территориальныхъ водъ въ 3 географическія или 12 морскихъ миль.

г. Ограничить длину ставныхъ неводовъ протяженіемъ отъ берега не свыше 500 саженой.

При пересмотрѣ договора съ Японіей настаивать на сохраненіи пункта 11-го контракта, въ коемъ дано описаніе нормального невода (простого ставного невода «татами»), но устранивъ примѣчаніе къ этому пункту. Всѣ отступленія отъ этого типа невода считать незаконными.

д. Включить особый пунктъ о взаимной охранѣ бобровъ въ районѣ перваго Курильскаго пролива и прилегающихъ мѣстностей и усилить охрану перваго Курильскаго пролива.

Обратить вниманіе на нежелательность сдачи рыболовныхъ морскихъ участковъ расположенныхъ на мысахъ или отмеляхъ находящихся вблизи рыбныхъ рѣкъ и населенныхъ пунктовъ. На вышеозначенныхъ участкахъ скапливается большое количество идущей рыбы и сдача таковыхъ участковъ можетъ въ значительной степени мѣшать дальнѣйшему ходу рыбы.

е. Установить фондъ для японскихъ такелъ и рыбъ русскаго перваго камчатскаго областного сѣзда 1917 г. (из фондовъ ККОМ)

2. Управление государственных имуществ обязано в будущем 1918 г. иметь в виду, чтобы при сдаче в аренду морских участков в районе Камчатского залива не сдавались в аренду участки по истечении срока между устьями старым и новым реки Камчатки.

3. Желательно, чтобы Управление государственных имуществ с 1918 г. обе рыбалки реки Анадыря перенесло на один берег.

4. На речных рыбалках реки Камчатки рыба ловится неводами длиной 200—350 сажений. Следует ограничить длину до 100—150 сажений, для того, чтобы рыба проходила вверх реки Камчатки, разрешить лов рыбы только днём.

5. Выпустить брошюру о нерестилищах и самым широким образом распространить таковую среди населения.

6. Желательно, чтобы невода убавить во всех реках до размера не более половины реки.

7. Допускать к производству рыбных промыслов только тех жителей, кои имеют домообзаводство.

8. Не допускать иностранно-подданных в качестве рабочих на рыбалках, работающих для собственной надобности.

9. Ходатайствовать, чтобы все рыбопромышленники в 1918 г. принимали в Мономаховской волости весь излишек рыбы по указанной цене минимум: горбуша 4—5 коп., кета — 15—20 коп.

10. Желательны специальные инструктора для пропаганды постепенного изменения способа заготовки сухой рыбы (юкола).

11. Определить рыболовные районы в Авачинской бухте.

12. Ограничить условия рыбной ловли в реках: не разрешать ставных неводов, загораживание реки и т. д.

13. До окончания контрактов запретить ставные невода и разрешать лов рыбы лишь законными способами.

14. Выяснить в соответствующих инстанциях, почему Демби и Бирич не оборудовали хорошего рыбозаводного завода.

15. Воспретить на устьях реки Камчатки лов рыбы закидными сетями.

16. Жители селения Усть-Камчатска должны ловить рыбу на расстоянии двух вёрст от устья реки Камчатки, считая и новое устье, неводами не более 40—50 сажений.

17. Ввиду того, что гольцы наносят большой вред в истреблении мальков лососёвых пород, желательно, чтобы жители заводили специальные невода и особые из прутьев морды для вылавливания гольцов.

18. Предложить Управлению государственных имуществ рассмотреть, какими неводами и как производится лов рыбы в реке

Анадыре. Если окажется что-либо противное правилам рыболовства, такая неправильности устранить.

19. Желательно прекратить эксплуатацию рыбных промыслов с промышленной целью в Авачинской бухте.

20. В будущем, в случае заметного истощения рыбного запаса в реках, закрытых для частных рыбалок, кроме сдачи засольных участков, то желательно, чтобы и засольные участки закрывались через каждые два года, хотя на один год.

21. Пристани рыбалок не должны быть выдвинуты в глубь реки, чтобы не попадали отбросы в реку.

22. Желательно, чтобы японцы грузили рыбу на шхуну только в чищеном виде.

23. Осуществление указанных пожеланий возложить на областную общественную власть».

Протокол заседания 25 июля (дневное). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют все члены съезда, за исключением Филаретова. С правом совещательного голоса областной комиссар Емельянов.

Предметом обсуждения служит вопрос об организации президиума комитета.

После обмена мнений съезд единогласно при двух воздержавшихся постановил: 1. Президиум областного комитета избирается краевым съездом. 2. Президиум состоит из председателя и двух товарищей. 3. Председатель комитета, выбранный съездом, в случае выраженного ему недоверия комитетом оставляет свою должность. Комитету предоставляется право войти в обсуждение вопроса о желательности оставления его членом комитета. Лавров вносит дополнение: «Место председателя в случае его выбытия заступает его товарищ». Резолюция принята съездом единогласно. 4. Председатель областного комитета избирается только из среды делегатов съезда, а не со стороны.

Принимается большинством голосов при двух воздержавшихся.

Протокол заседания 25 июля (вечернее). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют все делегаты съезда, с правом совещательного голоса областной комиссар Емельянов.

Предметом обсуждения служит вопрос о волостных и сельских комитетах.

После обмена мнений по данному вопросу принята единогласно следующая резолюция:

«1. Сельские старшины, их помощники и сельские правления упраздняются. 2. Каждая волость организует из среды жителей

волости власть на местах в лице волостного комитета. 3. Волостной комитет избирается волостным съездом из представителей от всех селений пропорционально количеству населения. 4. Волостной комитет избирает из своей среды председателя, его товарища и казначея. Должность секретаря (письмоводителя) платная и может быть по вольному найму. 5. Сельские комитеты избираются сельским собранием. 6. В селениях малолюдных комитет организуется из числа всех полноправных граждан селения. 7. Председатели волостных и сельских комитетов являются органами исполнительной власти на местах. 8. Деятельность сельских комитетов соображается с деятельностью волостных».

Далее предметом обсуждения служит вопрос об избрании президиума в областной комитет.

После обмена мнений кандидатами в председатели областного комитета намечены следующие лица: Пурин, Добровольский, Голованов, Лавров, Леонтьев, Рыжук, Сычѳв, Васильев. Все кандидаты от баллотировки отказались, за исключением Пурина. Закрытой баллотировкой Пурин получил 35 избирательных записок против двух и двух воздержавшихся.

Предложено избрание двух товарищей председателя. Намечены кандидатами: Добровольский, Голованов, Артюхин, Васильев, Сычѳв, Самборко, Столяров, Леонтьев. Все кандидаты от баллотировки отказались, за исключением Артюхина и Сычѳва. Артюхин при баллотировке получил 38 избирательных против одного и одного воздержавшагося. Сычѳв при баллотировке получил 33 избирательных против шести и двух воздержавшихся. Результат баллотировки показал, что большинством голосов избраны в товарищи председателя областного комитета: первым — Артюхин и вторым — Сычѳв.

Предложено съезду избрать областного комиссара и его помощника. Намечены кандидаты на должность областного комиссара: Лавров, Голованов, Емельянов, Добровольский и Леонтьев. Все кандидаты, за исключением Лаврова, от баллотировки отказались. Предложено съезду баллотировать на должность комиссара Лаврова. Областным комиссаром избран Лавров, получивший 38 избирательных голосов при двух воздержавшихся.

Съезду предложено избрать помощника областного комиссара. Намечены кандидаты: Голованов, Добровольский и Емельянов. Все кандидаты от баллотировки, кроме Голованова, отказались. За Голованова подана 41 записка, из них избирательных 41. Таким

образом, единогласно на должность помощника областного комиссара избран Голованов.

Протокол заседания 26 июля (дневное). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют все делегаты съезда.

Предметом обсуждения служит вопрос об организации областного комитета.

После обмена мнений по данному вопросу организован областной комитет в составе следующих лиц: председатель комитета Пурин, товарищи его Артюхин и Сычёв. Члены комитета: от г. Петропавловска — Добровольский, Завойкинской волости — Закржевский, Мильковской — Коршунов, Ключевской — Васильев, Нижнекамчатской — Богомолов, острова Меднаго — Юрьев, острова Беринга — Волокитин, Мономаховской волости — Самборко, Большерецкой — Рыжук, Сопочной — Пименов, Хайрюзовской — Краснояров, Тигильской — Сычёв, Паланской — Лазуков, Гижигинского уезда — Михряков, Анадырского — Соболюков, от 1-го Камчатского общества потребителей — Столяров, от Петропавловской местной солдатской команды — Филаретов.

Нет представителей Охотского и Чукотского уездов, Дранкинской волости, ещё одного от г. Петропавловска и от рабочей организации.

Предметом обсуждения служит вопрос о введении милиции в Камчатской области.

Большинством голосов против двух принята следующая резолюция: «1. В Камчатской области вместо упразднённой полиции необходимо ввести милицию. 2. Для выработки положения о милиции составить комиссию из шести лиц. 3. Практическое проведение в жизнь института милиции предоставляется областному комитету совместно с областным комиссаром».

Открытой баллотировкой избраны в комиссию: Михряков, Пименов, Васильев, все трое кандидатов получили по 43 голоса и при одном воздержавшемся. Дударов — большинством 42 против двух, Ткаченко — 41 голос против одного и двух воздержавшихся, Кумпан — 40 голосов против трёх и одном воздержавшемся.

Протокол заседания 26 июля (вечернее). Председатель Лавров, секретари Леонтьев, Голованов и Столяров. Присутствуют все делегаты съезда, с правом совещательного голоса областной комиссар Емельянов, мировой судья Шаталин и прокурор Петропавловского окружного суда Кадышевский.

Предметом обсуждения служит вопрос об уездных комиссарах.

После продолжительных прений по данному вопросу принята большинством голосов при одном воздержавшемся следующая резолюция: «Съезд, обсудив вопрос об уездных комиссарах, признал желательным упразднение означенных должностей в Камчатской области. Поручить президиуму выработать текст резолюции об упразднении уездных комиссаров».

Протокол заседания 27 июля (дневное). Председатель Лавров, секретари Столяров, Леонтьев и Голованов. Присутствуют все делегаты съезда, с правом совещательного голоса от Дранкинской волости Гук и областной комиссар Емельянов.

Предметом обсуждения служит вне очереди внесённый вопрос о бывших полицейских чинах в Камчатской области.

После обмена мнений по данному вопросу единогласно принята следующая резолюция: «Съезд, выслушав прения по вопросу о нахождении в области представителей старой полицейской власти, высказывает своё пожелание о недопустимости избрания на общественные должности представителей старой полицейской власти».

В связи с только что вынесенной резолюцией съезд находит необходимым поставить в известность граждан Гижигинского уезда о том, что желательно выбрать в члены областного комитета вместо гражданина Михрякова (бывшего пристава) другого кандидата. Кроме того, съезд также находит, что и сам г. Михряков обязан будет со своей стороны поставить об этом в известность своих выборщиков.

Протокол заседания 27 июля (вечернее). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют делегаты съезда и с правом совещательного голоса представитель от Дранкинской волости Гук и областной комиссар Емельянов. Отсутствует делегат от Сопочной волости Пименов.

Предметом обсуждения служит вопрос о реорганизации канцелярии бывшего губернатора Камчатской области.

После обмена мнений по данному вопросу принята единогласно резолюция гр. Добровольского: «1. Съезд находит необходимым реорганизовать канцелярию бывшего губернатора Камчатской области на новых началах сообразно с запросами и требованиями местной общественной жизни. 2. Вопрос о переустройстве канцелярии передать на распоряжение областного комитета совместно с областным комиссаром. 3. Чины канцелярии, призываемые по мобилизации 1 августа, в случае необходимости освобождаются комитетом по отсрочкам по ходатайству областного комиссара».

Подлежит обсуждению вопрос о введении в Камчатской области милиции.

При обсуждении вопроса о милиции присутствует с правом совещательного голоса прокурор Петропавловского окружного суда гр. Кадышевский.

После обмена мнений съездом единогласно принимается составленная комиссией по введению в Камчатской области милиции следующая резолюция:

«1. В городе Петропавловске съезд находит необходимым учреждение должностей начальника городской милиции и милиционеров, число которых будет определено Петропавловским городским общественным управлением.

2. Имея в виду, что незначительность пришлого населения и слабое развитие торговли и промышленности в местностях Петропавловского уезда не создали таких условий местной жизни, кои высказывали бы необходимость создания самостоятельных органов для охраны общественной безопасности и порядка, что почти все обязанности, возлагаемые законом на милицию, входят в круг обязанностей волостных земских управ, съезд не находит основания для введения института милиционеров в пределах Петропавловского уезда.

3. По этим же соображениям съезд не находит нужным учредить органы милиции на Командорских островах.

4. Принимая на вид, что впредь до создания среди инородческого населения Камчатской области органов общественного управления забота о личной и имущественной безопасности инородцев и попечение об удовлетворении их продовольственной нужды может быть возложена на установленные Временным правительством органы милиции; что эти же органы милиции в лице начальников уездной милиции и милиционеров будут осуществлять и охрану нашего морского побережья; что областной комитет должен приложить старания к созданию среди инородческого населения инородческих комитетов, а начальников уездной милиции снабдить инструкциями, в коих должно быть указано на необходимость согласования деятельности этих исполнительных органов с требованиями местных инородческих комитетов; что местожительство начальника Чукотской милиции должно быть назначено в центре этого края и что во всех наиболее часто посещаемых русскими и иностранными судами местах Чукотского побережья должны быть устроены милиционные пункты, съезд находит желательным учредить должность чукотского начальника уездной

милиции и милиционные пункты (милиционеров) в числе, которое может быть установлено Камчатским областным комитетом совместно с областным комиссаром на изложенных выше основаниях.

5. По этим же соображениям и на тех же основаниях съезд находит необходимым учредить должности анадырского, гижигинского и охотского начальников уездной милиции и потребное число милиционеров; на охотского начальника уездной милиции надлежит возложить заведывание милиционной частью на прииске Кольцова и Фогельмана близь Охотска».

Председатель доводит до сведения съезда о прибытии на съезд представителя от краевого комиссара Русанова — А. А. Борисоглебского. Делегаты съезда приветствуют прибывшаго гр. Борисоглебского дружными аплодисментами.

Делегат от Гижигинского уезда гр. Михряков отказывается от полномочий члена будущего областного комитета. Съезд единогласно постановил: «Заявление гр. Михрякова принять к сведению, предложив ему поставить в известность об этом своих избирателей».

Протокол заседания 28 июля (дневное). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют все делегаты съезда, за исключением Михрякова и Пименова, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, представитель от Дранкинской волости Гук и представитель экспедиции Министерства земледелия гр. Батурин.

Предметом обсуждения служит вопрос о пушном промысле в Камчатской области.

После продолжительных прений и обмена мнений по данному вопросу съезд нашёл необходимым избрать особую комиссию в составе шести лиц для всестороннего освещения пушного промысла в Камчатской области, поручив названной комиссии представить свои соображения по пунктам в одно из ближайших заседаний съезда.

В комиссию единогласно избраны: от западного побережья — Сычёв и Самборко, от восточного побережья — Расторгуев, Брагин и Чуркин, от Завойкинской волости — Ворошилов.

Председателем вне очереди внесён на обсуждение вопрос о создании и организации местной популярной печати.

Единогласно принята следующая резолюция: «Областная общественная власть должна озаботиться теперь же, не откладывая этого дела на будущее, организацией издательства областной газеты и популярных брошюр общеполитического и социального характера, а в особенности же по вопросам местного хозяйства и самоуправления».

ния в связи с проведением в жизнь земской организации. Областной администрации для этой цели необходимо приобрести свою типографию и организовать центральный книжный склад».

Протокол заседания 28 июля (вечернее). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Пименова, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский и представитель экспедиции Министерства земледелия гр. Батулин.

Предметом обсуждения служит вопрос о пушном промысле в Камчатской области.

Заслушан подробный доклад комиссии о положении охоты и пушного промысла в Камчатской области. После обмена мнений по данному вопросу принята съездом следующая резолюция:

«Съезд по всестороннему и подробному обсуждению вопроса о положении охоты констатирует упадок этой одной из важнейших отраслей народного труда в Камчатской области. Особенно заметно сокращение пушного промысла. Причины упадка промысла кроются в безхозяйственном и безрасчётливом пользовании промысловыми зверями, в увеличении числа охотящихся, в несоблюдении сроков, которыми определяется нормальная охота, и в употреблении вредных средств и орудий промысла.

Принимая во внимание такое положение охоты и пушного промысла в области, съезд полагает в целях сохранения и увеличения промысловых зверей принять ряд следующих мероприятий запретительного и ограничительного характера:

I. Безусловно не допускается заселение промысловых территорий. Заселение новых местностей допускается лишь под контролем общественных властей.

II. Устанавливаются следующие сроки охоты на промысловых зверей:

A. Охота на соболя повсеместно в области производится с 15 октября по 15 февраля.

Примечание 1. В целях контроля волостные общественные управления выдают охотникам, уходящим на соболиный промысел, билеты установленного образца на право производства промысла.

Примечание 2. Выезд на соболиный промысел регулируется самими волостями, причём выдача билетов на право охоты должна производиться каждой отдельной волостью, и не ранее как с 1 октября.

Примечание 3. Все охотники должны возвращаться в свои селения не позже 20 февраля.

Примечание 4. Сельскими и волостными общественными властями регистрируется и контролируется добыча соболя, для какой цели охотники обязаны предъявлять им добытых соболей. На предъявленных соболях ставится штемпель волости.

Б. На прочих промысловых зверей сроки охоты устанавливаются волостными управлениями сообразно местным условиям и хозяйственным потребностям.

3. Орудиями лова могут служить лишь следующие:

А. Добыча соболя производится ружьём, собакой и сеткой (обмётом).

Примечание 1. Как исключение допускается на промысле употребление капканов в ограниченном количестве, с ведома и под контролем волостных общественных волостей (так в тексте. — *Ред.*).

Примечание 2. Количество капканов, употребляемых отдельным охотником, не должно превышать пяти.

Б. Безусловно воспрещается употребление на соболином промысле кулёмок, петель, плашек и подобного рода самоловных аппаратов.

Примечание 1. Употребление самоловных приборов допускается лишь при добывании лисиц, песцов, выдр, росомех, волков, горностаев и тарбаганов.

Примечание 2. Все прочие звери, как-то: медведь, баран, олень и другие — добываются ружьём.

Недопустимо употребление на всяком промысле ядов — стрихнина и других.

В целях поднятия охоты промыслов должны быть проведены следующие мероприятия:

1. Определение охотничьих территорий.
2. Устройство заповедников, заказников, запусков и питомников.
3. Должны быть изданы лесоохранительные постановления центральных общественных властей.
4. По вопросам охоты должно быть организовано издание, приобретение и распространение популярной литературы.

III. В целях правильного сбыта и приобретения продуктов охоты желательно устройство:

1. Центрального справочного бюро цен на пушнину и продукты промысла.
2. Центрального склада по сбору пушнины.
3. Учреждения в области мелкого кредита.
4. Учреждения кооперативов по скупке и продаже пушнины.
5. Устройство общественных аукционов.

6. Организация центрального и поместных общественных складов по приобретению предметов и припасов охотничьего снаряжения.

IV. В целях получения населением большей выгоды от сбываемых пушных продуктов необходимо в области организовать постановку скорняжного дела. Осуществление такой общей цели должно быть начато с организации центральной скорняжной мастерской с практической подготовкой инструкторов скорняжного дела.

V. В целях сбережения соболя как одного из самых ценных представителей пушных зверей необходимо выделить одну из промысловых территорий, обитаемых сободем, под заповедник.

Наиболее соответствующей этому назначению является “Кроноцкая” местность, каковая ныне же объявляется заповедною. Границы заповедника должны быть установлены по обследованию их экспедицией Министерства земледелия по соглашению с представителями волостей Завойкинской, Нижнекамчатской, Ключевской и Мильковской при участии представителей областной общественной власти. Занятый участок под заповедник объявляется всенародным достоянием и охраняется законами государства. Организация и оборудование его охраны производится центральной общественною властью чрез соответствующия государственныя учреждения. При заповеднике учреждается опытный питомник под руководством учёных учреждений и лиц с научною подготовкою. На территории заповедника воспрещается всякая охота, за исключением хозяйского отстрела управлением заповедника зверей и птиц, кроме соболя. Желательно устройство заповедника и в местности речек “Трёх Сестёр” и “Желтовской”.

VI. С тою же целью сохранения соболя вводятся повсеместныя запуски на него через два года в третий. Первым очередным запуском считать промысловый сезон 1919—1920 гг.

VII. Вводятся запуски также и на выдру со следующим расчётом: в те годы, когда производится охота на соболя, вводится запуск на выдру. Промысел выдры производится в запуски на соболя. Первый очередной запуск на выдру считать с настоящего года.

VIII. В целях сохранения и поднятия песцового и лисьяго промысла желательно устройство на Камчатке образцовых опытных питомников.

IX. Волостныя управления с ведома и утверждения областной общественной власти издают обязательныя постановления по урегулированию охотничьих промыслов в полосе отдельной волости.

Х. Право охоты населению принадлежит повсеместно в пределах области. Осуществление этого права регулируется и уравнивается соглашением между собою отдельных волостных съездов и управлений.

Возникающие на этой почве споры разрешаются представителями заинтересованных сторон при участии центральной общественной власти. Сторона, оставшаяся недовольной решением, апеллирует к очередному областному съезду.

XI. Ввиду учреждения в местности “Кроноцкой” заповедника, не допускается заселение местностей, прилегающих к ней. Что же касается тех поселений, которые там образовались до 1 января 1917 г., то принять меры к очищению таковых, сообразуясь с законностью населения. Материальная помощь оказывается тем из выселяемых, которые заселились до 1-го января 1917 г.».

При постатейном голосовании все положения и резолюции съездом принимаются единогласно, за исключением параграфа 3-го части II-ой, каковой пункт принимается большинством голов при двух воздержавшихся.

Заслушаны пожелания делегатов Командорских островов об улучшении котикового, песцового и бобрового промыслов на островах, принятии мер к увеличению этих драгоценных пушных зверей.

Съездом все предлагаемые пожелания к урегулированию и рациональной постановке пушного дела на Командорских островах принимаются при условии, если осуществление всех намеченных мероприятий будет стоять в соответствии с задачами государственной охраны морских промыслов островов.

Меры эти должны свестись к следующему:

1. Усилить бдительность морской охраны. Судно, предназначенное для этой цели, должно быть в наших водах ко времени прихода котиков к лежбицам и их ухода, то есть с 1 апреля по 15 октября.

2. Для охраны побережья от хищников, высаживающихся на берег, необходимо завести на острове Беринга моторную шлюпку, а на острове Медном — небольшой паровой катер.

3. Для усиления охраны лежбиц принять следующие меры:

А. Воспретить топить дома, юрты и разводить какой-либо огонь, производящий дым в пределах лежбиц при ветре, дующем непосредственно на лёжки котов или вблизи их.

Б. Запретить стоянку пароходов против лежбиц, когда ветер дует с моря.

В. Запретить курение табаку и плевание лемешины (жевательного табаку) на лежбищах.

Г. Запретить всякую стрельбу на лежбищах и вокруг них на расстоянии пяти вёрст. Вылазящих сивучей не стрелять среди котиков, а убивать дригалкой или, если будет на то возможность, брать их в отгон и пристреливать вдали от лежбищ.

Д. Воспретить окраску домов по время лёжки зверя и разрешить её проводить лишь тогда, когда зверь покинет лёжки.

Е. Запретить окраску камней непосредственно на лежбищах.

Ж. Чистку лежбищ производить не слишком часто, сообразуясь с направлением ветра, выбирая время, когда большинство зверя на воде.

З. Запретить без нужды ходить на лежбища.

И. Наблюдения над зверем делать со стороны и удобного места, сообразуясь с ветром и, по возможности, не беспокоя его.

К. Воспретить ходить по лежбищам в сапогах, а также не позволять ездить на нартах по лёжкам с 1 апреля по день отплытия котиков.

Л. Воспретить обрезку усов, ушей котикам, равным образом накладывать на них клеймо.

М. На острове Беринга держать охранную шлюбку подальше от лежбищ, а именно в Малой Ракушечной бухте.

Н. В числе охранной команды на лежбищах должен быть один опытный промышленник по выбору общества.

О. Поголовный отгон для подсчёта котиков производить не более одного раза в год.

4. Желательно, чтобы стражники Министерства земледелия и государственных имуществ были бы из местных жителей.

5. Промысел бобров дригалкой запретить навсегда.

6. Количество песцов, подлежащих убою, должно назначаться сообразуясь с их размножением.

7. Время промысла и назначение количества котиков, песцов и бобров, подлежащих убою, должно определяться общим согласием общества, совместно со зрителем пушных и рыбных промыслов на Командорских островах.

8. Всю упромышленную пушнину — котиков, песцов и бобров — продавать по рыночной цене.

9. Не допускать на острова промышленников рыбы.

Примечание. Можно допустить продажу на острове Медном судачков, а на острове Беринга красной рыбы только лишь от жителей.

Все пожелания делегатов Командорских островов открытой баллотировкой по каждому пункту принимаются единогласно, за исключением: пункт 1-й принимается большинством при двух воздержавшихся, параграф “Л” пункта 3-го — большинством при двух воздержавшихся, пункт 4-й — большинством при трёх воздержавшихся.

Протокол заседания 29 июля (дневное и вечернее). Председатель Лавров, секретари Леонтьев, Столяров и Голованов. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Пименова, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, областной комиссар Емельянов и от Дранкинской волости гр. Гук.

Вне очереди заслушана телеграмма из Охотска следующего содержания: «356. Резолюции нет. Сезон проходит. Покупке хлеба денег нет. Морские шторма неопытных мешают заработку. Охотск 124 мешан, казаков 142, запаса ратников 121 приписанных, итого 387 средних возрастов плюс 52 чиновников, руководимые из последних лишают 306 якутов, несколько тысяч тунгусов голоса земельных прав и продовольствия. Просим неотложного распоряжения речного отвода не морского и принятия наших представителей Охотский комитет. Просим редакцию: какая мера принята властями за защиту тысячных инородцев, какая преимущества охотчан пред инородцами. Адрес Волкову. *Копьев*».

После обмена мнений по содержанию настоящей телеграммы съезд единогласно постановил: «Дать авторитетные указания Охотскому комитету, что он обязан принять представителя от инородческого населения в свою среду. Запросить: посланы ли представители в областной комитет от инородческого населения, если нет, то сообщить им о желательности присылки представителя от них в областной комитет. Сообщить Охотскому комитету, что инородцы Охотского уезда имеют право пользоваться речными участками на равных условиях с местным населением. Поручить президиуму ответить по телеграфу».

Протокол заседания 31 июля (дневное и вечернее). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Михрякова, Пименова и Столярова, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский и областной комиссар Емельянов.

Предметом обсуждения служит вопрос о путях сообщения в Камчатской области.

После всестороннего обсуждения по данному вопросу единогласно съездом принимается резолюция, предложенная председателем Лавровым:

«Принимая во внимание, что в отношении путей сообщения Камчатская область является одной из самых отсталых местностей, в то же время пути сообщения являются одним из главных факторов развития края в культурно-хозяйственном и промышленном отношениях и способствуют правильному заселению и расселению населения, съезд в деле дорожного строительства в области признаёт необходимым вынести решение о проведении центральной дорожной сети, и в первую очередь ставить целью постройку грунтовой колёсной дороги от г. Петропавловска до паровой пристани на реке Камчатке, соединив эту центральную линию грунтовой же дорогой с западным берегом по направлению к селениям Большерецк — Мономахово — Тигиль — Палана. Устройство грунтовых дорог должно вестись центральной общественной властью области чрез соответствующие государственные учреждения.

Признавая первенствующее значение за внутренними водными путями сообщения, съезд находит необходимым поставить на очередь исследование внутренних водных путей сообщения и в первую очередь приступить к расчистке русла реки Камчатки и организовать по ней общественное судоходство.

В целях более полного и правильного обслуживания населения, расположенного по морскому побережью, должно быть установлено правильное расписание рейсов морских пароходов, находящихся в распоряжении Камчатской областной администрации. Расписание должно быть составлено с таким расчётом, чтобы стоянки пароходов в населённых пунктах побережья приурочивались к тому времени, когда туда заходят пароходы Добровольного флота.

Безотлагательно надлежит озаботиться организацией морского парового сообщения между Чукотско-Анадырским краем и Петропавловском, а также учредить особые рейсы между населёнными прибрежными пунктами этого края».

Заслушана телеграмма от краевого комиссара Русанова о командировании на краевой съезд в г. Хабаровск, на котором будут рассматриваться задачи Приамурского края ближайшего момента.

После обмена мнений постановлено: «Послать на краевое совещание в г. Хабаровск четырёх делегатов от Камчатской области, а именно: двух от камчатского областного съезда, одного от областного комитета и одного от г. Петропавловска».

Из намеченных кандидатов закрытой баллотировкой избранными оказались: 1. От областного комитета — Добровольский, избран единогласно; 2. От краевого съезда — Лавров, большинством 32 против одного, и Ворошилов, большинством 27 голосов против трёх воздержавшихся. Что же касается выбора делегата от г. Петропавловска, то таковой должен быть избран гражданами города на общем собрании.

Протокол заседания 1 августа (дневное и вечернее). Председатель Лавров, секретари Столяров, Леонтьев и Голованов. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Пименова, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, областной комиссар Емельянов, временно исполняющий обязанности инспектора народных училищ Яхонтов, представители корпораций учителей Камчатской области.

Предметом обсуждения служит вопрос о народном образовании в Камчатской области.

После продолжительных прений и обмена мнений постановлено: «Съезд, выслушав подробныя прения по вопросу о положении народного образования в Камчатской области, констатирует, что народное образование в области, будучи заключено в нездоровыя условия общественного развития, не в состоянии было полно и всесторонне выполнять свою миссию.

Ненормальное положение народного образования в Камчатской области есть следствие общих причин, обуславливавших строе и развитие русской общественности при старом государственном строе. Прежде всего, ненормальность положения народного образования заключалась в дроблении народной школы на две категории: министерския и церковноприходския. Причём школа нередко являлась орудием пропаганды религиозных учений и политических целей. Но помимо этих общих причин народное образование много терпело и от недостаточнаго обезпечения его учительским персоналом и средствами обучения, главным образом от неправильнаго распределения сети школ.

Приступая к выработке новых форм общественного строительства в области, съезд в деле народного образования находит желательным провести следующие мероприятия общаго и частнаго порядка:

I. Низшая народная школа должна быть единой, с одинаковой программой, преследующей цели привития подрастающему поколению общепользных знаний и воспитания в нём чувств и достоинства свободнаго гражданина. Единый тип низшей народной школы с четырёхлетним курсом.

А. Школа должна быть свободной от религии. Что же касается воспитания в молодом поколении религиозных чувств, то это дело церкви.

Б. Народная низшая школа должна стоять вне политических и религиозных влияний.

В. Начальное народное образование должно быть всеобщим, обязательным и бесплатным.

Г. Народная школа является общественным достоянием и находится в ведении центральных общественных управлений, для какой цели должен быть учреждён особый совет по делам народного образования области.

Д. Центральная общественная власть осуществляет на местах свой контроль чрез общественную инспекцию.

Е. Инспектор школы есть лицо, избираемое из среды учителей на областном учительском съезде.

Ж. Внутренний распорядок школ создаётся корпорацией учителей.

З. Должен быть создан правильный план школьной сети в области.

II. Школа достигнет своего назначения только тогда, когда она будет достаточно обеспечена всем необходимым, и прежде всего самой помещением школы должно соответствовать своей цели.

А. Нормальный тип школьных зданий.

Б. Достаточный комплект при школе учебников и учебных пособий.

В. Достаточное обеспечение школы ученическими принадлежностями и наглядными пособиями.

Г. Учреждение областной школьной санитарно-гигиенической инспекции.

III. Нормальное развитие народного образования стоит в большой зависимости от продуктивности учительского труда.

А. Определение на учительские должности должно соотносываться с профессиональной подготовленностью лиц, желающих занять эти должности.

Б. Труд учителя — общественно полезный труд — должен быть достаточно оплачиваем для того, чтобы учитель не отвлекался от своего труда в сторону для добывания себе средств к существованию.

В. Сменяемость учителя возможна только по суду и по приговорам общества, рассмотренных и утверждённых центральной областной властью.

Г. Связь школы с семьёй создаётся через учреждение родительского комитета».

Открытой баллотировкой при голосовании каждого пункта в отдельности съездом единогласно принята означенная резолюция, за исключением: пункта I-го, параграфы В, Ж, пункта III-го, параграф Б — большинством голосов при одном воздержавшемся, пункта I-го, параграф З — при двух воздержавшихся, пункт II-й, параграф Г — при трёх воздержавшихся, пункт III-й, параграф В — большинством голосов против двух и трёх воздержавшихся.

Протокол заседания 2 августа (дневное). Председатель Лавров, секретари Столяров, Леонтьев и Голованов. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Пименова, Хабарова, Михрякова и Артюхина. С правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, областной комиссар Емельянов и учителя министерских и церковноприходских школ Голубцов, Новиков, Павлов, Адамов, Кайдалова, Саловарин, Налётов, диакон-учитель Гришаков и священник-учитель Манаев.

Предметом обсуждения служит вопрос о народном образовании: внешкольное и среднее.

После обмена мнений по данному вопросу съездом единогласно принята следующая резолюция:

«1. Придавая большое значение внешкольному образованию, как важнейшему фактору в деле привития населению общественно полезных знаний, необходимо стремиться к проведению в жизнь следующих мероприятий:

А. Устройство общественных библиотек-читален, передвижных библиотек.

Б. Устройство чтений и курсов, иллюстрируемых туманными картинами и кинематографами.

В. Организация разъездных лекторов, выставок и передвижных музеев.

Г. Организация воскресных школ для взрослых.

Д. Организация издательства популярной литературы по всем предметам народного хозяйства и вопросам общественно-политическим.

Е. Организация центрального книжного склада и его отделений.

Ж. Организация экскурсий.

2. Сознвая, что в Камчатской области уже давно созрела нужда в создании средней школы, съезд находит нужным теперь же возбудить вопрос об открытии в г. Петропавловске средняго политехнического училища и учительской семинарии смешанного типа.

Текущие вопросы и требования по школьному делу передать на рассмотрение и осуществление областному комитету, для какой цели он должен образовать совещания с представителями учительской корпорации и инспекции».

Протокол заседания 3 августа (дневное). Председатель Лавров, секретари Леонтьев и Голованов. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Артюхина, Пименова, Михрякова, Рязанцева, Попова, Рыжука, Ткаченко, Кияшко, Хабарова и Столярова. С правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, областной комиссар Емельянов, начальник почтово-телеграфной конторы Королевич и врачебный инспектор Рубецкий.

Предметом обсуждения служит вопрос о правильной постановке медицинского дела в Камчатской области.

После подробного доклада врачебного инспектора Рубецкого по данному вопросу съездом принята единогласно следующая резолюция:

«Полное пренебрежение и забвение к нуждам и интересам населения Камчатки правивших сфер прежнего государственного правопорядка довели его почти до полного и культурного упадка. Те жизненные социально-экономические условия, в которых живёт население Камчатской области, крайне тяжелы и мрачны. Самые ужасные санитарные условия жилищ, недостаточное и плохое питание, тяжёлый и нездоровый труд рыбака-зверолова не могли не отразиться на здоровье камчадалов и вместе со злоупотреблением алкоголем и развитием сифилиса привели это население к грани вымиравшего народа. Такое мрачное положение народного здоровья на Камчатке ещё усугубляется почти полным отсутствием врачебно-медицинской помощи.

Имея в виду вышеизложенные положения, подробно и всесторонне обрисованные в речах ораторов, съезд пришёл к следующему решению.

Чтобы спасти население Камчатской области от ужасов постепенного и мучительного, сопровождаемого хроническими болезнями вымирания, необходимо наряду с мероприятиями, направленными к улучшению социально-экономической обстановки его общежития, принять экстренные, решительные меры к оборудованию всесторонней, полной и повсеместной медицинской помощи населению.

Съезд ставит неперемнной задачей будущей центральной общественной власти в области создать план правильной сети

врачебных пунктов с таким расчётом, чтобы их расположение находилось в полном соответствии с запросами населения в медицинской помощи. Для осуществления каковой цели центральная общественная областная власть должна войти в соответствующие центральные государственные учреждения с настойчивым и энергичным ходатайством об отпуске достаточных средств.

Ставя для себя целью достижение полного оборудования медицинской помощи населению, общественная областная власть должна в ближайшее будущее осуществить в деле оказания медицинской помощи населению области следующие мероприятия:

I. Преобразовать Петропавловскую больницу по типу уездной земской больницы.

II. а) открыть вновь врачебные пункты с больницами на пять коек и штатом: один врач, один фельдшер, одна фельдшерица-акушерка в следующих селениях: Ключевском, Большерецком, Мономаховском и Тигиле, б) открыть вновь фельдшерские пункты со штатом: один фельдшер и одна фельдшерица-акушерка в селении: Мильково — фельдшер, Усть-Камчатском, Паланской и Дранкинской волости.

III. С открытием означенных пунктов сеть врачебных и фельдшерских пунктов в Камчатской области выразится: а) врачебные пункты: Анадырский, Охотский, Гижигинский, Командорский, Петропавловский, Ключевской, Большерецкий, Мономаховский и Тигильский, б) фельдшерские пункты: Мильковский, Усть-Камчатский, Дранкинский, Паланский, Охотский, Ямский, Ольский, Гижигинский, Барона-Корфский, Марковский, Ново-Мариинский и Чукотский.

IV. Устройство и оборудование медицинских пунктов должно производиться по строго выработанному плану с непременно достижением цели — постройки зданий больниц, приёмных покоев и других построек нормального типа и достаточной обеспеченности их персоналом и средствами.

V. Установить оплату труда медицинского персонала в таком размере, чтобы она действительно обеспечивала полное удовлетворение материальных и культурных запросов и потребностей лиц медицинского персонала, имея в виду, что только при полной оплате труда медицинского персонала область в своей суровой естественной обстановке может иметь хороших врачей и соответствующих лиц низшего медицинского персонала.

VI. В целях осуществления означенной задачи общественная областная власть должна организовать совместно с медицинской

инспекцией особую комиссию, которой и поручить разработку плана и составление сметы.

VII. Все текущие требования и запросы медицинской помощи передать в областной комитет на предмет удовлетворения и разрешения их.

Протокол заседания 3 августа (вечернее). Председатель Лавров, секретари Столяров и Голованов. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Пименова, Ткаченко, Хабарова, Ладыгина, Кияшко, Леонтьева, Григорьева, Рыжука, Артюхина, Рязанцева, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, областной комиссар Емельянов, начальник почтово-телеграфной конторы Королевич и врачебный инспектор Рубецкий.

Предметом обсуждения служит вопрос об устройстве почтово-телеграфных отделений и радиотелеграфных станций в Камчатской области.

После обмена мнений по данному вопросу постановлено: «Поручить президиуму съезда выработать текст резолюции по почтово-телеграфному делу в Камчатской области».

Заслушано заявление делегатов от Завойкинской волости — Рязанцева, от Нижнекамчатской волости — Расторгуева и Попова, от Ключевской — Васильева и Чудинова о том, что они по сложившимся обстоятельствам не могут дальше присутствовать на заседаниях съезда, так как им необходимо ехать к месту своего жительства.

Постановлено: заявления означенных лиц принять к сведению и считать их выбывшими из числа делегатов съезда.

Протокол заседания 4 августа (дневное). Председатель Лавров, секретари Столяров, Леонтьев и Голованов. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Артюхина, Филаретова, Рязанцева, Рыжука, Васильева, Чудинова, Попова, Расторгуева, Пименова, Михрякова и Соболевкова, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский.

Предметом обсуждения служит вопрос об устройстве почтово-телеграфных учреждений и радиотелеграфных станций в Камчатской области.

После обмена мнений по данному вопросу единогласно принята резолюция, составленная президиумом съезда:

«Признавая, что одним из важнейших факторов развития производительных сил страны, поднятия ее культуры является правильно организованное общение и сношение населённых пунктов

между собою, съезд находит: Камчатская область в этом отношении является одной из самых отсталых местностей. В то же время область эта является местностью с громадным запасом естественных богатств, находящихся на материке, и с большим морским рыбопромышленным делом.

Имея в виду это и учитывая действительную неотложную потребность в создании более правильного общения между собою населённых пунктов Камчатской области, ныне в большинстве разобщённых и оторванных, что крайне тяжело отражается как на рыбопромышленности, торговле и прочих видах промышленности области, так и на культурных интересах населения, съезд высказывается за немедленное расширение и улучшение организации почтово-телеграфных и телефонных сообщений. Скорая и дешёвая пересылка и быстрая доставка почтовой и телеграфной корреспонденции имеет первенствующее значение и сознаётся населением неотложною задачею в развитии нашего края.

В деле расширения и улучшения почтово-телеграфных и телефонных сношений в Камчатской области съезд полагает, исходя уже из начатых работ в этом деле, осуществить организацию сети почтово-телеграфных сношений в следующем виде:

I. Центральные линии почтово-телеграфных сношений:

1. Петропавловск — Тигиль. Почтово-телеграфные учреждения на этом направлении: Петропавловск, Начики, Апача, Усть-Большерецк, Коль, Мономахово, Облуковино, Сопочная, Хайрюзово, Утхолок, Усть-Тигиль и Тигиль. От этой центральной линии учредить ветки по берегу моря с открытием там летних почтово-телеграфных учреждений с полными операциями от пунктов Большерецк, Коль, Мономахово, Облуковино, Хайрюзово.

2. Петропавловск — Ключи с веткой на Усть-Камчатск, почтово-телеграфные учреждения в Мильково, Толбачик, Ключевское и Усть-Камчатск.

3. Соединить Наяхон радиотелеграфною связью с Гижигоею и открыть в Гижиге почтово-телеграфное учреждение с полными операциями.

II. В радиотелеграфном сношении провести следующие мероприятия:

1. Усилить мощность радиостанций Петропавловска, Наяхона и Анадыря.

2. Открыть радиостанции в селении Марково, на Чукотском полуострове, на островах Беринга и Медном, в селении Усть-Камчатск, Ключевском, Караге, Палане и Озерной на западном берегу.

3. Из них в первую очередь открыть в Усть-Камчатске, о. Медном, Гижиге и на Чукотском полуострове.

III. Открыть в ближайшее время почтово-телеграфные учреждения в селениях Мильково, Толбачик; почтовые отделения в Ключах и при радиостанции в Усть-Камчатске.

IV. Соединить телефоном селение Паратунку с Петропавловском.

V. Открыть в ближайшее время при почтово-телеграфных учреждениях в Большерецке, Мономахово, Тигиле и Хайрюзово постоянные почтовые переводные денежные операции, снабдив для этого означенные учреждения денежною наличностью.

VI. Организовать при высшем начальном училище в городе Петропавловске курсы почтово-телеграфного и радиотелеграфного дела для подготовки служащих почтово-телеграфных учреждений из местного населения.

Имея в виду, что в нынешнем году не предвидится приступить к осуществлению намеченного плана сети почтовых учреждений, и принимая во внимание, что оставить население без почтового сообщения явилось бы большим лишением, съезд постановил: в нынешнюю зиму производить развозку почты на каюрных подводах с платою 25 коп. с версты и нарты, ограничив вес клади пятью пудами на две нарты; пропустить две почты Петропавловск — Тигиль и обратно и почта Охотск — Гижига — Анадырь и обратно, две почты Петропавловск — долина реки Камчатки и обратно».

Протокол заседания 4 августа (вечернее). Председатель Лавров, секретари Столяров, Голованов и Леонтьев. Присутствовали делегаты съезда, за исключением Расторгуева, Попова, Пименова, Васильева, Чудинова, Рязанцева, Рыжука, Ткаченко, Кияшко, Хабарова, Григорьева, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, областной комиссар Емельянов, горный инженер Оводенко, штейгер Воротников и представитель от Дранкинской волости Гук.

Предметом обсуждения служит вопрос о горных богатствах Камчатской области.

После продолжительных прений и обмена мнений по данному вопросу принята следующая резолюция, предложенная С. Д. Оводенко и К. П. Лавровым:

«Камчатская область в числе естественных богатств в недрах своих таит громадные горные богатства. До настоящего времени эти богатства остаются и для государства, и для населения области неиспользуемым достоянием. Политика старого правительства в этом направлении ничего положительного не дала и лишь

убивала проявление инициативы и энергии лиц, стремившихся к вскрытию горных богатств и к их правильному и полному общественному использованию. Вскрыть и превратить в общественное достояние горные богатства области, съезд полагает, может только свободное проявление той инициативы, народной энергии и культурных приёмов в деле развития производительных сил страны, которые постепенно и приведут нашу отсталую область к экономическому разцвету и откроют государству один из источников дохода.

В целях достижения желаемых результатов в деле развития горнопромышленности в области съезд полагает нужным провести следующие мероприятия:

I. Скорейшее открытие для частных горного, нефтяного и золотого промыслов для русских граждан: а) стовёрстной береговой полосы Камчатской области, б) стовёрстной береговой полосы Чукотского полуострова и в) земель бывшей концессии Балинского.

II. Совершенно запретить производство горного, нефтяного и золотого промыслов в районе: а) мыса Лопатка — радиус южной оконечности — 50 вёрст, б) на Командорских островах, в) в районе Кроноцкого заповедника и г) острова Карагинского.

III. Совершенно не допускать граждан и подданных иностранных держав к занятию горными и золотыми промыслами в Анадырско-Чукотском крае — в пределах существующих Анадырского-Чукотского уездов.

IV. Для граждан и подданных иностранных государств разрешения на занятия горным, нефтяным и золотым промыслами в Камчатской области, за исключением Анадырско-Чукотского края, выдаются камчатской центральной общественной властью; таковыя разрешения вступают в силу после утверждения их правительством.

V. Воспрещается в Камчатской области выдача горных концессий.

VI. Возбудить ходатайство о ликвидации исключительных прав, полученных некоторыми горнопромышленниками на Чукотском полуострове.

VII. Ходатайствовать об издании облегчённых правил для мелкой золотопромышленности.

Всякий золотопромышленник, участвующий личным трудом в деле, имеет право занять для разведок и разработки одну площадь до десяти десятин, избранную им лично, без уплаты каких-либо налогов и без производства отвода, ограничиваясь заявкою площади местному горному инженеру. Причём добываемое золо-

то должно быть записываемо в шнуровую тетрадь, представляемую окружному инженеру.

VIII. В остальном производство золотого промысла Камчатской области подчиняется правилам устава горного.

IX. Ходатайствовать об отмене ст. 591 Уложения о наказаниях по отношению к свободным для золотого промысла казённым землям Камчатской области.

X. Центральная общественная власть Камчатской области совместно с местным горным надзором устанавливает правила о применении устава горного к местным условиям.

XI. Ходатайствовать об организации скупки золота казною в тех пунктах области, где развивается частная золотопромышленность.

XII. Желательно организовать общественные склады предметов продовольствия, одежды и орудий, необходимых в золотопромышленном деле, в тех пунктах, где будет развиваться частная золотопромышленности.

XIII. Ходатайствовать о скорейшем выделении Камчатской области в отдельный горный округ.

XIV. Желательно командировать на Чукотский полуостров и в другие районы области, представляющие интерес в горном отношении, экспедиции для изучения местности в горнопромышленном отношении.

XV. В целях снабжения углём местного населения, рыбных промыслов и пароходов, совершающих рейсы у берегов Камчатской области, ходатайствовать пред Временным правительством об отпуске средств для разведок месторождения каменного угля в бухте Барона Корфа и других местах, наиболее удобных для эксплуатации.

В целях распространения знаний по горнопромышленному делу в области съезд считает необходимым ввести в проектируемом в Камчатской области средне-политехническом учебном заведении горный отдел».

Протокол заседания 5 августа (дневное). Председатель Лавров, секретари Столяров, Голованов и Леонтьев. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Пименова, Рыжука, Ткаченко, Кияшко, Хабарова, Васильева, Чудинова, Добровольского, Филаретова, Попова, Расторгуева, Григорьева, Ладыгина, Рязанцева, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, горный инженер Оводенко, представитель Дранкинской волости Гук.

Предметом обсуждения служит вопрос об эксплуатации лесных богатств в Камчатской области.

После обмена мнений принята единогласно резолюция, выработанная президиумом съезда:

«Одним из естественных достояний Камчатской области является лес. В то же время Камчатская область большую часть внутренней хозяйственной своей потребности в лесе принуждена покрывать дорого стоящим привозным лесом.

С точки зрения экономических интересов данной местности такое явление крайне ненормально. Ненормальность положения прежде всего вытекает из неумения пользоваться лесом самим населением, которое не в состоянии самостоятельно вырабатывать из леса поделочный продукт и выделывать из него предметы хозяйственного значения и домашнего обихода. Однако наряду с этим мы наблюдаем большую безхозяйственную и безрасчётливую трату леса, которая наряду с естественной гибелью его ведёт лесной запас Камчатки к истощению.

Имея это в виду, съезд, по всестороннем обсуждении вопроса о лесе Камчатской области, пришёл к следующему решению:

I. В целях выяснения действительного запаса леса в Камчатской области произвести лесообследование специальной лесоустроительной партией и сделать учёт леса, предполагаемого к эксплуатации.

II. По проведении этой предварительной меры в лесном хозяйстве открыть эксплуатацию леса Камчатской области для хозяйственных потребностей внутри области.

III. В целях сбережения и охранения леса и промысловых зверей поставить непременно условием производить вырубку леса лишь в таких местах, кои будут включены в эксплуатационные участки, с соблюдением всех как общих государственных лесоохранительных законов, так и правил лесной центральной общественной власти, направленных к урегулированию лесного хозяйства области.

IV. В тех же целях, что имеет в виду и предыдущая статья настоящей резолюции, безусловно недопустим вывоз леса из пределов области как на граничные рынки, так и на рынки внутреннего лесного потребления страны. Настоящая мера диктуется соображением чисто местного значения и вытекает из следующего положения: запас леса в Камчатской области весьма ограничен, и только при строго расчётливом ведении лесного хозяйства область может рассчитывать на покрытие своих внутренних потребностей в лесе.

V. С тою же целью — сбережения и экономии лесного запаса, вызываемой необходимостью считаться с ограниченностью его, с одной стороны, и с другой — замечаемой безрасчётливой тратой леса на топливо и получение коры для кровлей зданий, принять меры к устранению замечаемого явления, для каковой цели областная общественная власть должна разработать этот вопрос совместно с представителями заинтересованных волостей и издать обязательныя постановления для тех местностей, где особенно заметен наносимый ущерб лесному запасу.

VI. В целях правильного, более полного и всестороннего удовлетворения населения области в поделочном и строительном лесном материале желательно в непродолжительном времени открытие в области лесопильных заводов малой лесопильной мощности, с таким расчётом, чтобы заводы находились в местностях, из которых было бы возможно получение леса в большее число населённых пунктов, и прежде всего в г. Петропавловске, где должен быть образован центральный лесной склад.

VII. Учитывая полное отсутствие у населения ремёсел, связанных с лесом, и в особенности таких, которые имеют громадное значение как в рыбном деле, так и в хозяйственном домашнем обиходе, — бондарное и плотнично-столярное, а также лесных промыслов, исключая охоты, как-то: смолокурения, гонки дёгтя и других, необходимо теперь же обратить хозяйственное внимание на это явление и принять меры к организации профессионального обучения населения в отмечаемом направлении чрез устройство образцовых мастерских и курсов профессионально-ремесленного значения при высших начальных училищах.

Протокол заседания 7 августа (вечернее). Председатель Лавров, секретари Столяров, Голованов и Леонтьев. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Пименова, Рыжука, Васильева, Чудинова, Добровольскаго, Филаретова, Рязанцева, Ворошилова и Михрякова, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, областной комиссар Емельянов.

Предметом обсуждения служит вопрос о переселении в Камчатскую область.

После продолжительных прений и обмена мнений съезд пришёл к следующему решению:

«Считать Камчатскую область для заселения открытой. В то же время в деле заселения области съезд находит необходимым провести следующие мероприятия:

1. Заселение области пришлым элементом должно регулироваться центральной общественной властью.

2. Каждая волость внутри своей землепользовательной полосы следит за правильным расселением вновь поселяющихся и для этой цели указывает места поселения.

3. Не допускается заселение охотничьих территорий, заповедных мест, Командорских островов и острова Карагинского».

Резолюция принята единогласно.

Заслушан доклад председателя областной продовольственной управы о положении продовольственного дела на Камчатке.

После обмена мнений принята единогласно следующая резолюция: «Съезд, выслушав доклад председателя областного продовольственного комитета о положении и по проведению продовольственной помощи населению, нашёл деятельность областной продовольственной комиссии вполне удовлетворительной и высказывает своё пожелание и в дальнейшем продолжать свою деятельность с такой же энергией и продуктивностью на общее благо населения Камчатки».

Протокол заседания 8 августа (дневное). Председатель Лавров, секретари Столяров, Голованов и Леонтьев. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Алексина, Васильева, Чудинова, Рязанцева, Хабарова, Григорьева, Ткаченко, Кияшко, Расторгуева, Попова и Рыжука, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, областной комиссар Емельянов.

Ввиду дошедших до областного съезда сведений, что в Приморском крае распространяются тревожащие общественное мнение ложные слухи о положении общественных дел на Камчатке, съезд нашёл необходимым послать нижеследующаго содержания телеграмму:

«Владивосток. Совету рабочих и солдатских депутатов. Копия краевому комиссару Русанову. Копия Приморскому областному комитету. Копия Совету крестьянских депутатов.

Заседающий в Петропавловске первый областной съезд представителей населения области уведомляет вас, что представители старой полицейской власти от должностей устранены, частью призваны в войска, частью выехали. По отношению к оставшимся съезд принял решительныя меры устранения их влияния на ход общественной жизни в области вплоть до выселения из области, причём вынесено решение съезда о недопустимости занятия представителями старой полицейской власти общественных должнос-

тей. Съезд в течение двадцатидневных своих занятий разработал новые формы общественного управления области на самых широких демократических началах с действительным осуществлением народовластия, о введении в области земства и в городе Петропавловске городского самоуправления. Решения съезда сообщены правительству, городское самоуправление уже вводится по телеграмме правительства.

Съезд избрал нового областного комиссара и его помощника, кандидаты представлены на утверждение правительства. Областным комиссаром избран заведывающий статистико-экономическими исследованиями пушных промыслов в области, член партии социалистов-революционеров и активный работник в рядах этой партии с 1905 г., за что не раз отбывавший тюрьму и ссылку, Константин Прокопьевич Лавров. Помощник областного комиссара — бывший член Второй Государственной Думы социал-демократической фракции, отбывший за принадлежность к этой фракции каторжные работы, Иван Фёдорович Голованов.

Съезд организовал новый областной комитет из представителей всех волостей области. Председателем областного комитета избран председатель комитета прежнего состава товарищ Пурин. Съезд постановил реорганизовать областную канцелярию соответственно требованиям общественного управления. Съезд принял решение по всем вопросам общественного и экономического значения для области.

Делегаты съезда выезжают в г. Хабаровск на краевое совещание, вместе с ними едут делегаты от областного комитета и от г. Петропавловска. Обо всём делегаты области лично изложат Совету рабочих и военных депутатов и другим общественным организациям. Председатель съезда *Лавров*. Председатель областного комитета *Пурин*».

Далее заслушано предложение: послать телеграмму на имя Временного правительства с просьбой ускорить утверждение нового состава комиссариата Камчатской области.

Съезд постановил: послать телеграфную просьбу Временному правительству об ускорении утверждения в должностях выбранных съездом лиц — областного комиссара и его помощника.

После принятия этих двух решений открываются прения по переселенческому вопросу.

Во время прений по переселенческому вопросу поступило предложение выслушать вне очереди заявление гражданина Каширинова.

Председателем оглашается документ следующего содержания:

«Выписка из протокола № 65 заседания исполнительного комитета Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов 24 июля 1917 г. Председатель Михайлов, секретарь Илговская.

Слушали: 1. Доклад тов. Илговской о положении дела на Камчатке. Всё остаётся так, как было до переворота, свободы до сих пор ещё фактически нет, во главе стоят бывшие чиновники губернатора, которые, скрываясь от посылки в другие войска, отбывают свой военный долг в числе чинов жандармской команды, которая и держит в руках всю камчатскую жизнь, не давая реформировать её на новых началах свободы. До сих пор идут там полным темпом злоупотребления по службе. Делегат Камчатки просит, чтобы семь чиновников, которые теперь правят на Камчатке, были смены и заменены комиссарами.

Обращались к комиссару Русанову о назначении комиссаров, но ответил отказом, потому комитет безопасности Петропавловска просит ввиду своей полной беспомощности Совет рабочих и солдатских депутатов г. Владивостока принять меры и ввести новый строй. Кроме того, просит прислать людей, которые бы объяснили все события русской жизни после переворота 1-го марта.

Постановили: 1. Составить комиссию из представителей членов исполнительного комитета, судебной власти и административной, двух от Совета рабочих и солдатских депутатов, одного от Совета крестьянских депутатов, одного от областного комитета, одного от областного комиссара, одного от судебной власти.

2. Отозвать через Русанова следующих лиц: Ключкова (бывшего чиновника особых поручений при губернаторе), Ковальчука (тоже), Морозова (служащего по полиции), Леха (начальника уезда), Барыкина (чиновника областного правления), Кадышевского (прокурора), Дьяконова (доверенного Чурина), Пименова (помощника начальника уезда).

3. Отозвать через командующего войсками Камчатскую и Сахалинскую пешие жандармские команды, заменив их местными казаками.

4. Передать в Военную комиссию вопрос об отозвании призванных камчадалов, находящихся в Шкотове; этот вопрос необходимо выяснить к 30 июля, так как комиссия, вероятно, выедет 31 июля.

От исполнительного комитета избраны в комиссию товарищ Новицкий, причём Военной комиссии поручить избрать одного от военного крыла.

Подлинный подписали: председатель *Михайлов*, секретарь *Илговская*».

Прения открываются по существу оглашённого документа.

После подробного обмена мнений и выслушанных заявлений гр. Каширинова и разъяснений представителя краевого комиссара Русанова — А. А. Борисоглебского, областного комиссара Емельянова и председателя областного комитета Пурина съезд единогласно пришёл к заключению, что население области ни чрез съезд, или областной комитет, или другая какая-либо общественная организации области никому не давало полномочий делегата области на представительство и защиту интересов области в Совет рабочих и солдатских депутатов во Владивосток или в какая-либо другая революционные и общественные организации Приамурского края.

Что лицо, давшее сведения о Камчатской области от имени населения ея в исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов во Владивостоке, полномочий делегата области не имело и могло выступать в данной организации как частное лицо. В то же время из предъявленного съезду документа видно, что в исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов в г. Владивостоке давал сведения «делегат Камчатки». В этом съезде усматривает самозванство и узурпацию прав делегата населения.

Далее съезд усматривает, что лицо, давшее сведения о положении общественности и свободы в Камчатской области исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов г. Владивостока, ввело означенное учреждение своим тенденциозным освещением и сообщением ложных фактов в заблуждение.

Съезд это находит тем более печальным, что в лице таких учреждений, как Совет рабочих и солдатских депутатов, он видит верных, достойных и надёжных хранителей достояний Великой русской революции.

В то же время съезд по существу постановления исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов г. Владивостока не может не высказать следующее:

А. Съезд полагает, что каждая область имеет неотъемлемое право внутреннего самоопределения, и признаёт за населением Камчатской области, что только ему принадлежит право устройства своей общественной жизни внутри своей области, согласно его бытовым и хозяйственным интересам.

Б. Съезд полагает, что только органы общественной власти Камчатской области, созданные самим населением, могут внутри ея вести общественные дела и что этого права по отношению

в Камчатке лишены органы общественного управления других областей. Органы общественных управлений Камчатской области не стоят в подчинённом отношении к органам общественного управления других областей. Органы общественного управления Камчатской области могут быть контролируемы и учитываемы или центральными краевыми учреждениями, или центральными государственными учреждениями.

В. Съезд утверждает, что население Камчатской области в полном объёме пользуется гражданскими свободами и достаточно ясно представляет смысл и значения произошедшего государственного переворота и на пути свободного устроения своей общественной жизни и защиты своих жизненных интересов не встречает препятствий ни со стороны контрреволюционных сил, ни со стороны каких-либо других сил, которые мешали бы его свободному проявлению инициативы. Причём съезд констатирует, что в Камчатской области организованного или в форме отдельных выступлений контрреволюционного движения не было и нет, что же касается единоличных случаев контрреволюционных поступков отдельных лиц, то по отношению к ним и со стороны областного комитета, и со стороны съезда были приняты самые решительные меры, вплоть до высылки виновных лиц из области.

Съезд подтверждает своё решение, что руководство в делах общественной самодеятельности населения Камчатской области, впредь до введения земских учреждений, принадлежит всецело Камчатскому областному комитету, организованному из представителей всех волостей области, а на местах — волостным комитетам. Государственный надзор за закономерностью действий области осуществляется через областного комиссара и его помощника, избранных на съезде и утверждённых Временным правительством.

Г. Съезд указывает, что показателем гражданской и общественно-хозяйственной зрелости населения Камчатки является самый факт съезда представителей всего оседлого населения Камчатской области и его решения, касающиеся всех сторон общественной и хозяйственной жизни всей Камчатки.

Д. Съезд выражает своё негодование тем из граждан Камчатской области, которые своим односторонним и тенденциозным освещением общественности на Камчатке ввели в заблуждение исполком Совета рабочих и солдатских депутатов г. Владивостока и тем дали основание означенному исполкому вмешаться во внутренний ход общественной жизни нашей области и тем

самым умалить гражданское достоинство населения Камчатской области.

Далее съезд, выслушав подробныя прения о личности гражданина Каширинова и разъяснение представителя краевого комиссара Русанова — Борисоглебского, принимает единогласно следующую резолюцию:

«Съезд, выслушав подробныя прения делегатов съезда и заявления представителя краевого комиссара Русанова — Борисоглебского о действиях гражданина Каширинова и находя, что он своим освещением положения Камчатской области умышленно ввёл в заблуждение исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов г. Владивостока, что прежняя Каширинова деятельность как яркого выразителя идей Союза русского народа кроет в себе много преступного, и главное, что настоящая деятельность гражданина Каширинова проникнута всецело поступками анархического и контрреволюционного порядка, о чём свидетельствует целый ряд заявлений граждан, живущих с ним в одном крае, нашёл необходимым подвергнуть гражданина Каширинова через прокурора Петропавловского окружного суда личному аресту впредь до выяснения обстоятельств этого дела следственной комиссией».

Протокол заседания 8 августа (вечернее). Председатель Лавров, секретари Столяров, Голованов и Леонтьев. Присутствуют делегаты съезда, за исключением Филаретова, Васильева, Чудинова, Ворошилова, Рязанцева, Рыжука, Михрякова и Пименова, с правом совещательного голоса представитель краевого комиссара Русанова — Борисоглебский, областной комиссар Емельянов.

Предметом обсуждения служит инородческий вопрос.

После подробных и продолжительных прений съезд пришёл к следующему выводу.

Инородцы Камчатской области, как и вообще инородцы севера Сибири и России, находятся в крайне тяжёлых и уродливых жизненных условиях. Условия их социально-экономического развития и правового положения настолько ненормальны, что постепенно привели их в одних местностях к грани вымирающих народов, в других — к полному и прогрессирующему вымиранию. Ещё недавно было время, когда племена, населявшая Камчатскую область, были и многочисленны, и могущественны, ныне же мы встречаем лишь остатки их.

Такое состояние инородцев области требует энергичных и решительных мероприятий, направленных к всестороннему обследованию

инородческого положения и оказанию им материальной и всесторонне-культурной помощи сильною и щедрою рукою.

На особенное внимание со стороны государства инородцы имеют неотъемлемое право. До сих пор они находились на положении пасынков и данников России, и за ними признавалось лишь одно право, которое даётся сознанием, что дань нужно нести в одно место, что в обычное время их не будут преследовать и обирать с разных сторон.

При изменившихся условиях государственной жизни России центральная правительственная власть должна поставить в полном объёме инородческий вопрос и в разрешении его исходить из признания за инородцами всех гражданских прав и объединения их в социально-экономическом отношении со всем населением государства, причём при разрешении инородческого вопроса с особенною осторожностью нужно относиться к бытовым и национальным особенностям инородцев.

Наряду с выработкой общих государственных мероприятий правительственная власть должна ныне же предпринять меры к оказанию инородческому населению действительной помощи, как в отношении их материального обеспечения, так и в направлении поднятия их культурного уровня.

Причём съезд считает нужным особо отметить необходимость скорейшего обследования инородческого оленеводства в области с целью выяснения падежей и заболеваемости оленей и своевременного лечения, а также выяснения рациональных мер поддержания оленеводства:

1. Устройство показательного оленного хозяйства и питомника в подходящем районе.

2. Предварительное исследование острова Карагинского в смысле пригодности его для устройства питомника и показательного оленного хозяйства.

3. Снабжение безоленных инородцев оленями на ссудных основаниях, причём предварительно они должны проходить подготовительный курс практического оленеводства в показательном хозяйстве: а) при прохождении курса оленеводства ученики обучаются грамоте и начальной арифметике, б) на курсы могут поступать все желающие оленеводы, а не только безоленные.

4. Устройство лаборатории для изучения болезней и методов борьбы с ними.

В деле оказания помощи инородческому населению Камчатской области съезд находит необходимым обратиться к прави-

тельству с определённым, разработанным предложением для этой цели — ассигновать специальные средства в распоряжение областной власти. Кроме этих общих мероприятий съезд постановляет в целях устранения вредных и уродливых приёмов установление общественного контроля за торговлю в среде инородческого населения.

По отношению кочующих и бродячих инородцев Петропавловского уезда съезд считает необходимым провести следующее: а) уравнивать их в отношении пользования охотничьими территориями с остальным населением уезда, б) подчинить их тем же правилам ведения охотничьего хозяйства, какими регулируются, согласно решений съезда, вообще охотничьи промысла в уезде, в) установить определённый срок перекочёвок их в охотничьи территории, г) ввиду их тесного общения с остальным сельским населением в уезде стремиться к созданию условий перехода их из кочевого состояния к оседлому образу жизни.

Ввиду начавшагося разъезда делегатов, приехавших из отдалённых местностей области, занятия съезда закончились 8-го августа.

Вопросы, оставшиеся не рассмотренными на съезде, переносятся на обсуждение областного комитета совместно с невыехавшими делегатами съезда.

Речи, сказанные на открытии съезда

Речь председателя временного областного комитета
А. А. Пурина

Граждане народные представители! Открывая первый областной съезд народных представителей Камчатки, позвольте мне от лица временного областного комитета, граждан г. Петропавловска, всех уездов, волостей и сёл приветствовать вас, собравшихся здесь и спаянных единым желанием устроить судьбу народа в забытой Богом и людьми Камчатской области! В эти первые минуты свидания нашего вспомним, товарищи, тех, кто неуклонно и твёрдо вёл пролетариат, вместе с ним и весь народ русский к свободе и за лучшее будущее России погиб от козней и проделок мстительной власти самодержавия. Почтим их память вставанием. (Все встают.)

Сейчас, когда армия и народ слились в одном стремлении закрепить за собою завоёванную свободу, когда сотни тысяч лучших

людей государства Российского грудью отстаивают величие России, счастье и благополучие мирных граждан, разбросанных на огромной территории нашего отечества, когда решаются судьбы народа, мы, отрезанные от фронта, обязаны от лица всей Камчатки приветствовать доблесть Русской армии, пожелать ей успеха, помочь нашим братьям и оружием, и снарядами; ибо их сделать мы не можем, но поддержать её духовно и материально по мере наших сил и средств — это наше святое святых.

До тех пор, пока германския полчища не будут рассеяны, свобода России не обеспечена, поэтому-то крайне важно и необходимо, помимо внутренних вопросов, подумать о насущнейшем внепартийном вопросе, о народной армии, искалеченных солдатах и семьях призванных. Я предлагаю, граждане, телеграфно приветствовать солдата-министра Керенского и просить его передать наш привет в окопы братьям-солдатам. За славу и счастье народной армии, за новую свободу Руси. Ура! (Продолжительное «Ура!»)

Тот переворот, который свершился, застал нас разрозненными, ибо в прошлом мы объединяться не могли, мы не могли говорить о том, что нам надо, чем мы страдаем, как бы мы хотели устроить свою жизнь, мы не могли высказывать святую правду в глаза. Ведь всем вам хорошо известно, с какими трудностями разрешались в былые времена собрания, но и разрешенныя собрания признавались скопищами, разгонялись, а желающие высказать то, что накопилось в наболевшей груди, причислялись к лику крамольников, заносились в списки неблагонадёжных, подвергались безконечным гонениям и высылались в места не столь отдалённые. Теперь это время ушло. Вместе с самодержавием рухнула и полицейская опека, и все народности России призваны создать свою жизнь на новых началах свободы, равенства и братства. Скоро соберётся Учредительное собрание, в котором и будет установлена форма государственного устройства, будут решены судьбы России, будут изданы законы, отвечающие праву свободного гражданина и человека.

Временный областной комитет с первых дней своего возникновения встал на защиту населения Камчатки, что он сделал, как он работал, я этого касаться не буду, но для всех вас ясно, что нельзя в один миг исправить то, что испорчено годами.

Вступая в новый мир правды и справедливости, краевой съезд должен положить в основу не обещания разных политических партий и их программы, а, прежде всего, остановиться на том, что все народности Камчатки должны жить по-людски, так жить, как

живут люди в других свободных государствах, как мы до сих пор ещё не жили.

Стремясь к этому, мы приблизим коренных обывателей Камчатской области к общественной работе, поможем им выяснить все краевые нужды и провести в жизнь те идеалы, которые, быть может, сделают их счастливыми.

Я думаю, что с этого мы и будем подходить к осуществлению задач съезда. Будем вполне искренни, только тогда мы сможем выяснить положение загнанного, забитого веками народа, ибо и пред этим народом занялась заря будущего. Итак, господа, преклоняясь пред авторитетом собравшихся делегатов, временный областной комитет желает вам полного успеха в творческой работе, желает, чтобы сила и энергия каждого гражданина в дни тяжчайших испытаний удесятились.

К работе, товарищи! За ваш успех, за будущее Камчатки! Ура! (Продолжительное «Ура!», рукоплескания.)

Речь председателя областного продовольственного комитета
П. С. Пржевусского

Граждане делегаты краевого съезда! От имени областного продовольственного комитета приветствую вас как представителей населения Камчатской области, собравшихся для открытого и свободного обсуждения политических, экономических и хозяйственных нужд области.

Волею свободного русского народа, свергнувшего иго самодержавия, вам дана возможность самоустроения на истинно демократических началах: свободы, равенства и единения в соответствии с условиями местной жизни. Но вместе с тем, заботясь о нуждах Камчатской области, вы не должны забывать интересов и блага всей нашей изстрадавшейся родины.

Тяжёлое наследие оставило ей старое правительство: на западной и южной границах сильный и коварный враг угрожает целостности и независимости нашей родины, а внутри разстройство промышленности, сельского хозяйства и транспорта грозит развалом новой свободной жизни русского народа. Поэтому все ваши помыслы и решения, помимо преследования местных камчатских интересов, должны быть также направлены к оказанию посильной помощи страдальце России, и для этого необходима полная согласованность ваших решений с постановлениями и предначертаниями Временного правительства, как представителя и руководителя

всего свободного русского народа. Только в дружном и полном единении с Временным правительством вы действительно поработаете на благо всей России и своего края.

Призывая вас, граждане делегаты, к этому единению и принося сердечные и горячие пожелания успеха в ваших предстоящих трудах, я позволяю себе воскликнуть с вами: «Да здравствует свободная Россия, да здравствует Камчатская область! Ура!» (Речь г. Пржевусского покрыта аплодисментами и криками «Ура!»)

Речь областного комиссара К. А. Емельянова

Граждане съезда! Приветствую вас, собравшихся здесь с разных концов обширной Камчатской области!

Вы, граждане, являетесь первыми представителями, свободно избранными всем населением области, которое доверило вам высказать все нужды области, защитить ее интересы и указать те пути, идя которыми область скорее достигнет культурного развития и экономического обеспечения.

Перед вами открыта возможность трудной, ответственной работы. Ваши знания местных условий, способов и навыков добычания средств к существованию представляют тот в высшей степени драгоценный материал, пользуясь которым съезд наметит и построит путь, который поведёт забытую при прежнем режиме далёкую окраину к лучшему будущему.

Одним из важнейших вопросов, подлежащих вашему разрешению, есть вопрос об устройстве камчатского местного самоуправления, которое бы соответствовало как местным условиям, отличным от Центральной России, так и нуждам населения, не являясь в то же время для населения тяжкой повинностью. В какую форму выльется будущее камчатское самоуправление — это вопрос времени и вашего знания и разума.

Главным же и необходимым условием жизнениности местного самоуправления должно быть то, чтобы лица, которым вы доверите власть управления, были избираемы всем населением области при неуклонном соблюдении великой четырёхчленной формулы, являющейся гарантией свободы народа. Выборы должны быть всеобщими и равными; подача голосов — прямая и тайная. Только при неуклонном соблюдении этой формулы избранные вами представители для участия в местном самоуправлении могут быть действительно избранныками всего народа и их связь с их избирателями не будет прервана.

Другой, не менее важный для вас вопрос, подлежащий вашему обсуждению, это вопрос об устройстве и упорядочении вашей хозяйственно-экономической деятельности. Ваши страдания, голодовка, болезни, хищническое употребление народного достояния в виде рыбного и пушного промысла; эксплуатация вас со стороны мелких и крупных торговцев — всё это наследие канувшего в вечность режима.

Так продолжаться дальше не может. Должны быть иные пути, иные русла, по которым пойдёт хозяйственно-экономическая деятельность свободного населения Камчатской области, и эти пути откроют ваши знания местных условий и способов добывания средств к существованию, вами перенесённые страдания и голодовки. Съезд призван всё это переработать, обсудить и выработать меры и способы, пользуясь которыми свободное население Камчатской области пойдёт твёрдо и неуклонно к экономической обеспеченности, являющейся тем гранитным фундаментом, на котором свободное самоуправление вырастет в могучее дерево, под сенью которого население области забудет прошлые страдания.

Обсуждая ваши нужды, граждане, выработывая пути, по которым Камчатская область должна будет идти в будущем, вы, граждане, примите во внимание и то, что далёкая окраина Камчатка есть часть целого государства, и ваши меры и пожелания будут находиться в соответствии с общегосударственными целями и задачами, и меры, вами выработанные, в том случае, когда они будут касаться общегосударственных задач, когда они проведены могут быть только с согласия всего народа, составляющего великую Россию, — они должны быть одобрены, утверждены и разрешены к проведению в жизнь волею имеющего быть Учредительного собрания. Народные представители свободной державы Российской разрешат все вопросы, имеющие общегосударственное значение. Впредь же до Учредительного собрания ваши справедливые требования, не касающиеся общегосударственных задач, удовлетворит Временное правительство, являющееся выразителем и исполнителем верховной власти бывшей империи Российской.

Итак, граждане съезд, перед вами, первыми избранниками населения области, открыта возможность к трудной и ответственной работе. Ваш разум и желание общего блага России и Камчатской области будут теми путеводителями, которые приведут вас к правильному разрешению вопросов, вами намеченных. Приветствую вас, граждане съезда!

Речь помощника областного комиссара
И. Д. Добровольского

Граждане делегаты! Перед началом работ нашего первого краевого съезда позвольте и мне сказать несколько слов. Совершился в России так долгожданный переворот... Народным усилием сбиты и рухнули последние сгнившие подпорки того старого здания, которое мы называли старым режимом. Освободившийся от рабства и оков народ сам призван к управлению страной. Волна свободы и воли докатились и до нашей Камчатки.

Необъятная, далёкая Камчатская область с различных мест и уголков ея послала вас, граждане, на первый областной съезд решать великое, неслыханное ещё до сих пор в истории области дело — устраивать жизнь на новых началах, на таких началах, которые более всего подходят к вашим стремлениям и пожеланиям. Перед вами, граждане, открылась широкая дорога.

В прежнее время с вашим мнением не считались, к вашему голосу не прислушивались, но теперь этому пришёл конец. Волею судьбы вы собрались как раз в том самом доме, в котором жил не так давно главный слуга старого деспотического строя — губернатор, могущий вас «казнить и миловать». Теперь вот в этом самом зале, куда не всякий решался прежде переступить порог, польются свободные, вольные, правдивые речи вас, народных избранников. Итак, господа, мы собрались здесь устраивать свою жизнь по-новому, по-хорошему. Но это дело не лёгкое, дело трудное и ответственное!

При переустройстве нашей жизни уже сразу, как в России, так и здесь, встречаются крайне печальные факты: наблюдается сведение личных счётов и интриги между отдельными гражданами, появляются лица, успевающие ловить рыбу в мутной воде, прикрываясь красивыми фразами. Относитесь, граждане, к этим лицам осторожнее, будьте с ними осмотрительнее!

Я глубоко верю, что все эти факты — явления случайные, временные и скоро переходящие, неизбежные при всяком государственном перевороте.

Приведу такой пример. Если какой-нибудь организм или человек находится весь в ранах и наростах, мешающих ему расти и развиваться, и если такому человеку при помощи ножа оператора вырезали и вырвали эти наросты, то в первые дни после операции он чувствует себя, быть может, хуже, но ведь зато потом этот человек быстро поправится и будет ещё более здоров, чем прежде...

Теперь вы призваны, граждане, наметить тот путь или, вернее, наметить те вехи, по которым в будущем потечёт вся наша хозяйственная и народная жизнь.

Все вы знаете, что Камчатская область богата рыбой и зверем — вашими главными источниками пропитания, но вы также знаете, что много лет тому назад зверя и рыбы было больше. Вы отлично знаете, что с каждым годом богатства эти наши благодаря неразумной эксплуатации постепенно истощаются. Перед вами, делегаты, лежит задача: принять самые экстренные меры к сохранению этих богатств. В недрах многочисленных гор и лесных дебрях Камчатской области лежат скрытые горные сокровища, ещё ожидающиеся предприимчивой руки человека... И на это вы должны обратить внимание.

Не буду подробно перечислять всего того, на что должно быть обращено внимание; это дело съезда, и вы гораздо лучше меня осведомлены об этом. Но мне всё же хочется сказать ещё, что главная и первая цель съезда — выбрать областной комитет, наладить такое общественное управление, которое пользовалось бы вашим авторитетом и проводило бы в жизнь все ваши пожелания, разрабатывая новые проекты в согласии и соответствии с нуждами местного населения.

Необходимо выбрать вам также и областного комиссара, который, как справедливо говорит краевой комиссар Русанов, должен «не управлять вами, а помогать вам управляться».

Выбирайте человека честного, умного и энергичного. Выберите такого человека, который не продал бы вас за чечевичную похлёбку. Комиссар должен быть посредником между вами и правительством, он должен будет работать рука об руку с общественными организациями, с комитетом. Да иначе и быть этого не может.

Четыре месяца мне пришлось пробыть в должности помощника областного комиссара. А ввиду того, что областной комиссар всё время был в отъезде, я, исполняя фактически обязанности областного комиссара, и пришёл к глубокому убеждению, что плодотворная и продуктивная работа будет только тогда, когда комиссар будет работать совместно с комитетом. Много пришлось пережить за это время тяжёлых минут, и всегда для меня поддержкой служил комитет.

Человеку свойственно ошибаться, говорит пословица. Быть может, и у меня было несколько невольных ошибок, но, безусловно, без комитета этих ошибок было бы больше.

Далее считаю своим нравственным долгом, с вашего позволения, сказать кратко и о деятельности временного областного комитета.

Перед моими глазами прошла деятельность как первого, так и второго областных комитетов. Особенно тяжело было работать членам первого комитета. Они работали в той тяжёлой атмосфере разрухи и неустройства, какие захватили нас сразу после переворота. Много пришлось перенести незаслуженных обид от неосознательных граждан работникам, честно и безвозмездно нёшим свой труд на пользу Камчатке. Здесь я должен отметить энергичную и плодотворную деятельность бывшего товарища председателя первого комитета Н. А. Королевича. Много пользы принёс и председатель комитета П. Я. Суслык.

Что же касается деятельности второго, настоящего комитета, то и здесь львиная доля работы пала на многоуважаемого председателя комитета А. А. Пурина, который также не жалел ни сил, ни времени для народного дела.

Оба комитета что смогли, то сделали по мере своих сил. Они с честью выполнили возложенные на них обязанности.

В заключение, граждане, нарисую вам такую картину. При старом режиме жизнь наша текла, как река в крутых берегах тёмной ночью и лишь изредка при лунном свете. Многих из нас манили к себе светлые гаснувшие звёздочки. Совершился великий переворот, показалось яркое солнце свободы, равенства и братства, обрушились крутые скалы, и разлилась река в широкое море. Но по пути к солнцу придётся ещё много встретить терний и подводных скал.

От души пожелаю участникам съезда постараться разбить побольше этих скал и прочистить дорогу к солнцу. Пожелаю вам, дорогие граждане делегаты, дружной плодотворной работы для пользы Камчатской области. (Речь покрыта продолжительными аплодисментами.)

Речь председателя съезда К. П. Лаврова

Граждане! В нашем многострадальном государстве совершилось великое дело. Народ от безправного положения перешёл к свободе. Государственный строй, основанный на сословном различии и неравенстве, сменяется демократическими формами правления, то есть народовластием.

Вся страна организуется в этом направлении. Светлые лучи свободы проникли и в сознание населения далёкой и отсталой в хозяйственно-общественном отношении нашей области.

Я счастлив отметить и констатировать факт организации общественного разума населения Камчатской области.

И вот, граждане делегаты первого камчатского областного съезда, перед нами, как органом объединённого общественного разума, стоит великая задача. Вы призваны устроить общественные и хозяйственные дела населения Камчатской области в строгом соответствии с запросами и нуждами народа.

Ваша работа должна идти по тому пути, который ведёт к праву и справедливости.

Нет другого руководящего принципа в общественной деятельности, как сознание долга взятых на себя общественных обязательств. Мы обязаны сделать то, что поручил нам народ. А он прежде всего указал нам на создание форм свободного самоуправления и на разрешение его кровных нужд, то есть тех вопросов, которые связаны и с его духовным развитием, и материальным благополучием. И наш долг, чтобы не были омрачены надежды населения.

Свободное самоуправление на местах и общественный центральный руководитель — вот путь демократического строительства. На этом пути нет скверных традиций прошлого и привилегий меньшинства, сильного капиталом и властью.

По этому пути мы пойдём со всей страной, и он нас приведёт к свободе, к праву, к справедливости.

Наше желание — желание всей страны — объединиться на началах свободного самоопределения для вольного строительства своей общественной жизни в целях независимого существования на началах великих идеалов человечества — Свободе, Равенстве и Братстве.

Граждане делегаты! Наше дело есть часть великого русского строительства. Мы часть целого, и мы должны помнить это. От того, как сложится благополучие нашего государства, будет зависеть и наше благополучие.

Нам известно положение нашего государства сейчас, не было более трудного, ответственного и страшного момента, какой переживает Россия ныне. Сегодня пошёл четвёртый год страшной войны, четвёртый год страшного напряжения всех сил народа, и в этот трудный момент для внешнего благополучия нашего государства — России — приходится переживать ещё и ответственный момент внутреннего строительства.

От того, как окончится война, от её исхода будет многое зависеть. Чем дальше затянется война, тем сложнее станет наша внутренняя

жизнь. Для всего человечества, и для нас особенно, нужно скорее окончить войну, и чтобы русский народ скорее мог бы всецело заняться своим устройством жизни и работой в хозяйстве, чтобы революционная Россия была в экономическом отношении здоровой и сильной. Для этого есть единый путь — решительное ведение войны, и должна быть сильная единая власть, вышедшая из среды народа.

В этой войне русский народ не ищет захватов и не стремится к порабощениям, а защищает лишь свою свободу, своё право. Стране нужна внешняя уверенность для создания единого государства внутри себя.

Трудная и ответственная работа лежит сейчас на нашем Временном правительстве. Долг населения государства всеми силами облегчить работу его. Пусть и от нас, от граждан Камчатки, объединённых съездом, правительство получит привет, и в этом выразится наша ему моральная поддержка. Ещё отдельный привет стойкому борцу свободы — Керенскому!

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В. И. МАКАРОВ

ПУТЬ К МОРЮ

Выбор профессии. В мае 1945 г. закончилась война, которую вели страны антигитлеровской коалиции против нацистской Германии. Враг был повержен. Выпавшие на долю советского народа тяготы и невзгоды тех лет моё поколение мальчишек и девочек поделило с взрослыми поровну. После окончания войны уже повзрослевшие школьники, мои одноклассники, стали выбирать себе дальнейший путь во взрослую жизнь. Нужно принимать во внимание, что у значительной части школьников во время войны по различным причинам были перерывы в учёбе.

В то время среди значительной части молодых людей были популярны военные профессии, поэтому наблюдался значительный наплыв абитуриентов в военные училища. Другая часть молодёжи — парни и девушки — или получали специальность на промышленных предприятиях, в различных учреждениях, или поступали в техникумы и институты. В те годы ещё продолжали действовать ремесленные и железнодорожные училища, а также школы фабрично-заводского обучения.

Немало было желающих получить морские специальности и посвятить свою жизнь морю. Те из них, кого привлекал военно-морской флот, сдавали экзамены в военно-морские училища, а желавшие бороздить моря и океаны на всех широтах земного шара ехали поступать в мореходные училища.

В послевоенное время было ещё тяжело с продуктами питания, и мне, начиная с шестнадцати лет, пришлось работать, чтобы получать рабочую карточку и зарплату.

В начале февраля 1947 г. мне удалось побывать в Риге: я решил познакомиться с этим портовым городом и узнать, какие здесь есть морские учебные заведения. В то время о них мало было сведений в печати. Столица Латвии, хоть и пребывала в те дни в зимнем убранстве, но она всё равно поразила меня своей красотой. Несмотря на то, что Латвия была советской республикой и на улицах её столицы слышалась почти только русская речь, всё равно чувствовалось, что ты попал за границу. Поражала невиданная

мной до этого городская архитектура. Особенно выделялись строения в тесноватых кварталах Старой Риги.

Необычной казалась архитектура не только городских зданий, но и многочисленных соборов и костёлов, особенно торжественно выглядел Домский собор. Послушать органную музыку в его стенах мне привелось только в 1982 г., когда попал в Ригу в служебную командировку.

Привлекали внимание приезжих и городские кинотеатры. Необычно красивым выглядел и снаружи, и внутри кинотеатр «Сплендид Палас», расположенный в историческом здании, роскошно декорированном и с богатой историей. Вход в него украшала скульптурная композиция «Похищение сабинянки». Раньше убранство и роспись зрительного зала несколько отличались от теперешней.

Приятно было прогуляться по набережной Даугавы. Большое количество бульваров и их необыкновенная чистота привлекали внимание гостей города. Очень удивил меня изобилием продовольствия центральный рынок, размещавшийся в трёх ангарах (он и до сих пор здесь), сооружённых в 1930-е гг., в эпоху дирижаблестроения. В трёх огромных по площади залах все стены были увешаны колбасными кольцами разных размеров и диаметров, все прилавки завалены свежим мясом, оковалками различных копченостей, большими кусками сливочного масла кубической формы. Здесь можно было увидеть много и другой снеди. Такого богатства я до этого ещё никогда не видел. Правда, цены на продукты были высокими, но покупателей хватало. Из своего скромного карманного бюджета я смог выделить только на бутерброд с маслом и стакан кофе.

Надо отметить, что в Латвии в то время, как и во всей нашей стране, тоже была карточная система и в государственных магазинах господствовала та же пустота, что и в московских. Всё увиденное здесь наводило на мысль: если бы Латвия тогда была бы независимым государством, то она смогла бы обойтись после войны без карточной системы, а цены на рынке в этом случае были бы, надо думать, гораздо ниже тех, что я застал в тот свой приезд в Ригу.

Карточная система была отменена в Советском Союзе только 15 декабря 1947 г. Я тогда работал в типографии печатником. 16 декабря нам выдали аванс новыми деньгами. То, что было в то время в магазинах, можно было купить свободно и без ограничений. Дома в этот день вся семья наелась пшённой каши до отвала. Это было блаженство! Можно было понять, как мы изголодались!

Во время войны мой двоюродный брат, который де-юре был старше меня на два года, а де-факто — на один год и три месяца, поступил в школу юнг, созданную на Соловецких островах по приказу наркома Военно-Морского флота Н. Г. Кузнецова. Ему ещё не исполнилось и пятнадцати лет, когда он начал участвовать в боевых операциях на торпедных катерах Северного флота в качестве моториста.

Мне хотелось попасть работать на суда дальнего плавания, чтобы со временем стать капитаном. Будучи в какой-то мере не только романтиком, но и идеалистом, я считал, что следует начинать с самой нижней ступеньки морской служебной лестницы — матроса, поэтому посчитал нужным поступать в мореходную школу, в которой их готовят. Мои запросы были самыми скромными.

Советский Союз в послевоенные годы стал интенсивно развивать международные торговые связи. Суда дальнего плавания Министерства морского флота (ММФ) СССР начали совершать регулярные заграничные рейсы. Поэтому для работы на них требовались грамотные специалисты всех уровней.

До этого рядовой персонал для судов морского флота готовили в системе Главного управления трудовых резервов, в школах мореходного обучения, разбросанных по различным портовым городам. Срок обучения в них составлял шесть месяцев. Была такая школа и в Риге. ММФ в 1948 г. решило взять в свои руки подготовку специалистов рядового состава и поручило это дело своему Главному управлению учебными заведениями. Рижская школа мореходного обучения стала называться Рижской мореходной школой (РМШ).

Поступление в Рижскую мореходную школу. Желающих приобрести морские специальности набралось довольно много. Поступать в школу приехали романтики морей и океанов из западных и центральных республик и областей страны. Обычно тихая и безлюдная Безделигу иела (улица), которая от Даугавпилса выходит на берег Зундской протоки, в те дни была до отказа заполнена молодёжью.

*О, сколько привели пути к морскому стану,
Колумбы всей земли стремятся к океану,
Отлиться из руды, в отваге укрепиться,
Хлебнуть мирской беды, морской воды напиться...*

(Здесь и далее по тексту используются стихи Виталия Титовича Коржикова, опубликованные в нескольких номерах журнала

«Юность» в 1960-х гг. У этого поэта удивительная судьба. После окончания педагогического института в Москве, отработав на Сахалине и во Владивостоке школьным учителем русского языка и литературы требуемый срок, он уволился, но не уехал, а оставшись на Дальнем Востоке, долго работал матросом на судах торгового и рыболовного флотов, набирая материал для поэтического творчества. А после писал морские стихи для детей, видимо, и, как следует из его автобиографии, чтобы избежать политических тем в своём творчестве. Его родителей репрессировали в 1930-е гг.: отца расстреляли, а мать сидела в лагерях до хрущёвских времён.)

Вместо вступительных экзаменов с абитуриентами проводилось собеседование. Каждого из нас вызывали, и члены солидной комиссии, состоявшей из морских специалистов, задавали нам всевозможные неожиданные вопросы, многие из которых были рассчитаны на проверку нашей находчивости, сообразительности и твёрдости в выборе морской профессии. Приняли не всех желающих.

Итак, я поступил учиться в РМШ. Здесь готовили для работы на судах дальнего плавания специалистов плавсостава 1-го класса: матросов, машинистов, котельных машинистов, мотористов и электриков. Школа из одной государственной системы в другую передавалась с запозданием: курсантов набрали, а с соответствующими приказами, финансированием и учебной программой запоздали. Чтобы выйти из создавшихся затруднений, нас, очевидно, по договорённости с руководством города, направили трудиться на радиозавод ВЭФ и торфоразработки. На обоих предприятиях мы работали попеременно, через день, так как на ВЭФе условия были значительно лучше. На зарабатываемые нами деньги нас кормили, доставляли к месту. Мы занимались подсобными работами. Тех из нас, кто хотел уехать домой, чтобы вернуться к началу занятий, отпускали, но только при условии, если у них имелись деньги на проезд. Тот, кто не имел средств, показывал начальству купюры, «занятые» на время у друзей, а сам ехал «зайцем», запрыгнув на подножку поезда за пределами вокзала, когда тот ещё не набрал скорость, так как пассажирские составы при посадке людей были оцеплены солдатами Министерства внутренних дел. Наконец финансирование пришло, нам выдали курсантскую форму, поставили на довольствие, и занятия начались.

Новая школьная программа предусматривала двухгодичный срок обучения. Желая в будущем приобрести штурманскую специальность, как говорилось раньше, я вошёл в группу матросов.

Постепенно мы втянулись в учебный процесс. Мы были на казарменном положении. В шесть часов утра подъём под звуки горна. Следовали команды старшин: «Подъём!», «Не шнуруй!» Курсанты выбегали на спортивную площадку, на физическую зарядку. После комплекса упражнений следовала пробежка с грохотом каблуков по булыжным мостовым окрестных рижских улиц. После утреннего туалета и заправки коек мы шли на завтрак.

Перед началом занятий следовало общее построение курсантов на плацу, где была установлена корабельная мачта, по всем морским правилам оснащённая рангоутом, стоячим и бегучим такелажем. После команд: «Равняйся!», «Смирно!» и рапорта ответственного дежурного начальнику школы под звуки горна государственный флаг медленно поднимался к ноку гафеля. После такого торжественного церемониала следовал развод курсантов по учебным классам и мастерским.

Кроме общеобразовательных и специальных дисциплин в нашей учебной программе было много часов отведено работам в такелажной мастерской. Мы умели плести из растительных тросов кранцы, простые и шпигованные маты. Хорошо знали все морские узлы, изучили способы сращивания растительных (пеньковых, сизальских и манильских) и стальных тросов, плели шкимушгары, шкимушки, делали огоны, шили паруса. В школе было много моделей парусных и современных грузовых судов, что позволяло нам изучить швартовые устройства, рангоут, стоячий и бегучий такелаж парусников и судов с механическими двигателями. Но всё же особый интерес у нас вызывали парусные суда. Поэтому мы прекрасно знали их рангоут, такелаж, названия парусов и классификацию судов по типу парусного вооружения. Не знаю, выделялось ли такое количество часов на эту тему в средних мореходных училищах.

Учебная программа дала нам возможность и отлично изучить набор корпуса судна, и хорошо ознакомиться с палубными механизмами: лебёдками, брашпилями, шпилями и другими. Ходили мы и на шлюпках.

Нас не только подробно познакомили, например, с лагами, лотами, устройством магнитного компаса, но на уроках по навигации мы узнали, что такое счисление пути, а также рассмотрели некоторые случаи определения места судна в море по береговым предметам путём их пеленгования по двум и трём пеленгам, по крьюйс-пеленгу и прочие. Потом, работая на судах, нам стало

понятно, что такой объём знаний палубному ученику приобрести на рабочем месте гораздо сложнее.

Перед отбоем курсанты в составе рот и взводов выходили на прогулку. Тогда все окрестные улицы нашего района под дружный топот ног оглашались строевыми песнями. Особенно нам нравилась песня «Вася Крючкин» (музыка В. Соловьёва-Седого, стихи В. Гусева) из репертуара Леонида Утёсова. Любили мы также исполнять и песню «Летит стальная эскадрилья».

После напряжённой учебной недели в субботу и воскресенье у нас устраивались танцевальные вечера. В гости к нам приходило много девушек из разных районов города. В школе были пластинки для радиолы, но часто девушки приносили проиграть свои пластинки с новыми песнями. В то время появились песни «Полевая почта», «Эх, путь-дорожка фронтовая» в исполнении Марка Бернеса, чешская песня «Марианна», русский текст Елены Рывиной, и много других.

Постепенно мы познакомились со столицей Латвии. Когда была возможность пойти в увольнение, курсанты посещали танцплощадки в Межапарке, в парке «Аркадия», в Стрелковом саду. Недалеко от нас была Кукушкина гора — парк, в котором не было танцплощадки, но здесь можно было приятно провести время. Это самое высокое место в Риге — двадцать восемь метров над уровнем моря.

В латвийской столице, как и во всей Латвии, жизнь налаживалась. В здешних магазинах было в достатке продовольственных и промышленных товаров. Среди работников РМШ были преподаватели общеобразовательных и специальных дисциплин, а также инструкторы производственного обучения, командиры взводов и рот. Последние — это в основном были недавно демобилизованные офицеры флота или работники Латвийского пароходства. Все они, получая скромные оклады ММФ, испытывали недостаток средств.

Помню, осенью 1949 г., когда работникам школы нужно было запастись картошкой, был организован водный поход в город Елгаву. Там, в глубине республики, по некоторым данным, картофель был гораздо дешевле, чем на рижских рынках и в магазинах. Инструктор группы машинистов, латыш, живший неподалёку от школы и от Зундской протоки, был мастер на все руки. Он собственноручно изготовил дома для личного пользования четырёхместный моторный катер, причём на уровне заводских стандартов. Этот инструктор (к сожалению, не помню его имени и фа-

мили) с разрешения начальника школы переоборудовал с помощью курсантов одну из наших морских шлюпок в моторный катер, установив на нём автомобильный мотор ЗИС-5. Больше половины длины шлюпки заняла каюта, а оставшаяся часть пришлась на кокпит (открытое или полузакрытое помещение в средней или кормовой части), в котором разместили и двигатель.

Этот рационализатор знал хорошо Латвию. В походе кроме него участвовал и наш инструктор, исполнявший роль судоводителя. Он пригласил с собой меня и моего товарища по взводу.

Вспомнил я об этом потому, что этот поход был явной авантюрой. Рядом с Даугавой в Рижский залив впадала маленькая речка Лиелупе, на ней имелась и одноимённая железнодорожная станция. Речка протекала рядом с железной дорогой, проходившей у Юрмалы (в те времена эти места назывались Рижским взморьем). Кто бывал в Риге, тот видел её. Из Даугавы в эту речку мы прошли ещё засветло от Болдераи по протоке в такую же маленькую речушку Булльупе, а по ней в Лиелупе.

Глубины в Лиелупе для нашего катера подходили, но если бы нам встретились на пути такие же безумцы, как и мы, то нам бы грозило столкновение: на всём протяжении маршрута на реке не было выставлено никакой судоходной обстановки, поскольку она была несудоходной, а ночь стояла — хоть глаз выколи. Наш катер тоже не нёс ходовых огней. Утром мы были в Елгаве. Картошка здесь действительно оказалась дешевле. Загрузив мешками чуть ли не до половины шлюпку, которую катер вёл на буксире, наша команда отправились в обратный путь. И ещё одну бессонную ночь мы провели на реке, не сомкнув глаз и продрогнув до костей. Поход всё же завершился благополучно...

Однажды во время второго года обучения меня вызвали в какую-то комнату, где горел неяркий электрический свет, а окна были задрапированы плотными шторами. Хозяином кабинета оказался сотрудник Министерства государственной безопасности товарищ Морковников. После непродолжительной ознакомительной беседы мой визави, имея в виду мою будущую работу на судах заграничного плавания, предложил сотрудничать с органами, которые он представлял. Откровенно говоря, это предложение оказалось совершенно неожиданным, но помню совершенно отчётливо, что я не воспылил горячим желанием включиться в необычную, незнакомую и, по моему мнению, не очень приятную работу. Информатор — это не кадровый сотрудник органов, призванных обеспечивать безопасность страны и существующего в ней государственного

строю, а добровольный и, более того, секретный сотрудник («сексот»), привлечённый к сотрудничеству. Но, по моему мнению, их должны были бы набирать, как и самих чекистов, из числа лиц определённой идеологической ориентации, имевших склонность к такой работе и обученных этому делу. Но оказалось, что МГБ использовало иные принципы привлечения «помощников» — брали любого человека, как из толпы, абы кого, в надежде, что тот не посмеет отказать.

Как-то не лежала у меня душа к такому роду деятельности, хотя чувство патриотизма тлело где-то внутри, в каком-то заторможенном виде. Разум победил: я сознавал, что отказ принять такое предложение ничего хорошего мне не сулит в будущем, поэтому скрепя сердце дал согласие. Через какое-то время мимоходом услышал обрывок разговора двух курсантов, из которого мне стало понятно, что в тот «зашторенный» кабинет к товарищу Морковникову вызывали не только одного меня: проводилась серьёзная работа по подбору среди курсантов вспомогательных кадров для МГБ...

Скоро курсантам объявили, что для оформления паспорта моряка заграничного (до этого подобный документ назывался мореходной книжкой) каждому из нас необходимо представить в мандатную комиссию при ЦК компартии Латвии поручительства от двух членов партии, заверенные гербовыми райкомовскими печатями.

Мне по моей просьбе тоже прислали из Москвы такие документы, но один из комплектов этих бумаг был заверен печатью местной партийной организации. Таким образом, «загранка» оказалась для меня недоступной...

Выпускники получили распределение. Пришла пора прощаться с Латвией и её прекрасной столицей. Придётся ли побывать здесь ещё когда-нибудь? Сто человек из числа наших выпускников, получившие визы, были распределены в морские пароходства, расположенные в европейской части страны, а группа из пятидесяти человек («белобилетники») была направлена в Камчатско-Чукотское государственное морское пароходство (КЧГМП), созданное в послевоенные годы.

Остаётся загадкой, почему нас направили работать в дальние края более чем за двенадцать тысяч километров, да ещё на Крайний Север? В то время как в дальневосточных портовых городах были такие же учебные заведения, как и наша школа, в которые поступала местная молодёжь. При отсутствии визы нас бы могли

разместить на работу в портовых городах европейской части Союза, где требовались специалисты, например, на судах портового и технического флотов. Но министерское руководство училось у вышестоящих руководителей нашего государства мыслить и действовать масштабно.

Не повезло одному нашему товарищу, Саше Вейнину. Он собрал все необходимые документы, но когда предстал пред очами членов представительной мандатной комиссии, то оказалось, что в заготовленном для него бланке паспорта была допущена ошибка в фамилии: в документе в этом слове вместо буквы «й» поставили букву «и». Для маленького чиновника это была мелкая ошибка, а для молодого человека — резкий поворот в судьбе по чужой вине. Ради одного человека после исправления ошибки мандатная комиссия собираться не будет, поэтому Саше пришлось пополнить нашу компанию неудачников.

Десять лет спустя газета «Водный транспорт» 9 августа 1960 г. опубликовала список награждённых орденами и медалями работников морского флота. В разделе, отведённом Камчатскому пароходству, среди награждённых я нашёл фамилии троих моих бывших однокашников. Ордена Трудового Красного Знамени был удостоен боцман Александр Васильевич Румянцев, ордена «Знак Почёта» — второй механик Александр Иванович Вейнин и медали «За трудовую доблесть» — второй помощник капитана Николай Павлович Великан. Мне стало понятно, что А. И. Вейнин успел окончить к этому времени курсы механиков, а Н. П. Великан — штурманов малого плавания. Позже стало известно, что некоторые мои соученики тоже окончили такие курсы, а другие продолжили учёбу в средних мореходных училищах.

От Риги до Москвы мы ехали в разных плацкартных вагонах пассажирского поезда, а в Москве пришлось ждать трое суток, чтобы выделили отдельный вагон, ведь нам предстояло добираться до Владивостока одиннадцать суток. За время нахождения в Москве нашу группу принял один из заместителей министра морского флота (кажется, по фамилии Муравьёв). Нас отправляли в самый отдалённый район страны, и руководители министерства, видимо, решили подбодрить нас, настроить на свершение трудовых подвигов при работе в суровых условиях Крайнего Севера.

12 марта (шёл 1950 г.), когда поезд находился в районе Новосибирска, в стране проходили выборы в Верховный Совет СССР третьего созыва. Предварительно к нашему поезду прицепили вагон — избирательный участок. Выпускники нашей школы были

в таком возрасте, когда им предстояло впервые в жизни воспользоваться своим правом голоса. И вот это случилось в поезде дальнего следования. Мы в то время были молоды и далеки от политики, поэтому данное обстоятельство прибавило романтизма нашему путешествию. Предстояло проехать ещё половину Сибири, Забайкалье, Хабаровский край и Приморье, что обещало нам массу незабываемых впечатлений.

Мы пересекли практически всю страну на поезде, пока не добрались до Владивостока — столицы моряков Тихоокеанского бассейна нашей Родины, где люди живут совершенно в другом часовом измерении. Поэтому в поездке нам пришлось много раз переводить стрелки часов (их как таковых ни у кого из нас, разумеется, не было, просто мы передвигали время «отбоя» и «подъёма»), чтобы жить по местному времени той территории, по которой проезжали.

Владивосток немало удивил нас. Вся бухта Золотой Рог была буквально забита гражданскими судами и военными кораблями. С высоты привокзальной площади перед нами открылась панорама бухты в обилии труб и мачт. Прав был наш поэт, описав в нескольких строках этот необыкновенный город:

*О, жители Москвы, у ваших ног природа!
А знаете ли вы про город у восхода?
Где каждый сквер продут норд-остом и бореем,
Где улицы идут по корабельным реям.
Он в солнце, он в дыму, его как бот шатает,
На палубу к нему туманы оседают.
Могучи и крепки выходят из прибоя
Вразвалку рыбаки, враскачку китобои...*

К нашему прибытию только что вернулся из рейса пассажирский лайнер «Сибирь» (трофейный немецкий лайнер «Океана»), работавший на пассажирской линии Владивосток — Петропавловск-Камчатский — Владивосток. В городских гостиницах нашу ватагу устроить было невозможно. Переночевать нас разместили в помещении Камчатского морского агентства, где мы провели ночь на своих плащмя положенных на пол чемоданах (у каждого из нас их было по два), укрывшись шинелями, подоткнув под головы бушлаты. Морвокзал гостиницы не имел, и люди, длительное время ожидавшие пароходов, спали там вповалку.

Похожее описание дано и в стихах:

*Морской вокзал, протяжный гуд.
Черта приходов и уходов.
Здесь пароходов люди ждут,*

*И люди сходят с пароходов.
Вот дремлет братство кочевое —
Бородачей одна семья.
Ещё на шапках иглы хвои,
А на фуфайках чешуя.
Там камчадал заснул у стоек.
Лежит, раскинувшись, как бог!
А ребятишки город строят
Среди развёрзнутых сапог...*

И, наконец, несколько строк о таких романтиках, как мы, выпускники мореходной школы:

*Здесь юность сходит в стужу мысов,
К вулканам дымным, синим льдам,
А рюкзачок любой — как вызов
Притихшим где-то городам...*

В отличие от других пассажиров мы избежали длительного ожидания посадки на пароход. Утром нам приобрели билеты на «Сибирь», и с разрешения капитана мы за трое суток до общей посадки заняли свои места в каютах лайнера, на борту которого нам предстояло завершить свой длительный путь через всю страну. Осталось проделать его самый интересный отрезок, пролежавший по Дальневосточному морскому бассейну до места нашего назначения. Надо сказать слова благодарности многочисленному экипажу судна за тёплый приём. У нас было ощущение того, что мы попали в тёплую семейную обстановку. Каждый член этого большого коллектива моряков был готов стать нашим гидом по осмотру судна.

И вот наступил день, когда лайнер под бравурные звуки марша «Прощание славянки» и восклицания многочисленных провожающих отвалил от причала и направился к проливу Босфор Восточный, чтобы через него выйти в залив Петра Великого и далее — в Японское море.

Чтобы лучше познакомить с судном и экипажем, по нашей просьбе сопровождавшие нас работники Латвийского пароходства попросили капитана распределить нас по ходовым вахтам. Нам разрешили нести вахты по два часа в сутки по специальности.

«Сибирь», как и любой подобный лайнер, походил на настоящий город. Каюты, распределённые по классам, представляли собой жильё или гостиницу на различных палубах (ниже надстройки, расположенной на главной палубе, были ещё палубы), постоянно работали рестораны. Здесь имелись библиотека, буфеты

и другие торговые точки, предлагавшие пассажирам продукты и промтовары, а также печатную продукцию, бани, душевые. В надстройке верхней палубы огромных размеров размещался так называемый «Голубой салон» для отдыха пассажиров и экипажа, которому позавидовал бы любой Дворец культуры краевого значения советской поры. Торцовые двери-врата этого помещения разукрашивала великолепная роспись. Удлиненный зал имел ухоженный паркетный пол, до блеска надраенный воском, а по периметру стен зала пол был из мраморных плит синеватого цвета. В противоположном торце зала поднималась вверх лестница. Раздваиваясь, она вела на правую и левую стороны антресоли, окаймлявшей салон по периметру на значительной его высоте. И лестницы, и антресоль имели ограждения, выполненные из белоснежной балюстрады, придававшей залу дополнительную красоту.

В этом салоне во время рейса в будни показывали художественные фильмы, а в субботу и воскресенье устраивали танцевальные вечера. Экранное полотно вывешивалось над лестницей, поскольку стационарного экрана здесь не было предусмотрено. Пассажиров, приходивших сюда на танцы, нисколько не озадачивало отсутствие в салоне многочисленных рядов массивных глубоких и мягких кресел, в которых они только что утопали, просматривая фильмы.

Впервые попав на танцы, я и мои товарищи поняли, что до Дальнего Востока еще не дошёл бывший во время нашей учёбы в Риге модным танец «Гамбургский фокстрот». На «Сибири» все присутствовавшие проявили живейший интерес к нему, когда его исполняли некоторые наши товарищи, танцуя друг с другом. Когда повторно зазвучали звуки фокстрота, кроме одной нашей пары никто не вышел на круг. Все находившиеся здесь пытались запомнить характер и последовательность движений танцоров и исполняемые ими различного рода красивые па, а когда радиоло смолкла, присутствовавшие наградили танцевавших дружными аплодисментами.

Этот танец в Москве и центральных районах страны за редким исключением тоже никто почти не танцевал. Его просто никто не знал, кроме, как я полагаю, специалистов танцевального искусства. В этом я неоднократно после убеждался, бывая с женой на московских танцплощадках.

Помню, как несколько моряков-срочников, возвращавшихся из отпуска в часть, любили на верхней палубе выступать перед пассажирами с самодеятельными интермедиями. Кое-что запомни-

лось. Выступает пара «артистов». Один из них покрывает голову платком и говорит женским голосом: «Муж-то у меня какой, пальцем не тронет — всё поленом да поленом». Или: «Он-то меня подушкой, подушкой, а я его наволочкой, наволочкой, а в наволочку-то уютю кладу!»

Вот так и коротали время пассажиры «Сибири» в море.

Во время плавания экипаж судна трижды переводил стрелки часов при переходе в очередной часовой пояс. Разность во времени между Владивостоком и Петропавловском-Камчатским составляла три часа. Три раза во время рейса судовая вахта сокращалась на час.

В самой нижней части корпуса «Сибири» размещались высокопроизводительные котельные установки, питавшие паром главные машины, систему отопления судна, динамо-машины, обеспечивавшие потребности в электроэнергии, донки (поршневые насосы) и другие механизмы, в том числе и грузовые лебёдки.

Пройдя Японское море через Сангарский пролив, разделяющий острова Хоккайдо и Хонсю, мы вышли на просторы Тихого океана (в это время года пролив Лаперуза обычно ещё скован льдом и затруднён для судоходства). Во время учёбы мы проходили практику не на самой Балтике, а в пределах Рижского залива. А теперь впервые увидели настоящий океан и почувствовали всей душой перед собой его необъятный простор. На противоположной стороне этого колоссальных размеров водного бассейна — Американский континент. Чтобы достигнуть его, нужно непременно пересечь стовосьмидесятый меридиан и войти в пределы Западного полушария, а для этого день перехода той невидимой для человеческого глаза линии требуется прожить дважды. В тот момент наши романтические впечатления были созвучны со стихотворными строками:

*Здесь шар земной с его простором,
Океан солнечным лучом,
Лежит, как щит! Придѣшь с которым,
Или останешься на нём...*

Среди моряков дальнего плавания бытует такая поговорка: «То, что океан Великий, то он Великий, но в отношении того, что он Тихий, то тут Магеллан определённо ошибся!»

Много лет спустя на экраны страны выйдет кинофильм «Пути-на». В нём прозвучит песня «Океан» (стихи М. Матусовского, музыка Я. Френкеля), в которой есть такие слова: «И снова нас берёт в свои ладони Великий, но не Тихий океан!»

Но «Сибирь» плавно поворачивает на север — нам пока на Камчатку.

Одно дело, когда человек разглядывает земной шар с помощью глобуса или карты, и совсем другое, когда он сам передвигается по его поверхности. Скоро для меня и моих однокашников это станет обыденным делом. Многие из моих друзей смогут побывать во многих частях нашего Старого Света.

Камчатка — Крайний Север. После того как мы обогнули остров Хоккайдо, слева по борту потянулась Курильская гряда, а потом, когда прошли траверз мыса Лопатка, открылись и камчатские берега. И вот через несколько дней перед нами предстал Петропавловск-Камчатский — конечный пункт нашего путешествия. Рассматриваем его с главной палубы лайнера. Среди нас свободная от вахт и работы часть экипажа. С теми, с кем познакомились поближе, прощаемся. С ними мы уже, по всей вероятности, никогда не увидимся.

В городе непролазная грязь, вызванная весенней распутицей и отсутствием асфальта и в порту, и на улицах. Здесь в основном одноэтажные частные домики. Только небольшое число двухэтажных построек на центральной улице с названием, конечно, Ленинская. На ней единственный кинотеатр «Полярная звезда», а немного подалее опять же единственный ресторан «Прибой». Через пару лет будет построено новое здание, в котором разместятся гостиница «Восток» и второй ресторан с таким же названием. В него будут пускать штатских лиц — мужчин только при галстуках. Гражданские моряки, не привыкшие к таким строгостям, вернувшись из плавания, шли в новый ресторан по-простому, конечно же, без галстуков. Но они не имели привычки в подобных случаях отступать, не солоно хлебавши возвращаться на судно. Заходили в какой-нибудь соседний дом и выпрашивали у хозяек изношенные капроновые чулки. Если им везло, то «галстуки» моментально оказывались на месте, а значит, вход в ресторан был открыт.

О Камчатке, условиях жизни и работы здесь нам было ровным счётом ничего не известно. Скоро мы узнаем, что поскольку Камчатская область относилась к районам Крайнего Севера, то все приезжавшие сюда трудились по договорам, предусматривавшим получение единовременного пособия, называвшегося «подъёмными», и северных надбавок дополнительно к должностным окладам, учитывавшим суровые природные условия. Через каждые шесть месяцев работы оклад работника увеличивался на десять процентов. Максимальная надбавка к зарплате тогда могла дости-

гать ста процентов, если договор заключён на пять лет, и шестидесяти процентов, если на три года. Это касалось всех приезжих, а не только работников морского флота. В Петропавловске-Камчатском ходила такая поговорка: «Камчатка — чудная планета, где двенадцать месяцев зима, а остальное — лето».

Выпускники же учебных заведений, прибывавшие в эти края по распределению, должны были три года работать за голый оклад. Перед отъездом вместо подъёмных нашу группу снабдили сухим пайком (рыбными консервами, сгущённым молоком, белыми сухарями), выдали по пятьдесят рублей наличными и бесплатно доставили к месту работы. Наши бывшие однокурсники, получившие распределение в места с нормальными природными условиями, имели такой же заработок, как и мы, вынужденные работать в отдалённых районах с суровыми климатическими условиями. К тому же оказалось, что оклады у специалистов морского флота до смешного маленькие. Оклад матроса 1-го класса, работающего на судах дальнего плавания, составлял 650 руб. (в масштабах цен сталинской денежной реформы 15 декабря 1947 г.).

Но не для всех моих однокурсников нашлись такие должности. Некоторым из нас пришлось стать матросами 2-го класса с окладом 550 руб. (это после двух-то лет учёбы!) да начинать с нуля, когда новичков часто оформляли на ту же должность. После хрущёвской денежной реформы 1960 г. указанные должностные оклады стали равны 65 и 55 руб. соответственно. У машинистов и кочегаров (котельных машинистов) оклады были несколько больше. Но питание на судах, проживание в каюте и постельное бельё считались бесплатными. На питание нам полагалось тринадцать рублей в день.

Камчатская область не располагала сельскохозяйственными предприятиями, способными выращивать овощную продукцию и снабжать ею местное население. Питание на судах морского флота не могло отличаться каким-то разнообразием и свежестью, а следовательно, и калорийностью. Сюда поставлялись с материка, например, в сушёном виде картофель, лук. Приходилось видеть и есть даже солёные арбузы.

Когда в 1951 г. экипаж парохода «Бухара», сдав своё судно Дальневосточному морскому пароходству, принимал пришедший с Балтики южным путём океанский буксирный пароход «Василий Буслаев», мы узнали от наших коллег, покидавших его после перегона, что каждый моряк на судах заграничного плавания в сутки в то время получал питание на двадцать пять рублей. Само же

оно, по их рассказам, было намного разнообразнее и калорийнее нашего. Но может быть, экипажам, занятым перегонем судов южным путём, назначался какой-то особый рацион? Не знаю.

На судах КЧГМП оклады командного плавсостава тоже были не очень-то высокими. При сравнении окладов моряков и береговых рабочих и специалистов возникала мысль: за всё то, что у нас считалось бесплатным, экономисты ММФ скрупулёзно удержали из нашего же оклада, причитавшегося нам по нормам, существовавшим в то время.

Если верить архивным документам, руководство КЧГМП ещё до нашего прибытия пыталось ставить перед министерством вопрос о распространении повышенных ставок оплаты труда, действовавших в Сахалинском государственном морском пароходстве, на плавсостав своего пароходства, хотя суда последнего работали зачастую в более лёгких условиях. Но такие попытки пока оставались тщетными...

Получилось так, что мы попали в пароходство, которое, кроме всего прочего, испытывало ещё и «родовые муки». Вновь назначенная администрация ещё не имела достаточного опыта работы на порученных должностях, а трудности становления вновь создаваемого предприятия для многих руководителей оказались непосильной ношей.

Оклады морякам повысили только в 1957 г. В то время, судя по документам, в состав флота пароходства входило двадцать девять пароходов и теплоходов. Их разделили в зависимости от типа и мощности главной машины на четыре группы. Оклады комплавсостава стали зависеть от группы, в которую входило судно. Но зарплата рядовых моряков была одинаковой для всех групп судов и стала составлять: матрос 1-го класса — 867, 2-го класса — 765, старший машинист — 934, машинист 1-го класса — 924, 2-го класса — 811, кочегар 1-го класса — 867 руб.

Одни люди, попав в то время на суда, переданные в КЧГМП, как мы видим, смирились с тем, что могла предложить администрация пароходства, а несогласные уезжали. Создавалась текучка кадров и дефицит рабочей силы. У пароходства не было жилого фонда. Даже пока ещё немногочисленным специалистам управления, работавшим на берегу, жить было негде. Выпускники РМШ были молоды, семей не имели, поэтому их могла устроить судовая каюта, в которой можно прожить весь обязательный трёхгодичный срок. Поэтому мы не создавали пароходству никаких затруднений в жилье. С нами пока можно было подождать.

Зачисление на суда КЧГМП. Акватория Петропавловского порта оказалась намного меньше, чем Владивостокского. Он умещался в небольшом по размерам Ковше. Что же касается Авачинской губы, то оказалось, что она во много раз превышает бухту Золотой Рог. К нашему прибытию в Петропавловске находились и суда, принадлежавшие КЧГМП.

Управление пароходства размещалось в небольшом одноэтажном здании, стоявшем в одиночестве недалеко от проходной торгового порта, на пустыре со стороны улицы Красная Сопка.

Наше знакомство с пароходством началось, разумеется, с отдела кадров. В течение нескольких часов, пока проходило распределение нашей группы по судам, мы созерцали на неструганых досках пристройки к отделу кадров накорябанные куском угля, которым заправлялись пароходы, строки из скороспелого «морского фольклора»: «Солнце встало из-за ели, а бичи ещё не ели. Голодный бич страшнее волка, а сытый бич милей овцы, и, не дождавшись в кадрах толку, голодный бич отдал концы». (Бичом в старину называли временно списанного на берег моряка, а в советские времена считалось, что моряк, находящийся временно на берегу в ожидании судна, на которое он может быть направлен, пребывает в резерве.)

Присмотревшись к окружающей обстановке, не сложно было заметить, что нам всем могло и не хватить мест на находившихся в порту судах. Как мы потом увидели, для полного нашего устройства руководители пароходства, очевидно, провели предварительно определённую подготовку. Мы застали здесь такую картину: перед нашим прибытием с судов списали приблизительно около двух десятков (а может быть, и больше) молодых ребят, которым военкомат уже вручил повестки. А пока эти призывники слонялись по берегу. Ночевали они в гостинице (общежитии) пароходства, размещавшейся в маленьком домике, приютившемся на угольной базе Сигнального мыса. Он находится по соседству с Никольской сопкой, или сопкой Любви. Это неофициальное название ей присвоили из-за того, что здесь располагался городской парк и небольшой летний ресторан. Обедать они приходили на суда, стоявшие в порту: на морских судах было принято не только кормить «бичей»-резервистов, приходивших на борт, но иногда и давать им ночлег. Причём их поведение во время этих визитов оставляло желать лучшего.

Настенное творчество было, видимо, дело рук тех призывников. Но не исключено, что здесь «потрудились» кто-то другой, например,

моряки, оказавшиеся в резерве, которых по привычке называли бичами. Им выплачивалось семьдесят пять процентов должностного оклада, если они были зачислены в резерв после временного отсутствия на судах по уважительным причинам. Таковыми считались отпуск, отгулы выходных дней, выполнение общественных и государственных обязанностей, временная нетрудоспособность, перевод на другое судно, возвращение с краткосрочных курсов повышения квалификации и другие. Во всех остальных случаях зачисления в резерв, в том числе и вновь принятых на работу, выплачивалась половина должностного оклада. Те и другие, находясь на берегу, не обеспечивались «бесплатным питанием». Они получали право на него, когда по направлению отдела кадров прибывали на судно. Более подробный разговор о бесплатном питании у нас ещё впереди.

Не исключено, что, как я думаю, списали с судов не очень квалифицированных молодых моряков, не прошедших хорошего обучения на рабочем месте, а может быть, в дополнение к этому, и не лучшего поведения, чтобы освободить рабочие места для нас, прошедших обучение в мореходной школе.

Надо заметить, что выпускники РМШ тоже были призывного возраста, но нам давалась отсрочка от призыва в армию на срок, который мы должны были отработать на соответствующих предприятиях. Но в последующем большинство из нас так и не было призвано на действительную службу в армию.

При внимательном взгляде данное решение было здравым: чтобы не наводнять берег безработной молодёжью, руководители КЧГМП, по всей вероятности, по договорённости с военкомом, решили за счёт своего «резерва» пополнить ряды Вооружённых сил, где этот контингент новобранцев мог бы получить неплохое воспитание.

В течение нескольких часов мы все были назначены на суда. Меня и матроса Александра Гончаренко, а также кочегаров Владимира Степанова, Степана Ермакова и Василия Емельяненко направили на пароход «Бухара».

В тот день пароход брал воду в Сероглазке и пришёл в порт только на следующий день утром, поэтому нам пришлось заночевать в общежитии на Сигнальном мысе, куда мы добрались по дороге, представлявшей собой две глубокие колеи, проделанные грузовиками и заполненные жидкой грязью.

После того как нас разместили по судам, мы растеряли друг друга, так как суда пароходства совершали длительные рейсы и заходили в порты в разное время. После рейса за короткую

стоянку у причала экипажу нужно сделать массу дел: провести погрузо-разгрузочные работы, пополнить запасы топлива, воды, продовольствия, а потом — опять в море. Там будет наша работа. Бывало, что стоит в этом же порту судно, на котором работает кто-либо из твоих знакомых, но встретиться с ним можно подчас только случайно на территории порта или в городе.

Пароход «Бухара». Им командовал капитан С. П. Беляев — участник северных союзных конвоев (но мы об этом тогда ещё не знали). Мне через какое-то время стало известно, что пароход «Декабрист», которым командовал наш капитан в годы войны, погиб. И больше ничего.

Пароход «Бухара» оказался небольшим лесовозом, построенным в 1935 г. на верфи в Щецине, в Германии. На нём было два трёхтопочных котла и машина мощностью 1 160 л. с. Наибольшая длина судна равнялась 95,8, наибольшая ширина 13, высота главной палубы 5,9, осадка в полном грузу — 5,5 м. Дедвейт составлял 3 170, чистая грузоподъемность — 2 160 т. Дальность плавания насчитывала 4 000 миль. Численность экипажа составляла сорок четыре человека.

Лесовозы использовались для перевозки не только леса, но и различных грузов, в том числе и генеральных (то есть штучных в ящиках, мешках, бочках, контейнерах, тюках, пакетах либо в других видах упаковки). На этот раз трюмы парохода были наполнены малосольной кетой навалом, незатаренной, «под завязку», так, что планширь фальшборта парохода находится на уровне причальной стенки. Груз «Бухара» взяла на рыбокомбинатах и зашла в Петропавловск, чтобы принять уголь, воду для котлов, техническое снабжение, продукты для экипажа и прочее для продолжения рейса во Владивосток.

Пароход встал напротив общежития. Первый, кого мы встретили, подойдя к борту парохода, был старпом Г. Н. Плеханов. Мы обратили внимание на то, что один галун на рукаве форменного кителя у него был частично оторван, что вызывало неприятное первое впечатление.

По прибытии в пароходство мы убедились в том, что для работы здесь виза действительно не требовалась. В то время это было единственное морское пароходство в нашей стране, которое занималось только перевозкой грузов между портами СССР, расположенными в пределах Дальневосточного морского бассейна. Такие плавания считаются малым каботажем. (Каботажное плавание — судоходство между портами одного государства. В нашей стране этот

термин используется в более широком значении. Существует малый каботаж — плавание в пределах одного моря и большой каботаж — плавание между портами одного государства, расположенными в разных морях. Дальневосточный морской бассейн: Японское, Охотское, Берингово моря и прилегающая к ним акватория Тихого океана — в определении каботажа считается одним морем. Поэтому переход от Владивостока до бухты Провидения считается малым каботажным плаванием, несмотря на то что старые паровые суда преодолевали расстояние между этими пунктами — около двух с половиной тысяч миль — за пятнадцать суток, и такой морской переход считается дальним плаванием. А вот, например, рейс от порта Провидения, находившегося в Беринговом море у самого мыса Дежнёва, до ближайшего арктического порта Певек, расположенного на побережье Восточно-Сибирского моря, считается большим каботажным плаванием. Но в то же время оно, можно сказать, является прибрежным, поскольку льды в арктических морях не позволяют судам удаляться на большие расстояния от берега (расстояние между пунктами пятьсот миль или немногим больше, что можно считать малым плаванием). Однако судам пароходства приходилось совершать морские переходы, одни из которых относились к категории дальнего плавания, а другие — малого плавания.)

Товарищ Морковников после нашего с ним единственного разговора больше моей судьбой не интересовался. Мне стало ясно: для «конторы», в которой он состоял, сотрудники без паспорта моряка заграничного плавания, каким оказался я, не могли быть востребованы. Они ведь не штатные кадры органов, которых без всяких там поручителей выпускали за кордон. Здесь же на судах малого каботажного плавания, видимо, большого количества секретных сотрудников МГБ не требовалось. Поняв это, я было вздохнул с облегчением. Но позже я убедился в том, что моя фамилия в картотеке того ведомства до поры до времени сохранялась, а может быть, сохраняется и до сих пор.

На «Бухаре» перед выходом в море завершалась комплектация экипажа. Свободную должность третьего помощника капитана занял штурман Латвийского пароходства, сопровождавший нашу группу. Может быть, он по собственному желанию вместо повторного путешествия на «Сибири» предпочёл совершить дальнее плавание в качестве судоводителя по Дальневосточному морскому бассейну, которое начнётся сразу с выхода судна в Тихий океан. Это тебе не Балтийское море! Не исключено, что начальник

отдела кадров пароходства попросил его занять вакантное на один рейс место третьего помощника из-за отсутствия в своём резерве соответствующей кандидатуры.

Теперь до полной комплектации экипажа парохода «Бухара» не хватало повара (кока). Сразу после прихода в порт списалась повариха Маша. Она должна была ещё раньше уйти в декретный отпуск, но судно находилось в длительном рейсе. Капитану в отделе кадров не могли предоставить кандидатуру на должность повара, но предложили принять на неё кочегара с одного судна, которому по семейным обстоятельствам срочно нужно было добраться до Владивостока, а на «Сибирь» билета не досталось. Кочегар божился, что ему часто приходилось заменять повара на судах, на которых он работал, и что он очень подходящая кандидатура. Начальник отдела кадров Н. М. Святец и его инспектор Е. И. Батмен заверили капитана, что во Владивостоке, в морском агентстве КЧГМП, нас уже ожидают повар и пекарь — пожилые супруги, приехавшие из Ленинграда. Капитану ничего не оставалось, как согласиться принять в экипаж такой «необыкновенный кадр».

Во Владивостоке на «Бухаре» должны были провести определённые ремонтные работы.

Отправляясь в рейс, мы познакомились с ритуалом проводов судов в море. Выбрав швартовы и выйдя на фарватер акватории порта, «Бухара» дала три продолжительных гудка, после чего судно, стоявшее у ближайшего к нему причала, ответило таким же количеством сигналов. «Бухара» коротким гудком подтвердила приём прощальных сигналов. Провожавшее судно тоже дало короткий сигнал. Такая же церемония проходила со всеми судами, мимо которых следовала «Бухара», направляясь к выходу из Петропавловского ковша.

Надо сказать, что новоиспечённый кок готовил сносно. Пекарь же из него не получился. Печь хлеб он пробовал несколько раз за рейс, но всё напрасно: белые булки внешне получались отменными, румяными, с поджаристыми корочками, но под ними было живое тесто. Предпринималось несколько попыток испечь хлеб, но безрезультатно: испортили весь судовой запас белой муки. У меня и моих товарищей остались сухари от сухого пайка, выданного нам в Риге, чуть ли не по полному бумажному мешку. Экипаж вмиг доел эти остатки.

Кочегары решили подшутить над поваром. Они сделали большой шар из теста, взятого из недопечённых буханок, полили его машинным маслом, пропекли в топке котла и на огромной совковой

лопате преподнесли на камбузе нашему «коку». Морякам во время рейса в часы короткого досуга нечем было заняться, вот они и пытались найти себе развлечение.

Продолжались весенние штормы, и «Бухару» изрядно качало на волне большую часть пути. Однажды ветер вырвал из гнезда, установленного на стенге, фонарь топового огня, и он стал раскачиваться на большой высоте на страховочном шкертe и электрическом кабеле и мог вдребезги разбиться. Нужно было как можно быстрее водворить его на место.

Это произошло на старпомовской вахте, я стоял у штурвала, а мой напарник — однокашник по РМШ — был свободен. Поэтому вахтенный помощник капитана дал ему команду подняться наверх и закрепить фонарь, не подумав о том, что посылает делать это матроса, всего каких-то несколько дней назад влившегося в команду и ещё не успевшего сколь-нибудь освоиться на судне. Старпом Г. Н. Плеханов явно поторопился со своим указанием. Подниматься вверх по мокрым и поэтому скользким металлическим скобам, не имеющим каких-либо ограждений, при сильной качке, без всякой страховки, по вертикальной грузовой колонне до площадки, соединяющей две вертикальные грузовые колонны, в центре которой была установлена стенга, противоречило правилам безопасности на судах морского флота. В них не сказано, что такие работы разрешается производить на ходу судна и при штормовых условиях. Этот подъём гораздо сложнее, чем, скажем, на паруснике по вантам, снабжённым выбленками. На паруснике конструкция ванта такова, что предотвращает соскальзывание ноги с выбленки, и матросу можно крепко держаться руками за ванта. На парусных судах при работе на мачте строго соблюдаются правила безопасности. Перед подъёмом матрос выбирает ванта наветренного борта. В этом случае ветер будет прижимать его к вантам и помогать крепче держаться за них. При подъёме на мачту должна использоваться обувь с надёжными каблуками и страховочный пояс.

На транспортных судах скоб-трап приваривается на колонне со стороны носа судна, поэтому обдувается ветром со всех сторон. Около него нет никаких ограждений, которые могли бы обезопасить человека, находящегося на нём, от падения. Георгий Николаевич дал команду, не подумав в спешке в создавшейся внештатной ситуации о правилах техники безопасности, которые следовало учесть при всей сложности и опасности выполнения его задания, чтобы избежать беды. Старпому следовало обратить

ся к боцману. Его команда в то же время работала внизу, на верхней палубе. В её состав входили более опытные матросы. Боцман лучше знал, кому из них можно поручить такую работу. Старпом Г. Н. Плеханов явно поторопился со своим указанием.

Естественно, мой товарищ отказался выполнить его поручение. Отказался от этого и я, оформленный матросом 2-го класса. Фонарь установил на место матрос из боцманской команды Анатолий Хмарчук, парень атлетического сложения, достаточно хорошо освоившийся к тому времени на пароходе. Отчетливо запомнилось, когда он поднимался по скобам (тоже без страховочного пояса), из карманов его телогрейки ветер с силой вырвал рукавицы и унёс в море.

Первые рейсы дали возможность почувствовать, в каких условиях нам придётся проводить время, свободное от вахт. ММФ СССР располагало в те годы старыми транспортными судами, прошедшими войну, получившими за годы эксплуатации солидный износ, с весьма скромными бытовыми помещениями. Состояние кают, душевых, туалетов (гальюнов) и других помещений оставляло желать лучшего. Вот на таких судах нам предстояло работать. Видимо, мастера корабельной архитектуры и дизайна, создавая свои проекты, не задумывались, каковы будут помещения, в которых будут жить и отдыхать моряки. Порой создавалось впечатление, что они специально задавались целью, чтобы обеспечить морякам суровые условия жизни на судне: каков, мол, труд — таков и отдых. Уютные помещения на судах, несомненно, смогли бы после тяжёлой работы украсить быт и улучшить отдых моряков.

Мне и моим однокурсникам, попавшим на этот пароход, предстояло совершить переход по такому же маршруту, как и на «Сибири», но только в обратном направлении — от Петропавловска до Владивостока и с куда меньшими удобствами. Каюты, в которых мы разместились на «Бухаре», не шли ни в какое сравнение с каютами третьего класса на «Сибири». Перед войной на экранах страны демонстрировался фильм «Танкер “Дербент”». В нём прозвучала песня «Уходит от берега “Ястреб морской”», в которой, помнится, были такие слова: «Закурим матросские трубки и выйдем из тёмных кают...» Даже в такой короткой фразе поэт смог отразить быт моряков торгового флота, работавших на грузовых судах того времени. Песня звучит романтично, но романтика воспринимается тем эмоциональнее, чем дальше персонаж находится от реальности.

Одно дело, когда человеку приходится размещаться в тесной каюте в течение непродолжительного рейса, другое — когда он должен жить в ней длительное время, а то и годами, и ежедневно отдыхать здесь после нелёгкой работы. Отгуляв отпуск, он направлялся на другое судно, на котором бытовые удобства были не лучше.

Постепенно мы с товарищами по школе продолжали познавать окружающий нас морской мир. Оказалось, что многие должности и профессии имеют неофициальные названия, начиная с капитана, главного государственного лица на судне. Можно сказать, его почти официально называют «мастером». Можно часто слышать вопрос во время стоянки в порту: «Мастер на судне?» Или звучит: «Кэп на борту?» Капитан торгового судна на английском языке звучит так: *master mariner* (морской мастер) или *captain* (капитан). Из первого сочетания слов используют начальное, а во втором случае из слова взяты только три первые буквы «сар», которые стараются произносить с сильным ударением для большего эффекта. (Международная организация судоходства признала английский универсальным морским языком. Поэтому и российские моряки стараются в своём обыденном, повседневном общении кое-где применять слова из него.)

Старшего помощника капитана (старпома) величают «чифом» (от английского выражения *chief officer* — главный, старший офицер). Второго помощника капитана называют «ревизором» (приходилось слышать и ещё одно его прозвище — «секонд» от *second* — второй), поскольку он, являясь грузовым помощником капитана, оформляет документы на перевозимое судном, занимается его распределением, учётом при приёме от отправителя и выдаче получателю. Радиста называют «маркони». Если пройти дальше по верхней палубе, то доберёмся до боцмана — «дракона» и его подопечных матросов — «рогалея». Как видим, последние три названия взяты не из международного морского разговорного словаря.

Теперь спустимся в машину. Здесь старшего механика величают просто-напросто «дедом», видимо, потому, что для того, чтобы кочегару постичь премудрость всей судовой механики, нужно дожить до старости. Самых же кочегаров зовут «кочерёжками», а машинистов — «маслолупами». Должности второго, третьего и четвёртого механиков обходятся без каких-либо дополнительных эпитетов.

Такие необычные названия должностных лиц нас не очень удивили. Мы были наслышаны, что в военно-морском флоте тоже

существует привычка называть офицеров необычно, в зависимости от их званий: старлей, кап-лей, кап-три, кап-два, кап-один или кап-раз.

Капитан каждого судна имел четыре средние по ширине нарукавные нашивки (галуна) с вензелем (капитан морского флота 2-го ранга), старший помощник капитана — три средние нашивки (капитан МФ 3-го ранга). Старший механик имел три средние нашивки, как и старпом. Другие должностные лица на судне, как правило, не носили нарукавных нашивок, положенных им в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1948 г.

На торговых судах рядовой плавсостав носил гражданскую одежду, рабочую нам не выдавали. Мы, выпускники мореходной школы, стали на вахте донашивать курсантскую робу, а для выхода на берег использовали выходную школьную форму (в зимнее время выдавали телогрейки). Теперь, начиная с первых зарплат, нужно было собирать деньги на цивильную одежду. В промтоварных магазинах трудно было во время коротких стоянок в порту что-либо приобрести, да и снабжение промтоварами в те годы не только на Камчатке, но и в других городах страны было ещё неважное. Первый костюм самодельного пошива мне удалось приобрести на владивостокском рынке, когда получил первые деньги по окончании ремонта судна. Цена была сходная, и костюм пришёлся мне впору. Помню, что он вышел мне в семьсот рублей. Частным портным тогда достать в магазинах нужную ткань для работы тоже, как видно, было непросто.

Что касается возможности попасть работать на суда заграничного плавания, то следует отметить, что в этом вопросе существовал двойной стандарт: моряк — член ВКП(б), а потом КПСС, в отличие от беспартийного коллеги, при оформлении визы не испытывал никаких затруднений. Поэтому впоследствии, когда и суда Камчатского пароходства тоже стали ходить в заграничные рейсы, беспартийные моряки, чтобы не потерять место работы, а заодно и специальность, стали вступать в партию. Понятно, что ими двигали далеко не идейные соображения. (Об этом я узнал позже от моих однокашников по РМШ, когда они, бывая в очередном отпуске, останавливались у меня в Москве.) За счёт этого ряды коммунистов Камчатской партийной организации значительно пополнились, и, что важно отметить, пополнились неплохими кадрами.

Некоторые мои однокашники не стали дожидаться этого момента, а заранее предприняли такие шаги. Так, в феврале 1951 г.

на пароходе «Шексна» в кандидаты ВКП(б) был принят матрос Анатолий Усачёв, в 1957 г. в ряды партии вступил Саша Вейнин, а Николай Великан в 1963 г. был уже секретарём парторганизации в экипаже парохода «Вычегда».

Большевицкое руководство на всём протяжении своей деятельности твердило о том, что ими построено бесклассовое общество, в котором все равны. Но отнюдь, это не правда. Как мы видим, существовало неравенство между коммунистом и беспартийным. Обладатель партбилета, как мы уже отмечали выше, мог, если это было нужно, беспрепятственно получить визу. Он также мог продвигаться без особого труда по служебной лестнице. Это было заметно не только на морском флоте, но и на береговых предприятиях. Рабочий-коммунист мог быть назначен на должность бригадира или даже мастера. Но беспартийный специалист, имевший хороший производственный опыт и специальное образование по своей профессии, даже высшее, мог рассчитывать только на самый низший инженерный или должностной пост.

Сангарский пролив встретил нас по-весеннему тёплой погодой. На всём его протяжении нас окружали лодки японских рыбаков. Некоторые из них, хвалясь перед нами своим уловом, поднимали со дна лодок огромные, в рост человека, рыбыны.

После разгрузки мы провели во Владивостоке на ремонте около двух месяцев. Здесь морякам было раздолье, не то что в других советских портовых дальневосточных городах. За время стоянки судна на судоремонтном заводе я и мои однокашники успели немного познакомиться с городом, с его достопримечательностями. Капитан и другие члены экипажа, для кого город и его пригород были родными местами, имели возможность часто бывать дома, видеться с родственниками. Трудно было предвидеть, когда состоится следующий заход «Бухары» в родной порт.

Другие члены экипажа летними вечерами выходили на берег, чтобы сходить в кино или на танцплощадки, которые были в парках на Первой речке и в парке большой ДКАФ (Дом Красной Армии и Флота). Было в то время в городе два парка ДКАФ: большой и малый.

Большой ДКАФ, куда мы чаще всего наведывались, располагался напротив кинотеатров «Комсомолец» и «Приморье», недалеко от паромной переправы на мыс Чуркина, на которой бесменно трудился старенький тесный паромчик, забиравший за рейс, кроме людей, только несколько небольших грузовичков или легковых машин.

Помню, тогда на танцплощадках этих двух парков было много курсантов военно-морских училищ. Они, выходя в увольнение в город, обязательно должны были иметь при себе длинные палаши в качестве холодного оружия. Глядя со стороны, казалось, что такое громоздкое снаряжение было для молодых кавалеров неудобной ношей, которая мешала им кружиться с юными девушками в танцах и при этом выделять всевозможные па. Кто знает, может быть, напротив, они были преисполнены гордостью, имея при себе такое внушительное на вид личное холодное оружие.

Как-то повстречались мне в Интернете слова «Курсантского вальса», очевидно, написанные в те времена А. Лыжиным:

*Этот маленький парк у ДКАФ вспоминаю,
Танцплощадки овал и оркестр духовой,
Где на танец тебя робко я приглашаю,
И кружим, и кружим в вальсе первом с тобой.
Под «Амурские волны», забытые ныне,
В лёгком платьице ты, в его ритмах скользя,
Чуть прикроешь глаза и головку откинешь,
И кружишь, и кружишь на руке у меня...*

Столкнулись мы также с настоящими местными бичами. Оказалось, что существовала такая категория молодых людей, работавших на торговых судах, которые, используя различные удобные моменты, старались в летнее время попасть в резерв и продержаться в нём подольше. Очевидно, таких резервистов имел в виду начальник КЧГМП в своей докладной записке, когда говорил про комплектацию судов кадрами: «...комплектация происходила за счёт резерва ДВГМП... В основном изъявляют желание малоопытные работники, находившиеся длительное время в резерве или уволенные за нарушение трудовой дисциплины».

Недалеко от ворот Владивостокского порта был сквер, который эти бичи называли «Фиалками». Здесь они и любили проводить своё время. Харчеваться ходили на стоящие в порту или на заводе суда. И ночёвку они находили у новых знакомых, у тех моряков, которые заступали на вахту. Уходя в город, они с разрешения команды судна забирали из кают всю бесхозную стеклотару, чтобы, сдав её, пополнить свой тощий «карманный» бюджет. Ближе к осени, когда начинало холодать и в «Фиалках» был «не климат», эти бичи приступали к активным поискам места работы на заходящих сюда судах.

Бытовала среди моряков такая байка: обращается к старшему механику стоящего в порту судна местный бич:

— Дед, найми на работу.

— А ты кто? — спрашивает стармех, имея в виду специальность своего визави.

— Одессит.

— А одессит — это специальность или национальность? — интересуется стармех.

— А чёрт его знает!

— Кем же вы хотите, молодой человек, к нам устроиться на работу? — пытается выяснить стармех.

— Дед, найми меня кочерёжкой.

Стармех, понимая, что за «фрукт» перед ним, отвечает отказом:

— Кочегары нам не нужны!

Тогда гость с ядовитой усмешкой заявляет:

— То-то же, а то я тут «нашуровал» бы вам! Вы бы все у меня здесь устали бы кувыркаться!..

Произошла у нас первая встреча и с пароходом-ветераном полярных переходов прошедшей войны. Когда «Бухара» была на ремонте во Владивостоке, рядом на причале у заводского причала лагом (бортом) к нам стоял пароход «Ветлуга». Позже мне стало известно, что он в годы Второй мировой войны участвовал в доставке из портов США ленд-лизовских грузов.

Чукотские рейсы. В основном суда КЧГМП использовались для транспортировки грузов, необходимых населению и промышленным предприятиям Камчатки, Чукотки, Командорских островов. Приходилось возить и между пунктами, расположенными в районах Крайнего Севера.

После завершения ремонта наша «Бухара» в Находке взяла лес-кругляк и в трюмы, и на палубу, после чего мы направились в Берингово море, в порт Провидения. После сдачи груза «Бухара» должна была совершать челночные рейсы по доставке каменного угля из бухты Угольной в порт Провидения, который находится у самого входа в Берингов пролив. Такое его расположение имело стратегическое значение. Сюда, чтобы пополнить свои опустошённые бункеры, обязательно заходили все пароходы, возвращавшиеся из Арктики. Здесь же пополняли запасы угля и пароходы, направлявшиеся туда. Поэтому в этом порту обязательно должен был быть уголь в течение всей летней навигации, ведь в то время торговый флот в основном состоял из паровых судов.

Стояла тёплая летняя погода. Когда вышли из Четвёртого Курильского пролива в Тихий океан, попали в середину большого стада китов. Один из них даже осмелился проплыть под «Буха-

рой». А затем вынырнул, перекатился над морской поверхностью, выпустив вверх большой фонтан, и, хлопнув в заключение по мёртвой зыби огромным хвостом, скрылся в океанской глубине. Часто близко около судна оказывались водоплавающие птицы: нырки, топорки, которые шарахались от железной махины в разные стороны. Таким образом, я и мои товарищи продолжали усиленно познавать окружающий нас со всех сторон морской мир.

Поскольку палубы были заняты лесом, нам приходилось ходить в свои каюты, а вахтенным матросам снимать показания счётчика лага, взбираясь на бревенчатую гору. После пятнадцатисуточного перехода, пока люди, работавшие на берегу, прожили две трудовые недели с воскресными днями, «Бухара» дошла до порта Провидения без единого выходного. Освободившись от груза, наш пароход начал совершать рейсы по доставке угля в порт Провидения.

После каждого прихода в бухту Угольную большая часть экипажа должна была, отстояв вахту на своём штатном посту, выходить на подвахту, чтобы принять участие в грузовых операциях. Для обеспечения бесперебойной погрузки выделялось по одному человеку на каждую из двух лебёдок на одном трюме и одному сигнальщику (вирамайнальщику). Поэтому каждую из трёх смен экипаж из своих рядов выставлял по восемь лебёдчиков и по четыре вирамайнальщика, итого тридцать шесть человек должны были заниматься погрузочными операциями. На каждой барже и в трюме находились не менее двух местных рабочих. Проворные буксирчики своевременно подводили к каждому трюму плашкоут или кунгас с углём.

Трюм имел две грузовые стрелы, каждую стрелу обслуживала лебёдка. Стрела удерживалась бегучим такелажем — оттяжками — на одном месте. Одна стрела своим носом (верхним концом с закреплённым на нём блоком, с которого свисал грузовой трос — шкентель, толстый проволочный трос с гаком на ходовом конце, другой конец которого намотан на средний барабан грузовой лебёдки) была установлена над трюмным люком и обеспечивала подъём из трюма или опускание в него груза. Нок другой стрелы располагался за бортом судна над баржей или причалом, то есть над местом, с которого нужно поднимать или на которое опускать груз. Эти, казалось бы, два отдельных друг от друга подъёмных крана образовывали общий механизм. Их связывало то, что ходовые концы шкентелей обеих стрел были соединены общим гаком (крюком), поэтому этот своеобразный тандем работал на один и тот же

груз, который представлял собой сетку или поддон, нагруженные ящиками, мешками, тюками, связкой брёвен, труб, металлического проката и прочим. Одной лебёдкой груз поднимали выше борта, после этого другой подтягивал его к люковому просвету и начал опускать. Одновременно с этим первая лебёдка вначале трвила свой шкентель, придерживая груз, перемещавшийся к трюму, а затем совсем освобождала его, чтобы не тормозить его движение вниз до окончательного опускания на нужное место.

У нас это происходило так: у берега по всей палубе баржи расстилали грузовые сетки стропами к противоположным бортам, затем загружали палубу углём. Когда баржа подводилась к борту судна и начиналась её разгрузка, стропальщик цеплял оба стропа одной сетки, находившиеся на разных бортах, за как шкентеля и вместе с углём, оказавшимся на ней, сетка поднималась лебёдками и переносилась в трюм. Там трюмный стропальщик снимал один строп с гака, и по команде сигнальщика лебёдик поднимал полуосвобождённую сетку из трюма, а в это время из неё высыпался уголь. Такая погрузка нам, новичкам, казалась весьма и весьма медленной.

Во время грузовых операций напряжённая работа оставляла экипажу мало времени для отдыха. А когда оно наступало, то в каюте из-за непрерывного грохота лебёдок над головой, шума, сплетённого из криков работающих людей, гула моторов буксирных катеров, постоянно окружавшего судно, заснуть было практически невозможно. Помогала невероятная усталость, валившая человека с ног.

После окончания грузовых работ, и особенно перед выходом в море из порта, или после снятия с якоря, если операции производились на рейде бухты Угольной, люковые проёмы трюмов следовало сразу закрывать. Это была довольно трудоёмкая операция, для выполнения которой требовалось длительное время. В просветы трюмных люков ставились поперёк с помощью лебёдок металлические балки (полубимсы), концы которых матросы за специальные оттяжки с обеих сторон вставляли в специальные узкие гнезда, приваренные к боковым стенкам комингсов (порогов трюма). Затем просветы между ними закрывали толстыми и увесистыми деревянными лучинами, укладывавшимися вплотную друг к другу. Всю эту конструкцию накрывали тремя полотнищами брезента, концы которых по периметру люкового отверстия крепко-накрепко прижимали к комингсу металлическими шинами с помощью деревянных клиньев. Завершались работы укладкой всех

стрел по-походному. После закрытия трюмов нужно было из пожарных шлангов скатить забортной водой всю поверхность палубы и все её закоулки, чтобы очиститься от угля. Но поскольку к началу выгрузки люки должны быть открыты, то незадолго до подхода парохода к порту палубной команде приходилось начинать открывать трюмные люки ещё в море.

Разгрузка парохода в бухте Провидения шла значительно быстрее. Здесь работали порталные краны, захватывали уголь из трюмов с помощью грейферов.

В этих рейсах тоже были холостые пробеги судна, когда оно возвращалось в бухту Угольную в балласте. Пришлось однажды пойти с грузом угля в Анадырь. Это было связано с несчастным случаем, имевшим место на местной шахте. Мы взяли пострадавшего горняка с семьёй на борт. Из Анадыря его могли на самолёте доставить в Хабаровск. Якобы только там пострадавшему могли оказать квалифицированную медицинскую помощь. Но только «Бухара», снявшись с якоря, отправилась в рейс, раненый горняк скончался.

В Анадыре выгрузка велась судовым грузовым оборудованием точно так же, как это было на якорной стоянке в бухте Угольной. Но здесь приходилось длительное время ожидать прибытия очередных барж, и их загрузка шла медленнее. Поэтому нам пришлось здесь несколько задержаться.

Во время нашего пребывания в Анадыре сюда зашёл за пассажирами лайнер «Вячеслав Молотов». Несколько наших однокашников, получивших заграничные паспорта, попали по распределению в Балтийское пароходство и были направлены работать на него (в хрущёвскую «оттепель» этот лайнер-турбоэлектроход стал называться «Балтикой»). Вскоре его передали Дальневосточному морскому пароходству. Таким образом, и эти ребята попали на Дальний Восток, правда, совершив очень интересный морской переход. Они прошли южным путём из Ленинграда во Владивосток по трём океанам. Такой переход являлся большим каботажным плаванием. Здесь, на Дальнем Востоке, турбоэлектроход был поставлен на пассажирскую линию Владивосток — Петропавловск-Камчатский — бухта Провидения с заходом в Анадырь и обратно. Это судно, по рассказам членов экипажа, развивало ход до восемнадцати узлов. Таким образом, на просторах Тихоокеанского бассейна ему была уготована судьба совершать малые каботажные рейсы, но в дальнем плавании.

Когда мы, сдав груз, вышли в ночь на 10 сентября в Анадырский залив, ночное небо внезапно стало быстро темнеть, и за короткое

время разразился мощнейший шторм. Обстановка усложнялась тем, что трюмные просветы «Бухары» были открыты, грузовые стрелы находились в рабочем положении, поэтому их такелаж (оттяжки) стал испытывать повышенные нагрузки при каждом крене судна. Сыграли аврал. Буквально через какое-то мгновение боцманская команда уже находилась на верхней палубе в полном составе, кроме вахтенных рулевых. Но и они вскоре присоединились к остальным. По команде капитана на мостике у штурвала их заменили его помощники.

Незадолго до нашего отхода в Анадырь на судовом собрании палубная команда во главе с боцманом попросила капитана сократить число трудоёмких операций по открытию и закрытию трюмных люковых проёмов, а морские переходы совершать с открытыми трюмами, поскольку всё время стояла безветренная солнечная погода. По правилам, при выходе в рейс трюмы должны быть закрыты, а грузовые стрелы уложены по-походному и закреплены. Хотя эта просьба и шла вразрез с требованиями техники безопасности по эксплуатации судов, капитан согласился. Всё равно получалось так, что с закрытыми трюмами во время перехода от одного пункта до другого пароход преодолевал короткое расстояние. Учитывалось также, что бухта Угольная, например, бухтой называлась символично: работали здесь на открытом со стороны моря рейде. С северо-запада имелся небольшой береговой выступ — мыс Барыков. Получалось, что во время погрузки пароход находился в море с открытыми трюмами. Погрузка занимала несколько дней. За это время погода могла испортиться. Пока же безветрие благоприятствовало успешной работе.

Теперь, когда мы, выйдя в Анадырский залив, попали в сильный шторм, боцманская команда была вынуждена при сильной качке закрывать трюмные люковые просветы. Надо сказать, что все мы пожалели о своей просьбе, настолько трудной оказалась выпавшая на нашу долю работа. Её невозможно описать тому, кто не знаком с торговыми судами того времени. Закончили мы работу только поздно вечером. Всё время нам пришлось находиться в мокрой с головы до пят одежде. Переодеться смогли только раз, но почти сразу же опять промокли. Ничего сухого ни у кого из нас больше не было. За это время волны, накрывавшие пароход и вместе с ним и нас, сорвали и унесли в морскую пучину оба лага, имевшихся у нас в наличии. Поэтому штурманы не могли дальше вести судно даже по счислению. Пришлось о скорости парохода судить приблизительно по числу оборотов главной маши-

ны. К утру следующего дня шторм стал утихать, но небо закрывали плотные облака, а берег не проглядывался, следовательно, определить своё место мы не могли.

Днём замерили нашу скорость с помощью деревянного чурбака. «Премудрость» этого метода весьма проста: деревянный предмет бросают в воду с носа судна вперёд и замеряют по секундомеру время, за которое пароход проследует мимо него, начиная от форштевня и кончая ахтерштевнем.

Утро 12 сентября 1950 г. порадовало нас солнечной погодой. Появилась наконец-то возможность получить на карте обсервованную точку. Длительное время мы не имели возможности даже вести судно по счислению, на которое можно как-то полагаться. Как было сказано выше, мы не могли измерять пройденное расстояние. Судно, находясь в балласте, обладало большой парусностью, а следовательно, испытывало большой дрейф. Кроме того, сильная качка не позволяла вести его более точно по курсу.

Теперь при солнце появилась возможность получить надёжную обсервованную точку, хоть и не после первого взятия высоты этого светила, а только после второго, сдвинутого по времени, но зато потом можно будет проложить правильный истинный курс к бухте Угольной. Капитан собрал на мостике всех своих помощников и пригласил двух выпускников Таллинского мореходного училища, Пеедо и Таммерика. Он предложил всем им провести определение места судна по наблюдению за солнцем. Но случилось следующее: как только он первым посмотрел в зрительную трубу секстана, то сразу же воскликнул: «Товарищи, затмение солнца!» Эта весть сразу разнеслась по всему судну. Люди впопыхах пытались найти какой-либо кусочек стёклышка, чтобы закоптить его. Но и невооружённым глазом можно было видеть такое редкое астрономическое явление: затмение было полным.

Когда всё успокоилось, каждый из присутствовавших на мостике судоводителей провёл соответствующие наблюдения. Капитан, ознакомившись с расчётами подчинённых, полученными в обоих случаях, сделал кое-какие замечания некоторым из них. На карту же он нанёс полученную им самим обсервованную точку и от неё проложил истинный курс в сторону бухты Угольной. Вахтенный помощник тут же передал значение компасного курса рулевому.

Зимняя навигация 1950/51 гг. В ноябре «Бухара», вернувшись с Чукотки, побывала во Владивостоке, а затем, выполнив несколько рейсов в пределах Японского моря, была поставлена на линию

по доставке генеральных грузов на рыбокомбинаты, расположенные на западном побережье Камчатки.

Основные дальневосточные порты — Владивосток, Находка, Советская Гавань, Холмск, Корсаков, Петропавловск-Камчатский, бухта Провидения — имели причальные линии, защищённые от непогоды (Холмск и Корсаков меньше, чем другие из названных портов), оснащённые порталными кранами. В то время как даже самые крупные рыбные комбинаты не только не имели портовых сооружений и грузоподъёмных механизмов для обработки морских транспортных судов, но каждый из них находился на открытом морском берегу, ничем не защищённом от штормового ветра и волн. Не было здесь поблизости и естественных бухт-убежищ. Имелись у них только причалы для обслуживания собственного малотоннажного флота, состоявшего из небольших катеров, способных выполнять буксировку, барж (плашкоутов и кунгасов) и небольших рыболовных судов, которые перед штормом нужно было поднимать на берег, подальше от линии прибоя.

Частые штормы заставляли прерывать грузовые операции. Суда вынуждены были уходить в море, подальше от берега, штормовать, чтобы переждать непогоду. При этом быстро расходовалось топливо и запасы воды, необходимой для подпитки котлов. Существовали и другие причины, приводившие к задержке грузовых операций. Например, если судно приходило в разгар путины, ведь она тесно связана с миграцией рыбы. Затем, когда получен улов, нужно принять своевременные меры, чтобы он не пропал, — его вовремя нужно обработать. В таких случаях руководство комбината не могло высвободить нужного количества людей от работы на своих производственных площадях, чтобы направить их разгружать пришедшее судно.

В районе, где «Бухаре» предстояло работать зимой, судя по архивным данным, даже летом 1949 г. суда КЧГМП встретили здесь довольно тяжёлые навигационные условия, что в сочетании с плохо оборудованным побережьем Камчатки и Чукотки создавало им серьёзные трудности. Отдельные рейсы продолжались более месяца. Так, пароход «Александр Пушкин» вышел на побережье Чукотки 17 августа 1949 г. с грузом 3 136 т и, проведя в море 93 дня, возвратился в Петропавловск, не сняв 1 151 т. Пароход «Красное знамя» отправился на западную Камчатку 30 августа 1949 г. с 2 112 т, из-за штормов и медленной выгрузки задержался в рейсе, обезуглился и 4 октября возвратился в Петропавловск, имея в трюмах 640 т.

Суда заграничавания, как правило, сдают и принимают грузы в иностранных портах, которые оснащены всеми необходимыми современными грузоподъёмными механизмами. Поэтому морякам этих судов не требуется принимать непосредственного участия в грузовых операциях. Также там не должно быть существенных простоев судов. «Бухаре» предстояло работать на побережье Западной Камчатки в зимние месяцы, когда здесь чаще бывает штормовая погода, да и выгрузку при зимних отрицательных температурах окружающего воздуха проводить, естественно, труднее.

Когда к рыбокомбинату приходил очередной транспорт или с грузом, или для того, чтобы забрать продукцию, он отдавал якорь на безопасном расстоянии от берега, как это было в летнее время в бухте Угольной. Но здесь не только плавсредства комбината, но и все его работники направлялись на разгрузку или погрузку.

На подошедшем судне трюмы и грузовые механизмы, как правило, к моменту подвода к борту первых барж уже были готовы к действию. Из экипажа комплектовались бригады для круглосуточной работы, как было в бухте Угольной, но с той лишь разницей, что в каждый трюм добавлялся один тальман (лицо, считавшее сдаваемые или принимаемые места груза. В трюме находились два тальмана: судовой и с берега). Задействовались почти все моряки. После очередной вахты они должны были продолжать работать ещё такое же время на подвахте.

И вот аврал начался. У каждого трюма стоит баржа. Их подводят к борту небольшие буксирчики. В каждом из четырёх трюмов и на четырёх баржах круглосуточно трудятся бригады грузчиков из местных рабочих. Одной бригаде нужно нагружать в трюме сетку ящиками, мешками, коробками, а другой — освободить её от груза и раскладывать на барже. На причале и на самом берегу тоже в качестве грузчиков работает много местных рабочих.

Вся эта масса людей будет непрерывно трудиться до тех пор, пока не опустеют все трюмы или пока их не загрузят. А дело идёт не так уж и быстро. Трюмы глубокие, а груз уходит за борт тонкой «струйкой» в виде сеток. Каждый, даже небольшой, очередной шторм заставляет прерывать операции на несколько дней. В это время года штормы бывают довольно часто. Судовые и береговые тальманы скрупулёзно регистрируют каждое место груза. Но всё равно можно часто кое-где увидеть на палубе пустую тару. Например, стеклянную из-под кабачковой икры или ещё что-нибудь более стоящее и дефицитное.

Обычно, как только заканчивается погрузка генерального груза и грузчики сходят с борта, палубная команда сразу же начинает закрывать люковые просветы. За сохранностью груза строго следит второй помощник капитана. Открывали люки только перед самым приходом грузчиков на борт, по прибытии судна к месту назначения. Но в трюме у грузчиков была возможность вскрывать места. Деревянный ящик окантован у противоположных концов металлическими лентами. Если ленты не повреждены, то место считалось вполне нормальным. Гвозди, вбитые в доску через ленту, можно осторожно вытащить. Их удаляли у одной доски с обеих сторон. Затем доску выдвигали, извлекали из ящика часть содержимого, а потом устанавливали на свои места доску и гвозди. Никаких нарушений не было видно. Грузчики, работавшие в порту Петропавловска, носили вместо брюк широкие шаровары самодельного покроя, как у запорожских казаков, с карманами от пояса до щиколотки. Для их пошива они использовали бесхозную ткань, называемую сепарацией, которой в трюмах перекрывали партии груза. Такой наряд позволял скрадывать от посторонних глаз чересчур наполненные карманы. Когда приходил груз с мужской обувью, то грузчики, отправляясь на работу, надевали на ноги вдрызг изношенное или галоши, а возвращались домой в новой обувке, чуть присыпанной мукой или пылью.

Эпизодически проводились проверки портовиков в проходной с обыском. Лица, уличённые в выносе содержимого трюмов, привлекались к судебной ответственности. Устраивались показательные суды, на которых выносились приговоры на срок до десяти лет колонии. Но чаще о предстоящей проверке сообщало «сарфанное радио».

На продовольственной базе Петропавловска, куда поступал груз с пароходов, постоянно действовала бригада, вскрывавшая места и активировавшая их содержимое. Всю обнаруженную недостачу относили на счёт отправителя.

Среди грузовых судов было много лесовозов, которые, как было сказано выше, также использовали на транспортировке генеральных грузов. Поскольку такие суда были предназначены для перевозки длинномерного и тяжёлого груза, то они отличались от своих собратьев-сухогрузов более мощными грузовыми колоннами и длинными стрелами, люковые просветы у них делали более широкими и на всю длину трюма. Комингсы были намного выше, что заставляло поднимать каждую лючину вручную на большую высоту. Когда судно возило лес, то груз размещали не только в трюмных

помещениях, но и на палубе. Здесь его укладывали до высоты средних надстроек. Тогда над ним возвышался только ходовой мостик (так была нагружена «Бухара», когда летом шла в бухту Провидения). В таких случаях лючины и полубимсы испытывали сильные напряжения под давлением леса, поэтому на лесовозах они были крупнее по размеру, а следовательно, и тяжелее, и было их значительно больше. Отсюда и нагрузка на палубную команду как по объёму выполняемой работы, так и по её тяжести и времени была значительно больше. Но этого никто не учитывал. Пароход «Бухара» был лесовозом старой немецкой постройки и практически ничем не отличался от других своих собратьев.

Но вернёмся к рыбокомбинатам. С ухудшением погоды работы приходилось сворачивать. Первыми предвестниками надвигающегося шторма является усиление ветра и появление пока ещё небольшого волнения. Через какое-то время волны увеличиваются и начинают водить, раскачивать и бить баржи о борт судна. Приём на них сеток с грузом усложняется. Грузчики должны были быть очень осторожными, чтобы не попасть под сетку или при неожиданном движении баржи не быть сброшенными за борт в ледяную воду. На берегу и на причале, где тоже идёт перевалка груза, набегающий накат волн не даёт возможности работать ни баржам, ни катерам. Местное руководство начинает готовить свой флот и людей к эвакуации на берег. А что касается самого судна, то ни в коем случае нельзя было допускать его разгрузку даже при небольшой качке. В этом случае тяжёлая сетка с грузом в начале её подъёма уже в трюме начинает колебаться в воздухе вместе со шкентелем, на гак которого она подвешена. И первое, за что она обязательно должна была зацепиться, — это один из бортовых комингсов трюма. Здесь вирамайнальщик лебёдчику не помощник. Что будет дальше происходить с сеткой, не сложно представить даже самому не искущённому в морском деле человеку.

Поэтому при первых признаках надвигающегося шторма капитан прекращал разгрузку и давал команду сниматься с якоря, чтобы вовремя успеть увести судно в море, подальше от берега, штормовать. Конечно, об этом заранее предупреждалась береговая администрация, которая уже сама была озабочена целостностью своего флота.

Экипаж, свободный от вахты, спешил привести себя в порядок и отправлялся отдыхать. Для боцманской команды начинался новый аврал: ей несколько часов подряд в условиях начавшейся качки приходилось закрывать трюмы, укладывать и крепить

грузовые стрелы по-походному. Вот здесь и приходилось матросам с помощью оттяжек заводить раскачивающиеся на шкентелях тяжёлые полубимсы в специальные узкие гнёзда, приваренные к комингсам (на выходе из Анадыря, когда мы сразу попали в сильный шторм, нам пришлось эти операции выполнять в более сложных условиях).

Плохая погода, освободившая моряков от тяжёлой многочасовой погрузки, приносила им другие неудобства, связанные с качкой. Здесь она сказывалась и при отдыхе в каютах, и на рабочих местах во время вахты. Штормовать в море в ожидании хорошей погоды приходилось по нескольку дней.

Капитан, чтобы уменьшить бортовую качку и обеспечить большую безопасность судна, выбирал курс против волны. Но поскольку судно должно было находиться вблизи места разгрузки или погрузки, он периодически менял курс на обратный, разворачивая судно на сто восемьдесят градусов. В такие моменты пароход подвергался особо сильной качке. Перед поворотом вахтенные с мостика предупреждали об изменении курса повара, буфетчицу и дневальную, чтобы они берегли посуду. Повар, несмотря на штормовую погоду, старался приготовить к обеду не только второе, но и первое блюдо. Поэтому у него в дневное время плита уставлена бачками, кастрюлями и сковородками. У буфетчицы тоже много посуды. Она являлась хозяйкой кают-компания. Но поскольку царь Пётр I в своё время сказал: «Псам и нижним чинам вход в кают-компанию строго воспрещён», то рядовой состав питался в столовой. Здесь роль официантки выполняла дневальная. У неё бьющейся и небьющейся посуды тоже было достаточно. (Кроме этой работы буфетчица с дневальной приводили в порядок каюты комсостава и убирались в помещениях средней надстройки. В каютах рядового состава убирались сами их обитатели.)

Как только ветер начинал стихать, судно направлялось к якорной стоянке, и опять, независимо от времени суток, боцман со своими матросами первыми выходили на палубу, чтобы привести в рабочее положение стрелы и открыть трюмные проёмы, а затем они включались в общий рабочий ритм, чтобы продолжить сдачу или приёмку груза.

Бывали случаи, когда в район Охотского моря, к западному побережью, специально посылали суда с углём для бункеровки пароходов, работавших у здешних комбинатов. Однажды в январе и нам доставил топливо пароход «Каменец-Подольский», когда «Бухара» находилась в районе Паланы. Бункероваться нам при-

шлось в открытом море. Тогда эта операция помогла нам значительно продлить рейс.

Во время войны «Каменец-Подольский» входил в группу из сорока таких же судов типа «Либерти», переданных Соединёнными Штатами Америки в 1943 г. Советскому Союзу для транспортировки на них ленд-лизских грузов по Тихоокеанскому бассейну. Многие из этих судов длительное время продолжали работать в нашем торговом флоте и после войны.

В феврале «Бухара», находясь на западном побережье, не успела полностью сдать груз в Усть-Большерецке, так как из-за усиления мороза поверхность моря покрылась тонкой коркой льда. Разгрузка судна прекратилась. Пришлось выбрать якоря. Но уходить капитан не хотел. Видимо, он полагал, что в случае возникновения небольшой зыби лёд поломаётся и можно будет завершить операции и вернуться в порт в балласте, без груза.

После нуля часов наступало 18 февраля — день выборов в Верховный Совет РСФСР (шёл 1951 г.). На судне был готов к работе избирательный участок, и можно было в восемь часов утра приступить к голосованию. В течение следующего дня, когда на судне проводились выборы, обстановка на рейде несколько не улучшилась: мороз не ослабевал, стояло безветрие.

Было скучновато. Немного отдохнули от работы в спокойной обстановке. Неожиданно появилось свободное после вахты время, но занять его оказалось нечем. Вечером в кают-компанию кто-то принёс личный патефон, и комсостав устроил что-то вроде танцевального вечера. В столовой Василий Иванович Ливанов — четвёртый механик, как всегда, чтобы развеселить команду, рассказывал очередные байки, где-то им подслушанные или наскоро придуманные.

Вот так экипаж, лишённый радиотрансляции, возможности поиграть в шахматы, шашки, домино, не имевший музыкальных инструментов, находил для себя развлечения. В то время из перечисленного ничего в магазинах портовых городов не продавалось. Помню, матрос Володя Борценко купил во Владивостоке гармонь, но без самоучителя не смог ничему научиться. У боцмана Петра Дюрягина была потрёпанная гитара, и он, не имея особого слуха, пытался что-то аккомпанировать...

Политотдел пароходства требовал от капитанов, парторгов, секретарей комсомольских организаций судов проводить с экипажами собрания, партучёбу, начиная с изучения автобиографии товарища Сталина. Надо понимать, как к этим мероприятиям относился

плавсостав. Не хватало ещё морякам в короткие перерывы между вахтами и подвахтами, когда им выпадали минуты отдыха, или во время качки и после ночных вахт выкраивать время, чтобы изучать труды основоположников марксизма-ленинизма.

В те дни, когда «Бухара» разгружалась в Усть-Большерецком комбинате, исполняющий обязанности начальника КЧГМП издал приказ № 12/34 от 15 февраля 1951 г. «О недостатках в постановке политико-воспитательной работы на судах пароходства и меры устранения их». Подверглись критике капитан парохода «Комсомолец» и руководители его партийной и комсомольской организаций. Оказывается, что на судне из сорока трёх членов экипажа политучёбой охвачено только шестнадцать человек. «В созданной политшколе и кружке по изучению биографии товарища Сталина занятия проводятся нерегулярно и на низком идейном уровне. На пароходе «Якутск» политическая учёба личного состава не проводится, комсостав не изучает теорию марксизма-ленинизма, на судне нет Доски почёта...» Что можно сказать: полнейшее безобразие — подрыв основ коммунистического общества, и только. Нет никакого почтения к вождям мирового пролетариата. И всё из-за того, что советские люди пренебрегают изучением первоисточников марксизма. А ведь ещё вождь мирового пролетариата утверждал: «Ученье — свет, а не ученье — тьма!»

Экипаж нашего парохода о существовании таких приказов ничего по приходе в порт не слышал. Надо сказать, что и на «Бухаре» и на «Василии Буслаеве», когда на них работал автор, не было ни красного уголка (если и было бы желание организовать его, то не смогли бы найти помещения), ни Доски почёта. Несмотря на это, экипаж судна работал не покладая рук и делал всё, что от него зависело, без помощи политической пропаганды и особой агитации.

...Когда на «Бухаре» закончили все дела, связанные с выборами, капитан дал команду старшему механику готовить машину к пуску. Ночью вышли в море, ломая тонкий лёд, образовавшийся в прибрежной полосе. На следующий день, утром 20 февраля, когда отошли в море на какое-то расстояние, «Бухара» встретила на своём пути большое ледяное поле. Судно с тупыми носовыми обводами, какие были у нашего парохода, было обречено на длительную и малоэффективную борьбу со льдом. Предстояло носом парохода расширять небольшие трещины, чтобы постепенно продвигаться по ним к ближайшим полыньям, а от них к следующим и далее. Для этого требовалось многократно давать пароходу то

передний, то задний ход, менять в небольших пределах направление его движения. При таких маневрах судоводителю нужно быть предельно осторожным, чтобы не допустить поломки руля. Осуществлять эту проводку должен был только самый опытный судоводитель на борту — капитан.

Не помню, минули сутки, двое или больше, когда произошёл неприятный случай. На нашем пароходе ехали несколько пассажиров. С одной женщиной был сын лет семи. На одной из вахт засорился лоток, по которому ссыпался за борт котельный шлак. Для его очистки вахтенный кочегар спустил за борт штормтрап почти до самого льда. Пока он ходил за инструментом, сын пассажирки, оказавшийся поблизости, спустился по трапу на льдину в тот момент, когда судно перед совершением следующего маневра было относительно льдины неподвижно. Когда кочегар, вернувшийся к штормтрапу с кайлом, увидел мальчишку на льдине, он быстро сообщил об этом на ходовой мостик, часть которого ему была видна в просвете трапов. Место, где на льдине находился мальчик, с мостика плохо просматривалось. Несчастья удалось избежать. Озорнику сделали строгое внушение, а его мать отчитали за безнадзорность сына.

В течение всего времени движения во льду капитан не покидал мостик. Ему приходилось находиться здесь постоянно, чтобы самому вести судно, то и дело передёргивая рукоятку машинного телеграфа и подавая команды рулевому. Очевидно, и стармех не поднимался из машинного отделения, где вахтенные механик и машинист под его надзором должны были беспрестанно менять направление вращения и обороты машины, а в кочегарке внимательно следить, чтобы давление пара держалось «на марке».

Помог счастливый случай. В стороне залива Шелихова на белом ото льда и снега горизонте показалась точка, приближавшаяся к нам. Это оказался теплоход полуледокольного типа с острыми носовыми обводами, который довольно легко резал лёд. Если мне не изменяет память, это был «Усть-Каменогорск». Подойдя к нам поближе, он по просьбе нашего капитана обколел «Бухару» со всех сторон и повёл её в южном направлении сквозь ледяное поле. С его помощью нам удалось выйти на чистую воду. Здесь наши пути разошлись, каждое судно пошло своим курсом. У нас остались ограниченные запасы топлива и воды для котлов, которые позволяли нам самостоятельно дойти до порта, но в том случае, если бы мы воспользовались Первым Курильским проливом для выхода из Охотского моря в Тихий океан. Но получилось так,

что при нашем подходе к этому проливу разыгрался сильный шторм. Поскольку пролив был недостаточно широк и в нём имелись рифы, во время шторма в него входить было опасно. Пришлось идти к судоходному Четвёртому Курильскому проливу, чтобы искать помощь у судов, следовавших в сторону Петропавловска.

По пути к проливу удалось связаться с несколькими пароходами, направлявшимися в Петропавловск. Но у них не было возможности взять нас на буксир. Те, с кем удалось связаться, сами испытывали трудности. Через какое-то время наладили радиосвязь с пароходом «Войков», капитан которого счёл возможным помочь «Бухаре». Операция проводилась рядом с Четвёртым Курильским проливом в условиях открытого моря во время одиннадцатибалльного шторма. Здесь встречались два фронта волн разного направления, в результате чего образовывались волны стоячей формы, что улучшало условия проведения предстоящих нам спасательных работ. Чтобы передать проводник буксирного троса от «Войкова» на борт «Бухары», применили традиционный метод, предусматривавший использование призатопленной металлической бочки. После определённых усилий буксирный трос удачно завели за обе якорные цепи «Бухары». В этом случае нашим капитаном был использован нетрадиционный способ крепления троса на буксируемом судне, исключавший подъём одного из якорей на борт, расклёпку его, чтобы присоединить к его якорной цепи буксирный трос. Применённый способ крепления буксира сокращал время на проведение этой операции и уменьшал её трудоёмкость. При этом одновременно обеспечивалась большая надёжность крепления буксира. Его обвели вокруг обеих якорных цепей на участке между винтовыми стопорами и входом цепей в якорные клюзы. Нагрузка приблизительно равномерно распределилась поровну на четыре точки: на два винтовых стопора и на оба якоря, в то время как при традиционном способе полную нагрузку берут на себя по отдельности и стопор, и якорная цепь. Несмотря на продолжавшийся шторм и большое волнение моря, «Войков» благополучно довёл наш пароход до Петропавловска.

Следует познакомить читателя с капитаном парохода «Бухара». Степану Поликарповичу Беляеву в начале 1951 г. шёл только пятьдесят шестой год. Это возраст далеко не пенсионный. Капитана старила большая борода. На вид ему можно было дать не менее семидесяти лет. В те годы не просачивалась в печать информация о союзных северных конвоях, доставлявших в СССР стратегические грузы по ленд-лизу от союзников. Поэтому о воен-

ной судьбе парохода «Декабрист», которым командовал С. П. Беляев, и его экипаже никаких подробностей не было известно. Об этом стали писать в 1980-е гг. Первые сведения были обнародованы немного раньше. Почти через десять лет в газете «Водный транспорт» за 8 декабря 1959 г. была опубликована статья Е. М. Сузюмова «Пленники острова Надежды», а затем, месяцем позже, в той же газете журналистом Г. Брегманом — военный дневник капитана Беляева. Ознакомившись с ними, я понял, что Степан Поликарпович стал отращивать бороду, начиная с момента гибели «Декабриста», поскольку ни в шлюпке, в которой моряков шторм мотал десять дней, ни на острове Надежды, ни в концлагере, расположенном в Норвегии, в который были помещены трое из оставшихся в живых моряков «Декабриста», не было условий, чтобы ежедневно бриться. А после войны борода помогала Беляеву скрывать от людей своё лицо, ставшее морщинистым (при внимательном взгляде это было нетрудно заметить) от всего пережитого. Как-то, оставшись на короткое время в рулевой рубке со мной наедине, капитан сказал:

— Вот, у тебя фамилия Макаров, а у меня, говорят, борода макаровская.

Когда мне впоследствии попался на глаза снимок вице-адмирала С. О. Макарова — моего однофамильца, я находил сходство в их бородах: у обоих они были раздвоенной формы.

Ещё в довоенный период этот капитан избородил на судах дальнего плавания Мировой океан, попадая в различные сложные ситуации. По крайней мере, не известно, чтобы он когда-нибудь допустил сколько-нибудь значительную аварию. Он презирал морское лихачество, чем иногда любят покичиться некоторые судоводители, с радостью принимая «аплодисменты» за свои необдуманные поступки от ничего не сведущих в профессиональных вопросах и таких же легкомысленных людей. Это одна сторона вопроса. Другая же состояла в том, что, учитывая его жизненный и профессиональный опыт, а также сложную военную судьбу, нетрудно понять, что он, как, может быть, никто другой из его коллег, умел дорожить человеческой жизнью и ответственно относился к порученному делу. Третья сторона заключалась в том, что ему, не в пример другим, любая, даже небольшая авария могла обойтись дорого как бывшему узнику нацистского концлагеря, и в дополнение припомнили бы и гибель парохода «Декабрист» и его экипажа. Его и других членов «Декабриста» при возвращении из норвежских концлагерей спас от застенков НКВД хорошо знавший его знаменитый полярник И. Д. Папанин.

Военная судьба С. П. Беляева в те годы, как мне представляется, была известна только очень ограниченному кругу близких ему знакомых. За всё время работы под его началом я, наверное, только один раз слышал от кого-то, что пароход, на котором он был капитаном во время войны, погиб.

Хотел бы немного продолжить тему о морском лихачестве. В октябре 1950 г. «Бухара», работавшая на Чукотке, по указанию из пароходства пошла в Петропавловск. Немного позже указание вернуться в порт получили и на «Якутске». Обходя мыс Наварин, капитан Беляев, учитывая требования навигационной науки — считать себя ближе к опасности, — проложил курс мористее от береговой черты. Нужно отметить, что считать себя ближе к опасности — вовсе не значит перестраховываться. Опытные судоводители, к которым можно причислить известного, наверное, всем морякам России довоенного, военного и послевоенного времени капитана Н. А. Сакелари (на написанном им популярном учебнике «Навигация» выросло целое поколение судоводителей), считали и считают, что обострённое чувство опасности вырабатывается практикой, в том числе и опытом ошибок.

Каждый опытный и уважающий свою профессию судоводитель знает о существовании правил «хорошей морской практики», неукоснительно следует им, так как это — международное достояние и в то же время достояние каждого моряка в отдельности.

Капитан парохода «Якутск» В. В. Киселёв, шедший сзади «Бухары», решил обогнать её, зная отношение к морю капитана Беляева. Несмотря на штормовую погоду, это ему удалось, проложив курс «впритирку» к мысу Наварин, в результате чего несколько сократив путь своего парохода. Потом с мальчишеским озорством он хвалился этим. А сколько «доблестный» капитан сэкономил на такой операции: час, два? Может быть, и целых три. Какое «небывалое достижение»! Что таким образом он прибавил к выполнению годового плана? Ровным счётом ничего. Вот и вся цена этому «героическому» горе-подвигу.

В связи с этим мне вспомнился случай, рассказанный моим бывшим товарищем по мореходной школе Александром Гончаренко, проработавшим в пароходстве до пенсии. Он был вторым механиком на теплоходе. Однажды, когда их судно находилось вблизи берега, им пришлось срочно, в аварийном порядке, менять на двигателе поршень. Машинная команда работала «в поте лица», так как судно дрейфовало в сторону суши. Работу закончили и пустили двигатель, когда прибрежные скалы были совсем рядом. Им явно

повезло. Но, к сожалению, не всегда и не всем везёт. А подобных случаев бывает в море предостаточно, не всегда обходится без трагических последствий.

Капитан Беляев особенно ответственно относился к выполнению швартовых операций, во время которых следует чаще ожидать неприятностей: навала на причальные стенки, стоящие рядом суда, особенно если это происходит при ветреной погоде. Со стороны можно было иногда думать, что он в некоторых случаях затрачивает времени больше, чем нужно. Но капитану виднее, чем, скажем, кочегару или машинисту, на то он и капитан. Но были случаи, когда швартовка производилась им мгновенно. Тогда судно плавно с небольшой скоростью подходило к причалу и останавливалось как вкопанное строго параллельно причальной стенке, почти вплотную к ней. Хорошо помню одну такую швартовку в порту Провидения, которую мне пришлось непосредственно внимательно наблюдать. Была безветренная погода, портовый рейд не был стеснён судами. Видимо, капитан считал, что условия позволяют в данном случае провести швартовку быстро, без осложнений.

Теперь посмотрим, как отличались капитаны Камчатско-Чукотского пароходства во время швартовых операций. 8 марта 1950 г. пароход «Комсомолец», которым в то время командовал капитан П. С. Рожков, в порту Корсаков навалился на причал. Аварийный ремонт продлился до 29 июля. Можно привести другие подобные примеры, известные как из практики работы КЧГМП, так и из всего мирового мореплавания.

В последний перед отпуском рейс С. П. Беляева осенью 1951 г., когда он уже был капитаном на буксирном пароходе «Василий Буслаев», прикрепили капитана-дублёра П. С. Рожкова. Он должен был принимать у С. П. Беляева это судно. Когда мы подходили к причалу, вернувшись из рейса, Рожков, находившийся ближе Беляева к машинному телеграфу, дал команду в машину «полный вперёд», не получив разрешения действующего капитана на такой маневр. Видно было, что Беляев был недоволен поступком своего дублёра. Но тот, видимо, поняв это, дал быстро команду «стоп» и «полный назад» и стал оправдываться. Трудно было предположить, почему он так поступил: подумал, что он уже стал капитаном, или решил воспользоваться случаем, чтобы продемонстрировать своё «мастерство» уходящему коллеге, которое могло привести к неприятным последствиям, как и в Корсакове полтора года назад? Только в этом случае отвечать пришлось бы Беляеву.

Но вернёмся к «Бухаре». В конце марта 1951 г., как и в прошлом году в это время, наш пароход пошёл с грузом во Владивосток. Этот рейс запомнился тем, что в Сангарском проливе при такой же хорошей погоде, какая была здесь и год назад, мы не увидели такого большого скопления японских рыболовных судов, но в этот раз нас почти постоянно сопровождал американский истребитель. Погода стояла солнечная, и все свободные от вахт моряки отдыхали, расположившись на трюмных брезентовых покрытиях (на торговых судах на палубе не предусмотрено проектом никаких сидений), наблюдали за пируэтами, выделяемыми американцем. Иногда он пропадал, а затем опять возвращался. Облёт судна истребителем совершался самым нахальным образом. Так, например, иногда истребитель пролетал вдоль судна, рядом с бортом, почти на уровне планширя фальшборта. Американский пилот, как видно, попутно пытался перед нами продемонстрировать своё лётное искусство. Машинист Иван Свиридов один раз запустил в него бутылкой из-под водки, заранее наполненной водой, но не попал. Очевидно, организаторы этой операции ожидали появления на палубе советских военнослужащих, чтобы на этом основании остановить и досмотреть судно. В то время имел место конфликт между Северной и Южной Кореями. Когда же наш пароход вышел в Японское море, истребитель оставил нас в покое. Мористее дважды высоко над нами сделали круги американские бомбардировщики.

Хотелось бы продолжить рассказ об условиях, в которых приходилось трудиться морякам торгового флота. В заработной плате моряков судов дальнего плавания Дальневосточного бассейна, да и других пароходств, никогда не предусматривалось каких-либо льгот за сложные условия жизни и работы, которые они постоянно испытывали. Имеются в виду длительный отрыв от семьи и берега, от цивилизации, трудности выполнения производственных обязанностей в условиях качки и неполноценный отдых во время частых и продолжительных штормов, недостаточно полный отдых в межвахтенный период в течение восьми часов. Вынужденная разбивка рабочего дня на две вахты в сутки не полностью компенсирует плохо приспособленный к отдыху людей судовой быт даже при нормальном, штилевом состоянии моря. Частая и во многих случаях продолжительная штормовая погода выматывает экипаж. А во время погрузо-разгрузочных работ в открытом море, о которых рассказано выше, плата за работу в сверхурочное время не могла компенсировать затрат

энергии человека, когда они продолжались в течение длительного времени без перерыва.

При таких частых и длительных перерывах в погрузо-разгрузочных работах о выполнении плана говорить не приходилось, а следовательно, и премия доставалась экипажу далеко не всегда. Среди моряков ходили и, очевидно, до сих пор ходят байки. Приведу одну из них, которая говорит о «морской грамотности» береговых чиновников: «Капитан парохода передал в пароходство радиogramму: “Шторм мешает выгрузке”. В ответ: “Выяснить, кто такой Шторм, и привлечь к ответственности”».

Продолжим: не учитывалась плата морякам за работу в ночное время в течение четырёх часов ежесуточно. Согласно нормативным документам ММФ, она входила в зарплату моряка. Следовательно, наша и без того мизерная получка была бы ещё меньше, если бы мы не работали ночью. Более того, выходит, что те шесть матросов, стоящие ходовую вахту на мостике, получают надбавку за работу в ночное время законно, а остальные матросы из боцманской команды, трудящиеся всё время в дневное время, — незаконно? Вот такие парадоксы.

Моряки работали без выходных дней, их приплюсовывали к очередному отпуску. При наличии трудового договора в районах Крайнего Севера невыгодно, чтобы отпуск использовался ежегодно, ни предприятию, ни работнику, так как последний в этом случае нёс лишние расходы на дорогу к месту отдыха. Поэтому три отпуска за весь договорный период, как правило, объединялись в один. К нему присоединялись и все неиспользованные выходные дни. Одно дело, если вопрос касается берегового работника, то он отдыхает в выходные, и каждый из них ждёт с нетерпением. У моряков такой возможности нет, хотя у них, как мы знаем, более напряжённый режим жизни. Исходя из вышесказанного, можно с большой долей уверенности утверждать, что плавсостав, задействованный на судах дальнего плавания, работает на износ.

Руководители пароходства, а может быть, и работники ММФ не допускали, чтобы совокупный отпуск превышал шесть месяцев. Таким образом, в него входили не все неиспользованные выходные. Часть из них оплачивались в одинарном размере. Выпускники учебных заведений также не использовали ежегодно свой очередной отпуск, так как не было средств ехать в родные места, а мы все были родом из западных районов страны.

Правда, давалась изредка небольшая доплата за аварийные работы и так называемые «пожарные». Например, за работы в неурочное

время, когда палубная команда была вынуждена заводить новые швартовые концы взамен лопнувших, если в штормовую погоду в порт проникает сильный ветер и водит судно у стенки причала во все стороны. Второй вид доплат был связан с тем, что должно обеспечиваться безопасное противопожарное состояние судна. Так, при нахождении судна на рейде и у причала на борту кроме вахты должна оставаться ещё часть экипажа, называемая пожарной вахтой.

Продолжим разговор о том, в каких условиях приходилось работать труженикам моря на тех старых грузовых пароходах — скитальцах морей и океанов, как говорят, «всё познаётся в сравнении». Считалось, что самая трудная работа — у шахтёра, поэтому и заработок у него по нашим меркам был большой. Но следует отметить, что шахтёр, отработав шестичасовую смену, остальное время проводил в нормальных условиях и в кругу семьи. Он мог ежедневно заботиться о домашних, послушать в спокойной обстановке радио, сходить в кинотеатр (телевидение тогда пребывало в самом зародыше), провести часть времени на природе, раз в году использовать свой очередной отпуск вместе с семьёй, и, надо думать, по профсоюзной путёвке. Молодые горняки могли продолжать своё образование без отрыва от производства. Всего этого были лишены моряки. Их дети почти всё своё детство не знают отцовской ласки и заботы, их жёны тянули и до сих пор в одиночку тянут лямку по воспитанию потомства. Семейная жизнь моряка является призрачной. Глава семьи для остальных её членов ощущается в виде ежемесячного денежного перевода. Ему остаётся ожидать редкого отпуска. Человек, обрекая себя на жизнь в таких жёстких условиях, должен рассчитывать на получение вознаграждения в виде повышенной заработной платы.

Что касается «цивилизации», то здесь речь идёт не об отсутствии возможности систематически посещать театры, концертные залы, хотя и это важно. Во время коротких стоянок в порту (но это чаще всего не тот порт, где живёт семья моряка-дальневосточника, а для работающих по договору и выпускников учебных заведений семей и родственников нет ни в одном порту) перед выходом в рейс требуется сделать многое, а именно: сдать доставленный груз и принять новый, получить продовольствие, воду, техническое снабжение и топливо. Иногда даже некогда сходить в кино, а хотелось бы ещё посидеть хотя бы разок в ресторане или осмотреть городские достопримечательности. Есть возможность приобрести газеты в дни стоянки, но за ними нужно идти в городские киоски, а времени всегда в обрез.

Если судно зашло в порт приписки, то кто-то из комсостава, бывая по служебным делам в управлении пароходства, имел возможность получить в парткоме месячную подшивку политотдельской газеты «Камчатский моряк». На судах были и радиостанции, и радисты. Но каюты и другие судовые помещения грузового флота не были радиофицированы. Важные известия моряки в самом сжатом виде узнавали только из уст радистов. На пассажирских лайнерах в этом отношении, как правило, всё было в порядке: работала радиотрансляция.

Что же касается опасности, то у моряков работа не менее опасна, чем у шахтёров. С этим спорить не приходится.

Пароход «Василий Буслаев». Летом наш экипаж сдал свой пароход Дальневосточному госморпароходству для того, чтобы его экипаж отвёл «Бухару» на ремонт в китайский порт Дальний, так как в нашем пароходстве не было моряков, имевших визы для заграничавания. После этого основному составу старого экипажа пришлось побыть в резерве. Затем он под руководством капитана С. П. Беляева принял пришедший с Балтики в распоряжение КЧГМП буксирный пароход «Василий Буслаев».

Осваивая новое судно, мы сделали несколько рейсов в пределах Японского и Охотского морей. Были заходы в Николаевск-на-Амуре. Отбуксировали пять плашкоутов в Татарский пролив, к мысу Лазарева, где началось в то время секретное строительство железнодорожного тоннеля, который должен был связать материк с островом Сахалин. Там наш пароход с помощью лоцмана прошёл сложным фарватером. На этом участке пролива не было выставлено никаких знаков судоходной обстановки. У местных лоцманов имелись свои ориентиры, с помощью которых они могли определять местонахождение фарватера.

Запомнился один из последних рейсов в дальнем плавании парохода «Василий Буслаев» под командованием капитана Беляева. Мы вели на буксире из Находки в Усть-Камчатск плот-сигару довольно большого размера, около трёх тысяч «кубов». Стояла вторая половина июля 1951 г. Расчёт делался на спокойное море. Скорость буксировки была небольшой. Старались, чтобы на переход до Усть-Камчатска и от него до Петропавловска хватило и угля, и воды для котлов. После того как прошли пролив Лаперуза и вошли в Охотское море, легли курсом на Четвёртый Курильский пролив, чтобы через него выйти в Тихий океан. Вскоре на своём пути встретили густой туман. Пришлось сбавить ход и подавать гудки. Поэтому нам в этом районе при длительном нахождении

в полосе густого тумана пришлось потерять дополнительное время. Вели судно по счислению. Правда, на «Василии Буслаеве», в отличие от «Бухары», имелся радиопеленгатор. Но, как можно было предполагать, капитан, не обладая хорошим опытом работы с таким навигационным оборудованием из-за того, что ему не приходилось плавать на судах, оснащённых им, наверное, не очень доверял полученным результатам пеленгования. До подхода к проливу пришлось несколько раз сделать наблюдения с помощью радиопеленгов, чтобы убедиться в надёжности последней полученной обсервованной точки.

Но этого было мало. Надежды, что туман в ближайшее время рассеется, не имелось, так как такая погода в районе Курильских проливов была в это время года обычным явлением. В Четвёртом проливе летом туманы особенно часты, число туманных дней достигает двадцати — двадцати пяти. Нужно было решаться на то, чтобы, имея небольшой ход, с сигарой на буксире, «нырнуть» хоть и в самый широкий, но в то же время и самый судоходный пролив. У нас не было уверенности, что не встретим судно, идущее со стороны Тихого океана. Но и терять время мы не могли.

Выйдя из пролива, оставили туман позади. Рейс продолжался. До Усть-Камчатска дошли благополучно. Сигару передали грузополучателю, и судно направилось в Петропавловск. Топлива и воды оставалось в обрез. Утром, когда буксир уже был в Кроноцком заливе, разгулялся приличный шторм, волны достигали трёхметровой высоты. Внезапно объявили «водяную тревогу». Все, кто был свободен от вахт, выскочили на верхнюю палубу. Оказалось, что из-за неисправности эжекторной установки, с помощью которой кочегары удаляли за борт шлак, в котельное отделение поступает забортная вода. Запущенные штатные и аварийные насосы с откачкой воды не справлялись.

Сказалась общая болезнь, присущая паровым судам, работавшим на твёрдом топливе. Мелкие фракции угля и шлака проникали под пайолы — съёмный днищевый настил из листов рифлёного железа в машинных и котельных отделениях. Такие листовые покрытия ещё называют «сланями». Под ними прокладывают всевозможные судовые коммуникации, где находятся всасывающие патрубки водяных насосов с фильтрами. Сетки фильтров быстро забиваются твёрдым мусором, и насос начинает работать вхолостую. Добраться в таких случаях к фильтру невозможно. Поэтому срочно организовали откачку воды вручную. На обоих

бортах выстроили людей в цепочки, они в аварийном темпе пожарными вёдрами стали выплескивать воду за борт.

По словам «деда» (при получении буксирного парохода в наш экипаж влился новый старший механик), устранить поступление воды в котельное отделение можно было только на спокойной воде. Капитан тут же проложил курс в бухту Моржовую, лежащую недалеко от нашего местонахождения. Экипаж справился с откачкой воды вёдрами.

Спасительная бухта укрывалась со всех сторон высокими сопками, здесь было солнечно и безветренно. В глубине бухты стояла китобаза «Алеут». На её борту шла обработка китовых туш. Наши механики приступили к ремонту эжектора, а Степан Поликарпович поставил судно на прикол у стекавшего с сопки ручья, где имелся удобный для крепления швартового троса скалистый выступ. Капитан решил пополнить запасы котловой воды. В боцманской подшкиперской нашлась деревянная бочка. В ней у самого дна проделали отверстие и вставили в него половинку соединительной головки от пожарного шланга. Бочку подняли наверх по склону сопки и поставили в русло ручья, подкопав его так, чтобы вся вода попадала в бочку. К ней подсоединили шланг, проведённый от кормы буксира. Утром вышли в море с хорошим запасом воды и отремонтированным эжектором. Для того чтобы дойти до Петропавловска, оставалось обогнуть только полуостров Шипунский.

Осенью С. П. Беляев ушёл в длительный отпуск за несколько лет непрерывной работы. Вот что мне стало известно о нём. Часть отпуска он провёл во Владивостоке с семьёй, жившей там, а затем собирался повидаться с первой семьёй, оставшейся на его родине, в городе Николаеве. Его первая жена Елизавета Ивановна и дочь Надежда, получив весть о его приезде, готовились к долгожданной встрече. Но неожиданно пришла телеграмма, извещавшая, что С. П. Беляев 4 февраля 1952 г. умер в поезде от сердечного приступа...

Качка. В книгах о море и морях мы часто встречаем слово «качка». Но мало кто из читателей когда-либо по-настоящему испытал её, если его профессия не связана тесно с морем. Немного знакомы с качкой те, кому приходилось отдыхать на круизном судне или переезжать морем во время командировок.

Моряки, работающие на судах разных размеров, испытывают разную качку при одинаковом волнении моря. Большие суда в слабое волнение вовсе не качает, и человеческий организм не испытывает никаких неудобств. Но в сильные штормы, особенно когда

скорость ветра приближается к ураганной и когда волны в океане достигают высоты, близкой к максимальной, и большие суда подвергаются сильной качке — килевой, бортовой и вертикальной. В таких случаях капитаны стараются вести судно против волны и ветра. Но при этом, когда длина волны, то есть расстояние между двумя соседними гребнями волн, больше длины судна, а осадка меньше высоты волны, судно может оказаться на волне. Тогда его носовая и кормовая оконечности повисают в воздухе, гребные винты при этом оголяются и, не встречая сопротивления воды, вращаются с повышенным числом оборотов (говорят: «идут вразнос»). На старых пароходах, не имевших регуляторов оборотов главной машины, машинисты неустанно находились у рычагов управления, стараясь своевременно убрать лишние обороты, но с этим им не всегда удавалось успешно и вовремя справиться. Это приводило к снижению скорости судна, а также к преждевременному износу машины.

На судах, где котлы работали на жидком топливе, при снижении оборотов машины выключали часть форсунок, чтобы уменьшить паропроизводительность котлов. На пароходах, котлы которых работали на угле, в таких случаях нельзя уменьшить интенсивность горения топлива в топках, чтобы снизить на короткое время паропроизводительность. Но следует учитывать следующее: переменный температурный режим котла приводит к изменениям в первоначальной структуре и механических свойствах металла его элементов, что, безусловно, вызывает сокращение межремонтного периода. Ведь винт в сильный шторм оголяется с определённой периодичностью на протяжении довольно-таки длительного времени.

Каюты рядового состава экипажа на старых судах находились на корме, над самым гребным винтом. О каком отдыхе можно говорить в такой обстановке, когда кормовая часть корпуса страшно вибрирует, не говоря уже о бешеной качке?

Находясь на волне серединой корпуса, судно под действием сил, равных весу груза, находящегося в носовых и кормовых трюмах, изгибается в районе мидель-шпангоута (в средней части). Затем нос обрушивается вниз, следует мощнейший удар о подошву очередной волны (такое явление специалисты называют днищевым слемингом). От этого удара содрогается весь корпус судна, словно оно ударилось о подводную скалу. На носовую палубу и ходовой мостик обрушивается огромная масса воды, сметая всё на своём пути. После удара корпус судна испытывает затухающую

вибрацию. Затем происходит точно такая же встреча со следующей волной и т. д. Вероятность опасных ударов при слеминге тем больше, чем выше волны и скорость судна. Известны случаи переделов корпусов судов.

Когда длина волны меньше длины судна, корма и нос судна могут находиться на гребнях соседних волн. В таком случае средняя часть судна повисает в воздухе. Под весом тяжести машины и котлов на корпус судна тоже действует изгибающий момент, но противоположного знака.

Каждому моряку во время шторма приходится наблюдать различные виды волнения под влиянием разных факторов и в полной мере испытывать на себе воздействие качки. Помню, как на «Василии Буслаеве» мы попали в первый шторм. В тот день кок накормил экипаж кашей на сгущённом молоке. Результат был таков: все борта нашего буксира стали белыми. Их потом долго отмывали штормовые волны...

При сильном шторме суда в большинстве случаев испытывают сразу все три вида качки: вертикальную, бортовую и килевую. Моряки вынуждены в таких условиях жить и работать по многу дней. Иногда шторм длится неделю и более. За это время люди не могут нормально поесть, помыться в душе, побриться, воспользоваться гальюном, спокойно поспать. Мало того, они не могут нормально выполнять свои служебные обязанности, когда палуба под ногами буквально пляшет. Представьте рулевого на ходовом мостике, старающегося держать курс по компасу или выдерживать его по волне, когда его самого беспрерывно бросает из стороны в сторону. Штурман при движении судна в пределах видимости берега вынужден периодически пеленговать береговые предметы и работать с картой, нанося на ней линии пеленгов.

Самая сильная качка — на ходовом мостике, но и в кочегарке не лучше. Кочегар, захватывая через клинкет лопатой уголь в бункерной яме, разворачивается на сто восемьдесят градусов, чтобы бросить его в топку, но не тут-то было: сланевая палуба вдруг неожиданно под его ногами так выкручивается, что уголь вместо топки летит через клинкет обратно в бункер.

Экипажу приходится передвигаться не только в помещениях, но и по открытой палубе, по которой гуляют волны. Чтобы пройти на рабочее место или в столовую и обратно в каюту, нужно пробежать между кормой и средней надстройкой по верхней палубе не один десяток метров. Причём постараться сделать это так, чтобы не быть накрытым очередной волной (а то сухой одежды

не напасёшься, если не иметь в виду более серьёзных последствий). Матросы палубной команды, невзирая на шторм, вынуждены работать на верхней палубе. Намокнуть у них возможности всегда хватает. А вахтенным матросам каждый час приходилось покрывать расстояние от мостика до кормы и обратно, чтобы снять показания счётчика лага. Однажды на «Бухаре» выпускник Таллинского мореходного училища А. Р. Пеедо, сняв показания счётчика лага, повернулся спиной к гакаборту, направляясь на мостик, и неожиданно был подхвачен накрывшей корму волной. Она протащила его от полуюта через ограждения, оттяжки грузовых стрел, протянутые к фальшборту, к средней надстройке и забила в угол между трапом, ведущим на спардек, и углом комингса третьего трюма. Питера (так его звал его одноклассник по мореходному училищу Таммерик, а следовательно, и весь экипаж) быстро спохватились вахтенные, нашли его и отнесли в каюту. Пострадавший четыре дня не поднимался с койки, находясь под наблюдением судового медика. Хорошо, что судно шло курсом по волне. Если бы волна накрыла Питера с противоположного борта, то смыла бы в море (А. Р. Пеедо умер в 1972 г., когда ему шёл четвёртый десяток лет. В это время он был капитаном теплохода «Салтыков-Щедрин»).

Длительное время жить и работать в таких сложных условиях могут только самоотверженные и мужественные люди. Среди них часто встречаются женщины различного возраста, они есть почти на каждом судне. Причём, будучи романтиками, моряки очень гордятся своей сложной и трудной работой.

Учёба на курсах штурманов. Поработав на судах торгового флота, я узнал, что для гражданских моряков существует институт рабочих дипломов, а именно: для того чтобы получить право занять даже самую низшую командную должность по своей специальности, выпускники средних и высших морских учебных заведений должны иметь рабочий диплом. В те годы для получения рабочего диплома штурмана молодой специалист должен был отработать в должности матроса восемнадцать месяцев. Учитывалось только время нахождения в открытом море. Судомеханикам требовался стаж моториста на теплоходах и машиниста на пароходах (по эксплуатации судовых силовых установок) и слесаря (в судоремонте). Узнав об этом, я понял свою ошибку: мне нужно было сразу идти учиться в среднее или высшее мореходное училище. В этом случае мне всё равно пришлось бы быть

матросом. Но до поступления в РМШ в моём окружении не имелось моряков, подсказать было некому.

Штурман, приобретший необходимый ценз плавания судоводителя, пройдя последовательно все должностные ступени — третьего, второго и старшего помощников капитана, получает право на диплом капитана.

Приобретя ценз плавания матроса, достаточный для получения рабочего диплома штурмана, я решил поступить на курсы штурманов малого плавания, созданные для обучения лиц, имевших достаточный опыт работы по выбранной специальности. Эти курсы работали в Петропавловске-Камчатском параллельно и в тесном контакте с местным средним мореходным училищем Министерства рыбной промышленности и использовали его учебную программу по специальным предметам.

Проходя медицинское освидетельствование, связанное с поступлением на курсы, я узнал, что моё зрение обладает пониженным цветоощущением. Это всплывшее вдруг обстоятельство говорило о том, что мне закрыт путь к судоводительской профессии. Но желание получить штурманскую специальность было так велико, что я, приложив определённые усилия, всё же поступил на курсы. Решил, что вернусь домой, в Москву, только после окончания курсов, а затем получу образование по другой специальности, не требующей идеального зрения.

После поступления на курсы меня, как и всех моих однокурсников, ранее работавших на судах, не относящихся к системе рыбной промышленности, зачислили в организации, находящиеся в подчинении Главкамчатрыбпрома (ГКРП). Меня оформили в Управление тралового флота. В трудовой книжке записали: зачислить на должность второго помощника капитана и направить на занятия в учебно-курсовой комбинат с выплатой на руки половины оклада. Оклад второго помощника капитана составлял тысячу двести рублей.

Курсантам предоставлялось общежитие. К этому времени родители моей жены построили свой домишко за Сапун-горой на новой улице Океанской, на склоне сопки, почти напротив Солёного озера. Тогда приезжим, не желавшим ждать, когда городские государственные предприятия начнут возводить жильё, отводили земельные участки под частное строительство. Отчим жены тоже оформил такой участок. В этой стройке пришлось принять участие и мне. Выписали брус-«сотку», который использовали в качестве столбов, и тёс-«двадцатку». Брусья врыли в землю на выровненной площадке на склоне сопки, обили брусья с обеих сторон досками,

купили и поставили двери, дверные коробки, а также и окна. Постелили пол и сделали потолок. В пространство между досками стен за неимением шлака засыпали высушенную мелкую землю. На потолочные доски тоже насыпали толстый слой земли. Соорудили двухскатную крышу, оклеили стены из-за отсутствия обоев газетами, стараясь не оставлять на видном месте броские лозунги типа «Вперёд, к победе коммунизма!» Оформили домовую книгу, прописались и стали жить. Скоро на склоне сопки выросло много таких домиков, образовавших длинную улицу. Электричество нам провели, а воду мы брали из ближайшего ручья, стекавшего с вершины сопки. Вода была в нём очень приятная на вкус. В этом доме нам пришлось испытать ноябрьское землетрясение 1952 г. Была ночь. Свиньи и куры, которыми успели обзавестись жители, подняли невообразимый шум.

Курсовой комбинат находился за Култучным озером, за зданием ГКРП. Размещался он на первом этаже двухэтажного рубленого дома, стоявшего рядом со зданием мореходного училища. Сюда мне ежедневно больше года пришлось ходить на занятия с улицы Океанской пешком. Ни асфальта, ни городского транспорта на улицах Петропавловска тогда не имелось, зато лежала непролазная грязь. Пришлось выработать особую походку, при которой брызги грязи с каблуков ботинок не попадали на задние стороны брючин. Несколько раз слышал разговор людей, которых приходилось обгонять: «Смотри, какие у него сзади брюки чистые!»

От нашего дома между сопками, правее от выхода из Авачинской губы в океан, просматривался морской горизонт. Потом, в ходе учёбы, когда каждому из нас выдали секстан, мне отсюда, глядя на море, было удобно «набивать руки» при взятии высот небесных светил.

В ходе учёбы у меня сложились приятельские отношения с одним курсантом из нашей группы. Звали его Николаем. Вскоре я узнал от него, что он сын белого офицера, в конце гражданской войны эмигрировавшего с женой в Китай. За границей у них родились дочь и сын (возможно, что его отец при выборе имени сына показал, что он верен присяге, данной в молодые годы царю и отечеству). После смерти отца мать с детьми вернулась на родину.

Николай, очевидно, с момента приезда в Советский Союз находился под неусыпным надзором со стороны наших компетентных органов, а после начала занятий на курсах в поле зрения тех же самых органов оказалась и моя персона. Камчатские коллеги то-

варища Морковникова не замедлили войти со мной в тесный контакт, как я понял, предварительно собрав обо мне все сведения, которые могли их заинтересовать. При первой же встрече сотрудник МГБ, которому поручили вести со мной работу, дал недвусмысленно понять, что органам, представителем которых он является, нужна от меня постоянная подробнейшая информация о жизни Николая, о его окружении, с кем он встречается, какие мысли высказывает. Их интересовало буквально всё, что касалось моего приятеля. Такой поворот дел не вписывался в мои дальнейшие личные планы. Поэтому я, хоть робко и тактично, но пытался отказать от их предложения в силу своей якобы некомпетентности, отсутствия склонности и способности к такой не свойственной для меня деятельности, но в той «конторе», как я понял, не принято было реагировать на отказы, поэтому на приведённые мной доводы никакой реакции не последовало. Их словно не заметили.

Советская контрразведка не могла меня использовать в качестве информатора на судах заграничного плавания без предоставления мной в мандатную комиссию партийных поручительств, а здесь, на территории своей страны, мне вполне доверяли без всяких там поручительств, не сомневаясь в моей честности и преданности, как тогда было принято говорить, делу Ленина — Сталина.

Однажды Анатолий Петрович — мой шеф — и ещё несколько присоединившихся к нему его коллег представили меня самому главному руководителю своего ведомства областного масштаба. Беседа проходила в солидном кабинете. На стене, за спиной хозяйина этих апартаментов, висел большой портрет Л. П. Берии. Это происходило незадолго до его ареста. Я, правду говоря, не понял, как тогда любили выражаться моряки, «всего юмора этого действия»: с какой такой стати меня, простого информатора, удостоили такой высокой чести?

В Риге меня подобными знакомствами не «баловали». Там всё обошлось незатейливой беседой в кабинете оперативного работника средней руки. Наверное, мои камчатские шефы решили в моём присутствии отчитаться перед своим начальством об успешном выполнении задания. Вероятно, они перед этим сообщили ему о том, что к работе с прибывшим из-за рубежа сыном белогвардейского офицера ими привлечён сын бывшего энкавэдэшника. По всей вероятности, они скрыли то, что мой отец угодил в отставку из органов ещё в 1936 г. с формулировкой «потеря бдительности» после ареста его тестя — отца второй его жены, польки по национальности.

Тогда, можно сказать, моему родителю крупно повезло: это могло кончиться для него и его молодой жены намного хуже. Им, видимо, «повезло» из-за того, что репрессированный жил не рядом с ними, а в подмосковном Подольске. Мне тогда шёл седьмой год, и я ничего, естественно, об этом не ведал. Такие вот были тогда времена...

Я успокаивал себя тем, что в компетентные органы от меня ложные сведения о моём приятеле не поступят. Правда, мне тогда в голову не приходило, что, если это понадобится, меня могут принудить написать на Николая ложный донос, как бы в интересах безопасности родины. Сталин только что ушёл из жизни, но оставалось сталинское правительство, в кругу которого разгорались нешуточные страсти за первенство, а самое главное, в их среде находился Л. П. Берия.

Мне было видно, хотя слишком открыто Николай этого и не показывал, что он доволен возвращением своей семьи на родину предков. Чувствовалось, что он был рад покинуть опостылевший за двадцать лет Китай. Я его понимал: не очень-то приятно постоянно жить в окружении людей другой национальности, у которых, к тому же, свои обычаи и привычки. Как бы белоиммигранты, вернувшиеся из-за границы, а тем более из Китая, ни относились к существующему строю в Советской России, они хотели жить среди соотечественников. Мне было неизвестно, как и где устроились прибывшие с ним мать и сестра, но он за неимением жилья пошёл работать на суда рыбной промышленности, которые вели промысел в российских водах. Здесь имелось жильё, хоть и скромное, и харч. Кроме того, у него была перспектива: окончив курсы, получить специальность штурмана малого плавания. Потом можно окончить и курсы штурманов дальнего плавания.

В отличие от мореходных училищ, выпускавших штурманов малого плавания, курсы не давали законченного среднего общего образования. Из общеобразовательных предметов здесь проходили только те, что были нужны для лучшего освоения специальных дисциплин. Но можно считать, что выпускники курсов получали твёрдое среднее специальное образование, поскольку они изучали все специальные дисциплины мореходного училища. Полученный диплом давал право занимать должности третьего и второго помощника капитана на судах дальнего плавания и все должности помощника капитана на судах малого плавания. Со временем его обладатель мог получить диплом капитана малого плавания. Капитан и штурман малого плавания, приобретае

делённый ценз плавания, могли продолжить учёбу на курсах штурманов дальнего плавания.

После нашего выпуска учебно-курсовой комбинат расширил поле деятельности: в том году начали работать курсы штурманов дальнего плавания, на которые принимали штурманов малого плавания с необходимым цензом.

Вновь поступившим предстояло проработать по навигации раздел «Плавание по дуге большого круга», а также расширить и укрепить ранее приобретённые знания по мореходной астрономии. Учёба на курсах штурманов дальнего плавания тоже не давала законченного среднего образования. Для этого нужно было получить аттестат зрелости, окончив девятый и десятый классы вечерней средней школы (как это сделал ваш покорный слуга перед поступлением в институт) или без отрыва от производства окончить техникум. В его программе имелись те же специальные дисциплины, что и на штурманских курсах. Такие уже готовились создать на Камчатке в системе рыбной промышленности.

После сдачи выпускных экзаменов получилось так, что мы с Николаем попали работать на одно судно — рыболовно-зверобойную парусно-моторную шхуну «Белёк». На ней стоял чехословацкий трёхсотсильный дизель «Шкода». Судно было оснащено, кроме магнитного компаса, ещё и «чудом техники» того времени для гражданского флота — гирокомпасом, показания которого передавались на репитер, находившийся на мостике. На «Бельке» намечалась установка ещё одного прибора — эхолота. Для размещения его датчика на днище требовалось провести докование судна во Владивостоке.

Шхуна имела гафельное вооружение. Каждая из двух её мачт была оснащена триселем и топселем, на носу имелись штормовые паруса: стаксель, средний кливер и кливер. Это судно финской постройки, недавно пришедшее на Камчатку, обладало неплохой корабельной архитектурой, но не обошлось без излишеств. Даже со стороны было явно видно, что его красивые крылья ходового мостика работают на увеличение никому не нужной парусности. Зато внутренние помещения, хоть и были тесноваты, но в них чувствовался домашний уют, может быть, из-за того, что на отделку переборок и дверей использовали хорошо выделанную карельскую берёзу. Проект не предусматривал столовой команды, начальствующий состав экипажа и его рядовые члены принимали пищу вместе в кают-компании.

В декабре 1953 г., когда «Белёк», возвращаясь из Владивостока, находился в Охотском море, мы с радистом во время его короткого перерыва в работе слушали радио. На волнах какой-то японской радиостанции звучали красивые вариации джаза на мотивы народной кубинской песни «Голубка». К нашему приходу во Владивосток пластинка с этой песней только-только поступила в местную торговую сеть. В те дни в порту из «спикеров» (так называли громкоговорители) всех торговых судов лилась мелодия этой полюбившейся городу и особенно морякам песни. Когда же после окончания концерта радист настроился на московскую волну, то передавали последние известия. Столичный диктор сообщил, что приговор суда, вынесенный по делу Л. П. Берии, приведён в исполнение. Шло 23 декабря 1953 г.

Вскоре после возвращения в Петропавловск, никому ничего не сказав, взяв семью, я уехал в Москву.

С Николаем мы какое-то время переписывались. Шхуна весной ушла на Чукотку, в свою Пloverскую рыболовно-зверобойную станцию. Летом 1954 г. она успешно промышляла моржей в Чукотском море в районе острова Врангеля.

К новой специальности. В мои планы входило, начав с нуля, приобрести профессию судового механика. Это целесообразно начинать с освоения простых рабочих специальностей слесаря и моториста. Одновременно нужно было учиться в вечерней школе, чтобы получить аттестат зрелости. Пришлось продолжать своё образование, начиная с девятого класса, поскольку в его программу входили некоторые дисциплины, оценки по которым фигурировали в аттестате зрелости.

После получения аттестата зрелости мой выбор пал на старейшее высшее учебное заведение России, ведшее свою историю с 1809 г., — Ленинградский институт водного транспорта. Оказалось, что в Москве работает его учебно-консультационный пункт. На базе пункта для студентов заочного отделения были организованы ежедневные лекции, практические занятия и лабораторные работы с привлечением профессорского и преподавательского состава московских вузов. Шесть дней в неделю мы слушали лекции, а воскресенья проводили на лабораторных занятиях в каком-нибудь из этих вузов. На старших курсах лекции по специальным дисциплинам читал профессорско-преподавательский состав института водного транспорта. Практически мы учились не заочно, а были настоящими вечерниками. Заочниками фактически были те студенты, которые не могли в силу определённых причин

посещать лекции вместе с нами. Работая на судах, до окончания института я приобрёл хороший производственный опыт по будущей специальности и получил рабочий диплом судового механика. Успешно защитив диплом, я стал обладателем двух морских профессий.

Мой жизненный опыт показал, что учёба без отрыва от производства даёт отличные результаты в том случае, если студент-вечерник работает на предприятии по своей специальности, где он имеет возможность своевременно закреплять материал, полученный на лекциях.

Сочетание производственного опыта с теоретическими знаниями помогало мне в дальнейшем грамотно и быстро решать производственные вопросы, где бы ни приходилось трудиться.

Эпилог. У большинства из нас, выпускников РМШ, в европейской части страны остались родные места. Мы в большинстве своём не рассчитывали долго работать в КЧГМП. И действительно, кто-то уехал, отработав положенный трёхлетний срок, другие трудились больше, а третьи — до пенсии. Кто-то продолжил учёбу. Слышал, что Аверкий Храмов окончил Сахалинское мореходное училище и после вроде бы был капитаном в Камчатском пароходстве. Якобы и Алексей Петров тоже окончил мореходное училище. Мой приятель по мореходной школе, с которым мы танцевали «Гамбургский фокстрот» в «Голубом салоне» лайнера «Сибирь», трудился в Камчатском пароходстве тридцать шесть лет. Он не стал учиться на штурмана, а окончил курсы механиков. Отработав три года после РМШ, остался в пароходстве, но уже по договорам, получая зарплату с учётом северных льгот, вместе со своей женой — землячкой, приехавшей к нему на Камчатку. В последующие годы, вступив в ряды «передового отряда рабочего класса», получил возможность ходить в загранрейсы.

Другой однокурсник — А. В. Косьянюк — был родом из-под Гродно. Он двадцать с лишним лет трудился старшим машинистом на паровых судах. Его жена вначале работала буфетчицей с ним на судах. Он тоже вступил в КПСС. Когда же они получили комнату, то Евгения Ивановна устроилась работать на берегу по своей специальности — бухгалтером. С Камчатки они уехали в Бердянск. Оба похоронены там же. Теперь их дочь, родившаяся на Камчатке, — школьный преподаватель географии — вынуждена сейчас мучиться в условиях, сложившихся в сегодняшней Украине...

Оба эти мои бывшие однокашники ходили в заграничье. Тот и другой совершил переходы на Балтику на судах КЧГМП.

К отъезду после трёхлетней отработки некоторых моих однокурсников подтолкнули низкая зарплата, отсутствие возможности продолжить учёбу в вечерней средней школе и перспектив профессионального роста, так как длительное время в парходстве не было курсов штурманов и механиков. Наверное, администрация КЧГМП могла бы по договорённости с руководством ГКРП использовать его учебно-курсовой комбинат для подготовки специалистов, необходимых ему, чем дать своим морякам перспективу на ближайшее будущее. А повышать свой заработок после трёхлетней работы здесь, начав работать по договору, некоторые из нас посчитали для себя неприемлемым.

Получилось так, что специалисты, приобретя производственный опыт, покидали Камчатку. Но никто из государственных мужей не задумывался над тем, что молодой специалист, отработав три года, захочет вернуться с Камчатки, куда его завезли бесплатно, в европейскую часть страны, к себе на родину. Для этого ему нужны будут деньги на проезд и существование до того, как он найдёт там работу в каком-нибудь портовом городе. Другими словами, ему в этом случае понадобились бы те же самые «подъёмные», чтобы вернуться из тех мест, куда его завезли против желания для того, чтобы он помог государству разрешить экономические трудности, которые испытывало правительство страны в ту пору. Но при этом его даже лишили северных надбавок.

Сказанное относится не только к выпускникам Рижской морской школы, но и в какой-то мере к выпускникам других учебных заведений, которые попали сюда против своего желания...

КАМЧАТСКАЯ ГЕОЛОГИЯ в 1969—1983 гг.

Думаю, что вначале будет уместно рассказать о Рэме Александровиче Ремизове как о главном инженере, а затем начальнике Камчатского территориального геологического управления «Камчатгеология» опираясь на его диктофонную запись, сделанную 12 апреля 1999 г. Я работал над этим материалом после его кончины, известие о которой поступило на Камчатку в июне 2006 г. из Калининградской области, где он жил, уйдя на пенсию. Поэтому читатель, знакомясь с его рассказом, должен делать временные поправки. Но сначала — мой материал о самом Рэме Александровиче Ремизове.

Он родился 25 января 1933 г. в селе Шехмань Шехманского района Тамбовской области. Его отец, окончивший сельскохозяйственную школу им. Варейкиса в Воронеже, работал агрономом в совхозе «Плавица», мать была в том же колхозе полеводом.

Из автобиографии Р. А. Ремизова:

«23 июня 1941 г. отец ушёл на фронт. Мать осталась с тремя детьми, из которых я был старшим. Сестре было пять лет, брату два года. Провоевав всю войну до последнего дня и дойдя до Восточной Пруссии, отец остался служить там же, а в январе 1946 г. вызвал туда семью.

В 1951 г. я окончил среднюю школу в г. Краснознаменске Калининградской области (бывший Лазденен) и вместе с товарищами поехал поступать в Ленинградский горный институт. Оказалось, что там очень большой конкурс, да и ребята решили поступать в высшее морское училище им. адмирала Макарова, куда меня не приняли из-за недостатка слуха. Я узнал, что в Петрозаводске есть геологоразведочный факультет в университете и поехал туда. Так 1 сентября 1951 г. я стал студентом Карело-Финского госуниверситета, который окончил в 1956 г. по специальности «Геологическая съёмка и поиски месторождений полезных ископаемых», получив квалификацию инженера-геолога.

В числе группы выпускников геолфака я был направлен на работу в Читинское геологическое управление. Оттуда нас направили в Южно-Якутскую комплексную экспедицию (ЮЯКЭ), располагавшуюся в пос. Чутьман Якутской АССР. В 1957 г. в связи с образованием Якутского территориального управления (ЯТГУ) экспедиция вошла в его состав. В Чутьман осенью 1956 г. приехала моя жена, выпускница филфака МГУ, и стала работать преподавателем английского и русского языков в вечерней школе...

Я стал заниматься поисками и разведкой месторождений коксующихся углей в Алдано-Чутьманском районе Южно-Якутского каменноугольного бассейна. Сначала полгода проработал старшим лектором в Чутьманской геологоразведочной партии, потом меня назначили старшим геологом этой же партии, а с мая 1961 г. — начальником Налдинской геологоразведочной экспедиции (ГРЭ)... В 1965 г. я был назначен главным инженером ЮЯКЭ...

Главной задачей экспедиции, определённой постановлением Совета Министров СССР, было создание минерально-сырьевой базы для дальнейшей организации нового металлургического производства к востоку от Байкала. К середине 1960-х гг. эта задача была в основном решена. В связи с достигнутыми успехами группа геологоразведчиков ЮЯКЭ в 1966 г. была награждена орденами и медалями, я был награждён орденом “Знак Почёта” и Почётной грамотой Президиума Верховного Совета ЯССР...

В сентябре 1966 г. меня перевели на работу в Янскую ГРЭ в качестве главного инженера. ЯнГРЭ располагалась в Заполярье, в пос. Батагай Верхоянского района Якутской АССР и проводила геологические работы в бассейнах рек Яны и Индигирки, а также на арктическом побережье моря Лаптевых. Основной задачей экспедиции было обеспечение запасами россыпного олова и золота действующих и вновь создаваемых горнодобывающих предприятий... В конце декабря 1968 г. приказом по Министерству геологии РСФСР я был назначен главным инженером Камчатского территориального геологического управления.

Покидая Якутию, которой отдал двенадцать лет жизни и где оставались мои друзья, я благодарил всех, кто научил меня нелёгкому делу организации геологоразведочных работ, кто помог понять, что такое работа в коллективе, а особенно — ответственность за своих подчинённых. Якутия была для меня настоящей геологической академией, за что я ей остался благодарен на всю жизнь».

А. А. Смышляев

19 января 1969 г., поздно вечером, я впервые увидел Петропавловск-Камчатский с самолёта Ил-18. Меня поразил длинный ряд огней вдоль бухты и освещённые корабли, стоящие на рейде. Картина была красочной, даже сказочной, но на душе было тревожно. Я думал о том, что ждёт меня на новом месте работы.

Начальник Камчатского территориального геологического управления Вадим Михайлович Никольский встретил меня тепло и радушно. Так как следующий день, 20 января, был выходным, я посвятил его знакомству с центром города, удивляясь обилию снега и яркого солнца после полярной ночи в Верхоянье. Город мне понравился.

В понедельник 21 января, после того как Никольский представил меня аппарату управления, я познакомился со специалистами службы главного инженера, начал знакомиться со структурой управления и прочим.

Моя практическая работа началась с разбора несчастного случая, произошедшего 25 января, как раз в день моего рождения. Внезапно из Камчатской нефтеразведочной партии геофизической

экспедиции пришло сообщение о гибели начальника партии Бориса Айзиковича Шапиро. Мы вылетели на Ичу для расследования вместе с начальником Камчатской горнотехнической инспекции Павлом Всеволодовичем Мухиным. Там нас ждали заместитель начальника управления Юрий Ефимович Вернидуб и прокурор Соболевского района Майтерман.

Выяснилось, что трактор, на котором Шапиро ехал на сейсмический профиль, провалился в незамёрзшее водное окно на болоте, прикрытое снегом. Комиссия расследовала обстоятельства гибели. По управлению был издан приказ, в котором, в частности, предусматривалось в летнее время обозначать будущие маршруты продвижения транспорта длинными вехами во избежание подобных несчастных случаев.

В моей прежней практике тоже были несчастные случаи, в том числе и с летальным исходом. Я всегда остро, очень тяжело переживал случившееся. И, естественно, по мере моих возможностей, принимал меры по недопущению подобного впредь.

Не могу не сказать о требованиях правил техники безопасности при производстве геологоразведочных работ вообще, а в условиях Камчатки особенно. Их соблюдение является первоочередной задачей, начиная с проекта и самой организации любых по объёму геологических исследований.

Географическое положение Камчатки и особенности её природно-климатических условий, отсутствие дорог в местах производства геологоразведочных работ уже требуют строжайшей дисциплины и ответственности. За годы моей работы на Камчатке больше всего несчастных случаев произошло именно по причинам, обусловленным этими обстоятельствами. В памяти камчатских геологов, уверен, сохранились имена погибших. Например, случай в Олюторской ГРЭ в октябре 1970 г., когда три геолога группы Резника замёрзли, не дойдя до лагеря трёхсот-четырёхсот метров из-за большого снежного покрова и пурги, выбившись из сил. За это я отчитывался в декабре 1970 г. на коллегии Министерства геологии (Мингео) РСФСР.

Невероятный случай произошёл в октябре 1978 г. в Мутновской гидрогеологической партии Паратунской экспедиции. Трое сотрудников Киевского энергетического проектного института, прибывшие в управление в командировку, ушли в устье реки Мутновка на рыбную ловлю. При возвращении началась снежная пурга, и они не вернулись. Были организованы поиски: сначала с вертолётá небольшими силами Мутновской партии, затем

почти всем составом партии, работниками экспедиции и управления. Была привлечена поисково-спасательная служба Камчатской области. Искали до установления мощного, свыше двух метров, снежного покрова, затем возобновили весной с началом снеготаяния, когда и были обнаружены останки пропавших людей. Можно представить горе и переживания в таких случаях родителей, родственников и близких... Понятна и тревога руководителей, не говоря о том, что такие случаи вносят, кроме переживания в коллективе, сбой в работе, а иногда — её приостановку или вообще прекращение.

Любопытный случай в Агинской партии произошёл 8 мая 1973 г., участником которого был и я. Агинское месторождение посетили первый заместитель министра геологии РСФСР Борис Матвеевич Зубарев и начальник Управления материально-технического снабжения союзного министерства Юрий Иванович Плотов. Среди сопровождавших были: начальник Камчатского управления Вадим Михайлович Никольский, я, Юрий Иванович Харченко — тогда главный геолог Южно-Камчатской ГРЭ, первый секретарь Мильковского райкома партии Раиса Андреевна Сафронова, начальник, старший геолог и другие сотрудники Агинской партии. Наша группа выехала на вездеходе с базы партии на штольню № 1. Дорога к штольне проходила по врезанной в склон горы дороге. Стояла тёплая, солнечная погода, лежал большой снежный покров, на который накануне выпал достаточно мощный снег. Пробыв на штольне около часа, мы выехали обратно. Метров через пятьсот дорогу преградила сошедшая перед нами снежная лавина. Её объёма было бы достаточно, чтобы накрыть нас или стащить вездеход вместе с нами вниз по склону к подножию горы. Но, к нашему счастью, всё обошлось благополучно. Это был один из первых сходов лавин в партии. При дальнейшей разведке месторождения лавинная служба установила многочисленные участки схода снега. Служба научилась успешно справляться с лавинами, обеспечивая их искусственный сход.

И ещё один случай, происшедший с моим участием на Сергеевском золоторудном месторождении 11 июля 1973 г. Опишу его несколько подробнее, так как он был мало известен в то время, а сейчас тем более. Связан он с вертолётom Ми-4, борт № 29077, и нашим полётom на нём.

Перечислю состав группы: Фёдор Мефодьевич Морозов, заместитель министра геологии РСФСР, Виктор Фёдорович Логинов, начальник Главвостокгеологии этого же министерства, Виктор

Иванович Сергеев, инструктор Камчатского обкома КПСС, Иван Алексеевич Усольцев, начальник Олюторской ГРЭ, Александр Васильевич Писаренко, первый секретарь Пенжинского райкома партии, Шамиль Шарифович Гимадеев, старший геолог Сергеевской партии, Валерий Григорьевич Никора, председатель Олюторского райисполкома, Вячеслав Саулович Кристалл, старший инженер Корякского авиаотряда, и я. Экипаж вертолѐта составляли: командир Борисов, второй пилот Муратов и техник-механик Иванов.

Вечером мы подлетели к месторождению. Прежде чем сесть, вертолѐт по нашей просьбе сделал круг над участком, где велись геологоразведочные работы. Пролетая невысоко над горой, где шли основные работы, вертолѐт начал терять высоту из-за перебоев в работе двигателя. Приблизившись к поверхности гребня горы, он три-четыре раза скачками ударился колѐсами о землю. В это время бортмеханик Лебедев открыл дверь, чтобы посмотреть, что происходит. Двигатель окончательно заглох, и вертолѐт, потеряв скорость, ещё раз ударился о землю и, заваливаясь на левый бок, упал на землю.

Внутри салона стояла бочка с бензином, и мы испугались возгорания, а то и взрыва. Если бы вертолѐт начал скатываться по крутому склону, переворачиваясь, то взрыв был бы неизбежен, но, к счастью, машина упѐрлась в склон хвостовой балкой, и движение прекратилось. Мы тут же стали выбираться наружу и отбегать на безопасное расстояние. Пострадавшими оказались Кристалл, получивший закрытый перелом ноги, и бортмеханик, повредивший кисть руки. Остальные отделались ушибами. Придя на базу партии, распили бутылку коньяка и таким образом сняли стресс, а заодно и отметили своё второе рождение. У меня сохранились фотографии той аварии и кусочек лопасти вертолѐта.

В этом случае тоже были нарушены правила эксплуатации техники и перевозки людей. Вертолѐт, как оказалось, дорабатывал свой ресурс, а у экипажа были ограничения на перевозку пассажиров. За этот случай я и В. И. Сергеев, настоявший на полѐте, получили взбучку от первого секретаря обкома партии Д. И. Качина. Получили своё экипаж и руководители авиаотряда.

Вопросы организации безопасных условий работы и контроль их производства были основными моими заботами в должности главного инженера, а затем и начальника управления. Большую работу в этом направлении вели заместители главного инженера Василий Данилович Тищенко, Александр Александрович Туганов и соответствующие службы управления. Многое зависело и от

согласованности наших действий с горнотехнической инспекцией, возглавляемой Павлом Всеволодовичем Мухиным, с которой нам удалось установить деловые отношения.

Коснусь работ по нефти и газу. Нефтепоисковые работы на Камчатке с самого начала занимали особое место. Основная причина этого — в высокой перспективности открытий практически во всех возможных нефтегазоносных районах области промышленных месторождений. Вторая причина — это возможность в ближайшей перспективе обеспечить хотя бы собственное хозяйство области горючим и топливно-энергетическим сырьём. Несмотря на это, работы велись небольшими силами и в крайне ограниченных объёмах даже для отдельно взятого перспективного, возможно, нефтегазового района Камчатки.

В 1969 г. работы сосредоточились в Ичинском районе Западной Камчатки. Административно это Соболевский район, конкретно — посёлок Ичинский. Посёлок геологическое управление приобрело у Камчатрыбпрома в известный на Камчатке период перехода к лову и переработке рыбы в районах промысла. Тогда были заброшены многие рыбокомбинаты на побережье полуострова. Я был ещё в одном месте — в бухте Лаврова, где тоже видел заброшенный посёлок.

Ичинский требовал больших ремонтно-восстановительных работ, а для нужд экспедиции — ещё и дополнительного строительства. Не совсем совершенной была и структура управления нефтепоисковыми работами, их подчинённость геофизической экспедиции в Елизово, техническое руководство со стороны специалистов управления и прочее. Поэтому Мингео РСФСР по просьбе управления в 1969 г. издало приказ о создании Западно-Камчатской нефтеразведочной экспедиции с базированием в посёлке Ичинском. Начальником экспедиции назначили Василия Михайловича Сарычева, прибывшего в управление в начале февраля 1969 г. из Оренбурга, где работы на нефть и газ велись в значительных объёмах и с высокой эффективностью. Там он получил опыт организатора нефтеразведки. Его знания, опыт, напористость и твёрдость характера во многом определили сроки организации экспедиции и её дальнейшую деятельность. Как всегда бывает в таких случаях, за ним приехали нужные и опытные специалисты — Анатолий Николаевич Мартынов, Фалин.

Геологическую службу экспедиции возглавлял сначала Самат Залетгитдинович Сарфутдинов, а затем Семён Петрович Скуратовский. Непосредственно на буровых работали геологи Павел Андреевич

Бендюков, Генур Нуриевич Шайморданов, Николай Иванович Краснопевцев и другие, прибывшие на Камчатку ещё молодыми специалистами. Буровые бригады возглавляли Николай Иванович Пономарёв, Анатолий Николаевич Мартынов, Зверев. Бурильщиками трудились Тренин, Воронков, их помощниками — Гежелёв, Евдокимов, Арутюнян и другие опытные, знающие своё дело буровики.

Учитывая специфику и важность предстоящего, в руководстве управления и аппарате была предусмотрена должность заместителя начальника по работам на нефть и газ, а в аппарате — производственно-геологический отдел. В этой ситуации я, как главный инженер, мог сосредоточиться на других задачах управления, одновременно постигая специфику происходящего, контролируя вопросы техники безопасности и в целом организацию работ.

Заместителями начальника управления в разное время были Юрий Леонтьевич Осинцев, Геннадий Александрович Костромин и Вадим Максимович Дьяченко. Все они приобрели необходимый опыт в других организациях страны. Не их вина, что каждый из них мало находился на Камчатке, но и за это время они успели сделать немало положительного для развития работ. Небольшие объёмы по сравнению с районами, где они до этого трудились, сложности в материально-техническом обеспечении, возможно — неудовлетворённость от этого и другие причины привели к тому, что они уехали с полуострова.

Бессменным руководителем отдела по работам на нефть и газ был Евгений Павлович Клёнов, ветеран, посвятивший всю свою трудовую деятельность изучению геологии Камчатки. За ним — опыт геологического картирования, ранее — поиски нефти и газа, в нём — история геологического исследования области в послевоенные годы.

В его отделе состояли инженер-нефтяник Игорь Замятин, инженер-механик Анатолий Степанович Попенко, в своё время работавший на Богачёвке и в Воямполке. Этот отдел совместно с заместителем начальника управления и главным геофизиком Геннадием Петровичем Декиным располагали всеми геологическими и геофизическими материалами на каждый год и на перспективу, отличавшимися высоким качеством, своевременностью и вызывавшими доверие.

В сравнительно короткий срок посёлок Ичинский был в основном обустроен, экспедиция имела необходимое жильё, производственные цеха, социально-культурные и бытовые объекты, включая даже

коровник. Построили аэродром для самолётов Ан-2 и вертолёт, имелся катер, плашкоуты для перевозки грузов с судов, приходивших на рейд посёлка. В экспедиции были организованы бригады: две для глубокого бурения параметрических скважин, одна структурного бурения и вышкономонтажная. Бригады структурного бурения работали не только на Ичинской площади, но и в Тигильском районе.

Годовой объём глубокого бурения составлял до десяти тысяч погонных метров, небольшой для двух бригад. Но на это влияли недостаточное материально-техническое снабжение, крайне сложные транспортные схемы доставки грузов, при этом смешанные перевозки, когда сначала груз к нам идёт по железной дороге, а затем по морю. Часто у грузоотправителей отсутствовали лимиты на такие перевозки. Это приводило к перевалкам грузов во Владивостоке или Ванино, а также в Петропавловске, отрицательно сказываясь на нашей деятельности, не позволяя ритмично выполнять задания.

Чтобы как-то обеспечить геологоразведку, и не только на нефть и газ, управление имело два теплохода: «Академик Карпинский» и «Академик Обручев» — бывшие средние рыболовные траулеры водоизмещением по триста тонн. Первый оборудовали для перевозки взрывчатых веществ из Ванино, где находился наш склад. Правда, они не могли обеспечить наши нужды. С развитием работ, в 1975 г. управление вынуждено было приобрести бывший долгие годы в эксплуатации на Сахалине теплоход «Южно-Сахалинск» водоизмещением 1 200 тонн. Камчатское морское пароходство не обеспечивало наши мелкие перевозки, а фрахтовать суда для нас было крайне дорого. Эти и другие причины не позволяли ритмично выполнять установленные плановые задания по проходке и обеспечению технологии бурения скважин и, соответственно, качества на всех стадиях проходки, опробования и испытания.

Более обстоятельно экспедиция и управление подготовились к проходке скважины № 1 в августе 1971 г. на Лиманской структуре вблизи Ичинского. Бурение было закончено в середине 1973 г. на глубине 3 219 м. В то время это была самая глубокая скважина на Камчатке. Были вскрыты возможно продуктивные горизонты пород. При испытании на глубине 2 109—2 070 м в августе 1973 г. был получен фонтанный приток газоконденсата в 11 000 кубометров в сутки, в том числе до 0,25 кубометра конденсата. При испытании ещё двух нижележащих горизонтов (2 667 и 2 376 м) получили притоки газа до трёхсот «кубов» в сутки.

На примере Лиманской структуры геологи получили представление о возможных локальных ловушках для нефтегазонакопления, а главное — практическое подтверждение перспективности работ в бассейне и районе и, соответственно, правильности выбранного направления. Несомненно, это был большой успех нефтеразведчиков и геофизиков и всего коллектива Камчатского геологического управления.

С большим интересом и удовлетворением наш результат был воспринят в областном комитете партии, в облисполкоме, в Соболевском районе и вообще в области. Этому событию посвятила материалы газета «Камчатская правда». Коллектив управления вышел на демонстрацию 7 ноября 1973 г. с транспарантом, сообщавшим об этом открытии.

В апреле 1976 г. геологическое управление посетил министр геологии РСФСР Лев Иванович Ровнин, геолог-нефтяник тюменской школы, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда. Побывал он и в экспедиции, где положительно оценил результаты и направление поисков. Посетил он и Центрально-Камчатскую ГРЭ, и Агинское золоторудное месторождение. Для нас его оценка, да и само посещение, имели хорошие последствия: отношение министерства к Камчатке после этого заметно улучшилось. Откровенно скажу, что отношение к Камчатке со стороны союзного и республиканского министерств было не очень внимательным. Исключением явилась лишь работа на термальные воды как неординарный вид полезных ископаемых, присущих полуострову.

Не секрет, что для многих работников министерств Камчатка являлась краем вулканов, рыбы, крабов. К тому же поиск термальных вод с целью развития теплично-парникового хозяйства был одобрен ещё в 1962 г. постановлением ЦК КПСС и Совмина РСФСР, подписанным лично Н. С. Хрущёвым. Мы ведь привыкли работать и работали в «свете указаний, решений и постановлений». Это целиком относится к разведкам рудного золота, о чём я ещё скажу ниже. Да и сам приезд министра на Камчатку стал возможен благодаря стараниям обкома КПСС и облисполкома, которые были заинтересованы в развитии геологоразведки и использовали для этого такой случай, как вручение области Красного знамени за победу в соцсоревновании в сельском хозяйстве по итогам 1975 г.

Работы на нефть и газ в западной части стабилизировались, геофизики успешно вели сейсморазведку возможно перспективных

нефтегазоносных структур на западе и в центральной части Камчатки. К концу 1979 г. экспедиция достигла ещё одного положительного результата: на Камчатской структуре при проходке скважины были получены прямые признаки наличия газоконденсата, и предстояли испытания в скважине. Буровая бригада была занята на этих испытаниях, поэтому план по метражу бурения не выполнялся.

Как-то поздно вечером в начале декабря 1979 г. мне домой позвонил министр геологии РСФСР Л. И. Ровнин. Такого раньше никогда не было, звонили или его заместители, или же работники аппарата министерства. Разговор начался с вопроса: что у вас там делается в нефтеразведочной экспедиции? Почему срываете выполнение плана? Я объяснил причины, сказав, что бригада занята подготовкой к испытанию скважины и мы не можем перевести её на другую точку. Но делового разговора не получилось. Мне был задан ещё один вопрос: а не забрать ли у вас эти работы? Без возражений я ответил: забирайте!

На следующий день я был в кабинете у первого секретаря обкома партии Д. И. Качина, где присутствовал секретарь обкома П. П. Зиновьев. Он сказал, что ему звонил Ровнин, у министра есть предложение передать работы на нефть и газ в Сахалинское ТГУ и от меня уже получено согласие. Я удивился и рассказал о вечернем разговоре. Я не считал так добытое от меня согласие настоящим согласием на передачу работ, не думал, что такой серьёзный вопрос может решаться таким образом.

Передача работ 1 января 1980 г. в Сахалинское ТГУ проходила тяжело для меня, для руководства нашего управления, да и всего коллектива. Она воспринималась отчасти как недоверие. К сожалению, и обком партии занял неопределённую позицию, не настояв на сохранении работ за нами.

Из состава управления в полном составе были переданы Западно-Камчатская нефтеразведочная экспедиция, две сейсморазведочные партии, а с ними произошло разделение производственной базы Елизовской геофизической экспедиции. Болезненно решались вопросы раздела флота, и без того малой территории базы материально-технического снабжения, расположенной в Сероглазке, складских и других помещений в Петропавловске.

Замечу, что для Сахалинского ТГУ включение в его состав работ по нефти и газу на Камчатке являлось острой необходимостью и выходом из положения, в котором оно оказалось. При наличии месторождений нефти на севере Сахалина и с открытием первых

месторождений на шельфе, появились проекты их разведки и освоения совместно с Японией и США. Совмин СССР в 1979 г. принял постановление о передаче всех работ по нефти и газу на Сахалине и его шельфе Министерству нефтяной и газовой промышленности СССР. Сахалинское ТГУ в этом случае лишалось основных объёмов геологоразведочных работ, и вообще вставал вопрос о его существовании.

Зная это, я предполагал, что за этим последуют какие-то решения министерства, но не ожидал, что они будут приняты без обсуждения, в обход нас. Естественно, это сказалось на дальнейших взаимоотношениях Камчатского и Сахалинского ТГУ.

Геологическое изучение территории Камчатской области в прошлом уже имело экспедиционный характер, организованный из других регионов страны. Результаты этих работ известны — они ничтожны. Вспоминается выступление на 21-й областной партийной конференции, состоявшейся 21 декабря 1980 г., напечатанное затем в газете «Камчатская правда», первого секретаря Соболевского райкома партии З. Л. Краснощёковой. Она поставила вопрос о создании к 1990 г. в районе для нужд области энергетического узла за счёт использования уже открытого месторождения природного газа Кшукской площади и Крутогоровского месторождения угля. Она же выразила надежду и просьбу Сахалингеологии увеличить ассигнования и объёмы работ на Камчатке.

В числе немногих объектов, где в 1969 г. в значительных объёмах шла геологоразведка, было Малетойваямское месторождение серы. Работы проводились одноимённой партией из посёлка Корф, подчинённой непосредственно управлению, и находились под контролем Мингео СССР.

В феврале 1969 г. я вылетел в Корф. Здесь познакомился с начальником партии Юрием Павловичем Рожковым и главным геологом Альфредом Евгеньевичем Коновым. Затем вместе с Коновым мы вылетели непосредственно на месторождение. То, что я там увидел, произвело на меня удручающее впечатление. На заснеженной, продуваемой всеми ветрами, почти ровной, голой тундре стояло несколько балков для жилья. Их изготавливали в нашем стройуправлении, и они хорошо себя зарекомендовали в южной части полуострова при разведке термальных вод, но здесь... Тут же стояли небольшая электростанция, балок-столовая, а вот механическая мастерская, или хотя бы её подобие, отсутствовала.

На этой площади работало несколько буровых бригад. Ознакомившись с состоянием дел на месторождении, я вместе с Коновым

провёл собрание коллектива партии. В большинстве своём его составляли молодые люди, холостяки, имевшие определённый опыт буровых работ, особенно на востоке страны. Собрание было бурным, неприятным для руководства партии и управления. Остро критиковали, говорили о наболевшем, иногда с надрывом, о неустроенности элементарного быта, недостатках буровых работ, оснащении материалами и запчастями, инструментом, отсутствии мастерской, транспорта, о низкой и несправедливой оплате труда. Было за что потеть и краснеть. Для меня это явилось крепким испытанием.

Подобное я переживал ранее, когда работал начальником геологоразведочной партии на угольных месторождениях юга Якутии, где у меня было до десятка буровых бригад. Но там я находился в коллективе, знал людей, возможности каждого, мог полагаться на них или же на помощь экспедиции. Здесь этого у меня не было. Многое значит для руководителя знание людей! Техника в геологоразведке, в общем-то, везде была одинаковая, её возможности определяли люди, их знания, опыт, сноровка, мастерство и отношение к делу. Это подтверждает то, что произошло далее.

Не надеясь из-за непогоды на вылет авиации, я и Конов поехали в Корф на тракторе с санями. Примерно на полпути, перед рекой Вывенкой, нас накрыла снежная пурга. Дорога представляла собой обычный след, накатанный по снегу тракторными санями. С него легко съехать и потеряться. И мы действительно много раз сбивались с пути. Тогда вылезали из кабины и нащупывали след ногами, вновь двигались вперёд. Так повторялось многократно. Поздно ночью приехали в Корф. Здесь проявились богатый опыт дальних перевозок, выдержка, характер тракториста Николая Зиновьева. Он много лет проработал на Севере, знал технику. Это позволяло ему уверенно чувствовать себя в тундре и хорошо выполнять свои обязанности.

Совместно с руководством партии мы составили план улучшения дел на месторождении. Все мероприятия разделили между партией и управлением. На совещании у начальника управления В. М. Никольского я доложил о них. Мой доклад не вызвал особого понимания и одобрения, хотя многое было принято к выполнению. Часть намеченного осуществить было невозможно из-за отсутствия у управления возможностей. Об этом я тогда ещё не знал, мне это только предстояло выяснить.

Нельзя не сказать, здесь нет секрета, что отношение ко мне, как к новому человеку и руководителю, было, по меньшей мере, насто-

роженное. Ко мне присматривались, изучали, осторожно поддерживали. Предстояло многое познать, чтобы возникло взаимопонимание. Надо было утвердиться, вписаться в коллектив.

Основным по моей части был производственно-технический отдел, с которым ещё предстояло срабатываться. Им управлял Василий Алексеевич Кащенко, человек, старше меня на пятнадцать лет, родившийся в 1918 г., прошедший Великую Отечественную войну, закончивший её в звании майора, имевший боевые награды. До войны он окончил Бакинский нефтяной институт. Это был грамотный инженер, опытный специалист и мудрый человек. После войны он оказался на Камчатке и работал на Богачёвке, а с организацией управления — в нём. Своеобразный человек, всегда имевший своё мнение и умевший его отстаивать. Его авторитет в аппарате управления и экспедициях был очень высок. Откровенно скажу: для меня он оказался крепким орешком, мы долго не понимали друг друга, не складывались взаимоотношения, не было доверительности. Происходило что-то вроде дуэли характеров. Порой мне казалось, что он не воспринимает меня как главного инженера из-за молодости. Кстати, я оказался самым молодым главным инженером в геологических управлениях, по крайней мере, на востоке России. Я мог бы поставить вопрос о его уходе с должности руководителя отдела, но даже в мыслях не делал этого, как, впрочем, и в отношении других специалистов этого отдела и прочих подчинённых мне служб. Со временем, когда Кащенко убедился, что из моих предложений и решений стало что-то получаться, а производство наладилось, у нас сложились хорошие, деловые отношения. Больше того, впоследствии мы стали с ним близкими товарищами, дружили семьями и после его ухода на пенсию и переезда в Москву не раз встречались, переписывались до самой его кончины.

Естественно, нормальные отношения с начальником отдела сказывались и на отношениях с другими специалистами управления. Я с благодарностью вспоминаю тех, кто в это время находился рядом. Это — Геннадий Константинович Федотов, Анатолий Степанович Попенко, Анатолий Иванович Доброскок, Нина Михайловна Шаталина, Василий Данилович Тищенко, Владимир Григорьевич Грицаенко и другие.

Вернусь к Малетойваямскому месторождению. Буровые работы проходили там тяжело, медленно. Недостаточное снабжение бригад вызывало простои, высокой была аварийность в скважинах. Эти и другие причины не позволяли существенно изменить

положение к лучшему. На месторождении часто бывали специалисты управления, в том числе я и В. М. Никольский, инструктор обкома партии Сергеев. В сентябре 1969 г. там побывал начальник Главвостокгеологии Мингео СССР Иван Семёнович Бредихин. Все, конечно, были не удовлетворены состоянием дел. Под давлением этого Никольский был вынужден освободить начальника партии Юрия Павловича Рожкова. На эту должность был назначен Иван Алексеевич Усольцев, до этого начальник Пенжинской экспедиции. На Камчатку его пригласили по моей рекомендации. Я знал его по студенческим годам и по Южно-Якутской ГРЭ, где он был старшим геологом на разведке железорудного месторождения, а затем начальником партии на россыпном золоте. В момент приглашения на Камчатку он трудился главным инженером экспедиции в Казахстане. Впоследствии, с организацией Олюторской экспедиции, он возглавил её, а Ю. П. Рожков стал там главным геологом. Они хорошо сработались, дополняя друг друга знаниями и опытом.

Не могу не сказать, хотя бы немного, о Ю. П. Рожкове. В той сложной ситуации не было заметно, как он переживал своё освобождение от должности. Он не встал в позу обиженного, не искал сочувствия у других, не замкнулся в себе. Для этого надо иметь больше чем характер. В дальнейшем я не раз убеждался в его большой работоспособности, глубокой порядочности, уважительности, влюблённости в геологию и природу Корякского края. После отъезда Усольцева в 1974 г. он стал начальником экспедиции и проработал им до ухода на пенсию. Уже после отъезда в Ростов-на-Дону, где он живёт сейчас (записки Р. А. Ремизова писались ещё при жизни Ю. П. Рожкова. — А. С.), меня поразило сообщение из письма, где он говорил о возврате на работу теперь уже в Корякгеолком. В ответ я посоветовал ему приобрести клочок земли, направить свои усилия на него и на этом успокоиться, радуясь детям и внукам. Что он и сделал.

Вновь вернёмся на Малетойваям, где вскоре были обустроены базы как на самом месторождении, так и в Корфе, упорядочена оплата труда, улучшено материально-техническое обеспечение. Укрепилось и руководство буровыми работами. Руководителями стали сначала Сорокин, а затем Михаил Николаевич Каншин, опытный специалист в буровом деле, приглашённый нами с Украины.

Детальная разведка месторождения была завершена, отчёт по работам, составленный группой геологов во главе с Альфредом Евгеньевичем Коновым, успешно защищён в Государственной

комиссии по запасам (ГКЗ) при Совмине СССР. В составлении отчёта активное участие принимал и начальник управления В. М. Никольский, специалист по сере. Он его отредактировал.

Малетойваямское месторождение серы является крупным по запасам, но, в силу своего географо-экономического положения и изменения конъюнктуры на серу, утверждённые в ГКЗ запасы были отнесены к забалансовым. Поэтому работы на нём были прекращены.

В аналогичном положении оказались результаты поисково-оценочных и геологоразведочных работ на ртуть на Чемпуринском и Олюторском месторождениях, на медь и медно-никелевые руды — на Кирганикском и Дукукском, Кувалорогском и Шанучском, на олово — на Айнаветкинском, Хрустальненском и других. Все эти объекты при разной степени изученности отнесены не более чем к средним по запасам и признаны неперспективными для освоения в ближайшие годы из-за слабого экономического развития Камчатки. Поэтому работы после 1975—1976 гг. не получили дальнейшего развития. Так, Олюторское месторождение ртути в 1972 г. посетил начальник главка «Союзртуть» Министерства цветной металлургии Зверев. В его структуре в то время существовали разведочно-эксплуатационные предприятия, обрабатывавшие не крупные, но богатые месторождения ртути. Естественно, все мы были заинтересованы в освоении Олюторского или Чемпуринского месторождений. И в управлении, и в области желали начать их разработку. Поэтому, кроме меня, Ю. П. Рожкова, начальника партии Деркача, на место выезжали инструктор обкома партии В. И. Сергеев и П. П. Зиновьев, бывший тогда секретарём Олюторского райкома партии. Запасы руды, содержание ртути в жильных зонах, горно-технические условия и, наконец, близость к бухте Сомнения — всего лишь около пятнадцати километров — позволяли организовать рентабельное предприятие. Но, к сожалению, это не получилось.

Прекращение работ по ртути, меди и олову определённо повлияли на активизацию поисков золота, особенно на Сергеевском и Агинском месторождениях. Разведка россыпного золота в центральной части полуострова увенчалась успехом, что позволило в 1964 г. организовать его промышленную добычу. Пенжинская и Олюторская экспедиции к концу 1970-х гг. выявили, а затем и разведали промышленные россыпи золота, и объединение «Приморзолото» начало его добычу. В начале 1980-х гг. появились первые данные о наличии платиновой россыпи на ручье Ледяном, которая в настоящее время разведана и разрабатывается.

Попутно замечу, что отношение областных организаций, таких как объединение «Камчатстрой» (И. Г. Зелинский), домостроительный комбинат (А. И. Таранец) к разработке стройматериалов было неоднозначным. В 1960—1970-х гг. геологи выявили их многочисленные месторождения: камня, туфов, шлаков, пемзы, перлитов, обсидианов, известняков, глины, их часть была разведана. Освоенными оказались месторождения, расположенные вблизи Петропавловска и Елизово. А вот удалённые от дорог не разрабатывались, и не из-за отсутствия средств, а ввиду нежелания усложнять свои дела и, откровенно говоря, иждивенческого настроения. Примером может быть Леховское месторождение кремнисто-карбонатных пород, расположенное в семидесяти километрах от Петропавловска. Эти породы являются естественным сырьём для получения различных бетонов, облицовочного и силикатного кирпича. Несмотря на наши усилия привлечь внимание областных организаций к нему, оно так и осталось невостребованным.

В конце 1972 г. в Якутске на базе местного ТГУ состоялось совещание руководителей геологических организаций востока страны, которое провёл министр геологии СССР академик А. В. Сидоренко. Обсуждались вопросы, связанные с реализацией закрытого постановления ЦК КПСС и Совмина СССР о создании золоторудной минерально-сырьевой базы для строительства горно-обогатительных комбинатов с целью увеличения достигнутого уровня добычи золота. Его основная доля приходилась на россыпные месторождения востока страны, количество разведанных запасов не покрывало уровень добычи. Эту задачу необходимо было решить за счёт разведки и вовлечения в сжатые сроки в разработку золоторудных месторождений. В числе вошедших в постановление значилось наше Сергеевское, где геологи управления вели поисково-оценочные работы. Агинское месторождение в перечне отсутствовало. Сказалось, видимо, традиционное мышление людей, готовивших документ, что восточней Магаданской области месторождений золота быть не может.

От нашего управления в совещании участвовали я и главный геолог Тихон Васильевич Тарасенко, выступивший с обстоятельным, блестящим докладом. Он изложил результаты поисково-оценочных работ в Центрально-Камчатском рудном районе. Это месторождения Оганчинское, Бараньевское, Сухариковские Гребни, Агинское и на севере области — Аметистовое и Сергеевское. Доклад вызвал интерес министра, специалистов, да и всех участников совещания. После посещения Агинского месторождения в мае 1973 г. первым

заместителем министра геологии РСФСР Б. М. Зубаревым его включили в перечень объектов названного постановления.

После нашего возвращения в управление геологические задачи, сроки выполнения названного постановления были обсуждены вначале руководством, а затем на совещании со специалистами управления. Были определены необходимые объёмы основных видов геологоразведочных работ, составлены ориентировочные графики их выполнения, проведены расчёты необходимой буровой и горнопроходческой техники, энергетического оборудования, материалов, транспорта и прочего. Определено количество буровых, горнопроходческих бригад, потребность в кадрах инженерно-технических специалистов и рабочих. Цифры получились внушительными. Управление подобных объёмов работ ещё не проводило и таким оборудованием не располагало.

После уменьшения расчётных цифр в меньшую сторону наши заявки были направлены в министерство. Мы не рассчитывали на быстрое получение хотя бы части того, что требовалось для разворота работ на месторождениях, но, поняв заинтересованность в них со стороны руководства страны, наше управление получило шанс показать и реализовать на примере этих месторождений хотя бы маленькую часть потенциальных возможностей Камчатской области. Не менее важным было и то, что Камчатское территориальное геологическое управление могло утвердиться в Мингео СССР как решающее важные народно-хозяйственные задачи и равное среди других. Ведь до сих пор оно решало лишь задачи обеспечения нужд области — поиск месторождений воды, стройматериалов и прочего. Мингео СССР было перегружено задачами государственной важности вроде Тюмени и зоны БАМ. По каждому из этих районов были приняты соответствующие постановления, а отношение к нашему управлению примерно было таким: сиди и не чирикай. Наконец, не менее важной для геологов и всего коллектива управления стала возможность испытать чувство удовлетворения результатами своего труда при выполнении именно государственных задач и ощутить внимание к себе. Такое, конечно, объединяет людей, сплачивает и улучшает их настроение, обстановку в коллективе.

Начальник управления В. М. Никольский, как это было принято, доложил обкому партии и облисполкому о новых задачах, поставленных перед геологами, принимаемых нами мерах и возникающих при этом трудностях, получив поддержку и заверения в оказании помощи.

Мы сразу же приступили к изысканию необходимых оборудования, транспорта, стройматериалов в соседних управлениях и организациях области. Остро встали кадровые вопросы. Опытные руководители буровых и геологических работ имелись в Паратунской гидрогеологической экспедиции, в меньшей степени — в геологосъёмочной и Южно-Камчатской. Обращения к их руководителям большого успеха не имели, так как их люди были в основном съёмщиками и поисковиками, да и в бытовом плане они неплохо устроены в Петропавловске или Елизово, имели интересную работу. Ехать же на новые объекты — значит начинать всё сначала, с нуля. Специалисты отказывались от предложений потрудиться там. К тому же начальники Сергеевской и Агинской партий Ш. Ш. Гимадеев и М. М. Задорнов — оба геологи — не имели опыта организации больших по объёму работ. В этой ситуации оставалось одно: приглашать руководителей из других мест. К этому принуждали и крайне сжатые сроки, отпущенные нам на разведку и получение первой очереди запасов руд. Мною, по согласованию с В. М. Никольским, начальником Агинской ГРП был приглашён Владимир Сергеевич Варфоломеев. Я знал его по работе в ЯнГРЭ. Это был умелый руководитель и организатор коллективов геологоразведчиков, строитель посёлков в суровых условиях. Он умел работать с людьми, находить решения сложных вопросов, умел обустроить быт. Такие специалисты на начальной стадии организации нового производства просто незаменимы.

Во второй половине 1973 г. были приглашены: Алексей Ефимович Тимощенко — главным инженером Южно-Камчатской экспедиции, прекрасный инженер, выпускник Томского политехнического института, бывший начальник производственного отдела ЯнГРЭ; Анатолий Николаевич Кобыч — начальником техотдела; Александр Михайлович Пантелеев — старшим инженером по горным работам. Приглашались специалисты и из других районов страны, в основном восточных.

Приказом по Мингео СССР 22 июня 1973 г. я был назначен начальником Камчатского территориального геологического управления, и 7 июля, приняв дела от В. М. Никольского, приступил к работе. Четыре с лишним года пребывания в должности главного инженера позволили мне сразу, не входя в курс дел, приступить к исполнению новых обязанностей. Обошлось без поспешных действий, что важно в таких случаях, без кадровых перемещений в аппарате и подразделениях. Мне были в основном известны качества руководителей, поэтому в разговоре с ними я ограни-

чился только высказыванием своих замечаний, пожеланий и требований к ним.

Одновременно с моим назначением на должность начальника управления, с моего согласия и по моему ходатайству главным геологом был назначен Юрий Иванович Харченко, до этого главный геолог Южно-Камчатской ГРЭ. Последующие десять лет совместной работы и общения с ним, его семьёй и товарищами стали для меня очень важными. Он был не только коллегой, но и во многом являлся примером своим отношением к делу, людям. Юрий Иванович — мой ровесник. Он родился 6 августа 1932 г. Жизнь преподнесла ему жестокий урок. Окончив с отличием Бакинское высшее военно-морское командное училище, он недолго служил в Дунайской флотилии, затем оказался на Камчатке, где в 1959 г. во время известных хрущёвских сокращений Вооружённых сил был уволен в звании капитан-лейтенанта. Прекрасный офицер, готовый служить отечеству, с молодой женой Клавдией Васильевной и ещё маленькой дочкой Наташей, он оказался на берегу, снимая частную квартиру. Попытки найти работу на флоте, у рыбаков, в морском пароходстве оказались безрезультатными. Судьба свела его с геологией, куда он пошёл простым рабочим, радиометристом в геологосъёмочную партию. Её начальником был Сергей Елистарович Апрельков, оказавший на него большое влияние. Он же помог ему освоить специальность геолога. Ю. И. Харченко окончил Всесоюзный заочный политехнический институт, стал инженером-геологом.

Благодаря его характеру, настойчивости, целеустремлённости, внутренней организованности, большой работоспособности, приобретённым знаниям, он успешно продвигался. С его участием ещё до 1968 г., а далее и под его руководством проводились средние и крупномасштабные поисковые работы в пределах Центрально-Камчатской рудной зоны. С 1968 по 1973 г. он принимал непосредственное участие в детальном геологическом картировании ряда золоторудных и ртутных объектов, а став главным геологом Южно-Камчатской экспедиции, руководил поисковыми и разведочными работами по рудному и россыпному золоту, стройматериалам, термальным водам. В 1973 г. его наградили орденом Трудового Красного Знамени. В июне 1974 г. Юрий Иванович успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата геолого-минералогических наук «Структурные и магматические особенности локализации предповерхностного золотого оруденения в Центрально-Камчатском рудном районе».

Это ли не пример для подражания нынешним офицерам, увольняемым из Российской Армии? Наша семья с горечью восприняла в 1987 г. сообщение о кончине Юрия Ивановича. Мы его помним, переписываемся с Клавдией Васильевной, храним все его письма и открытки.

Мы обсуждали вопрос о главном инженере управления. Были определены кандидатуры, требовалось их дополнительное изучение с последующим представлением коллегии Мингео РСФСР и обкому партии. В это время мне позвонили из управления руководящих кадров министерства и предложили на эту должность Аркадия Александровича Сазонова. Он только что вернулся из заграничной командировки в Танзанию, где был техническим руководителем группы советских геологов. Я хорошо знал его по совместной учёбе в университете, после окончания которого он работал в Якутии.

Заместителем начальника управления был Владимир Фёдорович (Фридманович) Винокур. В эту должность он вступил после отъезда в 1970 г. Юрия Ефимовича Вернидуба. Винокур окончил Саратовский геологоразведочный техникум, его трудовая деятельность в основном была связана с термальными водами Камчатки. До перехода в управление он был начальником Паратунской гидрогеологической партии, опытным, инициативным руководителем. Но его энергичность часто не подкреплялась нашими возможностями и даже становилась помехой для решения определённых задач: он иногда расплылся по мелочам. По ряду причин в 1980 г. его освободили от должности заместителя начальника управления и перевели начальником Паратунской гидрогеологической экспедиции. На его место назначили Виктора Ивановича Сергеева, бывшего инструктором обкома партии.

Главным геофизиком трудился Геннадий Петрович Декин, главным гидрогеологом — Цалик Элевич Ахиезер, начальником геологического отдела — Юрий Анатольевич Новосёлов, старшими геологами по золоту — Юрий Фёдорович Фролов и Игорь Диамидович Петренко, старшим геологом по геологической съёмке и региональным работам — Ананий Иванович Поздеев, начальниками производственно-технического отдела — Василий Алексеевич Кащенко и Сергей Антонович Колевид, начальником отдела труда и заработной платы — Владимир Григорьевич Грицаенко, начальником отдела кадров, затем заместителем генерального директора объединения по кадрам — Пётр Антонович Головин (передал дела Виталию Николаевичу Федореву), старшим экономистом —

Зинаида Евгеньевна Толстикова, главным механиком — Павел Васильевич Ерыкалкин и другие старшие специалисты. Всех их перечислить просто невозможно, пусть они меня простят.

В сентябре 1973 г. я и главный геолог Ю. И. Харченко были вызваны на коллегию Мингео СССР. Её вёл министр А. В. Сидоренко, в работе принял участие секретарь Камчатского обкома партии Михаил Фёдорович Ушаков. Рассматривались вопросы изученности месторождений, состояния и хода геологоразведочных работ на Агинском и Сергеевском месторождениях. Откровенно скажу, первый для меня доклад на подобных заседаниях прошёл не очень удачно. Сказались волнение, незнание обстановки на коллегии, сравнительная молодость по сравнению с сединой членов коллегии (мне было сорок лет, и я оказался самым молодым начальником управления на востоке России). Я не уложился во времени, увлёкся деталями, за что получил ряд замечаний. Но было видно желание членов коллегии выслушать нас и помочь советом и делом. Всё закончилось решением, где кроме конкретных геологических задач и мер, необходимых для их выполнения, предусматривалась и некоторая материально-техническая помощь.

В 1970-х гг. управление получало один-два трактора в год. Их направляли в Северо-Камчатскую и Центрально-Камчатскую экспедиции, а нефтеразведчикам их дать не удавалось. Наши настоятельные просьбы выделить больше не удовлетворялись. Это тоже можно понять: на министерство выделялось лишь триста тракторов и бульдозеров, из них двести семьдесят шли прямым назначением в Тюмень, тридцать штук оставалось всей остальной российской геологии, включавшей тридцать два управления. То же было и с вездеходами ГАЗ-47, ГТТ и автомашинами типа «Урал-375».

Работы на Сергеевском месторождении из-за недостаточного транспортного обеспечения шли с перебоями. Такое положение лихорадило коллективы партии, экспедиции и управления. С 1 января 1975 г. Мингео РСФСР издало приказ о создании Северо-Камчатской геологоразведочной экспедиции (СКГРЭ) с базированием на Сергеевском месторождении. Был официально учреждён посёлок Северо-Камчатск, у нас он именовался Ухват. Начальником экспедиции назначили Юрия Николаевича Ельникова, главным инженером — Арчила Григорьевича Малтцова. Оба проработали около двух лет, то есть весь период существования СКГРЭ.

К 1978 г. завершилась предварительная разведка Сергеевского месторождения, были утверждены запасы золота. К этому времени Олюторская экспедиция получила предварительные запасы

Аметистового золоторудного месторождения. Они оказались вдвое больше, чем на Сергеевском. В 1977 г. Северо-Камчатская и Олюторская экспедиции объединились в одну Северо-Камчатскую с базированием в Корфе. Начальник Олюторской экспедиции Усольцев был освобождён по его просьбе от должности, взамен назначен Юрий Павлович Рожков, главным геологом — Леонид Леонидович Ляшенко. Главным инженером пригласили Петра Михайловича Тян. Все они и возглавили общую экспедицию. Вскоре она вошла в ряд стабильно работающих нашего управления.

Своим чередом шли работы на Агинском золоторудном месторождении. Здесь надо заметить, что без помощи областных организаций, обкома партии, областного Совета народных депутатов и его облисполкома, районных советских и партийных структур мы не смогли бы решить до конца многие свои задачи. Особо хочу отметить большую заботу о нас первого секретаря Мильковского райкома партии Р. А. Сафроновой. Большую помощь оказывал нам первый секретарь обкома партии Д. И. Качин. Добрые слова хочу сказать о других областных руководителях — П. П. Зиновьеве, М. Ф. Ушакове, В. А. Бирюкове. Это люди большого чувства долга, дела. Они всегда внимательно относились к тем вопросам, которые мы ставили, и по мере своих возможностей решали их или помогали решать.

В заключение хочу сказать, что трудно, а то и невозможно на огромной территории России найти область, похожую на Камчатскую, имеющую такую большую гамму полезных ископаемых, да ещё сосредоточенных на небольших площадях. Уникален край и по своим природным и климатическим особенностям. В будущем, несомненно, здесь выявятся более крупные месторождения нефти и газа — на суше и шельфе. Сейчас делать это сложно, государство пока отстранилось от этого или не имеет возможности. Но лучшие времена для геологии Камчатки наступят.

Всего вам доброго, земляки-камчатцы, удачи, здоровья и успехов!

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! Десятым выпуском «Вопросов...» мы завершаем это ставшее для нас значимым издание. Оно появилось в 2005 г. как ответ на просьбы многих из вас, познакомившихся с предыдущим ежегодником с похожим названием — «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки». Нам было предложено расширить краеведческую тематику и уйти от «узковедомственной» — рыбацкой — направленности. Такая идея оказалась увлекательной, был подготовлен издательский макет первого выпуска новых «Вопросов...» Сразу же возникло естественное сомнение: а на какие средства их издавать? В его разрешении нам сильно помог почётный гражданин тогда ещё Камчатской области Владимир Афанасьевич Бирюков. С его «лёгкой руки» нашлись деньги также и на дополнительный тираж первого выпуска, и на второй, подготовленный в 2006 г. Эти два томика были «одеты» в «самопальную» тоненькую картонную обложку.

В 2007 г. началась работа над третьим выпуском, и снова перед нами со всей неотвратимостью «замаячил» денежный вопрос. Тут нам снова повезло. На первом камчатском книжном форуме, состоявшемся в 2008 г., «Вопросы...» под своё покровительство взял хорошо известный камчатцам человек, много сделавший для развития нашего местного книгоиздания, — Станислав Петрович Кожан, президент холдинговой компании «Новая книга». Благодаря его трудам были переизданы и первые два выпуска. Чуть позже к нему присоединилось Министерство культуры Камчатского края. С 2008 г. «Вопросы...» приобрели ныне привычный вид: они «оделись» в твёрдый переплёт свекольного цвета, характерный облик которому придала редактор издательства холдинга «Новая книга» Ольга Ивановна Набутовская. Теперь головная боль о том, где же взять очередные суммы на издание, ушла в прошлое, зато появилась возможность сосредоточиться на собственно организационной и творческой работе. Что из этого вышло, судить вам.

Когда мы начинали «Вопросы...», то надеялись осуществить несколько задумок. Первая — открыть для широкой публики малодоступные, а порой и неизвестные первоисточники, вышедшие в XIX и начале XX в., имеющиеся на полуострове в ограниченном числе экземпляров или в копиях, а то и отсутствующие вообще. Так появилась рубрика «Камчатская историческая библиотека». Она открывается словами: «Для человека, начинающего интереснейший путь знакомства с историей Камчатки, главными

веками на нём являются фундаментальные книги, принадлежащие перу С. П. Крашенинникова, К. Дитмара, Н. В. Слюнина, М. А. Сергеева и других авторов. В их ряду заметное место занимает работа А. С. Сгибнева “Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг.”, впервые напечатанная в 1869 г...”

Три облика первого выпуска «Вопросов истории Камчатки» (2005 и 2008 гг.)

Вторые (2006 и 2008 гг.) и третьи (2007 г.) «Вопросы...»

При воспроизведении таких изданий мы стремились сохранить их исконный стиль, пытаясь тем самым донести до наших современников красоту настоящего русского языка, ещё не искажённого канцелярщиной и поздними иноземными заимствованиями, для чего следовали правилам тогдашнего написания,

но для удобства чтения и понимания использовали сегодняшнюю пунктуацию.

Вторая задумка сводилась к тому, чтобы предоставить возможность ныне здравствующим авторам публиковать пространные материалы, не заботясь об обычных журнальных ограничениях. Главное требование к ним — написанное должно быть интересным и новым. Поэтому рубрику «Восполняя белые пятна» обычно составляют три-пять статей, а объём отдельных из них превышает сто восемьдесят страниц. Получается, что они нередко представляют собой, по сути, целую книгу.

Множество интересных сведений о Северо-Востоке России содержится в документах, хранящихся в архивных и музейных собраниях. Некогда они печатались в опять же давно ставшими редкостью старых книжках и сборниках. «Вторую жизнь» им, по нашей третьей задумке, должна была дать рубрика «Автопортрет времени». В этих источниках имеются оценки положения нашего края, остающиеся справедливыми и сейчас, вроде такой: «Камчатка, бесспорно, богата, но богатства её глубоко зарыты в землю, и нужно теперь же, не жалея средств, вызвать эти богатства к жизни, широко поддерживая нужды и интересы населения. Нужно, чтобы к голосу администрации, идущему с мест, строго прислушивались и без этого голоса не предпринимали решений, губящих огромную, богатую область». Надеемся, что учёт суждений, некогда выношенных нашими предшественниками, поможет уберечь наших же современников от необдуманных и вредоносных действий.

В четвёртом выпуске впервые появилась рубрика «От первого лица». В ней слово предоставлено необычным, интересным, мудрым людям, которым есть что поведать окружающим о жизни былой и теперешней, о её смысле и истинных ценностях.

За годы существования сборника участие в нём приняли два десятка современных авторов. В их числе известные и уважаемые на полуострове историки и краеведы — Ирина Васильевна Витер, Александр Петрович Пирагис, недавно ушедший от нас Валерий Николаевич Аров, Валерий Егорович Быкасов, Сергей Иванович Вахрин, Александр Александрович Смышляев. Ни один из выпусков не остался без активной поддержки историка и писателя, в прошлом директора Центра документации новейшей истории Камчатской области Валентина Петровича Пустовита. Отличные и содержательные материалы подготовили более молодые исследователи — Виктор Иванович Борисов, Наталья Александровна Татаренкова, Андрей Владимирович Гоков,

Александр Фёдорович Пасечник, Дмитрий Анатольевич Коростелёв, Анастасия Сергеевна Сесицкая, Анна Валерьевна Ляшук, Татьяна Анатольевна Князькина, Елена Викторовна Глинчикова. Участвовал в общей работе и известный сибирский учёный, доктор исторических наук Андрей Сергеевич Зуев.

Спасибо всем им за поддержку словом и делом.

Теперь немного чисел. За те десять с небольшим лет, что мы были вместе с вами, книжные полки любителей камчатской истории пополнила увесистая стопка ежегодников. Их общий объём составляет 5 808 страниц текста, всего опубликовано 96 разнообразных материалов, в их числе научные монографии, путевые дневники, публицистические работы, архивные документы, воспоминания, авторские статьи и даже одно художественное произведение. История без «картинок», на наш взгляд, воспринимается скучновато. Поэтому её основные, опорные мгновения отражают 216 страниц фотографических вставок, причём большая часть использованных изображений из архивных и музейных хранилищ опубликована впервые.

В заключение хочется сказать, что перед началом нашей работы в качестве руководства к действию были приняты слова отставного флотского офицера А. С. Сгибнева: «Мы не делаем никаких выводов и заключений из приведённых нами фактов, потому что задача наша заключалась только в подготовке материалов для будущего историка»...

СОДЕРЖАНИЕ ЕЖЕГОДНИКА «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КАМЧАТКИ» за 2005—2016 гг.

Камчатская историческая библиотека

Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. (вып. 1—2).

Пурин А. А. Из прошлого и настоящего Камчатки (вып. 1).

Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества (вып. 2)

Ивашинецв Н. А. Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 гг. (вып. 3).

Сгибнев А. С. Ведомость судам Сибирской флотилии с 1714 по 1853 год (вып. 3).

Войт В. К. Камчатка и ея обитатели (вып. 4).

Петропавловский бой (вып. 4).

Сильницкий А. П. Архивные материалы к истории событий на Дальнем Востоке России с 1847 по 1855 год, извлечённые из дел Владивостокского портового архива (вып. 4).

Завойко Ю. Г. Воспоминания о Камчатке и Амуре (1854—1855) (вып. 4).
Фесун Н. А. Из записок офицера, служившего на фрегате «Аврора» (вып. 4).

Сильницкий А. П. Краткий очерк современного состояния Петропавловской округи (Камчатки) (вып. 5).

Сильницкий А. П. Поездка в Камчатку и на реку Анадырь (вып. 5).

Сильницкий А. П. Поездка в северные округи Приморской области (вып. 5).

Сильницкий А. П. Четырнадцать месяцев службы на Камчатке (вып. 5).

Маргаритов В. П. Камчатка и ея обитатели (вып. 6).

Горовский Б. Забвтыя русские земли (вып. 6).

Латернер М. С. Гидрографическая экспедиция на «Шилке» (вып. 7).

Стейнегер Л. Под парусом вокруг острова Беринга (вып. 7).

Дыбовский Б. Командорские острова (вып. 7).

Кеннан Дж. Кочевая жизнь в Сибири (вып. 8).

Беретти Н. Н. На Крайнем Северо-Востоке (вып. 8).

Лессепсово путешествие по Камчатке... С биографической статьёй Г. Б. Намжиловой «Счастливая звезда Жана-Бартедеми де Лессепса» (вып. 9).

Шерстенников Д. Памятники и надписи как достопримечательности города Петропавловска-на-Камчатке (вып. 9).

Калашников И. Т. Камчадалка. Роман (вып. 10).

Пурип А. А. В дни революции в Охотско-Камчатском крае и Чукотско-Анадырском крае. 1917—1918 гг. (вып. 10).

Пурип А. А. О землетрясениях на Камчатке и их регистрация (вып. 10).

Воспопняя белые пятна

Пустовит В. П. Противостояние. Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае (вып. 1 и 5).

Сесицкая А. С. Деятельность камчатского общества «Просвещение» (вып. 1).

Гаврилов С. В. Первые морские и рыбохозяйственные учебные заведения на Дальнем Востоке России и Камчатке (вып. 1).

Аров В. Н. Камчатка и исследование русскими Южных Курильских островов в XVIII в. (вып. 1).

Князькина Т. А. Медицинские кадры Камчатки в первой половине XX в. (вып. 1).

Борисов В. И. Из истории населённых пунктов долины реки Камчатки (вып. 2).

Пустовит В. П. Гласные: не белые, не красные. Петропавловская городская Дума — первый опыт местного самоуправления на Камчатке (вып. 2).

Гаврилов С. В. Предприятия Камчатки в годы Великой Отечественной и советско-японской войн (вып. 2).

Аров В. Н. «Камчатские» японцы (вып. 2).

Зув А. С. Камчатский бунт 1731 г.: из истории русско-ителъменских отношений (вып. 3).

- Быкасов В. Е.* Тропой Атласова (вып. 3).
- Быкасов В. Е.* Поездки С. П. Крашенинникова по Камчатке (вып. 3).
- Гаврилов С. В.* Морской транспортный флот Акционерного Камчатского общества в годы Великой Отечественной и советско-японской войн. 1941—1945 (вып. 3).
- Пустовит В. П.* Антисоветский переворот 1918 г. в Петропавловске (вып. 3).
- Пустовит В. П.* Думское дело (вып. 3).
- Аров В. Н.* Административно-территориальное управление Камчатским краем (1697—1917 гг.) (вып. 3).
- Глинчикова Е. В.* Православие и советское государство на Камчатке в 1920-х — начале 1930-х гг. (вып. 4).
- Сесицкая А. С.* Краткий очерк истории развития камчатской печати в первой половине XX века (вып. 4).
- Борисов В. И.* Из истории населённых пунктов полуострова Камчатка (вып. 4).
- Коростелёв Д. А.* Из истории государственного финансового контроля на Камчатке в XVIII — начале XX вв. (вып. 4).
- Гаврилов С. В.* Организационные структуры морского торгового флота Камчатского бассейна в 1920-х — 1960-х гг. (вып. 4).
- Быкасов В. Е.* Поход Родиона Преснецова (вып. 5).
- Гаврилов С. В.* Три послевоенных года Камчатрыбфлота (вып. 5).
- Пустовит В. П.* Вечная мерзлота любви (вып. 6).
- Пустовит В. П.* Красные партизаны: кто есть кто (вып. 6).
- Смышляев А. А.* Начало камчатской авиации (вып. 6).
- Пасечник А. Ф.* Административная деятельность камчатской милиции во второй половине 1920-х гг. (вып. 6).
- Пасечник А. Ф.* Профессиональное обучение и материальное обеспечение личного состава камчатской милиции в 1920-х гг. (вып. 6).
- Витер И. В.* Петропавловская гавань — Петропавловский порт — Петропавловск-на-Камчатке — Петропавловск-Камчатский (вып. 6).
- Гаврилов С. В.* Петропавловск. Год 1928-й (вып. 6).
- Татаренкова Н. А.* Топонимы Командорских островов (вып. 7).
- Гоков А. В.* Страна беспредельной скорби (Камчатка на рубеже веков) (вып. 7).
- Пасечник А. Ф.* Деятельность органов власти Камчатской губернии (округа) по борьбе с преступностью во второй половине 1920-х гг. (вып. 7).
- Гаврилов С. В.* Петропавловск. Год 1929-й (вып. 7).
- Пустовит В. П.* Камчатские персоналии (1917—1991). Общественно-политический справочник (вып. 7—10).
- Ляшук А. В.* Семья Перфильевых на Камчатке (вып. 8).
- Гаврилов С. В.* Петропавловск. Год 1931-й (вып. 8).
- Намжилова Г. Б.* «Знание французского лишь добавило гармонии моему “книжному миру”». Подборка статей с введением А. В. Ляшук (вып. 9).
- Вахрин С. И.* Как Елагины и Овцыны свой город защищали (вып. 9).
- Гаврилов С. В.* Петропавловск. Год 1932-й (вып. 9).

Пасечник А. Ф. Организация и деятельность народной охраны на Камчатке в период с января 1920 по октябрь 1921 г. (вып. 10).

Гаврилов С. В. Петропавловск. Год 1933-й (вып. 10).

Автопортрет времени

Иванов П. П. «Лишь действительно практическая работа даст возможность... двинуть этот богатейший край по пути действительно революционного строительства» (вып. 1).

Бирич Х. П. Доклад о занятии Охотско-Камчатского края (вып. 2).

Савченко-Славский М. И. Краткий доклад о положении на Камчатке (вып. 2).

Орлов М. Ф. На Камчатке в 1921 и 1922 годах (вып. 2).

Последний Андреевский флаг (вып. 2).

Празднования в Петропавловске (вып. 3).

Симонова М. Н. Петропавловск в 1880-х годах (вып. 3).

Сильницкий А. П. Из Владивостока в Петропавловск. Впечатления Камчатки (вып. 3).

Латернер М. С. Гидрографическая экспедиция 1906—1908 гг. на «Шилке» (вып. 3).

Судебные учреждения Камчатки (вып. 3).

Радиотелеграф, телеграф и телефон (вып. 3).

Первая пожарная организация на Камчатке (вып. 3).

Транспорт и авиасвязь в Камчатской области (вып. 3).

Родионов К. Д. Александра Владиславовна Родионова-Славина (вып. 6).

Краткое описание о Камчатке, učinённое... капитаном Тимофеем Шмалёвым (вып. 9).

Обзор Камчатской области за 1912 г. (вып. 9).

Всеподданнейший отчёт губернатора Камчатской области за 1912 и 1913 гг. (вып. 9).

Краткий обзор жизни в Камчатской области в 1919 г. (вып. 9).

Записка о полуострове Камчатке... подполковника П. Н. Козика (вып. 10).

Записка о Камчатке... П. Г. Сулковского (вып. 10).

Первый Камчатский областной съезд 20 июля — 9 августа 1917 г. Протоколы (вып. 10).

От первого лица

Пустовит В. П. Опасное увлечение (вып. 4).

Пирагис А. П. Я жил на «Сухарном» (вып. 5).

Быкасов В. Е. Время, события, люди (вып. 6).

Брагин В. В. Боль души — потерянная родина (вып. 7).

Курохтина Н. И. Наша старая библиотека (вып. 8).

Макаров В. И. Путь к морю (вып. 10).

Ремизов Р. А. Камчатская геология в 1969—1983 гг. Вступительная статья А. А. Смышляева (вып. 10).

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ГОРСОВЕТ
РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, КАЗАЧЬИХ И
— КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ —
4-го созыва.

Билет № 14

Пред'явитель сего, тов *Туредий*
Митам Олашидзе
является членом пленума
кандидатом президентом

Петропавловского Городского Совета
Рабочих, Крестьянских, Казачьих и
Красноармейских Депутатов
4-го созыва
избранным по *3* избир району.

Пред. Горсовета *В. Косов*

СЕКРЕТАРЬ *Гаврилов*
8. апрель 1934 г.

ВЫ Д Е Р Ж К И
ИЗ ПОСТАНОВЛЕН. О ГОРОДСКИХ СОВЕТАХ
(утвержд. ВЦИК 20/1—33 г.)

Глава V.

Секции Городских Советов.

29. Секции городских советов являются основными массовыми органами советов, вовлекающими широкие массы трудящихся в управление государством путем участия в практической работе городского совета.

31. Члены и кандидаты в члены городского совета входят в ту или иную секцию по своему выбору, но обязательно должны работать в одной из секций.

Глава VI

Депутатские группы.

36. Депутатские группы являются ячейками городского совета на предприятиях, через которые городской совет организует рабочих на борьбу

Билет члена Петропавловского горсовета образца 1933 г.
(из фондов КЖОМ)

Механические мастерские АКО на Озерновской косе
(из фондов ГАКК)

Собрание в цехе мехмастерских АКО. В центре — директор Судзиловский
(из фондов ГАКК)

Первое здание Камчатского областного рабочего театра, 1933 г.
(из фондов КЖОМ)

Зрительный зал Камчатского областного рабочего театра
(из фондов КЖОМ)

Артисты КОРТ готовятся к спектаклю в летнем лагере Осоавиахима
(из фондов ККОМ)

Актриса В. Г. Баровикова

Актёр В. Г. Зеленин

Расширенное заседание областного комитета МОПР, 15 декабря 1933 г.
(из фондов ККОМ)

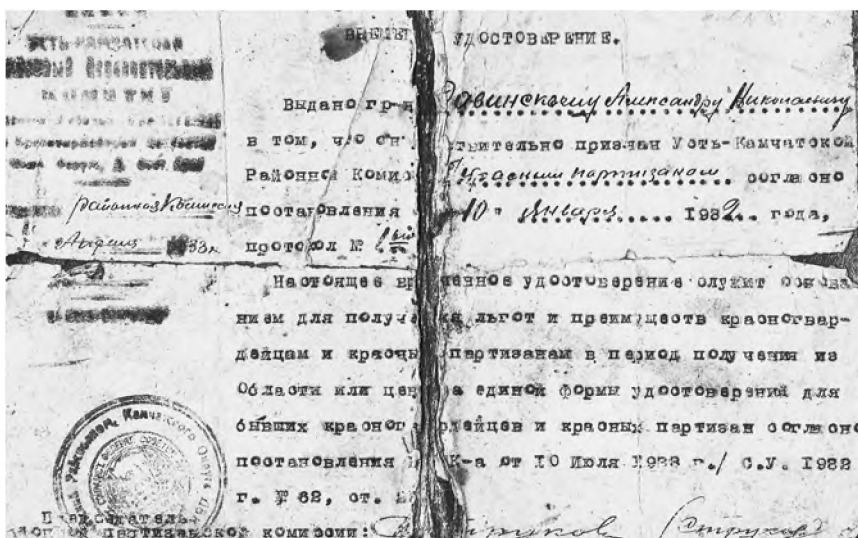
Участники первой Камчатской областной партконференции.
Петропавловск, 25 декабря 1933 г. (из фондов ККОМ)

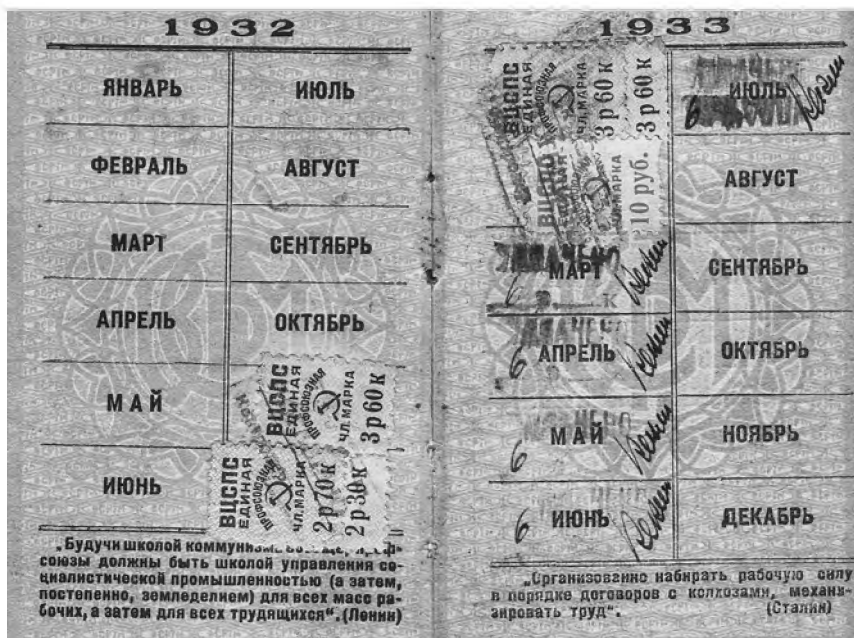
АКОград и Озерновская коса, 1933 г. Фото Г. П. Сычёва
(из фондов ККОМ)

Центр города в снежных заносах (из фондов ККОМ)

Временное удостоверение бывшего красного партизана, выданное А. Н. Савинскому (из фондов ККОМ)

Билет члена профсоюза с отметками об уплате взносов за 1932 и 1933 г. (из фондов ККОМ)

Петропавловский порт АКО в 1933—1934 гг.
(из фондов ККОМ)

Удостоверение бывшего красного партизана, выданное А. Н. Савинскому в 1933 г. (из фондов ККОМ)

Книжка ударника М. Д. Передрий (из фондов ККОМ)

Монеты СССР выпуска 1933 г. (из фондов ККОМ)

Р. А. Ремизов. Камчатская геология в 1969—1983 гг. (см. с. 659—690)

Агинское золоторудное месторождение (из фондов ККОМ)

Г. П. Декин и В. А. Сидоров. Мутновка, 1983 г. (из фондов ККОМ)

Нефтепоисковые работы в Ичинском прогибе
(из фондов ККОМ)

Ичинский участок, 1975 г. Справа — начальник отряда Э. С. Волков
(из фондов ККОМ)

Геологи В. В. Ардашев, Ю. И. Харченко, С. Е. Апрельков
(из фондов ККОМ)

Министр геологии СССР А. В. Сидоренко. Малки, 5 августа 1968 г.
(из фондов ККОМ)

Министр геологии СССР Л. И. Ровнин вручает переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР первому секретарю Камчатского обкома КПСС Д. И. Качину за успехи области, март 1976 г.
(из фондов ККОМ)

Памятный знак, вручавшийся вместе со знаменем (из фондов ККОМ)

Р. А. Ремизов

**В. М. Никольский, фото 1954 г.
(из фондов ККОМ)**

М. М. Задорнов

**Бурение взрывных скважин,
1969 г. (из фондов ККОМ)**

Малетойваямское месторождение серы, 1969 г. На заднем плане —
база разведпартии

Малетойваямское месторождение серы, 15 октября 1969 г.
Слева направо: М. Н. Каншин, Р. А. Ремизов, В. М. Никольский,
И. С. Бредихин, Ю. П. Рожков

Сергеевское месторождение, 9 октября 1973 г. Возле землянки старшего геолога Ш. Ш. Гимадеева. Слева направо: Ю. И. Харченко, И. А. Усольцев, Р. А. Ремизов

Сергеевское месторождение, 11 июля 1973 г. Потерпевший крушение вертолёт Ми-4. Справа — Ф. М. Морозов